

Ф. В.

1. Конегия с гадюшником П. Дриговева
2. Борона в навильная первая с, или
или суро-срафа, срафа-сурса
3. Токонная корь, или сурожа в изер-
даповчаня пережито.
4. Красноареткий Куреня А. Келла
5. Макародъ в оперномъ медфит или
сраказы сурожаго. А. Н. Стуревъ.

14850

МОЙ ЧЕЛНОКЪ.

(*Пьеса Беранже.*)

По свѣтлой, по широкой
 Скользя равнинѣ волнъ,
 Дыханью бурь и рока,
 Покоренъ ты, мой челнокъ.
 Зашевелить-ли снова
 Нашъ парусъ вѣтеръ — въ путь!
 Ладья моя готова,
 (Зефиръ спутникъ вѣрный будь)
 Ладья моя готова —
 Плыви куда-нибудь!

Со мною муза прѣsenzъ,
 Плывемъ мы да поемъ,
 И пусть челнокъ нашъ тѣsenzъ,
 Намъ весело вдвоемъ:
 Гдѣ берегъ — тамъ мы снова
 Споемъ — и прямо въ путь.
 Ладья опять готова,
 (Зефиръ спутникъ вѣрный будь)

Ладя моя готова,
Плыви куда-нибудь!

Когда передъ громами,
Во прахъ и въ пыли,
Склоняются главами
Всѣ сильные земли....
На берегу я снова
Успѣю отдохнуть,
И вновь ладья готова,
(Зефиръ спутникъ вѣрный будь)
Ладья моя готова,
Плыви куда-нибудь!

Когда любимый Фебомъ
Созрѣетъ виноградъ
Поль снимъ южнымъ небомъ,
Въ отраду Божьихъ чадъ —
На берегу я снова .
Напьюсь — да смѣло въ путь,
Ладья моя готова,
(Зефиръ спутникъ вѣрный будь)
Ладья моя готова,
Плыви куда-нибудь!

Вотъ берега иные....
Они меня зовутъ,
И тамъ полунагія
Киприду дѣвы чтутъ....
И къ ихъ ланцтамъ снова
На мигъ я радъ прильнуть,
Потомъ ладья готова,
(Зефиръ спутникъ вѣрный будь)
Потомъ ладья готова,
Плыви куда-нибудь!

Утесъ — гдѣ лѣсъ лавровый,
Ты будь отъ насъ далекъ;
Пригналъ насъ вѣтеръ новый,
Въ смиренный уголокъ.
Тамъ встрѣтить дружба снова....

Пора мнѣ отдохнуть.
Пускай ладья готова,
(Зефиръ до берега спутникъ будь)
Пускай ладья готова,
Но намъ не плыть ужъ въ путь!

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

=

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

РУССКАЯ ДРАМА и РУССКАЯ СЦЕНА.

ЗНАЧЕНІЕ СТРАСТЕЙ ВООБЩЕ, и ЛЮБОВЬ, КАКЪ ОДИНЪ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ЭЛЕМЕНТОВЪ.

Прежде, чѣмъ мы коснемся частныхъ чертъ нашего быта, тѣхъ рѣзкихъ особенностей, которыя его отличаютъ, — прослѣдимъ общечеловѣческія страсти, которыя служили и будутъ служить для драматической канвы у насъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ.

То, что при настоящемъ состояніи общества называется страстію, въ чисто-логическомъ, въ идеальномъ опредѣленіи, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ *потребность*; — страсти или потребности личности суть побѣги растенія; — можно ихъ обрѣзывать, но нельзя уничтожить, ибо онѣ суть слѣдствіе силы, внутри насъ присущей, силы, которая рвется наружу; и стѣсненная, обрѣзанная въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, мучится, какъ въ гееннѣ, въ тѣсныхъ предѣлахъ груди. Сущность личности отъ вѣка обусловлена Творцемъ созданія, и несовершенства дѣйствительности — узлы мрака, въ которыхъ томится эта сущность.

До сихъ поръ, какъ извѣстно — всякое человѣческое общежи-

тіе есть разумное ограниченіе одного эгоизма недѣлимыхъ, situation précise, конечно, необходимое, и такое, которому всё и каждый должны подчиниться.

Другой вопросъ—довольно ли само человѣчество этимъ *земнымъ* своимъ существованіемъ, этимъ ограниченіемъ и урѣзываніемъ... Безсмертный, вѣчный духъ, живущій внутри насъ, протестируетъ вѣчно, какъ Промеѳей окованный.

Никогда въ такой горькой, безотрадной наготѣ не выказывался этотъ страшный протестъ, этотъ горькій ропотъ, какъ въ драмахъ древянаго міра. Я уже сказалъ, что страсти являются намъ бичами карающей судьбы, фуріями, исторгающимися изъ груди,—ибо само человѣчество представляется древнему міросозерцанію въ состояніи войны дикихъ звѣрей между собою. Кресть спасенія — кроткое начало страдающей любви, еще не одержало бѣшеныхъ стихій человѣческой души, и міръ безъ искупителя дѣйствительно топчется въ узахъ мрака. Все великое и прекрасное падало передъ *силою*, самая добродѣтель — *аceti*, *virtus*, не болѣе, какъ сила, — ропотъ благородной души осуждалась бессмысленнымъ хоромъ...

Иное совершенно — созерцаніе христіанскаго міра. Личности также падаютъ, но ихъ паденіемъ совершается побѣда оживляющаго ихъ начала. Дездемона гибнетъ — но ея гибель оправданіе любви. Максъ и Текла, эти свѣтлые лики, которымъ тѣсно въ предѣлахъ дольней жизни, отлетаютъ въ пныя, лучшія сферы. — Суровый и грустный образъ Валленштейна оправданъ и просвѣтленъ его послѣдними минутами. Ибо иначе и быть не можетъ, ибо послѣднее слово христіанскаго міросозерцанія есть *надежда* — потребности и страсти подъ крестомъ съ умиленіемъ обращаютъ взоръ на небо.

Наше столѣтіе, по преимуществу присвоившее себѣ названіе дѣльнаго и пракческаго, привыкло смѣяться надъ любовью; т. е. надъ тою формою любви, которая досталась ему въ наслѣдство отъ прошедшаго. И дѣйствительно, форма эта смѣшна, т. е. та форма, которая завѣщана слишкомъ недавнимъ прошедшимъ, прошедшимъ романтической реакціи, а не великимъ 18-мъ вѣкомъ, практическимъ и дѣльнымъ едва ли не болѣе нашего 19-го.

18-й вѣкъ, по видимому, довелъ любовь до крайней сантиментальности — никогда не было болѣе вздыхателей, какъ во времена энциклопедистовъ, никогда не мечтали болѣе объ идиллической жизни пастушковъ и пастушекъ. *Чувствительность* дошла даже до того, что поэтъ Русе, въ своей поэмѣ *Les mois*, посвятилъ цѣ-

ую пѣснь на пропаганду за овецъ и барановъ, такъ *нестраиваемо и жестоко*. (въ этомъ случаѣ нельзя сказать никакъ *безчеловѣчно*) приносимыхъ въ жертву ненасытному аппетиту чедовѣка.—Но кто глубже взглянетъ на эти до абсурда доведенныя требованія, тотъ увидитъ въ нихъ протестъ за цѣлое созданіе; кто прочтетъ знаменитые мемуары Казановы, тотъ убѣдится, что вздохи и игра въ любовь, доведенныя до утонченности великомъ вѣкомъ, были только благопристойною маскою самаго полного, самаго неподдѣльно-античнаго наслажденія; кто вспомнитъ разныя клубы мопсовъ, адамитовъ и т. д., тотъ пойметъ, что XVIII вѣкъ опередилъ даже требованія социалистовъ.

Тѣмъ не менѣе, реакція была вполнѣ необходима, какъ діета послѣ пресыщенія — и католическій романтизмъ былъ, такъ сказать, отрыжкой отъ веселаго пира.

Но именно онъ-то; этотъ идеальный романтизмъ, нелѣпостью своихъ требованій и оправдалъ естественныя понятія. Взглянуть съ здоровой точки зрѣнія на его претензіи отъ любви — такъ невольно помрешь со смѣху.

Разберемъ, на-примѣръ, содержаніе какой-нибудь изъ абсурднѣйшихъ романтическихъ драмъ. Герой ея — непременно душа сильная, могучая, глубокая, которая страдаетъ потому, что ищетъ избранной сердцемъ, и въ ожиданіи *оной* кутитъ въ полномъ смыслѣ этого слова, или производитъ, говоря технически, *разгулъ жизни*. Вотъ она явилась наконецъ, избранница сердца — *онъ и она*, оба начинаютъ горевать чепуху, уму непостижимую, о томъ, какъ они видали другъ-друга въ волшебныхъ снахъ и проч. Является обыкновенно злодѣй, съ ярлыкомъ на лбу, что онъ злодѣй, и — или похищаетъ (въ случаѣ, если авторъ хочетъ заключить счастливо), или, просто на просто, убиваетъ трагически избранницу сердца.... Герой реветъ, какъ разъяренный быкъ, проклинаетъ жизнь, судьбу и проч., но никогда не проклинаетъ собственной глупости, въ оправданіе пословицы *que chacun se plaint de sa memoire, mais personne de son esprit*, — собирается отравиться или заколоться, но утѣшается сновидѣніемъ, въ которомъ *избранная* сердца зоветъ его въ заоблачныя сферы, и въ слѣдствіе сего, опять начинаетъ кобениться.

Мы не изобрѣтаемъ а просто, снимаемъ остовъ съ романтическихъ драмъ.

Всего забавнѣе то, что романтики, насилуя здравый разумъ и до утонченности разврачая естественное чувство,

думали идти прямо въ слѣдъ Шекспиру, думали повять божественную поэму.

О Ромео и Юліи его.

Они забыли, что Ромео и Юлія—дѣти, что любовь ихъ свѣжа, какъ весенній вѣтерокъ, нова, какъ первая сладкая дрожь, пробѣгающая по существу мужчины и женщины, упоительна, какъ первый поцѣлуй дѣвочки, задыхающей отъ силы этаго поцѣлуя. Ромео влюбился было въ кокетку Розалинду, ибо всякій мальчикъ влюбится непременно сначала въ женщину, а не въ дѣвушку, — но вотъ ему явилась Юлія, не избранница сердца, а просто, 14-ти-лѣтняя, пламенная Итальянка, которой дѣвственная, неразвившаяся грудь уже сильно трепещетъ; — первое столкновение этихъ двухъ прекрасныхъ Божьихъ созданій опредѣлило ихъ судьбу; электрическая искра пробѣжала по нимъ обомъ. Въ полуденную, благоухающую лимонами ночь, подъ темно-синимъ небомъ, они проворковали другъ-другу свои признанія, свои жалобы... Еще болѣе—они узнали сладость первыхъ объятій, они привязались другъ къ другу, имъ тяжело разставаться... Но старый скептикъ и тутъ даже, въ этой вулканической страсти, неизмѣнилъ себя — насмѣшливый Меркуціо бросилъ уже тѣнь ироніи на эту любовь.

Но оставимъ романтиковъ съ ихъ смѣшными претензіями, — замѣтивши только, что романтики существуютъ только на двухъ почвахъ: на *нѣмецкой* (не на германской) и на *русской* (не на расейской); у Французовъ — нѣтъ настоящихъ романтиковъ.

Идеализмъ великаго Германца Шиллера вовсе и никогда не былъ такимъ абстрактнымъ, какимъ хотѣли бы видѣть его разные аскетическіе мыслители. Ненавидя французскій классицизмъ, онъ былъ однако дитя XVIII вѣка — склонный къ мистицизму, онъ видѣлъ въ немъ однако то, что должно въ немъ видѣть, т. е. абсолютно-синтетическое воззрѣніе, въ которомъ духъ и тѣло сливаются въ полное, гармоническое соединеніе, въ которомъ, какъ въ Божьемъ мірѣ, все *духовное изображается тѣлесно*, по словамъ одной старой книги.

И за то, посмотрите, какой огнедышащей силою вѣетъ отъ его любви:

Ewig starr an deinem Mund zu hangen,
Wer enthüllt mir dieses Gluthverlangen?

Wer die Wollust, deinen Hauch zu trinken,
In dein Wesen, wenn sich Blicke winken,
Sterbend zu versinken?

Это не вой о томъ, что *сердце любило*, — это полное чувство, юношеское, свѣжее, могучее: Любовь — повсюду у Шиллера и повсюду она есть именно то, что она есть — струя жизни, бѣгущая по мірозданію, цементъ, связующее начало, амброзія Олимпійцевъ, вкусная которой, человекъ самъ становится равнымъ съ богами. Часто какое-то вакхическое неистовство слышится въ этомъ идеализмѣ.

Seine Küsse — paradisisch Fühlen!
Wie zwei Flammen sich ergreifen, wie
Harfentöne in einander spielen
Zu der himmelvollen Harmonie —
Stürzten, flogen, schmolzen Geist und Geist zusammen,
Lippen, Wangen brannten, zitterten....

Что жъ это, какъ не полное одуховленіе тѣлеснаго?... Напоминъ, наконецъ, сцену Мортимера съ Марією, за которую романтики даже вооружались на Шиллера: такъ она показала имъ непристойною въ ея простотѣ и наготѣ.

Не говоримъ о Гёте, который, по своей жизненной натурѣ, былъ неспособенъ даже понять *романтическую* любовь; разъ только вооружился онъ на нее и на ея аскетическо-католическія требованія, въ своемъ дивномъ днѣрамбѣ: Die Braut von Corinth.

Перейдемъ прямо къ той эпохѣ, которая была протестомъ противъ романтической реакціи.

Первое мѣсто въ числѣ протестаторовъ естественно принадлежитъ Байрону, этому Эйфоріону, смѣлымъ полетомъ взлетѣвшему на высоты и падшему на поляхъ древней матери всего великаго и прекраснаго, божественной Эллады. Вся болѣзненность его поэзіи истекла изъ негодованія на эту жалкую реакцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно въѣлась въ эту могучую натуру ржавчина стараго, что протестъ остановился на скептическомъ сомнѣніи.... Лицъ, вызванныхъ имъ изъ тайныхъ безднъ души, Манфреда; Конрада, Лару, поэтъ даже не смѣетъ какъ будто оправдывать: посмотрите, съ какою нерѣшительностью стоятъ онъ у гробовъ Вольтера и Руссо, не зная, что произнести — благословеніе или проклятiе, и все отъ того, что слишкомъ тонкія и чувствительныя нити связываютъ его съ прошедшимъ. Потому и любовь у

Байрона всегда мрачна и безнадежна, потому что всегда незаконна: герои его бездомные скитальцы и отверженники общества, — героини слабыя существа, покорныя своимъ властелинамъ.

Переходъ отъ этихъ героевъ и этой любви къ поэзии Генриха Гейне съ одной стороны и къ Печорину нашего Лермонтова, естественно слишкомъ не труденъ, — но прежде, чѣмъ мы опредѣлимъ этотъ послѣдній въ наше время фазисъ любви — *любовь какъ борьба эгоизмовъ, любовь — вражда*, мы должны сказать нѣсколько словъ о любви у двухъ великихъ поэтовъ современной Франціи, у Ламартина и В. Гюго.

Мы видимъ въ настоящую эпоху, что идеализмъ благороднаго пѣвца Жослена не повелъ его въ безвоздушныя пространства — что онъ сталъ истиннымъ, жизненнымъ стремленіемъ, и съ этой точки зрѣнія, конечно, не станемъ упрекать его за воздушность его любви: въ этой любви — такъ много естественно-чистаго, она свѣтла, какъ дѣтскій сонъ, свѣжа какъ весеннее утро.

Et nous etions assis a l'heure du reveil,
Elle et moi, seule devant la mer et le soleil,
Et le jour se levait aussi dans notre coeur,
Long, serein, rayonnant, tout lumiere et chaleur.

Эта любовь — тихая, свѣтлая, пантеистическая.

У В. Гюго, напротивъ, она по самому характеру поэта отбѣняется грустнымъ колоритомъ, печатью сомнѣнія — это любовь челоуѣка, уставшаго отъ вѣчнаго, пожирающаго, неудовлетвореннаго сомнѣнія.

Je t'aime comme un enfant qu'on a dans ses vieux jours, говоритъ онъ — и не смѣря на болѣзненность этой любви, она имѣетъ оправданіе.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

АРТИСТКѢ.

Когда, какъ женщина тиха,
И величава, какъ царица,
Ты предстоишь рабамъ грѣха,
Искусства дѣвственнаго жрица.

Какъ изваянье холодна,
Какъ изваянье ты прекрасна,
Твое чело — спокойно — ясно;
Боговъ служению ты вѣрна.

Тогда тебѣ не пужны данн,
Впередъ заказанныхъ цвѣтовъ,
И выше ты рукоплесканій
Толпы упившихся рабовъ.

Когда жъ и ихъ восторгъ казенный
Расшевелить на грубый взрывъ,
Твой шепоть, страстью вдохновенный,
Твой лихорадочный порывъ.

Мнѣ тяжело, мнѣ слишкомъ гадко,
Что эта страсти простота,
Что эта сердца лихорадка
И псами храма понята.

1846 октябрь.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ЧЕРКЕШЕНКА.

ПРОЛОГЪ.

СМИРНСКІЙ ЗАЛИВЪ.

Это было въ одну прекрасную ночь, въ годъ отъ Р. X. 1710 й; луна серебрила своими кроткими лучами очаровательные берега Смирнскаго залива, въ водахъ котораго отражались, казалось, съ любовью всѣ смѣющіяся виллы, раскинутыя на берегахъ Іоніи. Не слышать было никакого шума, кромѣ шума волнъ, которыя медленно ударялись о берегъ, и по временамъ только раздавалась цѣсь селавья въ чащѣ вѣтвей лавроваго лѣса. Съ моря вѣяло благоуханіемъ цвѣтовъ Хиоса, Лемноса и Киоеры, этихъ поэтическихъ корзинъ Іонійскаго архипелага.

За милою отъ города Смирны, богатаго базара малой Азіи — въ первомъ часу по-полуночи, таинственно отворилось одно изъ восточныхъ оконъ, съ дубовыми рѣшетками, которыя служатъ защитою и отъ солнца, и отъ дерзкихъ покушеній любовниковъ. Человѣкъ довольно-высокаго роста, котораго плотное сложеніе не показывало молодости, хотя онъ былъ еще довольно гибокъ, быстро выскочилъ изъ окна съ помощію шолковаго снурка, и былъ очень почтительно принятъ внизу другимъ, ждавшимъ его человѣкомъ, закутаннымъ въ темнаго цвѣта плащъ. Оба тихо и въ молчаніи прошли садъ, и потомъ перескочивши ограду, очу-

тились на берегу моря, гдѣ между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Чортъ тебя возьми, Ларошъ — отрывать меня отъ самой пріятной бесѣды, когда ночь только что еще началась.

— Половина перваго монсенъёръ.

— Что жъ за дѣло?

— Еще четверть часа, и васъ могъ бы застать, пожалуй, мужъ.

— Мужъ?... что такое? Неужели бы это животное позволило себѣ....

— Оно позволило себѣ возвратиться монсенъёръ.

— Ты его видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Что у него за рожа?

— Да такъ-себѣ.... рожа мужа.

— Но именно?

Худой и длинный, съ очень густыми бровями, и съ усами, которыя торчатъ къверху.... носъ! о, что за носъ Монсенъёръ! я никогда не видалъ такого носа.

— Ты съ нимъ говорилъ?

— И не думалъ даже.

— Трусъ!

— Не лучше ли было бѣжать сюда и предупредить васъ?

— Правда; но какъ ты успѣлъ его обогнать?

— Очень просто: снѣгоръ Марини только что за два часа прѣхалъ въ Смирну и объявилъ намѣреніе тотчасъ же отправиться на свою дачу, такъ, что черезъ десять минутъ онъ будетъ здѣсь. Но я думаю, монсенъёръ, что черезъ нѣсколько минутъ мы уже будемъ внѣ преслѣдованія.

— Какъ же это?

— За полмили отсюда васъ ждетъ фелукъ которому стоить только распустить паруса. Онъ, вѣрно, пошлетъ вслѣдъ за нами барку, да намъ то что за дѣло?

— Ни, ни, ни, Ларошъ! — если есть опасность для нее такъ я остаюсь; при томъ же мнѣ хочется взглянуть на фигуру мужа, — она меня позабавитъ.

— Вы все такіе же, монсенъёръ. Но Боже мой! неужели вы думаете, что еслибъ дѣло шло только о возвращеніи этого мужа, то я сдѣлалъ бы то, что сдѣлалъ сего дня вечеромъ?

— Да что же такое еще, Ларошъ?

— Изъ Константинополя есть новости.

— Ну, что же? султанъ въ добромъ ли здоровьѣ.... сераль все также-ли, какъ и всегда?

— Нужны вамъ очень султанъ и его сераль! Пока вы занимаетесь любовью въ Смирнѣ, ваши кредиторы бьютъ стекла вашего дворца въ Константинополь.

— Что ты говоришь, Ларошъ? Неужели бездѣльники осмѣлились?...

— Они осмѣлились пожаловаться на васъ великому визирю, они сказали, что когда являются во дворецъ посольства, то получаютъ всегда очень много палокъ, но ни копейки денегъ.

— Хотѣлось-бы мнѣ знать, что имъ отвѣчалъ великій визирь?

— Визирь отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать съ вами, съ посланникомъ могущественнѣйшаго государя въ Европѣ; въ-слѣдствіе чего, ваши кредиторы рѣшились сами собою искать правосудія. — Къ нимъ присоединилось нѣсколько Турокъ, у которыхъ вы сманили женъ. Дѣло въ томъ только, что они чуть не сожгли дворца.

— О! они мнѣ за это заплатятъ, бездѣльники. Но какъ же не защитили меня мои товарищи, посланники другихъ державъ?

— Они сказали, что вы сами виноваты, что вы ужъ слишкомъ любите игру, женщинъ, хорошій столъ — что вы ихъ совсѣмъ уничтожили своей роскошью.

— Проклятые! какъ будто они не первые сами пользовались всѣмъ тѣмъ, въ чемъ меня упрекаютъ, — они у меня ужинаютъ, выигрываютъ у меня деньги, покупаютъ за ничто моихъ рабовъ.... О Ларошъ, Ларошъ! ты вполне правъ, отправимся скорѣе. — я пойду рѣзаться съ моими товарищами и колотить собственноручно палкою моихъ кредиторовъ.

— Вамъ будетъ много работы, монсенъеръ.

— Бдемъ, бдемъ.... у меня уже чешутся руки.

— Ну, монсенъеръ, вамъ ждать недолго — вотъ, если я не ошибаюсь и лодка, которая должна довести насъ до фелука.

— Точно, мнѣ слышится тоже шумъ веселья. Что за ночь Ларошъ и что за сторона? Посмотри, какъ мѣсяцъ сладострастно купается въ волнахъ залива? — Слышишь ли ты трель соловья? чувствуешь ли запахъ розъ? Право, здѣсь нельзя заниматься ничѣмъ, кромѣ любви.

— Тотъ, кто говорилъ это, былъ никто иной, какъ графъ де-Ферриоль, посланникъ къ Высокой Портѣ короля французскаго Людовика XIV, потому что пора уже сказать читателю имя и званіе этого человѣка, который такъ ловко прыгалъ изъ окна, не смотря

на то, что былъ уже не въ первой молодости; графу было уже около 50 лѣтъ, но онъ былъ еще половъ силы, огня и жизни, и напоминалъ одного изъ своихъ предшественниковъ, знаменитаго графа Бонневала, извѣстнаго своего романическою жизнью.

Г. де-Ферриоль чрезвычайно любилъ женщинъ, и не смотря на зрѣлый возрастъ, имѣлъ въ отношеніи къ нимъ успѣхъ, который легко можетъ быть объясненъ двумя причинами — силою воли и расточительностью, напоминавшею мнѣ юпитерова золотого дождя. Прибавьте къ этому искусство камердинера, посѣдѣвшаго тоже въ подобныхъ интригахъ, хитраго, какъ лисица, и какъ лисица-же, вовсе лишеннаго нравственнаго чувства.

Однажды въ Константинополь, въ присутствіи графа де-Ферриоля, рассказывали, что одинъ молодой итальянскій дворянинъ, по имени Марини, пріѣхалъ въ Смирну довольно таинственнымъ образомъ, съ молодой женщиной восхитительной красоты, и помѣстивши ее на одной изъ виллъ Смирнскаго залива, тотчасъ-же уѣхалъ въ путешествіе. Этого было довольно, чтобы возбудить любопытство въ г. де-Ферриоль, который, оставивъ тотчасъ-же дѣла посольства на рукахъ своего секретаря, отправился въ Смирну, съ своимъ камердинеромъ, чтобы тотчасъ-же смѣлымъ приступомъ взять крѣпость. Кажется, мы можемъ избавить читателей отъ описанія различныхъ случаевъ осады, вообще весьма похожей на осады такого-же рода. Разумѣется, и конецъ былъ тоже *извѣстный*; крѣпость, какъ мы видѣли, сдавалась уже на капитуляцію, когда вдругъ несчастная судьба ускорила возвращеніе синьора Марини въ двери, и бѣгство графа въ окно.

Цѣлую четверть часа несчастный любовникъ былъ принужденъ восторгаться красотою роскошной ночи той страны, которая потомъ вдохновила великому поэту Байрону его великолѣпныя и вмѣстѣ глубоко-грустныя строфы — какъ вдругъ недалеко послышался шумъ шаговъ и въ слѣдъ за нимъ раздался пронзительный, отчаянный крикъ. Графъ де-Ферриоль и его камердинеръ вздрогнули и по какому то инстинкту пошпи туда, откуда поразилъ ихъ слухъ этотъ крикъ. Вдругъ ребенокъ, маленькая дѣвочка лѣтъ десяти, бросилась изъ-за куста шиповника и унала къ ногамъ графа, схвативши ручонками его руку; потомъ, волосомъ, прерываемымъ рыданіями, она вскричала погречески:

— Господинъ, господинъ — спасите мою мать! господинъ, спасите меня.

Едва прошло нѣсколько секундъ, какъ изъ-за того-же самаго куста шиповника показалось множество вооруженныхъ солдатъ,

подъ предводительствомъ челоуѣка, въ которомъ и по одеждѣ и даже по чертамъ лица, нельзя было не узнать одного изъ этихъ несчастныхъ, постоянно всегда и вездѣ обязанныхъ заботиться о сохраненіи чести своего господина. При видѣ этого челоуѣка, дитя испустило снова раздрающій крикъ — и съ ужасомъ прижалось къ своему защитнику. Но евнухъ приближался блѣдный и съ угрозой на устахъ, онъ уже готовъ былъ схватить жилистыми руками свою жертву.

Рѣшившись ли принять на себя роль, данную Провидѣніемъ, или случаемъ, повинувшись ли просто въ этомъ случаѣ инстинкту любопытства, г. де-Ферриоль повелительнымъ жестомъ отклонилъ руку евнуха — и обратился къ нему въ свою очередь на франкскомъ языкѣ, тогда, какъ и теперь, общезвѣстнымъ на Востокѣ,
— Какъ смѣешь ты, вскричалъ онъ — трогать ту, которая прибѣгла къ моей защитѣ?

— Я васъ не знаю, отвѣчалъ евнухъ: отдайте мнѣ эту дѣвочку; она — раба моего господина, великаго и славнаго Солимана-Паши, повелителя этой страны.

— Когда бы твой повелитель былъ самъ султанъ, узнай, бездѣльникъ, что и тогда-бы я не отдалъ этой дѣвочки — и постарайся не забывать, что ты говоришь съ графомъ де-Ферриоль, посланникомъ короля французскаго Людовика XIV.

При этомъ великомъ имени, которое проникло даже въ гаремы Мажой Азии, евнухъ склонилъ голову и по инстинкту отступилъ на нѣсколько шаговъ. Въ эту минуту дѣвочка обратила на своего защитника большіе черные глаза, увлажненные слезами, въ которыхъ стала появляться искра надежды. Но, послѣ минуты молчанія, евнухъ началъ снова, тономъ рабской покорности.

— Господинъ, въ особѣ твоей я чту представителя великаго монарха — но правосудіе моего властелина должно быть удовлетворено; и ты не захочешь, чтобы я и всѣ меня окружающіе, подверглись его страшному гнѣву, за неповиновеніе его волѣ.

— Но въ чемъ состоитъ эта воля?

— Господинъ, эта дѣвочка, которая умоляла тебя о помощи, осуждена умереть вмѣстѣ съ своей матерью; приговоръ долженъ быть непремѣнно исполненъ.

— Осуждена умереть! она — ребенокъ! это невозможно! Что же она сдѣлала?

— Господинъ, она была преступна еще прежде рожденія, потому что она — плодъ преступленія. Ея мать Черкешенка и была долго любимую невольницей высокаго Солимана-Паши. Вчера по-

вельитель нашъ открылъ, что Черкешенка нѣсколько лѣтъ тому назадъ измѣнила ему для Смирнскаго Грека. Грекъ уже удушенъ— Черкешенка же должна быть зашита въ мѣшокъ съ своей дочерью и брошена въ воды залива. Такъ повелѣлъ Паша — дозволю мнѣ исполнить его повелѣніе.

И графъ де-Ферриоль увидѣлъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ разстояніи женщину, или скорѣе привидѣніе, съ головы до ногъ закутанное въ черное покрывало, которая безмолвно, склонивъ голову, ожидала, казалось, спокойно, съ покорностію дочерей Востока, исполненія страшнаго приговора. Два раба стояли подлѣ нея, а двое другихъ, не много впереди, держали уже саванъ, въ который она должна была быть зашита вмѣстѣ съ своею дочерью.

Графъ де-Ферриоль затрепеталъ. Въ первый разъ еще, во все время своего пребыванія въ Турціи, онъ былъ свидѣтелемъ одного изъ этихъ зрѣлищъ, тѣмъ болѣе страшныхъ, что они совершаются подъ покровомъ тайны и что жертвы достойны вполнѣ состраданія по своему возрасту, по своему полу и даже, наконецъ, по самой слабости. Но хотя инстинктивное чувство сожалѣнія и рыцарское благородство, общее французскимъ дворянамъ, внушали посланнику мысль воспротивиться исполненію жестокаго приговора, по онъ не могъ скрыть отъ себя всей трудности осуществленія подобной мысли.

Онъ былъ одинъ съ своимъ камердинеромъ, одинъ противъ цѣлой толпы солдатъ, евнуховъ и рабовъ, привыкшихъ повиноваться слѣпо повелѣніямъ своего властелина. Дѣло шло при томъ объ одномъ изъ могущественнѣйшихъ пашей Высокой-Порты, рѣшеній котораго никакимъ образомъ не могла пересилить воля посланника, особенно въ томъ, что считается въ мусульманскихъ странахъ неприкосновенною святынею, въ правахъ господина надъ работою, мужа надъ невѣрною женою. Г. де-Ферриоль молчалъ нѣсколько минутъ, пока всѣ эти размышленія представлялись его уму, — потомъ жестомъ приказалъ евноху идти за собою, не оставляя впрочемъ руки дѣвочки — и отошелъ къ сторонѣ.

— Послушай, сказалъ онъ евноху— я требую отъ тебя одного только, замедлить на одинъ часъ исполненіе приговора. Я пойду самъ къ пашѣ, — мое имя, мое званіе, конечно, найдутъ къ нему доступъ, и если онъ будетъ упорствовать въ намѣреніи осудить мать, то я увѣрять, по-крайней-мѣрѣ, что онъ пощадитъ для меня ребенка.

— Господишь, паша уѣхалъ осматривать границы и возвратится только черезъ мѣсяць.

— Уѣхалъ! уѣхалъ! Какое несчастіе! Ну такъ, вотъ что: если онъ уѣхалъ и воротится черезъ мѣсяць, кто тебѣ мѣшаетъ подождать возвращенія? Я беру на себя всю отвѣтственность за это дѣло, я увижу великаго Визиря, увижу султана.

— Господишь — то, чего ты требуешь, невозможно. Я уже и такъ виновата въ томъ, что медлѣю. Отдай мнѣ этого ребенка и не приводи меня въ необходимость отнимать ее силою.

Въ тоже самое время, евнухъ протянулъ руки, готовясь ударить въ ладоши и позвать на помощь рабовъ, а дѣвочка, не проронившая ни одного слова изъ разговора, зарыдала.

Г. де-Ферриоль былъ глубоко тронутъ — ибо, не смотря на свои пороки и развратъ, повиновался иногда прожденному благородству, рыцарскому чувству, завѣщанному семейными преданіями — такъ справедлива французская пословица, что *благородное происхожденіе облызываетъ*, — и въ эти минуты, для добра или для зла, г. де-Ферриоль чувствовалъ въ себѣ желѣзную волю, упорство стали и гибкой, и вмѣстѣ крѣпкой.

Онъ съ живостію схватилъ евнуха за руку.

— Остановись, бездѣльникъ! вскричалъ онъ: эта дѣвочка прибѣжала ко мнѣ и просила моего покровительства — не бывать же тому, чтобъ она напрасно обращалась къ графу де-Ферриоль, къ посланнику французскаго короля. Я не хочу, чтобы она умерла — слышишь ли ты? Выбери же теперь одно изъ двухъ. Назначь самъ цѣну выкупа за эту жертву. Я ее у тебя покупаю — и какъ ни будетъ высока эта цѣна, она будетъ тебѣ заплачена — клянусь честію дворянина. Но если ты откажешь, клянусь тою же честію, я прострѣлю тебѣ голову.

И чтобы подтвердить свои слова живымъ и ощутительнымъ доказательствомъ, графъ вынулъ изъ кармана своего камзола заряженный пистолетъ. У евнуха, полумертваго отъ страха, подогнулись колѣна, и онъ прошепталъ едва слышнымъ голосомъ:

— Господишь, ты хочешь стало-быть, чтобы я умеръ черезъ мѣсяць.

— Это ужъ твое дѣло.

— Дай же мнѣ двадцать тысяць французскихъ ливровъ.

— Этого слишкомъ много... за ребенка — но нѣтъ нужды; — у тебя мое слово, и ты можешь явиться въ Константинополь, во дворецъ посольства, когда ты хочешь.

Крикъ, котораго никакія человѣческія слова не въ состояніи

описать, вырвался изъ груди молодой дѣвочки; которая, оставивши тотчасъ же руку своего благороднаго покровителя, побѣжала броситься въ объятія матери. Несчастливая женщина, которая до тѣхъ-поръ хранила, какъ мы видѣли, самое глубокое молчаніе, съ живостію развернула складки своего чернаго покрывала, и упавши на колѣни, покрывала свою дочь поцѣлуями и слезами; потомъ, обратясь къ г. де-Ферриоль, который возвратился съ евнухомъ, заключивши торгъ, сказала ему раздражающимъ голосомъ:

— Господинъ! да благословитъ васъ небо въ настоящемъ и будущемъ, за то, что вы спасли мою бѣдную дочь отъ этой жестокой казни. Дочь моя принадлежитъ вамъ теперь, она ваша раба, да будетъ она скоро вашей радостію и гордостію. Да преслѣдуетъ ее проклятіе матери, если когда-либо, хотя на минуту, забудетъ она, что всѣ мысли ея должны принадлежать вамъ; что для васъ однихъ должна она жить и умереть.

И Черкешенка дала послѣдній поцѣлуй своей дочери, поцѣлуй, въ которомъ вылилась вся ея душа, послѣдній поцѣлуй матери, послѣ котораго она спокойно отдалась своимъ палачамъ. Тѣ быстро обвинили ее гробовымъ мѣшкомъ, въ который напередъ брошенъ былъ камень. Но прежде, чѣмъ успѣли совершенно закрыть ее, несчастная мать приподнялась съ живостію, чтобы еще разъ взглянуть на свою дочь, рыдающую на рукахъ у графа.

Черезъ нѣсколько минутъ потомъ раздался шумъ отъ паденія чего то тяжелаго въ серебряныя волны Смирнскаго залива.

— Ничто не удерживаетъ насъ болѣе, монсеньёръ, сказалъ Ларошъ: лодка насъ ждетъ; поѣдемте!

— Поѣдемъ, — сказалъ графъ вздыхая. — Ну! объ этой ночи, я долго буду помнить.

— И она, кажется, будетъ вамъ стоить довольно-дорого, монсеньёръ.

— Что нужды, Ларошъ! Я исполнилъ свой долгъ—и при томъ посмотри на дѣвочку: она современемъ будетъ чудесно-хороша!

— Правда, монсеньёръ, и вы знаете, что добрыя дѣла никогда не остаются безъ награды.

Графъ не отвѣчалъ.

Прибывши въ Константинополь, гдѣ онъ нашелъ дворецъ посольства въ величайшемъ безпорядкѣ, такъ, какъ ему говорилъ его камердинеръ, г. де-Ферриоль прежде всего освѣдомился о состояніи казны посольства.

— На мнѣ есть долгъ въ двадцать тысячъ ливровъ, сказалъ

онъ казначею: его надобно уплатить немедленно. Препоручаю вамъ это.

— Монсенъёръ, отвѣчалъ казначей съ робостію: вашему сіятельству не безвизвѣстно, что сундуки пусты и что есть много другихъ долговъ.

— Знаю, но тѣмъ не менѣе мнѣ нужны двадцать тысячъ ливровъ, и если у васъ ихъ нѣтъ, то надобно запясть.

— О, монсенъёръ! я сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь въ Константинополь рѣшился сдѣлать кредитъ вашему сіятельству.

— Что это значить, сударь? Вы слишкомъ дерзки, когда осмѣливаетесь говорить со мною такимъ языкомъ. Повторяю вамъ, что мнѣ нужны двадцать тысячъ, что вы, какъ казначей посольства, должны позаботиться достать ихъ.

Несчастный казначей шелъ уже съ отчаяніемъ, когда вдругъ объявили о прибытіи курьера изъ Франціи.

— Славно! сказалъ графъ: я увѣренъ, что онъ привезъ денегъ, во-время поспѣлъ!

Г. де-Ферриоль не обманулся въ своемъ предчувствіи. Курьеръ точно привезъ денегъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ депешу г. де-Торси, министра — государственнаго секретаря иностранныхъ дѣлъ. Въ этой депешѣ писалось посланнику, что король чрезвычайно-недоволенъ его поведеніемъ; и что онъ будетъ вынужденъ, если только графъ не переменитъ своего поведенія, отозвать его отъ посольства. Въ то же время, для успокоенія Высокой Порты, которая сочла за нужное жаловаться на посланника, повелѣвалось г. де-Ферриолю — на 30,000 посылаемыхъ ливровъ, купить великому визирю богатѣйшій кафтанъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ графъ, прочтавши депешу г. де-Торси: великій визирь обойдется и безъ кафтана; деньги нужны мнѣ: двадцать тысячъ для евнуха и десять на банкъ.

Такъ и было сдѣлано; но не прошло еще двухъ мѣсяцевъ, какъ новый курьеръ, съ новыми депешами г. де-Торси, пріѣхалъ въ Константинополь. На этотъ разъ не ограничились однимъ выговоромъ: г. де-Ферриолю повелѣвалось передать всю власть назначенному преемнику, и не являться ни при дворѣ, ни даже во Франціи, безъ особаго позволенія короля.

Въ этотъ же самый вечеръ, какой-то иностранецъ явился во дворецъ посольства и просилъ аудіенціи у графа де-Ферриоля. Это былъ синьйоръ Марини, тотъ самый, который возвратился столь неожиданнымъ образомъ для графа и заставилъ его прыгать въ окно.

— Ну! сказалъ графъ де-Ферриоль, когда ему доложили о синьйорѣ Марини: я его не ждалъ теперь, но все равно. Нельзя было явиться болѣе кстати, чтобы требовать отчета за жепу; — у меня сильно чешутся руки съ кѣмъ-нибудь порѣзаться, по-крайней-мѣрѣ, если я погибну, то мнѣ терять нечего.

Синьйоръ Марини былъ введенъ.

— Господинъ графъ, сказалъ онъ, подходя довольно-учтиво и съ улыбкою на устахъ: правда ли то, что я узналъ? Ваше сіятельство уволены?

— Понимаю, подумалъ де-Ферриоль: этотъ человѣкъ не смѣлъ меня вызвать, пока я былъ посланникомъ, — худо-же онъ меня зналъ!

Потомъ онъ прибавилъ вслухъ:

— Да, сударь, вамъ сказали правду, я уволенъ, и готовъ къ вашимъ услугамъ, теперь, равно какъ и прежде.

— Къ моимъ услугамъ! Я скорѣе къ вашимъ, г. графъ.

— Какъ вамъ угодно, и кончимте скорѣе.

— Слишкомъ много чести вы мнѣ дѣлаете....

— Я вамъ дѣлаю.... то-есть, я вамъ дѣлалъ честь.... это вамъ не поправилось, и вы пожаловали....

— Во все нѣтъ.

— Такъ вы не за тѣмъ, чтобы требовать удовлетворенія.

— Извините, г. графъ, но я васъ вовсе не понимаю.

— Къ дѣлу, сударь, — чего же вы отъ меня хотите?

— Я явился къ вамъ съ изъявленіемъ моего почтенія, г. графъ.

— Ну-съ.

— Кромѣ того, мнѣ хотѣлось бы васъ спросить, — извините за пскромность вопроса, — думаете ли вы остаться въ Константинополѣ?

— Ужъ не хочетъ ли онъ, подумалъ де-Ферриоль: предложить мнѣ убѣжище у своей жепы? Вотъ забавный оригиналъ! Послушайте, сказалъ вслухъ эксъ-посланникъ: сказать вамъ правду, я не знаю еще самъ, — но что вамъ до этого?

— О! много, г. графъ, если вы еще не выбрали вашего будущаго мѣстопребыванія, мнѣ поручено предложить его вамъ.

— Такъ и есть! удивительно-забавное приключеніе! Гдѣ же это, сударь? Въ этомъ городѣ?

— Нѣтъ, г. графъ, немного подалѣе.

— Виновать! въ Смирнѣ, можетъ-быть, или въ окрестностяхъ — на берегу.

— О нѣтъ, г. графъ, еще немного подождѣ.

— Ну, ужъ не знаю, — гдѣ же наконецъ?

— Во дворцѣ его величества, императора австрійскаго.

— Что вы хотите сказать, сударь? Мнѣ трудно понять, ка-кимъ образомъ императоръ, котораго я даже не подданный....

— Такъ, г. графъ; но мнѣ поручилъ это дѣло одинъ изъ ва-шихъ соотечественниковъ. Я говорю съ вами отъ имени его высочества принца Евгенія Савойскаго, генералиссимуса войскъ его императорскаго величества.

— Сынъ графини Суассонской! измѣнникъ, который несетъ оружіе противъ своего короля и своей родины.

— Но, г. графъ, не король ли васъ уволнилъ? не разорены ли вы?....

— Можетъ-быть, сударь; но если я пересталъ быть посланни-комъ, то не пересталъ быть Французомъ. Удалитесь.

— Какъ вамъ угодно, г. графъ, но я надѣюсь быть въ другой разъ болѣе счастливымъ.

И сказавши это, синьйоръ Марини низко поклонился и вышелъ, какъ вошелъ, съ улыбкой на устахъ.

— Уволенъ и разоренъ! это правда, сказалъ Ферриоль, смотря въ слѣдъ своему странному посѣтителю.

— Уволены и разорены! повторилъ за нимъ чей-то голосъ.

— А! это ты, Ларошъ, сказалъ графъ, увидя своего камерди-нера. Я не люблю эхо, когда оно только повторяетъ.

— А чья вина, монсеньёръ?

— Но виноватъ я — и въ-особенности женщины. За чѣмъ онѣ такъ хороши?

— Женщины! полноте, монсеньёръ, будьте искренны — вина ребенка.

— Ребенка! что ты хочешь этимъ сказать?

— Да, монсеньёръ, вина ребенка, этой дѣвочки, которую вы имѣли глупость купить за двадцать тысячъ ливровъ, — безъ нея, великій визирь былъ бы съ кафтаномъ, а вы были бы еще по-сланникомъ. Куда вы теперь дѣнетесь съ вашей покупкой? Увѣ-ренъ, что и ста пистолей за нее не дадутъ.

— Да я и не продамъ.

— Напрасно, монсеньёръ. Что же вы будете съ ней дѣлать.

— Послушай, Ларошъ, ты не изгнанъ, потому что не былъ по-сланникомъ. Ты отравившись во Францію, возьмешь съ собою малютку и отдашь ее невѣсткѣ моей, г-жѣ маркизѣ де-Ферриоль.

— Прекрасный подарокъ г-жѣ маркизѣ.

— Почему знать, Ларошъ? Не самъ-ли ты мнѣ сказалъ, что доброе дѣло никогда не остается безъ награды.

— Разумѣется, монсенъёръ, потому что оно всегда виситъ на шеѣ.

— Безъ разсужденій! ты меня понимаешь. Завтра ты долженъ быть въ дорогѣ.

— Слушаю. Но вы, монсенъёръ, что вы будете дѣлать въ Турціи?

— Чортъ возьми! это меня всего менѣе беспокоитъ — я буду курить, играть, я... но и этого довольно для занятія цѣлой жизни. При томъ же, Ларошъ, король старъ, г-жа де-Ментенонъ тоже — повѣрь, что это еще не послѣднее мое посольство.

— Да услышитъ васъ Богъ, монсенъёръ.

— Амнь! Ступай, собирайся и воротись скорѣй, потому что ты мнѣ необходимъ, Ларошъ, и я тебя люблю — въ тебѣ столько пороковъ!

Черезъ пять недѣль послѣ этого разговора, въ одинъ сѣверный осенній вечеръ 1712 года, почтовая карета остановилась въ тихомъ кварталѣ Марё, въ улицѣ Кюльтюръ, передъ воротами одного изъ вѣковыхъ отелей. Изъ кареты вышли слуга, съ маленькой дѣвочкой въ восточномъ костюмѣ, и вошли въ отель, гдѣ ихъ встрѣтила г-жа маркиза де-Ферриоль. Этотъ слуга былъ Ларошъ, эта дѣвочка была Анша, Черкешенка.

I.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ОПЕРѢ.

Вотъ какое зрѣлище представляла въ 1715 году, въ Марё, въ улицѣ Кюльтюръ, одна изъ этихъ высокихъ комнатъ, которыхъ размѣры, вышедшіе нынче вовсе изъ употребленія, кажется, рассчитаны на ростъ гигантовъ, и изъ которыхъ архитекторъ нашего времени въ состояніи выстроить цѣлый домъ.

Подъ бархатнымъ балдахиномъ, съ рисунками изъ мифологіи, сидѣли двѣ женщины, передъ широкимъ окномъ, съ маленькими рѣшетками изъ за зеленыхъ стеколъ, которыхъ видѣлся геометрически-правильно расположенный садъ. Изъ этихъ двухъ женщинъ одна — высокая, худая сидѣла прямо, какъ-

бы прикованная къ стулу; другая, средняго роста, но гибкая и чудесно-сложенная, скорѣй лежала, чѣмъ сидѣла, на маленькомъ диванѣ, и держала въ своихъ маленькихъ, бѣлыхъ, изнѣжепныхъ ручкахъ книгу, которую читала вслухъ своей собесѣдницѣ.

Первой изъ этихъ двухъ женщинъ, не смотря на румяны, густо наложенныя на морщины, съ самаго перваго взгляда можно было дать не менѣе шестидесяти лѣтъ; ея холодный и строгій видъ, одноцвѣтное шелковое платье и черныя кружева, окаймлявшія ея угловатое лицо — представляли какое-то сходство съ портретомъ г-жи де-Ментенонъ, который видали всѣ, безъ сомнѣнiя, въ галереяхъ Версальскаго дворца, у входа въ залу Мира.

Другой — бѣленькой, розовѣнкой и шѣпкой, было едва пятнадцать лѣтъ. Она была одѣта чрезвычайно просто, но ея волосы, завитые въ локоны, какъ у герцогини Бургонской на портретѣ живописца Риго, окружали ея блестящій отъ бѣлизны лобъ — очаровательной ореолою.

Старшая изъ этихъ двухъ женщинъ, была маркиза де-Ферриоль, вдова президента Мецскаго парламента и сестра бывшаго посланника Людовика XIV въ Константинополь; молодая дѣвушка была Анша, Черкешенка.

Какъ видно, большая переменъ произошла въ чертахъ сей послѣдней, съ того дня, когда она, прекрасная еще только ребяческими прелестями, бросилась со стономъ къ ногамъ г. де-Ферриоля на берегу Смирнскаго залива. Съ тѣхъ поръ протекло пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ развернулась вся ея роскошная природа, исполнившая всѣ ожиданія.

Не одни большіе черные глаза миндалинами, не однѣ тонкія брови, не одни зубы, которыхъ бѣлизна напоминала вполне перлы ея родины, не одинъ тонкій, высокій и гибкій станъ и чистый очеркъ лица, достойны были привлечь къ ней вниманіе каждаго. Къ этимъ драгоценнымъ дарамъ природы, она присоединила еще много другаго, чѣмъ была обязана Франціи.

Хотѣла ли маркиза де-Ферриоль, наравнѣ съ братомъ, участвовать въ добромъ дѣлѣ, исполняла ли она въ этомъ случаѣ только желанія бывшаго посланника, — но она не щадила никакихъ попеченій для того, чтобы дать воспитанницѣ, врученной ей судьбою, воспитаніе, вполне достойное воспитателей и покровителей сироты. Свѣдѣнія, науки и изящныя искусства развертывали ея умъ, въ то самое время, какъ всѣ чудеса европейской цивилизаціи поражали и экзальтировали ея воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ, новыя идеи, безпрестанно открывавшіяся молодой ино-

странкѣ въ чуждомъ ей мірѣ, не ослабили врожденной живости ея чувствованій. Умъ европейской женщины развивался подъ прелестнымъ лбомъ, — но въ груди билось сердце дочери Востока.

Небольшое число друзей, оставшихся вѣрными маркизѣ де-Ферриоль и по паденіи ея брата, котораго изгнаніе все еще продолжалось, привязалось къ ея питомицѣ, и не знало, чему больше въ ней удивляться — красотѣ, кротости, или талантамъ. Но все-таки блестящая звѣзда сіяла въ слишкомъ тѣсной сферѣ.

Большая часть имущества г-жи де-Ферриоль погибла въ кораблекрушеніи ея брата. Съ тѣхъ поръ нужно было ввести большія преобразованія во всей домашней жизни, осудить себя на уединеніе; но, не смотря на эти преобразованія, и не смотря даже на власть самой надъ собою, маркиза не могла скрыть отъ себя бѣдности, ожидавшей ее въ будущемъ.

Долго еще надѣялись на помощь г-жи де-Ментенонъ, и тѣмъ объясняются аскетизмъ и ханжество, которыми дышало все въ отелѣ улицы Кюльтюръ; но потому ли, что слишкомъ много было соперничества, по другой-ли причинѣ — г-жа де-Ментенонъ всегда уклонялась отъ просьбы о возвращеніи графа де-Ферриоля изъ его изгнанія. Что же было дѣлать? на что рѣшиться въ этой крайности? Вотъ о чемъ спрашивала себя безпрестанно маркиза де-Ферриоль, и казалась, между тѣмъ, преданною исключительно одному благочестію; вотъ какая мысль занимала ее въ ту даже минуту, когда Аиша читала ей вслухъ какую-то нравоучительную книгу.

Чтеніе продолжалось уже около часу, и молодой дѣвушкѣ трудно было удерживаться отъ болѣе или менѣе невольной зѣвоты, когда вошло безъ доклада, какъ привычный гость дома, одно довольно-странное лицо.

Это былъ худой, желтый человѣкъ, съ совершенно-жественнымъ лицомъ; костюмъ его былъ почти духовный, но его тонъ, его манеры обличали члена этого страннаго класса людей того вѣка, которые, не смотря на свой священный санъ, нисколько не чуждались ни свѣтскаго честолюбія, ни свѣтскихъ привычекъ, ни свѣтскихъ удовольствій. Однимъ словомъ, лицо, о которомъ мы говоримъ, былъ аббатъ, во всемъ обширномъ значеніи, которое далъ XVIII вѣкъ этому слову.

Новоприбывшій, поцѣловавши у двухъ жещинъ руки съ такимъ взглядомъ, — отъ котораго не могла не покраснѣть молодая дѣвушка, упалъ въ кресла и сталъ насвистывать оперную арію.

— Ну, аббатъ, вскричала маркиза: что поваго? Видѣли ли вы г. де-Торси, и можемъ ли мы имѣть какую нибудь надежду?

— Я сейчасъ только отъ министра, отвѣчалъ аббатъ тономъ петиметра: нечего объ этомъ и думать. Король неумолимъ, и любезнаго вашего братца никакъ нельзя посадить опять на мѣсто.

При этихъ словахъ, сказанныхъ съ самаго жестокою вѣтренностью, слеза блеснула на рѣсницахъ Анши. Что касается до маркизы, то она глубоко вздохнула и прошептала смиренно:

— А я надѣялась, что девяти дневный постъ Анши смягчитъ гнѣвъ короля.

— Тутъ и девяти-дневный постъ не поможетъ, отвѣчалъ аббатъ, пожавъ плечами. Надобно признаться также, что у этого бѣднаго Ферриоля рѣшительно никогда не было здраваго смысла. Онъ бы долженъ былъ знать, что для посланника мало того, чтобы представлять Францію — надобно представлять ея властелиновъ. Чортъ возьми! при дворѣ ханжей, нельзя быть расточительнымъ на счетъ правительства! Надо быть половчѣе — и къ величайшему несчастію, Ферриоль слишкомъ дорого платитъ за добрый поступокъ. Заплатить за дѣвочку двадцать тысячъ ливровъ, — вѣдь это, просто, безумство! Я знаю очень, что нашъ любезный графъ предалъ столько душъ сатанѣ, что долженъ былъ выкупить хоть одну изъ рукъ невѣрныхъ; но на все нуженъ расчетъ, даже на челолюбіе, — средствъ никакихъ нѣтъ, если добродѣтель стоитъ также дорого, какъ удовольствіе.

На эти слова, сказанныя аббатомъ со смѣхомъ, маркиза перекрестилась.

— Правда, отвѣчала, она что братъ мой поступилъ не совѣтъмъ благоразумно, заплативши такую большую сумму за молодую дѣвушку, который воспитаніе осталось на нашихъ рукахъ, — но, да будетъ воля Господа! Надѣюсь, что въ небесахъ мнѣ сочтена будетъ жертва.

Въ эту минуту, бѣдное созданіе, такъ невольно бывшее свидѣтелемъ и предметомъ этого разговора, и по видимому, вовсе незамѣчаемое разговаривавшими — не могло болѣе выдержать, и заплакало; потомъ вдругъ, преклонивъ колѣна передъ маркизой:

— Сударыня, прошептала она голосомъ, прерываемымъ рыданіями: простите меня, что до сихъ поръ я пользовалась вашими благодѣяніями воспитаніемъ, которое вы мнѣ дали, не платя за это ничѣмъ болѣе, кромѣ глубокой признательности. Теперь я чувствую, что у меня есть другія обязанности. Я узнаю, поздно, правда, о! слишкомъ-поздно... что вамъ я здѣсь въ тягость. По-

звольте же мнѣ, сударыня, возвратиться къ г. графу де-Ферриюлю. Я должна быть съ нимъ, потому что онъ купилъ меня. Онъ въ изгнаніи — и я тоже не должна быть здѣсь. Онъ несчастенъ, онъ терпитъ нужду — быть-можетъ.... я окружу его своими попеченіями, я буду служить ему, я буду съ нимъ. О, сударыня! умоляю васъ, позвольте мнѣ отправиться, и да благословитъ васъ Богъ за все, что вы для меня сдѣлали.

Маркиза и аббатъ переглянулись съ изумленіемъ и, можетъ-быть, даже были тронуты. Въ голосѣ Черкешенки было нѣчто сладкое и проникающее въ душу, — ея прекрасныя черныя глаза, ея дрожащія уста были краснорѣчивѣе самыхъ словъ! Никогда красота ея не являлась, до этой минуты, въ такомъ полномъ развитіи. Аббатъ въ-особенности, казалось, былъ пораженъ этимъ, и самъ съ усиленіемъ поднималъ молодую дѣвушку.

— Я, вскричалъ онъ, я долженъ просить у васъ прощенія, и, право, готовъ броситься передъ вами на колѣни, потому что, нисколько не подумавши, началъ этотъ разговоръ, который васъ огорчилъ, я вижу — но который не должны же вы понимать буквально. Г-жа де-Ферриюль, точно также, какъ я, скажетъ это вамъ — не правда ли, любезная маркиза? Положеніе, право, еще не такъ отчаянно. Раю или поздно, г. де-Ферриюль опять войдетъ въ милость, я за это ручаюсь, особенно если вы захотите быть его адвокатомъ. Чортъ возьми! съ такими чудными глазами, нѣтъ никакой возможности проиграть дѣло.

— Мнѣ досадно, сказала маркиза: что мои слова....

— Будетъ! прервалъ аббатъ: перестаемте говорить объ этомъ! Я всею виноватъ, я долженъ все исправить, и, къ-счастью, имѣю сегодня для этого средства, потому что провелъ утро въ Палеройялѣ. Монсенъеръ герцогъ Орлеанскій не много нездоровъ — онъ сегодня не можетъ быть на необыкновенномъ представленіи въ Оперѣ и отдалъ мнѣ свою ложу. Я ее предлагаю къ вашимъ услугамъ, маркиза. Вашей милой питомицѣ еще не знакомъ нашъ первый спектакль; мнѣ любопытно видѣть впечатлѣніе, которое произведетъ на нее все это великолѣпіе.

— Что вы, аббатъ? возразила г-жа де-Ферриюль: мы въ Оперѣ? Что скажетъ нашъ духовникъ?

— Если здѣсь есть грѣхъ, я беру его на себя.... Конечно — это — дѣло рѣшеное.

Маркиза сдѣлала еще нѣсколько возраженій, но они всѣ были побѣдоносно опровергнуты аббатомъ, который ушелъ, насвистывая арію и бросивши на Черкешенку послѣдній взглядъ, покры-

вшій лицо ея яркимъ румянцемъ. Можетъ-быть, это чувство стыда и этотъ инстинктивный ужасъ покажутся болѣе понятными, когда мы скажемъ, что ушедшій человекъ былъ никто иной, какъ аббатъ Дюбуа, бывшій наставникъ г. герцога Шартрскаго и секретарь его съ тѣхъ-поръ, какъ Монсенъеръ сдѣлался герцогомъ Орлеанскимъ.

Хотя еще слишкомъ далекая, въ 1715 году, отъ пынѣшней степени великолѣпія, Опера и тогда уже была однако однимъ изъ чудесъ искусства и гордостію своей эпохи.

Въ этотъ вечеръ шло представленіе Армиды, одного изъ самыхъ счастливыхъ произведеній соединенныхъ талантовъ *Люлли* и *Кино*. Марія Антье, изъ Ліона, дебютировавшая не задолго прежде съ успѣхомъ, которымъ одна она только была недовольна, снова вступала на театръ, воспользовавшись уроками знаменитой Марты Лерошуа. Въ этотъ разъ Марія Антье занимала въ прологѣ Армиды роль богини Славы — ибо она въ-особенности была ангажирована на роли, технически называвшіяся тогда ролями съ палочкой.

Это было въ эпоху, когда Людовикъ XIV, увидавшій измѣну побѣды, такъ долго прикованной къ его колесницѣ, платился за свое честолюбіе неудачами и за свои завоеванія вторженіями иностранцевъ. Битвы при Гохштедтѣ, Туринѣ, Рамилли и Мальплаке такъ ослабили Францію, боровшуюся съ цѣлой Европой, что старый король, пославши Виллару приказъ дать Дененское сраженіе, говорилъ герцогу Д'Аркуру, что если не будетъ удачи храброму маршалу, онъ самъ, семидесяти-четырехъ лѣтъ, сядетъ волонтеромъ на коня, соберетъ свое благородное дворянство и похоронитъ себя подъ развалинами монархіи.

Судьба не судила, къ-счастію, старому льву погибнуть отъ враговъ. Вилларъ спасъ Францію.

Отчасти въ воспоминаніе этого достопамятнаго дня, распространившаго радость по всему королевству, назначено было представленіе, при которомъ присутствовала прекрасная Аиша. Носился слухъ, что Вилларъ съ сводимъ главными офицерами будетъ въ числѣ зрителей, и для него нарочно были приготовлены за-ранѣе мѣста.

Множество народу было въ залѣ Оперы, и Аиша не могла на-смотрѣться на этотъ громадный амфитеатръ свѣта и нарядовъ. Общее вниманіе на минуту остановилось на молодой иностранкѣ, которой исторія начала уже дѣлать шумъ въ городѣ, и красота

оправдывала всеобщее участие; но скоро взгляды всѣхъ обратились на славныхъ и истинныхъ героевъ праздника.

Изъ ложъ и изъ партера вслухъ раздавались имѣла многихъ храбрыхъ офицеровъ, сидѣвшихъ на почетныхъ мѣстахъ, на лавкахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ аванъ-сцены; но тщетно искали между ними побѣдителя, который прислалъ Людовику XIV *«оливу, чтобы увѣнчать лавры»*, по выраженію поэта.

Скоро, вслѣдъ за прелюдіей раздалась первые аккорды увертюры. Поднялся занавѣсъ и изумленнымъ глазамъ Анши явились утѣсы, небо и горы.

Марія Антье явилась одѣтая, въ одинъ изъ этихъ изысканныхъ костюмовъ которые были великолѣпной пародіей древности. Аплодисманы привѣтствовали любимую актрису, возвращенную наконецъ публикѣ и она начала читать первые стихи пролога, относившіеся къ герою Виллару.

Едва произнесла она ихъ, какъ снявши, свой вѣнецъ подошла къ скамейкамъ, на одну изъ которыхъ Вилларъ, пользуясь временемъ поднятія занавѣса успѣлъ пройти незамѣченный и сѣсть среди своихъ братьевъ по оружію. Напрасно хотѣлъ онъ скрыть свой высокій ростъ — Марія Антье его замѣтила, и преклонивъ передъ нимъ колѣна, подала ему діадему съ словами: *«Виллару.»*

Голосъ Маріи Антье не былъ голосомъ актрисы: эта была Француженка; одушевленная чувствомъ признательности и народной радости. Невозможно описать энтузіазма залы, потрясенной отъ рукоплесканій.

Но подлѣ Виллара, скромно кланявшагося зрителямъ, явился молодой человекъ, съ самою интересною, только смертно-блѣдною физиономіей. Широкая рана пересѣкала его благородный и высокій лобъ, одна изъ рукъ его была подвязана шарфомъ, другая, совершенно раздробленная, едва могла держать палку. Это былъ молодой кавалеръ д'Эди.

Въ день Дененскаго сраженія, посланный съ приказомъ маршала, онъ попался въ непріятельскій лагерь и упалъ замертво подлѣ ударовъ враговъ.

Но изъ всѣхъ глазъ, омочившихся слезами при его, видѣ изъ всѣхъ сердець забившихся, при взглядѣ на благородную жертву — всѣхъ сильнѣе плакали глаза Анши, всѣхъ шибче застучало сердце Анши, Анши, еще ребенка, но ребенка уже давно созрѣвшаго для страстей подлѣ солнцемъ Азіи.

II.

ЛЮБОВНИЦА РЕГЕНТА.

Это было 1-го сентября 1715 г., черезъ нѣсколько времени послѣ представленія въ Оперѣ; въ залѣ маркизы де-Ферриоль былъ кружокъ гостей. При полусвѣтѣ, проникавшемъ сквозь притворенныя окна, можно было видѣть цѣлое собраніе разныхъ папыщевыхъ, болѣе или менѣе старыхъ сплутовъ, которыхъ строгіе костюмы, казалось, были надѣты съ намѣреніемъ подражать простотѣ одежды г-жи де-Ментенонъ.

Но между этими желтыми и морщинистыми лицами, изъ ряда этихъ носовъ съ очками, въ уголкѣ залы, какъ прекрасная лилія среди рѣпейника, обрисовывалось свѣжее и миленькое личико молодой *Анни*.

Склонясь надъ шпьемъ, она, казалось, была совершенно чужда разговорамъ, которые сыпался вокругъ нея, какъ перекрестный огонь; важные разговоры эти были, вѣроятно, благочестивые комментаріи на буллу *unigenitus*, или на размышленія епископа Годе, ибо городъ настроился уже на одинъ ладъ съ Дворомъ, въ ожиданіи, пока новое царствованіе (король былъ очень боленъ и, какъ говорили, даже близокъ къ смерти) произведетъ полную и неизбежную реакцію.

Вдругъ раздался быстрые шаги въ передней, и аббатъ Дюбуа явился весь въ пыли, безъ доклада, отворивши самъ себѣ двери залы.

— Что съ вами, г. аббатъ, сказала г-жа де-Ферриоль: и какая новость заставляетъ васъ такъ торопиться?

— Очень важная, сударыня, отвѣчалъ аббатъ: король скончался сегодня утромъ, въ восемь часовъ.

Странное впечатлѣніе произвело на собраніе это извѣстіе, хотя послѣднія вѣсти изъ Версаля должны были уменьшить его неожиданность, — и едва Дюбуа окончилъ, почти тронутымъ голосомъ, разсказъ о послѣднихъ минутахъ великаго короля, какъ каждый изъ гостей, потребовавши скорѣй своей кареты или посылку, поспѣшилъ оставить домъ г-жи де-Ферриоль. Все знали вражду монсеньера герцога Орлеанскаго съ побочными дѣтьми покойнаго короля, и предвидѣли споръ за регенство и, можетъ-

быть, даже за королевскую власть; кромѣ того, все боялись высказаться какъ-нибудь передъ аббатомъ Дюбуа, котораго отношенія къ герцогу Орлеанскому были всеиъ извѣстны.

Оставшись одинъ съ маркизою, Дюбуа возвратился къ своей обыкновенной веселой настроенности и сказалъ ей въ полголоса:

— Они разлетѣлись при этомъ извѣстїи, какъ жаворонки отъ выстрѣла; потрудитесь отправить въ гнѣздо и эту молодую горлицу, прибавилъ онъ, указывая рукой на Аишу, которая на минуту остановилась работать, чтобы слушать трогательныя подробности смерти великаго короля, и которая потомъ опять принялась за нее съ жаромъ.

По знаку маркизы Аиша встала, и сдѣлавши низкій книксенъ аббату Дюбуа, не смѣя даже и взглянуть на это лицо сатира, она исчезла.

— Эта дѣвочка рѣшительно очень мила, проворчалъ сквозь зубы аббать. Да, любезная маркиза, если я едва, едва дождался смерти стараго короля, чтобы бѣжать къ вамъ съ объявленїемъ о новомъ царствованїи, то ужъ конечно въ вашихъ вѣтрусахъ. Монсенъёръ герцогъ Орлеанскїй отправляется завтра въ парламентъ, просить объ утвержденїи правъ своихъ на регенство.

— И вы хотите, вѣроятно, расположить въ нашу пользу его высочество... и просить о возвращенїи моего брата, о его полномъ возстановленїи? Ахъ, да вознаградитъ васъ Небо за эту благородную мысль.

— Я надѣюсь, отвѣчалъ, смѣясь, аббать, что въ этомъ случаѣ Небо вознаградитъ меня чѣмъ-нибудь земнымъ; но оставимте пожалуйста этотъ мистическїй языкъ, маркиза, мы другъ-друга знаемъ. То, чего вамъ хочется, не совсѣмъ легко. Между нами сказать, почтеннѣйшїй братецъ наказанъ еще милостиво, однимъ изгнанїемъ — возвратитъ ему посольство, значитъ заставить роптать. Нужно слишкомъ сильное заступничество...

— Но ваше, мой милый аббать.

— Охъ! прежде чѣмъ заступаться за другихъ, надобно подумать о самомъ-себѣ — я въ немилости. Чтѣ дѣлать! Пока противъ меня была только мать его высочества, палатынская принцесса, я еще могъ устоять, разнообразя часы наслажденїя для монсенъёра; но г-жа де-Параберъ, фаворитка, которая заплла мѣсто г-жи д'Аржантонъ, тоже повела противъ меня войну. Согласитесь, что это ужасное несчастье — и я не хочу, бесполезнымъ заступничествомъ сдѣлать вамъ вредъ; но у васъ есть здѣсь адвокатъ,

который въ состояніи превосходно защищать дѣло г. де-Ферріоля.

— Кто же это?

— Аиша, молоденькая Аиша, которая можетъ быть у монсенъёра лучше всякаго случайнаго заступничества. Отношенія регента съ Параберъ, которыя не имѣютъ для него ничего особенно новаго, не могутъ-же продолжаться вѣчно — и вы понимаете, какъ бы мнѣ было пріятно сократить срокъ владычества этой женщины, заставляющей принца забывать даже его друзей.

— О небо! и вы хотите, чтобы Аиша...

— Это было бы очень ново. Монсенъёру надоѣли французскія женщины, а это значить — надоѣли европейскія женщины; но черкеская невинность, совершенная добродѣтель! о! да это непременно возвратитъ изъ изгнанія вашего брата.

— Но чѣмъ будетъ куплено это возвращеніе? Не великій ли это грѣхъ?

— Можетъ-быть; но во всякомъ случаѣ, большая ошибка не воспользоваться этимъ. Подумайте, г-жа маркиза, подумайте, что благоразуміе и г-жа де-Ментенонъ перестали царствовать во Франціи. — Одно только меня безпокоитъ, какъ бы проще и естественнѣе отправить Аишу къ принцу.

— О! это невозможно.

— Нѣтъ, но страшно трудно. Монсенъёръ, занятый теперь дѣлами, рѣшился въ продолженіе нѣкотораго время не быть постояннымъ; въ краткія минуты своего отдыха, онъ хочетъ видѣться только съ г-жею де-Параберъ, въ которую онъ даже и теперь еще влюбленъ немного. Надобно ее самое употребить средствомъ, и притомъ, какъ можно скорѣе, потому что черезъ нѣсколько дней будетъ уже сдѣланъ выборъ посланника въ Константинополь, и если г. де-Ферріоль тотчасъ же не займетъ опять своего прежняго мѣста, то дѣло его, можетъ-быть, будетъ проиграно навсегда!

— Но подумайте, что вы выдумали! г-жу де-Параберъ просить о возстановленіи г. де-Ферріоля.

— Неужели вы забыли, что за нѣсколько лѣтъ онъ былъ ею очень любимъ? Г. де-Ферріоль былъ еще тогда очень хорошъ, и такъ, какъ она его съ тѣхъ поръ не видала, то не могла еще разочароваться; потому она, по-крайней-мѣрѣ, не станетъ противиться возвращенію вашего брата. Но главное то, чтобъ она позволила Аишѣ самой и лично явиться съ просьбою. Аиша слишкомъ хороша, чтобъ не внушить осторожности — и фаворитки

сильно не любят покровительствовать тѣмъ, кто могутъ сдѣлаться ихъ соперницами.

— О! безъ сомнѣнія г-жа де-Параберъ обманется во своихъ опасеніяхъ! Монсеньёръ регентъ слишкомъ благороденъ, чтобы заставить Аншу раскаяваться въ естественномъ чувствѣ признательности.

— Старая притворщица, проворчалъ Дюбуа: вотъ еще какой комедіей она замѣняетъ скинутую маску!

— Но наконецъ, продолжала маркиза: вы правы, говоря, что г-жа де-Параберъ будетъ съ безпокойствомъ смотрѣть на молодость и красоту Анши.

— Конечно, сказалъ Дюбуа: и для этого надобно, чтобы ваша питомица, прелестная для регента, ей показалась старою и дурною.

При этихъ двухъ эпитетахъ, глаза Дюбуа инстинктивно обратились на желтое и морщинчатое лицо маркизы де-Ферриоль.

Вдругъ лобъ его прояснился, губы полуоткрылись, оживленные какой то обезьяньей радостью.

— У меня есть мысль, сказалъ онъ, подвигая свои кресла къ кресламъ маркизы.

Если читатели хотятъ знать мысль аббата Дюбуа, они должны перенестись со мною въ богатый будуаръ отеля улицы Сентъ-Оноре. — Тамъ, на персидской софѣ, небрежно лежала прекрасная женщина, въ бѣломъ шелковомъ пеньюарѣ, изъ-за котораго рѣзко выходили ея темноватый цвѣтъ и великолѣпные черные волосы.

Г-жа де-Параберъ (потому что читатели, вѣроятно, угадали имя этой женщины), держала въ рукахъ записочку, которой содержаніе мы, по праву романистовъ, можемъ открыть нашимъ читателямъ:

«Моя прекрасная!

«Вотъ уже три дни, какъ я васъ не вижу; это въ состояніи заставить меня проклипать и регентство, и величіе, за которое со мною такъ горячо спорять. Я не могу однако долѣе пробыть безъ васъ. Сегодня вечеромъ я отдамъ приказъ пропустить особу, которая явится у маленькой кадитки, въ улицѣ Валуа — имя этой особы вамъ нечего сказывать, оно всегда живетъ въ моемъ сердцѣ.»

— Не несчастіе ли это! вскричала г-жа де-Параберъ, перечитывая письмо монсеньера герцога Орлеанскаго. Три дни я не видала его высочества — и надобно же, чтобы сегодня, для на-

шаго перваго свиданія, я была дурна, страшно дурна! Я не смыкала глазъ въ эту ночь. — Надобно написать регенту, что я нездорова и не отправляться сегодня въ Пале-Рояль. Какъ ты думаешь, Лиза? обратилась она къ своей горничной.

— Я, сударыня, думаю, что лучше бы вамъ отправиться по приглашенію монсеньера регента. Не надобно никогда давать себя забывать.

— Да, но иногда еще хуже напоминать о себѣ неловко и некстати. Право, усталость провела у меня черты подъ глазами, которыя могутъ показаться ему за морщины, — притомъ же погода сыра — и прическа не удержится на головѣ. Это, просто, ужасно! — Прекрасная капризница безпрестанно брала свое зеркало и упорно требовала отъ него лести, когда вдругъ доложили о г-жѣ маркизѣ де-Ферриоль.

Имя Ферриоля распространило легкую краску по блѣднымъ чертамъ графини. За нѣсколько лѣтъ до сего, какъ уже замѣтилъ аббатъ Дюбуа, г. де Ферриоль, такъ долго сохранившій прекрасную наружность, былъ любимъ г-жею де-Параберъ, увлеченною въ особенности славою его походовъ. Отправленный посланникомъ въ Константинополь, графъ неожиданно, скоро и холодно разстался съ своей красавицею, уязвленное самолюбіе которой сдѣлало въ сердцѣ ее только болѣе живымъ образъ невѣрнаго: гнѣвъ у женщинъ — самое лучшее средство сохраненія любви.

Г-жа де-Параберъ, нѣсколько изумленная неожиданнымъ визитомъ г-жи маркизы де-Ферриоль, рѣшилась было не принимать особы, напоминавшей ей вину, но не виновнаго — какъ та явилась уже въ дверяхъ комнаты.

— Ахъ, это вы сударыня, сказала холодно фаворитка: чѣмъ я могу служить вамъ?

— Ничѣмъ для самой меня, сударыня, отвѣчала маркиза: всѣмъ для моего брата.

— Вашѣго брата.... ахъ да, графа де-Ферриоля.... Что же съ нимъ теперь, съ любезнымъ графомъ?

— Онъ отставленъ былъ отъ посольства и получилъ приказъ не возвращаться во Францію.

— Да! онъ былъ посланникомъ! Право, онъ уѣхалъ такъ скоро, что даже не успѣлъ мнѣ объ этомъ сказать.

— Увы, сударыня—невольникъ королевскихъ приказаній, онъ долженъ былъ принять свое званіе также скоро, какъ потомъ сдать его; но онъ былъ жертвою клеветы г-жи де-Ментенонъ.

— Что же я могу въ этомъ случаѣ?

— Г-жа де-Ментенонъ не царствуетъ болѣе, и скипетръ, вмѣстѣ съ регентомъ, перешелъ, говорятъ, въ руки юности и красоты.

Г-жа де-Ферриоль хотѣла узнать дѣйствіе этой лесты; г-жа де-Параберъ осталась непреклонна.

— Говорятъ, продолжала г-жа де-Ферриоль, что довѣренность къ вамъ регента будетъ неизмѣнна.

— Я вовсе не пользуюсь довѣренностію регента, сударыня, и не могу имѣть на него никакого вліянія.

— Но мнѣ сказали, сударыня, что вы одни теперь можете имѣть доступъ къ его высочеству, слишкомъ занятому дѣлами, и довольно того только, чтобы истина была сказана вашими устами, для возвращенія милости графу де-Ферриюлю. Враги его разгласили, что онъ употреблялъ государственную казну на собственные нужды, но деньги были употребляемы на добрыя дѣла, которыя могли только прославить представляемаго имъ монарха, и лучшее доказательство этого — то, что онъ выкупилъ молодую невольницу, осужденную на смерть жестокимъ господиномъ.

— А! вашъ братъ покупаетъ невольницъ! сказала г-жа де-Параберъ: если эти только добрыя дѣла можетъ онъ привести въ свое оправданіе, я не удивляюсь, что они были для этого недостаточны. Я понимаю очень хорошо, что г. де-Ферриоль принялъ обычай страны, куда онъ былъ посланъ; но, наконецъ, нельзяже быть посланникомъ и христіаниномъ, держа свой скаръ на государственныя деньги.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ тономъ самой горькой ревности, г-жа де-Ферриоль поняла, что плохо атаковала непріятеля.

— Эта невольница, сударыня — ребенокъ, отвѣчала она: но я тѣмъ болѣе огорчена вашимъ отказомъ въ помощи графу де-Ферриюлю, что этотъ отказъ — приговоръ, не только его изгнанія, но даже смерти.

— Смерти! Что говорите вы? Что это значить....

— Сударыня, графъ де-Ферриоль, вдали отъ Франціи страдаетъ тоской, которую я назвала бы тоской по родинѣ, если бы родина была первымъ изъ его воспомнаній.

— О чемъ же онъ такъ сожалѣетъ? и недовѣрчиво и вмѣстѣ внимательно спросила г-жа де-Параберъ: не оставилъ ли онъ во Франціи предмета какой нибудь несчастной страсти?

— Я этого не думаю, сударыня, потому что въ его грустныхъ письмахъ не встрѣчается ни одного женскаго имени; даже ваше

которое повторялось на каждой строчкѣ въ первомъ письмѣ, полученномъ мною послѣ его неожиданнаго и скорого отъѣзда, не встрѣчается въ его письмахъ, вотъ уже съ годъ.

— Съ годъ!

И г-жа де-Параберъ вспомнила, что назадъ тому съ годъ распространились слухи о вниманіи къ ней герцога Орлеанскаго.

— Мой братъ погибъ навсегда, продолжала маркиза де-Ферриоль, устремляя на г-жу де-Параберъ взглядъ, который, такъ сказать, врѣзывался въ ея мысль: потому, что при извѣстіи о болѣзни покойнаго короля, онъ запретилъ мнѣ просить за него принца. Не знаю чему приписать его ненависть къ монсенъёру регенту, она удивляетъ меня и печалитъ вмѣстѣ. «Я не хочу ничѣмъ быть обязанъ», пишетъ онъ мнѣ въ своемъ послѣднемъ письмѣ (вотъ оно со мною; ахъ нѣтъ — я его забыла) «я не хочу ничѣмъ быть обязанъ тому, кто разрушилъ все мое счастье, отнял у меня мою лучшую надежду.

— Онъ писалъ вамъ это?

— Да, сударыня, — не объясняя своей мысли, но, кажется, я ее понимаю.

— И вы думаете....

— Я думаю, что онъ приписываетъ монсенъёру герцогу Орлеанскому свои несчастія и свое изгнаніе; онъ не подумалъ, что самъ монсенъёръ былъ не въ большой милости въ послѣднее царствованіе. Графъ де-Ферриоль обмацывается — и я имѣю право не соблюсти его приказаній, служить ему противъ его воли.

— Это правда — если это такъ и если онъ самъ не хочетъ помочь себѣ, ему должны помочь его друзья — а я все-таки въ числѣ ихъ, хотя и имѣю причины на него жаловаться; при томъ же, вы, можете-быть, правы; его точно оклеветали. Я поговорю съ монсенъёромъ регентомъ завтра или послѣ-завтра, потому что сегодня, думаю, не увижу его высочества.

— Но, сударыня, соперниковъ у моего брата на его мѣсто слишкомъ много.

— Правда. Сегодня вечеромъ вы будете имѣть доступъ къ регенту.

— Но, какъ?

— Я вамъ скажу, сударыня: вы отправитесь вмѣсто меня.

И по выходѣ маркизы, г-жа де-Параберъ написала записку въ отвѣтъ на письмо регента.

III.

АУДИЭНЦІЯ ВЪ ПАЛЕ-РОЯЛѢ.

Вечеромъ того-же дня, въ который маркиза де-Ферриоль получила слово г-жи де-Параберъ, регентъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ Пале-Роялѣ. Онъ былъ еще занятъ бумагами, когда доложили объ аббатѣ Дюбуа.

Посѣщенія бывшаго наставника становились все рѣже и рѣже—мы объяснили уже причину этого. Но регентъ припималъ его съ обыкновенной своей добротою, хотя и пересталъ оказывать прежнюю довѣренность.

— А! это ты аббатъ, сказалъ регентъ, не оборачивая головы: ну — что тебѣ надо!

— Монсенъеръ, отвѣчалъ Дюбуа: вы достигли власти, вы окружены льстецами, я одинъ являюсь въ качествѣ друга.

— Если ты представляешь въ своемъ лицѣ дружбу, то ее, признаюсь, не съ чѣмъ поздравить; но ты пришелъ сюда не безъ особенной причины: говори же, чтобы я могъ тебѣ скорѣе отказать, и дѣло кончено.

— А вѣдь точно, подумалъ Дюбуа: если я ничего у него не попрошу, мое посѣщеніе покажется ему невѣроятно. Знайте-же, монсенъеръ, сказалъ онъ въ-слухъ, что смертію монсенъера Лагогета очистилось мѣсто церковнаго совѣтника — я у васъ прошу его.

— Ты, аббатъ—церковный совѣтникъ! Нѣтъ, ужъ это слишкомъ смѣшно.

И регентъ расхохотался.

— Смѣйтесь, монсенъеръ, какъ вамъ угодно, но тѣмъ не менѣе вы должны мнѣ дать это мѣсто.

— Полно, аббатъ — ты съ ума сошелъ! Но что же скажутъ канцлеръ и рекетмейстеры? — они не захотятъ сидѣть съ тобой вмѣстѣ.

— Посмотримъ, что то они скажутъ, когда аббатъ Дюбуа вашими милостями сдѣлается министромъ и кардиналомъ.

— Ты!... ну я рѣшительно радъ, что вижу тебя, аббатъ—посреди важныхъ занятій минута самаго веселаго развлеченія!

И регентъ опять расхохотался. Что же касается до аббата, то онъ сохранилъ самую невозмутимую серьезность.

— Но ты не знаешь, несчастный, что моя мать, что герцогъ

де-Сень-Симонъ, что всѣ честные люди при дворѣ истребовали отъ меня клятвенное обѣщаніе не давать тебѣ мѣсть.

— Нисколько неудивительно, монсенъёръ, — эти честные люди служатъ вамъ, сохраняя свои убѣжденія, а я не знаю никакихъ границъ, когда дѣло идетъ о вашихъ интересахъ. Они меня не любятъ и имѣютъ на эти свои причины. Удивительно то только, что вы то на меня сердитесь.

— Я на тебя не сержусь, но я поклялся.

— Монсенъёръ, что же за бѣда разъ какой-нибудь измѣнить клятвѣ, вѣдь случается же, что иной разъ ее и сдержишь!

Въ эту минуту вошелъ лакей и подалъ регенту записку отъ г-жи де-Параберъ.

Едва принцъ ее прочелъ, какъ съ гнѣвомъ топнулъ ногою.

— Ну, сказалъ онъ: нынче все идетъ на выворотъ, противъ здраваго смысла: аббатъ Дюбуа проситъ у меня мѣста честнаго человѣка, а г-жа де-Параберъ вмѣсто себя угощаетъ меня старухой.

— Право! съ удивленіемъ сказалъ Дюбуа, который и пришелъ для того только, чтобы прикрыть театральнѣйшій эффектъ этого явленія.

— Да, ты самъ аббатъ, можешь это увидѣть; для развлеченія отъ дѣлъ миѣ предстоитъ свиданіе съ г-жею де-Ферриоль, которая будетъ меня просить за своего брата; но это не пройдетъ имъ даромъ! Ступай, я сяду опять за работу и скорѣе проспужу цѣлую ночь, чѣмъ приму г-жу де-Ферриоль; если скучать, то ужъ надо скучать хоть съ пользою. Ступай аббатъ, и скажи, чтобы заперли маленькую калитку на улицу Валуа.

— Я не забуду сказать противнаго, тихо прошепталъ аббатъ, Итакъ, монсенъёръ, обратился онъ снова къ принцу: я могу завтра явиться въ канцелярію за бумагою о моемъ назначеніи церковнымъ совѣтникомъ.

— Уйдешь-ли ты, аббатъ?... Наконецъ въ тебѣ уже слишкомъ много дерзости.

— До того, что съ ней нѣтъ возможности не успѣть. До свиданія, монсенъёръ, покорно васъ благодарю.

И онъ вышелъ, оставивши регента изумленнымъ такимъ безстыдствомъ, но уже свыкшимся съ мыслию о его возвышеніи.

Прошло около часа, когда принцъ былъ выведенъ изъ своей задумчивости стукомъ отворившейся двери и появленіемъ женщины подъ вуалемъ.

— Монсенъёръ, робко сказала эта женщина.

— Что это? вскричалъ регентъ.... развѣ приказъ мой не выполненъ?

— Монсенъёръ, начала опять новопривывшая тихо: г-жа де-Ферриоль....

И она не могла сказать больше ничего.

— Знаю — и въ отчаяніи, что не могу васъ принять.

— Я сейчасъ удалюсь, монсенъёръ, сказала просительница больше твердымъ голосомъ. Принцъ оборотился, ибо что то молодое было въ этомъ голось.

Онъ остался изумленъ при видѣ прелестной молодой дѣвушки.

Это была Анша.

Простите меня, сказалъ герцогъ, останавливая ее и указывая ей на стулъ: но я вовсе не ожидалъ.... вы произнесли имя г-жи де-Ферриоль....

— Она меня послала, монсенъёръ, а г-жа де-Параберъ была такъ добра, что доставила къ вамъ доступъ.

— Параберъ! съ изумленіемъ сказалъ герцогъ.

— Монсенъёръ, продолжала Анша, бросаясь на колѣна: я пришла къ вамъ просить милости графу де-Ферриолу, моему спасителю; я — Анша, Черкешенка.

— Анша, Черкешенка; я слышалъ объ одномъ добромъ дѣлѣ графа, но вовсе не думалъ, чтобъ оно было такъ хорошо.

— Ахъ, монсенъёръ! вскричала Анша — справедливость, справедливость въ отношеніи къ графу де-Ферриолу! Обвинители его, оклеветали его: безъ сомнѣнія. Если бъ вы знали, съ какимъ мужествомъ, съ какимъ благородствомъ, онъ спасъ меня отъ рабства и смерти. Нѣтъ, нѣтъ, монсенъёръ, никто болѣе его не достоинъ мѣста, котораго его лишили. — На самомъ Востокѣ, гдѣ я родилась, я слыхала, что для того, чтобы представлять Францію, надобно обладать двумя отличительными качествами Французовъ: благородствомъ и храбростію.

— Да, мнѣ не безызвѣстно, что г. де-Ферриоль храбръ и благороденъ. Къ несчастію, своими поступками онъ заслужилъ немилость — я не говорю впрочемъ, чтобы онъ не могъ ихъ загладить, и ужъ конечно онъ не могъ выбрать лучшаго адвоката для защиты своего дѣла.

И регентъ, держа руку Анши, смотрѣлъ съ удивленіемъ на эту азіатскую красоту въ богатомъ французскомъ костюмѣ, какъ смотрятъ на роскошный чужеземный цвѣтокъ въ фарфоровой Севрской вазѣ.

— Г-жа де-Ферриоль думала, монсенъёръ, что никто такъ не

въ-правѣ защищать графа де-Ферриоля, какъ та, кого онъ самъ защищалъ. И потому, монсенъёръ, продолжала она, замѣтивъ жадное вниманіе регента: позвольте мнѣ вѣрить, что я не напрасно просила за человѣка, которому я столько обязана! Монсенъёръ, обѣщайте мнѣ, что для счастья графа де-Ферриоля, вы возвратите его семейству, что для чести его, вы возвратите ему его мѣсто.

— Но возможно-ли это, сказалъ принцъ, слушая голосъ молодой дѣвушки, а не ея слова: вы — Черкешенка и между тѣмъ совершенная Француженка языкомъ и умомъ.

— Судите же сами, какова должна быть моя признательность, монсенъёръ, когда этимъ я опять обязана семейству Ферриоля. Монсенъёръ, продолжала она, съ пылкой неосторожностію пожимая руку принца: дадите-ли вы мнѣ хоть надежду для графа де-Ферриоля.

— Для графа де-Ферриоля, отвѣчалъ регентъ, совершенно забвѣвшій о восточномъ посланникѣ: для графа де-Ферриоля.... Да! я не говорю нѣтъ... скоро мы поговоримъ съ вами объ этомъ дѣлѣ; но съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ же, монсенъёръ?

— Съ тѣмъ, чтобы для того, чтобы не забыть о пемъ, я васъ иногда видѣла. Послушайте, завтра я даю ужинъ — вы у меня будете, не правда-ли?

Аиша еще не знала, что такое были ужины Пале-Рояля, — но въ глазахъ принца она увидѣла такой огонь, что съ невольнымъ смущеніемъ покраснѣла и отвѣчала, вырывая свою руку.

— Да, монсенъёръ, я буду — съ маркизою де-Ферриоль.

— Съ маркизою! вскричалъ регентъ. — А! да что за бѣда, подумалъ онъ: она не помѣшаетъ, я могу пригласить даже и бѣдную Параберъ, которая такъ хлопочетъ объ этомъ дѣлѣ.

— Успокойтесь, прекрасная Аиша, сказалъ онъ громко: завтра вы будете ужинать съ маркизою де-Ферриоль и съ г-жею де-Параберъ, которая ввела васъ ко мнѣ.... Итакъ, до завтра.

— До завтра! повторила Аиша, удаляясь.

И она исчезла изъ комнаты, а принцъ остался еще прикованнымъ взорамъ къ оставленному ею мѣсту.

IV.

МЕЖДУ ДВУХЪ ЖЕНЩИНЪ.

Получивши записку принца, съ приглашеніемъ на ужинъ, г-жа де-Параберъ была изумлена въ высшей степени; но ей не пришла въ голову мысль о томъ, чтобы другая женщина посягала на ея права.

Между тѣмъ, регентъ, полный воспоминаніемъ о прекрасной иностранкѣ, безпрестанно говорилъ Спміаню, Бирону, Носе, Канильяку и всѣмъ обычнымъ посѣтителемъ своихъ ужиновъ о пріятномъ знакомствѣ, которымъ онъ былъ обязанъ г-жѣ де-Параберъ. Это приключеніе, котораго слѣдствія было легко предвидѣть по характеру регента, чрезвычайно забавляло повѣсь (roués), которые еще не знали однако самаго интереснаго въ немъ. Канильякъ, въ-особенности очень смѣялся, Канильякъ, который былъ отличенъ изъ толпы г-жею де-Параберъ, до тѣхъ поръ, пока не явился принцъ, и который не могъ простить кокеткѣ невѣрности, хотя долженъ былъ, поневолѣ, простить сопернику побѣду.

Аудіэнція у регента не осталась также безъ послѣдствій и въ отношеніи къ молодой питомицѣ г-жи де-Ферріоль; обязательный пріемъ принца подѣйствовалъ на ея молодое воображеніе — она не могла безнаказанно долго выносить этого пронизательнаго и вмѣстѣ вкрадчиваго взгляда. Какое то обаяніе было въ рѣчахъ и движеніяхъ принца, хотя, по свидѣтельству Сецъ-Симона, онъ всегда чрезвычайно дурно танцовалъ и плохо успѣвалъ въ наукахъ. Апша была неудачена, но поражена, и это не скрылось отъ взгляда г-жи де-Ферріоль.

На другой день, вечеромъ, столъ былъ накрытъ въ маленькой комнатѣ Пале-Рояля, освѣщенной тысячею свѣчей.

Повѣсь уже собрались и еще смѣялись во все горло отъ разсказа принца, когда улыбка остановилась на ихъ устахъ, при видѣ г-жи де-Параберъ.

— Ахъ, вотъ, наконецъ, и вы, моя красавица, сказалъ герцогъ: видя васъ, я готовъ всегда проклинать мое регенство, отнимающее у меня минуты, которыя должны бы были быть посвящены вамъ.

— Монсенъеръ, я очень счастлива, что вы вспоминаете иногда о вашей усердной подданной; но я надѣялась, прибавила она въ полголоса, что наше свиданіе въ первый разъ будетъ не при столькихъ свидѣтеляхъ.

— Вы не будете сердиться, потому что вы увидите милую особу, въ которой вы принимаете столько участія, и которой знакомствомъ я обязанъ вамъ.

— Милую особу? сказала г-жа де-Параберъ, съ усиленіемъ удерживаясь отъ смѣха: ваше высочество сегодня неприхотливы.

— Неприхотливъ! Но я нахожу напротивъ, что вы черезъ-чуръ прихотливы.

— Точно, я должна была бояться, что такая молодость, такая красота.... иронически прервала г-жа де-Параберъ.

— Вамъ нечего бояться никого, даже и той, кого вы мнѣ послали.

— Монсенъёръ слишкомъ любезенъ. Во всякомъ случаѣ я нахожу, что вы слишкомъ добры къ старости.

— Къ старости? Но мы съ вами другъ-друга не понимаемъ, сказалъ принцъ: и ту, кого вы ко мнѣ послали, вовсе нельзя упрекнуть въ старости.

— Стало-быть вечерняя тѣнь обманула васъ, монсенъёръ, возразила де-Параберъ, изумленная въ свою очередь.

Въ эту минуту доложили о г-жѣ де-Ферріоль.

— Сегодня у васъ видишь вчерашняго, сказала г-жа де-Параберъ регенту, указывая на входившую маркизу: рассмотрите лучше волшебницу, которая васъ околдовала.

Но когда за строгой фигурой благочестивой маркизы, фаворитка увидѣла граціозный силуэтъ Аиши, она затрепетала, и сказала регенту въ полголоса и съ гнѣвомъ.

— Такъ вы ей приказали привести съ собой эту молодую дѣвушку?

Это неожиданное открытіе было громовымъ ударомъ для регента и для дворянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ произвело и смѣхъ между ними. Они поняли все.

— Монсенъёръ.... начала г-жа де-Ферріоль.

— Радъ васъ видѣть, сударыня, точно также, какъ и вашу прекрасную питомицу. Ни слова о вчерашнемъ визитѣ, сказалъ регентъ тихо: здѣсь думаютъ, что ко мнѣ являлся вы.

Многозначительный взглядъ маркизы сказалъ ему, что это предостереженіе было бесполезно.

Сѣли за столъ. Вечеръ начинался слишкомъ холодно и молчаливо: всѣмъ было неловко, и г-жѣ де-Параберъ, безпокойной отъ ревности, и Аишѣ, испуганной гордымъ приемомъ фаворитки, и Канильяку, который не смѣлъ еще выказать радости удовлетвореннаго мщенія.

Одинъ регентъ старался оживить общество своей веселостью, и любезничалъ попеременно съ двумя красавицами, сидѣвшими подлѣ него. Но невольно взглядъ его становился нѣжнѣе, когда обращался на Аншу.

— Господа, сказалъ принцъ, послѣ одного изъ долгихъ и неловкихъ промежутковъ молчанія: нашему ужину не достаетъ необходимаго.

— Чего же? спросили всѣ.

— Поэта, который бы достойно могъ курить енимамъ двумъ божествамъ, украшающимъ нашъ праздникъ. Надобно бы мнѣ нанять непременно когонибудь изъ нихъ — поэтъ вещь необходимая, и притомъ вовсе незарплата. Прежде у меня былъ одинъ, который въ тоже самое время служилъ въ гвардіи капитаномъ — бѣдный Лафаръ — это былъ мой другъ, и самый искренній другъ; онъ имѣлъ терпѣніе сочинить цѣлую оперу подъ названіемъ *Пантей*, для которой я написалъ музыку.

— Отъ чего же вы не вслите представить эту оперу, монсенъёръ?

— Помилуйте, любезный Канильякъ! Дать Парижанамъ право освистать регента за 15 су! Но за недостаткомъ этого бѣднаго Лафара, нѣтъ ли когонибудь, кто бы могъ импровизировать что-нибудь въ честь царицъ нашего пира?

— Я, монсенъёръ, если вы позволите, сказалъ Канильякъ.

— Bravo, Канильякъ, я еще и не зналъ, за вами этого таланта.

— Вы его и не будете знать, монсенъёръ, даже послѣ моихъ стиховъ. Но наконецъ, это вамъ замѣнитъ мѣсто поэзіи.

И чрезъ нѣсколько минутъ, онъ прочелъ четыре слѣдующихъ стиха:

Пуškai равно стремится око
Къ двумъ блещущимъ равно звѣздамъ....
Но лишь тебѣ, звѣзда Востока,
Я предпочтеніе отдамъ.

И чтобы пояснить свою мысль, Канильякъ оборотился, окончивши четверостишіе, къ Аншѣ. Г-жа де-Параберъ, побѣднѣвшая отъ досады, хотѣла что то сказать, когда вошелъ слуга и доложилъ, что гвардейскій поручикъ проситъ впустить его по дѣлу, нетерпящему отлагательства.

— Завтра, сказалъ регентъ: теперь я не могу заняться дѣломъ....

Слуга вышелъ.

Это дало г-жѣ де-Параберъ время успокоиться. Между-тѣмъ, все-таки, пристально смотря на Канильяка, она сказала:

— Станетъ ли у васъ на столько откровенности или мужества, чтобы сказать въ прозѣ, гдѣ будетъ царствовать эта юная звѣзда, которой вы поклоняетесь?

Канильякъ хотѣлъ отвѣчать, но регентъ перебилъ его съ нѣсколькими принужденнымъ смѣхомъ:

— Я думаю, что г. Канильякъ, просто, разумѣлъ здѣсь звѣзду дома де-Ферриолей, которая еще можетъ возсіяť по-прежнему.

— Я не сомнѣваюсь, если предшественники ея — такіе прекрасные глаза, сказала де-Параберъ, бросая на свою соперницу взглядъ, который хотѣла сдѣлать только презрительнымъ, но въ которомъ невольно выразились гнѣвъ и бѣшенство: и безъ сомнѣнія, фамилія де-Ферриоль, воспитавшая эту прекрасную дѣвицу, не знаетъ еще всей ожидающей ее чести.

Эти слова были пропнесены съ такою горечью и злостью, что было трудно ошибиться въ чувствѣ, которое имъ внушено.

Сама Аиша была смущена. Передъ нею вдругъ и совершенно неожиданно раскрылась бездна.

Но въ эту минуту глухіе крики раздался вокругъ зданій Пале-Рояля, и молодой офицеръ, въ мундирѣ гвардейскаго поручика, быстро отворилъ двери и обратился къ регенту:

— Простите меня, монсеньёръ, что я ворвался насильно, но есть нѣчто выше повновенія — вѣрность; въ эту минуту люди, подкупленные герцогомъ Мельскимъ, бѣгаютъ по улицѣ, съ криками бунта и оскорбленій.

— Противъ короля, или противъ меня?

— Противъ регента, назначеннаго парламентомъ въ противность завѣщанію Людовика XIV.

— Ну, такъ пусть ихъ кричатъ, сказалъ спокойно принцъ, снова садясь за столъ.

— Вы не прикажите разсѣять ихъ сабельными ударами?

— Сабли ранятъ, а ругательства ихъ меня не оскорбляютъ.

Въ эту минуту Аиша узнала въ молодомъ офицерѣ кавалера д'Эди, и забыла все на свѣтъ.

— Сядьте-же за столъ, господа, сказалъ регентъ.

— Нѣтъ, монсеньёръ, нѣтъ, прервала де-Параберъ, подходя къ нему: мною хотѣли играть, но я этого не позволю. Пойдемте со мной, или идите за ней, обратилась она съ презрительнымъ жестомъ, показывая на Аишу.

Принцъ былъ всегда рабомъ старыхъ привычекъ, и скрывши досаду, учтиво раскланялся съ дамами, препоручивши ихъ покровительству кавалера д'Эди.

Г-жа де-Ферриоль хотѣла взять руку Анши, но д'Эди чуть не оттолкнулъ ее.

— Сударыня, сказалъ онъ: будьте покойны, ваша питомица болѣе въ безопасности со мною, нежели съ вами.

И онъ вышелъ съ Аншею, которой рука дрожала въ его рукѣ; маркиза съ досадою послѣдовала за ними.

V.

НАРЛЯЙСКІЙ ЛѢСЪ.

Послѣ происшествій за ужиномъ, на которомъ г-жа де-Параберъ встрѣтилась лицомъ къ лицу съ молодой Аншей, регентъ, какъ было легко предвидѣть, снова подчинился вліянію фаворитки; но образъ прекрасной Черкешенки тѣмъ не менѣе глубоко врѣзался въ его память, и какъ всѣ слабые и нерѣшительные люди, онъ безпрестанно обвинялъ себя, что выпустилъ изъ рукъ такую славную добычу, и отчаявался найти случай ею воспользоваться. Аббатъ Дюбуа, умѣвшій превосходно читать въ сердцѣ своего воспитанника, счелъ за нужное подать ему надежду, и въ задатокъ благодарности получилъ мѣсто церковнаго совѣтника, въ которомъ сначала отказалъ ему принцъ. Герцогъ Орлеанскій, давая ему это мѣсто, сказалъ ему только слова, вѣсказывавшія и врожденную прямоту и въ тоже время всю слабость его характера: «Аббатъ, пожалуйста хоть немного честности!»

Между тѣмъ, г-жа де-Ферриоль нѣсколько разъ уже пыталась ответить снова Аншу къ регенту. Она уговаривала ее тѣмъ, что ненадобно терять ни минуты для возвращенія милости челоуѣку, которому она была столько обязана, тѣмъ болѣе, что, разоренный вполнѣ, безъ кредита, безъ средствъ въ чужой землѣ, г. де-Ферриоль былъ въ крайнемъ положеніи.

— Что касается до меня, говорила маркиза: то, разсчитывая на участіе къ вамъ регента и вполнѣ надѣясь на его милость, я писала къ г. де-Ферриолу, чтобы онъ возвратился во Францію. Не знаю, на что онъ рѣшится — но посудите самп, дитя мое, о его горестномъ изумленіи, когда онъ воротится въ Парижъ.

Неужели я буду должна сказать ему тогда, что довольно было бы только похвальнаго и совершенно невпипнаго самопожертванія его питомицы, и что она не хотѣла ничего сдѣлать?

Колеблясь душою отъ этихъ хитрыхъ рѣчей, Аиша спрашивала иногда себя, не обязана ли она на все рѣшиться, чтобы ускорить возвращеніе своего благодѣтеля, чтобы возвратитъ ему честь и имѣніе; но ей всегда представлялся пророчески-горестный взглядъ кавалера д'Эди. При томъ же и ревность Параберь достаточно пояснила ей ея положеніе для того, чтобы она снова взялась за опасную роль просительницы.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда однажды вечеромъ Дюбуа явился въ отель.

— Что жъ это, любезная маркиза? сказалъ онъ г-жѣ де-Ферриоль: при дворѣ не видать больше ни васъ ни вашей милой питомицы.

— Развѣ монсеньёръ регентъ замѣтилъ это? съ притворною скромностію отвѣчала маркиза.

— То-есть, возразилъ Дюбуа: онъ перестаетъ это замѣчать, и это меня беспокоитъ. Въ первые дни послѣ ужина въ Пале-Рояль, онъ безпрестанно говорилъ со мною о милой Аишѣ, но Параберь, какъ я вижу, успѣла уже отдалить это воспоминаніе. Сначала, — я объ этомъ не беспокоился, потому что мой воспитанникъ способенъ употребить немного во зло признательность милаго адвоката г. де-Ферриоль, — но теперь онъ мало беспокоится о ея отсутствіи. Дѣло о Константинопольскомъ посольствѣ уже рѣшено, — теперь занимаются другими посольствами, и если не напоминать во-время имени графа де-Ферриоля, то ему не окажутъ справедливости. Что прикажете дѣлать? Печальная истина, но все-таки истина, что ничто не требуетъ такого сильнаго заступничества, какъ правое дѣло.

Дюбуа замѣчалъ дѣйствіе своихъ словъ на Аишу, которой невольное волненіе высказывало ея чувства.

— Но, пачала благочестивымъ тономъ, г-жа де-Ферриоль: Аиша не поѣдетъ больше въ Пале-Рояль; я сама не могу обвинять ее за это; я еще хочу вѣрить, что г-жа де-Параберъ обманывалась въ своихъ дурныхъ предположеніяхъ но наконецъ она можетъ продолжать обманываться по прежнему, а съ нею вмѣстѣ будутъ обманываться и другіе. Какъ мнѣ ни драгоцѣнно благо г. де-Ферриоля, я не соглашусь для него пожертвовать добрымъ именемъ Аиши.

— Но вы не знаете, что г-жа де-Параберъ ѣдетъ сегодня ве-

черомъ принять во владѣніе замокъ, который подарилъ ей въ Ниверне его высочество,—и во-время ея отсутствія, стѣитъ разъ только папомнить регенту о г. де-Ферриоль, чтобы совершенно успѣть въ этомъ дѣлѣ. При томъ-же я изобрѣлъ средство, чтобы ни вамъ, ни дѣвицѣ Аншѣ не являться въ этотъ страшный для васъ Пале-Рояль. Празднества прекращены на два мѣсяца по случаю смерти покойнаго короля, но монсеньёръ регентъ ѣдетъ на оленью охоту въ Марли. Охота—удовольствіе дозволенное, которое не противорѣчитъ нисколько похоронному этикету; трауръ запрещаетъ танцовать, но позволяетъ бить звѣрей. — На всякой случай я привезъ пригласительный билетъ съ правомъ на мѣсто въ одномъ изъ павильоновъ. Если хотите, вы можете имъ воспользоваться, и такимъ образомъ, какъ бы случайно увидать регента.

— Это дѣло Анши, сказала маркиза: спросите ее, любезный аббатъ.

Прошла минута молчанія, и довольно-долгого.

— Я дала себѣ слово, отвѣчала наконецъ Анша: послѣ ужасной сцены въ Пале-Рояль, не подвергать себя больше оскорбительнымъ подозрѣніямъ, — но если интересъ г. графа де-Ферриоля... моего спасителя, непременно этого требуетъ, и если г. аббатъ ручается въ честныхъ намѣреніяхъ монсеньера регента, то я отправлюсь въ Марли.

Глаза Дюбуа засверкали, какъ будто-бы онъ уже увидалъ передъ собой кардинальскую шапку. Онъ отдалъ пригласительный билетъ и удалился, обмѣнявшись съ г-жею де-Ферриоль торжествующимъ взглядомъ.

На другой день, рано утромъ, собрались въ Марли. Обѣ посѣтительницы были приняты съ чрезвычайною учтивостію въ великолѣпномъ замкѣ, который внушилъ герцогу Сень-Симону много краснорѣчивыхъ страницъ въ его запискахъ, и отъ котораго остался теперь только полуразрушенный портикъ съ королевскомъ гербомъ Франціи и съ мліями, почти сглаженными временемъ. Все отзывалось приготовленіемъ къ охотѣ; лай собакъ соединялся съ звукомъ рога. Наконецъ, регентъ явился самъ на конѣ; но когда г-жа де-Ферриоль и ея питомица подошли къ нему, онъ отвѣчалъ на поклонъ ихъ только легкимъ наклопеніемъ головы; онъ даже не сдѣлалъ Аншѣ комплиметта на счетъ ея великолѣпнаго костюма.

Во всякомъ другомъ случаѣ, Анша была бы смущена такимъ холоднымъ приѣмомъ, — но въ эту минуту она испытала только

чувство радости. Между-тѣмъ принцъ подѣхалъ къ пей, и когда онъ спросилъ ее съ разсѣяннымъ видомъ, въ первый ли разъ она на охотѣ, то, по знаку маркизы, она отвѣчала съ смущеніемъ, что лишена этого удовольствія, какъ и многихъ другихъ, отсутствіемъ того, кто бы могъ ей доставлять ихъ, своего благодѣтеля, г. графа де-Ферриоля.

Регентъ улыбнулся и отвѣчалъ съ благосклонною улыбкою, что черезъ нѣсколько дней онъ надѣется сдѣлать для г. де-Ферриоля все, что только можетъ. И казалось, въ эту минуту онъ обратилъ вниманіе только на просьбу, а не на просительницу.

Аиша почувствовала себя тогда совершенно успокоенною и рѣшилась вполне наслаждаться всѣми удовольствіями праздника. Скоро подѣхали богатые кареты, назначенныя для дамъ, приглашенныхъ на праздникъ. Всѣ удивлялись однако, что въ числѣ этихъ дамъ не было г-жи де-Параберъ. Знали, что часто еще при покойномъ королѣ, она находила средство, переодѣтая проскользнуть въ замокъ, и такимъ образомъ нарушать тайно строгой этикетъ, который при г-жѣ де-Ментепонъ замѣнилъ мѣсто закона удовольствія, царствовавшего въ первые годы Людовика XIV. Всѣ думали, что путешествіе г-жи де-Параберъ въ Ниверне было чистой отставкой, и всѣ ошибались, ибо не знали еще слабости характера регента.

Аиша пропустила маркизу въ одну изъ приготовленныхъ каретъ; сама-же, почувствовавши вдругъ, подъ прекраснымъ осеннимъ солнцемъ, жаръ своей полутатарской крови, по примѣру дочерей регента и многихъ молодыхъ женщинъ ихъ свиты, попросила себѣ лошадь и, вскочивши на нее, сѣла граціозно и ловко. Охота двинулась, но черезъ четверть часа, случайно ли, вследствие ли умышленно предвидѣнныхъ обстоятельствъ, Аиша, опередившая всѣхъ, вдругъ очутилась одна въ лѣсу, совершенно ей незнакомомъ. Долго искала она дороги, лѣсъ казалось былъ все гуще и гуще — а между-тѣмъ начинали уже ложиться вечернія тѣни.

Воругъ на поворотѣ одной аллеи, она увидала человѣка и хотѣла было уже крикнуть, — но чувство страха смѣнилось у нее, другимъ, болѣе сладкимъ чувствомъ, когда она услышала голосъ, слишкомъ уже знакомый ея сердцу и говорившій.

— Не бойтесь ничего, это — другъ.

— Вы здѣсь, г. д'Эди, сказала она: я заблудилась, прибавила Аиша. Сердце стучало у нея въ груди.

— Да, это я. Какъ поручикъ гвардіи монсеньера регента, я

долженъ слѣдовать за нимъ повсюду, даже и на охоту. Сегодня я потерялъ однако изъ виду его высочество — но все равно, — я могу быть вамъ полезенъ.

Онъ проводилъ ей до Марли. Когда они доѣхали до мосту, въ немъ достало мужества сказать ей.

— Я долженъ васъ оставить теперь, но примите мой послѣдній совѣтъ — будьте осторожны.

— Я не одна.

— Все-равно.... Но я буду защищать васъ.

— Вы?... какъ оцѣнить такую преданность?

— Не благодарите меня.

— Почему-же?

— Она не безкорыстна.

И схвативши руку Черкешенки, онъ прижалъ ее къ устамъ. Она поняла его.

Но передъ ними заблестали уже освѣщенные окна замка.

VI.

СТРАШНАЯ НОЧЬ.

Маркиза де-Ферриоль бранила Аишу за продолжительное отсутствіе, — но Аиша, полная чувствомъ радости, почти не слышала ея упрековъ; между-тѣмъ она почувствовала невольное смущеніе, когда маркиза объявила ей, что онѣ обѣ проведутъ ночь въ павильонѣ, принадлежавшемъ прежде регенту, который занялъ теперь комнаты покойнаго короля. Всѣ предостереженія кавалера д'Эди представились теперь уму Аиши, когда она подумала что проведетъ ночь въ неизвѣстномъ ей мѣстѣ. Но вмѣстѣ съ маркизою, она безмолвно пошла за слугою, который повелъ ихъ черезъ паркъ къ павильону. Указавши имъ легкую и изящную лѣстницу, онъ отворилъ двѣ двери павильона и сказалъ.

— Комната г-жи де-Ферриоль — комната мадамъ Аиши.

Потомъ онъ поспѣшно сошелъ съ лѣстницы.

При мысли быть разлученной съ маркизою, которой присутствіе было, по-крайней-мѣрѣ, охраненіемъ, Аиша затрепетала:

— Сударыня, сударыня! вскричала она: я не останусь безъ васъ.

— Что съ вами? Отъ чего этотъ ужасъ? отвѣчала строго Маркиза.

— Извините меня, сударыня; я сама не знаю, но мы здѣсь не въ вашемъ отелѣ; — меня невольно пугаютъ эти незнакомыя мнѣ мѣста. Удостоите выбрать одну изъ этихъ двухъ комнатъ, но умоляю васъ, не оставляйте меня одну.

Маркиза только пожала плечами.

— Вы, просто, ребенокъ. Пожалуй впрочемъ, если хотите, мы возьмемъ ту, которая вамъ назначена.

Это была небольшая комната, обитая гобеленовскими обоями; у стѣны стоялъ большой шкафъ. И между тѣмъ, не смотря на то, что, повидимому, нечего было боятся, Аиша почувствовала прежній ужасъ.

Т-жа де-Ферриоль, совершивши обычную молитву, легла на богатую постель и сухо пригласила Аишу послѣдовать ея примѣру. Когда Аиша легла тоже, она оборотилась къ ней спиною и тотчасъ же заснула. Молодая дѣвушка также хотѣла заснуть — но ее мучило какое то тревожное ожиданіе. Наконецъ, она тоже сомкнула глаза, но сонъ ея былъ кошмаромъ: ей казалось, что маркизы уже вѣтъ съ нею, что она заперта, что слышатея чьи то шаги.

Когда она проснулась, полупогашая лампа бросала слабый и блѣдный свѣтъ, нимфы, казалось, шевелились на обояхъ, сатиры дѣлали гримасы, и когда Аиша хотѣла оцупать рукою маркизу, она нашла уже мѣсто пустымъ. Аиша вскочила съ постели, и осмотрѣвши дверь, нашла, что она заперта снаружи ключемъ.

Аиша бросилась на колѣна съ молитвою небу спасти ее; но едва успѣла она окончить свою молитву, какъ тяжелый шкафъ, котораго не подняли бы четыре человѣка, самъ собою повернулся въ стѣнѣ, и за нимъ открылась маленькая дверь. Аиша почувствовала, что роковая минута пришла. — Сказавши себѣ внутренно, что противъ силы есть одно только средство — смерть, она бросилась къ окну и, открывши его, хотѣла уже ринуться въ пропасть, — когда явилась женщина. Изумленная этимъ неожиданнымъ явленіемъ, Аиша подумала сначала, что возвратилась маркиза; но каково же было ея удивленіе при видѣ гордой и насмѣшившейся физиономіи де-Параберъ?

— А! это вы, моя красавица! Меня не обмануди, сказала Параберъ: вы не теряли времени, пока я была въ Ниверне. Недурно, недурно, особливо для Черкешенки.

— Ахъ, сударыня, обвиняйте меня какъ вамъ угодно, но спасите, спасите меня!

— Васъ спасти? Но отъ кого? Отъ того, къ кому пришли вы сами?

— Я!

— Да, вы! — меня не обманете добродѣтелью. Я разгадала все во взглядѣ регента; я знаю его непостоянство — а такихъ обожателей не отталкиваютъ женщины.

— Оттолкнуть его, я не могла бы сударыня, но я могла бы умереть.

— Умереть!

— Да, въ ту минуту, когда я услышала шумъ за дверью, я подошла къ этому окну, чтобы изъ него броситься.

— Точно, сказала Параберь, взглянувши въ окно: тутъ можно убится.... И чтобы спастись отъ регента, вы хотѣли.... ну, нельзя сомнѣваться въ вашей невинности послѣ такого доказательства!.... Признаюсь вамъ, я бы этого не сдѣлала.... Но вы здѣсь, слѣдовательно, противъ воли?

— Я пріѣхала просить о возвращеніи г. де-Ферриоля, котораго ждутъ въ Парижъ съ минуты на минуту — я пріѣхала въ слѣдствіе честнаго слова аббата Дюбуа, подъ охраненіемъ г-жи де-Ферриоль.

— Подъ охраненіемъ маркизы де-Ферриоль.... которая сыграла со мною такую славную штуку.... въ слѣдствіе честнаго слова аббата Дюбуа, который обманываетъ цѣлый свѣтъ! Зачѣмъ вы этого прежде не сказали, бѣдное дитя! Чего хорошаго ждать отъ аббата и отъ лицемѣрки? Къ счастью, я здѣсь — и охраню васъ, или лучше, охраню регента. Его высочество скоро, вѣроятно, пожалуетъ, и я беру на себя трудъ принять его.

— Его высочество! О, я должна избѣжать его присутствія.

— Это очень можно, благодаря тѣмъ же средствамъ, которыя помогли мнѣ сюда войти.

— Какія же это средства?

— Я вамъ скажу все: предупрежденная людьми регента, которые всѣ мною подкуплены, я остановилась въ моемъ путешествіи на второй станціи — и потомъ, ни мало не медля, поѣхала назадъ въ Парижъ. Я узнала, что мой невѣрный поѣхалъ въ Марли. Тотчасъ же я пріѣхала сюда; но надобно было проникнуть въ замокъ. Если бы у воротъ были только слуги регента, я бы нисколько не беспокоилась, — я знаю, сколько стоитъ вѣрность товарищей Дюбуа, но тамъ поставили гвардейскій эскадронъ; часовой отказался пропустить меня въ такой поздній часъ, — къ счастью, я спросила дежурнаго поручика — онъ явился — очень

милой молодой человекъ, и видъ его внушилъ мнѣ довѣренность; я ему сказала прямо о цѣли моего прїѣзда, и онъ тотчасъ же пропустилъ меня; право, онъ и для себя бы, кажется, не могъ дѣйствовать съ большею ревностью.

— Ахъ, это онъ, это все онъ! внутренно сказала себѣ Аиша, благодаря Бога.

— Войдя въ замокъ, я уже знала, куда мнѣ идти; у меня есть ключъ отъ нижней калитки; я знаю секретъ шкафа — для меня и придумалъ этотъ секретъ измѣнникъ регентъ, при покойномъ королѣ... во время его первой любви ко мнѣ... Я не удивляюсь нисколько, что онъ дорого заплатилъ тогда за это изобрѣтеніе; онъ зналъ всѣ его выгоды... Отправляйтесь же, мое милое дитя, сойдите по этой лѣстницѣ, возьмите прямо аллею, она доведетъ васъ до воротъ. Поручикъ вамъ отпереть, — вы найдете тамъ мою карету, скажите ей, что я остаюсь въ Марли, и велите отвезти васъ въ Парижъ. Ступайте и не теряйте ни минуты.

— О, благодарю, благодарю васъ, сударыня.

— Обоймите меня лучше... вы мнѣ ничѣмъ не обязаны... я не столько спасаю васъ, сколько мщу за себя.

Аиша исчезла, а г-жа де-Параберъ съела на сочувственно стала ожидать регента.

VII.

НЕОЖИДАННОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Когда Аиша, радуясь своему спасенію, и рассказавши кавалеру д'Эди всѣ свои опасности, садилась въ карету г-жи де-Параберъ, когда та вступала въ свои владѣнія — хохотъ, самый веселый хохотъ, слышался въ покояхъ регента. Въ сапогахъ со шпорами, принцъ собирался, повидимому, ѣхать, и обращался такимъ образомъ къ человеку въ черномъ костюмѣ:

— Ты увѣренъ, что Параберъ ждетъ меня въ эту минуту въ павильонѣ?

— Слишкомъ, монсеньёръ; я зналъ ея планъ за-раше; надобно же, чтобы на что нибудь годилась полиція... Кроме того, только что я узналъ отъ моего шпіона, что Аиша садится въ карету маркизы, я подкупилъ кучера — опъ повалить карету въ Буживальскаго рва.

— Но, я боюсь, чтобы ее не ушибли.

Одобрите покойны, это — малой привычны. Онъ роиалъ уже безъ всякаго вреда многихъ важныхъ лицъ. Что касается до васъ, монсеньёръ, то четверка уже ждетъ: васъ — вы скоро достигнете карету Параберь. Дайте только ей сдаться — красавица; между тѣмъ, вѣроятно, упадетъ въ обморокъ... тогда вы явитесь избавителемъ, примете несчастную въ вашъ объятія, и отвезете въ Рюэль, гдѣ-т. д'Эвильюгъ, предлагающъ вамъ гостеприимство на эту ночь... потому что: здѣсь вамъ не будетъ покоя отъ этой проклятой Параберь, которая васъ обожаетъ, и еще отъ другаго врага!

Отъ кого же?

— Отъ самаго красиваго изъ вашихъ гвардейскихъ офицеровъ, отъ молодаго д'Эди, который, кажется, слишкомъ влюбленъ въ нашу Черкешенку, и пожалуй, даже страдаетъ не безъ взаимности. Мои шпионы донесли мнѣ, что вчера ночью видѣли ихъ вмѣстѣ. Сейчасъ еще одинъ изъ моихъ лазутчиковъ слышалъ самый страстный разговоръ кавалера съ Аишей. Это даже и дало намъ время подкупить кучера.

— Что ты говоришь?.. Такъ эта дикая невинность...

— Совершенно цивилизована, монсеньёръ!

— А я еще чувствовалъ упреки совѣсти:

— Упреки совѣсти! Видите ли, какъ дурно измѣнять своимъ привычкамъ. Ну, монсеньёръ, что вы скажете о моемъ планѣ?

— Я скажу, аббатъ, что когда у меня было время заниматься колдовствомъ, и когда я ѣздилъ съ другомъ моимъ Мирпуа, вызывая на перекресткахъ дьявола, я по-пустому терялъ время.

— Потому что дьяволу было нѣкогда вамъ отвѣчать!

— Нѣтъ, потому что дьяволъ былъ у меня самодично, въ сюртукъ моего секретаря.

— Вы думаете, что онъ выбралъ мое истощенное тѣло, чтобы инкогнито путешествовать по землѣ?

— Инкогнито... ты, правъ, аббатъ, дьяволъ никогда не выбралъ бы твоей фигуры, отъ страха быть узнаваемъ.

Сказавши эти слова, регентъ взглянулъ на часы, и ушелъ въ маленькую дверь, у которой ждала его карета, потомъ выѣхалъ изъ замка Марли.

Межѣ темъ черезъ часъ потомъ, другая карета лежала въ Буживальскомъ рву, и кучеръ, совершенно цѣлый и здоровый, вынималъ изъ нея, молодую дѣвушку, немного оглушенную ударомъ. Когда она пришла въ чувства, кучеръ объявилъ ей, что карета сломалась, и не можетъ ѣхать далѣе.

Айша, между тѣмъ, не смотря на всю ловкость кучера, все-таки не могла продолжать дороги, особенно же пѣшкомъ, въ холодную почу. Въ эту минуту появившася на дорогѣ быстро мчавшаяся карета четверней, съ копейщиками впереди и позади. Сидѣвшій въ каретѣ велѣлъ остановиться, и самъ отворивши дверцы, бросился къ молодой дѣвушкѣ.

— Что я вижу! вскричалъ онъ, съ притворнымъ изумленіемъ: вы здѣсь, сударыня! когда я думалъ, что вы въ Марии! Но объясните мнѣ, какимъ чудомъ.... Но прежде всего, не ушиблись ли вы?...

— Нѣтъ, монсеньёръ, дрожа прошептала Айша: в благодарю васъ за участие.

— Ахъ, славу Богу, я попалъ кетати и предлагаю вамъ мѣсто въ моей каретѣ, гдѣ мы гораздо удобнѣе можемъ продолжать этотъ разговоръ, чѣмъ на большой дорогѣ. Дьявольски холодно, потрудитесь дать мнѣ руку.

— Монсеньёръ.... простите.... я не могу.

— Что за ребечество? Дайте руку, я хочу этого.

Въ ту же минуту, регентъ съ улыбкою завладѣлъ рукой молодой дѣвушки, и хотѣлъ увлечь ее; но она сказала ему съ глазами, полными слезъ:

— Монсеньёръ, это невозможно — невозможно даже, не смотря на власть, которой вы облечены, и которой вы не захотите употребить во зло. Скальтесь надъ бѣдной дѣвушкой; которая предпочтетъ самую смерть безчестію.

При словѣ: «безчестіе» губы принца сжались сардоническою улыбкою, потому что оскорбленное самолюбіе тотчасъ же напомнило ему рассказъ аббата Дюбуа.

— Если любовь Филиппа Орлеанскаго, регента Франціи, сказала онъ: можетъ быть безчестіемъ, — что же имѣетъ этого любовь простаго дворянина?

— Монсеньёръ, что вы хотите сказать?

— Ничего, кромѣ того, что вы меня не принудите, конечно, просить одного изъ моихъ офицеровъ, о томъ, чтобы вы приняли мое предложеніе.

— Монсеньёръ, вы хотите погубить меня!

— Напротивъ, моя прекрасная, пойдѣте.... О! въ этотъ разъ, вы отъ меня не убѣжите.

— Господи! Боже мой! ну жели никто не придетъ ко мнѣ на помощь?

— Ночью, въ этотъ часъ? Вы грезите, моя прекрасная... Жребій брошенъ, и никто не вырветъ васъ изъ моихъ рукъ.

— Ваше высочество, быть-можетъ, ошибаетесь, сказалъ подлѣ принца чей то голосъ.

Два дѣйствующихъ лица этой сцены вовсе и не замѣтили, что почтовая карета мчалась изъ Парижа, и что изъ нея вышелъ человѣкъ.

— Кто вы, сударь? сказалъ регентъ новоприбывшему: какъ вы смѣете....

— Женщина, къ которой обращается регентъ — моя! Я ѣхалъ въ Марли за тѣмъ, чтобы взять ее.

— По какому праву? Развѣ вы отецъ, или братъ этой молодой дѣвушки?

— Нѣтъ, монсенъёръ, но я — господинъ этой невольницы, я графъ де-Ферриоль.

— Вы во Франціи, сударь, — но ваше изгнаніе еще не кончилось.

— Изгнаніе не влечетъ за собою потери имущества. Эта невольница, которую я купилъ, принадлежитъ мнѣ.

— На французской землѣ — рабы свободны.

— Можетъ-быть, монсенъёръ, но свободные должны ли быть рабами? По-крайней-мѣрѣ, не дозволено ли будетъ самой Аншѣ выбрать принца или изгнанника.

Но Анша была уже во его объятіяхъ.

— Мой благодѣтель, вскричала она.

— Графъ, сказалъ принцъ: вы обращались къ герцогу Орлеанскому, регентъ ничего не знаетъ объ вашемъ возвращеніи; возьмите эту дѣвушку, и ждите моихъ приказаній въ вашемъ отелѣ.

Графъ де-Ферриоль холодно поклонился и сѣлъ съ Аншей въ почтовую карету.

VIII.

ГРАФЪ ДЕ-ФЕРРИОЛЬ.

Графъ де-Ферриоль сидѣлъ въ большихъ креслахъ у каминна, когда Анша рассказывала своему благодѣтелю всю свою прошедшую жизнь.

Графъ де-Ферриоль, съ которымъ наши читатели познакоми-

лись въ началѣ повѣсти, въ эпоху эту (въ ноябрѣ 1715 года) былъ человѣкъ лѣтъ 54, высокаго роста, довольно сѣльнаго сложенія, съ жизнію въ глазахъ и съ повелительнымъ взглядомъ. Какъ Мирабо, онъ имѣлъ одну изъ тѣхъ горячихъ организацій, которыя только раздражаются препятствіями и въ которой восточная жизнь удивительно развила склонность къ владычеству.

Давши долго говорить Аншѣ, графъ де-Ферриоль вдругъ вынулъ изъ кармана бумагу:

— Ахъ да, дитя мое, вскричалъ онъ: знаешь ли ты эту руку?

Молодая дѣвушка съ любопытствомъ взглянула на бумагу, потомъ отвѣчала спокойно:

— Нѣтъ, г. графъ.

— Тѣмъ лучше! возразилъ г. де-Ферриоль: по по этой-то запискѣ я и отправился вчера въ Марли.

При этихъ словахъ Анша покраснѣла и поблѣднѣла; если она не знала руки, писавшей записку, то угадала ея сочинителя.

— Страшно однако, началъ слова г. де-Ферриоль, не замѣчая ея смущенія, что моя невѣстка еще не возвратилась въ отель.

— Безъ сомнѣнія, она не знаетъ о вашемъ приѣздѣ, возразила молодая дѣвушка робко и стараясь еще извинить женщину, которой соучастничество въ Марлійскихъ происшествіяхъ было слишкомъ ясно.

— Положимъ — но вѣдь ея же обязанность была не терять тебя ни минуты изъ виду въ Марли. Если съ ней это въ другой разъ случится...

— Такое страшное выраженіе было въ эту минуту на лицѣ графа, что Анша отодвинулась.

— Что это съ тобою? вскричалъ онъ съ улыбкою.

— Извините мнѣ, графъ, отвѣчала Анша — но мнѣ васъ страшно.

— Не тебѣ только должно быть отъ меня страшно.... Ты такъ хороша — и кстати... вѣроятно, не я первый замѣтилъ это, кромѣ твоего зеркала?... Не краснѣй теперь, я возвратился и не позволю никому, кромѣ себя, находить тебя прекрасной....

И какъ будто бы разомъ желая разрушить всѣ мечты молодой дѣвушки, графъ де-Ферриоль замѣтилъ висѣвшую на стѣнѣ гитару и сказалъ:

— Ты мнѣ говорила, Анша, что тебя учили многому. Покажи же мнѣ свое искусство, спой что нибудь.

Печально встала Червешенка и, повинуваясь своему властелину, взяла гитару.

Ей пришла на память арія изъ Армиды и вмѣстѣ съ тѣмъ

воспоминаніе о д'Эди, котораго она, въ первый разъ видѣла во время представленія этой оперы.

Ну! вскричалъ слушавшій съ восхищеніемъ г. де-Ферриоль: поздравляю тебя Аиша, ты поешь чудесно, и я этому очень радъ, чортъ возьми! потому что люблю музыку. Я всегда засыпалъ съ музыкантами — теперь ты одна будешь усыплять меня.

Я? прошептала молодая дѣвушка.

— Ну, да! развѣ ты не моя невольница?

— Правда, отвѣчала Черкешенка: я было и забыла объ этомъ.

— Да я то не забылъ. Ты умѣешь тоже танцевать, не правда ли?

— Да, г. графъ.

— Прекрасно, только я не люблю французскихъ танцевъ, мнѣ надобно что нибудь поживѣе. Помнишь ли ты пляски своей родины?... Но что съ тобою, ты плачешь? Полно, перестань ребячиться, сказалъ графъ, обхватывая руками стройный станъ молодой дѣвушки.

Она затрепетала.

— Пошадите, г. графъ, вскричала она: пошадите!

Но пошады, вѣроятно бы, не было, еслибы въ эту минуту не вошла маркиза.

— Благодареніе небу, вскричала она съ притворною нѣжностью: я наконецъ васъ вижу, любезный графъ, и Аишу вмѣстѣ съ вами! Какое счастье.

— Ну, въ одномъ вы, кажется, не виноваты, любезная сестра; напротивъ, чуть было въ мое отсутствіе не надѣлали вы дѣлъ, за которыя я потребовалъ бы строгаго отчета!

— Что вы хотите сказать братецъ? едва слышно прошептала маркиза, блѣднѣя, но стараясь скрыть свое смущеніе.

— Странно мнѣ, что вы спрашиваете.... но пусть прежде удалится Аиша.

Аиша склонила голову и вышла изъ комнаты.

— Правдѣ, любезный братъ, начала тогда маркиза: мнѣ трудно понять вашъ приемъ, и я ожидала совсѣмъ другаго, послѣ такой долгой разлуки. Какъ, неужели вы придаете такую важность волокитству регента, волокитству вовсе безъ послѣдствій, потому что эта дурочка испугалась понапрасну.

— Безъ послѣдствій, говорите вы! Но если бы я не явился во время на большую дорогу, регентъ насильно увезъ бы Аишу, забывая, что нельзя безнаказанно трогать правъ графа де-Ферриоля. Досадно, что я долженъ былъ объ этомъ ему напомнить.

— Знаю, братецъ, — но развѣ вы не боитесь, что эта излц-
щная вепльчивость васъ погубитъ?

Что мнѣ за дѣло? почти съ яростію вскричалъ графъ.
— Ну въ такомъ случаѣ, да поможетъ намъ Богъ! вскри-
чала набожно маркиза. Все погибло, подумала она: планъ мой
разрушился.

Между тѣмъ Анна, блѣдная, трепещущая, говорила въ своей
комнатѣ съ своей приближенной камеристкой Софи, которой пре-
данность была ей извѣстна. Она рѣшилась написать къ кавалеру
д'Эди письмо обо всемъ случившемся и, запечатавши отдала его
камеристкѣ.

IX.

МАРИНО-МАРИНИ.

Слухъ о встрѣчѣ графа де-Ферриоля съ регентомъ и о его
возвращеніи распространился по всему городу. Въ одинъ вечеръ
графу доложили о приходѣ какого то иностранца, который ска-
залъ, что имя свое объявитъ онъ только самому г. де-Ферриолю.

Графъ велѣлъ впустить его — и онъ вошелъ. Это былъ че-
ловѣкъ съ очень обыкновенной физиономіи, но съ вѣчной улыб-
кой на устахъ. Вошедши, онъ низко поклонился графу де-Фер-
риолю, и сѣвши на стулъ по его приглашенію, долго молчалъ, пока,
наконецъ, самъ графъ не спросилъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь
говорить.

— Какъ, г. графъ, вскричалъ онъ: вы меня не узнаете?

— Нѣтъ.

— А мы однако видѣлись прежде.

— Да... въ-самомъ-дѣлѣ... постоитъ, не вы ли года за три
или за четыре пришли ко мнѣ вечеромъ въ Константинополь.

— Ваша память васъ не обманываетъ, г. графъ.

— Вы, кажется, были жепаты.

— Съ лѣвой руки, г. графъ.

— Понимаю.... а теперь?

— Я вдовецъ, ваше сіятельство.

— Какъ — она умерла! Тѣмъ хуже.

— Вы ее знали, ваше сіятельство?

— Что вамъ теперь за дѣло?

— Е чего — но успокойтесь, монсенъёръ, она умерла только
для меня — она убѣжала съ секретаремъ посольства.

— Фи! но напомните же мнѣ ваше имя.

— Я, къ услугамъ вашимъ, синьйоръ Марино-Марини, графъ Святой Римской Имперіи, бригадиръ арміи короля испанскаго, его католическаго величества Филиппа V, да сохранить и помилуетъ его Господь, — кавалеръ Святаго Лазаря, Святой Изабеллы и многихъ другихъ знаменитыхъ орденовъ, тайный совѣтникъ святаго отца папы, камергеръ его высочества герцога савойскаго.

— Къ дѣлу; перервалъ графъ: что вамъ нужно.

— Добрый другъ мой, кардиналъ Альберони сказалъ мнѣ однажды. Марино-Марини, mio cagno, у меня есть къ тебѣ важное порученіе — ты знаешь бывшаго посланника графа де-Ферриоля? Знаю, сказалъ я. Король мой государь, его величество Филиппъ V, продолжалъ кардиналъ, хочеть возвратить ему его посольство.

— А! король Филиппъ хочеть мнѣ возвратить мое посольство! Но какъ?

— Какъ, монсенъёръ, неужели вамъ непонятно, что если бы онъ сдѣлался французскимъ королемъ...

— Такъ дѣло идетъ о заговорѣ.

— То есть о маленькомъ рег Dio.

— И на меня надѣялись?

— Да, монсенъёръ.

— Ни за что.

— О! вы откажетесь отъ этихъ словъ, г. графъ.

— Никогда.

— Я вамъ обещаю во имя Его Святѣйшества индульгенцію.

— Не нужно.

— Отпущеніе всѣхъ грѣховъ.

— Я ихъ самъ отпустилъ себѣ.

— Jesus Maria, графъ! вскричалъ, крестясь, Марини: вы отказываетесь.

— Да.

— Такъ я ухожу.

— Прощайте.

— Не прощайте г. графъ, а до свиданія.

И кавалеръ Марино-Марини вышелъ.

X.

ВЛАСТЕЛИНЪ И НЕВОЛЬНИЦА.

Едва только ушелъ отъ графа де-Ферріоля синьйоръ Марини, какъ ему доложили о приходѣ другаго лица. При имени кавалера д'Эди, губы графа судорожно сжались какою то злой улыбкой.

— Что доставляетъ мнѣ честь видѣть васъ у себя, кавалеръ? обратился онъ къ вошедшему, съ холодною учтивостью.

— Вы скоро это узнаете, г. графъ, отвѣчалъ тотъ, стараясь скрыть свое волненіе: но прежде всего вы должны узнать, что записка, присланная къ вамъ отъ неизвѣстнаго и заставившая васъ отравиться въ Марли, была писана мною.

— Очень вамъ благодаренъ, и кажется, я умѣлъ ею воспользоваться, отвѣчалъ графъ съ тою же холодною вѣжливостью.

— Графъ, началъ д'Эди сосретодоченнымъ тономъ: я люблю вашу воспитанницу...

— Мою невольницу, кавалеръ, перебилъ графъ де-Ферріоль.

— Вашу невольницу, или вашу воспитанницу — но, это все равно — я ее люблю....

— Далѣе.

— Я прошу у васъ ея руки.

— Кавалеръ, это невозможно, отвѣчалъ графъ, оборачиваясь къ огню. Она моя по всѣмъ правамъ, и я вовсе не намѣренъ отдать ее вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, вспльчиво сказалъ д'Эди: пусть судьба рѣшитъ, кому пзъ насъ будетъ принадлежать она — мы будемъ драться.

— Извините, кавалеръ, мы не будемъ драться, спокойно отвѣчалъ бывший посланникъ.

— Не будемъ! Развѣ васъ безчеститъ вызовъ равнаго вамъ дворянина?

— Нѣтъ, кавалеръ, но двое дворянъ не должны погибнуть за невольницу.

— О! въ такомъ случаѣ, графъ, презрительно началъ д'Эди: отъ имени монсеиёра регента Франціи, я предлагаю вамъ 40,000 ливровъ выкупа за эту невольницу.

— Скажите его величеству, что я дѣню его милости, отвѣчалъ графъ, съ насмѣшливою улыбкою: но что не отдамъ Анши ни за какія деньги.

— Графъ, началъ опять д'Эди: вы отвергли мои предложенія, такъ теперь вы должны знать, что на французской землѣ нѣтъ невольницъ. Вотъ ордеръ регента о возвращеніи свободы Аиши и о вашемъ изгнаніи.

— Я это предугадывалъ, сказалъ графъ, съ тѣмъ же неизмѣннымъ спокойствіемъ: я подчиняюсь приговору регента, но пусть сама Аиша рѣшитъ: хочетъ ли она воспользоваться свободою.

И графъ отдернулъ занавѣсъ надъ маленькою дверью кабинета. Глазамъ изумленнаго и почти уничтоженнаго д'Эди явилась Аиша, блѣдная, трепещущая, какъ осужденная на смертную казнь.

— Д'Эди, благородный другъ мой, сказала она съ глухими рыданіями: я погибла, невозвратно погибла.... Этотъ извергъ далъ мнѣ усыпительный порошокъ.... Повторяю вамъ, что я васъ недостойна.... Я должна за нимъ слѣдовать всюду, всюду....

И д'Эди, какъ безумный ринулся изъ кабинета.

Вечеромъ того же дня, почтовая карета выѣхала изъ воротъ отеля Ферриолей.

— Ну! теперь онъ мой! подумалъ синьоръ Марини, увидавшій въ каретѣ графа де-Ферриоля.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Есть у души высокія мгновенья,
Когда далекая и чуждая заботъ —
Она озарена лучемъ преображенья
И вдохновеніемъ живеть.

Въ ней все — восторгъ... смолкають сердца муки
И воцаряются гармонія и миръ...
Внимайте — жизнь перемилась вся въ звуки
И возстае изъ звуковъ новый міръ.

Тотъ міръ повить чудесной пеленою,
Въ немъ неба міръ и славы отраженья. —
И дышетъ все любовью неземною...
Онъ върой и блаженствомъ окрещень.

Раскрылись небеса! смотрите, Царь творенья, —
На всемъ видна Его руки печать...
Какъ хорошо душѣ... въ мнуды вдохновенья
Желалъ бы я предъ Господомъ предстать.

А. С.

11820

1а

КОМЕДІЯ СЪ ДЯДЮШКОЙ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ШУТОЧНАЯ ОПЕРЕТКА-ВОДЕВИЛЬ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

П. И. Григорьева 1.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Карпъ Савичъ Кубаревъ, прѣзжій помѣщикъ изъ Полтавы. *Г. Григорьевъ 1.*
- Сергѣй Васильичъ Питерскій, его родной племянникъ и единственный наслѣдникъ. *Г. Самойловъ.*
- Анна Петровна, его жена. *Г. Жа Самойлова.*
- Филька, слуга Кубарева (Малороссіяны). *Г. Семизатовъ.*
- Иванъ, слуга Питерскаго. *Г. Расказовъ.*
- Балетная корфeya. * * *
- Симеонъ Кабала, жидъ, процентчикъ. * * *
- Молодая Тиролька. * * *
- Климовна, русская нянька. * * *
- Лиза, } горничная.
- Катя, }

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Питерскаго.

14850

18462

12411

Театръ представляет круглый павильонъ, хорошо меблированный, съ пятью дверями и однимъ окномъ на улицу. На-право богатое трюмо, въ глубинѣ, у стѣны, фортепiano и скамейка.

ЯВЛЕНИЕ I.

ПИТЕРСКІЙ (*вбѣгаетъ одинъ, держитъ развернутое письмо и хохочетъ.*)

Ха! ха! ха! браво! теперь мы торжествуемъ! теперь любезный дядюшка въ нашихъ рукахъ!... Я такъ радъ этому письму, что готовъ перечитывать его ежеминутно! О! да здравствуютъ отнынѣ всѣ племянники, которые надуваютъ богатыхъ дядюшекъ! ха! ха!... (*Читаетъ*). Городъ Полтава, 12 ноября 1841 года. «Милостивый государь мой Сергѣй Васильевичъ! съ совершеннымъ сокрушеніемъ сердца моего, честь имѣю донести вамъ слѣдующее: какъ только дядюшка вашъ прочелъ то письмо, въ которомъ вы изволили начертать, что влюбились въ добродѣтельную, но зѣло бѣдную дворяночку и хотите на ней жениться, то дядюшка вашъ вскочилъ съ своего канапе и по причинѣ горячей природы вошелъ въ такой экстрактъ, что ударомъ кулака повредилъ столъ корельской березы; потомъ въ томъ-же экстрактѣ спросилъ бутылку рябиновки, и наливая аппетитную рюмку, закричалъ на весь домъ.... (*извините за подробности*) закричалъ въ озлобленіи: мой Серезжа послѣ этого дуракъ! я ему дамъ знать себя! я не позволю! При этомъ, снова вынулъ шаль рюмку и снова тѣмъ же кулакомъ разразилъ столъ краснаго дерева.» (*Питерскій останавливается*) Ха! ха! ха! — бѣдный

дядюшка! Да гдѣ моя жена?... *(Кричитъ)* Аннета! Аннета! пришло письмо изъ Полтавы! гдѣ ты?

(Голосъ Анны Петровны.) Сейчасъ! я записываю наши расходы!

ПИТЕРСКІЙ *(читаетъ опять)*. Ну, разразилъ столпкъ красного дерева... потомъ, «почти въ слѣдъ за вашимъ письмомъ, пріѣхалъ изъ Петербуга къ намъ въ Полтаву вашъ пріятель, о которомъ вы писали мнѣ тихонько отъ дядюшки, и оный вашъ пріятель, довелъ дядюшку разказами ужъ до такого рукопашнаго экстракта, отъ коего вся дворня разбѣжалась по угламъ! Онъ сказалъ ему, что вы играете въ карты, что надѣлали долговъ болѣе 20-ти тысячъ, въ надеждѣ, что дядюшка никогда не пріѣдетъ въ Петербургъ, и съ отчаянія, что вамъ запрещаютъ жениться, вы будто бы влюбились въ какую то театральную плясунью, и что оная пляеувья, по добродѣтели своей, обираетъ васъ елико возможно, и такъ далѣе.... И такъ дядюшка, чтобъ поразить васъ, отслужилъ молебень, нагрузилъ походный тарантасъ, и на зло вамъ, въ первый разъ пустился въ Питеръ, помѣшать вамъ жениться, вымытъ голову и проч., и во избѣжаніе сильныхъ его экстрактовъ припрячьте всѣ хорошіе столы. Крайне будетъ жаль, если вашъ дядюшка перегонитъ мое письмо, ибо онъ отправился сутками раньше.

«Вашъ преданный дядька Евлампій Селезневъ!»

Ха! ха! милости просимъ дорогой дядюшка! Я только изъ того и бился, чтобъ сдвинуть вашу персону съ завѣтнаго мѣстечка! Сегодня или завтра онъ, вѣрно, уже будетъ, здѣсь... и тогда увидать, можно ли его единственному наслѣднику жить въ столицѣ съ молодой женою этими деньгами, что онъ присылаетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПИТЕРСКІЙ И АННА ПЕТРОВНА *(съ перомъ въ рукѣ и расходною книгой)*.

АННА ПЕТРОВНА. Ну вотъ и я! Ахъ, Серёжа, какъ ты много истратилъ въ этотъ мѣсяць.... ужасъ! Право, дядюшка твой умно дѣлаетъ, что браить тебѣ и мало присылаетъ денегъ. Посмотрите пожалуйста, на что это похоже? 1770 рублей! Ну какъ же тебѣ нестыдно такъ мотать деньги? Вѣдь слава Богу, что ты

еще для себя ничем не удовлетить, а то бы намъ, просто, жить печѣмъ было.

ПИТЕРСКИЙ. Ха! ха! ха!

АННА ПЕТРОВНА. Ну, что смѣешься? Вспомни лучше, что ты теперь ужъ человѣкъ женатый, надо думать объ женѣ, не бросаешь деньги на этикіе вздоры.

ПИТЕРСКИЙ. Ха! ха! ха! вотъ это мнѣ нравится, что я же и виноватъ. Ну, хорошо, — чтобъ поправить мою ошибку, такъ продадимъ все это, и у насъ будутъ лишнія деньги въ запасѣ.

АННА ПЕТРОВНА. Вотъ! за чѣмъ же продавать. Когда ты хочешь, чтобъ я шеголяла.... это все необходимо.

ПИТЕРСКИЙ. А! ха! ха! ха! стало быть я мотаю по необходимости. Ахъ! да для тебя я готовъ промотать все на свѣтѣ, чтобъ только ты видѣла, какъ я люблю тебя!

АННА ПЕТРОВНА. Благодарю тебѣ, мой другъ. Да! я вижу, что нашему счастью завидуютъ многіе. Но скажи, за чѣмъ ты звалъ меня?

ПИТЕРСКИЙ. Чтобъ рассказать тебѣ о такой новости, которая поразитъ тебя и, вѣрно, поправить наши дѣла; только надо, чтобъ ты постаралась показать всѣ свои таланты.

АННА ПЕТРОВНА. О! изъ любви къ тебѣ, я готова на все! Что такое?

ПИТЕРСКИЙ. Вообрази: всѣ мои планы и затѣи обращаются въ нашу пользу: вѣдь я добился что дядюшка Карпъ Савичъ ѣдетъ къ намъ!

АННА ПЕТРОВНА (*всплеснувъ руками*). Неужелл.

ПИТЕРСКИЙ. Вотъ прекуръзное письмо отъ его управителя. Ха! ха! ха! старикъ взбѣшенъ на меня за всѣ небывалыя проказы и хочетъ помѣшать мнѣ жениться на тебѣ.

АННА ПЕТРОВНА. Ха! ха! ха! Вотъ будетъ потѣха! ха! ха!

ПИТЕРСКИЙ. Чудо! Надо только хорошенько приготовиться къ приему.

АННА ПЕТРОВНА. Да, да, вѣдь онъ у тебя закоренѣлый, степной, такъ надо, чтобъ я была похожа на его племянницу.... Постои, какъ только онъ захочетъ узрѣть меня, я сострою пресерьезную мину, сложу руки, присяду по-полтавски и скажу съ чувствомъ, милостивый государь мой, дядюшка, примите въ ваше расположение недостойную вашихъ милостей и позвольте униженно поцѣловать вашу ручку.... Ха ха! ха!

ПИТЕРСКИЙ. Ха! ха! bravo! только эту фразу побережь въ заключеніе спектакля, а въ началѣ надо, чтобъ онъ пришелъ, про-

сто, въ ужасъ отъ своего племянника! Надо показать, что его скупость довела меня до всевозможныхъ глупостей! Лично намъ онъ не захочетъ вѣрить, такъ прищемъ такихъ людей, которые бы говорили въ нашу пользу. Когда онъ самъ увѣрится на дѣлѣ, что притѣснялъ меня, тогда нестрашно будетъ открыть ему нашу женитьбу. Не правда ли?

АННА ПЕТРОВНА. Въ-самомъ-дѣлѣ! Но гдѣ-же мы станемъ искать такихъ людей, которые бы рѣшились съ степнымъ старикомъ играть комедію?

ПИТЕРСКИЙ (*придумывая*). Постои душа моя... у меня вертится планъ въ головѣ, только какъ бы его исполнить по театральному, со всеми эффектами?... Тебя онъ вовсе не знаетъ, такъ тебѣ легко обмануть его, а вотъ какъ бы мнѣ то устроить... Ахъ! счастливая мысль!

АННА ПЕТРОВНА. Да что же такое? Ради Бога скажи скорѣй....

ПИТЕРСКИЙ. Видишь ли: сперва надо его взбѣсить и на него нести неожиданный ударъ его скупости, потомъ открыть нашу любовь.... потомъ....

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ И ИВАНЪ (*потомъ*) ФИЛЬКА.

ИВАНЪ. Баринъ! пришелъ какой то олухъ и спрашиваетъ васъ.... онъ говоритъ, что будто бы пріѣхалъ съ вашимъ дядюшкой.

ПИТЕРСКИЙ И АННА ПЕТРОВНА. Какъ! вотъ тебѣ разъ! какъ свѣгъ на голову!

ИВАНЪ. Прикажете впустить его?

ПИТЕРСКИЙ. Да, да, разумѣется, это, вѣрно, любимый камердинеръ моего дяди.

ИВАНЪ. Какой, сударь, камердинеръ! одѣтъ чучелой, всему удивляется и ходитъ розня ротъ.

АННА ПЕТРОВНА (*прыгаетъ отъ радости*). Ахъ! я еще этакихъ никогда не видала! покажите мнѣ.... покажите....

ИВАНЪ (*кричитъ за кулисы*). Сейчасъ.... Ей! ты, какъ тебя? иди къ барину!... Ну что стоишь? да запри ротъ-то!.... галка влетитъ....

(*Филька входитъ одѣтый по дорожному въ стрый казакинъ, въ огромныхъ сапогахъ, надѣтыхъ свѣрхъ низъ*

няго платья, въ рукахъ смѣшной картузъ, волоса на головѣ густые и встрепанные).

ФИЛЬКА (глядя по верхамъ и удивляясь, безпрестанно развязываетъ ротъ). Эээ!... ото хватци полаты! ото гди настоящы самъ-Питербурхъ обретаеця!...

ПИТЕРСКІЙ и АННА ПЕТРОВНА. Ха! ха! ха!

ПИТЕРСКІЙ. Какъ тебя зовутъ любезный?...

ФИЛЬКА. Хвилька (сказавъ, смотритъ на потолокъ).

АННА ПЕТРОВНА. Ха! ха! ха! да по каковски онъ говорить? ха! ха!

ФИЛЬКА (устанавливая на Анну Петровну). А чего барыня смѣтца? Хе! хе!...

ПИТЕРСКІЙ. Такъ ты точно пріѣхаль съ дядюшкой Карпомъ Савпчемъ?

ФИЛЬКА. А то, якъ-же. (Показывая пальцемъ на богатство трюмо). Ото — лиха штука стойтъ!

ПИТЕРСКІЙ. Но гдѣ-же остановился мой дядюшка?

ФИЛЬКА. Да такъ соби, — нигдѣ... домовъ черезъ пять, вниъ лежить у тарантасъ, да кричить, да грозить соби кулакомъ на Самъ-Питербурхъ. (Посмотрѣвъ на Анну Петровну). А барыня усе смѣтца!...

ПИТЕРСКІЙ. Такъ ступай же скорѣе, и вези его сюда. Скажи, что я давно жду его съ нетерпѣніемъ. Я думаю, вы очень устали?

ФИЛЬКА. Та якъ-же! зъ роду не ѣзжали по дорогамъ, усѣ боки болятъ!... (Показываетъ пальцемъ на Анну Петровну и улыбается). Ото — смѣшна натура у барыни!

ПИТЕРСКІЙ. Ступай же, ступай же, любезный, веди его прямо сюда... да какъ-бишь тебя зовутъ-то?

ФИЛЬКА. Та яжъ казавъ Хвилька.

(Уходитъ не поклонившись).

АННА ПЕТРОВНА. Ахъ, Серѣжа, если такой же уродъ и твой дядюшка, то онъ уморитъ меня со смѣху!

ПИТЕРСКІЙ. О! оригиналъ страшный! Онъ въ прошломъ году измучилъ меня въ Полтавѣ! Но теперь, душечка, ужъ, ты пожалуйста, не порти моего плана, иначе бѣда!

АННА ПЕТРОВНА. Да что жъ ты намъ-ренье дѣлать? Не мучь меня!...

ПИТЕРСКІЙ. Пойдемъ къ тебѣ, тамъ я все расскажу, боюсь, чтобъ дядя не засталъ насъ вмѣстѣ, тогда все пропало. О, судьба! вступишь за насъ!

№ 1.

(Изъ оперы Велизарій.)

ПИТЕРСКІЙ.

Мы примемся теперь комедію играть,
 Чтобъ въ сѣти дядюшку вѣрнѣй поймать.

АННЕТА.

Съ тобою готова я, что хочешь предпринять,
 Чтобъ старика вполнѣ очаровать?

ПИТЕРСКІЙ (говоритъ). Эй! Иванъ!

(Шепчетъ ему на ухо потомъ поетъ.)

ПИТЕРСКІЙ.

Пусть старикъ бранится,
 Пусть онъ горячится,
 Послѣ помрится,
 Надѣюсь я.

АННЕТА.

Онъ начнетъ браниться,
 Онъ начнетъ сердиться,
 Послѣ согласится
 Простить меня.

АННЕТА (одна).

Пусть прѣзжаетъ
 И угрожаетъ,
 Самъ пострадаетъ,
 Ты мнѣ повѣрь.

ПИТЕРСКІЙ И АННЕТА (вмѣстѣ).

Такъ начнемъ сражаться,
 Нѣчего бояться,

В м ѣ с т ѣ.

Оперетка-водоциль

Врагъ }
Онъ } - долженъ сдаться.

АННЕТА.

И разсчитаться.

ПИТЕРСКИЙ.

Потомъ признается,
(Вмѣстѣ).

Что и смѣлѣй.

ПИТЕРСКИЙ (бѣжитъ къ окну).

В подвѣзжаетъ тарантасъ!...

АННЕТА.

Судьба! помилуй насъ!...

ПИТЕРСКИЙ.

Итакъ, зѣ дѣло
Отважно, смѣло!
Пора начать.
Я на успѣхъ надѣюсь смѣло.
Судьба, судьба поможетъ намъ,
Поможетъ намъ на зло врагамъ.
На зло врагамъ!
Да, да! судьба поможетъ намъ.

АННЕТА.

Я оробѣла,
Тогда, какъ дѣло
Отважно, смѣло
Должна начать,
Я оробѣла, оробѣла!...
Судьба, судьба поможетъ намъ,
Поможетъ намъ на зло врагамъ,
На зло врагамъ,
Авось судьба поможетъ намъ!

(Оба убѣгаютъ къ праву).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ИВАНЪ одинъ, потомъ КУБАРЕВЪ и ФИЛЬКА.

ИВАНЪ. Ну, что то будетъ отъ дядюшки? а ужъ господа мои готовятъ ему что то недоброе! Миѣ надо держать ухо востро, и врать тоже такъ, какъ приказано.... (Смотря за кулисы). А! вотъ показалась какая то туша!... у! звѣрь какой! (Зоветь). Пожалуйста сюда, ваше благородіе, сюда! сюда! (Уходитъ).

КУБАРЕВЪ (входитъ, одѣтый по дорожному, въ цѣпномъ казакинѣ съ мѣхомъ, въ стромъ картузъ, сапоги также, какъ у Фильки, надѣты сверхъ нижняго платья, кисть съ трубкой на поясъ; усы огромные, голова лысая).

№ 2. (На голосъ: *Ахъ, скудно жить на гужой стронѣ*).

Ну, ужъ городъ! ой! ой! ой!
И къ чему такой большой?
Шнырять всѣ изъ дома въ домъ,
То на дрожкахъ, то пѣшкомъ.

Каждый бѣгаетъ, спѣшитъ,
Точно гдѣ-нибудь горить!...
Шумъ, и гамъ, и плачь, и смѣхъ,
Чертовъсіе во всѣхъ!

Гдѣ гуляютъ господа,
Тамъ ползеть и борода!
На Обуховскомъ шоссе,
Грязью брызгаются всѣ!

На Сѣнной же вой и стонъ,
Точно буйный Вавилонъ!
Я здѣсь въ жизни первый разъ,
И ужъ съ разу, просто, пасъ!

Здѣсь, какой то дурандасъ
Осмѣялъ мой тарантасъ!
И куда ни повернешь,
Все для насъ обманъ и ложь:

По Садовой по большой,

Нѣтъ березки ни одной!

(Показывая на Фильку.)

По Гороховой онъ шелъ,

А гороху не нашелъ!

Море видѣть я хотѣлъ,

И въ Морскую полетѣлъ...

Но ни въ Малой, ни въ Большой

Капли нѣтъ воды морской...

Городъ ярко освѣщенъ,

И какъ видно просвѣщенъ:

Здѣсь трактировъ, погребковъ,

Хватить на сто городковъ!

(Говоритъ отрывисто и громко). Уфъ! Филька! посади меня! подвинь столъ ближе! Гдѣ племянникъ? давай его сюда! Сними картузь! подай скамейку! набей трубку! сними перчатки! давай племянника! Филька, гдѣ вешневка? Ну, ужъ городъ!... Эй! платокъ гдѣ? Затопить печку! подай гребешокъ и зеркальцо! (Филька рабски все подаетъ, набиваетъ трубку, снимаетъ ему перчатки, достаетъ у себя изъ-за пазухи сулейку, вынимаетъ изъ его кармана платокъ, и отдавъ гребешокъ, держитъ передъ нимъ походное зеркало). А что жъ наливки? болванъ! прибью! (Расчесываетъ усы щеточкой). Ну, ужъ городъ! Пстой-же племянничекъ... я тебѣ дамъ знать себя!... Ты думалъ, что я никогда сюда не приѣду, что я позволю тебѣ жениться на нищей... послѣ этого дуракъ ты, Серѣжка мой! санктпетербургскій дуракъ! (Кричитъ). Филька! тащи сюда моего Серѣжку!

Филька (осмотрѣвъ кругомъ). Та вже випъ зовсимъ утѣкъ!

куваревъ. Ага! вѣрно, труситъ! Да, смотри дуракъ, туда-ли мы заѣхали?

Филька. Та яжъ ни знаю!

куваревъ. Ахъ, скотина ты такая! да вѣдъ ты говорилъ съ нимъ?

Филька. А то-якъ же, говоривъ.

куваревъ. Такъ, гдѣ жъ онъ? болванъ!

Филька. Та ни знаю!

куваревъ. Смотри! здѣсь что то богато.... Серѣжка мой такъ жить не можетъ.... чтобъ насъ отсель не вытурили. (Показывая на трюмо). Это что тамъ стоитъ, на той сторонѣ?

Филька. Та така штука, што и у Полтави зъ роду я не бачивъ.... (Подходя къ трюмо осторожно). На ногахъ стоить.... (Увидавъ всю свою фигуру, отскакиваетъ). О-го! го! го! пуръ ему!...

КУБАРЕВЪ. Чего ты орешь? скотъ!

Филька. О! панъ! ото — бисова штука! Отъ-же вже Питенбурси!

КУБАРЕВЪ. Чтó ты тамъ увидавъ? А?

Филька. Та вже зъ руками, зъ ногами у весь другий Хвилька тамъ ё.... ото — Сам-Питенбурси!...

КУБАРЕВЪ. А! понимаю; такъ это, видно, такое большое зеркало, и тебѣ дураку представилась вся твоя глупая фигура.... Ха! ха, Поверни ка его противъ меня.... я тоже въ первый разъ хочу взглянуть на себя во всей натуральной полнотѣ. Ну, живо!

Филька (осторожно повертывая трюмо, заглядываетъ самъ, и улыбается и кланяется). О-то штука, Самъ-Питенбурси!... Здорово Хвилько!... (Кланяется зеркалу). Хе! хе!...

КУБАРЕВЪ (грозно). Прочь, болванъ! пошелъ назадъ!... (Филька отходитъ). А! такъ вотъ мы каковы!... хорошь, крѣпко хорошь! (Сидя смотрится въ трюмо и дѣлаетъ разныя позы). Вотъ! что хорошо, такъ ужѣ и видно, что недурно.... куплю въ деревню такое большое зеркало.... Эй! дай ко вишневки! Постою!... произнесу задравный тостъ. (Взавъ сулейку, рюмку, наливаетъ, и прокричавъ громко, пьетъ, смотря въ зеркало). Его благородію Карпу Савичу, дай Богъ узрѣть вѣчное блаженство! (Выпивъ съ наслажденіемъ, ставитъ рюмку на маковку). Куплю непременно куплю.... а если эта движимость принадлежитъ моему Серѣжкѣ, просто, отниму! Филька! ты чай усталъ.... садись, дуракъ, отдохни....

Филька (который въ это время стоялъ, задомъ прислонясь къ открытому фортепіано, вдругъ садится на клавиши, и еще ударяя руками, дѣлаетъ дикій аккордъ, и отскакиваетъ съ ужасомъ). О-го! го! го!...

КУБАРЕВЪ. Чтó тебя мечеть, дуракъ?

Филька (поглядывая на фортепіано со страхомъ). Ого-го-го!... ото злая штука — Сам-питенбурси!...

КУБАРЕВЪ. Гдѣ это играютъ музыку? а?

Филька. А то я.... я панъ.... хотивъ садитьця, та зъразу и заштравъ.... хе! хе! хе! отъ тамечки....

КУБАРЕВЪ (увидя фортепіано). А! это, вѣрно, клавикорды!... Чего жѣ ты испугался, дуракъ? Въ Полтавѣ, у моего сосѣда Дубини-

на я часто слушивалъ эту музыку, только тѣ вдвое поменьше и съ какимъ то чувствительнымъ дребезжаніемъ....

ФИЛЬКА. Яка хытра музыка: сама граетъ!

КУВАРЕВЪ. Что ты врешь, олухъ! никакая музыка сама играть не умѣетъ, особливо клавикорды: на нихъ надо пальцами перебрать всѣ косточки. Жаль, что мнѣ лѣнь встать.... я у сосѣда не разъ производилъ пальцами гармонію.

ФИЛЬКА. Отъ-такъ? та позволѣте-жъ, панъ.... я вамъ зъразу заиграю.... у меня здоровы пальцы....

КУВАРЕВЪ (*улыбался*). Ну, ну, дуракъ, пожалуй, потѣшь во ожиданіи племянника, только смотри, хорошенько!.... пальцы держи врозь, вотъ этакъ.... (*Растягиваетъ пальцы обѣихъ рукъ*) и какъ стукнешь поплотнѣе, тогда ужъ гармонія такъ сама по себѣ и выйдетъ.

ФИЛЬКА (*таращитъ свои пальцы и со страхомъ собирается играть*). Отъ-такъ?... охъ, ти-тее тильки страшно!.... э! бодай тебѣ! скачы враже, якъ панъ каже.... (*Ударяетъ сильно по клавишамъ обѣими руками и кричитъ въ голосъ*). О — го! го! го! ото Самптенбургс!

КУВАРЕВЪ. Не такъ, болванъ! ударь прежде по лѣвой сторонѣ! по толстой нотѣ! стукни лѣвой рукой! (*Филька ударяетъ по басамъ нестройно*). Вотъ такъ!.... теперь возьми въ право! колоти правой, тамъ тонкія ноты.... Хорошо! смѣле!

ФИЛЬКА. Ото здорова музыка!

КУВАРЕВЪ. Теперь, чтобъ вышла гармонія, катай вмѣстѣ по тонкимъ и по толстымъ!

(*Филька колотитъ пальцами нестройныя аккорды*).

Хорошо! люблю дикую гармонію!.... Катай крѣпче!....

(*Филька исполняетъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢЖЕ И ИВАНЪ (*вбѣгаетъ и ударяетъ Фильку по затылку*)

ИВАНЪ. Чтѣ ты это барабанишь, олухъ!.... пошелъ въ переднюю! Вѣдь ты испортишь весь инструментъ.

ФИЛЬКА. Та мене-жъ панъ приказавъ музыку дплатъ.

(*Отходитъ*).

КУБАРЕВЪ *(грозою)*. Что такое? Кто тамъ смѣетъ обижать моего Фильку? А?

ИВАНЪ. Помилуйте, сударь, онъ перерветъ всѣ струны.

КУБАРЕВЪ. Ахъ! ты хамъ! Какъ ты смѣешь ротъ развѣвать? Развѣ ты не видишь что онъ меня забавляетъ? а?

ИВАНЪ. Да, кто же этакъ, сударь, забавляется?...

КУБАРЕВЪ *(съ крикомъ)*. Я — дуракъ! Эге! да здѣсь, я вижу, холопское племя разсуждать смѣетъ!.... Нѣтъ, Питерцы, я васъ, постойте, переверну по своему! Зови сейчасъ моего племянника! Филька! который часъ? покажи!

(Филька, вынувъ огромные часы изъ кармана барина, держитъ передъ нимъ и потомъ опять кладетъ въ карманъ къ нему).

Эге! ужъ половина 7-го, а я еще не ужиналъ! Эй! подавайте что у васъ есть питерскаго! и чтобъ сію-минуту явился племянникъ!

ИВАНЪ. Да баринъ, сударь, уѣхалъ на охоту.

КУБАРЕВЪ. Какъ! что? Ахъ, онъ негодяй! Я ему покажу себя!

ИВАНЪ. Безъ барина, сударь, я не смѣю васъ угощать, да у насъ же, сударь, ужиповъ господскихъ почти и не бываетъ, а вечеромъ ужинають одни только люди.

КУБАРЕВЪ. Что? что ты врешь такое? Развѣ по вашему по-питерски, мы съ Филькой не люди? Сейчасъ давайте намъ ѣсть!

ИВАНЪ. Не смѣю, сударь....

КУБАРЕВЪ. А я велю! Мнѣ пора ужъ спать!

(Ударяетъ кулакомъ по маленькому столику и сламыкаетъ его).

ИВАНЪ. Помилуйте, сударь! вѣдь вы барскій столикъ сломали...

КУБАРЕВЪ *(сердито)*. Я васъ, дураковъ, всѣхъ переломая; если вы не накормите меня и не уложите спать.

ИВАНЪ. Да, вотъ идетъ нареченная невѣста моего барина, извольте къ ней адресоваться....

КУБАРЕВЪ. Что? что? невѣста?....

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ П АННЕТА, ПОТОМЪ ЛИЗА И КАТЯ.

(Въ костюмъ балетной корифейки изъ Гитаны).

АННЕТА *(Ивану)*. Что здѣсь за шумъ? *(Подходитъ къ трюмо).*

ИВАНЪ. Да вотъ, барышня, прѣхали, родственники Сергѣя Васильича и требуютъ....

АННЕТА (*посмотрѣвъ холодно*). А! хорошо! знаю.... ступай, вели подавать карету. (*Показывая на Фильку*.) А это что за фигура?

ИВАНЪ. Это ихъ слуга, сударыня.

АННЕТА (*строго*). Что жъ онъ тутъ дѣлаетъ? Уведи его въ переднюю.

ИВАНЪ. Эй! ты! музыкантъ! пошелъ отсюда.... (*Уводитъ съ собою Фильку*).

КУБАРЕВЪ (*въ большомъ изумленіи*). Какъ! что? что такое?...

АННЕТА (*передъ трюмо*). Пора мнѣ ѣхать въ театръ.... (*Кличетъ*) Лиза! Катерина! Гдѣ же мой букетъ? Подите сюда! Ахъ, какъ глупы всѣ эти горничныя! Лиза! Катя! гдѣ мои кастаньетки? Мнѣ пора ѣхать! ужаси, что это за дѣвушки?

(*Вбѣгаютъ двѣ дѣвушки, одна съ цвѣткомъ, другая съ кастаньетами*).

ЛИЗА. Я здѣсь, сударыня! вотъ извольте букетъ....

КАТЯ. Вотъ и кастаньеты, сударыня....

АННЕТА. Вамъ вѣчно надо напоминать! Какія, право, глупыя, никогда не помните своего дѣла! Я на васъ пожалуюсь моему Сергѣю Васильичу! Пришпильте букетъ! (*Дѣвушки исполняютъ*.)

КУБАРЕВЪ. Что? Что? какъ? Позвольте, мой Серёжка, ея Сергѣй Васильичъ?

АННЕТА. Ну скорѣй! вѣчно вы копаетесь! (*Вскрикиваетъ*.) Ахъ, ты меня уколола, глупая!

ЛИЗА. Извините, сударыня....

АННЕТА. Ай, страсти! Вѣдь больно, право, глупая ты такая! Я за это не возьму тебя въ театръ! Катя, ты нынче поѣзжай съ моей корзиной, слышишь?

КАТЯ. Слушаю, барышня... а какъ же этотъ господиень то, останется?

АННЕТА. А мнѣ какое дѣло! Велите подавать карету.

(*Дѣвушки уходятъ*).

КУБАРЕВЪ. Карету! Да къ кому же это я заѣхалъ? (*Ей*.) Милостивая государыня....

АННЕТА (*прыгая передъ зеркаломъ*). Прелестъ! чудо! какъ наши дѣвицы будутъ завидовать моему костюму! Ахъ, милый Серёжа, опъ ничего для меня не жалѣетъ!

КУБАРЕВЪ. Опять ея Серёжа! (*Ей*.) Такъ вы то его невеста?

АННЕТА (*весело сама съ собой*). А когда онъ женится на мнѣ,

вотъ мнѣ ужъ будетъ протекція! Я стану лучше всёхъ одѣваться! Лишь-бы только скорѣе умеръ дядя моего Серёжи.

(Дѣлаетъ па).

КУБАРЕВЪ *(поднимаясь съ креселъ)*. Что? Что? Такъ вы меня уморить хотите?

АННЕТА. *(не обращая вниманія)*. Ахъ, какъ досадно, что нѣтъ моего Серёжи! Онъ бы полюбовался мною! Онъ такъ любитъ меня....

КУБАРЕВЪ *(подходя)*. А! такъ вы душегубство предпринимаете?

АННЕТА. Что вамъ угодно? Пожалуйста не мѣшайте мнѣ заниматься туалетомъ.

(Кубаревъ отступаетъ).

МѢ 3. *(вѣзъ Гитавы.)*

Ахъ, какъ мило! ахъ, какъ ловко!

Прелесть какъ одѣлась я!...

Эта головка,

Улыбка моя

Вѣрно Серёжѣ головку вскружать!

А мой корсетъ,

И мой букетъ,

Его плѣнять, обворожать!...

(Танцуетъ казугу съ насташетами.)

Тра, ла, ла...

Тра, ла, ла.

КУБАРЕВЪ. Творецъ мой! что жъ это за выскочка? Хоть у нея всѣ косточки дребезжать, говорятъ, а со мной она и слова молвить не хочетъ! *(Ей громко)*. Милостивая государыня! если мой Серёжка хочетъ на васъ жениться, то, знайте, что я его за это по російски плясать заставлю.

АННЕТА. Ха! ха! ха! Такъ стало вы прѣехали намъ мѣшать? Ха! ха! О! мы ни кого не боимся! Серёжа, мой душка, мой милка, мой красавчикъ! а вы всё... Ха! ха! ха! подите, здѣсь вѣдь не Полтава. Если вы камердппнеръ прѣзжаго дядюшки, такъ лучше скажите ему, чтобъ олъ приготовилъ намъ больше денегъ на свадьбу.

КУБАРЕВЪ *(вспыхнувъ)*. Какъ! Я камердппнеръ!! Ого! куда я попалъ!

АННЕТА. Однако прощайте, мнѣ пора въ театръ...

№ 2

Наша страстная любовь
 Будетъ жить до смерти!
 Всѣхъ прїѣзжихъ старпковъ,
 Проведеть повѣрите:
 Всѣхъ забавныхъ и скупыхъ,
 И сердитыхъ и степныхъ....
 О! когда бы я могла
 Всѣхъ бы злыхъ съ ума свела!
 Впрочемъ, я ужъ начала....

(Смѣется и убѣгаетъ).

Тра, ла, ла, ла, ла, ла, ла,

ЯВЛЕНІЕ VII.

КУБАРЕВЪ и ПОТОМЪ ПИТЕРСКІЙ, въ костюмъ стараго жидо-
процентщика.

КУБАРЕВЪ. Зачѣмъ же это я въ Петербургъ то прїѣхалъ? Чтобъ въ ожиданіи племянника и ужина слушать здѣшнія тра-ла-ла? Ну, ужъ городъ! Какъ, мой Серёжка хочетъ жениться на этой попрыгушкѣ! Онъ завелъ карету, пустился въ мотовство, а самъ и глазъ не кажетъ.... Пойдите же мои голубчики! Я васъ доѣду! Эй! Фильку ко мнѣ!

СИМЕОНЪ КАБАЛА (входитъ, униженно кланяясь, и говоритъ скоро).
Азе вы есть его благородіе Карпъ зе Савиць г. зе Кубаревъ? богатый зе помѣщикъ?

КУБАРЕВЪ. Я! я! А что такое? что тебѣ надо?

СИМЕОНЪ КАБАЛА. О, вей миръ!...

№ 3.

(На мотивъ жидовской пѣсни).

Вотъ-зе приключенье!

Ахъ, мое поцтенье

Я присель-зе вамъ отдаць

И свои проценты взяць!

Мы васъ долго здали-сь.

Вотъ-зе увидалсь!

Будьте-зѣ ласковы со мной,
 Съ Симеономъ Кабалой!
 Цѣловѣкъ я смиренный
 Худзенькій, не зирный,
 Но, за то моя дуса,
 Какъ первоцець хороса!
 Хоць сейчасъ зарезте,
 Хоць зивова съзате,
 Хоць ведите закапать...
 Дайте лись проценты взять!

(Тянетъ послѣднюю ноту и дрожитъ).

КУБАРЕВЪ. Это что еще! Да съ кого ты это пришелъ драть
 жидовскіе то проценты?

СИМЕОНЪ КАБАЛА (скоро). Съ васъ же васъ, государь мой... или
 съ васего родново-зе племянника, мнѣ же все равно!

КУБАРЕВЪ. Какъ! съ меня проценты! за что?

СИМЕОНЪ КАБАЛА. За Сергѣя-зе Василица, государь-зе мой... Я
 сейчасъ узналъ-зе о вашемъ приѣздѣ и поспѣшалъ увизенно объ-
 явить-зе вамъ, по Сергѣй Васильчъ задолжалъ мнѣ 20-ть тысячь
 ассигнаціями, далъ-зе мнѣ два векселя каздый по 10-ти, теперь-зе
 срокъ будетъ завтрашняго числа; если вамъ будетъ угодно-зе
 пересероцить и заплатитъ мнѣ проценты-зе, то я съ больсымъ
 удовольствіемъ согласуюсь, а не то-зе извините, долзей буду-зе
 завтра протестовать и подать-зе ко взысканію.

КУБАРЕВЪ (въ изумленіи). Ого-го-го! Такъ вотъ каковъ мой
 Серѣжка то!

СИМЕОНЪ КАБАЛА (потирая руки). Охъ славѣй-зе целовѣкъ,
 повѣрьте моей цести! когда-зе проситъ денегъ-зе, дастъ проценты
 какіе-зе угодно насему брату!

КУБАРЕВЪ. А ты и радъ этому, предатель?

СИМЕОНЪ КАБАЛА. Ха! ха! а какъ-зе не радоваться-зе? Я-зе
 целовѣкъ маленькій, такъ по неволѣ живу больсыми-зе процентами!
 у меня-зе, государь-зе мой, и семья-большая: моя добрая зинка родила
 мнѣ: Маріанну, Сару, Юдифъ, Веніамина, Моисея, Авраама,
 Элеазара и еще вцера маленькаго Симеона.

КУБАРЕВЪ (съ крикомъ). Творецъ мой! и это все будущіе ро-
 стовщики — процентщики!...

СИМЕОНЪ КАБАЛА (съ глубокимъ чувствомъ). О, вей! всею душою
 буду стараться-зе о такомъ спасеніи! Цѣмъ больше въ нынѣшнемъ
 свѣтѣ роскоши и веселья, тѣмъ-зе больше надо серебра-зе и зо-

лота, а гдѣ-зе много золота, тамъ много его и мотають-зе, а гдѣ много мотають, тамъ должны-зе быть въ большомъ количествѣ ростовсѣики и процентшики.

КУБАРЕВЪ (*самъ съ собою*). Молчи! Меня какъ обухомъ по-лоу-
20 тысячъ! Ахъ, онъ негодяй!

СИМЕОНЪ КАБАЛА. Онъ-зе прекрасный целовѣкъ!

КУБАРЕВЪ. И не побоялся Бога!

СИМЕОНЪ КАБАЛА. Богъ-зе милостивъ!

КУБАРЕВЪ. Серѣжка! Да если въ немъ совѣсть то?

СИМЕОНЪ КАБАЛА. Есть, да она-зе въ Петербургѣ очень десѣво-
ходить. А насему брату ее-зе и даромъ не надо!

КУБАРЕВЪ. Молчи, Иуда! убью съ одного взмаха!

СИМЕОНЪ КАБАЛА. О, вей миръ! не сердитесь-зе, когда-зе вы
больше виноваты, чѣмъ васъ племянникъ.

КУБАРЕВЪ. Я-ви-но-вать!? Ахъ ты, жидоморъ поджарый! Да съ
чего ты это взялъ?

СИМЕОНЪ КАБАЛА (*говоритъ безъ остановки*). Да я-зе все знаю:
Сергѣй Васильицъ целовѣкъ-зе молодой, благородный, влюбился-зе
въ хорошую дѣвуску, хотѣлъ зенитца, а вы-зе закрычали суда
изъ палтавской своей деревни: не позволяю-зе!.... а онъ зе и на-
чалъ съ горести-зе и печаля проказницъ: съ горести влюбился-зе
въ другую красавицу, которая-зе все ему плясещъ, плясещъ! вотъ-
зе они по васей милости и наплясали 20-ть тысячъ мѣ, 2 ты-
сяци хозяину этого дома, 2 за карету, 3-ри тысяци въ ме-
бельный-зе магазинъ; 1500 руб. за 2 лошади, итого 28 500 руб. и
приходитца на васю долю-зе.

КУБАРЕВЪ (*бросаясь на кресла въ отчаяннн*). Жидъ! я тебя
повѣшу! Филька! лови жиды!

СИМЕОНЪ КАБАЛА (*трусливо осматриваясь*). О, вей миръ! за
сто-зе?

КУБАРЕВЪ. За шею, за шею, предатель!

СИМЕОНЪ КАБАЛА. Нѣтъ-зе, я лутце-зе убѣгу подать вексель
ко взысканію-зе.... Съ глубоцайсемъ поцтениемъ имѣю честь кла-
нятца и просу не оставиць васимъ друзескимъ-зе расположеніемъ.
(*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

КУБАРЕВЪ, ПОТОМЪ ИВАНЪ.

КУБАРЕВЪ. Проклятый! Ну — ужъ горюдь! Вотъ тебѣ, Карпъ

Савичъ, и Петербургъ. Племянничекъ попалъ ждамы въ лапы! Домъ идетъ вверхъ дномъ, люди дѣлаютъ что хотятъ, новая невѣста съ побрякушками скачетъ передъ зеркаломъ, а онъ, разбойникъ, удралъ на охоту! Да еще и меня же обвиняютъ! Нѣтъ, сегодня же въ деревню негодяя! Эй! гдѣ мой Филька? Хорошо еще, что я добраго слугу взялъ съ собою, а съ здѣшними негодяями баринъ хоть плачь! Эй! Филька! Подай дорожный ужинъ иванъ (войдя). Что вамъ угодно, сударь?

кубаревь. Я тебя видѣть не хочу, негодяя! Пошли мнѣ моего Фильку!

иванъ. Да онъ пошелъ себѣ съ нашимъ поваромъ въ ресторацию.

кубаревь. Какъ! Филька мой въ ресторациі! Боже милостивый!

иванъ. Да съ. Онъ захотѣлъ получше познакомиться съ Петербургомъ.

кубаревь. Бездѣльники! Они хотятъ развратить моего любимаго дурака! Да вѣдь у него нѣтъ денегъ....

иванъ. Тамъ въ долгъ повѣрятъ съ.... а послѣ только подадутъ вамъ счетъ....

кубаревь (вскликая). Постой-же! я ему болвану дамъ въ ресторациі узнавать Петербургъ.... (Увидя Тирольку). Ба! ба! это кто еще? (Иванъ уходитъ, смѣясь надъ барыней).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА, въ костюмѣ молодой Тирольки, продающей метелочки.

№ 6.

(Изъ Вильгельма-Телля.)

Тиролька.

Каспода купи вѣтѣлка,

У малодинька Тиролка

Ахъ, купите, моя друкъ,

Фюнф-унд-цвацингъ каждая штука;

Я любви касподъ такая,

14820

Кто богатъ, маладая,
Ихъ мнѣ деньга всѣ даетъ,
Я — мой пѣсня имъ пасть:
(Дѣлаетъ рулады).

А! а! а, а, а, а, а.

КУБАРЕВЪ (особо). Ну ужъ городъ! Да что жъ это будетъ со мною! Давишняя мамзель, то и дѣло выплясывала: тра-ла, ла, а эта поеть: а, а, а! (Ей). Что вы отъ меня хотите? а?

ТИРОЛКА (повторяетъ руладу). А! а! а! а!...

КУБАРЕВЪ (сердясь). Да это я ужъ слышалъ! Что вамъ надо? Кто вы? что вы за штука?

ТИРОЛКА Гутн-моргенъ, каспадинъ! здрасти! Гибен-зи ди гюте, мириу загенъ....

КУБАРЕВЪ. А? Изъ какихъ вы сударыня? и чего отъ меня хотите?

ТИРОЛКА Ферцейен-зи, венн-ихъ зи унтербрехе.... Я кати васъ проси, стѣра каспадинъ.... Их-хѣбе эйне битте ан-эй....

КУБАРЕВЪ (громко). Чего-съ?

ТИРОЛКА (подавая ему метелку). Купитъ-пожалн!.... Ихъ-бите эс-инен аус гутен-херцен-ан!

КУБАРЕВЪ (принимая). Да что это за штука? и по каковски вы бормочете?

ТИРОЛКА (присѣдая). Эс-вирдмир-ангенемъ зейнъ, инен динен цуржененъ.... Ну, пожалн теперь мнѣ фюнф-унд-цванцихъ копекъ. (Держитъ руку).

КУБАРЕВЪ. Что?

ТИРОЛКА. Фюнф-унд-цванцихъ копекъ.

КУБАРЕВЪ. Да чортъ васъ пойметъ, чего вы хотите! Отъ кого это? и къ чему мнѣ эта мазилка?

ТИРОЛКА. Ахъ, майнъ-геръ! это моя работъ! прикрасна штукъ! Я только атъ-эта мали себѣ — зейнъ-брѣд-фердинен!... Ихъ канн эс бецейген! Ну, пожалн деньга.

КУБАРЕВЪ. А! просятъ денегъ! Ну ужъ городъ! Я еще не видался съ племянникомъ, а ужъ чухонцы и жида атаковали! Говорятъ, будто-бы приѣзжихъ они здѣсь чутьемъ слышуть,

ТИРОЛКА (оглядывая комнату). А куда каспадинъ маладой? Ви бэфандет-эр-зихъ?

КУБАРЕВЪ. Что? Какой тебѣ господинъ? а?

ТИРОЛКА. Ахъ, я пе умѣй керошо казай.... каспадинъ домъ.... Сиргѣ.... Василъшь.... молодой! Ферштеенъзи?

КУВАРЕВЪ. Серёжку? А на что тебѣ его? Зачѣмъ ты до него добираешься?

ТИРОЛЬКА. Я качи ему пой моя пѣсня; каспадинъ всяки дне каварн мене: Маргерптъ! пой пожались! *Шлаген зи мир мейне битте нихт-абъ!* (Ему.) *Ферштеензи?* Маладая каспадинъ люби слушай мене; кагда я пой, онъ изволи — *шиплен аубъ ейне клавикорде.*

КУВАРЕВЪ. Что?.. ты Серёжкѣ поешь на клавикордахъ? Да его нѣтъ дома! Оставь меня пожалуйста! Я самъ жду его!

ТИРОЛЬКА. А! нѣтъ домъ? ну, нишево, я не буду пой... прошай каспадина. *Лебенъ-зи воль, эссенъ-зи коль, тринкенъ-зи бир, унд-денкен-зи ан миръ.*

КУВАРЕВЪ. Ну, ну, полно лепетать! Ступай, г-жа мамзель! Я терпѣть не могу чухонскаго пѣнія! Я и безъ него съ ума схожу отъ горя и досады!

ТИРОЛЬКА. Мене вся равна, *мейн-герр*.... я пой по-нѣмеска, и по-русска у малада каспадина; онъ очень плакить, ошень всигда пешальна, отъ своя стѣра, глупи радной, *зо-варъ-ихъ-арлицъ-бин...*

КУВАРЕВЪ. Что? что?

ТИРОЛЬКА. *Я-ин-дер-таатъ!*... Ему старика маля дастъ денъга, а маладай не можна жиль, когда маля денъга! *Их-шворе иненъ!* Но когда я, Маргеритъ ему паётъ, онъ мене найдетъ денъга всяки дне, — онъ и папалуй мене всяки дне, и я.... *ихъ-бин-аус-сер-мир-фор-фрѣуде!*

КУВАРЕВЪ. Что? Серёжка тебя цѣлуешь? за чѣмъ?

ТИРОЛЬКА. За мой голоса, за мой пѣсня... всегда палуй... *ихъ ваге эс нихтъ зинмалъ, мих-дарюбер-цу беклягенъ!*

КУВАРЕВЪ. Экъ онъ живетъ здѣсь, варваръ! (Ей). Но, теперь тебѣ не кому пѣть и не съ кѣмъ цѣловаться, прошай!

ТИРОЛЬКА. Карашо, мейн-герръ... я не буду пой, но она мене вся равно заплати *цейнъ-рубль*.... (Присидая). Атье!

КУВАРЕВЪ. Какъ! стой! Такъ ты хоть и не поешь, а все съ него денъги берешь? А?

ТИРОЛЬКА. Я, мейн-герръ... Прощай!... (Хочетъ идти).

КУВАРЕВЪ. Нѣтъ, г-жа мамзель! Коли ты уже все равно за-домъ хочешь взять денъги, такъ ужъ пой же, мамзель! Шалишь! денъги то вѣдь у Серёжки мой! Слышишь? пой!

ТИРОЛЬКА. Ну, карашо... а никто не буди играй на клави-корда?

КУВАРЕВЪ. Я бы могъ, да на зло тебѣ — не умбю! не хочу! Могъ бы и Филька мой состроить тебѣ гармонію, да и онъ, мо-

пенникъ, на зло тебѣ, сидитъ въ рестораціи! Такъ пой одна, какъ знаешь.

ТИРОЛЬКА. Ну, што дѣля! карашо?

№ 7. (Тирольская пѣсня).

хъ! сколько добра на руска земля!

Вся мене любить, и всѣхъ любить я!...

Кагда я въ доми богати придетъ,

И поеть...

И голосо мой вѣрна мнѣ денъга дастъ!

(Дѣлая рулады).

А! а-а-а-а-а-а!

Всѣ Маргарита прекрасна зоветь!

А! а! а! а! а!

Атье, мейн-либер-герръ... я завтра придетъ!

(Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

КУБАРЕВЪ одинъ, потомъ ИВАНЪ.

КУБАРЕВЪ (подумавъ). Ну — ужъ городъ! Чортъ знаетъ, что со мной дѣлаютъ въ этомъ Петербургѣ! Что это за народъ здѣсь такой? Разбойники! да дайте мнѣ хоть поужинать, такъ я лягу спать, по-крайней-мѣрѣ! Эй! вы! городскіе плуты! достаньте хоть изъ тарантаса мое сухояденіе! Эй! слуга!

ИВАНЪ (вбѣгая). Что вамъ угодно, сударь?

КУБАРЕВЪ. Дуракъ, я давно смертельно ѣсть хочу! Я привыкъ въ это время ужъ спать! Принеси мой погребецъ изъ тарантаса.

ИВАНЪ. Съ большимъ бы удовольствіемъ, сударь, да вотъ бѣда: нашъ кучеръ заперъ вашъ тарантасъ въ сарай, да и ушелъ со двора.

КУБАРЕВЪ. Ушелъ? Ну, ужъ городъ!!

ИВАНЪ. Впрочемъ... такъ и быть, сударь, я вамъ подамъ все, что давеча осталось отъ барскаго завтрака. Угодно-съ?

КУБАРЕВЪ. Сдѣлай милость, воръ ты этакой! Отведи мнѣ душу хоть чѣмъ-нибудь....

ИВАНЪ. Такъ сію минуту... подождите.... (Убѣгаетъ).

КУБАРЕВЪ (самъ съ собою). Я привыкъ въ это время всегда

спать, а вы.... чортъ знаетъ, что изъ меня дѣлаете! Если это мученіе еще продолжится хоть немного — я захвораю, право, захвораю.... (Обращается въ глубину театра и кричитъ). Ну! гдѣ-же ты? эй! плутовская рожа!

иванъ (вноситъ на блюдо устрицы и ставитъ передъ нимъ на столъ). Несу! несу, ваше благородіе! Извольте покушать на здоровье! Самое деликатное блюдо-съ....

кубарева (усаживаясь, не разсмотрѣвъ, что подали). А! вотъ спасибо! Дай отвести душеньку... умпраю съ голода.... (Начинаетъ разсматривать устрицы). Ба! ба! ба!

иванъ. Объяденъ-съ! баринъ 40 рублей далъ за сотню.... посмотрите-ка... живыя!

кубарева (со страхомъ). Что? что? живыя? да, что это за дрянь такая? Что ты мнѣ подаль, мошенникъ? а? Да развѣ это у васъ ѣдятъ?

(Смотритъ на устрицы, не смѣя дотронуться).

иванъ. Какъ же, сударь.... всѣ господа съ большимъ удовольствіемъ глотаютъ.

кубарева. Глотаютъ?! (Взявъ раковину, стучитъ ею по столу). Это — у васъ — господа — глотаютъ?!... Ну ужъ городъ!!! Поймай! ты врешь! На-ка, возьми, проглоти....

(Даетъ ему кусокъ раковины).

иванъ. Нѣтъ, сударь, это не по нашимъ зубамъ съ....

кубарева (бросая въ него устрицами). Такъ, что жъ ты, воръ, меня морочишь? Я тебѣ дамъ — глотаютъ! Пошелъ! привнеси мнѣ хоть изъ трактира кушанья! Экой разбойникъ! Ты меня отравить хочешь? а?

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТѢ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА (въ костюмъ Климовны, старой русской няньки).

климовна (говоритъ рѣзко и скоро). Ахъ, вы батюшки мои свѣты! Ужъ не пожаръ-ли у любезнаго Сергѣя Васильевича? (Кланяясь Кубареву). Съ прїездомъ, отецъ родной! Дай Богъ жить, да здравствовать, и насъ бѣдныхъ миловать! Онъ васъ разстроилъ, мой батюшка? Что дѣлать! Здѣсь всякій хватъ — на свой ладъ! Что городъ — то норовъ, — что деревня — то обы-

чай! На чужой ротокъ, не накинешь платокъ! Не такъ живешь какъ хочется — а такъ, какъ Богъ велитъ! Человѣкъ предпола- гаеть, а судьба располагаетъ! Съ волками жить — по волчьи выть! Грѣхъ да бѣда, на кого не живутъ! Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается.... Садитесь-же, мой батюшка!

КУБАРЕВЪ (*садится, вытираетъ глаза*). Ой! ой! А вы кто, моя матушка?

КЛИМОВНА. Э, дорогой мой! Какъ знаешь — такъ и величаешь! Дѣло не въ имени — а въ добромъ человѣкѣ! Поговоришь — такъ и полюбишь; гора съ горой не сходится — а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется! Не тотъ съ душой — кто самъ большой, а тотъ съ душой — кто другъ людской! Не тотъ богатъ — кто прячетъ кладъ, а тотъ богатъ — кто торовать! Вѣдь не съ деньгами живутъ — а съ добрыми людьми, а вѣкъ-то пережить — не поле перейти, отецъ мой!

КУБАРЕВЪ. Послушай, какъ тебя? да! Климовна.... ты ужъ такъ все одна и будешь дребезжать? а?

КЛИМОВНА. Эхъ, родной мой! а тебѣ это нелюбо? Какъ быть! рада-бы молчать, да Богъ велѣлъ говорить; языкъ вѣдь мягокъ, безъ костей, языкъ мелеть — голова не разумѣетъ! Въ землѣ наложимся, такъ вдоволь намолчимся, а теперь чего молчать? Хлѣбъ соль ѣшь — а правду рѣжъ. Пусть хоть правда глазъ колеть, пусть ушибаютъ — что говорить правду, терять дружбу, ничего! правда за то первый другъ человѣка! Конечно, слово не птичка — за хвостъ не поймашь, но, батюшка, вѣтъ куда безъ добра; всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.... не знаешь, гдѣ найдешь — гдѣ потеряешь! Какъ аукнется — такъ и откликнется! Всякъ знаетъ, что слытъ Богъ безъ грѣха! У себя не замѣчаемъ бревна подъ глазомъ — а у другихъ и соломенку видимъ! Пускай пной хоть съ виду непригожъ — а свѣтель, словно мѣдный грошъ! Отъ судьбы не уйдешь и не уѣдешь! Хотѣть говорятъ, что умъ хорошъ — а два лучше, но все-таки свой умъ — царь въ головѣ! Бѣда въ людяхъ умъ родить, всякій живетъ себѣ на-умъ.... оттого то и выходятъ, что глупый только свиснетъ — а умный ужъ и смыслитъ! Мнѣ часто говорили: не родись богата — а родись счастлива! Счастье лучше богатства; а кому въ кого родиться — тому на той и жениться. — Не купи двора — а купи сосѣда, а чему быть — того не миновать. Поймаешь? гдѣ любовь и совѣтъ — тамъ и рай, и свѣтъ! Смѣкаешь?

КУБАРЕВЪ (*махая руками*). Пстой! пстой! совѣтъ засынала! Ты говорила, а я отдохнуть хочу.... фу! ты пропасть! (*Особо*).

Этой бабѣ пальца въ ротъ не клади!... перещеголяла всѣхъ полтавскихъ! (Ей). Такъ ты знакома съ моимъ Серёжкой? знаешь всѣ его подвиги? и знаешь кто моя особа?

Климовна. Э! родимый! все знаю, все вѣдаю — когда пообѣдаю! Коли есть пиво на погостѣ — значитъ къ пиву будутъ гости... Авось и на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Гдѣ гнѣвъ — тамъ и милость....

куваревъ. Чтò? чтò? завралась, тетушка! Племянникъ довелъ меня до того, что не дожидется отъ меня никакои милости! Нѣтъ, чортъ возьми! я его доѣду....

Климовна. Э, полно горячиться.... Тише ѣдешь — дальше будешь.... Кто любитъ чертаться, тотъ хочетъ съ чертомъ брататься; по-нашему: повишную голову и мечъ не сѣчетъ! Онъ влюбился, эка бѣда! ~~да вѣдь всякъ цесеть уста — гдѣ вода чиста, а сухая ложка ротъ деретъ!~~ Рыба ищетъ — гдѣ глубже, а человекъ — гдѣ лучше! На хорошій цвѣточикъ и пчелка летитъ!

куваревъ. Врешь ты, старуха! Серёжка мой былъ хорошъ, пока жилъ со мной въ Полтавѣ, а здѣсь советимъ испортился! чертовски задолжалъ, влюбился въ вишную, а теперь опять сватается на какой то плясунѣ! Пѣтъ! онъ, просто, никуда не годится!

Климовна (съ чувствомъ). Эхъ, родимый, не грѣши! Крапива жгучая родится — а во щи все-таки годится! У насъ не пòхорошу мила — а пò-милу хорошъ! Такъ что-жъ тутъ станешь дѣлать-то? Вѣдь п радъ бы въ рай — да грѣхи не пускаютъ. Хотя каждую ягодку въ руки берутъ — да не каждую въ кузовъ кладутъ! По-твоему мила Ульяна — по-нашему Татьяна! А виному понравится и сатана пуще яснаго сокола! Много жданныхъ, да мало избранныхъ! У всякаго свой вкусъ, родимый; вспомни только, что: не нами свѣтъ начался — не нами и кончится!

куваревъ. Вотъ чтò! Такъ по твоему, Серёжка мой дѣлай чтò хочешь, а я и молчи! Нѣтъ, бабушка, онъ у меня вотъ гдѣ сидитъ!
(Показывал на свою шею).

Климовна. Ничего! своя ноша не тяжела! Коли любилъ кататься — люби саночки возить! Ты, батюшка, прежде узнай мою вскармленницу то, размотри хорошенько, и коли не найдешь добра — тогда гони съ двора!

куваревъ. Э! я видѣлъ се и знаю эту плясунью, что влетѣла, осмѣяла меня съногъ до головы!

Климовна. Да не объ ней рѣчь идетъ! Я толкую про мою

бѣдную Аннушку, которая хоть не богата, да добраго ума пала-
та! ~~у которой, хоть шубка и овецья да душа то человѣчья!~~

КУБАРЕВЪ. О! то дѣло кончено! на той я ему прежде запретилъ
свататься, онъ отсталъ отъ нее, кажется, такъ и вспоминать
нечего.

КЛИМОВНА. Нѣтъ, Карпъ Савичъ! у кого что болитъ — тотъ про-
то и говоритъ! А за двумя зайцами погоняйся, ни одного не пой-
маешь.... кабы не было, твоего запрещенія, такъ Серѣжника твой
и не прожился бы, не влюбился бы, съ горя, въ другую, потому
что у насъ старый другъ лучше новыхъ двухъ! ~~Умные люди го-~~
~~ворятъ: что, другъ для дружкѣ вечеринку сидитъ, а какъ серд-~~
~~це болитъ, такъ и ночью не спитъ!~~

КУБАРЕВЪ. Какъ! какъ! такъ онъ еще думаетъ и на той же-
ниться? Да развѣ прежняя то лучше этой прыгуньи?

КЛИМОВНА. Эхъ, Карпъ Савичъ, задѣваешь ты меня за слабую
струнку; грѣшно своихъ хвалить, а чужихъ хулить.... Ну, да Богъ
не выдастъ — такъ никто не съѣстъ! ~~вѣдь говоритъ же: кинь~~
~~калачъ за лѣсъ, назадъ пойдешь — найдешь. Слушай:~~

№ 9.

Русская пѣсня сог. Глинки.

Старичка разодолжу,
Все про Аннушку скажу:
Дочь дворянская она,
И любезна и умна,
Только жаль, что вотъ бѣда.

Впрочемъ, бѣдность не порокъ.
Такъ-ли, добрый старичекъ?
А за то, какъ поглядить,
Такъ рублемъ и подарить!
А душа огнемъ горить!

А по комнаткѣ пройдетъ,
Словно павочка плыветъ!
А какъ рѣчи повѣдетъ,
И какъ пѣсенку споетъ,
Хоть кого съ ума сведетъ!

А какъ служить старикамъ,
 Такъ ей, ей, похвалишь самъ;
 А ужъ пляшетъ жизнь моя;
 Вотъ ни дать ни взять какъ я!
 Ай люли! ай люли!
 Право, точно это я!

КУБАРЕВЪ. Чортъ возми! Ты меня, Климовна, невольно разлакомила посмотрѣть на нее...

КЛИМОВНА (*смѣется*). Смотри, смотри родимый, да только въ оба глаза....

КУБАРЕВЪ (*самъ съ собою*). Коли точно она лучше этой прыгуньи и умѣетъ угождать старикамъ....

КЛИМОВНА. Да ужъ хотя въ ушко вдѣнь! Однимъ глазкомъ спить, другой на караулъ, десять разъ примѣрить — одинъ разъ отрѣжетъ.

КУБАРЕВЪ (*улыбаясь не смотритъ на нее*). Ой-ли? А напри-мѣръ: если-бы я крѣпко захотѣлъ ужинать, духомъ бы все скипѣло? а?

КЛИМОВНА. О! разомъ наварить, напечетъ, нажарить, только расхлѣбывай?...

КУБАРЕВЪ (*потирая руки съ довольной миной*). Ой-ли? Хорошо кабы такъ! Значить, она дѣвушка со вкусомъ?

КЛИМОВНА. Да ужъ не ударить лицомъ въ грязь! знаетъ, что безъ соли безъ хлѣба — худая бесѣда; голодъ не тетка.... ~~не подожги дрова — такъ не горятъ.... знаетъ, что, не кормя коня, не далеко уйдешь! Лошадь хотъ и быстра — да не убѣжитъ отъ хвоста! Соколиной полѣтъ да не по воронѣ.... не возьметъ мытьемъ — возьметъ катышемъ; послѣ смерти не кается, и хотъ невелика птичка, да ноготокъ востѣръ~~ (*Во время этой рѣчи, она отступаетъ, мигнувъ своимъ дѣвушкамъ, переодѣвается изъ старухи, остается въ своемъ видѣ, беретъ потомъ у слуги подносъ съ кушаньемъ и подаетъ Кубареву*). Извольте кушать....

КУБАРЕВЪ. Ба! ба! это чтò? Кто вы, сударыня?

АННА ПЕТРОВНА (*скромно*). Вскормленница старушки Климовны, сударь. Она сказала, что вы давно ждете ужина, и я забыла все, чтобъ только скорѣй угодить вамъ, и узнать покорооче того, кто ненавидитъ меня. Чему вы удивляетесь?

ЛѢ: 10.

Для васъ на все рѣшилася...

Чтобъ лучше васъ узнать,

Я даже согласилася

Служанки роль занять.

Хоть стануть безъ сомнѣнйа,

Иные осуждать...

Но, вхъ мое смиреніе

Заставитъ замолчать!

Лишь ваше бы прошеніе,

Любовь и уваженіе

Я заслужить могла,

Тогда бъ вполнѣ я счастлива была!

кубарець, А! стало старушка Климовна меня не обманула!... Вы однѣ въ этомъ безчеловѣчномъ домѣ сжалились надо мною Я, напротивъ, долженъ просить прощенія... я вамъ такъ благодаренъ, что готовъ все съѣсть, что вы подали. *(Бросается съ жадностію на кушанье.)* О! теперь сударыня я васъ раскусилъ... *(Бѣтъ и поглядываетъ на нее.)* Пожалуйстѣ простите моей глупости... вы рѣдкая барышня!... вы, просто, объяденѣе.

АННА ПЕТРОВНА. Кушайте, кушайте па здоровье!... а мой мужъ сейчасъ еще вамъ принесетъ кушанья...

кубарець *(удивясь)*. Какъ! вашъ мужъ? Такъ вы ужъ за мужемъ!...

АННА ПЕТРОВНА *(съ скромностію)*. Какъ-же-съ... какъ только вы запретили Сергѣю Васильевичу жениться на мнѣ, я поплакала, до ужъ поскорѣй и вышла за другаго!...

кубарець *(продолжая пѣть и пилить)*. Ахъ, какъ это жаль! Вѣдь Серѣжа то мой былъ-бы, кажется, съ вами очень счастливъ. ...

АННА ПЕТРОВНА. Да онъ и не жалуется на несчастіе.

кубарець. Неужъ-то? И вы въ этомъ же домѣ обитаете?

АННА ПЕТРОВНА. Да сударь.

кубарець. И Серѣжка знаетъ вашего мужа?

АННА ПЕТРОВНА. Какъ самого себя.

кубарець. И не сердится?

АННА ПЕТРОВНА. Нисколько.

ЯВЛЕНИЕ XII.

ТЪ ЖЕ И ПИТЕРСКІЙ (*одѣтый въ сюртукъ*).

КУБАРЕВЪ. Эхъ, жаль! Вотъ, кабы возможно.... я бы васъ сейчасъ окрутилъ съ моимъ Серёжкой! да и увезъ бы въ деревню.

АННА ПЕТРОВНА. Въ-самомъ-дѣлѣ?

КУБАРЕВЪ. Честное слово!

ПИТЕРСКІЙ (*бросаясь въ объятія дяди*). Такъ поѣдемте, дядюшка.

АННА ПЕТРОВНА. Вотъ мой мужъ! полюбите его также, какъ вы полюбили меня.

КУБАРЕВЪ. Какъ! Серёжка! это ты, разбойникъ?

ПИТЕРСКІЙ. Я дядюшка! простите ради вашего прѣзда!

КУБАРЕВЪ. Простить?... а твоя плясунья?...

АННА ПЕТРОВНА (*присѣдая*). Это я, дядюшка.

КУБАРЕВЪ (*ему*). Ты? А жидъ съ векселями?

ПИТЕРСКІЙ. Это я — дядюшка.

КУБАРЕВЪ. Ты!!

АННА ПЕТРОВНА. И Тиролька и Климовна — я, дядюшка.

КУБАРЕВЪ. Ты!?

АННА ПЕТРОВНА. Мы старались заслужить прежде ваше прощеніе и потомъ открыть пашу женпдбу.

ПИТЕРСКІЙ. Теперь, посудите: могъ ли я, при вашемъ состояніи жениться не по любви, а по расчету?

КУБАРЕВЪ. Ну, ужъ! городъ! Чортъ возьми! да падъ кѣмъ-же мнѣ теперь вымѣстить мою досаду? (*Увидя входящаго Фильку*).

ЯВЛЕНИЕ XIII (*последнее*).

ТЪ ЖЕ И ФИЛЬКА (*входитъ на веселье со счетомъ въ рукахъ*).

КУБАРЕВЪ. А! вотъ падъ кѣмъ! Поди сюда, болвапъ!....

ФИЛЬКА. Ото Сам-Питенбургъ!

КУБАРЕВЪ. Погоди, дуракъ, я тебѣ дамъ въ рестораціи знакомиться съ Петербургомъ! Я съ тобой завтра рассчитаюсь!

АННА ПЕТРОВНА (*публикѣ*). А я, признаюсь, желала бы теперь кончить все расчеты.

М Н.

Я должна за это взяться,
Чтобы автора спасти,
Вамъ легко съ нимъ разсчитаться
И итоги подвести.
Мы душевно бы желали,
Чтобъ ужъ кстапи, господа,
Вы и *встѣх* насъ разсчитали,
Такъ, какъ водятся всегда.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Если вы здѣсь не скучали,
Какъ случилось иногда,
Стало быть мы угадали
Что вамъ правится всегда.

СТРАСТЬ и ПОЭЗИЯ.

СТРАСТЬ.

Скорѣй, ко мнѣ, прекрасный мой поэтъ!
Смотри, душа полна любви, желанья....
Тебѣ, тебѣ, мой избранный, привѣтъ,
Пей всю меня!... тебѣ мои лобзанья....
Скорѣй же другъ — я жду тебя!
Я жпть хочу и умереть — любя.

ПОЭЗИЯ.

Нѣтъ, не искусишь, демонъ злобный,
Не обольстишь словами вновь
Души возвышенной, свободной....
Отдай другимъ твою любовь:
Я не плачу разврату дани,
Я непродажный рабъ страстей,
Не нужно мнѣ твоихъ лобзаний,
Не надо мнѣ твоихъ цѣпей.

СТРАСТЬ.

Пѣвецъ любви и вдохновеній!
Хоть въ жизни разъ испылъ ли ты —
Въ объятяхъ дѣвы красоты
Всю чашу страстныхъ наслажденій?...

.....
.....
.....
.....

ПОЭЗІЯ.

Любовь такая — лишь отравя;
Отъ чувства чистаго она,
Какъ ночь отъ дня удалена....
Моя любовь — одна лишь слава.

СТРАСТЬ.

Ты молодъ! — вѣрю я, ты въ правѣ —
Презрѣвъ любовь, стремиться къ славѣ...
Но не забудь, мигъ славы быстрой,
Какъ метеоръ, ночной порой,
Мелькнетъ и — вдругъ исчезнетъ искрой,
И затоскуешь ты душой!

ПОЭЗІЯ.

Пусть такъ!... теперь свободенъ я —
И съ вами не пирую трызны....
Изъ розъ моей весенней жизни
Не уступлю вамъ даже два:
Я не плачу разврату даны,
Я непроданный рабъ страстей,
Не нужно мнѣ твоихъ лобзаній,
Не надо мнѣ твоихъ цѣдей!...

ВОРОНА ВЪ ПАВЛИНЫХЪ ПЕРЬЯХЪ,

ИЛИ

СЛУГА-ГРАФЪ, ГРАФЪ-СЛУГА.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Гаспаръ, богатый купецъ. Г. Каратыгинъ 2.
Эльвира, дочь его. Г-жа Лескпева.
Роза, горничная. Г-жа Самойлова 1.
Валеріо, сынъ графа Леримоса. Г. Толгеновъ.
Мендозъ, } Г. Марковецкій.
Педрилло, }
Антонио, } слуги Гаспара.
Беатрикса, }
Прочіе слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, въ домъ Гаспара.

=

Кн. 11.

2.

ЯВЛЕНИЕ I.

При поднятіи занавѣса Мендозъ сидитъ въ креслахъ и спитъ.

АНТОНІО (*вбѣгал*). Мендозъ!... Мендозъ!... Куда онъ дѣвался?
Ахъ! ахъ лѣнтяй! Онъ спитъ здѣсь! Мендозъ!

МЕНДОЗЪ (*просыпался*). А! кто меня зоветъ? а! Антоніо это ты, что тебѣ надобно?

АНТОНІО. Г. Гаспаръ велѣлъ намъ всѣмъ собраться въ эту комнату.

МЕНДОЗЪ. Ну, что жъ, видишь какъ я исправенъ, — я здѣсь прежде всѣхъ.

АНТОНІО. Да, ты здѣсь спалъ!

МЕНДОЗЪ. Вскрапнулъ немножко, послѣ работы.... Ахъ какой чудесный сонъ!... Я видѣлъ себя какимъ то знатнымъ господиномъ.... я весь былъ облитъ золотомъ.... шляпа съ перомъ.... Ахъ, зачѣмъ ты меня разбудилъ.... какъ приятно поломаться хоть во снѣ.... Да, чортъ возьми! что ни говори, а это не даромъ у меня все одно на умѣ.... и днемъ этимъ брежу, и ночью грезится.

АНТОНІО. Что же такое грезится?

МЕНДОЗЪ. То, что я, вѣрно, человѣкъ не простой, я совсѣмъ непохожъ на ваше хамово отродіе.... я люблю играть въ карты, люблю иногда хлѣбнуть черезъ край, люблю приволочнуться.... люблю ничего не дѣлать.... кажется, этого довольно, — что же касается до даружности.... такъ, вѣрно, почище васъ всѣхъ. Не даромъ прежній мой господинъ, который былъ славный дворянинъ, очень часто помѣщалъ мою фигуру на своихъ картинахъ; то представить меня Сатиромъ, то Бахусомъ, — жаль только,

что его картины съ рукъ не шли. Онъ кругомъ задолжалъ и мнѣ мой портретъ подарилъ въ счетъ моего жалованья, а я, я, какъ человѣкъ порядочный, подарилъ его въ знакъ моей любви Розѣ. А! видишь, какія у меня все благородныя замашки... Да, чортъ возьми! рано или поздно, а вы всѣ узнаете, что я не рожденъ быть человѣкомъ.... во мнѣ есть что то такое, что то. Ай, ай! что за шумъ.... Это, кажется, нашъ господня.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ-ЖЕ, ГАСПАРЬ, РОЗА, ВАЛЕРІО, ПЕДРИЛЛО И ДРУГІЕ СЛУЖИТЕЛИ.

ГАСПАРЬ (*сталкивая слугъ на сцену*). Бѣздѣльники! негодяи! мошенники! всѣ-ли вы здѣсь?

всѣ. Всѣ, сударь!

ГАСПАРЬ. Валеріо! Педрилло! Антоніо! Мендозъ! Роза!

РОЗА. Мы всѣ здѣсь, сударь.

ГАСПАРЬ. Ставьте всѣ въ-рядъ.

РОЗА. Стопмъ.

ГАСПАРЬ. Хорошо! — Никто не смѣй пикнуть!

РОЗА. Мы молчимъ.

ГАСПАРЬ. Меня извѣстили, что между вами вкрался въ мой домъ переодѣтый любовникъ изъ хорошаго званія.

всѣ. Это, не я.

МЕНДОЗЪ (*съ-стороны*). Ужъ не я-ли?

ГАСПАРЬ. А какъ этотъ человѣкъ вошелъ еюда съ злодѣйскимъ и преступнымъ намѣреніемъ, то и собралъ я васъ всѣхъ, чтобы узнать виновнаго, и омыть въ крови его безчестіе, которое онъ былъ намѣренъ мнѣ сдѣлать.

МЕНДОЗЪ (*съ-стороны*). О, нѣтъ, такъ это не я.

ГАСПАРЬ. Если онъ благородный человѣкъ и не трусъ.... я, вызываю его, чтобы онъ показался.... Ну, что-же?... Всѣ молчать.... стало всѣ вы подлецы? Хорошо! я васъ всѣхъ отъ себя отпускаю.

ПЕДРИЛЛО (*подходя съ одной стороны*). Милостивый государь!

ГАСПАРЬ. Ну, что тебѣ?

ПЕДРИЛЛО (*тихо*). Я подозреваю, что это Антоніо.

ГАСПАРЬ. Почему?

ГАСПАРЬ. Имѣть къ нему уваженіе.... повиноваться.

МЕНДОЗЪ. Сколько мидостей!

ГАСПАРЬ. Вы мнѣ за него отвѣчаете — етулайда а двое, оставь-
тесь стеречь эту дверь.

МЕНДОЗЪ (*въ сторону*). Что у него за намѣреніе? (*Ему*). При-
знаюсь, вамъ, сударь, для меня очень лестны всѣ почести, ко-
торыя вамъ угодно мнѣ оказывать; но согласитесь, что я могу
бы обойти и безъ почетнаго караула, и приказъ вашъ, кото-
рой вы далъ, кажется....

ГАСПЕРЬ. У меня на это есть свои причины.... Я не имѣю
чести быть такого благороднаго происхожденія, какъ вы, и очень
можетъ быть, что батюшка вашъ воспротивится этому союзу.

МЕНДОЗЪ. Мой отецъ! вотъ — на! Развѣ такъ необходимо его
согласіе?

ГАСПАРЬ. Я уважаю, сударь, родительскую власть и ни къ
чему не приступлю безъ его согласія. Вотъ записка, которую я
самъ сочинилъ, прошу васъ ее прочесть и къ нему отправить.

МЕНДОЗЪ (*беретъ письмо*). Извольте, сударь, я сію минуту ее
доставлю.

ГАСПАРЬ (*удерживая*). Позвольте.... Я имѣю причины не вы-
пускать васъ отъ себя — одинъ изъ людей моихъ избавить васъ
отъ этого труда.

МЕНДОЗЪ (*въ сторону*). Чтобъ чортъ тебя побралъ! (*Ему*). Но,
сударь, слуга не въ состояніи будетъ выполнить эту комиссію
такъ хорошо, какъ я.... вы сами знаете, отцы не всѣ одинаковы
и ежели моему вздумается заупрямиться, представить нѣкоторыя
причины, тогда, сударь, на меня не пѣняйте.

ГАСПАРЬ. Ни мало.... и я съ величайшимъ бы прискорбіемъ
нашелся принужденнымъ васъ.... (*Дѣлаетъ движеніе, выраженія
шпагою*).

МЕНДОЗЪ. Какъ, сударь, вы будете столько жестокосерды?

ГАСПАРЬ. Вы сами, сударь, видите, что я не могу этого избѣ-
жать, — остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

(*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

МЕНДОЗЪ (*одинъ*). Чтобъ чортъ тебя взялъ! Вотъ дуракъ! Пре-
пятствуетъ мнѣ возвратиться къ моему отцу, принуждаетъ же-

ниться на своей дочери, или драться съ нимъ. — Еслибъ выборъ отъ меня зависѣлъ, то дѣло бы было конечно разомъ.... но отецъ мой.... согласится ли, чтобы я женился на простой мѣщанкѣ. Со всѣмъ тѣмъ очень досадно, отъ чего меня не научили читать!.... Какъ узнать, что пишетъ г. Гаспаръ къ моему отцу?.... Это меня беспокоитъ. А! а! вотъ кстати Валеріо; онъ можетъ вывести меня изъ хлопотъ.... Однако же, я опасаясь обнаружить себя передъ нимъ такимъ невѣждою, онъ будетъ надо мною смѣяться! Лакеи обыкновенно такъ худо воспитаны. Но должно употребить хитрость.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МЕНДОЗЪ И ВАЛЕРІО.

ВАЛЕРІО (*въ-сторону*). Постараемся узнать, что здѣсь произошло.

МЕНДОЗЪ. Это ты, Валеріо? Подойди поближе — не будь тайъ робокъ, другъ мой!

ВАЛЕРІО. Милостивый государь!...

МЕНДОЗЪ. Приблизься, говорю я тебѣ, поступай со мной такъ, какъ бы я былъ тоже, что и прежде.

ВАЛЕРІО. Благодарю васъ.

МЕНДОЗЪ. Я хочу устроить твою судьбу, другъ мой, ты лучшей участи достоинъ; въ твои лѣта съ твоими, дарованіями, служить мѣщанамъ для тебя низко.... Я хочу взять тебя къ себѣ въ службу.... говори, какую должность ты хочешь въ моемъ домѣ?....

ВАЛЕРІО. Когда вы будете въ вашемъ домѣ, тогда я вамъ скажу.

МЕНДОЗЪ. Я тебя сдѣлаю моимъ секретаремъ.... А! что ты на это скажешь?.... Согласенъ ли ты на это? Однако же должно знать, имѣешь ли ты на то нужныя способности? Возьми и прочти мнѣ ясно это письмо.

ВАЛЕРІО (*въ-сторону*). Что я вижу? это письмо къ моему отцу! Прочтемъ. (*Въ-слухъ читаетъ*). «Графу Леримосу.—Ваше сіятельство! сынъ вашъ подвергнулъ огласкѣ доброе имя моей дочери; одною женитьбою только, или шпагою онъ можетъ замазать эту обиду. Если вы согласитесь на этотъ бракъ, я дамъ дочери моеи

РОЗА. Какъ не замѣтить, сударь; она день ото дня хорошеетъ.

ГАСПАРЬ. Это не то; я говорю, что она сдѣлалась задумчивѣе, не такъ весела, какъ прежде, все печальна, — а дѣвушки не задумываются безъ причины, и мнѣ бы хотѣлось узнать ее.

РОЗА. За чѣмъ же дѣло стало? Спросите у ней! Это самое вѣрное средство.

ГАСПАРЬ. Чтобъ ничего не узнать. Когда дѣвушка не ввѣряетъ своей тайны, то, желая у ней ее вывѣдать, только принудишь ее къ притворству; къ тому же мнѣ не хотѣлось, чтобы она знала объ этомъ происшествіи... Ты только одна можешь мнѣ помочь.

РОЗА. Я, сударь?

ГАСПАРЬ. Конечно; когда любовникъ вкрадывается въ домъ, то прежде всего кому старается ввѣрить тайну свою? Разумѣется, горничной своей влюбленной.

РОЗА. Вы меня обижаете, г. Гаспарь; меня ничѣмъ нельзя подкупить. Къ тому же, что я выиграю, измѣня вамъ? Нѣсколько подарковъ, можетъ-быть приданое? Развѣ вы не обѣщали мнѣ двадцать разъ все это, ежели я буду служить вамъ вѣрно? Я некорыстолюбива — знаю васъ, и терпѣливо ожидаю.

ГАСПАРЬ. Ежели ты хочешь, то я сегодня же исполню свои обѣщанія, и щедро награжу тебя.

РОЗА. Ахъ, сударь, какъ вы меня печалите!

ГАСПАРЬ. Почему?

РОЗА. Потому что я ничего не знаю; но я постараюсь, сударь, и даю вамъ слово, сегодня же открыть все, что здѣсь кроется.

ГАСПАРЬ. Но въ состояніи ли ты будешь устоять противъ золота и ласкательствъ?

РОЗА. Противъ всего, сударь; я поддержу честь служанокъ!

ГАСПАРЬ. Но берегись, молодые люди очень хитры и вкрадчивы.

РОЗА. О! я ихъ знаю, и они меня не проведутъ. Однакожъ, скажите, какое ваше намѣреніе, если вы поткроете виновнаго?

ГАСПАРЬ. Чтобы женился на моей дочери, или, чортъ возьми! мы съ нимъ увидимся со шпагою въ руцѣ!

РОЗА. Боже мой! со шпагою?!

ГАСПАРЬ. Да, чортъ возьми! я еще не такъ старъ, чортъ возьми! Прощай, не забудь своего обѣщанія.

(Уходитъ).

РОЗА (одна). Будьте покойны! Ну, Роза, неслышкомъ ли ты поторопилась, взявшись за такое дѣло? Съ кѣмъ посоветоваться?

какъ могу удостовѣриться, что пѣтъ ли здѣсь, въ-самомъ-дѣлѣ, любовныхъ проказъ? Должно напасть прежде на слабѣйшаго не-пріятеля; а, да вотъ кстапи и барышня.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЭЛЬВИРА, И РОЗА.

ЭЛЬВИРА. Роза!

РОЗА. Чтѣ вамъ угодно, сударыня?

ЭЛЬВИРА (*съ таинственнымъ видомъ*). Батюшка еще дома?

РОЗА. Нѣтъ, онъ ушелъ со двора.

ЭЛЬВИРА (*приближаясь*). Чтѣ же? Узналъ онъ его?

РОЗА. Кого?

ЭЛЬВИРА (*въ замѣшательствѣ*). Никого!.... говорятъ онъ кого то искалъ.... Такъ мнѣ бы хотѣлось знать, узналъ ли онъ кого нибудь.

РОЗА (*въ-сторону*). Кого нибудь! ага! это что-то не даромъ. (*Ей*.) Да, сударыня, онъ узналъ кого то.

ЭЛЬВИРА. Неужели?

РОЗА. Да, его подозрѣнія пали на Фабриціо.

ЭЛЬВИРА. Отдыхаю!

РОЗА (*въ-сторону*). Опа обрадовалась! это не онъ! (*Ей*.) Потомъ подозрѣвалъ Антоніо!.... Ничего.... Наконецъ, онъ удостовѣрился, что это долженъ быть садовникъ, которой недавно къ намъ опредѣлился.

ЭЛЬВИРА (*съ безпокойствомъ*). Валеріо!

РОЗА (*въ-сторону*). А! это онъ! (*Ей*.) И въ ту же минуту онъ принудилъ его выйти изъ дома.

ЭЛЬВИРА (*въ-сторону*). Ахъ, какъ я несчастлива!....

РОЗА. Чтѣ съ вами сдѣлалось? Вы поблѣднѣли и дрожите!

ЭЛЬВИРА. Такъ, ничего?

РОЗА. Неужели этотъ Валеріо можетъ васъ такъ занимать? Какое вниманіе можетъ заслуживать такой человекъ, которой вошелъ почти воровски въ домъ, не сдѣлавъ никому никакой довѣренности.

ЭЛЬВИРА. Ахъ, Роза, какая ты злая!

РОЗА. Успокойтесь, сударыня, Валеріо еще здѣсь.

ЭЛЬВИРА. Такъ ты меня обманула?

РОЗА. Да вѣдь надо же было какъ нибудь васъ заставить говорить.

ЭЛЬВИРА. Ахъ, Роза!....

РОЗА. Успокойтесь же, сударыня; такъ какъ я уже знаю вашу тайну, то не скрывайте отъ меня ничего.... Какъ его настоящее имя?

ЭЛЬВИРА. Фердинандъ! Онъ сынъ графа Леримоса, я познакомилась съ нимъ въ то время, когда я гостила у тетушки.

РОЗА. И вы позволили ему, чтобы онъ передѣтый пришелъ сюда погостить.

ЭЛЬВИРА. Напротивъ, я ему это строго запрещала.

РОЗА. А онъ все-таки васъ не послушался? Ахъ, онъ повѣса!

ЭЛЬВИРА. Я сегодня же скажу ему, чтобъ онъ оставилъ нашъ домъ.

РОЗА. Я очень хорошо сдѣлаете.... Вотъ кстати онъ и самъ на лицо.

(Валеріо показывается въ глубинѣ театра, въ рукахъ у него цвѣты, которые онъ раскладываетъ на столъ.)

ЭЛЬВИРА. Ахъ, Роза! ему бы хотѣлось со мной поговорить.... Онъ не смѣетъ подойти.... боится подать тебѣ подозрѣніе.

РОЗА. Вотъ хорошо! Вы хотѣли его удалить отсюда; а теперь меня гоните.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ВАЛЕРІО.

ЭЛЬВИРА. Нѣтъ, вѣтъ, остапись. Подойди Валеріо.

ВАЛЕРІО *(съ смущеніемъ)*. Извините, сударыня, ежели я не во время сюда пришелъ....

ЭЛЬВИРА. Не бойся ничего, Валеріо, ты можешь говорить свободно.

ВАЛЕРІО. Вы позволяете?

РОЗА. Изяснитесь безъ притворства, и скажите моей барышнѣ: «любезная Эльвира, я бы хотѣлъ говорить съ вами о моей любви, но боюсь быть узнаваемъ. — Ушлите Розу стеречь, чтобы кто нибудь насъ не засталъ.»

ВАЛЕРІО. Чтò я слышу!

РОЗА. Неужели я обманулась? Развѣ вы не это хотѣли сказать?

ВАЛЕРІО *(подастъ ей кошелекъ)*. Вотъ мой отвѣтъ.

РОЗА. Но.... милостивый государь....

ВАЛЕРІО. Нежели я обманулся — и развѣ не это я долженъ былъ сдѣлать?

РОЗА. Ахъ, сударь, какъ видно, что вы знатный человѣкъ. (Въ сторону). Какъ онъ хорошо говоритъ!

ВАЛЕРІО. Роза, ты не можешь вообразить, какъ твоя помощь мнѣ необходима въ моемъ затруднительномъ положеніи.

РОЗА. А что же съ вами случилось?

ВАЛЕРІО. Вотъ записка, которую алкадъ, старинный пріятель Гаспара, къ нему прислалъ; эта записка откроетъ, кто я таковъ.

РОЗА. Да какъ она попала къ вамъ въ руки?

ВАЛЕРІО. Фабрицій преданный мнѣ слуга, узнавъ присланнаго, спросилъ его и выведалъ, что это касается до меня, а расторопностью своею умѣлъ ее выманить у слуги.

РОЗА. Прекрасно! Когда опасность извѣстна, тогда легко ее избѣжать. — Посмотримъ, что говорятъ въ этой запискѣ? Бѣда, можетъ-быть, не такъ велика, какъ вы ее воображаете.

ВАЛЕРІО. Вотъ она! (Читаетъ). «Любезный Гаспаръ, я увѣдомилъ васъ сегодня утромъ, что у васъ въ домѣ находится переломанный любовникъ. — Теперь мнѣ извѣстны нѣкоторыя подробности. — Этотъ молодой человѣкъ сынъ графа Лермоса; вы, конечно не замедлите выслать его изъ вашего дома. Для избѣжанія всякой ошибки, я вамъ посылаю его портретъ, который умѣлъ достать. Обязанность моей должности, а еще болѣе дружба, связующая меня съ вами, принудили меня извѣстить васъ обо всемъ, что я знаю. — Другъ вашъ Овiedo!»

РОЗА! Это уже становится не шутка!

ЭЛЬВИРА. Повѣрь мнѣ, Валеріо, намъ должно открыться батюшкѣ и просить прощенія.

ВАЛЕРІО. Но если онъ воспротивится любви моей, я принужденъ буду выйти изъ вашего дома; это сдѣлаетъ огласку, все узнаютъ, гдѣ я скрывался, и меня тотчасъ задержать, тогда я принужденъ буду повиноваться отцу моему и согласиться заключить бракъ, который на вѣкъ сдѣлаетъ меня несчастнымъ. А ежели бы намъ удалось отстрочить это признаніе на нѣсколько дней, то я бы нашелъ средство побѣдить все препятствія.

ЭЛЬВИРА. Какую же ты имѣешь надежду?

ВАЛЕРІО. Дѣвица, на которой меня хотятъ жепить, готова съ досады выдти за другаго; ихъ свадьба должна быть скоро — тогда отецъ мой не будетъ имѣть причины принуждать меня.

ЭЛЬВИРА. Не что намъ дѣлать? Письмо это все откроетъ!

РОЗА. Его не должно показывать.

ВАЛЕРІО. Это невозможно! Слуга алкада здѣсь еще и ожидаетъ отвѣта.

ЭЛЬВИРА. Ахъ Боже мой! что съ нами будетъ!

ВАЛЕРІО. Милая Роза! помоги намъ! Если тебѣ удастся, тогда ничто не сравнится съ моею благодарностію, и я общаю тебѣ...

РОЗА. Полноте, ваше сіятельство; я ужъ получила задатокъ. Погодите, погодите, нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы подозрѣнія пали на которагонибудь изъ новыхъ слугъ. Г. Гаспаръ обманется и выгонитъ его прежде, нежели все откроется.

ВАЛЕРІО. Но этотъ портретъ?

РОЗА. А! счастливая мысль! Мендозъ сумасбродъ, набитый дуракъ, думаетъ о себѣ очень много, его не трудно оболванить и выдать за васъ.

ВАЛЕРІО. Неужели онъ такъ глупъ, чтобы могъ повѣрить, что онъ не онъ?

РОЗА. Ахъ, сударь, сколько есть людей, которые считаютъ себя гораздо больше, нежели они въ самомъ дѣлѣ. Мендозъ мечтаетъ что онъ дитя тайны, отверженный отцомъ своимъ, котораго онъ надѣется отыскать между знатыми господами. Такого чудака не трудно во всемъ увѣрить.

ВАЛЕРІО. Хорошо! Но ты не подумала, что портретъ этотъ разстроятъ всѣ твои затѣи.

РОЗА. У меня и на это есть средство, дайте мнѣ письмо и портретъ, я все беру на себя... Но должно остерегаться, чтобы насъ не застали вмѣстѣ, уйдемте отсюда.

ЭЛЬВИРА. Но.... Роза....

РОЗА. Избавьте меня отъ вашихъ но.... (Валеріо) Возвратитесь въ садъ. (Эльвира). Вы подите въ свои комнаты и оставьте на мои руки это дѣло. (Эльвира уходитъ).

ВАЛЕРІО (уходя). Будь увѣрена въ моей благодарности.

РОЗА (выталкивая). Хорошо, хорошо — только уйдите.

ЯВЛЕНИЕ VI.

РОЗА (одна). Время не терпитъ — должно дѣйствовать... Этотъ портретъ можетъ все испортить, спрячемъ его. А! Г. Мендозъ, я твой помѣщикъ на мѣсто этого. Не прогнѣвайся, ты такой охот-

никъ мечтать. Вотъ обширное поле для твоего воображенія!...
Вотъ и онъ!

ЯВЛЕНИЕ VII.

РОЗА И МЕНДОЗЪ.

РОЗА. А! это ты, Мендозъ?

МЕНДОЗЪ. Да, моя красавица, я пришелъ было поболтать съ тобою кое о чемъ.

РОЗА. А! ты, вѣрно, узналъ объ этой новости, которая здѣсь случилась.

МЕНДОЗЪ. Какая новость? Я ничего не слыхалъ.

РОЗА. Неужели? Развѣ ты не знаешь этого чудеснаго происшествія?

МЕНДОЗЪ. Скажи яснѣе.

РОЗА. Какъ! ты не знаешь, что въ сосѣдственномъ замкѣ всѣ въ тревогѣ?

МЕНДОЗЪ. Отъ чего же? Я въ-первые слышу.

РОЗА. Тамъ ищутъ знатнаго молодого человѣка, оставленнаго своими родителями.

МЕНДОЗЪ. Молодаго человѣка, оставленнаго своими родителями, говоришь ты?

РОЗА. Такъ точно.... со дня его рожденія.

МЕНДОЗЪ. Со дня его рожденія?

РОЗА. Должно признаться, что отецъ его, графъ Леримось, пречудный человѣкъ.

МЕНДОЗЪ. Это сынъ графа!... Говори, говори, я такъ нетерпѣливо хочу знать....

РОЗА. Вотъ видишь ли. Этому графу вздумалось, что счастье можетъ портить людей, что они развращаются въ богатствѣ, и такъ, чтобы образовать сына своего въ училищѣ несчастія, онъ отъ него скрылъ его имя и рожденіе, и отдалъ воспитать въ низкомъ состояніи.

МЕНДОЗЪ. Далѣе, далѣе!

РОЗА. Теперь, уже считая его охраненнымъ отъ обольщеній богатства, онъ хочетъ призвать его въ свое семейство.

МЕНДОЗЪ. Призвать его къ себѣ? Кто жъ ему въ томъ мѣшаетъ?

роза. Должно думать, что молодой человекъ сдѣлалъ какую нибудь шалость; онъ скитался по свѣту, отецъ его потерялъ его изъ виду, и теперь вездѣ ищетъ.

мендозъ. Это очень странно!

роза. Но этотъ отецъ будетъ наказанъ за его сумазбродство. Я объ закладъ бьюсь, что онъ не отыщетъ своего сына.

мендозъ. Почему бы это?

роза. Какъ возможно, чтобъ этотъ молодой человекъ отыскался! Живучи въ низкомъ состояніи, онъ, конечно, принялъ ухватки простонародныя, привычки низкія.

мендозъ. Не безпокойся, люди извѣстной породы, всегда имѣютъ нѣчто отличное.... видъ необыкновенный.... Какъ тебѣ кажется это лицо?

роза. Довольно благородно.

мендозъ. А этотъ взглядъ?

роза. Важенъ, хоть куда.

мендозъ. Что скажешь объ этомъ поклопѣ?

роза. Онъ очень ловокъ.

мендозъ. А объ этой походкѣ?

роза. Довольно развязна! Но къ чему все эти распросы?

мендозъ. Такъ, ни къ чему! Мнѣ пришла въ голову мысль.

роза. Какая?

мендозъ. Такъ, пустяки.... я хотѣлъ только знать, умѣешь ли ты цѣнить достоинства?

роза (*въ сторону*). Дурачина! Онъ самъ лезетъ въ западню. Уйдемъ, пора уже вручить это письмо г. Гаспару.

мендозъ. Ты уходишь?

роза. Да, мнѣ пришла также въ голову мысль.

мендозъ. Итакъ, прощай!

роза (*въ сторону, уходитъ*). Попался!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

мендозъ (*одинъ*). Я не могу опомниться! Какое чудесное происшествіе! И все, кажется, соединилось, чтобъ утвердить мои догадки. О! такъ точно, я нашелъ моихъ родителей, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и вотъ доказательства: Графъ Леримось ищетъ своего сына, я ищу моего отца.... онъ оставилъ его съ самаго рожденія.... съ самаго моего рожденія, я былъ оставленъ.... Го-

ворить, что онъ очень чудный человекъ, меня также всегда уверяли, что я чужакъ въ своемъ родѣ; слѣдовательно, между нами находится сходство нравовъ, или нѣчто въ родѣ симпатіи. Итакъ, ясно, что я одолженъ жизнью графу Леримосу. Вивать! я графъ, я знатный господинъ! а! каково!

№ 2.

Итакъ, мой сонъ сбывается,
 Прощайте же, друзья!
 Теперь въ лакейской маяться
 Не буду больше я!
 Ну, къ чорту жизнь цыганская,
 Насталъ блаженный часъ!
 И громко кровь дворянская,
 Заговорила въ насъ!
 Всѣмъ отъ меня достанется!
 Ручаюсь головой;
 Всѣ подличать и кланяться
 Начнутъ передо мной!
 А я люблю ласкательства,
 Гдѣ только ни пройдешь:
 - Вотъ, вотъ его сіятельство!
 - Смотрите, какъ хорошъ!
 А я то съ графской миною
 Передъ толпой пройдуся,
 Вхожу себѣ въ гостиную,
 И съ важностью сажусь.

(Садится).

Во всемъ видна политика,
 Лицо, присмы, взглядъ...
 Чѣмъ я не графъ? Смотрите ка...
 Ей, ей! аристократъ! (2 раза).

(Вскакивал).

Ай, ай, г. Гаспаръ!

(Беретъ метелку и чиститъ мебель).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ГАСПАРЪ, И МЕНДОЗЪ.

ГАСПАРЪ (*въ-сторону*). Вотъ онъ! Удостоверимся, дѣйствительно ли этотъ портретъ на него похожъ.

МЕНДОЗЪ (*въ-сторону*). У! какъ онъ меня разсматриваетъ!

ГАСПАРЪ (*разсматривая портретъ, завернутый въ письмо*). Это онъ! Алкадь меня не обманулъ.

МЕНДОЗЪ (*въ-сторону*). Что, если онъ меня прибьетъ?

ГАСПАРЪ. Его лицо, его всѣ черты!... Нѣчего болѣе сомнѣваться, подойдемъ. Не удостонте ли вы, милостивый государь, поговорить со мною минуты двѣ?

МЕНДОЗЪ (*обертывается*). Вѣрно.... мнѣ.... здѣсь, кромѣ пастъ никого нѣтъ.... М. г. я.... я.... Ага! пронюхалъ, узналъ меня.... (*Ему*). Я весьма радъ этому, и сочту себя за особую честь....

ГАСПАРЪ. Итакъ, знайте, сударь, что.... Но, что я говорю? Изъ уваженія къ его фамили, къ самому себѣ, не должно терпѣть, чтобъ онъ долѣе оставался въ этой одеждѣ.... Эй, кто-нибудь!

(*Антоніо, Педрилло входятъ*).

МЕНДОЗЪ (*подбѣгал*). Что прикажите? (*Особо*). Ай, ай, опять за старое.

ГАСПАРЪ. Оставайтесь, я въ минуту все кончу. (*Педрилло*). Скажи Розѣ.... (*Говоритъ на-ухо; Педрилло уходитъ*).

МЕНДОЗЪ (*въ-сторону*). Что онъ хочетъ дѣлать?

ГАСПАРЪ (*Антоніо*). А ты сними съ этого господина его платье.

МЕНДОЗЪ. Мое платье!

ГАСПАРЪ. Да, ваше платье, сударь.

МЕНДОЗЪ. Какъ, сударь! вы хотите меня отпустить?

ГАСПАРЪ (*Антоніо*). Дѣлай, что тебѣ приказано.

МЕНДОЗЪ. Ахъ, сударь, я не перенесу....

ГАСПАРЪ. Прошу васъ, не заставьте меня употребить средства насильственныя.

МЕНДОЗЪ. Я ихъ совсѣмъ не люблю, сударь, по....

ГАСПАРЪ. Это было бы столько же непріятно мнѣ, какъ и вамъ.... Однако же.... если нельзя будетъ безъ того обойтись, я прикажу....

МЕНДОЗЪ. Безъ церемоніи, сударь, я сдѣлаю все, что вамъ угодно.

М 3.

(Антонио). За чѣмъ меня онъ раздѣваетъ?
Скажи, товарищъ добрый мой.

АНТОНИО.

Да онъ, мнѣ кажется, желаетъ
Раздѣлаться съ твоей сппной.

2 раза.

МЕНДОЗЪ.

Ой, ой, ой!... Что жъ это за самоуправство?

АНТОНИО.

Ну, полно врать, раздѣвйся шутъ!

МЕНДОЗЪ (сквозь слезы).

Прощай сятельное графство
А сколько палокъ мнѣ дадутъ?

ЯВЛЕНИЕ X.

ТЪ-ЖЕ П РОЗА выноситъ плащъ и шляпу.

РОЗА. Вотъ, сударь, все, что вы спрашивали.

ГАСПАРЪ. Хорошо!

РОЗА. Что прикажете дѣлать съ тѣмъ платьемъ?

ГАСПАРЪ. Надѣть его на этого господина!

МЕНДОЗЪ. На меня, сударь?

ГАСПАРЪ. Такъ точно.

РОЗА (въ-сторону). Все идетъ хорошо; хитрость удалась.

МЕНДОЗЪ. Я вижу, сударь, что вамъ угодно шутить.

ГАСПАРЪ. Я никогда, сударь, не шучу. Поторопитесь надѣть платье, которое бы вы никогда не должны перемѣнить.

МЕНДОЗЪ. Которое бы я никогда не долженъ перемѣнять! (Въ-сторону). А! я вижу, что это такое! Узнали, кто я таковъ, и теперь стараются оказать должныя почести моей породѣ; а я было струсилъ.

РОЗА. Нравится ли вамъ этотъ плащъ?

МЕНДОЗЪ. Не дуренъ.... цвѣтъ нѣсколько темень.... однакожъ....

роза. Вы придадите ему блеску.... а эта шляпа?

мендозъ. Да, изрядна.... да впрочемъ, не въ шляпѣ дѣло.

роза. Ахъ, Боже мой! Ну кто бы могъ подумать, что вы тотъ неловкій, мѣшковатый и нерасторопный Мендозъ, который....

мендозъ. Не забывайте, сударыня, должнаго почтенія, прошу васъ....

роза. Ссылаюсь на всѣхъ, не похожъ ли онъ теперь совершенно на порядочнаго человѣка?

гаспаръ (Розѣ). Довольно, оставь насъ, мнѣ пужно наединѣ поговорить съ этимъ госпожиномъ.

роза (уходя). Пропали мы, ежели они объяснятся.

мендозъ. Что онъ хочетъ еще отъ меня?

ЯВЛЕНИЕ XI.

МЕНДОЗЪ И ГАСПАРЪ.

гаспаръ. Итакъ, сударь, теперь все объяснилось.

мендозъ. Какъ, сударь?

гаспаръ. Всякое притворство теперь бесполезно; я имѣю весьма безошибочныя примѣты въ разсужденіи васъ.

мендозъ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

гаспаръ. Такъ точно, ваше сіятельство, я знаю все, и ежели бы даже письма, присланнаго мнѣ алкадомъ, не было достаточно разсѣять всѣ мои сомнѣнія, то ваше смятеніе, разстройство, тревога, въ которой васъ вижу теперь, все меня удостовѣряетъ, что вы дѣйствительно сынъ графа Леримоса.

мендозъ. Такъ я сынъ его?

гасперъ. Вы это очень хорошо знаете.

мендозъ. Вотъ оно что! Знай нашихъ!—Такъ вы точно увѣрены, что я сынъ графа Леримоса, сосѣдняго господина, который его повсюду ищетъ?

гаспаръ. Я на то имѣю доказательства, и поступлю, какъ слѣдуетъ. (Удается).

мендозъ. Такъ это не мечта! И я не могу болѣе сомнѣваться въ моемъ благополучіи. Наконецъ, настала минута, объ которой я каждую минуту думалъ. (Увидя выходящаго Гаспара со шпагами). Э! что это?

гаспаръ. Выбирайте, сударь!

мендозъ. Вы изволите шутить?

гаспаръ. Выбирайте, говорю я вамъ.

мендозъ. Но, прошу васъ, сударь, сказать по какой причинѣ?

гаспаръ. Вошедши въ мой домъ подъ именемъ слуги, вы обезчестили его, оскорбили меня, нарушили обязанности общества, подвергли безславію доброе имя моей дочери! Я требую за это удовлетворенія.

мендозъ. Но, милостивый государь!....

гаспаръ. Я хочу дать урокъ молодымъ шалунамъ, выбирайте, которую вамъ угодно.

мендозъ. Ни которую, дайте мнѣ время на размышленіе, нельзя ли намъ миролюбиво объясниться — по пріятельски.

гаспаръ. Нѣтъ, сударь; я кровію вашего могу только смыть безчестіе, вами мнѣ сдѣланное, — защищайтесь!....

мендозъ. Ай, ай, я умеръ! — М. Г. выслушайте меня прежде.

гаспаръ. Я ничего не хочу слушать!.... Чортъ возьми! имѣть ужасное намѣреніе обольстить дочь мою....

мендозъ. Я никогда, сударь, объ этомъ и не думалъ.... Намѣренія мои непорочны.... честны.... благопристойны.... (Въ сторону). Самъ не знаю, что говорю.

гаспаръ. Какъ, сударь! стало вы имѣли намѣреніе жениться на моей дочери?

мендозъ. Я отъ этого не прочь, и готовъ, сударь, на ней жениться когда вамъ угодно.

гаспаръ (бросаетъ шпагу). Давно бы вы такъ говорили! Дайте мнѣ руку, я васъ прощаю; и если дочь моя васъ любитъ, примите съ ея рукою сто тысячъ золотыхъ пиастровъ въ приданое.

мендозъ. Сто тысячъ золотыхъ пиастровъ, мнѣ сударь?

гаспаръ. Согласны ли вы на это?

мендозъ. Отъ всего сердца! на эти вещи я очень сговорчивъ.

гаспаръ. Мнѣ прискорбно, что принужденъ былъ по моей задушевности обойтись съ вами такъ.... вы меня извините — я отецъ, считалъ себя обиженымъ....

мендозъ. Это весьма естественно, сударь, и на вашемъ мѣстѣ я бы то же сдѣлалъ.

гаспаръ (кличетъ). Фабриціо! Антоніо! Педрилло!

слуги (входя). Чего изводите?

гаспаръ. Я вамъ приказываю почитать этого господина, какъ меня самого.

мендозъ. Покорно васъ благодарю.

Педрилло. Потому-что онъ во весь день ни за что не хочетъ приняться.

Гаспаръ (*отталкивая его*). Дурачина!

Антонио (*съ другой стороны*). Милостивый государь.

Гаспаръ. Что еще?

Антонио (*тихо*). Мнѣ кажется, это Педрилло.

Гаспаръ. Что тебя заставляетъ это думать?

Антонио. Онъ такой грубиянъ.

Гаспаръ. Безмозглый!

Мендозъ (*съ другой стороны*). Милостивый государь! обращали ли вы ваше вниманіе на долговязую Беатрикеу?

Гаспаръ. А для чего?

Мендозъ. Если должно судить о разности половъ по полновѣсію пощечинъ.... такъ я вамъ доложу, что она одинъ разъ отвѣсила мнѣ такую оплеуху, которая, ей-ей, похожа была на мужскую, и я бы объ закладъ ударился, что она....

Гаспаръ. Глупецъ! (*Въ сторону*). Такъ и быть, — я вижу что этимъ средствомъ ничего не узнаю, — но я употреблю другое. (*Педрилло*). Давно ли ты у меня съ службъ?

Педрилло. Уже четыре года, сударь!

Гаспаръ. Довольно,—завтра же ты получишь твой паспортъ.... съ двора долой!

Педрилло. Но, милостивый государь, въ чемъ я передъ вами провинился?

Гаспаръ. Я не обязанъ своимъ лакеямъ давать отчета въ моихъ поступкахъ. (*Другимъ*). Ты не похожъ на волокиту... и ты также.... чья эта блѣдная пьяная харя?.. Это что? Чему ты смѣешься?... Негодай! неблагодарный! развѣ я за то тебѣ плачу жалованье, чтобъ ты смѣялся? (*Валеріо*). Гдѣ ты служилъ прежде, нежели вошелъ въ мой домъ?

Валеріо. Я служилъ у доктора дона Могги, который въ послѣднюю свою болѣзнь лечилъ самъ-себя подобно своимъ больнымъ, и оттого.... извольте посмотрѣть подпись, печать — ни въ чемъ нѣтъ недостатка.

Гаспаръ. Хорошо. (*Смотря на Мендоза*). Вотъ этотъ чловѣкъ, можетъ-быть, тотъ, кого я ищу; у него иногда вырываются такія слова, которыя заставляютъ думать. (*Мендозу*). Кто ты таковъ?

Мендозъ. Увы, м. г., мнѣ очень трудно вамъ отвѣчать. Мать моя никогда не хотѣла сказать прямо, кто я таковъ, и вы видите во мнѣ разительный образецъ странностей фортуны.

ГАСПАРЬ. Что ты этимъ хочешь сказать?

МЕНДОЗЪ. Что я жертва какихъ-нибудь предразсудковъ.

ГАСПАРЬ. Ага! такъ не ты ли тотъ молодецъ?

РОЗА. Ахъ, сударь, что вы его слушаете, этотъ враль, самъ не знаетъ, что бредить.

ГАСПАРЬ. О, пѣтъ, кажется, тутъ кроется канос-нибудь плутовство. Гдѣ ты прежде служилъ.

М 1.

МЕНДОЗЪ.

Что мнѣ сказать на это вамъ?

Каковъ внутри, таковъ снаружи,

Служилъ и важнымъ господамъ,

Служилъ такимъ, какъ вы, и хуже.

Поладить трудно на людей,

И я, бѣднякъ, какъ ни старался,

А больше двухъ, или трехъ дней

Нигдѣ почти не уживался.

То я лѣнивъ, то я глупецъ,

То обругаютъ дуралѣемъ;

Я убѣдился наконецъ,

Что не рожденъ я быть лакеемъ;

Я, вѣрно, кто нибудь другой,

И этой лѣности господство,

Я отвѣчаю головой,

Есть вѣрный признакъ благородства.

ГАСПАРЬ. Ого! это что то подозрительно. (*Въ-сторону*). Мнѣ кажется, что Роза можетъ лучше, чѣмъ другой кто, объяснить мои подозрѣнія; разспросимъ ее на-единѣ. (*Въ-слухъ*). Вы-всѣ убирайтесь къ морту! А ты, Роза, останься со мной.

РОЗА. Слушаю, сударь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГАСПАРЬ, и РОЗА.

ГАСПАРЬ. Послушай, Роза, не замѣчаешь ли ты, что дочь моя съ нѣкотораго времени очень перемѣнилась.

сто тысячъ золотыхъ пиастровъ наличныхъ денегъ; въ противномъ случаѣ, вы сами угадаете, что я сдѣлаю съ вашимъ сыномъ. — Вашъ покорный слуга». (*Въ-сторону*). Какое счастье! вотъ средство смягчить батюшку! Ежели-бы я могъ доставить ему это письмо.

МЕНДОЗЪ. Что ты на это скажешь, другъ мой?

ВАЛЕРІО. То, что я никакъ не воображалъ, чтобы г. Гаспаръ былъ такъ богатъ.

МЕНДОЗЪ. Что, братъ, какова у насъ невѣста?

ВАЛЕРІО. Поздравляю васъ!

МЕНДОЗЪ. Послушай, Валеріо, я имѣю необходимость быть здѣсь неотлучно; а такъ, какъ ты свободенъ, сослужи службу бывшему твоему товарищу, отнеси это письмо къ моему батюшкѣ, графу Лериносу.

ВАЛЕРІО (*въ-сторону*). Прекрасная мысль! (*Ему*). Сію минуту.

МЕНДОЗЪ. Выслушай прежде. Если онъ будетъ упрямиться, постарайся его разжалобить, скажи ему... скажи ему, все то, что бы я самъ сказалъ.

ВАЛЕРІО. Не беспокойтесь, я буду стараться, какъ за себя; стану просить, умолять....

МЕНДОЗЪ. Бѣги и возвратись скорѣй. А я пойду отыщу Розу, чтобы она представила меня моей невѣстѣ.

(*Уходитъ, слуги за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ВАЛЕРІО (*одинъ*). О, драгоценное письмо! теперь мнѣ нѣчего бояться; батюшкѣ, хотѣлось, чтобы я вступилъ въ выгодный бракъ; женись на Эльвирѣ, я сдѣлаюсь богатъ и соединюсь съ честнымъ семействомъ. Надо поторопиться.

ЯВЛЕНІЕ XV.

ВАЛЕРІО, П РОЗА.

ВАЛЕРІО. Ахъ, Роза! наши дѣла идутъ какъ нельзя лучше; съ этимъ письмомъ я бѣгу къ батюшкѣ, и если онъ согласится, я счастливейшій человекъ въ мірѣ.

РОЗА. Какое письмо? что такое?

ВАЛЕРИО. Теперь нѣкогда.... мнѣ дорога каждая минута. Черезъ четверть часа я ворочусь. (*Убѣгаетъ*).

РОЗА. Что онъ хотѣлъ сказать? я ничего не понимаю! Но что значить этотъ шумъ? Это Мендозъ!

ЯВЛЕНИЕ XVI.

РОЗА, и МЕНДОЗЪ (*преслѣдуемый слугами*).

МЕНДОЗЪ. Наглецы! Кто вамъ далъ позволеніе подходить ко мнѣ такъ близко! Я не знаю, что меня удерживаетъ. (*Въ-сторону*). Бездѣлица, я одинъ, а ихъ двое. (*Въ-слухъ*). Развѣ вы забыли, негодяи, почтеніе, которымъ вы обязаны сыну графа Леримоса! Слышите-ли вы это? Пошли вонъ! (*Слуги уходятъ*).

РОЗА (*въ-сторону*). Что за чванство! Смотрите, какъ онъ поговариваетъ. О, какъ бы мнѣ хотѣлось посбавить ему спеси.

МЕНДОЗЪ (*увидя Розу*). Роза! Эта, по-крайней-мѣрѣ, обходительна. Однакожъ, примемъ на себя приличный видъ.

РОЗА. Что съ тобою сдѣлалось, Мендозъ?

МЕНДОЗЪ (*съ гордостью*). Это что такое? Мендозъ! Прошу не забываться. Поди скажи Эльвирѣ, что я хочу видѣться съ нею.

РОЗА. За чѣмъ это?

МЕНДОЗЪ. Прекрасный вопросъ! За тѣмъ, чортъ меня возьми! что я ее женихъ.

РОЗА. Эльвира твоя невѣста? Ахъ, я несчастная! Что же будетъ со мной!

№ 4.

Ты на мнѣ жениться обѣщала.

МЕНДОЗЪ.

Какъ былъ лаксэмъ — почему же,
Теперь, когда я графомъ сталъ,
Ищи себѣ другаго мужа!

РОЗА.

Нѣтъ, нѣтъ, ты женишься на мнѣ.

МЕНДОЗЪ.

Напрасно, душевѣка, хлопочешь,
Тебя я къ будущей женѣ
Возьму вѣ служанки, если хочешь.

РОЗА.

Ахъ, ты измѣнникъ, дуралей!
Тебѣ ли важничать, уроду?

МЕНДОЗЪ.

Потише, обижать не смѣй,
Мою дворянскую породу!

РОЗА.

Вы скоро, г. Мендозъ,
Излечитесь отъ этихъ бредней;
Вотъ такъ то всякъ подниметъ носъ,
Какъ въ люди выйдеть изъ передней.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ТЪ-ЖЕ, И ГАСПАРЪ.

ГАСПАРЪ. А! вы здѣсь? Оставь насъ, Роза!

РОЗА (*уходит*). Слушаю, сударь! Смотри же, какъ тебя разжалеютъ, не смѣй ко мнѣ приходить, слышишь, негодяй!

МЕНДОЗЪ. Что случилось? Вы что то не въ своей тарелкѣ?

ГАСПАРЪ. Тсъ! не говорите такъ громко! (*Съ таинственностью*). Человѣкъ двѣнадцать полицейскихъ пожаловали въ мой домъ.

МЕНДОЗЪ. Въ вашъ домъ, сударь! Да за чѣмъ же?

ГАСПАРЪ. Чтобы взять васъ подъ караулъ.

МЕНДОЗЪ. Меня? сына графа? Гдѣ эти бездѣльники! Я ихъ научу!!!

ГАСПАРЪ. Тяше, ради Бога! Они пришли сюда по приказанію

вашаго батюшки; но меня онъ этимъ не обманетъ. Послушайте, что я придумалъ..

мендозъ. Говорите, сударь, говорите!

гаспаръ. Пока полицейскіе ждутъ васъ въ передней, мы перейдемъ къ потаенной лѣстницѣ.

мендозъ. О, съ удовольствіемъ!

гаспаръ. Мы проберемся въ садъ....

мендозъ. Прекрасно!

гаспаръ. Въ саду есть калитка.

мендозъ. Въ которую я дамъ стрѣлка!...

гаспаръ. Нѣтъ, вы войдете въ подземелье.

мендозъ. Въ подземелье?

гаспаръ. Входъ туда одному мнѣ извѣстенъ, оно немного темно.... стѣны нѣсколько сыры, но, по счастью, вы такого крѣпкаго сложенія, что можете перенести эту маленькую неприятность.

мендозъ. Да подумали ли вы, сударь! запереть меня въ такую тьму кромешную....

гаспаръ. Вы тамъ просидите не болѣе двухъ недѣль, много что мѣсяцъ. Батюшка вашъ между-тѣмъ смягчится. Пойдите, слѣдуйте за мною!

мендозъ. Но, милостивый государь, позвольте....

гаспаръ. Развѣ предложеніе мое вамъ не нравится? Такъ ли вы должны принимать то, что я для васъ дѣлаю?

мендозъ. Я чувствую, милостивый государь все ваше великодушіе.... но, подумайте, что....

гаспаръ. Развѣ вамъ хочется попасться въ руки алгвазиловъ?

ЯВЛЕНІЕ XVІІІ.

ТЪ ЖЕ И РОЗА.

роза. Радуйтесь г. Гаспаръ!

гаспаръ. Что такое?

роза. Караульныхъ ужъ нѣтъ, и солдаты и сержанты ушли.

мендозъ. Я отдыхаю!

гаспаръ. Кто ихъ усмалъ?

роза. Нарочный, присланный графомъ, онъ соглашается на бракъ своего сына.... и самъ сію минуту будетъ сюда.

мендозъ. Отецъ мой будетъ сюда!... Я напередъ былъ увѣренъ въ его великодушіи! Видите, какой молодецъ у меня отецъ.

ГАСПАРЪ. Очень радъ.... потому что минутою позже....

РОЗА (*тихо Мендозу*). Бѣги отсюда....

МЕНДОЗЪ. Чтò.

РОЗА (*тихо ему*). Ежели ты станешь медлить, ты пропадъ!

МЕНДОЗЪ. Оставь меня въ покоѣ!

РОЗА. Спасайся, говорятъ тебѣ!

ГАСПАРЪ. Чтò у васъ за перешептываніе?

РОЗА. Ничего, сударь, совсѣмъ ничего — я давала очень благо-
горазумный совѣтъ этому господину, но онъ его не хочетъ при-
нять. (*Мендозу тихо*). Минута приближается! бѣги, пока есть
время.

МЕНДОЗЪ. Бѣги сама, когда хочешь!

ГАСПАРЪ. Кто-то сюда идетъ!

МЕНДОЗЪ. Это, вѣрно, отецъ мой.... я брошусь въ его объ-
ятія!

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ТЪ-ЖЕ, ЭЛЬВИДА, ВАЛЕРІО, (*переодѣтый*).

МЕНДОЗЪ (*кидаясь на встрѣчу Валеріо*). Батюшка!... поз-
вольте!

ГАСПАРЪ. Чтò я вижу!

МЕНДОЗЪ. Валеріо!... чтò это значитъ?

РОЗА. То, что ты дуракъ!

ВАЛЕРІО. Г. Гаспаръ! простите мнѣ мое переодѣванье, которое
любовь мнѣ внушила.

ГАСПАРЪ. Какъ! Такъ стало вы?...

ВАЛЕРІО. Сынъ графа Леримоса.

ЭЛЬВИРА. Такъ, батюшка, это онъ самъ.

ГАСПАРЪ. Чтò все это значитъ? Стало вы были въ заговорѣ?

ВАЛЕРІО. Я горю желаніемъ соединиться съ вашимъ почтен-
нымъ семействомъ; отецъ мой на это согласенъ. — Удостоите
подтвердить ваше обѣщаніе, сдѣланное вами другому, котораго
вы считали мною.

ГАСПАРЪ. Повѣрьте, что такое родство мнѣ очень лестно, но
позвольте однакоже.... (*Вынимая портретъ*). Чей же этотъ пор-
третъ?

РОЗА. Этого ротозѣя, который въ меня влюбленъ; онъ пода-
рилъ его мнѣ, а я вложила въ письмо вмѣсто портрета его сія-

тельства, чтобъ чрезъ то выпутаться изъ затрудненія, въ которомъ мы находились.

гаспаръ. Такъ вотъ какъ ты мнѣ служила? Плутовка? Но кто же этотъ негодяй?

мендозъ. Ахъ, сударь! я и самъ того не знаю! — Уже 20 лѣтъ я ищу моихъ родителей, и сегодня думалъ было, что ихъ нашелъ, но не тутъ то было, и я, какъ говорится, былъ ворона въ павлиныхъ перьяхъ.

роза. Нынѣшній день послужить тебѣ урокомъ; впредь никогда не думай о себѣ такъ много.

мендозъ. Шутки въ сторону — Роза, помиримся, пойдешь ли ты теперь за меня?

роза. Его сіятельство общалъ мнѣ къ свадьбѣ дать приданое — такъ и быть изволь.

мендозъ. Однакожъ страшное дѣло; я искалъ сегодня отца и вмѣсто его нашелъ жену....

роза. Вѣрную!...

мендозъ. Вѣрю, вѣрю, мой другъ, ты видѣла сегодня на опытѣ, какъ я легковѣренъ!

ЛѢ 5.

Меня погубило мое легковѣрье,
Ужъ видно мнѣ знатнымъ во вѣкъ не бывать!
На мнѣ ошпапал павлиныя перья,
И сталъ я, какъ прежде, вороной опять!

РОЗА.

Вы насъ, приговоромъ своимъ пощадите,
У васъ списхожденя мы просимъ всегда,
Подъ крылышко ваше насъ только примите,
Намъ критиковъ перья не страшны тогда.

3

ПОКОЙНАЯ НОЧЬ,

п.п.

СУМАТОХА ВЪ ЩЕРБАКОВОМЪ ПЕРЕУЛКЪ.

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДЪЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Огаркинъ.

Милостивый государь.

Театръ представляет маленькую, просто убранныю комнату; въ глубинѣ сцены, посрединѣ декорацин, широкое окно, черезъ которое можно видѣть другое окно, находящееся въ домѣ на протѣвуположной сторонѣ улицы; на-лѣво отъ окна и зрителей постель, изголовьемъ къ окну, съ тюфякомъ, подушками, простынею, одеяломъ и прочее; занавѣсъ постели, протернутый черезъ широкое кольцо, вѣснтое въ потолокъ, прикрываетъ спинку кровати, передъ которою стоитъ ночной столикъ съ горящимъ ночникомъ. На-лѣво отъ кровати, въ боковой декорацин, дверь, подлѣ которой, еще лѣвѣе, стоитъ вдоль стѣны столъ съ умывальникомъ, головною щеткою, гребешкомъ, бритвами и бритвенною кружкой. Надъ столомъ небольшое зеркало, подлѣ котораго съ одной стороны виситъ греческая еска, а съ другой полотенце; передъ столомъ стоитъ стулъ съ глухою спинкою. На-право отъ окна и зрителей, въ боковой декорацин, дверь съ замкомъ, эта дверь ведетъ на лѣстницу. Подлѣ двери печка съ раскрытыми дверцами, около которой; со стороны зрителей, поставлены стоймя три полѣна и пара сапожныхъ колодокъ; на печкѣ мѣдный шандаль съ потушенной свѣчкой; ближе къ зрителямъ стоитъ попугай съ начатымъ портретомъ. Передъ печкою письменный столъ, между которыми стоитъ кресло, на спинкѣ котораго виситъ сюртукъ. На столѣ потушенная свѣчка, ключъ, цвѣтной платокъ, пучекъ перьевъ, сургучъ, ножикъ, краски, кисти, стаканы съ водою и часовой станокъ съ часами. Въ разныхъ мѣстахъ комнаты разставлены въ порядкѣ портреты. Въ одномъ углу стоитъ половая щетка, на палкѣ которой виситъ тряпка для пыли. Предъ поднятѣемъ занавѣса сцена должна быть въ полумракѣ, и вполне освѣщается не прежде, какъ Огаркинъ зажигаетъ свѣчу.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОГАРКИНЪ (одинъ, просыпаясь).

Войдите!.. (Молчаніе.) Кто это меня разбудилъ?.. (Два раздѣленные удара.) А! это, видно, все тотъ же чудакъ, который стучитъ болѣе часа, чтобы войти въ свою квартиру.. вѣрно, двор-

чикъ пьянъ и не торопится ему отворить ворота... Хорошо, что я успѣлъ немного уснуть... (Ударъ, потомъ промежутокъ, потомъ три или четыре скорые удара.) А, а! онъ начинаетъ терять терпѣніе... Да, гдѣ-же это? чортъ возьми! у насъ, или напротивъ?.. (Два очень сильные раздѣльные удара.) Это недалеко отсюда... (Четыре или пять сильныхъ ударовъ; промежутокъ, потомъ одинъ сильный ударъ.) А однако это несносно! (Удары перестаютъ.) Неужто онъ всю ночь будетъ стучать? Нѣтъ, кажется пересталъ... Слава Богу! теперь я могу заснуть покойно. (Удары снова.) Нѣтъ, это невыносимо, это какой-то домовой! У меня голова разболится. — Надо на него прикрикнуть... (Соскакиваетъ съ постели, надвигаетъ туфли, накидываетъ на плечи коротенькій хоматъ, которымъ прикрывался и бѣжитъ открыть окно.) Да, прямо противъ меня... (Отворяетъ окно и говоритъ Милостивому Государю, который ѣдитъ у воротъ.) Послушайте!.. Милостивый государь!.. Гей, вы!.. послушайте!.. вы не дадите намъ спать!.. нельзя-ли полегче?..

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (за кулисами). Чтѣ?.. Какой тамъ чортъ говоритъ со мною?..

ОГАРКИНЪ. Я... я... здѣсь, во второмъ этажѣ. Я васъ спрашиваю, скоро-ли вы кончите свою тревогу?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Чтѣ-съ?.. Чего вы отъ меня хотите, сударь?

ОГАРКИНЪ. Чего я хочу? Мнѣ хочется, чтобы вы не будили вашихъ сосѣдей, а вошли спокойно домой; вотъ чего я требую!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (съ гнѣвомъ). Вы требуете невозможнаго, сударь! Развѣ вы не видите, что меня не пускаютъ... проклятый дворникъ меня не слышитъ!

ОГАРКИНЪ. Можетъ-быть, онъ глухъ; впрочемъ этотъ дьявольскій шумъ кого не поставитъ на ноги... погодите хоть немного, не будьте такъ нетерпѣливы... дайте ему время встать; покойная ночь!.. (Запираетъ окно и кашляетъ; возвращается къ постели.) Вотъ и обцовка: я, кажется, простудился... Который-то часъ?.. (Беретъ со столика часы и подноситъ къ ночнику.) Два часа; это не дурно. Къ счастію, мой сосѣдъ успокоился, — и я могу вознаградить себя за потерянное время. (Поправляетъ постель молчаніе; ударъ; промежутокъ; потомъ безпрестанные удары съ увеличивающеюся силою.) А! онъ опять начинаетъ. (Бѣжитъ къ окну.) Послушайте!.. Милостивый государь!.. (Удары перестаютъ.) Я васъ предупреждаю, что, если вы не уйметсяъ, я приведу Надзирателя.

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (*за кулисами*). Хоть самого чорта, если хотите! а я буду стучать, сколько мнѣ захочется! — не мѣшайте мнѣ. (*Опять ударъ.*)

ОГАРКИНЪ (*съ гильзомъ*). Вы не имѣете права, сударь! Кто вы такой?..

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Да оставите-ли вы меня въ покоѣ?

ОГАРКИНЪ. Да я самъ болѣе часа объ этомъ прошу васъ.

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Чортъ возьми! Не хотите-ли вы, сударь, чтобы я въ такой дождь остался ночевать на улицѣ? Я ужъ и такъ похожъ на мокрую курицу.

ОГАРКИНЪ (*высовывая руку за окно*). Да, онъ правъ; дождь идетъ, какъ изъ ушата... (*Удары снова возобновляются со всевозможною скоростію.*) Каковъ! стучить безъ остановки, видно онъ до костей промокъ. (*Кричитъ ему.*) Послушайте, млоstinный государь! долго-ли вы такъ будете стучать?

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (*продолжая стучать*). Пока мнѣ не отворять калитку.

ОГАРКИНЪ. Что-съ?

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Пока мнѣ не отворять, говорю я вамъ! Прощайте!.. покойная ночь!..

ОГАРКИНЪ. Кончено, я рѣшился... Послушайте, млоstinный государь! (*Удары умолкаютъ.*) Сдѣлайте одолженіе, войдите ко мнѣ!

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Что-съ?

ОГАРКИНЪ. Вы, кажется, оглохли! Я васъ спрашиваю: не хотите-ли вы войти ко мнѣ?

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Какъ это?..

ОГАРКИНЪ. Да, мнѣ кажется, что для васъ будетъ покойнѣе спать въ моей комнатѣ, нежели взбуроражить весь Щербаковъ переулочекъ и шумѣть до утра.

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. А что вы думаете?.. Я вѣдь и самъ добиваюсь того же... Благодарю покорно, что вы сжаились надъ моимъ положеніемъ.

ОГАРКИНЪ. И я васъ также.

МЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Такъ я рѣшительно принимаю ваше предложеніе... только позвольте, я еще попробую...

(*Сильные два или три удара.*)

ОГАРКИНЪ (*живо*). Не надо, не надо... не стучите больше, иначе я васъ не пушу... Вотъ ключъ отъ калитки... (*Завертываетъ ключъ, который лежалъ на письменномъ столѣ, въ цветной платокъ и бросаетъ его на улицу.*) / Пройдя дворъ, будетъ

маленькой подъѣздъ на-лѣво... деревянная лѣстница, всего девятнадцатъ ступенекъ, считайте хорошенько, онѣ не очень ровны... впрочемъ, я вамъ посвячу. Да не забудьте опять запереть ка-литку. *(Затворяетъ окно.)* Мнѣ кажется, я очень хорошо при-думалъ; онъ же такъ усталъ отъ этой работы, что, вѣроятно, скоро заснетъ.

(Во время куплета беретъ свѣчку, которая стояла на письменномъ столѣ, и зажигаетъ ее у ночника.)

ЛѢ - I.

Ей Богу! въ этомъ пѣть дурнаго,
 Что злой сосѣдъ уснетъ со мной,
 Я радъ принять, хоть домоваго,
 Лишь только бъ онъ мнѣ далъ покой!
 На улицѣ, въ ночной прогулкѣ,
 Онъ простоялъ бы цѣлый вѣкъ,
 А въ Щербаковомъ переулкѣ
 Нашелся добрый человекъ.

2 раза. {

(Во время послѣднихъ стиховъ относитъ ночникъ на маленькій столикъ, потомъ идетъ отворять дверь).

Сюда, сударь, сюда! *(Слышенъ стукъ по лѣстницѣ).* Ай, ай! мнѣ кажется, онъ обчелся и скатился съ лѣстницы!...

милостивый государь *(за кулисами)*. Посвѣтите же мнѣ, су-дарь! Я чуть лба не разбилъ.

огаркинъ *(высунувшись за дверь)*. Сюда, сюда-съ, на площадку еще двѣ ступеньки... сюда!...

милостивый государь. Ой! я опрокинулъ кадку съ водою.

ЯВЛЕНИЕ II.

огаркинъ, и милостивый государь *(проходя мимо Огаркина, который остается подлѣ отворенной двери, приходитъ на аван-сцену, съ-лѣво отъ зрителей, съ задумчивымъ видом)*.

милостивый государь. Благодарю васъ, сударь! Однако я не похваляю вашей лѣстницы, на ней можно только ломать шею.

(Кладетъ на столъ подлѣ стѣны ключъ, который Огарковъ бросилъ ему въ окно).

огаркинъ. Если бъ я зналъ, я освѣтилъ бы ее... *(Зажигаетъ свѣчку)*.

что Милостивый Государь не заперъ дверь). А что же, сударь, за чѣмъ же вы дверь не заперли? Послушайте, я вамъ говорю.... (Видя, что онъ не слушаетъ его, ставитъ свѣчку на столъ, и самъ идетъ запереть дверь).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (отворивъ окно). Да; прямо противъ моихъ оконъ!... Да это заговоръ противъ меня!....

ОГАРКИНЪ (закрывая окно). А! вы живете противъ того.... дома и нашего, во второмъ этажѣ?... Кажется, васъ не ждали сегодня.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Да, это очень странно!

ОГАРКИНЪ. Что?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. А то, что со мною случилось.

ОГАРКИНЪ. Неужели странно, что я пригласилъ васъ къ себѣ?...

А гдѣ ключъ отъ калитки?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Не бойтесь, я ее заперъ, а ключъ бросилъ куда то, потерять.

ОГАРКИНЪ. Вотъ тебѣ разъ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. А! я увѣренъ, что это сдѣлали съ нами нарочно подкупили, напоили дворника, и нарочно заставили стоять на улицѣ въ эту ужасную погоду, не правда ли? Вѣдь и вы такъ полагаете, сударь?... О! съ досады я готовъ заплакать!....

(Выжимаетъ сюртукъ).

ОГАРКИНЪ. Если вамъ угодно.... (Замѣчая, что Милостивый Государь весь мокръ и наводняетъ полъ). А! да вы словно изъ воды вышли, мой любезнѣйшій!... Посмотрите, вы замочили полъ.

(Беретъ тряпку съ половой щетки).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (не слушая его). Оставьте меня на улицѣ!... Не пустить въ свою квартиру!... (Огаркинъ вытираетъ полъ около сосѣда, который его не замѣчаетъ). И къ чему эта шутка? (Огаркину). Что вы тутъ дѣлаете, сударь?

(Переходитъ на право).

ОГАРКИНЪ (слѣдуя за нимъ). А вотъ что: сегодня утромъ у меня полъ только что вымыли, а съ васъ течетъ теперь, какъ съ крыши.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Да, дождь такъ и льетъ, посмотрите....

(Переходитъ на-лѣво, гдѣ Огаркинъ только что подтеръ, и выжимаетъ изъ полъ сюртука цѣлья струи воды).

ОГАРКИНЪ (вытирая полъ). Что это? Вы здѣсь опять намочили!... Ай, ай!...

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ *(останавливаясь, не слушая его)*. Не пустить меня въ свой домъ, въ свою квартиру!... О, я готовъ излить всю желчь на виновныхъ!... *(Выжимаетъ на голову Огаркина струи)*. Что вы такъ ухаживаете, сударь, за мною?

ОГАРКИНЪ *(съ нетерпѣніемъ)*. Нѣтъ; у меня поясница заболѣла!... я отказываюсь.

(Кидаетъ тряпку въ уголъ, гдѣ взялъ, и садится съ досадою на стулъ. Въ это время Милостивый Государь кажется задумчивымъ, а потомъ идетъ къ окну).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ *(смотря въ окно)*. Совершенная темнота, низги не видно!... О, это не даромъ!... Она теперь спитъ. Впрочемъ, можетъ-быть, она угорѣла, или... можетъ-быть... но, нѣтъ; быть не можетъ!... Чему же вѣрить? *(Съ топотомъ начинаетъ ходить по комнатѣ)*. Охъ!... у меня сердце не на мѣстѣ....

ОГАРКИНЪ. Неужто онъ цѣлую ночь такъ стучать будетъ?... *(Ему)*. Послушайте, милостивый государь!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ *(останавливаясь)*. Что съ? *(Про-себя)*. Не знаю; на чемъ остановиться....

ОГАРКИНЪ. Послушайте, теперь на моихъ часахъ ровно два съ половиной, и мнѣ кажется, что мы можемъ спать.

(Милостивый Государь, какъ-будто, говоря съ собою, снимаетъ свой сюртукъ).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Спать! *(Складываетъ сюртукъ на постель)*. Мнѣ и очень хочется спать, теперь всякій дуракъ спитъ.... и мы съ вами можемъ.... *(Пробуетъ снять сапоги обзъ стулъ съ глухою спикою)*. Но я не знаю, могу ли я? *(Открываетъ одѣяло и заноситъ на постель ногу)*. Есть ли у васъ сапожныя щетки, сударь?

ОГАРКИНЪ. Ай! что онъ тамъ дѣлаетъ? *(Блѣжитъ къ нему)*. Онъ ложится въ мою постель.... Извините.... я имѣю привычку спать одинъ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Гмъ... а у васъ одна только кровать?

ОГАРКИНЪ. Да вы, можетъ-быть, находите, что я не такъ хорошо живу, то извините....

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ *(не слушая его)*. Не пустить меня.... а! это ужасно.

ОГАРКИНЪ *(съ нетерпѣніемъ)*. Вотъ тамъ кресло.... *(Показываетъ)*

на кресло на-право отъ зрителей) и, увѣряю васъ, вы въ немъ чудесно, прѣкрѣпно заснете.

(Милостивый Госудѣрь переходитъ на-право, и идетъ къ печкѣ).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (пробуя кресло). Вы думаете?

ОГАРКИНЪ (поправляя свою подушку). Покойная вамъ ночь!

(Онъ снимаетъ съ постели сюртукъ сосѣда, и бросаетъ его на полъ подѣ столъ).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (помолчавъ нѣсколько). Не можете ли вы мнѣ дать падѣть что нибудь на плечи?

ОГАРКИНЪ (какъ бы не слыша его). Покойная ночь! (Милостивый госудѣрь, увидя сюртукъ Огаркина, висящій на спинкѣ его кресла, надѣваетъ его, не говоря ни слова). Вы ошибаясь, это мой сюртукъ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Да мой весь мокры.

ОГАРКИНЪ. Да мнѣ что за дѣло?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (вдѣвая рукава). Не бойтесь, я его не испорчу, не замочу.

ОГАРКИНЪ. Чортъ возьми! да онъ послѣ мнѣ будетъ въ три раза шире! (Милостивый Госудѣрь садится). Видите, онъ чуть на васъ держится. По-крайней-мѣрѣ, милостивый госудѣрь, не складывайте рукъ, не то онъ лопнетъ. (Подходитъ къ кровати, и говоритъ про-себя). Гмъ.... я начинаю раскаяваться, что впустилъ этого чудака; впрочемъ, скоро разсвѣтетъ — и мы съ нимъ разстанемся. (Снимаетъ халатъ, и ложится въ постель). потушите свѣчку, пожалуйста, я никакъ не могу спать, когда въ комнатѣ свѣтло.

(Минута молчанія).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (на своемъ креслѣ). Вы не женаты, сударь?

ОГАРКИНЪ. Нѣтъ; а вамъ это не нравится?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Гмъ.... напротивъ.... вы не понимаете, какъ это приятно! Женитесь, — и вы почувствуете, какъ хорошо не быть женатымъ!.. Кто не женатъ, тотъ свободенъ, спокоенъ, беззаботенъ, лежитъ на боку; а я женатъ! и не сплю; и страдаю; и совершенно глупъ, и познакомился съ вами, и перемочился на дождѣ.

ОГАРКИНЪ. Извините.... нельзя ли вамъ полегче топтать ногами, вы бы доставили мнѣ большое удовольствіе. Вѣдь вы разбудили всѣхъ жильцевъ, а здѣсь именно подо мной живетъ молодая дама, которая нѣсколько дней тому назадъ сюда переѣхала.

милостивый государь. Гмъ.... ваша правда!

(Беретъ стулъ подлѣ печки, и, дѣлая видъ, будто хочетъ спать, стучитъ обѣ полѣ, и наконецъ разламываетъ).

огаркинъ. Вотъ хорошо! Теперь онъ ломаетъ мебель. Послушайте, милостивый государь! хоть вы и женаты, за чѣмъ же стулья ломать? Тьфу ты пропасть! Ужъ лучше бы было оставить васъ на улицѣ; вѣдь я васъ впустилъ въ комнату не для того, чтобы вы шумѣли. *(Слышенъ стукъ подѣ поломъ.)* Слышите? дама проситъ васъ не шумѣть.... это неприлично. Спите, сударь, давно ужъ пора; покойной ночи желаю вамъ.

(Милостивый государь, занятый своею мыслию, встаетъ, подходитъ къ окну и отпираетъ его).

милостивый государь. Я посмотрю, что дѣлается въ Щербаковомъ переулкѣ.

огаркинъ *(вздрагивая)*. Гмъ, гмъ!... Чортъ возьми! какъ здѣсь стало холодно!...

милостивый государь *(стоитъ у окна и говоритъ про-себя)*. Я проведу здѣсь всю ночь!

огаркинъ *(не видя его)*. Сдѣлайте одолженіе, покройте чѣмъ-нибудь меня, я, вѣрно, болѣвъ. Послушайте, милостивый государь! *(Наклоняется и видитъ его у окна)*. А! онъ открылъ окно!...

милостивый государь. Покойная ночь!... ваша печка никуда не годится — она очень дымитъ.

огаркинъ *(съ гнѣвомъ)*. Да запрете ли вы окно! Ну, какая тутъ покойная ночь, когда уже у меня сдѣлался насморкъ!

милостивый государь. А я не терплю угара, говорю я вамъ.

огаркинъ *(становясь на колѣни на постели)*. Такъ вы меня заставите встать и прибѣгнуть къ усилюю.

милостивый государь *(закрываетъ окно)*. Ну, не сердитесь; если вамъ это не нравится, такъ стоить сказать слово — и окно тотчасъ заперто.... вы имѣете полное право дѣйствовать здѣсь совершенно по вашему желанію.

огаркинъ *(успокаиваясь)*. Вотъ такъ то!... Это вѣрнее!...

(Опять ложится).

милостивый государь. Я вамъ обязанъ гостепріимствомъ, сударь!... О; эта черта ясно доказала, что вы достойны.... жить въ

Щербаковомъ переулкѣ. Я вамъ очень благодаренъ, — я исполняю всѣ ваши требованія. А вы давно обитаете въ Щербаковомъ переулкѣ?

ОГАРКИНЪ (про-себя). Перестанетъ ли онъ болтать, пусто-меля....

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (сидится въ кресло. Молчаніе). Гмъ!... Послушайте.... (Огаркинъ не слушаетъ). Послушайте!.... послушайте!.... давно ли вы живете въ этой квартирѣ, сударь? (Огаркинъ отворачивается, чтобъ не отвѣчать. Милостивый Государь жсалко). Я васъ спрашиваю, давно ли вы живете въ безконечномъ Щербаковомъ переулкѣ?

ОГАРКИНЪ. Да, сударь!.... давно прощайте!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (подходя къ постели и отдергивая занавѣсъ). А, даво? Такъ, вѣрно, здѣсь всѣ жители вамъ знакомы. Вообразите! (стучитъ въ спинку кровати). Я долженъ вамъ все рассказать; мое сердце слишкомъ полно.... полноте спать!.... моему сердцу надо излиться; при томъ, можетъ-быть, вы мнѣ дадите хорошій совѣтъ. Вообразите... (Стучитъ въ спинку кровати).

ОГАРКИНЪ (вставая). Погодите немного!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Чтѣ вы хотите дѣлать?

ОГАРКИНЪ (вставая съ постели). Ужъ лучше я встану.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Вы встанете? О, какая это благородная черта!

ОГАРКИНЪ. Да, я рѣшился. Можетъ-быть, тамъ за столомъ ваша бесѣда покажется мнѣ болѣе сносною. (Снимаетъ свой фуляръ и надѣваетъ греческую феску. Сядетъ!.... (Приноситъ къ письменному столу стулъ, который стоялъ подлѣ кровати).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Да, я хотѣлъ.... хотѣлъ не тутъ поднять васъ на ноги.

ОГАРКИНЪ. Сперва сядете, а потомъ ужъ начнемъ болтать.... (Сидится на стулъ, а Милостивый Государь въ кресло; письменный столъ ихъ разделяетъ). Мы такъ прекрасно проведемъ ночь.... Ну, объ чемъ вы заговорили?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (беретъ машинально шандаль съ печки). Ахъ, сударь! (Зажигаетъ свѣчу и ставитъ рядомъ съ другою свѣчею на столъ). Я бы далъ сто рублей, еслибъ теперь у насъ было утро.

ОГАРКИНЪ. Чертъ возьми! и я-то же. (Тушитъ свѣчу, которую тотъ зажжеетъ; въ это время Милостивый Государь начи-

бается и кидаетъ полъно въ печку). Что это?.... вы положили полъно?....

милостивый государь. Я вамъ уже сказалъ, сударь, что я женатъ.

огаркинъ. Нѣтъ, вы мнѣ объ этомъ ничего не сказали, впрочемъ это все-равно.

милостивый государь. Я женился очень глупо — по любви. Происшества, которыя предшествовали моей свадьбѣ, были столько же неожиданны, сколько и драматичны.

огаркинъ. Когда это кончится, мы можемъ заснуть спокойно; это меня радуетъ! (*Кашлетъ*).

милостивый государь. У васъ ужасно угарно, сударь! Голова трещитъ.

огаркинъ. Да только, когда печь топится (*Милостивый Государь открываетъ окно*). Вы остановились, кажется, на вашей свадьбѣ.

милостивый государь (*снова садится*). Да.... три мѣсяца спустя.

огаркинъ. А, вы пропускаете подробности.... это очень хорошо!

милостивый государь. Мы къ нимъ возвратимся современемъ.... Вы бывали въ Новгородѣ, сударь?

огаркинъ. Нѣтъ; но я много слышалъ объ немъ.

милостивый государь. Ахъ, сударь! (*Снова зажигаетъ свѣчу*) Этотъ городъ, освященный древностію, будетъ всегда мнѣ памятенъ.

огаркинъ. А! вы, вѣрно, очень богаты — воспоминаю! а я такъ человѣкъ темный.... (*Тушитъ свѣчу; въ это время Милостивый Государь кидаетъ полъно въ печку*). Что? вы еще кипули полъно?

милостивый государь. Еще прежде всего я долженъ вамъ сказать, что моя жена.... я не знаю, говорилъ ли я вамъ, что я женатъ?

огаркинъ. Да, да; что же далѣе?

милостивый государь. Жена моя съ самой нѣжной юности имѣла сердце, которое и теперь имѣетъ.... удивительно доброе и чувствительное до слабости; но когда я въ первый разъ увидалъ жену мою....

огаркинъ (*въ сторону*). У него нѣтъ рѣшительно никакой связи въ мысляхъ.

милостивый государь. Ахъ, сударь!....

огаркинъ. А, такъ, вѣрно, она вамъ предпочла другаго!... Это, разумѣется, охладило вашу любовь....

милостивый государь. О, вы ничего не понимаете, сударь! — Препятствія напротивъ, усиливаютъ, разжигаютъ любовь.... (*Зажигаетъ свѣчку*). Иначе она бы навсегда потухла.

огаркинъ. Да.... но иногда и потушить не мѣшаетъ. (*Гаситъ свѣчу. Милостивый Государь между тѣмъ кладетъ полено въ печку*). Чтó?.... вы еще полено кинули?!

милостивый государь. Одного изъ моихъ соперниковъ удалили на три дня....

огаркинъ. Ахъ! на три дня?.... (*Особо*). Три полѣна пропали!.... И мнѣ разъ случилось быть въ отсутствіи ~~три~~ дня, — цѣлое приключеніе!.... Но продолжайте!

милостивый государь. Я одурачилъ его, какъ ребенка; и въ самый вечеръ его возвращенія, я вошелъ украдкою вмѣсто его. Жена моя скоро его забыла, — она всегда скоро забываетъ, это у нея такой уже талантъ. Итакъ священникъ благословилъ нашъ союзъ.... тогда и я, благословясь, взялъ жену мою.

огаркинъ (*радостно*). А!... (*Останавливаетъ его въ ту самую минуту, когда онъ хочетъ бросить еще что-то въ печку*). Извините, это не жена ваша, а моя сапожная колодка; прошу васъ положить ее на мѣсто!.... (*Онъ кладетъ ее на мѣсто; Милостивый Государь продолжаетъ говорить*).

милостивый государь. Одно только мнѣ досадно, что я не видалъ своего соперника! Если бы я его встрѣтилъ, то, просто бы, раздавилъ, какъ.... (*Ломаетъ пучекъ перьевъ, которыя онъ держитъ въ рукахъ*).

огаркинъ. Чортъ возьми! такъ вы его бы и давили, къ чему же хвататься за мой пучекъ? (*Смотритъ на раздавленный пучекъ перьевъ и кладетъ его дальше на столъ*).

милостивый государь. О, я готовъ бы вытянуть изъ него душу.... (*Беретъ машинально палку сургуца*). Вы понимаете, мой любезнѣйшій, что чувствительная слабость моей жены крѣпко беспокоитъ меня.

огаркинъ (*стараясь вырвать сургуцъ*). Извините.... и меня то же....

милостивой государь (*тянетъ къ себѣ*). А! и вамъ то же жаль? (*Сургуцъ ломается пополамъ*) Вы даже покраснѣли....

огаркинъ. Да.... не знаю.... отъ участія ли, которое я принимаю въ вашемъ разказѣ, или отъ нетерпѣнія услышать его окончаніе, только я весь въ поту!...

милостивой государь (*жметъ ему крѣпко руку*). Окъичивъ дѣла, я написалъ женѣ о моемъ возвращеніи. Письмо это для доставленія къ ней я вручилъ старпку, — художнику, лѣтъ пятидесяти-пяти, убогому.... кажется, тутъ не было ни какой опасности. (*Беретъ ножикъ и размазываетъ имъ*).

огаркинь (*ловитъ у него ножикъ, отнимаетъ и кладетъ далье*). Ну не совсѣмъ.... далье....

милостивый государь. Чрезъ нѣсколько времени я узналъ, (*Беретъ часы безъ всякаго вниманія*) что изъ экономіи (*Вертитъ часы*), старикъ отправился въ Петербургъ пѣшкомъ, а я съ каждой минутой теряю мое терпѣніе.

огаркинь (*отнимая у него часы*). Извините.... а я боюсь потерять мои часы.... (*Кладетъ ихъ на печку*).

милостивый государь. Наконецъ, я рѣшился ѣхать самъ, въ полной увѣренности прибыть прежде моего письма. (*Беретъ кисти и играетъ ими*). Я нанимаю почтовыхъ лошадей, оставляю Новгородъ, являюсь въ Щербаковъ переулокъ — и какое несчастіе!.... Но, я еще не знаю!.... по я еще не знаю.... (*Ломаетъ кисти объ столъ*).

огаркинь (*вставал, съ гнѣвомъ*). Но, вы мнѣ все ломаете, все портите.... Посмотрите мои кисти. Ну, теперь мы можемъ, кажется, и на боковую.

милостивый государь (*взявъ его за руку*). Нѣтъ, позвольте! Вы можете быть, думаете, что жена моя.... не достойна жить вмѣстѣ съ вами въ Щербаковомъ переулкѣ?

огаркинь. Нѣтъ, я вамъ вѣрю, что она, можетъ быть, даже стоить жить и на широкой улицѣ.... я самъ былъ точно въ такомъ же положеніи, какъ вы. Слушайте, я вамъ расскажу въ короткихъ словахъ: я былъ влюбленъ въ одну молодую дѣвицу, и имѣлъ также глупое намѣреніе жениться по любви. Однажды, я отлучился на три дня, замѣтите, какое чудесное сходство въ нашихъ приключеніяхъ.... Когда я возвратился, какой-то негодяй, повѣса уже занялъ мое мѣсто! Я пошелъ прочь и, разумѣется, удаляясь отъ дома, кинулъ послѣдній, презрительный взглядъ на ея окна, — и что же?.... Вообразите мое удивленіе: я видѣлъ свѣтъ въ ея комнатѣ! (*Въ это время окно, находящееся въ домъ на противоположной сторонѣ улицы, освѣщается*).

милостивый государь. Что жъ это значитъ? Она была дома и не хотѣла принять васъ.

огаркинь. Вѣрно такъ. Но, спустя нѣсколько минутъ, я увидѣлъ чрезъ опущенную стору двѣ китайскія тѣни, которыя очень

умильно цѣловались.... (Въ окнѣ показываются два профили въ близкомъ разстояніи). Вы только вообразите себѣ....

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (оборачивается къ окну). О, Боже Все-могущій!

ОГАРКИНЪ. Что такое?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. У моей жены огонь!... загорѣлось!..

ОГАРКИНЪ. Ба!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. И китайскія тѣни!..

ОГАРКИНЪ. Неужели китайскія?... (Тѣни сходятся и цѣлуются).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. И проклятыя тѣни цѣлуются!..

ОГАРКИНЪ. Bravo! я точно такъ монхъ видѣлъ.

(Милостивый Государь, падая на столъ, на которомъ сидѣлъ Огаркинъ во время ихъ разговора за письменнымъ столомъ).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. А, а!... мнѣ душно.... воды.... мнѣ очень душно!

ОГАРКИНЪ. А! онъ проситъ воды; сейчасъ, сейчасъ!

(Схватываетъ со стола бѣлую кружку, черпаетъ въ умывальникъ воды и подаетъ Милостивому Государю).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (быстро вскакиваетъ). Нѣтъ! не воды, дайте мнѣ ножъ, ружье, пистолеть, или чтонибудь такое поубійственнѣе!..

(Ударяетъ въ бѣшенствѣ Огаркина по плечу; тотъ выпускаетъ изъ рукъ кружку, которая разбивается въ дребезги, вода проливается по-полу).

ОГАРКИНЪ. Ай!... Моя любимая кружка!..

(Милостивый Государь бѣжитъ къ печкѣ и беретъ часы Огаркина),

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. А, вашъ часъ пробилъ!... я васъ уничтожу!..

(Бросаетъ часы въ окно; слышенъ трескъ разбитаго стекла).

ОГАРКИНЪ (бѣжитъ за нимъ къ окну). Что, что это вы кинули?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Они исчезли, невѣрные! исчезли въ одну секунду.

ОГАРКИНЪ (подбѣгалъ къ печкѣ). Что вы кинули? я васъ спрашиваю.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Невѣри.... А! что такое?... Я не знаю, что-то попалось мнѣ подъ руку на печкѣ.

ОГАРКИНЪ (отходя отъ печки). Да это мои часы!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. О, я ихъ уничтожу!

ОГАРКИНЪ (*схватываетъ его за руку*). Да это мои часы; говорю я вамъ!

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ. Что?... Чего вы отъ меня хотите? Ваши часы?... Вотъ вамъ мои!... но они отъ меня не уйдутъ.

ОГАРКИНЪ (*смотритъ на большіе часы Милостиваго Государя*). Послушайте: вы ихъ съ Городской Думы спяли?

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ (*не слушая его*). Я все уничтожу!... поверну верхъ дномъ весь Щербаковъ переулокъ!..

ОГАРКИНЪ. О, это очень можетъ быть!... Но вы потрудитесь починить и отдать мои часы; эта лепешка мнѣ не нужна.

(*Бросаетъ ихъ на письменный столъ*).

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ (*не слушая его*). О! про меня заговорятъ современемъ. Вы услышите, какъ про меня и отъ меня всѣ кричать будутъ! (*Бѣжитъ къ двери*). Дайте мнѣ ключъ!

ОГАРКИНЪ (*останавливая его*). Куда вы идете, сударь! Убирайтесь вонъ, у меня нѣтъ другаго!

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ (*кричитъ во все горло*). Ключъ, дайте мнѣ ключъ!

ОГАРКИНЪ (*закрываетъ уши*). Вонъ, вонъ отсюда; я васъ не хочу видѣть!

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ. А! понимаю. Вы нарочно хотите меня здѣсь оставить, сударь?

ОГАРКИНЪ. Какъ?... что вы сказали?... васъ оставить!?! да еслибъ я не жилъ во второмъ этажѣ и былъ бы спяще васъ, вы бы давно были на улицѣ!... Прощайте!... покойная вамъ ночь!..

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ. Ключъ!

ОГАРКИНЪ. Такъ и быть! у меня еще есть одинъ ключъ въ кабинетѣ, я его вамъ подарю.

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ. Я имъ каштку отворю.

ОГАРКИНЪ. Лучше жертвовать ключомъ, чѣмъ своимъ терпѣніемъ. (*Уходитъ въ лѣвую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ III.

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ (*одинъ*).

МИЛОСТЫВЫЙ ГОСУДАРЬ Ага!.. свѣтаетъ. Теперь-то ужъ меня непременно впускаютъ. Ахъ, еслибы мой тестъ былъ живъ, я бы его убилъ за измѣну его дочери; счастье его, что онъ

умеръ. (Огаркину). Поторопитесь, милостивый государь! мнѣ некогда васъ ждать. (Про себѣ). А ты моя, когда то милая Надежда, ты пзмѣнила мнѣ, ты забыла меня!... О, будешь же это помннить!... я отомщу ужасно!... (Вслушивалсь). Чтѣ это?... заворяють ворота.... (Блжситъ къ окну). Это онъ, онъ!.... (Огаркину). Ключъ, ключъ скорѣе!...

ОГАРКИНЪ (внп сцены). Я не могу найти его.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Онъ уйдеть!... дайте веревку.... лѣстницу!... чтѣ пибудь, чтобы спуститься.... (Увидя занавьсь на кровати). Ахъ, занавѣсь!.... онъ меня удержитъ. (Снимаетъ занавьсь съ кольца).

ЯВЛЕНИЕ IV.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ И ОГАРКИНЪ.

ОГАРКИНЪ (выходя изъ кабинета). Вотъ онъ!... (Увидя, что Милостивый Государь снялъ занавьсь). А, разбойникъ! (Схватываетъ его за воротъ). А, я задержу тебя.... ты не уйдешь.... сюда!... сюда!... на помощь!...

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Послушайте....

ОГАРКИНЪ. На помощь!... (Они повертываются и Огаркинъ падаетъ на кровать; Милостивый Государь подходитъ къ окну и поднимаетъ занавьсь, который упалъ на полъ во время ихъ борьбы. Огаркинъ, схватывая конецъ занавьса). Отдай мой занавѣсь!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Дайте мнѣ спуститься!

ОГАРКИНЪ. Мой занавѣсь!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Я по немъ хочу сойти внизъ!

ОГАРКИНЪ. А я этого не хочу!

ГОЛОСЪ ЖЕНЩИНЫ (внп сцены). Перестанете ли вы шумѣть?

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ (выпуская занавьсь отъ удивленія). Чтѣ я слышу?!..

(Огаркинъ опрокидывается на стулъ, который съ умывальникомъ падаетъ съ трескомъ; вода проливается).

ОГАРКИНЪ (на полу). Ай, ай!... караулъ!... у меня наводненіе!...

ГОЛОСЪ ЖЕНЩИНЫ. Уймтесь, господа! не то я пошлю за полиціей.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. О, небо! я не обманулся, — это она!

огаркинъ (*вставая*). О Боже! если я не ошибаюсь....
 милостивый государь (*подбѣгая къ окну*). Надежда!
 огаркинъ. Надежда Петровна!

милостивый государь (*высовывался за окно*). Это ты, жена моя!?

огаркинъ. Это моя старинная певѣста!

голосъ женщины. Какъ?!.. это ты, мой другъ?

милостивый государь (*съ радостію*). Она меня узнала!

огаркинъ (*съ восторгомъ*). Она меня узнаетъ, — знай нашихъ!

милостивый государь (*дѣлая женѣ знаки*). Подожди!... ахъ, еслибъ ты видѣла?... я тебѣ все расскажу.... (*Обнимаетъ Огаркина*). Ахъ, мой другъ! это моя жена!... Милашка!... и я надъ нею провелъ цѣлую ночь!... Такъ она переѣхала оттуда!...

огаркинъ. Это она! — и мнѣ не случилось встрѣтить ее на лѣстницѣ.

милостивый государь (*смѣясь и показывая рукою на окно*). А эти люди?... эти китайскія тѣни?... ха, ха, ха!

огаркинъ (*смѣясь*). Чтѣ же?... и въ Щербаковомъ переулкѣ такіе же смертныя, какъ и вездѣ, какъ и мы съ вами.

(*Оба смѣются*).

милостивый государь (*съ радостію*). Я бѣгу. Вы, пожалуйста, извинитесь, если кто былъ свидѣтелемъ (*Убѣгаетъ*).

огаркинъ. Хорошо, хорошо; будьте покойны!

милостивый государь (*за кулисами*). Пригласите ихъ всѣхъ на вечеръ.

огаркинъ. Къ вамъ?... Послушайте, къ вамъ на вечеръ? А! наконецъ я нашелъ тебя, моя Надинька!... и въ чьихъ рукахъ?!.. въ рукахъ человѣка.... Нѣтъ, нѣтъ, въ лапахъ черта, который даже своихъ не узнаетъ!.. (*Милостивый Государь входитъ*). Вотъ онъ!... опять!... Вы еще не ушли?

милостивый государь. Извините, я позабылъ палку и шляпу.... да притомъ я еще не простился и не поблагодарилъ.... я надѣюсь, что мы съ вами разстанемся друзьями.

огаркинъ. Понимаю!... онъ теперъ вздумалъ пѣть.... слушаемъ.

№ 2.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ.

Увѣренъ я въ моей Надеждѣ;
Я клятву далъ ей другомъ быть;

*(Размахиваетъ руками, задѣваетъ шляпою по лицу
Огаркина, который ее вырываетъ).*

Но все-таки мнѣ должно прежде.

Васъ за любовь поблагодарить.

*(Ударяетъ Огаркина палкою; этотъ схватывается
и вмѣстѣ съ шляпою бросаетъ на полъ).*

(Складываетъ руки).

Ахъ! что мнѣ можетъ быть?

ОГАРКИНЪ *(подбѣгая къ нему)*. Посмотрите, что вы дѣлаете?... Я вамъ говорилъ, чтобъ вы не складывали руки.... *(Оборачиваетъ его къ публикѣ спиной; сюртукъ лопнулъ на спину и на локтяхъ)*. Ну, посудите... на что это похоже.... вы, просто, изъ кожи вонъ лезите!... Сшейте мнѣ новый сюртукъ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Ахъ! да не мѣшайте мнѣ.

(Продолжаетъ пѣть на голосъ «Сарафанъ»).

Я сошью вамъ повенькій,

Полноте шумѣть;

Дайте пѣсню старую

Публикѣ пропѣть!

(Хочетъ продолжать).

ОГАРКИНЪ *(останавливаетъ его)*. Помплуйте: кто старое вспомянетъ, тому, по словицѣ, знаете что?... Смотрите!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ. Въ-самомъ-дѣлѣ! такъ споемъ что нибудь поповѣе, да вмѣстѣ.

ОГАРКИНЪ. Да, да; станемте рядомъ.... вотъ такъ. Ну, *(Становятся рядомъ)*. Чуръ не отставать!... Сначала ригурнель.

ВМѢСТѢ.

№ 3. *(На мотивъ кадрили).*

Вы Французамъ все прощали;
Какъ же Рускнѣ не простить,

Если Рускіе желали
По французски насмѣшать!
Чтобъ заставить посмѣяться
Добрыхъ зрителей своихъ,
Оба рады мы стараться
Вамъ играть за четверыхъ!...
Кто жъ теперь смыкаетъ очи,
Умъ домой спѣшить уйти,
Всѣмъ покойнѣй этой ночью
Мы желаемъ провести!!!.

и

ЮМОРИСТИКА.

=

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА МОЛОДАГО ПИСАТЕЛЯ.

..... Я обѣдалъ у Излера. Мнѣ было скучно. Противъ меня сидѣлъ какой-то господинъ въ очкахъ съ пошленькою физиономіей и съ величайшимъ вниманіемъ читалъ «Финскій Вѣстникъ», котораго никто не читаетъ, — мнѣ стало еще скучнѣе.... Ивашъ Иваничъ.... вы не знаете Ивана Иванича? все равно, потеря не велика.... Ивашъ Иваничъ, покушавши плотно, дремалъ на диванѣ.... фэй, какъ скверно! — Я схватилъ Иллюстрацію, пѣкнулся на статью, гдѣ затѣйливо, остро и умно отдѣлывали пѣкого фельетониста..... и это не развеселило меня. Я сталъ бранить внутренно жизнь, людей, петербургскую погоду, желудокъ, который не хорошо варитъ, Излера, который славно кормитъ, и готовъ бы былъ, говоря высокимъ слоюмъ, *низпровергнуть все обитающее въ міръ*, да къ-счастію моему, попалась мнѣ подъ руку афиша Александринскаго-театра.... Давали «Гамлета», великое произведеніе великаго мастера. Поѣду въ театръ, подумалъ я, но это еще болѣе могло возбудить во мнѣ мрачныя мысли и — я рѣшился было ѣхать къ Гверрѣ, любоваться на умныхъ лошадей, какъ съ шумомъ, вошелъ въ залу Кастальскій.

— Bonjour! Чтѣ ты дѣлаешь? сказалъ онъ.

— Ругаю внутренно всёхъ и вся, отвѣчалъ я.

— Ты хандришь. И я радъ, что встрѣтилъ тебя, — я нынче на балу у Долинскаго. Жена его просила меня привезти съ собою одного молодого танцора, по ему никакъ нельзя и — я вербую тебя, — поѣдемъ, топ срег, будетъ весело.

— Но я не знакомъ....

— Ничего, я представлю....

Въ 23 года не отказываются отъ бала: это случай убить время, поговорить сладенькихъ пошлостей женщинамъ и хорошо поужинать.... а какъ хотите, этимъ удовольствіямъ я пожертвую чѣмъ хотите.... даже статью доктора Пуфа — о приготовленіи ростбифа.

Въ 11 часовъ вечера мы были уже у Долинскихъ. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Восходный оркестръ съ энергіею и стройностью игралъ пѣсьи Шопена, Страуса и Лангнера. Дамы, полуобнаженные и осыпанныя цвѣтами, старались нравиться и — быть скромными, зажигая страсти. Веселыя и счастливыя, онѣ одна передъ другой соперничали кокетствомъ и красотою. Мужчины, всё въ черпомъ, пахмуренные, бродили взадъ и впередъ безъ всякой пріятности, безъ всякаго достоинства.... всё задыхались, кашляли; не было ни мѣста, ни много хорошенькихъ лицъ, — словомъ, балъ былъ въ совершенствѣ.

Кастальскій по обыкновенію подвелъ меня къ хозяйкѣ дома, которой поклонился я, не говоря ни слова, тоже по обыкновенію. Однакожъ я не отдѣлался этой обыкновенною издержкою вѣжливости и ума. «Вы очень милы, сказала Долинская (мать) моему пріятелю, что привезли къ намъ вашего друга; онъ будетъ пріятъ у насъ по-родному». И обратившись ко мнѣ, прибавила: «Вы танцуете польку?» «Дурно!» отвѣчалъ я. «Все-равно! танцуйте ее съ моею дочерью». И Долинская подозвала къ себѣ молоденькую дѣвушку, съ хорошенькой таліей, съ черпенькими глазенками, съ прелестными волосами — просто, объяденье! И я, вѣрно, влюбился бы въ нее, потому что вы не можете представить себѣ, съ какою певинно-простосердечною добротою сносила она мою неловкость въ танцахъ, какъ доказывала мнѣ, что я легко обхватывалъ ее талію, что крѣпко держалъ ее на зеркалѣ паркета и проч. и проч. Я, просто, таялъ отъ любезностей, которыми осыпала она меня, едва переводя дыханіе во время танцевальныхъ перемежекъ.—Казалось, она была очень счастлива, танцуя со мною.

По окончаніи танца, она поблагодарила меня самой роскошной улыбкою.... Мать ея, не столько робкая, за то еще больше благодарная, посадила меня между собою и своею дочерью. Не успѣлъ я занять мѣста, какъ два лакея, по приказанію Долинской, стояли уже предо мною, предлагая ликеры, пирожки, мороженое.... Пока я прохладился мороженымъ, Долинскіе говорили безъ умолку, заставляли меня смѣяться остроумнымъ замѣчаніямъ своимъ, и смѣялись сами всему, что выходило изъ моего рта; впрочемъ, для будущаго моего историка, я замѣчу, что больше входило въ мой ротъ, нежели выходило изъ него. Послѣ мороженаго, когда я принялся за лимонадъ-газезъ, я услышалъ, что мать сказала дочери: «Il est charmant!» Дочка отвѣчала: «Oui!» А что, подумалъ я, вѣдь я, должно-быть, очень хорошъ собою — малый въ статяхъ — если матери сподобитъ объимѣ съ дочерью. Какъ бы желалъ я, чтобы меня *похитили*....

Въ эту минуту подошелъ ко мнѣ одинъ мой знакомый, пожалъ мнѣ руку и началъ спрашивать меня, называя по имени.... Долинскія взглянули одна на другую съ изумленнымъ вѣдомъ; стало молчаніе; смѣхъ прекратился, острооты оступили, и на лицахъ матушки съ дочкою выросло страшное замѣшательство. Въ это же время подошелъ къ намъ Кастальскій и — встревоженная маменька бросилась къ нему. Между ними завязался минутный разговоръ. Я было обратился съ комплиментомъ къ моей хорошенькой танцоркѣ; но она съ такимъ безпокойствомъ, такъ пристально глядѣла на свою мать, что комплиментъ мой невольно замеръ на устахъ моихъ. Долинская (мать) возвратилась, сѣла, стараясь оборотиться ко мнѣ спиною, и у ней съ дочкою завязался телеграфическій разговоръ. Я замѣтилъ, что ихъ лица, недавно веселыя и блиставшія радостью и восторгомъ, вдругъ сдѣлались мрачными, какъ лицо игрока, который протурился въ пухъ и глядитъ на пистолеть. Послѣ этого я могъ пить, ѣсть и говорить глупости, во мнѣ уже не замѣчали ума. Дочка вспомнила, что еще прежде меня она дала слово какому то кавалеру танцовать съ ней кадрили, которую сейчасъ должны были начипать мы — и ушла отъ меня, — а маменька просила меня уступить мѣсто мое одной знакомой дамѣ ея, которая входила въ комнату....

Я остолбенѣлъ отъ этой внезапной переменѣ! да какъ было и не остолбенѣть? Что было, и что стало! Отыскавъ Кастальскаго, и въ нѣсколькихъ словахъ рассказалъ ему, что случилось. Когда безумный смѣхъ, который овладѣлъ этимъ жестокимъ человѣкомъ

во время моего рассказа, позволилъ ему говорить, онъ сказалъ мнѣ:
«Я представилъ тебя вмѣсто одного молодого человѣка, у котораго
50 тысячъ годоваго дохода и па котораго Долинская имѣеть
виды для своей дочери. Я забылъ сказать этой предусматри-
тельной матушкѣ, что вмѣсто богатаго наследника, я привезъ къ
ней молодого писателя

Мнѣ опять стало скучно. Я уѣхалъ домой.

НИК. ПРОТ-ОВЪ.

СМѢСЬ.

=

ФЁЛЬЕТОНЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ВООБЩЕ: ПАТУРАЛЬНАЯ И ПЕНАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА. — СЮЖЕТЪ ДЛЯ БУДУЩАГО АРСТОФАНА. — ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА И СОЧУВСТВІЕ КЪ МУЗЫКѢ. — ЦИРКИ ЛЕЖАРА И ГВЕРРЫ, И ЖАЛОБЫ ПНОСТРАНЦЕВЪ НА РОССІЮ. — ТЕАТРАЛЬНЫЕ СЛУХИ И БЕНЕФИЦІЯЛЬНЫЯ НОВОСТИ. — ИСТОРІЯ ССОРЬИ М-ЛЕ РАПЕЛЬ СЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ-ТЕАТРОМЪ. — ПУФЪ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ ДЮМА. — КОЛДУНЫ ВЪ ПАРИЖѢ. — БІОГРАФІЯ ПѢВЦА КОЛЕТТИ. — САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДИРЕКТОРЪ НА СВѢТѢ. — ПОДЛОЖНЫЙ ШТРАУСЪ. — АНЕКДОТЪ О НАСТОЯЩЕМЪ ШТРАУСѢ. — ОХОТНИКЪ ЗА ЛЬВАМИ. — ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ. — АНЕКДОТЪ ОБЪ АКТЕРѢ МАНЖО. — РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА.

Петербургъ обыкновенно все и всѣ, а въ особенности поэты, упрекаютъ въ холодности: послушать этихъ господъ, такъ, право, подумаешь, что мы чуть-чуть не опередили самихъ Англичанъ въ безстрастіи. И между-тѣмъ, правда ли это?... Не всѣ ли истые Петербуржцы или Петербуржцы, слѣдуя правописанію одного толстаго журнала, бросали цвѣты Италіянкамъ, г-жѣ Левкѣвой, чадолюбивому родителю, бросавшему дѣтей, какъ мячики, г-жѣ Лезенской, и даже киту? Конечно, правда и то, что тѣ же самые истые Петербуржцы пропустили мимо ушей и мимо сердца много замѣчательныхъ явленій; конечно, они довольно холодно теперь слушаютъ итальянскую оперу, — ну, да чего жъ вы хотите? Всею свое время подъ солнцемъ. — Петербургъ хочетъ новаго, новаго, — да и кромѣ того, вѣдь нельзя же восхищаться тѣмъ, чего еще мы не знаемъ? Мало того, на примѣръ, чтобы пѣвица

была сама по себѣ превосходна: надобно прежде втолковать, что она превосходна; увы! намъ и свое то, и родное то надобно толковывать.... Репутація Гоголя теперь, на примѣръ, сдѣлана, по вовсе не потому, чтобы, въ-самомъ-дѣлѣ, поняли его великій талантъ, а просто потому, что его перевели по французски.

Кстати о Гоголѣ и его школѣ, которую другая школа, противуположная назвала очень удачно *натуральною*, удачно, впрочемъ не для себя, потому что въ удѣлъ ей досталось названіе *ненатуральной*.... Обѣ эти школы въ своихъ, какъ говорится, крайнихъ, послѣднихъ результатахъ, рѣшительно вызываютъ поваго Аристофана. Какъ хотите — а всему есть мѣра, даже и самой натуральности. Натуральность дошла до того, что всякій бредъ, подлежащій медицинѣ, всякій довольно вонючій соръ, выметенный изъ какого-нибудь грязнаго дѣла, провозглашаютъ гениальнымъ созданіемъ ума человѣческаго. Микроскопичность возрѣнія, право, дошла до того, что оправдались слова пѣсни покойнаго Д. В. Давыдова:

И полезли изъ щелей

Мошки, да букашки....

Но оставимъ въ покоѣ *натуральную* и *ненатуральную* школу, которыхъ интересы все-таки еще пока — интересы немногихъ. Обратимся къ положительнымъ фактамъ.

Итальянская наша опера въ нынѣшній сезонъ составлена чуть ли не лучше, не полнѣе, не блистательнѣе прежняго, — и между тѣмъ, охлажденіе къ ней стало слишкомъ достовѣрнымъ фактомъ. Отъ чего же это? Не знаемъ, но въ одно изъ первыхъ представленій намъ удалось услышать собственными ушами, какъ создается *миѣніе*, это миѣніе публики, массы, миѣніе, о которомъ кричатъ такъ много, миѣніе, которымъ такъ дорожатъ артисты. «А вѣдь поетъ такъ-себѣ, порядочно», замѣтилъ одинъ юноша-онагръ, послѣ перваго антракта «Лючін», о г-жѣ Д. Джули, проходя третій рядъ кресель. «Да, поетъ хорошо, отвѣчалъ съ многозначительнымъ видомъ знатока господинъ въ очкахъ, въ четвертомъ ряду кресель: жаль, что только собою то.... прибавилъ онъ»; но юноша-онагръ уже не слышалъ его словъ. «Хорошо поетъ, Пьеръ», говорилъ онъ другому такому же юношѣ, съ лорнеткой въ глазу, въ пятомъ ряду, (эти господа, между прочимъ, никогда не говорятъ русскихъ именъ по-русски). «Oui, mon cher», отвѣчалъ тотъ, зѣвнувши и оборачиваясь на одну изъ ложъ. «Славно поетъ, превосходно поетъ», кричалъ уже онагръ въ 10-мъ ряду.... Увы!... немногаго не доставало, чтобы онъ съ презрительной улыбкой не отозвался о превосходной пѣвицѣ.

Но если итальянская опера подъ-часъ пуста — за то не-пустъ новый циркъ *Лежара*. Мы не имѣли еще *высокаго* на-

сладженія видѣть новыхъ чудесъ верховой ѣзды, — но слышали, что, въ-самомъ-дѣлѣ, искусство доведено въ циркѣ г. Лежара до *non plus ultra*. Гверра тоже не хочетъ отставать, и хотя прекрасная Лезенская измѣнила его цирку для цирка Лежара — онъ не пришелъ въ отчаяніе, и выписалъ изъ Парижа первыхъ артистовъ цирка Елисейскихъ-полей: *Каролину Лойо, Камиллу Леру, двинцу Чинизелли*, трехъ братьевъ *Луизетъ*, и проч. и проч. По поводу сего, Франціузы ругаютъ насъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а наши деньги въ-особенности, и директоръ цирка Елисейскихъ-полей, г. Галлуа, имѣвшій намѣреніе отправиться въ Брюссель, теперь рѣшительно въ отчаяніи, оставившись лучшихъ сюжетовъ, и хочетъ подавать жалобу на бѣглецовъ.

Изъ всѣхъ почти театровъ, публика наша наиболѣе постоянна къ Александринскому, что и хорошо отчасти. Спѣшимъ сообщить ей о новостяхъ нашего народнаго театра. Любимецъ всей безъ исключенія публики, Мартыновъ подарилъ насъ въ первые не комической, но вполне драматической ролью въ новой драмѣ автора *Владимира Заревского*, кромѣ этой драмы, онъ далъ въ свой бенефисъ комедію Мольера, *Ecole de Maria*, въ переводѣ нашего сотрудника *А. А. Григорьева*, котораго оригинальная драма дана будетъ еще въ бенефисъ *Н. В. Самойловой*. *Г. Григорьевъ 1-й*, пишетъ для своего бенефиса новый остроумный водевиль; *г. Каратыгинъ 2-й* написалъ превосходную драму для своего бенефиса: *Двойникъ*.

Вотъ пока наши петербургскія новости, — обратимся теперь къ иностраннѣмъ — и прежде всего къ исторіи размолвки и примиренія *М-ше Рашель*, съ Французскимъ-Театромъ.

1. Главные Французскій-Театръ въ Парижѣ потребовалъ отъ знаменитой трагической актрисы г-жи Рашель, чтобы она письменно обязалась дополнить, въ-послѣдствіи, то число представленій, которыя она, по причинѣ болѣзни своей, принуждена была пропустить, и г-жа Рашель подала тотчасъ же просьбу объ увольненіи се вовсе отъ театра. Такимъ то образомъ, гордая Еврейка отмщаетъ театральной дирекціи, изъявившей желаніе не платить ей того жалованья, котораго она не заслужила. Ни воспоминаніе о первыхъ успѣхахъ ея, столь щедро награжденныхъ главнѣйшимъ парижскимъ театромъ, ни благодарность, которую она бы должна была чувствовать къ столь снисходительному и учтивому съ нею обращенію театральной дирекціи, ни покорность прочихъ артистовъ, ея товарищей, ея капризамъ для сохраненія сценъ столь драгоценнаго трагическаго таланта, ни что не могло тронуть сердце неумолимой дочери г-на *Феликса*. И если г-жа Рашель вспомнила о замѣшательствѣ, которому подвергнется главный парижскій театръ, отъ удаленія ея со сцены, то не для того, чтобы сожалѣть объ этомъ, а для того, чтобы извлечь изъ этого выгоды. Просьба ея объ увольненіи есть угроза, а не обыкновенное дѣло — Это новая комедія, которую должно при-

соединить ко всѣмъ прочимъ комедіямъ подобнаго рода, игранными уже г-жею Рашель въ продолженіе ея *коммерческой* жизни, съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ она играетъ трагедіи на театрѣ. — Г-жѣ Рашель очень бы было непріятно, еслибы по ея просьбѣ было сдѣлано надлежащее исполненіе; но она надѣется скоро увидѣть у ногъ своихъ членовъ театральной дирекціи, умоляющихъ, она надѣется поступить съ прежними товарищами своими, какъ съ побѣжденными, и назначить имъ условія примиренія. Г-жа Рашель твердо увѣрена, что безъ нея главный парижскій театръ не можетъ существовать, и что съ удаленіемъ ея со сцены исчезнетъ современное театральное искусство.

И если бы г-жа Рашель дѣйствительно была такъ необходима, то мы все-таки осуждали бы этотъ злонамѣренный поступокъ ея. Трудно понять, какимъ образомъ актриса вздумала хладнокровно воспользоваться несчастьемъ такого театра, которому она обязана всею своею славою и богатствомъ, и безъ помощи котораго она бы всю жизнь свою провела въ незвѣстности и бѣдности. Въ особенности удивительно, съ какимъ безстыдствомъ г-жа Рашель сознается сама въ столь неприличныхъ чувствахъ. Развѣ г-жа Рашель не понимаетъ, что такое поведеніе можетъ возбудить противъ нея негодованіе въ самыхъ усердныхъ почитателяхъ ея особы и таланта. Это дерзкое презрѣніе общественнаго мнѣнія объясняетъ намъ причину проступковъ, которые ненасытное корыстолюбіе и раздраженное самолюбіе могутъ иногда заставить сдѣлать. Но не будемъ заниматься слишкомъ долго этимъ постороннимъ вопросомъ. Мы обращаемъ вниманіе не на выгоды г-жи Рашель, а на выгоды главнаго парижскаго театра. Объяснимся откровенно. Мы не находимъ, чтобы увольненіе г-жи Рашель было происшествіе столь пагубное, какъ то утверждаютъ нѣкоторые журналы и какъ главный французскій театръ, повидимому, думаетъ. Намъ пріятнѣе было бы видѣть г-жу Рашель удаленшею со сцены, нежели заставившею первый нашъ театръ повиноваться ея капризамъ и первическимъ припадкамъ. Главному парижскому театру непремѣнно нужно выдти изъ состоянія безпрестанной нерѣшительности и сомнительнаго ожиданія, въ которомъ такъ долго удерживаетъ его г-жа Рашель. Пора уже главному французскому театру излечиться отъ своего пристрастія къ своей знаменитой, но раззорительной актрисѣ. — Смѣшно видѣть, что участь театра зависить отъ состоянія слабаго здоровья капризной трагической актрисы. — Когда главный французскій театръ не будетъ болѣе сожалѣть о грудной болѣзни г-жи Рашель, то, право, будетъ гораздо лучше.

Въ этомъ отношеніи увольненіе г-жи Рашель можно почитать происшествіемъ, весьма благопріятнымъ для театральной дирекціи, безумно пожертвовавшей для г-жи Рашель настоящею и будущею участію своего театра, и которая будетъ принуждена теперь, изыскивать между прочими актерами и въ разнообразіи своего

репертуара способы, которыми она долгое время пренебрегала. И потому мы находимъ, что французскій главный театръ напрасно беспокоится отъ этого новаго каприза г-жа Рашель, и мы усердно совѣтуемъ театральной дирекціи не унижаться болѣе, и отбросить покорные дипломатическіе переговоры, посредствомъ которыхъ она надѣется смягчить гнѣвъ раздраженной актрисы. Г-жа Рашель хочетъ удалиться съ Богомъ! Пусть Французскій-Театръ отпуститъ ее. Но мы увѣрены, что г-жа Рашель первая будетъ раскаиваться въ своемъ дерзкомъ намѣреніи и поступкѣ. Французскій-Театръ можетъ обойтись безъ г-жи Рашель, но г-жа Рашель не можетъ жить безъ Французскаго-Театра. На другихъ театрахъ эта актриса, можетъ быть, будетъ имѣть кратковременные успѣхи, но никогда не получитъ постояннаго мѣста. — Въ провинціи ей нельзя будетъ заниматься долгое время представленіями. Провинціальныя театры не согласятся пожертвовать своимъ репертуаромъ ограниченному репертуару г-жи Рашель, и не сдѣлаютъ никогда глупости, разоряться на содержаніе одной трагической актрисы. — Что касается до парижскихъ театровъ, то ни одинъ изъ нихъ не рѣшится нанять за огромное жалованье актрису, которой талантъ не сообразенъ съ родомъ пьесъ, представляемыхъ на второстепенныхъ театрахъ, и которой, кромѣ того, ея слабое здоровье препятствуетъ постоянному исправленію своей должности. — Представьте себѣ г-жу Рашель, играющую на бульварныхъ театрахъ по два раза въ недѣлю и прерывающую на три или четыре мѣсяца представленіе любимой пьесы. Слышно было, что она намѣрена уѣхать за границу! Съ Богомъ! Пусть г-жа Рашель отправляется туда, если за границею будутъ довольны ея нѣсколькими ролями и ея капризамъ. Пусть она себѣ отправляется въ Россію, объяснять петербургской публикѣ красоты Расина и Корнеля; мы нисколько этому не противимся; Франція не долго будетъ сожалѣть о такой актрисѣ, которой характеръ легко можетъ заставить забыть талантъ ея.

Итакъ Французскому-Театру не объ чемъ просить г-жу Рашель. Дирекція исполнила свою обязанность и ни въ чемъ не можетъ упрекать себя. Она не должна опасаться, чтобы самыя жестокіе враги ея стали осуждать ее за ея твердость. Но пусть дирекція однажды навсегда рѣшится принять достойныя ея мѣры и употребить въ свою пользу оставшіяся у ней средства. Если представленія классической трагедіи потеряютъ нѣсколько съ удаленіемъ г-жи Рашель, современная литература выиграетъ отъ этого. Французскій-Театръ не будетъ никогда имѣть недостатка въ пьесахъ и въ писателяхъ. — Говорятъ, что въ это самое время онъ имѣетъ двѣ пьесы, которыя могутъ достаточно утѣшить во временной потерѣ нѣсколькихъ трагедій. Одна изъ нихъ называется: *Гордіевъ узелъ*, комедія г-жи Казымайоръ, которую всѣ почитаютъ весьма хорошею. — Вторая пьеса «Наша

дочь принцесса» есть одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній даровитаго Леона Гоцлана.

Скажемъ также, что новѣйшая литература не имѣетъ никакой причины сожалѣть о г-жѣ Рашель, ровно ничего пещдѣлавшей для современнаго искусства;—за исключеніемъ *Виргиніи* г. Латура, де-Сентъ Ибара, она играла безъ искусства и успѣха въ двухъ или трехъ новыхъ пьесахъ, въ которыхъ удостоила принять участие. Она по очереди пренебрегала Казиміромъ Делавинемъ, и Викторомъ Гюго, не изъ гордости (мы не почитаемъ ее столь неловкою), но изъ благоразумія. Въ своихъ трагическихъ ролей г-жа Рашель ничего не значить. Современная литература ничего не должна ожидать отъ нея. Литература отпустить г-жу Рашель не сказавъ ей даже: *прощай*.

2) Какъ кажется, m-lle Рашель помирилась съ Французскимъ-Театромъ; по-крайней-мѣрѣ, г. Латуръ де-Сентъ-Ибаръ получилъ увѣдомленіе, что она готова начать репетиціи du Vieux de la Montagne. Еслибы дѣло шло о какой-нибудь другой актрисѣ, то это было бы самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, что все забыто, что доброе согласіе вполне водворилось между театромъ и его пенсионеркою и что нечего уже больше страшиться этой опасной болѣзни, бывшей причиною столь многихъ неприяностей, споровъ, гнѣва.— Но съ m-lle Рашелью нельзя ни за что рунуться. Здоровье ея такъ капризно, характеръ такъ неровень. Сегодня она находится въ самомъ лучшемъ состояніи и готова снова продолжать службу, объ отказѣ отъ которой говорила: цѣлые три мѣсяца; завтра, можетъ быть, малѣйшее слнжкомъ быстрое измѣненіе температуры взволнуетъ ея деликатные нервы, и Мельпомена будетъ предава медицинскому факультату, и Французскій-Театръ снова впадетъ въ безпокойства, отъ которыхъ думалъ навсегда освободиться. Пусть опытъ научить Французскій-Театръ не считать себя въ безопасности потому только, что m-lle Рашель возвратилась къ нему. Больная или здоровая, m-lle Рашель все-таки не весь Французскій-Театръ. Пусть таланту ея принадлежатъ обширная и прекрасная часть, но не должна же эта часть быть исключительною. Когда Французскій-Театръ будетъ имѣть возможность обходиться безъ m-lle Рашели, m-lle Рашель не заговоритъ объ увольненіи. Впрочемъ, и теперь можно видѣть, что такое это столь страшное увольненіе, можно составить себѣ настоящее понятіе объ этой опасной болѣзни, которая должна была продолжаться всю зиму и которая кончилась въ ту же самую минуту, какъ только общица вошла въ переговоры съ интересною болною.

3) Друзья m-lle Рашели обязаны большою благодарностію общникамъ, которымъ удалось успокоить ихъ на счетъ опаснаго положенія здоровья юной артистки. Наконецъ, если m-lle Рашель не каприжится болѣе, тѣмъ лучше. Французскій-Театръ возьметъ отъ m-lle Рашели то, что можетъ взять, и рядомъ съ великою

актрисою позаботится поставить репертуаръ привлекательный и артистовъ, способныхъ выполнять его. Въ этомъ заключается не только денежный интересъ общниковъ, но и самая репутація ихъ, и если онѣ чувствуютъ сколько нибудь собственное достоинство, то отнюдь не должны позволять, чтобы m-lle Рашель считалась единственнымъ лицомъ, имѣющимъ важное вліяніе на ихъ доходы. Не должно допускать, чтобы старые артисты, изъ коихъ многіе и до сихъ поръ еще остаются достойными представителями труднаго искусства, подвергались униженію, такъ-сказать, подметать помость сцези юной актрисы, которая многимъ и многимъ обязана ихъ совѣтамъ и ихъ опытности. Не одинъ артистъ долженъ дѣлать сборъ Французскому-Театру, а цѣлая труппа. Во Французскомъ-Театрѣ не должно и знать того, что въ другихъ театрахъ условлено называть *gôles de pieces*. Всѣ пьесы стараго репертуара имѣютъ свои важныя роли, а первые комики едва берутъ на себя трудъ одѣться, чтобы сыграть Вадіуса въ *Femmes savantes*, эту прелестную роль состоящую изъ одной только сцены. Обязанность Французскаго-Театра представлять своей публикѣ не одиу талантъ, но цѣлую массу ихъ. Число не должно устрашать его. Онъ всегда найдетъ средство размѣстить ихъ, потому-что во Французскомъ-Театрѣ не должно быть и малевкихъ ролей дурно сыгранныхъ.

Итакъ должно надѣяться, что возвращеніе m-lle Рашели не заставитъ общниковъ неглижировать пополненіемъ своей труппы. Поговариваютъ уже объ ангажированіи Рея. Это заставляетъ надѣяться, что къ этому имени присоединятся векорѣ и гораздо интереснѣйшія имена Буше и Монроза.

4) Еще одно слово относительно m-lle Рашель: Французскій-Театръ дѣлаетъ большую ошибку тѣмъ, что не отвлекаетъ сколько возможно чаще m-lle Рашель отъ стариннаго репертуара, которымъ она дѣлаетъ театру очень скудные сборы, такъ, что при подобныхъ сборахъ участіе m-lle Рашель во Французскомъ-Театрѣ не замедлитъ сдѣлаться для него убыточнымъ. Да, только въ повѣйшемъ репертуарѣ m-lle Рашель можетъ снова достигнуть того денежнаго успѣха, которымъ ознаменовались ея дебюты и который былъ причиною развитія въ ней этой безмѣрной гордости, отъ коей такъ часто страдаетъ Французскій-Театръ. Пускай m-lle Рашель гордится и пускай она получаетъ огромное жалованье, но пускай же и Французскій-Театръ дѣлаетъ хорошіе сборы!

5) M-lle Рашель явилась снова въ Федрѣ, и никогда, по словамъ Жюль Жаненя, не была она такъ величаво царственна, такъ страстна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ вѣрна характеру Расиновой Федры, какъ въ этотъ разъ. Публика вызывала ее нѣсколько разъ, и въ послѣдній Рашель поняла опять, что она царица этой огромной массы.

Мы нарочно изложили дѣло Рашели, слѣдуя голосу партій и даже той партіи, которая не слишкомъ много плакала о великой

артисткѣ — но во всякомъ случаѣ, нельзя не сознаться, что талантъ этой женщины слишкомъ необыкновененъ, что вліяніе ея на массу слишкомъ сильно.

Въ одномъ французскомъ журналѣ, какъ видно неприяженномъ господину А. Дюма, рассказываютъ слѣдующій анекдотъ про этого плодовитаго романиста: Г. Александръ Дюма, отъѣзжая въ Мадридъ, нашелъ въ своей кассѣ только 7 тысячъ франковъ наличными деньгами. Конечно, для всякаго обыкновеннаго путешественника этой суммы было бы достаточно на путешествие, которое не должно продолжаться и мѣсяца; по г-ну Дюма, привыкшему къ княжеской роскоши, этого было очень и очень мало, и потому онъ сталъ прискивать себѣ добавочной суммы въ 60,000 фран. Исполненіе этого желанія, какъ видно, по какимъ либо личнымъ обстоятельствамъ знаменитаго романиста, встрѣтило сначала нѣкоторыя препятствія, однако, наконецъ, явился человекъ съ добрымъ согласіемъ на заключеніе займа, съ тѣмъ только условіемъ, что 30-ть тысячъ франковъ онъ выдастъ наличными, а другія 30,000 самыми вѣрными векселями. Г. Дюма не затруднился принять это условіе, и сдѣлка была заключена. Каково же было удивленіе роскошнаго писателя, когда займодавецъ, выдавъ ему 30-ть тысячъ франк. банковыми билетами, отчиталъ другія 30-ть тысячъ *собственными* его векселями. «Такъ это то у васъ *самые вѣрные векселл!*» вскричалъ озадаченный романистъ. Не смотря на это скромное восклицаніе, дѣло было кончено, и г. А. Дюма предпринялъ путешествіе въ Мадридъ съ 7,000 франк. собственныхъ денегъ и съ 30,000 займатыхъ. Что касается до другихъ 30,000 въ векселяхъ, то, вѣроятно, онъ счелъ ихъ *самыми невѣрными*. Передъ отъездомъ романистъ дѣлалъ большія приготовления, чтобы поддержать въ Мадридѣ свою высокую репутацію человека, живущаго съ роскошью Сарданапала. Приводимъ для примѣра хоть ливрею, сдѣланную имъ для своего чернаго грумма. Онъ заказалъ ему двѣ ливреи, одну изъ дорогаго бѣлаго атласа съ серебрянымъ галуномъ, а другую изъ кашемира съ фантастическими арабесками. Безъ сомнѣнія, появленіе экипажа г. Дюма съ такимъ груммомъ произведетъ большое впечатлѣніе въ Мадридѣ. Говоря откровенно, всему этому мы плохо вѣримъ, потому что г. Дюма имѣетъ слабость частенько прибѣгать къ трубѣ славы *in time* (какъ выражается его же школа), и исторія, рассказанная выше, уже давно ходитъ по рукамъ; слѣдовательно, прежде, чѣмъ она случилась. *Дорогой бѣлый атласъ* и кашемиръ съ фантастическими букетами тоже, какъ и все остальное, мо-

гутъ быть выдумкою разсказшиковъ. Впрочемъ, толки объ этомъ *пусть* во всякомъ случаѣ займуть на нѣсколько минутъ болтуновъ кофейныхъ и кулпсъ, — а этого то только и нужно.

Извѣстно, что Парижъ большой гордецъ: Парижъ — это наука, это цивилизація; это свѣтъ; Парижъ зараженъ скучною претензіею ничему не вѣрить и никому не позволять надувать себя. Какъ бы несчастливъ былъ Парижъ, если бы онъ дѣйствительно былъ такимъ гадкимъ скептикомъ, какимъ сплится казаться. По счастью, Парижъ гораздо навпѣе, нежели онъ думаетъ, и его очень не трудно провести, хотя онъ и не сознается въ томъ. Парижъ, неоспоримо, суевѣръ. Онъ вѣритъ въ кухни-омнибусы, въ Аравійскій ракагутъ; онъ вѣритъ въ баталіи и въ героевъ цирка, въ злодѣянія г. Дилетра и въ добродѣтели Стъ-Эрнста; онъ принимаетъ за море холстиппыя волны, бушующія на бульварныхъ театрахъ. Отечественія предупрежденія Gazette des Tribunaux отнюдь никогда не могли помѣшать ему промѣшивать свои пятифранковыя піесы на огромныя су какого нибудь пошлаго мошенника à l'américaine. У Парижа есть еще одна слабость: онъ вѣритъ въ колдуновъ. Онъ одѣлся въ трауръ, онъ посыпалъ главу свою пепломъ, въ тотъ день, какъ услышалъ печальное извѣстіе о потерѣ М-ле Ленорманъ, этой чудной отгадчицы, которая умерла, не отгадавъ, чѣмъ кончатся Mystères de Paris господина Сю, и это было послѣднимъ огорченіемъ Императорской Сивиллы.

Говоря откровенно, уваженіе Парижанъ къ М-ле Ленорманъ очень понятно. Эта женщина дѣйствительно была окружена какимъ то обаяніемъ. Преданіе непременно хотѣло приписать ей предсказаніе паденія Императору. Она была гонима, она была жертвою картомансін; она была стара, какъ должна быть настоящая волшебница; она являлась профанамъ въ длинномъ черномъ, съ красными пчелками, бархатномъ платьѣ; ея вертепъ былъ убранъ въ стилѣ мрачномъ и мистическомъ. М-ле Ленорманъ была очень порядочною волшебницею мелодрамы или волшебной оперы. Нельзя было позволить себѣ смѣяться въ глаза прорицательницѣ, которая является вамъ въ такомъ мистическомъ обиталищѣ, въ такомъ мистическомъ костюмѣ, и смотритъ на васъ такими страшными, кровавыми глазами. Довольно взглянуть на нее, и трепеть побѣжитъ по вашимъ жиламъ. Но колдуны, о которыхъ мы хотимъ говорить, совсѣмъ не такъ грозны; они представляются парижской публикѣ въ костюмахъ и съ манерами простой черни, съ грязными руками, въ шляхахъ измятыхъ, бу-

рями и ударами кулака, въ пальто, "не совѣтъ" здоровыхъ, и въ сапогахъ, изъ коихъ выглядываютъ пальцы. Чрезвычайно удивительно, какъ Парижъ, который выше всего ставитъ изящество, зводитъ дѣло съ колдунами такими грязными. Вероятно, Парижъ любитъ колдовство еще больше, чѣмъ пзятныя манеры.

Впрочемъ эти колдуны, о которыхъ мы говоримъ, суть колдуны черны. Колдуны высшаго общества производятъ свое ремесло въ салонахъ, шаши на улицахъ.

Этотъ родъ промышленниковъ входитъ въ число тысячи категорій парижскихъ цыганъ, цыганъ дерзкихъ и безпечныхъ, бѣдныхъ дьяволовъ, грязныхъ и веселыхъ, добывающихъ на хлѣбъ пасуточный и на чарку вина предсказывающимъ всевозможныхъ радостей и счастья рекруту, получившему и всѣчное жалованье, простяку крестьянину, выгодно распродавшему свою зелень, кокетливымъ и мечтательницамъ нянькамъ. Они живутъ изо дня въ день въ непрерывномъ страхѣ полиція и въ безграничномъ удивленіи таланту М-ле Ленорманъ. Они знаютъ все, вѣдаютъ все: они знаютъ, кто вы такой, о чемъ вы такъ хлопчете, сколько любовницъ измѣнили вамъ, въ какую заставу вы пришли или прѣехали въ Парижъ, и какъ зовутъ того ловкаго мошенника, который вытащилъ у васъ часы. Они обладаютъ рѣдкою дерзостью и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Чтобы привлечь публику, имъ не нужно ни афишъ, ни газетныхъ статей, ни великолѣпно-украшенной залы. М-г паяцъ или Рѣге служитъ имъ афишею, а публичная площадь сценою.

Если вы хотите видѣть ихъ, подите на Луврскую-площадь, станьте противъ Музея, по близости находящагося тамъ виннаго погребка. М-г паяцъ уже тамъ, забавляетъ толпу своимъ исторіями и своимъ сальными шутками. Я ошибся, сказавши исторіями; м-г Паяцъ знаетъ всего только одну исторію — свою собственную, которую онъ и рассказываетъ всякому вновь пришедшему зрителю.

М-г паяцъ почти всегда жалкая худая фигура съ морщиноватымъ лицомъ, съ гноящимся глазами. Костюмъ его состоитъ изъ продыравленнаго во многихъ мѣстахъ краснаго жилета, не совѣтъ полпой пары штановъ и такого же достоинства башмаковъ. И не смотря на эту печальную наружность и этотъ печальный костюмъ, м-г паяцъ кричитъ, м-г паяцъ поетъ, м-г паяцъ ломается. Дождь-ли льетъ ливня, вѣтеръ-ли свищетъ, холодъ-ли проникаетъ до костей, м-г паяцу и горя мало: м-г паяцъ семенить ногами, колотитъ рука объ руку, и ему тепло, какъ-бы въ 20 градусовъ жару. Вотъ идетъ зѣвка, замѣчаетъ продѣлки м-г паяца, останавливается и любитъ. Является другой, потомъ еще двое, потомъ трое. Партеръ наполняется. — м-г паяцъ въ восторгѣ. Тогда онъ рѣшается пачать свою вѣчную исторію, исторію странствованій и приключеній м-г паяца; чудную одиссею, передъ которой странныя и непостижимыя приключенія

Жокриса, просто, дрянь-дрянью. Отецъ м-г паяца далъ ему толчекъ ногою и отправилъ въ Парижъ. Въ Парижѣ м-г паяцъ зашелъ пообѣдать въ трактиръ и не заплатилъ за обѣдъ по весьма уважительной причинѣ, — потому что не чѣмъ. М-г паяца арестовали. М-г паяцъ спасся. М-г паяцъ попалъ, и самъ не знаетъ какъ, въ солдаты. Портретъ Абдель-Кадера. Побѣды французской арміи. Все это для того, чтобы польстить рекруту, который тоже въ числѣ зрителей и съ живописнымъ удивленіемъ слушаетъ м-г паяца. Когда толпа довольно густа, когда любопытство слушателей довольно заинтересовано, вдругъ продирается сквозь нее толстый, пожилой и достопочтенный забавникъ, съ сѣдыми волосами, съ серьгами въ ушахъ и съ маленькимъ жезломъ въ рукахъ. Этотъ господинъ начинаетъ обижать м-г паяца, насмѣхается надъ нимъ, дѣлаетъ его своею жертвою. Зрители принимаютъ сторону м-г паяца. Тогда господинъ этотъ открываетъ свое значеніе — онъ полный властелинъ м-г паяца — онъ волшебникъ, — эта сцена чрезвычайно какъ эффектна.

Почтенный господинъ объясняетъ свое званіе, говоритъ о томъ какъ удостоивался чести гадать императору, претендуетъ на практику съ посланниками и перами Франціи, увѣряетъ, что если онъ время отъ времени появляется въ улицахъ и на площадяхъ, такъ это потому, что онъ любитъ простой народъ и хочетъ каждому доставить случай заглянуть въ свое будущее. Потомъ достаетъ старую грязную колоду картъ и проситъ кого-нибудь изъ общества вынуть одну карточку. Въ этой картѣ все ваше будущее, въ этомъ пиковомъ королѣ или въ этой дамѣ червей заключается вся судьба ваша.

Нѣсколько робкихъ рукъ протягиваются къ колодѣ; это такъ дешево и такъ любопытно. Два су, десять сантимовъ! кричитъ колдунъ. Кто откажется отъ случая за 10 сантимовъ узнать всю свою будущность! Колдунъ ведетъ свою роль отлично; всевозможными краснорѣчивыми убѣжденіями подстрекаетъ любопытство зѣвакъ, разувѣряетъ сомнѣвающихся, онъ жестикულიруетъ, онъ кричитъ во все горло, онъ бѣснуется, какъ изступленный. Собравши порядочную кучу монетъ въ два су, колдунъ удаляется къ сторонкѣ и начинаетъ по-очередно подзывать къ себѣ пзъявившихъ желаніе узнать свою будущность; онъ вызываетъ ихъ по названію картъ, кому какая досталась; они подходятъ, сами краснѣя за себя, что вдаются въ такое глупое суевѣріе. Колдунъ предвидѣлъ эту стыдливость и нашелъ средство помочь бѣдѣ. У него готово уже убѣжище, которое сокроетъ клиента его отъ глазъ прочаго общества. Убѣжище это особая комната съ красными занавѣсками въ упомянутомъ выше винномъ погребкѣ.

Въ этой-то комнатѣ съ красными занавѣсками происходитъ послѣдній актъ драмы. Все искусство колдуна, вся его диплома-

тія, все его балаганное краснорѣчіе, всѣ гримасы и ломанья м-г паяца — все это направлено къ одной цѣли — привлечь публику въ эту уединенную комнату. Какъ скоро довольно простяковъ понападало въ эту вершу, представленіе кончено и м-г паяцъ можетъ снять свой костюмъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, комнатка въ винномъ погребокѣ есть именно святилище, гдѣ колдуны отличнѣмъ образомъ обдѣлываютъ свои дѣлишки. Попади только туда, и уже придется отдѣлываться не двумя оу. Колдунъ также дорого цѣнитъ свои консультаціи, какъ самый модный докторъ. Два су пригодились только на то, чтобы освѣжить его горло и прочистить глаза, для лучшаго воззрѣнія въ мракъ будущаго. Теперь является на сцену цѣлая колода картъ повыхъ, чистыхъ, и смущенный суевѣръ снова принужденъ приниматься за кошелекъ. О, комнатка въ винномъ погребокѣ, гибельная западня, въ которую безъ малѣйшей недовѣрчивости валятся наивная мечтательность и легковѣрное честолюбіе, и въ которой угощаютъ ихъ самыми нелѣпыми иллюзіями и самымъ гадкимъ поддѣльнымъ впопомъ.

Виноторговецъ — естественный покровитель этихъ бродячихъ пророковъ. Умѣвшій кредитомъ привлечь ихъ благосклонность къ себѣ можетъ быть увѣренъ, что счастье его упрочено. Каждый день, каждую минуту эти некромантики наполняютъ погребокъ его охотниками знать свою будущность, — а это значитъ бутылка вина на человѣка, и какого же вина, котораго онъ другому покупателю и показать бы не осмѣлился.

Пора бы Парижанамъ отвыкнуть вѣрить обѣщаніямъ колдуновъ и бутылкаемъ виноторговцевъ. Предсказанія однихъ и жадность, предлагаемая другими, стѣять одно другаго, то есть оба не стѣять двухъ су.

Вотъ біографія пѣвца Колетти, съ такимъ успѣхомъ дебютировавшаго въ Парижѣ при открытіи нынѣшняго зимняго сезона тамошней Итальянской-оперы. Біографія эта написана однимъ изъ его соотечественниковъ, и какъ говорятъ, по самымъ вѣрнымъ источникамъ.

Филиппо Колетти родился въ 1811 году, въ маленькомъ городѣ д'Ананьи, мѣстороженіи папы Бонифація VIII, этого предателя, котораго Дантъ помѣстилъ въ своемъ «Аду». Родители Колетти, несправленные этимъ страшнымъ примѣромъ, все-таки назначали сына своего въ духовное званіе. Этихъ добряковъ такъ льстила мысль имѣть папу въ своемъ семействѣ, хотя бы какой-нибудь поэтъ цемножко и не совсѣмъ учтиво поступилъ съ нимъ.

Итакъ блестящій баритонъ, за котораго въ послѣдствіи вышли въ Лиссабонъ на дуэль двѣ женщины, дебютировалъ въ свѣтѣ подъ рясью семинариста. Первою спеюю его были Сикстова Капелла; онъ достигъ блестящихъ успѣховъ въ Григоріанскомъ пѣніи, и все заставляло питать надежду, что съ Божіею помощію, соотечественникъ Бонифація также современемъ прикроетъ плеча свои пурпуровою мантиею.

Увы! на пути погибли труденъ только первый шагъ. Однажды вечеромъ — это было, кажется, не задолго передъ Святою недѣлею — молодой Колетти, очевидно увлеченный злымъ духомъ, осмѣлился вступитъ на дворъ одного дома на Боргезской площади. Дворъ этотъ былъ загроможденъ экипажами. Увлекаемый непреодолимою силою, Колетти вошелъ въ первый этажъ, прокрался въ переднюю, и, увлеченный непрерывно прибывающими гостями, очутился наконецъ въ самой залѣ, среди многочисленнаго, блестящаго общества. Тамъ было множество молодыхъ людей, красивые костюмы и усы которыхъ возбуждали въ нашемъ молодомъ аббатѣ неопредѣленное чувство зависти; множество молодыхъ дѣвицъ, взоры которыхъ заставляли его краснѣть до самыхъ ушей. Къ этому присоединились еще угрызения совѣсти, шептавшей ему, какъ неблагоразумно, какъ непростительно духовному явиться въ свѣтское общество. Между тѣмъ хозяйка этого дома подошла къ фортепіано, поставила на него двѣ зажженные свѣчи, и по приглашенію ея, три или четыре отчаянныхъ дилетанта припились безъ милосердія терзать уши слушателей аріями Беллини и Довидзетти. Неприятно удивленная такимъ вѣроломствомъ, масса гостей изъявила все свое негодованіе, и шумъ постороннихъ разговоровъ, по счастью, избавилъ общество отъ большей половины этого наказанія.

Въ эту минуту человѣчекъ среднихъ лѣтъ, съ мѣрною походкою, съ приторнымъ голоскомъ, съ глупою улыбкою, медленно прошелъ сквозь группы гостей и согнулся вдвое передъ Колетти. Сдѣлавшись предметомъ всеобщаго вниманія, молодой аббатъ, почувствовалъ, что у него въ ушахъ какъ будто бы звонило во всѣ колокола Santa-Maria-Novella, и таинственная особа принуждена была два раза повторять свою просьбу, прежде чѣмъ бѣдный мальчикъ понялъ изъ нея хоть одно слово.

— Не угодно ли вамъ будетъ, господня аббатъ, спѣть намъ одну изъ тѣхъ арій, которыя вы такъ прекрасно поете! повторилъ въ третій разъ незнакомецъ.

— Вы думаете, сударь, пробормоталъ Колетти, отступивъ шага два назадъ; но я умѣю только пѣть псалмы, Miserere и Agnus Dei....

— Сдѣлайте одолженіе, пожалуйста сюда къ фортепіано; я буду имѣть честь вамъ аккомпанировать.

— Къ фортепіано, г-дѣ аббатъ, къ фортепіано! вскричала въ одинъ голосъ и съ рукоплесканіями вся зала, и нѣсколько моло-

дѣлхъ дамъ, ослѣпительной красоты, приблизились къ бѣдному семинаристу, какъ будто бы для того, чтобы помочь ему перейти разстояніе, отдѣлявшее его отъ страннаго инструмента.

Бѣдный аббатъ не чувствовалъ ногъ подъ собою, онъ открылъ ротъ, чтобы втянуть *Kugie*, и противъ воли запѣлъ.

Meco tu vieni, o misera!

Онъ и самъ не звалъ, какимъ образомъ отпечатлѣлась въ душѣ его эта арія, а слова подсказывалъ ему какъ будто бы самъ дьяволъ.

Успѣхъ былъ непомовѣрный. Рукоплесканія не прерывались. За одной аріей слѣдовала тѣма другихъ. Беллини, Россини Меркаданте, одинъ за другимъ являлись на сцену. Съ каждою новою арією, импровизованною молодымъ Колетти, крики и аплодисменты усиливались; словомъ, триумфъ былъ такъ великъ, что вскружилъ бы голову самому смиренному ашахорету. Но никто не былъ въ такомъ энтузіазмѣ, какъ церемонный незнакомецъ, аккомпанировавшій пѣвцу на фортепіано. Энтузіазмъ его доходилъ до изступленія, онъ увлекъ мелодаго артиста въ будуаръ и едва не задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

— Ахъ, другъ мой, сказалъ онъ ему: вы единственный, удивительный человѣкъ! Мнѣ непременно надобно имѣть автографъ вашей руки. Вотъ перо, напишите мнѣ свое имя вѣзду этого листа бумаги.

Довѣрчивый Колетти написалъ, и въ восторгѣ отъ своего неслыханнаго триумфа не замѣтилъ, что листъ, на которомъ онъ писалъ, былъ гербовый, и что незнакомецъ тщательно сложилъ его и спряталъ въ боковой карманъ.

— Другъ мой, молодой другъ мой, продолжалъ низкопоклонистый незнакомецъ, хотите ли вы принять мой совѣтъ. Выслушайте меня, я отецъ артистовъ! бросьте свою рясу. Васъ ожидаетъ сцена, а съ нею вмѣстѣ успѣхъ, деньги и слава. Побѣжайте въ Неаполь, одно слово отъ меня къ другу моему Барбайѣ откроетъ вамъ двери Санъ-Карло. Ваше имя вскорѣ загремитъ въ числѣ самыхъ славныхъ именъ, и это будетъ лучшею наградою тому, кто первый открылъ вашъ талантъ и ваше призваніе.

— Но, сударь, отвѣчалъ Колетти: предположимъ даже, что ваша благосклонность ко мнѣ не ослѣпляетъ васъ на счетъ моей будущности, предположимъ, что я рѣшусь презрѣть злобою моихъ родныхъ, осужденіемъ людей благочестивыхъ, гнѣвомъ святаго отца; но что же я буду дѣлать безъ денегъ, безъ кредита, въ городѣ, гдѣ я рѣшительно никого не знаю, въ театрѣ, гдѣ я, безъ всякаго сомнѣнія, встрѣчу скорѣе враговъ, чѣмъ друзей?

— Только-то, любезный аббатъ! Вотъ вамъ мой кошелекъ. Возьмите, возьмите, прошу васъ. Послѣ вы заплатите мнѣ эту

малость, которую я имѣю счастье одолжить à l'illustrissimo signor Coletti, primo baritono assoluto de reali teatri di Napoli.

— Я не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность, вскричалъ растроганный юноша. Скажите мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, ваше имя, чтобы я могъ молиться Богу за своего благодѣтеля.

— Мое имя Зелони.... не забудьте Никола Зелони.

И Зелони снова обнялъ молодого аббата.

На другой день Колетти уѣхалъ въ Неаполь, и спустя нѣсколько дней дебютировалъ въ Fondo, въ оперѣ il Turco in Italia, съ Унгеръ, Сальви и Козелли. Изъ Неаполя онъ отправился въ Геную, изъ Генуи возвратился въ Римъ, гдѣ никто и не думалъ встрѣтить въ любимомъ пѣвцѣ театра Valle, въ баритонѣ, производящемъ такое фуроре, скромнаго аббата Сикстовой капеллы. Но вдругъ непредвидѣнное обстоятельство едва не прекратило карьеру знаменитаго артиста. Колетти собрался ѣхать въ Падуу, когда тамъ открылась холера.

Колетти полагалъ, что такого рода обстоятельство освобождаетъ всякаго отъ даннаго слова, но директоръ Падуйскаго театра думалъ иначе. Ему нуженъ былъ баритонъ, живой или мертвый. Тогда Колетти вспомнилъ про своего благодѣтеля и трогательнымъ письмомъ просилъ синьора Зелони вразумить бездѣльника инпрессарио, такъ безстыдно игравшаго жизнью артистовъ.

Къ величайшему своему удивленію, Колетти получилъ короткій и весьма сухой отвѣтъ, приказывавшій ему исполнять свои обязанности.

Увы! этотъ другъ, этотъ покровитель, синьоръ Зелони, былъ никто иной, какъ директоръ театра. На подписанномъ когда то бѣднымъ аббатомъ чистомъ листкѣ гербовой бумагѣ, теперь красовался контрактъ, составленный по всѣмъ законнымъ формамъ, и синьоръ Зелони, отецъ артистовъ, перепродавалъ за свой счетъ юнаго пѣвца разнымъ театрамъ Италіи.

По счастью, въ Римѣ былъ въ это время нѣкто г. Парто, директоръ Лиссабонскаго театра, и притомъ честиѣйшій и добрейшій человекъ. Г. Парто взялся уладить дѣло. Онъ сбѣгался съ синьоромъ Зелони и выкупилъ у него свободу молодого артиста. Колетти послѣдовалъ за своимъ новымъ меценатомъ и провелъ три года въ Лиссабонѣ. Тамъ то, если вѣрить легендѣ, происходилъ знаменитый дуэль на книжалахъ между двумя женщинами, которыя обѣ равно нестово-страстно влюбилась въ юнаго артиста.

Съ того времени Колетти пѣлъ съ постоянно-возрастающимъ успѣхомъ въ Лондонѣ, въ Миланѣ, въ Вѣнѣ, въ Венеціи, въ Бергамо и въ Неаполѣ.

Вотъ счастливѣйшій директоръ въ цѣломъ свѣтѣ! Вся труппа его состоитъ изъ шести или восьми человѣкъ пѣвцовъ и пѣвицъ; весь репертуаръ изъ десяти пьесъ. Отъ него не требуютъ ни великолѣпныхъ декораций, ни блестящихъ костюмовъ, и если онъ одѣвается въ какіе-нибудь костюмы своихъ статистовъ, такъ это, право, только изъ приличія. Прибавьте къ тому, что театраль- ный годъ этого директора продолжается только шесть зимнихъ мѣсяцовъ, что въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ отъ него тре- буютъ только по три спектакля въ недѣлю, и что, наконецъ, этотъ счастливый смертный не страшится, что зала его будетъ въ ка- кой-нибудь вечеръ пуста, а бонится только, чтобы не пришлось, за недостаткомъ помѣщенія, отказывать зрителямъ. Для человѣка учтивого, конечно, и такая необходимость весьма тяжела и не- приятна, но, по-крайней-мѣрѣ, совѣсть утѣшаетъ его тѣмъ, что она сдѣлала все возможное для удовлетворенія справедливыхъ требованій публики, даже уступилъ ей половину аванъ-сцены, гдѣ она устроила себѣ очень удобныя и спокойныя ложи.

Это похоже на то, какъ будто бы какой-нибудь милліонеръ устроилъ себѣ театръ для собственнаго удовольствія. Но когда подумаешь еще, что это удовольствіе доставляетъ доходъ почище и повѣрнѣе, чѣмъ доходъ съ какого-нибудь значительнаго имѣнія или капитала, такъ, просто, взбѣсившись отъ зависти къ участи этого любимца фортуны, который имѣетъ честь именоваться г-мъ Вателемъ. — Вотъ такъ то толпа, привыкшая судить по наружности, судить и о счастіи быть директоромъ парижской Итальянско-оперы. О, бессмысленная толпа! Разсмотри ка хорошенько положеніе этого счастливца, которому ты такъ завидуешь. Ты считаешь его почивающимъ на розахъ — увы! бѣдный счастли- вецъ не можетъ уснуть спокойно даже и на простой постелѣ. Спокойный сонъ давно уже раздружилъ съ нимъ. Спать! но афиша въѣдъ папечатана и разослана, абоненты тѣснятся въ конторѣ; день, часъ открытія сезона насталъ, а первый теноръ — охрипъ!

Директоръ совершенно потерялся; онъ бѣжитъ къ тенору. Онъ уговоритъ его. Какая простуда устоитъ противъ его краснорѣ- чія. Входитъ. Нѣтъ, это не простуда, это, просто, воспаленіе, и еслибы у г. Вателя не былъ постоянно въ ушахъ и въ сѣдрѣхъ голосъ его тенора, то онъ, взглянувъ на г. Маріо, не узналъ бы его. Однакожъ, Лючію нельзя играть безъ Маріо. А играть на- добно. Чтѣ же играть. Вотъ бѣдственное положеніе! Въдъ вы знаете, что у директора всего только шесть или восемь человѣкъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Теноръ болѣнъ, чтѣ же ему дѣлать съ дру- гимъ? Завидуйте же теперь, если смѣете, этому счастливому смерт- ному. Вотъ онъ въ отчаяніи. Куда обратиться, чтѣ придумать, какую пѣсню играть, и какъ! И когда же это случилось — въ самое открытіе сезона! Какъ будто дилетанты удовольствуются вмѣсто первыхъ сюжетовъ дублюрами.

Случись это въ среднѣ сезона, конечно, г. Вателъ не пришелъ бы въ такое замѣшательство, но при открытіи сезона — согласитесь, невольно потеряешься. А это именно и случилось съ нимъ при открытіи нынѣшняго сезона. Однакожъ онъ прибѣгнувъ къ героическимъ усиліямъ. Маріо умеръ, но Колетти, благодаря Небо живъ еще. И вотъ стали просить Колетти показать свою храбрость — дебютировать въ *Семирамидѣ*. Это происходило въ среду, а открытіе назначено въ пятницу. Колетти бравый пѣвецъ, но въ особенности, когда протверживаетъ свои роли. И Колетти объявилъ г. Вателю, что память его не соотвѣтствуетъ его цвѣтущему здоровью, и что репертуаръ не можетъ рассчитывать на него иначе, какъ въ субботу. Что дѣлать несчастному директору. Когда гвардія не сдается, она умираетъ. Г. Вателъ храбро сражался до послѣдней минуты. Сперва лишился тенора, а потомъ и басса. Это ужъ воля судьбы, а не его вина. Что оставалось кромѣ смерти, и онъ — отложилъ спектакль.

Вотъ почему открытіе Итальянской оперы, возвѣщенное на 1-е октября, происходило въ субботу 3-го, «Семирамидою». Самымъ важнымъ пунктомъ при этомъ открытіи былъ дебютъ г-па Колетти. Колетти, имя котораго красуется на аффшѣ впереди имени Ронкони, представленъ намъ, какъ артистъ перваго разряда, который, какъ говорятъ, можетъ замѣнить и даже заставить забыть баритонъ Тамбуриани. Колетти, составившій себѣ славу на первѣйшихъ театрахъ Италіи, прибылъ сюда изъ Неаполя, гдѣ г. Вателъ ангажировалъ его. Въ Лондонѣ его уже слышали, и тамъ онъ имѣлъ дѣйствительное торжество. Колетти, собственно говоря *basse chantante*, голосъ его средина между голосомъ Лаблаша и голосомъ Ронкони. Вчерашній дебютъ его въ роли Асура оправдалъ то, что говорили объ его талантѣ. Колетти, дѣйствительно, пѣвецъ перваго разряда, на котораго въ особенности новѣйшій репертуаръ долженъ много надѣяться.

«Семирамида», безъ всякаго сомнѣнія, превосходное произведеніе, но надобно сознаться, что поддерживать свое блестящее положеніе нашъ итальянскій театръ можетъ только операми новѣйшими. Въ самой Италіи оперы классическія начинаютъ уступать мѣсто попыткамъ молодыхъ мастеровъ, и революція, происходящая въ музыкѣ, коснулась и пѣвцовъ. Пѣвцамъ россиниевскимъ, съ такимъ чуднымъ искусствомъ исполнявшимъ піесы стараго репертуара, послѣдовали пѣвцы новой школы, всѣ усилія которой стремятся къ доставленію преобладанія выраженію драматическому. — *Gargouillade* повинуты для пѣнія широкаго, для интонаціи вѣрной и произношенія чистаго, и эта реакція, разумѣется, день ото дня будетъ усиливаться.

Успѣхъ Колетти доставитъ намъ случай вскорѣ слышать *Deia Fossari*, Верди и *Fidanzata Corza*, Пачини, двѣ оперы, въ которыхъ Колетти имѣетъ самый большой успѣхъ. Поговариваютъ,

также о *Леоноръ Меркаданте*, которую требуетъ будто бы *Лаблашъ*, потому что въ ней есть для него чудесная роль *буффа*.
 Вообще открытіе нынѣшняго сезона было весьма, весьма удачно.

М. Штраусъ. «Съ нѣкотораго времени въ музыкальной торговлѣ появилось множество кадрили, вальсовъ, полекъ и мазурокъ, носящихъ имя *Штрауса*. Разумѣется, всѣ любители этого рода музыки спѣшатъ раскупать эти произведенія, полагая ихъ дѣйствительно произведеніями извѣстнаго германскаго композитора, пользующагося въ настоящее время полною и заслуженною славою— и какъ же жестоко они ошибаются. Авторъ этихъ, болѣе чѣмъ посредственныхъ произведеній, не имѣетъ ничего общаго съ германскимъ композиторомъ, кромѣ имени *Штраусъ*, которымъ онъ и пользуется для удачнаго сбыта ихъ въ публикѣ. Для вящшаго же успѣха въ этой промышленности, онъ выпускаетъ изрѣдка и настоящія произведенія вѣнскаго своего соименника. Кромѣ того у этого парижскаго г-на *Штрауса* удивительная способность присвоивать себѣ вовсе непринадлежащіе ему мотивы, такъ, на примѣръ недавно издалъ онъ три польки подъ названіемъ: *rag Labitzky, Strauss et Forback*. Слово *Штраусъ* выставлено огромными буквами, а *Лабіцкій* и *Форбакъ* обыкновенными. И что же! въ этихъ трехъ полькахъ оказалось, просто-на-просто, полька *Лабіцкаго*: *les Bohemiennes*, изданная около года тому назадъ *rag le Bureau central de musique*. Конечно, заимствованіе это выказываетъ хорошій музыкальній вкусъ въ г-нѣ парижскомъ *Штраусѣ*, потому что полька *Лабіцкаго* дѣйствительно прекрасна; но если бы г. *Штраусъ* потрудился поподробнѣе справиться, то узналъ бы, что это музыкальное произведеніе есть полная и неотъемлемая собственность *Bureau central de musique*.

Мы увѣрены, что послѣ этого розысканія дѣла, г-нъ парижскій *Штраусъ* будетъ гораздо осторожнѣе въ своихъ заимствованіяхъ. Мы же высказали все это для того, что, по нашему мнѣнію, гораздо лучше объясниться дружелюбно, нежели прибѣгать къ защитѣ законовъ, для преслѣдованія дурнаго намѣренія, или невольной ошибки.»

Все это напечатано въ парижской музыкальной газетѣ: «*La France musicale*. Бывали и у насъ продѣлки въ родѣ этого, если не въ музыкѣ, такъ въ литературѣ, на-примѣръ съ повѣстями *Барона Брамбеуса* и т. п.

Знаменитый Штраусъ (настоящій Штраусъ), во время пребыванія своего въ Лондонѣ, въ одно утро занимался въ своемъ кабинетѣ составленіемъ программы концерта на тотъ вечеръ, какъ вдругъ входитъ къ нему какой то незнакомецъ, довольно просто одѣтый и державшій за руку маленькую блѣдную дѣвочку, лѣтъ десяти или двѣнадцати.

«Съ т-г Штраусомъ имѣю я честь говорить?» «Точно такъ, сударь. Чтѣ вамъ угодно?» Я пришелъ просить васъ дозволить моей дочери играть въ сегодняшнемъ вашемъ концертѣ». «Невозможно, сударь, моя программа совершенно готова.» Незнакомецъ, не говоря ни слова болѣе, беретъ скрипку Штрауса, подаетъ ее своей дочери, и та, не настроивъ скрипки, начинаетъ играть. Штраусъ вѣ себя отъ изумленія. Когда ребенокъ кончилъ, Штраусъ вскричалъ съ энтузіазмомъ: «Да, вы можете играть сегодня въ моемъ концертѣ, вы будете играть въ нихъ всегда, когда только захотите! Какъ ваше имя, любезное дитя?» «Тереза Миланоло», отвѣчаетъ она въ полголоса.

Охотникъ за львами. Въ одной французской газетѣ напечатано слѣдующее весьма интересное письмо одного охотника за львами въ Алжирѣ.

Гхельма 14-го сентября 1846.

Мучившая меня лихорадка и экспедиція на югъ, мѣшали мнѣ до сего дня поохотиться за львами. Однако же 18-го мая, красный левъ пробѣжалъ экспедиціонную колонну близъ Ухдъ-Мелаха, въ странѣ Кессены; я пустился по его слѣдамъ, постигъ и ранилъ смертельно. Черезъ три дня послѣ того, коршуны питались уже его трупомъ. По возвращеніи моемъ изъ колонны, мнѣ принесено было много жалобъ жителями Мах-Унака на чернаго льва, который едва не сожралъ двухъ туземцевъ. Это несчастные спаслись только благодаря случившемуся вблизи дереву. Все еще больной, и зная, какъ чистъ воздухъ Махъ-Унака, я просилъ и получилъ дозволеніе отправиться поискать облегченія своей болѣзни въ Мах-Унакѣ. Я былъ въ странѣ Улед-Халена, гдѣ 13 августа, ночью, убилъ страшилище пустыни. Тамъ явился ко мнѣ Лакбаръ-бн-Хаджи, изъ страны Булерберга. «Здравствуй господинъ левовъ!» сказалъ онъ мнѣ. «Узнавши, что ты здѣсь, я пришелъ къ тебѣ. Съ прошедшей зимы, ты забылъ своихъ друзей изъ Мах-Унака, а съ того времени левъ, посѣдѣвшій отъ старости, пожралъ, какъ у меня, такъ и у хромаго моего брата, сорокъ пять барановъ, одного жеребенка и двадцать девять быковъ.

Мы почти совершенно разорены; мы не можемъ вкусить покоя ночью; днемъ мы не осмѣливаемся болѣе сойти къ рѣкѣ. Абдалла, пѣвецъ и Махамедъ-Бенъ-Измаилъ были бы пожраны пль безъ помощи Бога и оливковаго дерева. Видишь ли, братъ мой, мы думаемъ, что этотъ левъ явился съ юга, гдѣ онъ былъ, какъ и мы сами, обмануть злыми, которые говорили: Жераръ умеръ! Я говорилъ, и наши ученые горъ тоже говорили: музульмане никогда не убьютъ нашего друга, потому что Богъ покровительствуетъ ему; но левъ, который самъ зомъ, повѣрилъ злымъ и пришолъ къ твоимъ друзьямъ, чтобы расхищать ихъ стада и метить за смерть своихъ братьевъ. Мы знаемъ, что ты болѣнъ и что ты пришелъ къ намъ не охотиться; но мы знаемъ также, что сила твоя у тебя не въ рукахъ и не въ ногахъ, какъ у насъ, а въ твоемъ стальномъ сердцѣ. Мы падѣмся, что ты услышишь насъ и что съ тобою миръ водворится у насъ. Твоя лошадь не будетъ ѣсть ничего, кромѣ ячменя и фигъ, не будетъ пить ничего, кромѣ молока, ты, братъ мой, однимъ присутствіемъ у насъ прогонишь нашего общаго врага; а если онъ не захочетъ узнать тебя и ты рѣшишься убить его, тебѣ это будетъ легко, такъ сказали марабу и наши ученые. Я ухожу, я иду разослать коверъ подъ большимъ фиговымъ деревомъ, гдѣ ты обыкновенно любишь отдыхать, и сегодня вечеромъ, когда подуетъ вѣтерокъ, мы ожидаемъ тебя. Прости, да будетъ миръ съ тобою!» Я въ тотъ же вечеръ отправился къ Лакдару и Прожилъ тамъ нѣсколько дней, не встрѣтивъ нигдѣ льва. 25-го, вечеромъ Лакдаръ, сказалъ мнѣ: «Въ моемъ стадѣ не достаетъ чернаго быка! Левъ воротился; завтра утромъ я пойду искать трупъ быка, и если я найду его, горе льву!» На другой день только что взошло солнце, Лакдаръ воротился. Проснувшись я увидѣлъ его неподвижно сидящаго возлѣ меня на пяткахъ. Лицо его свѣтилось радостью, бурнусъ былъ замоченъ росой, собаки, лежавшія у него въ ногахъ, были все въ грязи, потому что ночью шелъ дождь. «Здравствуй» братъ мой сказалъ онъ мнѣ: «я пашель, пойдемъ.» Не спрашивая его ни объ чемъ, я пошелъ за нимъ. Пройдя большой лѣсъ дикихъ оливъ, мы сошли въ оврагъ, гдѣ взгроможденные одинъ на другой огромные камни и чрезвычайно густой кустарникъ очень затрудняли проходъ. Придя въ самую чашу, мы увидѣли трупъ быка. Грудь и окорока были съѣдены, прочее все еще цѣло. Я сказалъ Лакдару: «принеси мнѣ тотчасъ же хлѣба и воды, и чтобы никто до завтра не приходилъ сюда.» — Когда онъ принесъ мнѣ мой обѣдъ, я помѣстился подъ дикимъ оливковымъ деревомъ, въ трехъ шагахъ отъ трупа. Я отрѣзалъ нѣсколько вѣтвей, чтобы прикрыть себя сзади, и ждалъ. Я ждалъ довольно долго; около восьми часовъ вечера слабые лучи заходящей на горизонтѣ молодой луны едва освѣщали уголокъ земли, гдѣ должна была происходить прекрасная сцена. Я стоялъ опершись на дерево, и

не въ состояніи будучи различать другихъ предметовъ, кромѣ тѣхъ, которые были прямо у меня передъ глазами, только при-слушивался. Вдругъ вдали раздался трескъ вѣтвей. Я припод-нялся и принялъ спокойное оборонительное положеніе. Опершись локтемъ на лѣвое колено, ружье у плеча, палецъ на куркѣ, я ждалъ съ минуту, ничего не слыша болѣе. Наконецъ глухое рычаніе послышалось шагахъ въ тридцати отъ меня, и мало по малу приближалось. За рычаніемъ послѣдовало гортанное ворчанье, что у льва означаетъ голодь; потомъ животное замолкло, и я примѣтилъ его только тогда, когда огромная голова его была уже на плечахъ быка. Онъ начинаетъ лизать трущъ, какъ вдругъ пуля моя поражаетъ его въ голову, на вершокъ отъ лѣваго глаза. Онъ зарычалъ, поднялся на заднія лапы, и вторая пуля повалила его на мѣстѣ. Раненный этой второю пулею въ грудь, онъ упалъ на спину и потрясалъ только своими огромными лапами. Зарядивъ снова ружье, я подошелъ къ нему, и видя, что онъ почти пдохъ, хотѣлъ воткнуть ему въ сердце кинжалъ. Но невольнымъ движеніемъ, онъ отразилъ ударъ, и лапою переломилъ кинжалъ. Я отскочилъ назадъ, и видя, что онъ приподнялъ свою голову, я послалъ въ него еще двѣ пули, которыя и докончили его совершенно. Безполезно рассказывать вамъ и благодарности и удовольствіе Арабовъ этой страны; письмо мое, я думаю, и безъ того уже черезъ-чуръ длинно.

«Жюль Жераръ,»

Квартирмейстеръ 6-го эскадрона 3-го полка спаговъ.

Зрѣлище воздушнаго путешествія интересуеъ толпу гораздо болѣе, чѣмъ какое нибудь сценическое представленіе, и это очень понятно, потому что тутъ не иллюзія, а дѣйствительность, и что тутъ дѣло идетъ о жизни играющаго актера. Недавно городъ Триестъ былъ свидѣтелемъ подобнаго зрѣлища, которое не сдѣ-далось трагическимъ, только благодаря неслыханной твердости руки актера, игравшаго въ немъ главную роль. Два раза воз-душное путешествіе воздухоплавателя г-на Арбана было отла-гаемо по причинѣ дурной погоды. Наконецъ, 8-го сентября пу-блика собралась въ третій разъ; но и въ этотъ разъ оказалось препятствіе: аппаратъ, наполняющій шаръ газомъ, не могъ до-ставить надлежащее количество онаго, чтобы поднять шаръ и укрѣпленную лодку. Что же сдѣлалъ г. Арбанъ? Онъ рѣшился

подняться на воздухъ безъ лодки, сидя, просто, на веревкахъ и держась за нихъ руками. Шаръ сначала поднялся на высоту тысячи футовъ и направился къ горамъ Корси; но, поднявшись еще выше, онъ перемѣнилъ направленіе, и полетѣлъ къ Триестскому-заливу. Долгое время отчаявался видѣть въ живыхъ безразсуднаго аэронавта, который, сидя съ повисшими ногами, съ поднятыми вверхъ руками, легко одѣтый и безъ перчатокъ, подвергался опасности испытать, какъ будетъ останавливаться обращеніе крови въ его жилахъ, и потомъ полетѣть внизъ, въ слѣдствіе головокруженія, или замерзнуть отъ страшнаго холода, царствующаго въ возвышенныхъ странахъ атмосферы. Прошла ночь, а объ немъ не было еще никакого извѣстія, не смотря на то, что множество барокъ отправлено было въ заливъ на поиски. Наконецъ, 9-го сентября, въ 5-ть часовъ утра, судно Санъ-Винченцо, шкиперъ Франчески Сальванья, привезло г-на Арбана и его шаръ. Сальваньо и сынъ его объявили, что, выйдя изъ Гюгги, чтобы отправиться на рыбную ловлю въ воды Грао, они встрѣтили г. Арбана, плавающаго по поясъ въ морѣ и поддерживаемаго на водѣ его шаромъ. Эти честные моряки поспѣшили къ нему на помощь, и не безъ опасности для самихъ себя, успѣли спасти его вечеромъ около трехъ четвертей одиннадцатаго. Безразсудный аэронавтъ упалъ въ море около половины восьмага, и слѣдовательно, оставался болѣе трехъ часовъ въ этомъ опасномъ положеніи.

Въ одномъ французскомъ журналѣ разсказываютъ слѣдующій интересный анекдотъ о знаменитомъ актерѣ Манжо (Menjaud).

«Это было въ ту эпоху, когда превосходный артистъ дебютировалъ въ «Одеонѣ». Передъ появленіемъ на сцену онъ ужасно трусилъ; извѣстно, что эта слабость не покидала его и во все продолженіе его карьеры. Въ это время, партеръ Одеона, нисколько незаботившійся узнать личный характеръ артиста, часто встрѣчалъ Манжо громкимъ свистомъ, не разчитывая того, что, дѣйствуя такимъ жестокимъ образомъ, онъ еще болѣе увеличиваетъ трудности, съ которыми предстояло бороться артисту, и что за какой нибудь ничтожный недостатокъ, онъ безжалостно закрываетъ ему путь, въ концѣ котораго всякаго неутомимаго труженника ожидаетъ слава. Разъ вечеромъ, отправляясь въ театръ, Манжо встрѣтилъ на площади Одеона, почти у самыхъ дверей театра, одного изъ старыхъ своихъ товарищей по школѣ, съ ко-

торымъ не видался уже лѣтъ десять. Друзья разговорились о своемъ взаимномъ положеніи. Я запряталъ себя вонъ въ эту галеру», сказалъ Манжо, указывая на театръ.—«А я занимаюсь торговлею, отвѣчалъ другой: но боюсь, что скоро буду долженъ бросить ее. — Какъ такъ? — Да такъ, послѣ всѣхъ моихъ трудовъ, стараній, лишеній, если я къ завтраму жѣ не достану тысячи пяти-сотъ франковъ, то долженъ буду объявить себя банкротомъ. — Ничуть не бывало, вскричалъ Манжо, шаря въ боковомъ карманѣ своего сюртука. Спасибо случаю, устроившему нашу встрѣчу; я нынче же утромъ получилъ двѣ тысячи франковъ по наследству отъ одного родственника, вотъ они, возьми, уплати твой долгъ, и съ Богомъ продолжай торговлю. Друзья пожали руки, не говоря болѣе ни слова, и разстались. Но на слѣдующій же день, благодаря благородной нескромности купца, полъ Парижа узнало о прекрасномъ поступкѣ артиста, и въ тотъ же вечеръ появленіе Манжо на сцену было встрѣчено громкими рукоплесканіями и криками браво! Съ того времени довѣренность къ самому себѣ оживила артиста, онъ чувствовалъ, что его сллы развились какъ бы сами собою; черезъ годъ онъ явился во Французскомъ-Театрѣ, и всѣмъ извѣстно, съ какою славою онъ протекалъ тамъ свое двадцатилѣтнее поприще.

Артистъ, отличающійся сколько высокимъ талантомъ, столько и безкорыстіемъ огласилъ публично новый проектъ, чрезвычайно заинтересовавшій всѣхъ музыкантовъ. Онъ предполагаетъ выстроить обширную концертную залу между двухъ береговъ Сены, противъ Луврской Колоннады, возлѣ церкви St.-Germain l'Auxerois. Вотъ что говоритъ между прочимъ объ этомъ М. Г. Берлиозъ въ одномъ изъ послѣднихъ фельетоновъ Journal des Debats: Проектируемая зала будетъ имѣть форму эллиптическую, какъ самую удобную для соединенія трехъ слѣдующихъ эффектовъ, необходимыхъ для концертной залы: 1) чистѣйшаго отраженія звука; 2) сосредоченнаго освѣщенія, вмѣсто раздѣленнаго; 3) возможности, посредствомъ особаго механизма, сохраняя ту же форму залы, уменьшать и увеличивать ея пространство, смотря по надобности въ помѣщеніи и по числу оркестра. Въ этой залѣ будетъ помѣщаться до 6000 человѣкъ, но посредствомъ сказаннаго механизма ее можно будетъ уменьшать и до помѣстительности только на 600 человѣкъ. Такимъ же образомъ и оркестръ можетъ пред-

ставлять пространство и на 1200 человекъ исполнителей, и только на 200. Я не думаю, чтобы вопросъ этотъ до сихъ поръ былъ къмъ нибудь тщательно изучаемъ, какъ изучилъ его г. Бартеми, и потому этотъ сколько талантливый, столько же и скромный артистъ, вполне заслуживаетъ благородность и энергическое содѣйствіе всѣхъ истинныхъ любителей музыки, потому что, благодаря ему, столица Франціи не будетъ лишена настоящей концертной залы, и большія музыкальныя общества будутъ, наконецъ, имѣть приличную залу для торжественныхъ своихъ собраний.

Ивановъ, сдѣлавшійся однимъ изъ лучшихъ теноровъ Италии, на зимній сезонъ ангажированъ въ Триестъ, а на весну въ Вѣну.

Маэстро Габусси, авторъ прелестныхъ піесъ, съ такимъ успѣхомъ поющихъ въ парижскихъ салонахъ, и оперы Гервани, которая въ нынѣшній сезонъ дана была и у насъ въ Петербургѣ, скончался въ Лондонѣ.

Одна изъ самыхъ граціозныхъ артистокъ какого-то парижскаго театра жила прошедшимъ лѣтомъ на дачѣ въ окрестностяхъ Парижа. Разумѣется у этой артистки былъ цѣлый полкъ обожателей, потому что у какой артистки-красавицы не бываетъ ихъ. Въ числѣ этихъ обожателей былъ и виконтъ Р. Виконтъ, какъ казалось, былъ влюбленъ искренно и не смотря на явный неуспѣхъ, не переставалъ преслѣдовать предметъ своей страсти. Каждый Божій день онъ отправлялся изъ Парижа бродить и вздыхать около дачи жестокой красавицы. Онъ такъ похудѣлъ отъ этихъ вздоховъ, что друзья съ трудомъ узнавали его; костюмъ его былъ въ ужасномъ безпорядкѣ, такъ, что портной его покрасилъ бы, встрѣтивъ его въ подобномъ неглиже. Разъ, вечер-

комъ, по дорогѣ отъ Парижа, довольно растрепанный незнакомецъ, съ открытой головою и держа шляпу въ рукахъ шелъ возлѣ дамы, какъ казалось торопившейся куда то. — Выслушайте меня, сударыня, говорилъ онъ этой дамѣ, сжаьтесь надъ моими мученіями. Моя любовь, мое состояніе, моя будущность — все, все ваше. — Оставьте меня, сударь, отвѣчала дама, нечувствительная къ этимъ мольбамъ, и ускоряла шагъ; а онъ не отставалъ отъ нея, продолжая умолять и вздыхать. Надобно сказать, что въ это время парижская полиція строго принялась преслѣдовать и искоренять нищество. — Вдругъ дама видитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя одного изъ полицейскихъ агентовъ, и тотчасъ же въ головѣ ея блеснула идея сыграть штуку съ своимъ неотвязнымъ обожателемъ: она вынимаетъ изъ кошелька нѣсколько мелкихъ монетъ и бросаетъ ихъ въ шляпу шедшаго съ нею господина, которую тотъ все еще держалъ въ рукахъ. Въ ту же минуту сержантъ, уже давно слѣдившій подозрительнымъ окомъ за этою сценою, подбѣгаетъ и арестуетъ господина съ шляпою въ рукахъ. Покуда тотъ не успѣлъ еще опомниться отъ изумленія, дама поспѣшно удаляется. Сержантъ рѣшительно не принимаетъ никакихъ объясненій и отводитъ арестованнаго имъ къ комиссару, гдѣ, разумѣется, дѣло объяснилось и арестантъ получилъ свободу. Незнакомецъ этотъ былъ виконтъ Р, а милосердная дама г-жа М**, вышеупомянутая граціозная артистка.

Въ Руанскомъ театрѣ случилось недавно слѣдующее происшествіе: солдатъ, стоявшій на караулѣ, услыжавъ бой часовъ, вообразилъ, что это сигнальный знакъ, установленный на случай пожара въ театрѣ, и принялся кричать въ кулисахъ, что на сценѣ пожаръ. — Разумѣется, все взволновалось, зрители и артисты бывшіе на сценѣ, вообразили, что горитъ за кулисами; одинъ изъ послѣднихъ до того перепугался, что упалъ въ обморокъ; а тѣ, которые были за кулисами, думали, что горитъ на сценѣ. Зрители бросились къ выходамъ, и смятеніе съ минуты на минуту возрастало. По счастью, скоро успѣли узнать ошибку, и публика мало по малу успокоилась, заняла свои мѣста, и спектакль кончился благополучно.

Презымайнo дорогой урокъ англійскаго языка. Андре Гофманъ, артистъ театра Variété, игралъ съ большимъ успѣхомъ гостинныя роли въ Гаврѣ. Въ особенности нравился онъ въ роляхъ Англичанъ.

Недавно Гофманъ, играя такую роль въ пьесѣ «les Trois Dimanches», произвелъ такое впечатлѣніе на одного Англичанина, сидѣвшаго въ оркестрѣ, что тотъ при каждомъ, произнесенномъ актеромъ словѣ, почти во все горло кричалъ: «ho! wery well!» и по окончаніи пьесы послалъ просить у Гофмана позволенія войти къ нему въ уборную, для принесенія своихъ комплиментовъ. Гофману, разумѣется, чрезвычайно лестно было такое одобреніе, и онъ приказалъ просить Англичанина.

Послѣ первыхъ привѣтствій и самыхъ лестныхъ комплиментовъ, милордъ позволилъ себѣ однако сдѣлать артисту нѣкоторыя замѣчанія, прибавя къ тому нѣсколько примѣровъ произношенія и манеры держать себя, какъ должно настоящему Англичанину; послѣ чего Гофманъ распрощался съ милордомъ, изъявивъ ему живѣйшую свою благодарность за его комплименты и замѣчанія, и отправился играть въ другой пьесѣ. Одѣваясь, по окончаніи спектакля, чтобы ѣхать домой, Гофманъ вдругъ замѣтилъ, что у него украли золотыя часы и кошелекъ съ 50-ю франками. Никто, кромѣ Англичанина, не входилъ къ нему въ уборную. Гофманъ поспѣшилъ въ гостиницу, въ которой будто бы, по словамъ самого милорда, тотъ остановился. Тамъ и не слышали ни про какого Англичанина. Неизвѣстно, дѣйствительно ли это былъ лондонскій, или просто, ловкій парижскій мошенникъ!

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ парижской газеты «Revue et Gazette Musicale», пишутъ, что будто бы извѣстный нашъ композиторъ г. А. Львовъ написалъ новую оперу: *Ундина*.

Изъ Берлина пишутъ: «Прибытіе сюда г-жи Полины Віардо-Гарсія доставитъ намъ случай восхищаться этою великою артисткою въ шести спектакляхъ здѣшней итальянской оперы. Голосъ ея въ настоящее время чище и звучнѣе, нежели когда либо. Намъ

общають: Sonnambula, Otello, il Barbiere di Siviglia. Madame Viардо проведетъ мѣсяцъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, потомъ возвратится въ Берлинъ на два мѣсяца, и будетъ пѣть въ королевской нѣмецкой оперѣ: Ифигенію Глюка, Силезскій-лагерь Мейербера, Севильскаго цирюльника, Фиделію, Бетговена. На эти оперы мѣста всѣ уже абонированы по двойной цѣнѣ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОШИСЬ.

ОКТАБРЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

Первое представеніе пьесы (драмы) от *de Jourdan* "Deux
postes. (Два Пусмант и мандельобальмангел), комедія въ пяти
дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, въ городѣ Севилья. Театръ
представляетъ городскую площадь. Одна изъ дамъ, члена одиого аль-
када Севильянаго, будучи еще въ дѣвцѣхъ, была обьявлена и
поняута въкоторымъ домомъ Гусманомъ, котораго она не выдала
съ тѣхъ поръ три года. Пакига, ея служанка, любитъ одиого
негодяя, по имени Спаньро, пропащаго также безъ вѣсти; дама
Лена груститъ; но Шалла, также сердце своего любовника, не
смиряется, что онъ рано или поздно возвратится къ ней. Чи-
дѣйствительно, онъ вѣкоръ поивляется опять, веселый, влюблен-
ный и поющій. Здѣсь происходитъ сцена пѣжакостей и обьясненій
между двумя любовниками. Служанка признается, что умеленный
блестящю шарманщикомъ одиого испанскаго короля, онъ об-

путествовалъ ему въ его путешествіяхъ, и всегда готовый возвратиться къ Пакитѣ, объѣхалъ всю Европу, и самъ того не замѣчая. Онъ описываетъ господина своего донъ Гусмана, какъ знатнаго барина, пламеннаго, разгульнаго и вѣтреннаго, противъ собственной своей воли; ибо для него донъ Гусманъ кажется честнымъ человѣкомъ, котораго единственный недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ часто влюбляется; а измѣны его должно приписать невольнымъ ошибкамъ заблуждающагося сердца. Приходитъ донъ Гусманъ; онъ скучаетъ въ Севиллѣ и ищетъ любовныхъ приключеній. Въ глубинѣ сцены проходитъ донна Лена, сопровождаемая своею старою нянею. Гусманъ, взглянувъ на нее мимоходомъ, находитъ ее дребезжющею и не узнаетъ ее; онъ хочетъ знать, кто она такая, утверждая, что это та самая женщина, о которой онъ всегда мечталъ. Донна Лена возвращается, и они узнаютъ другъ друга; но потомъ Гусманъ притворяется, что онъ ошибся, и удаляется къ величайшему удивленію донны Лены. Онъ подходитъ къ нянѣ, подкупаетъ ее и заставляетъ говорить. Онъ узнаетъ отъ нея, что Лена не любитъ своего мужа, но однако жъ вѣрна ему и не согласилась на предложенія трехъ богатыхъ господъ, которые цѣлый годъ волоклись за нею; кромѣ того онъ узнаетъ, что алькадь имѣетъ брата, женатаго, но бездѣтнаго, живущаго довольно далеко отъ города Севиллы, и съ которымъ онъ съ давняго времени находится въ ссорѣ. Уходя, няня вынимаетъ изъ кармана письмо, которое ея госпожа велѣла ей отнести къ одному монаху, чтобы онъ помогъ ей молитвами своими избавиться отъ искушеній любви и воспоминаній о своемъ любовникѣ, тревожащихъ ее. Гусманъ беретъ письмо и вызывается самъ доставить его по адресу. Спадылла, угадывающій его намѣреніе, начинаетъ ревновать. Онъ опасается, чтобы донъ Гусманъ, увидѣвъ его любовницу, не полюбилъ ее, а потому онъ и рѣшается наблюдать за нимъ.

Дѣйствіе второе. Та же самая декорация. — Намѣреніе донъ Гусмана слѣдующее: перерядившись монахомъ, придти къ алькаду, объявить ему о внезапной кончинѣ его брата, заставить его этимъ извѣстіемъ покинуть на время жену, и военнополовавшихъ его отсутствиемъ, похитить ее. Ибо для него обольстить Лену замужнюю, обманувъ ее молодою дѣвцею, будетъ новою забавою и новою побѣдою. Алькадь вдается въ обманъ; онъ уходитъ и донъ Гусманъ проникаетъ въ его домъ, къ великой досадѣ Спадыллы, который, оставшись на крыльцѣ, начинаетъ находить поведение своего господина довольно предосуди-

тельнымъ. Ревность возбуждается въ немъ; но Пакиа скоро приходитъ успокоить его; впрочемъ сначала, для забавы, раздраживъ его подозрѣнія. Кинола, альгвазилъ, порядочный мошенникъ, другъ Спадиллы, узнаеть Гусмана подъ рясою монаха. Чтобы разрушить его замѣренія и въ то же самое время услужить алькаду, онъ убѣдомляетъ дона Пеца, одного изъ обожателей донны Лены, обо всѣхъ этихъ штукахъ. Последний рассказываетъ объ этомъ Фернанду и Матадосу, своимъ двумъ соперникамъ, и эти трое молодыхъ людей начинаютъ стараться общими силами, объ удаленіи дона Гусмана.

Дѣйствіе третіе. Таже самая декорация — Донъ Гусманъ приходитъ къ донѣ Ленѣ. Донъ Фернандъ загоразиваетъ ему дорогу и вызываетъ его на дуэль, которая назначается на слѣдующій день. По уходѣ дона Фернанда, донъ Пецъ выступаетъ на встрѣчу Гусману и также вызываетъ его на дуэль въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ. Наконецъ, донъ Матадосъ выходитъ на сцену третій, и такъ надменно хватаетъ, что Гусманъ обнажаетъ шпагу и тотчасъ же даетъ ему урокъ. Избавившись на время отъ союза трехъ соперниковъ, онъ хочетъ войти въ комнаты Алькада, какъ, пораженный появленіемъ Пакиа остается на сценѣ. Тутъ происходитъ любовная сцена, въ которой Пакиа, увѣренная въ любви къ ней Спадиллы, насмѣхается надъ Гусманомъ, обращаетъ его въ бѣгство и сама убѣгаетъ отъ него со смѣхомъ. Гусманъ, удивленный и обиженный этимъ неожиданнымъ сопротивленіемъ, рассказываетъ все Спадиллѣ, говоря что онъ непременно покажетъ Пакиту за ея отказъ. Спадилла признается ему въ своей любви и проситъ его отстать отъ его возлюбленной; но Гусманъ не соглашается. Онъ отвергаетъ всякую любовь вообще, и въ особенности любовь Пакиа; открываетъ удивленному Спадиллѣ, что онъ заимается для забавы обольщеніемъ женщинъ и берется вывести его изъ заблужденія, показавъ ему сегодня вечеромъ Пакиту вѣкорною и побѣжденною. Спадилла напрасно противится ему и наконецъ, притворяется, что соглашается на опытъ дона Гусмана; но послѣ его ухода клянется отомстить безчувственному человѣку, обманывавшему его два года, и который, чтобы наградить его за услуги, хочетъ лишить его самыхъ прелестныхъ его надеждъ, и даже самаго сердца возлюбленной его Пакиа.

Дѣйствіе четвертое. Театръ представляетъ улицу. — Въ глубинѣ сцены видна стѣна, за которою находится садъ алькада. Ночь. — Пакиа, думающая, что Спадилла хочетъ дѣйствительно испытать

ее (она слышала окончаніе сцены третьяго дѣйствія), общается наказаніе его за сомнѣніе; а Гусмана за его хвастовство; она вручаетъ вѣли отвѣтъ на письмо, присланное къ ней Гусманомъ, который, обрадовавшись, показываетъ эту записку отчаянному Спадиллѣ. По условному сигналу появляется на сцену женщина, покрытая вуалемъ. Спадилла, принявши ее за Пакиту, клянется отмстить ей, и въ бѣшенствѣ удаляется. Гусманъ раздѣляетъ его обманъ; но въ ту минуту, какъ онъ полагаетъ обольстить Пакиту, Лена сбрасываетъ съ себя вуаль и отталкиваетъ его. Но онъ, не теряя присутствія духа, старается придать двойной смыслъ словамъ своимъ, и такъ хорошо уговариваетъ Лену, что она начинаетъ смягчаться и вѣрить словамъ его; но Пакита, подслушавшая ихъ разговоръ, подаетъ сигналъ, въ свою очередь показывается, и Лена покидаетъ съ презрѣніемъ Гусмана, который въ бѣшенствѣ и утѣшаетъ себя съ начала тѣмъ, что у него, по крайней мѣрѣ, осталась Пакита. Она приказываетъ ему войти въ садъ и дожидаться ее въ бесѣдкѣ. Въ это время приходитъ самъ алькадъ, встрѣтивши брата своего на дорогѣ; брата, про котораго сказали ему, что онъ умеръ; и который спѣшилъ къ нему, чтобы объявить, что жена его родила сына. Алькадъ бѣсится, видя себя обманутымъ; услышавъ шумъ въ саду въ бесѣдкѣ, и видя калитку сада отворенною; онъ запираетъ ее и идетъ позвать альгвазиловъ (полицейскихъ). Гусманъ переживаетъ черезъ заборъ и клянется отомстить за шутку, которую съ нимъ сыграли. Спадилла видитъ его убѣгающаго, и вскорѣ потомъ встрѣчается съ Пакитою, которая, позабавившись надъ его досадою, объясняетъ ему свою невѣрность и вступку, сыгранную ею съ дономъ Гусманомъ, который въ одинъ разъ получилъ отказъ отъ нея и отъ доны Лены. Но Спадилла кажется, что это наказаніе еще недостаточно. Онъ хочетъ дать дому Гусману публичный урокъ; замѣтивъ на землѣ плащъ двна Гусмана; потеревши имъ при побѣгѣ, онъ бросаетъ его въ садъ, и отдаетъ въ руки алькаду, который приходитъ съ полицейскими искать обольстителя. Послѣ допроса, въ продолженіе котораго онъ забавляется смущеніемъ и изумленіемъ бѣднаго алькада, думающаго, что жена обманываетъ его, онъ обѣщаетъ завтра предать въ его руки виновника всего этого шума и хлопотъ, и уходитъ, назначивъ ему свиданіе въ гостиницѣ Солнца.

Дѣйствіе пятые. Комната въ гостиницѣ Солнца. — Гусманъ сидитъ одинъ запершись, съ яростью и обмѣнами въ свѣрдѣ. Входятъ Спадилла, открываетъ ему часть тайны и фактами доказы-

васть, что теорія его нехороша; ибо въ эту ночь онъ безпре-
станно имѣлъ неудачи. Гусманъ возбъщенный, угрожаетъ ему до-
дѣлать фронтъ; но Спиддла говоритъ, что, дравшись за него три
раза сегодня утромъ, онъ, кажется, имѣетъ право сдѣлать ему
нѣкоторыя наставленія. Онъ старается всячески образумить его;
но видя, что все тщетно, грозитъ ему сдѣлать изъ него посмѣ-
шдше публики; Гусманъ бьется съ нимъ объ закладъ, что ему
не удастся этого сдѣлать. Спиддла отворяетъ тогда дверь въ
комнату и выпускаетъ трехъ молодыхъ господъ, обожателей Ле-
ны, сопровождаемыхъ алькадомъ, инсаремъ альгвазидами и слу-
гами. Гусману дѣлають форменный депросъ; плащъ его, найден-
ный въ саду, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ; а пото-
му съ нимъ поступить на законномъ основаніи, какъ съ воромъ
или съ оболъетителемъ, злоумышленно ночью перелѣзшимъ на
чужой дворъ, то есть повѣсять, ибо, кромѣ того свидѣтели ви-
дѣли, какъ онъ убѣжалъ изъ бесѣдки, и съ кѣмъ же онъ былъ
тамъ? съ доною Леною? — Нѣтъ! — Съ Пакиною? — Также нѣтъ! —
Входитъ старая няня и говоритъ: «Со мною, сударь! Гусманъ
хотѣлъ оцозорить меня; но я отбилась отъ него и осталась
чистою и непорочною; я требую, чтобы виновный торжественно
провозгласилъ мою невинность». Гусманъ даетъ требуемую отъ
него клятву, посреди всеобщаго смѣха; за эту клятвою слѣ-
дуетъ шуточный приговоръ алькада, который прощаетъ его съ
тѣмъ условіемъ, что онъ впередъ не будетъ дѣлать такихъ про-
казъ.

Авторъ этой пьесы господинъ Адрианъ Курсель. Публика поня-
ла, что это произведеніе молодаго человѣка и одобрила его. Это
же самый писатель доставилъ Французскому Театру пьесу: *Ve-
черъ въ Бастиліи*.

Первое представленіе пьесы: LA NOUVELLE PELOISE. (Новая Элоп-
за), драма въ трехъ дѣйствіяхъ. На парижскомъ Водевильномъ
Театрѣ.

Первое дѣйствіе. Театръ представляетъ залу. — Сенъ-Пре съ
давняго времени даетъ уроки на фортепіано дѣвцѣ Юліи д'Этанжъ,
влюбляется въ нее и успѣваетъ приобрести взаимность. Но отецъ
молодой дѣвцы съ негодованіемъ отвергаетъ эту любовь. Просто-
людинъ никогда не можетъ быть его зятемъ, и впрочемъ, онъ сего-
дня же ожидаетъ лучшаго друга своего, господина Вольмара, чтобы
отдать ему руку своей дочери. Баронъ застасть Сенъ-Пре на ко-
льцахъ передъ своею дочерью и прогоняетъ его постыднымъ

образомъ. Сень-Пре пользуется ночью и бурей, чтобы тайно пробраться въ спальню своей возлюбленной.

Дѣйствіе второе. Театръ представляетъ садъ. — Отнынѣ Юлія не можетъ никому принадлежать, кромѣ Сень-Пре. Священные узы соединяють ее съ любовникомъ. Тщетно она умоляетъ своего отца сжалиться надъ нею. Черезъ часъ она будетъ госпожею Вольмаръ. Сень-Пре надѣется, съ помощію лорда Эдварда, воспрепятствовать этому браку и увезти Юлію. Но вскорѣ колоколъ церкви возвѣщаетъ, что бракъ свершился.

Третье дѣйствіе. Театръ представляетъ горы и утесы. — Сень-Пре, преслѣдуемый воспоминаніемъ о своей возлюбленной, приходитъ въ эти горы, чтобы повидаться съ нею. Юлія приходитъ, задумчивая и печальная, ведя за руку маленькаго сына своего. Вдругъ этотъ ребенокъ, котораго она оставила на минуту, падаетъ въ воду. Сень-Пре бросается за нимъ и спасаетъ его. Юлія, пораженная этимъ происшествіемъ, сходитъ съ ума. Но видъ спасеннаго ребенка ея, возвращаетъ ей разсудокъ, послѣ чего она умираетъ. Сень-Пре вмѣстѣ съ сыномъ ея, покидаетъ мѣста, напоминающія ему такіа ужасныя происшествія.

Піеса эта, сочиненіе г. Мишеля Делапорта, имѣла успѣхъ.

ОЛИМПІЙСКІЙ ЦИРКЪ.

ГЕНРИХЪ IV, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 16-ти картинахъ, съ прологомъ.

Прологъ. Вся Наварра въ ожиданіи великаго приключенія: Жанна д'Албре, которая скоро сдѣлается матерью, подаритъ ли наследника трону, или судьба назначитъ ему перейти въ руки принцессы? Въ этомъ послѣднемъ предположеніи, Генрихъ д'Албре, отецъ Жанны, чрезвычайно опасался за будущіе королевства, потому что рука женщины не способна была бы отвратить тысячи опасностей, угрожавшихъ ему извнѣ, и рано ли, поздно ли, кончилось бы тѣмъ, что Испанія водворила бы въ немъ свое владычество. Но небо исполнило желанія Наваррцевъ: Жанна д'Албре

привзвела на свѣтъ принца, котораго дѣдушка и представляетъ народу при всеобщихъ крикахъ восторга.

Дѣйствіе I. Картина 1. — Лѣсъ. — Принцъ Наваррскій на охотѣ. Луиза, дочь графа д'Арнеги, жалуется на его неспособность, и даетъ понять о своемъ проступкѣ, несчастныя послѣдствія котораго она скоро будетъ не въ состояніи долѣе скрывать. Генрихъ возвращается съ охотниками, посылаетъ ихъ обѣдать въ замокъ, а самъ раздѣляетъ кусокъ ржанаго хлѣба съ молочнымъ братомъ своимъ Канигу. Упреки Луизы Генриху, который отвѣчаетъ ей ласками и разувѣряетъ ее: онъ любитъ и будетъ вѣчно любить ее. Возвѣщаютъ прибытіе Маріа де-Медичи, явившейся звать Генриха къ французскому двору. Легучему эскадрону поручено соблазнить его и заставить позабыть свою наваррскую любовь; М-ше де-Совъ (Sauve) съ отличнымъ успѣхомъ исполняетъ порученіе, и Канигу извѣщаетъ принца, что Луиза д'Арнеги окончила жизнь въ волнахъ Гавы (Gave); отчаяніе принца.

Картина 2-я. — Лувръ. — Женщина, закутанная вуалью, трѣбуетъ секретнаго свиданія у матери Генриха. Эта женщина никто иная, какъ Луиза д'Арнеги, которая, видя себя на пѣкѣ обезчещенною, рѣшилась выдать себя за утопшюю; но ребенокъ, носимый ею подъ сердцемъ, налагалъ на нее обязанность жить, и съ этихъ поръ она будетъ ангеломъ хранителемъ Генриха. Она открываетъ Жаннѣ д'Албре западню, въ которую вовлекла Екатерина де-Медичи Наваррскаго принца: бракъ его съ Маргаритою де-Валуа ничто иное, какъ предлогъ къ измѣнѣ. Жанна д'Албре, оставшись на-единѣ съ Карломъ IX и Екатериною, допускаетъ разувѣрить себя ложными знаками дружбы. Однакожъ Екатерина показалось, что Жанна приобрѣла вліяніе на умъ Карла IX, и она приказываетъ сообщнику своихъ злодѣяній, своему парфюмеру, доставить ей отравленныя перчатки. Готовятся свадебные праздники. Канигу и другіе беарнскіе крестьяне являются повеселиться на этихъ праздникахъ.

Картина 3-я. — Свадебные праздники, въ иллюминированномъ саду. — Карлъ IX и его мать осыпаютъ гугенотвъ самыми лестными обѣщаніями и увѣреніями; вдругъ въ ту самую минуту, когда веселость пирующихъ въ самомъ разгарѣ, Жанна д'Албре испускаетъ ужасный вопль: она надѣла отравленныя перчатки и умираетъ. Ужасъ и смутеніе царствуетъ во всѣхъ сердцахъ.

Картина 4-я. — У Рене. — Луиза д'Арнеги, постоянно закутанная, успѣла привлечь на свою сторону одного изъ помощниковъ

отравителя, въ отлученіе его она призываетъ къ себѣ принца Наваррскаго, открываетъ ему умыслъ Екатерины, готовящейся извести весь родъ Гугенотовъ. Генрихъ не хочетъ вѣрять и содрогается отъ ужаса, узнавши, что эта же самая Екатерина отправила уже мать его. «Скорѣе за этотъ заговоръ, говоритъ ему Луиза, ты червь и мушкетеръ, убьдись въ истиннѣ словъ моихъ.» И въ самомъ дѣлѣ, Рене и Екатерина не замедлила явиться, и Генрихъ, слышавшій весь разговоръ ихъ, кажется отмститъ Екатерину, обещавши прежде спасеніе своимъ собратіямъ.

Картина 5-я. — Луверская площадь. Ночь. — Люди подозрительной наружности спидать красные кресты на дверяхъ домовъ, обитаемыхъ гугенотами. На церкви С-тъ Жерменъ, д'Оверсуа бьетъ часъ. Раздается набатъ и тысячи убійцъ безъ милосердія рубятъ полуночныхъ несчастливцевъ. Луиза д'Арнеги призываетъ проклятія неба на Екатерину де-Медичи и на весь родъ ея.

Дѣйствіе II. Картина 6-я. — Лагерь Генриха на равнинѣ Марри. — Солдаты отказываются драться противъ Майена, потому что имъ не уплачено жалованье. Генрихъ пристыжаетъ ихъ, и они возвращаются подъ его знамена. Сюлли высчитываетъ происшествія, случившіяся со времени Варфоломеевской ночи: царствованіе Генриха III, смерть Екатерины, разводъ короля Наваррскаго съ Маргаритою де-Валуа, и пр. и пр. Баронъ де-Монъ, бывший женихъ Луизы д'Арнеги, узнаетъ, въ слѣдствіе чего онъ лишился ея, и объявляетъ Генриху Наваррскому, что онъ не можетъ служить государю, который причинилъ ему такое жестокое огорченіе. Генрихъ бросаетъ презрительный взглядъ на прошедшее, и разрѣшаетъ барона отъ его присяги, дозволяя ему даже, если онъ захочетъ, вступить въ ряды непріятелей. Начинается бѣтва.

Картина 7-я. — У Габріели д'Эстре. — Шаме (Zame), родъ министра финансовъ, страшный пттригантъ и человекъ мѣняющій мнѣнія свои по обстоятельствамъ, ухаживаетъ за тою, которая, по его мнѣнію, скоро будетъ королевою Франціи. Габріель гордится любовью короля и льститъ быть достойной этой любви. Является Сюлли; онъ старается отклонить Габріель отъ идеи выдти за короля и отнимаетъ у нея обязательство, данное ей неблагоразумнымъ Генрихомъ. Явившійся король сначала сердится на своего министра, а потомъ соглашается съ нимъ. Гибъвъ прекрасной Габріели. Она отстаетъ, выйдя за герцога Бельгардъ, который униженно проситъ руки ея. Приносятъ ужинъ, изготавленный Габріелью для короля, и она приглашаетъ къ нему гер-

нога. Но Генрихъ думается и Царю возвѣщаетъ его прибытіе. Габріель прячетъ Бельгарда подъ столъ. Ужиць Генриха съ Габріелью. Генрихъ замѣняетъ Бельгарда подъ столомъ и подаетъ ему крѣпкое куропатки, говоря: «Всѣмъ надобно жить». Король и герцогъ оба смѣются этому приключенію, но Габріель, покинутая тѣнь и другиня, предается самой жестокой досадѣ.

Картина 8 я. Въ Парижѣ голодъ. Ярость народа противъ либеровъ, управствъ которыхъ заставляеть его умирать съ голода. Трауръ во всѣхъ домахъ; похоронныя процессіи запрудили всѣ улицы. Луиза д'Арнеги, въ нищенскомъ одѣяніи, проситъ милостыни на кусокъ хлѣба своему ребенку. Является де-Люцъ. Зрѣлище страданій той, которую онъ нѣкогда такъ любилъ, воспламеняеть злобу его противъ Генриха. Удалясь, онъ подаетъ кусокъ хлѣба Луизѣ, но нищій вырываетъ его у нея; она падаетъ въ обморокъ. Рене является къ пей на помощь и обѣщаетъ спасти ея ребенка, если она выпроситъ ему у короля охранительную бумагу. Материнская любовь побѣждаетъ отвращеніе, возбужденное видомъ убійцы, и она соглашается тѣмъ охотнѣе, что дѣло идетъ о предостереженіи Генриха, которому угрожаетъ смерть отъ руки дожнаго парламента. Рене, лучше всѣхъ извѣстно это, потому что онъ самъ отравляеть оружіе. Парламентъ, тронутый народнымъ бѣдствіемъ, заговариваетъ о врученіи Генриху, городскихъ ключей. Бюсси Леклеркъ умерщвляетъ президента Бремона и его товарищей, и приказываетъ солдатамъ, которыми онъ командуетъ, убивать безъ жалости всякаго, кто осмѣлится хотя на малѣйшій ропотъ.

Картина 9 я. — Палатка Генриха. — Генрихъ печалится о бѣдствіи столицы и оплакиваетъ такую побѣду. Солдаты вводятъ Луизу и Рене. Луиза открываетъ королю замышленное противъ него убійство и выпрашиваетъ охранительный листъ Рене, котораго король не узнаеть. Ложный парламентаръ баронъ де-Люцъ. Увидя его, Луиза, уже, истощенная столькими страданіями, не переноситъ этого новаго удара; но, и умирая, великодушно испрашиваетъ прощенія преступнику.

Генрихъ остается на единѣ съ барономъ; онъ снимаетъ кирасу и предлагаетъ дворянину совершить подлость. Де-Люцъ, обезоруженный величіемъ души короля, падаетъ на колѣни, и содаётся въ своемъ преступленіи. Генрихъ отицаетъ за себя тѣмъ, что приказываетъ ему отвезти хлѣба въ умирающую отъ голода столицу. Примиреніе.

Картина 10 я. — Вѣздъ Генриха IV въ Парижъ. — Здѣсь теч-

ное воспроизведеніе превосходной картины Жерара. Костюмы и мѣстности переданы съ самыми точнѣйшими подробностями. Королю подносятъ городскіе ключи; но убійца близокъ къ триумфатору; голосъ въ толпѣ кричитъ человѣку въ плащѣ: «Мсти за себя, Равальякъ».

Дѣйствіе III. Картина 11-я. — Зала собранія государственныхъ чиновъ (Salle des Etats). — Генрихъ предлагаетъ законы, уменьшаетъ пошлыны и утверждаетъ планы на сооруженіе Новаго-моста (Pont-Neuf.)

Картина 12-я. — Salle d'attente, передъ залю государственныхъ чиновъ. — Генрихъ мраченъ и задумчивъ, сегодня будутъ судить Бирона, вѣкогда брата его по оружію, а теперь измѣнника королю и отечеству. Сюлли совѣтуетъ ему быть строгимъ, говоря, что тутъ нуженъ строгій примѣръ, но король не хочетъ подписывать смертный приговоръ, не допросивъ Бирона. Бирона приводятъ, и Генрихъ общается ему полное прощеніе, если онъ сознается въ своемъ преступленіи. Биронъ глухъ къ пресѣбамъ и даже слезамъ короля, и не взирая на всеъ уличающія его доказательства, увѣряетъ, что онъ невиненъ. Приговоръ подписанъ. Дѣти Генриха приходятъ поиграть съ отцомъ; они говорятъ ему о Биронѣ, котораго они встрѣтили на лѣстницѣ, и который показался имъ очень печальнымъ. Если онъ болѣнъ! если онъ умретъ! что станется съ его дѣтьми, ихъ маленькими товарищами? Генрихъ не можетъ болѣе выдержать; онъ призываетъ Сюлли и придворныхъ, и объявляетъ, чтобы Биронъ былъ освобожденъ, правъ ли, виновенъ ли онъ. Самая лучшая сторона короны — право мловать. — Но уже поздно, приговоръ исполненъ.

Картина 13-я. — У фермера Мишо. — Заблудившись на охотѣ, король заѣхалъ къ фермеру Мишо; гдѣ всеъ, не зная, что онъ король, дѣлаютъ ему самый радушный пріемъ. Забывъ на минуту королевскія заботы, Генрихъ предается природной своей веселости и забавляется, возбуждая ревность Луки, любовника хорошенькой Като. Всеъ веселы; пьютъ за здоровье короля, хваля его добродѣтели и вмѣстѣ съ тѣмъ рассказывая различные анекдоты объ его любовныхъ похожденияхъ. Послѣ обѣда, m-lle Като заставляетъ короля убирать тарелки и бранить его неловкимъ, когда онъ, по разсѣянности, которой причиною сама же m-lle Като, роняетъ нѣкоторыя изъ нихъ. Доходитъ дѣло до танцевъ. Генрихъ танцуетъ отъ всей души, и вдругъ среди самыхъ веселыхъ прыжковъ его, входитъ Сюлли и другіе придворные. Смущеніе кре-

стѣнѣ, узнавшихъ, что гость ихъ самъ Генрихъ IV. Генрихъ успокоиваетъ ихъ и дѣлаетъ Мишеля кавалеромъ de la Dinde-en-Pal, въ воспоминаніе той, индѣйки, которою онъ кормилъ короля. Семейство Мишеля спѣшитъ объявить эту новость всей деревнѣ. Сцена между Генрихомъ и придворными. Говорятъ о ревности Медичи, и интригахъ ея съ Кончини. Мрачныя предчувствія и неопредѣленныя безпокойства. Каннгу усиливаетъ ихъ, принося королю письмо Гебриетты, дочери Лунзы д'Арнеги и его. Это письмо открываетъ заговоръ, еще разъ угрожающій жизни короля. Король пренебрегаетъ этимъ предостереженіемъ; ему такъ трудно повѣрить злу. Возвращеніе крестьянъ; впереди ихъ балли. Балли начиняетъ говорить рѣчь, но его на каждомъ почти словѣ прерываетъ крикъ осла. «Говорите по очереди», произноситъ король, и выходитъ съ своею свитою, назначивъ приданое Като и сказавъ балли, что въ другой разъ дослушаетъ рѣчь его.

Картина 14-я. — Улица Фероннери. — Толпы различныхъ разношниковъ и торгашей. Поллицейскій офицеръ объявляетъ, что сейчасъ поѣдетъ король на коронацію королевы, и чтобы площадь была очищена отъ народа. Является Рене, въ платьѣ торговца пѣсенками. Онъ очень устарѣлъ уже. Покуда онъ распѣваетъ про любовныя похождения короля, является Каннгу, который отправляется въ своей большой крытой повозкѣ въ деревню вмѣстѣ съ матерью, бывшею кормилицею короля. Всѣ даютъ дорогу крестьянину, объявившему свое имя и свое званіе. Равальякъ бродитъ мрачный въ толпѣ. Всѣ смотрятъ на него подозрительно. Сцена между Рене и Кончини. Кончини говоритъ, что королева перемѣнила намѣреніе и не хочетъ, чтобы король былъ заколотъ. Рене плохо вѣритъ этому раскаянію и идетъ отыскивать Равальяка.

Появляется королевскій поѣздъ. Его встрѣчаютъ клики народа. Слышится вопль ужаса. Равальякъ поразилъ короля. Воротившійся Каннгу схватываетъ его и хочетъ растоптать погами; но Бельгардъ удерживаетъ его: «Это дѣло рукъ палача.» Всеобщее смутеніе. Всѣ падаютъ на колѣни и молятся.

Картина 15-я. — Комната короля въ Луврѣ. — Генрихъ умираетъ среди дѣтей и придворныхъ. Сюлли говоритъ похвальное слово королю, котораго опшается Франція; и даетъ намѣкамъ Маріи де-Медичи понять, что онъ знаетъ, кто главный виновникъ преступленія.

Картина 16-я и послѣдняя. — Апотеоза. — Геній Франціи раздвигаетъ стѣны королевской комнаты. Видна статуя Генриха въ

ту минуту, когда ее открывали. Волшебная перспектива обоих берегов Сены. Благодаря удивительному эффекту диорамы, кисти г. Сисерн, на чистомъ лазурномъ небѣ вдругъ появляются, носимые облаками, всѣ короли, прославлявшие Францію.

Эта обширная эпопея, которой всѣ части, столь трудно согласующіяся между собою, соединены и связаны однако же съ некоторою логикою, является подъ сильнымъ интереснымъ видомъ. Главныя фазы жизни героя воспроизводятъ сцены, слушающіяся съ удовольствіемъ, что касается до спектакля, самой важной части этой пьесы, онъ до чрезвычайности великодушенъ и точенъ во всѣхъ подробностяхъ. Авторы его: гг. де-Сентъ-Илеръ и Мишель Деладортъ. Декорацин г. Сисерн. Прибавимъ къ этому, что пьеса монтирована въ три педѣли.

AMBIGU-COMIQUE.

LA CLOSERIE DE GENETS, драма въ 5-хъ дѣйствіяхъ и 8 картинахъ съ прологомъ.

Палатка. — Г. Монтекленъ добылъ свои полковничьи эполеты на поляхъ алжирскихъ, а генералъ д'Эстевъ (d'Estèves) служилъ въ полкахъ Императора. Отсюда, такъ сказать, непобѣдимая ненависть между человѣкомъ прошедшаго и человѣкомъ будущаго. Д'Эстевъ не можетъ простить Монтеклену его репутація Ловеласа; его любовныхъ похуждений и его креста Св. Лудовика. Изящная дама спрашиваетъ у молодыхъ людей, присутствующихъ на скачкѣ въ маленькомъ городкѣ Ламбалъ, не видали ли они сына генерала, Жоржа. Получивъ отъ нихъ отрицательный отвѣтъ, она обращается къ Монтеклену, который безжалостно насмѣхается на нею, надъ нею, прекрасною Леоню, львпцею по-преимуществу. Леона де-Вореаль клянется отмстить за эти насмѣшки. Въ ту самую минуту одинъ изъ фермеровъ Монтеклена, Керуаръ, получаетъ письмо отъ своей дочери, отъ своей любезной Лупзы, которая проживаетъ въ нѣсколькихъ миляхъ

оттуда. Бѣднѣишъ ученъ на мѣдвѣи деньги и потому не умѣетъ ни читать, ни писать. Онъ проситъ по-очередно м-лле Люсилль д'Эстевъ и Монтеклена прочесть это посланіе. Молодая дѣвица и полковникъ условливаются скрыть истинное содержаніе письма, потому что, узнавши истину, этотъ несчастный Бретонецъ умеръ бы со стыда и отчаянія.

Дѣйствіе 1. Картина 1-я. — Внутренность фермы. Сегодня праздникъ въ деревнѣ. Керуанъ ласково принимаетъ бѣдныхъ и раздаетъ имъ помощь словомъ и дѣломъ. Дочь его Луиза страдаетъ бѣдной павшей крестьянкѣ. Безчестіе Матюринны напоминаетъ ей ея собственное, потому что Луиза и сама мать. Она каждый день ходитъ къ своему ребенку, находящемуся въ маленькой хижинѣ, выстроенной въ глухомъ лѣсу и называемой Женетская ферма. Только Люсилль д'Эстевъ да Монтекленъ знаютъ положеніе Луизы. Праздникъ начинается и Луиза его царичею. Волненіе при видѣ Жоржа д'Эстевъ, того самаго, который обезчестилъ ее, едва не измѣняетъ ей. Но Монтекленъ успѣваетъ удержать ее и подаетъ ей надежду. Леона де-Вореаль, подслушавшая разговоръ Луизы съ Жоржемъ, отправляется въ Женетскую ферму.

Картина 2. — Площадь въ деревнѣ. — Крестьяне танцуютъ и веселятся. Собраніе очень многочисленно. Между всѣми отличается полковникъ Монтекленъ своею изящною наружностью и блестящею униформой. Вскорѣ слышится ропотъ, Леона де-Вореаль съ злобною усмѣшкою указываетъ на м-лле Люсилль д'Эстевъ. Шумъ возрастаетъ; скоро слышатся темныя намекы: на Женетской фермѣ найденъ ребенокъ; а въ той сторонѣ часто видѣли м-лле Люсилль и Монтеклена, следовательно, этотъ ребенокъ плодъ ихъ любви. Всѣ съ презрѣніемъ смотрятъ на м-лле Люсилль; молодые дѣвицы оставляютъ ее и спѣшатъ къ своимъ наменькамъ, а молодые люди смѣются во все горло. Монтекленъ срываетъ съ одного изъ нихъ шляпу и гордо проходитъ передъ всѣми подъ руку съ м-лле Люсиллю.

Дѣйствіе 2. — Появленіе въ замокъ. — Въ то время, какъ генералъ и Керуанъ пьютъ въестъ кофе, шпіонъ Леона де-Вореаль приноситъ въ комнату Люсилли ребенка, котораго онъ украдъ съ фермы. Вдругъ объявляютъ генералу, что м-лле Люсилль воротилась съ праздника и не одна, а съ полковникомъ Монтекленемъ. Бѣшенство д'Эстевъ. Является старый слуга генерала и рассказываетъ ему про слухи, распушенные про м-лле Люсилль. Люсилль идетъ въ свои комнаты и вдругъ испускаетъ произи-

тельный крикъ. Въ ея комнатѣ ребенокъ и протягиваетъ къ ней свои невинныя ручонки. Генераль клянется убить Монтеклена.

Дѣйствіе III. Картина 1. — Комната въ замкѣ. — Д'Эстевъ убить пожирающею его горестію. Монтеклень, человекъ котораго онъ ненавидитъ, обезчестилъ его! Опа кровь можетъ смыть подобное оскорбленіе! Онъ удаляется поддерживаемый Доминикомъ и Керуацомъ. Луиза прибѣгаетъ вымолить прощенье у Люсилл; она не хочетъ принять самоотверженіе своей молодой сестры. Она скажетъ все. Является Монтеклень; онъ увѣренъ въ благородствѣ генерала и хочетъ объясниться съ нимъ. Генераль сначала отказывается отъ всѣхъ сношеній; но какъ рѣшится не выслушать доказательствъ, оправдывающихъ дочь его. Полковникъ вручаетъ ему письмо, писанное Луизою къ отцу и полученное имъ въ Ламбалѣ. Но Керуацъ узналъ это письмо; онъ выхватываетъ его изъ рукъ генерала и принуждаетъ дочь свою, убитую этой ужасною сценою, прочесть его въ слухъ. Теперь Керуацъ хочетъ во что бы то ни стало знать имя обольстителя Луизы, который, по непреодолимому обстоятельству — потому что тайно женатъ на Леонѣ, не можетъ заглавить преступленіе свое противъ Луизы бракомъ.

Картина 2. — Залъ. — Монтеклень приходитъ къ Леонѣ де-Вореаль просить ее, чтобы она погодила объявлять публично бракъ свой съ Жоржемъ д'Эстевъ. Леона отказывается. Монтеклень совѣтуетъ Жоржу, который любитъ Луизу, прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ для уничтоженія своего брака съ Леоною. Леона все слышала. Она является и публично объявляетъ себя женою графа Жоржа д'Эстевъ.

Дѣйствіе IV. Картина 1. — Зала на фермѣ. — Керуацъ отдастъ Луизѣ все имущество, оставленное ей матерью. Онъ требуетъ отъ нея только имя ея обольстителя. Луиза ни за что въ мирѣ не откроетъ его. Въ себя отъ ярости, Керуацъ налагаетъ руку на ребенка. Жоржъ вмѣстѣ съ сестрою бросаются передъ нимъ. Тогда Луиза открываетъ своего любовника. Тщетно принуждаютъ Жоржа объясниться. Если онъ любитъ Луизу почему же не хочетъ жениться на ней. Тайну эту открываетъ сынъ Керуаца, который былъ у Леоны въ то время, какъ она объявила себя публично женою Жоржа. Жоржъ еще виновнѣе, чѣмъ казался, потому что Жоржъ женатъ. Луиза убѣгаетъ.

Картина 2. — Залъ. — Монтеклень ждетъ къ себѣ прекрасную Леону. Какъ скоро она приходитъ, по данному полковни-

комъ знаку, являются три лица, въ черномъ одѣяніи, съ мрачными взорами и съ мрачнымъ голосомъ, садятся вокругъ стола и представляютъ изъ себя актеровъ бальзаковского романа. Развязка этой маленькой комедіи та, что прекрасной Леопольды объявляютъ и доказываютъ, что она никто иная, какъ Изабелла Помпе, бывшая служанка г-жи де Вореаль, у которой она похитила имя и званіе, и что въ слѣдствіе всего этого она должна подписать актъ уничтоженія брака своего съ Жоржемъ, составленный этими черными съ бѣлымъ господами, которые никто иные, какъ нотариусъ и королевскій прокуроръ. Възбешенная, она угрожаетъ. Тогда Монтеклень раздражаетъ написанное и постыдно выгоняетъ Луизу Помпе.

Дѣйствіе V. — Женетская ферма. — Луиза пропадала. Полагаютъ, что она ушла по направленію къ Женетской фермѣ. Пейскитисты Жоржъ и сынъ Керуана встрѣчаются. Дуэль неизбежна. Они идутъ драться по римскому обычаю, имѣя свидѣтелями родныхъ отцовъ своихъ и при свѣтѣ факеловъ. Вдругъ на утесѣ, на краю пропасти видятъ женщину. Это, безъ сомнѣнія Луиза. Бой начинается съ остервененіемъ. Но Луиза, спасенная Доминикомъ, приходитъ разнять противниковъ. Что касается до прекрасной Изабеллы Помпе — она утопилась. Монтеклена въ награду за преданность и усердіе принимаютъ въ семейство д'Эстевъ.

Интересъ, которымъ дышатъ многія сцены этой пьесы, заступаютъ мѣсто привлекательности, которую обыкновенно ищутъ въ декорацияхъ и въ спектаклѣ. Вѣроятно, публика удовольствуется этимъ, и г. Фредерикъ Сулье пожметъ плоды своихъ комбинацій, часто довольно трудныхъ, иногда счастливыхъ и всегда доказывающихъ человѣка съ талантомъ.

ЛОНДОНСКИЕ ТЕАТРЫ.

Англія живетъ отдѣльной жизнью и потому извѣстна менѣе Франціи. Лондонъ и Россія и вообще всей Европѣ тоже извѣстенъ гораздо менѣе Парижа. Въ нашъ вѣкъ, когда сообщенія такъ быстры и удобны, кто не бывалъ во Франціи, кто не знаетъ Парижа?... Тогда какъ въ Лондонѣ бываютъ весьма немногіе, бываютъ болѣею частью по дѣламъ, съ какою нибудь специальною цѣлью. Парижъ по преимуществу пользуется всемірною извѣстностію, его веселая удобная, полная интересовъ жизнь ежегодно привлекаетъ тысячи иностранцевъ, отъ чего городъ, и безъ того вѣчно оживленный, получаетъ новый блескъ и разнообразіе. Парижъ, въ этомъ отношеніи, въ настоящую эпоху, тоже, что была Венеція въ XVII вѣкѣ, когда эта богиня морей, утративъ политическое значеніе, своими чудными праздниками, своею поэтическою жизнью привлекала еще иностранцевъ. Лондонъ представляетъ совершенно другое лицо, Лондонъ имѣетъ совершенно другое значеніе — это успѣхъ торговаго міра, это городъ дѣловыхъ, однообразныхъ, скучныхъ и прежде всего городъ не артистическій. Правда, что французскій языкъ извѣстенъ болѣе другихъ, что журналы, эти глашатаи общественнаго мнѣнія, расходятся по всемъ концамъ свѣта, что французскіе писатели читаются болѣею частью Европою, все это конечно и Парижу и парижскимъ артистамъ даетъ возможность быть извѣстными болѣе другихъ, но мы были бы крайне несправедливы, если бы только этому приписывали славу французскихъ талантовъ и вліянія французскаго театра. Нѣтъ, главная причина все-таки та, что во Франціи болѣе талантовъ, что во Франціи драматическое искусство, если не процвѣтаетъ, то все-таки оно въ лучшемъ состояніи, нежели въ другихъ странахъ Европы, что во Франціи драматическое искусство вошло въ жизнь, сдѣлалось народною потребностію, стало-быть уже имѣетъ смыслъ и значеніе.

Англичане народъ не эстетическій. Драматическое искусство, въ настоящую минуту, не имѣетъ здѣсь того значенія, какое оно имѣетъ во Франціи и далеко не возбуждаетъ такого интереса; искусство здѣсь дѣло постороннее, безъ котораго Англія легко

может обойтись. Большинство здесь смотрит на оперу, как на десертъ послѣ сытнаго обѣда; по этому искусство здѣсь въ упадкѣ. Правда, что Англичане имѣютъ и оперу, и знаменитыхъ пѣвцовъ, и балетъ, и первыхъ танцовщицъ въ Европѣ; но это ровно ничего не доказываетъ, развѣ только то, что они имѣютъ, возможность хорошо платить артистамъ, имѣютъ матеріальныя средства. Но однихъ матеріальныхъ средствъ не достаточно для искусства, искусство требуетъ нѣчто болѣе благороднаго, болѣе возвышеннаго — искусство требуетъ народнаго участія, народной любви. Безъ народной любви искусство погибаетъ. Холодно-каменистая почва, на которой такъ хорошо процвѣтаютъ: промышленность, мануфактуры и торговля, не способна поддержать искусство, для котораго нужна почва, мягкая согрѣтая теплотою народнаго участія. Искусство нельзя купить милліонами. На милліоны можно выстроить нѣсколько фабрикъ, открыть сотни различныхъ конторъ, прорѣзать всю Европу новыми желѣзными дорогами, прорыть сотни тунелей, но не создать искусства, даже не упрочить его существованія. Мы часто говорили въ Лондонѣ, что Англичане многимъ жертвуютъ для искусства, — это весьма несправедливо. Жертва эта весьма нечувствительна для Англичанъ, это дань, которую они платятъ гордости и тщеславію; это не та драгоценная жертва, какого нибудь маленькаго городка Италія, который лишаетъ себя часто самаго необходимаго, для того только, чтобъ имѣть на нѣсколько мѣсяцевъ оперу. Здѣсь музыка, поэзія составляютъ потребность жизни, здѣсь искусство поддерживается любовью, возвышается всеобщимъ уваженіемъ, которое они оказываютъ ему какъ по собственному убѣжденію, такъ и по преданію. Италія все утратила; но свято сохранила любовь къ прекрасному, которая составляли и всегда будетъ составлять и отличительный характеръ народа, и его славу.

Я этимъ не хочу сказать, чтобы Англичане не любили зрѣлищъ; нѣтъ, всякій народъ болѣе или менѣе любитъ зрѣлища; но между зрѣлищами есть различіе. Англичане не любятъ театра, скажу болѣе, они плохо понимаютъ драматическое искусство. Вкусъ англійскаго народа не можетъ похвалиться тонкостію и деликатностію; масса охотнѣе смотритъ, скачку, бѣгъ, звѣриный бой, боксеровъ, нежели комедію и драму. Англичане любятъ болѣе смотрѣть на борьбу съ дѣйствительною опасностію, чѣмъ на сценическую интригу, мастерски веденную авторомъ. Англичане предпочитаютъ циркъ театру, также, какъ Испанцы бой быковъ предпочитаютъ всякому сценическому представленію.

Мнѣ могутъ возразить, что во Франціи есть тоже цирки, что въ Парижѣ: цирки тоже почти всегда наполняются зрителями — это правда, но между циркомъ во Франціи и циркомъ въ Англіи есть большая разница: во Франціи цирки хотять сдѣлать театромъ, въ Англіи театръ хотять обратить въ циркъ. Въ Лондонѣ уже съ давняго времени въ первыхъ національныхъ театрахъ главные роли отдали животнымъ, и ученые обязанности словны фигурировали и на Ковенгарденскомъ и на Дририлономомъ театрахъ.

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на исторію драматическаго искусства въ Англіи, то насъ поразитъ удивительное, несколько не прогрессивное возвышеніе искусства, а потомъ его быстрое паденіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ XVI вѣкѣ является Шекспиръ и одною силою своего генія создаетъ и драму, и комедію, представляя самыя изящныя образцы того и другаго рода сочиненій; мало того, что онъ создаетъ народную англійскій театръ, онъ оставляетъ послѣ себя безсмертныя міровыя творенія. Около него Мариаъ, Мессингеръ и Джонсонъ, возбужденныя его гениемъ, живутъ его славою. Потомъ являютъ сотни подражателей, они обезображиваютъ Шекспира, вредятъ его славѣ и паводияютъ театръ піесами со множествомъ приключеній, дѣйствующихъ лицъ и историческихъ извѣстностей. Такимъ образомъ это продолжается до Карла II-го.

При Карлѣ II-мъ, являютъ комедіи приключеній; нѣсколько талантливыхъ авторовъ (Конгревъ, Венбругъ и др.) оживляютъ сцену; легкія нравы и забавы двора отражаются на театрѣ; комедія получаетъ свободу, языка доходящую до цинизма, оскорбляющую всякія приличія. За этимъ новый родъ драмъ, полныхъ разсужденій, философскихъ и моральныхъ изреченій, холодности и педантизма, появляется на англійской сценѣ. Но царство этихъ академическихъ драмъ не продолжительно. Катонъ Аддисона, представитель этого рода сочиненій, падъ. Наконецъ является Шериданъ; подъ его перомъ англійская комедія получаетъ новый блескъ, и мнѣніе изъ критиковъ на его *Школу злословій* смотрять какъ на окончанный типъ англійской комедіи. (*) Шериданъ, кромѣ *Школы злословія*, даетъ еще нѣсколько драмъ и комедій, между которыми замѣчательныя: *Rivals*; но онъ оставляетъ поприще драматическаго писателя; дѣлается человекомъ государ-

(*) Lecture of the English comic writers.

ственнымъ, а театръ попадаетъ въ руки жалкихъ посредственностей.

Въ настоящее время въ Англіи весьма мало оригинальныхъ драматическихъ писателей. За исключеніемъ Новлеса и Джерролда, большая часть авторовъ, пишущихъ для сцены, переводить и переделываютъ французскіе водевилы. Съ французскими пьесами они поступаютъ ужасно: они ихъ сокращаютъ, или изъ одного акта дѣлаютъ два и три, или, наконецъ, двѣ пьесы соединяютъ въ одну, или стараются пригнать ихъ къ англійскимъ правамъ, отъ чего они теряютъ, не только занимательность, но и смыслъ; отъ этого большая часть такихъ пьесъ не имѣетъ никакого успѣха: Между переводчиками извѣстнѣе другихъ Букстонъ, актеръ Геймаркетскаго театра, Бернаръ и нѣсколько другихъ. Большая часть изъ гг. переводчиковъ не упоминаетъ никогда объ имени французскаго автора и переводныя пьесы выдаютъ за оригинальныя; въ этомъ случаѣ они слѣдуютъ правилу Вольтера, который говорилъ, что не достаточно обокрасть автора, но надобно еще его и убить, т. е. умолчать объ его имени (*). Часто французскій водевиль, переведенный слово въ слово получаетъ другое названіе и дѣлается англійскою комедіею; такъ Vert — Vert названо the pet of the pettlesats, Cabinet particulier New farse и пр. Но публика большею частію предпочитаетъ французскимъ переводнымъ водевилямъ грубые фарсы и пьесы, написанныя для машинъ и декораций. Въ Англіи есть особый родъ морскихъ пьесъ; между авторами подобнаго рода представленій извѣстенъ Фитубаль, Black egés Susan котораго имѣла большой успѣхъ. Нужно ли говорить, что въ пьесахъ такого рода машины, декорации и обстановка играютъ важную роль, и что сценическимъ талантамъ здѣсь нѣтъ мѣста.

Въ Лондонѣ весьма много театровъ, почти столько же, сколько и въ Парижѣ; только лондонскіе театры бываютъ открыты въ известное время года; одни изъ нихъ имѣютъ позволеніе играть шесть и семь мѣсяцевъ, другіе бываютъ открыты въ продолженіи десяти мѣсяцевъ. Театры мало посѣщаются, директоры часто банкротятся, актеры получаютъ небольшое жалованье и играютъ ежедневно предъ весьма немногочисленною публикою. До 1737

ВОСМО МЕСЯЦЪ ОНЪ СЪ

(*) Такимъ образомъ поступаютъ не одни современные англійскіе авторы; это же самое дѣлали и Адиссонъ и Томпсонъ; они переводили пьесы французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, никогда не упоминавъ объ ихъ имени.

года въ отношеніи театровъ не было никакого постановленія, всякій могъ собрать актеровъ и открыть театръ, это была свободная промышленность, театральная цензура тоже не существовала; но потомъ увидѣли, что дѣла такимъ образомъ идти не могли; конкуренціи на театры были страшныя, театры безпрестанно спорили, ссорились, писали другъ на друга сатиры, дирекція банкротилась.... Наконецъ, нашли нужнымъ ограничить число театровъ, и театральныя пьесы подчинить ценсурѣ. Противъ театральной цензуры многіе возставали, между прочими и лордъ Честерфильдъ, но большинство одержало вверхъ, и до сихъ поръ театральная цензура существуетъ.

Всѣ лондонскіе театры вообще устроены дурно. Трудно повѣрить, что Англичане, цѣлому свѣту извѣстные за людей, умѣющихъ жить, умѣющихъ пользоваться удобствами жизни, имѣютъ такія неудобныя и грязныя театральныя залы. Вся зала вообще занимается партеромъ (pit), два первые ряда оставлены для креселъ (boxes); партеръ состоитъ изъ простыхъ скамеекъ; мѣста нумерованы, скамейки часто безъ спиннокъ, билетовъ въ продажѣ болѣе, чѣмъ партеръ въ состояніи помѣстить, и когда бываетъ много зрителей, что впрочемъ, случается весьма рѣдко, то рискуешь не получить мѣста и простоять все представленіе въ углу залы. Удивительно, что всѣ тѣ же неудобства вы находите и въ Оперѣ, гдѣ мѣста очень дороги (*) и гдѣ каждый изъ зрителей имѣлъ бы право требовать хоть, по-крайней-мѣрѣ, удобнаго помѣщенія. Когда вы покупаете билетъ въ Итальянскую-оперу (Her Majesty's theater), вамъ тотчасъ объявляютъ въ какомъ вы должны быть костюмѣ; ни сѣрыхъ шляпъ, ни цвѣтныхъ фраковъ не допускаютъ даже въ партеръ. Кажется, это не распространяется на раѣкъ (upper gallery). Заплативши дорогую цѣну, вы должны придти къ дверямъ театра, по-крайней-мѣрѣ, за полчаса до представленія и ожидать; въ противномъ случаѣ, вы рискуете не имѣть мѣста, потому что здѣсь мѣста также нумерованы, вы будете дурно помѣщены, услышите знаменитыхъ пѣвцовъ, поющихъ небрежно, часто дурной оркестръ и не ту оперу, которая была объявлена, — вотъ, что ожидаетъ васъ въ Итальянской-оперѣ.

Но, что всего хуже, такъ это обыкновеніе продавать билеты послѣ девяти часовъ за половинную цѣну. Часто во время одной изъ лучшихъ сценъ пьесы, густая толпа врывается въ залу, на-

(*) Партеръ стоитъ 8 ш. 6 пен. что составитъ почти десять руб. асс.

чинается шумъ, толкотня, споръ.... актеры преспокойно продолжаютъ играть, хотя ихъ никто не слышитъ и не можетъ слышать, — и это никого не оскорбляетъ, къ этому всё привыкли. Большая часть публики приходитъ въ театръ поздно, за дешевую цѣну, не зная ни пьесы, ни автора, ни акта, который играютъ, не понимая ни завязки, ни развязки пьесы, нисколько не интересуясь ни сценой, ни театромъ. Между этими поздно-приходящими зрителями, вы часто увидите людей въ слишкомъ веселомъ расположеніи духа, толпу женщинъ, пришедшихъ сюда исполнять свое ремесло.... этого уже довольно, чтобъ понять, что необходимое спокойствіе и тишина въ залѣ продолжаться не могутъ, и что порядочному человѣку оставаться въ этой толпѣ почти невозможно.

Въ Итальянской оперѣ публика другаго рода; тамъ царствуетъ удивительная тишина, скажу болѣе, неприятная тишина, отъ которой такъ и дышетъ смертію. Взгляните на логи, на кресла, — вы увидите самыхъ холодныхъ, самыхъ равнодушныхъ лица, на которыхъ безстрастіе написано рѣзкими чертами. Они всё одѣты по формѣ, и преспокойно смотрятъ на сцену или въ потолокъ. Часто въ продолженіе цѣлой оперы вы не услышите ни одного аплодисмена, ни одного одобрительнаго знака, показывающаго участіе публики; здѣсь вы никогда не услышите этого единодушнаго энергическаго шопота, который мгновенно, подобно электрической искрѣ, пробѣгаетъ театральную залу въ Италиі, и вдругъ смолкаетъ, благовожно внимая новымъ звукамъ!... Это равнодушіе публики, эту неспособность понимать музыку, здѣсь называютъ вниманіемъ. Желательно было бы знать, въ какой степени это вниманіе лестно артистамъ. Впрочемъ, артисты занимаютъ съ какою публикою они играютъ дѣло. Въ Итальянскую оперу собираются потому, что этого требуетъ мода, стало-быть собираются почти *ex officio*; пѣвцы исполняютъ свое дѣло тоже *ex officio*; оперы идутъ покойно, чинно, пѣвцы поютъ правильно, вѣрно, но далеко безъ того одушевленія, которое вы увидите въ Италиі и въ Парижѣ. Одинъ изъ французскихъ авторовъ весьма справедливо замѣтилъ, что пѣвцы Итальянской оперы ѣдутъ на лѣто въ Лондонъ, чтобы собрать деньги и отдохнуть послѣ парижскихъ представленій.

Я былъ въ Оперѣ два раза, и другой разъ для того только, чтобы видѣть Тальони и Черрито, потому что оперную труппу я очень хорошо зналъ, новыхъ оперъ не давали, а старыя часто слышалъ въ Парижѣ; притомъ же Ронконци здѣсь замѣнилъ Фор-

назарн, Персіани не было, и вообще оперы были поставлены небрежно. Намъбреваясь говорить о Тальйони и Черрито, я считаю неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о балетѣ въ Лондонѣ. Собственно англійскаго балета нѣтъ въ Лондонѣ; не только первые сюжеты, но и большая часть танцовщицъ здѣсь иностранки; балеты ставятъ вообще старательно, машины дѣйствуютъ прекрасно, костюмы отличаются богатствомъ и роскошью; но главное балеты въ Лондонѣ замѣчательны тѣмъ, что здѣсь съ нѣкотораго времени танцуютъ вмѣстѣ нѣсколько европейскихъ знаменитостей. Въ нынѣшній лѣтній сезонъ, въ одномъ и томъ же балетѣ участвовали Тальйони, Черрито, Гранъ и Луиза Тальйони. Лондонская публика любитъ балеты; притомъ же для балета не нужно ни знаніе музыки, ни знаніе времени пзъявлять свои восторги; по этому публика свободно предается восхищенію, часто поддѣльному, аплодируетъ каждому па, каждому приузу, бросаетъ цвѣты, букеты, вѣянки... это забавляетъ и танцовщицъ, и публику, и всѣ остаются довольными. Англичаде большею частію матеріалисты, вотъ почему они и любятъ балеты. Я очень хорошо знаю, что балетъ есть тоже искусство, когда посредствомъ танцевъ и движеній онъ пробуждаетъ въ насъ идею о граціи; по какъ не будетъ чисто это олицетвореніе граціи, все-таки въ балетѣ есть частичка, говорящая чувственностію — этимъ то балетъ и правится Англичанамъ — онъ ихъ шевелитъ, онъ ихъ возбуждаетъ, по этому во-время балета публика какъ будто оживляется, и рождается чувство, похожее на участіе, хотя, въ-самомъ-то-дѣлѣ, это совсѣмъ не участіе. Къ чему много говорятъ о Тальйони, одно пмя ее говорятъ уже довольно; слова: грація и Тальйони сдѣлались почти синонимами въ Европѣ. Но какъ не велики права граціи и красоты, время пмѣть тоже свои права, которымъ невольно подчиняется все живущее.... Тальйони здѣсь принимали съ восторгомъ, осыпали рукоплесканіями и цвѣтами; но точно также принимали и Черрито, а это уже много значить.... было время, когда Тальйони не знала соперницъ. Но, оставя все, справедливость требуетъ сказать, что Тальйони, кромѣ граціи, имѣетъ въ танцахъ удивительную свободу и увѣренность, которыхъ не имѣютъ ни Фавви Эльслеръ, ни Черрито.... Тальйони, кажется, танцуетъ потому, что она не можетъ не танцевать — она, такъ сказать, танцуетъ по призванію. Танцы Эльслеръ полны страсти, полны какой то странной энергіи, страннаго одушевленія. Эльслеръ, сверхъ того, прекрасная актриса, вотъ почему, чтобъ имѣть право судить объ ней, падо видѣть ее непременно въ ба-

летъ, гдѣ у ней есть роль. Тальйони равно прекрасна, какъ въ Спльфидѣ, такъ и въ простомъ вальсѣ, у Эльслеръ есть особый родъ вьры и танцевъ, въ которомъ она неподражаема. Черрито молодая итальянская танцовщица, умѣвшая уже сдѣлать себѣ извѣстность. Она не только талантливая танцовщица, но притомъ и оригинальная, вотъ почему она особенно замѣчательна. Я видѣлъ и Гранъ, и Карлоту Гризи, и многихъ другихъ; всѣ онѣ танцуютъ прекрасно, но танцы ихъ не имѣютъ, такъ сказать, характера, всѣ онѣ танцуютъ съ болѣею или мѣншею легкостью, съ болѣею или мѣншею прелестію, по все въ одномъ родѣ. Черрито создала особый свой родъ танцевъ; у ней нѣтъ ни извѣстныхъ па, ни извѣстныхъ положеній, отличающихся трудностію... ее танцы это вихрь—это само разнообразіе. Полная жизнь и огня, она быстро пробѣгаетъ сцену, то кружится, то снова летитъ... въ ея танцахъ, въ ея позахъ есть что то неправильное, свободное, но поэтически-прекрасное. Черрито равно правится и въ Италиі, и въ Англіи, хотя между публикою страшная разница, Черрито поправится вездѣ, Черрито не можетъ не правится, потому что танцы ея преисполнены жизни и способны электризовать публику.

Въ заключеніе скажу, что Итальянцы прекрасно обрисовали ее однимъ стихомъ :

La Cerrito è la farfalla
Salta, vola, ma non balla.

(Черрито — бабочка, она порхаетъ, кружится, но не танцуетъ.)

Ничего не можетъ быть справедливѣе этой оцѣнки. Гранъ и Лунзу Тальйони публика принимала тоже весьма благосклонно. Послѣдняя особенно была хороша въ *pas de deux*. Между балетмейстерами есть двое, которые танцуютъ педурно. Кордебалетъ и обстановка, какъ мы уже замѣтили, хороши, хотя не отличаются ничѣмъ особеннымъ. Чтобы сказать за одинъ разъ обо всемъ томъ, что въ Лондонѣ есть не англійскаго, упомянемъ и о французскомъ театрѣ. Труппа французскихъ актеровъ здѣсь незамѣчательна, но она постоянно оживляется прїѣздомъ парижскихъ артистовъ. При мнѣ здѣсь были Лафопъ, Дежазе и Рашель, а прежде нихъ замѣчательно-талантливая актриса театра *Gimnase dramatique*, Роза Шері. Рашель здѣсь имѣла большой успѣхъ и произвела большое впечатлѣніе; ее принимали прекрасно даже и въ роли Юанны д'Аркъ, въ драмѣ Сулье, хотя вся драма, написанная вскорѣ послѣ паденія Наполеона, исполнена ненависти и жолчи, и многіе

стихи весьма оскорбительны для Англии. Англичане, аплодируя Рашели, говорили, что они аплодируютъ ея игрѣ, ея умѣнно декламировать стихи, нисколько не думая о содержаніи стиховъ. Это весьма благородно со стороны высшей англійской публики; въ этомъ отношеніи Англичане вели себя, какъ настоящіе джентельмены; что же касается до знаменитой трагической актрисы, то мы замѣтили мимоходомъ, что выборъ такой пьесы съ ея стороны не показываетъ ни деликатности, ни занія приличій.

Перейдемъ теперь къ театрамъ національнымъ. Ковенгарденскій и Дрюриленскій театры носятъ названіе театровъ національныхъ, хотя, по-истинѣ, они менѣе всего заслуживаютъ это названіе. Прежде оба эти театра имѣли право давать представленія круглый годъ. Это право было имъ дано съ цѣлю поощрить драматическое искусство и поддержать англійскій театръ; но мѣра эта не удалась; публика классическимъ пьесамъ предпочитала фарсы и цирки, театры были всегда пусты, дирекціи не имѣли возможности поддерживать труппу, и чтобы угодить публикѣ, стали прибѣгать къ разнымъ средствамъ и аферамъ, явились канатныя пляски, акробаты, пьесы съ *провалами*, *полетами* и *превращеніями*, главные роли отдали животнымъ и, странное дѣло, партеры стали снова наполняться — дирекція угадала вкусъ публики. Итакъ, театры, на которыхъ съ такою славою подвизались Гаррикъ, Кипъ, Кембель, Юнгъ, сцены, на которыхъ прежде представляли трагедіи Шекспира, достались въ удѣлъ ученымъ звѣрямъ, — искусство сдѣлалось ремесломъ промышленниковъ, театры обратились въ балаганъ!...

Въ настоящее время оба національные театры бывають открыты только въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ бытность мою въ Лондонѣ на Ковенгарденскомъ театрѣ давали вздорные концерты, а на Дрюриленскомъ театрѣ давала свои представленія Бельгійская оперная труппа. Дирекціи Дрюриленскаго театра пришла счастливая мысль ангажировать на нѣсколько представлений Бельгійскую оперу, и эта афера удалась. Впрочемъ опера здѣсь не надолго, и когда абонементъ кончится, вѣроятно, представленія начнутся какою-нибудь ученою обезьяною, или ученымъ слономъ. Бельгійская оперная труппа хотя не имѣетъ большихъ талантовъ, но вообще составлена хорошо, оперы исполняются старательно, хоры идутъ прекрасно, и многія изъ оперъ можно видѣть по нѣскольку разъ съ удовольствіемъ. Я видѣлъ между прочимъ одно изъ представлений Роберта; театръ былъ полонъ, опера шла хорошо, публика была такъ довольна, что, вѣроятно

нигдѣ, никогда и ни одна изъ европейскихъ публикъ не была ни такъ довольна и не изъявляла такимъ образомъ своего удовольствія. Лондонская публика—публика эксцентрическая: ей понравилась опера и исполненіе, и за благодарность она просила пѣвцовъ повторить всю оперу, заставляла ихъ пѣть по два раза не только всѣ лучшія аріи дуэты, тріо.... по даже и многіе хоры, Можетъ ли быть что нибудь не лѣпше этой странности! Кто хоть немного знаетъ музыку и знаетъ Роберта, тотъ легко пойметъ, что главныя партіи оперы такъ трудны, что пропѣть ихъ и по одному разу уже тяжело,—каково же исполнить ихъ въ одинъ вечеръ по два раза. Пѣвцы были утомлены до послѣдней степени, опера продолжалась очень долго, и послѣдній актъ былъ пропѣтъ съ большимъ напряженіемъ; впрочемъ, по моему, артисты имѣли бы полное право послѣдняго акта и не исполнить. — Вотъ какъ ведетъ себя Лондонская публика. Каково положеніе артиста, принужденнаго играть передъ такими зрителями!.., Передъ кѣмъ онъ будетъ открывать свою душу, передъ кѣмъ онъ будетъ разысывать бисеръ своего таланта!...

Театры: *Hay-Market* и *Princess's*, безспорно, лучшіе въ Лондонѣ, или лучше сказать, эти только два театра заслуживаютъ это названіе. Дирекція обоихъ театровъ состоитъ изъ людей добросовѣстныхъ, всѣми силами старающихся поддержать искусство; выборъ піесъ отличается разборчивостію; здѣсь еще играютъ Шекспира, Шеридана и многихъ изъ классическихъ писателей, здѣсь стараются нравиться публикѣ одними сценическими представленіями, никогда не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ средствамъ. Жаль только, что старанія дирекцій не всегда вознаграждаются и оба эти театра далеко не изъ любимыхъ лондонскою публикою. Эти два театра я посѣщалъ довольно часто, многія изъ піесъ видѣлъ не безъ удовольствія, хотя вообще исполненіе ихъ было болѣею частію не удовлетворительно. Къ сожалѣнію я долженъ, сказать, что лучшихъ лондонскихъ трагиковъ я не видалъ; Макреди кончилъ свои представленія въ самый день моего приѣзда, а Кинъ былъ въ Америкѣ. Что же касается до комическихъ актеровъ, то всѣ знаменитости въ этомъ родѣ были въ Лондонѣ. Я видѣлъ нѣсколько комедій, фарсовъ и двѣ піесы Шекспира: «Ромео и Джульета» и «Виндзорскія проказницы». Трагедія «Ромео и Джульета» была представлена на Гаймаркетскомъ театрѣ, главныя роли были повѣрены знаменитому Кусмашъ (*the celebrated*) и его сестрѣ. Я съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть одно изъ поэтическихъ созданій Шекспира представленнымъ на одномъ изъ

лучшихъ театровъ и лучшими актерами (Unprecedented combination of talent), такъ гласила афиша; я запасуюсь билетомъ, спѣшу въ театръ, — театръ былъ совершенно пустъ. Пьеса началась и окончилась, зрители смотрѣли на трагедію съ удивительнымъ равнодушіемъ, едва лишь одна сцена въ саду заслужила кое какія рукоплесканія, и то аплодировали прекраснымъ стихамъ, а софѣмъ не игрѣ актеровъ, потому что Кусманъ и его сестра въ этой то именно сценѣ были особенно слабы. Вообще трагедія была исполнена недурно, но какъ то холодно; такая игра не можетъ увлечь публику, даже болѣе способную восхищаться, чѣмъ лондонская. Актеры, участвовавшіе въ трагедіи, были болѣе ничего, какъ счастливое соединеніе посредственностей; роль Меркуціо была исполнена особенно слабо, г-жа Гловеръ въ роли кормилицы была лучше другихъ. Про Кусмана и его сестру много распространяться не стоить труда, выучить роль и прочесть или, пожалуй, продекламировать ее передъ зрителями не значить еще создать роль. Ромео не доставало ни одушевленія, ни энергіи, ни страсти, сцены съ Джульеттою у него отличалось какою-то приторною сентиментальностію, сцены съ аптекаремъ какимъ-то жалкимъ и ничего невыражающимъ равнодушіемъ; въ сценѣ съ Тесобальдомъ Кусманъ какъ то оживился, монотонная дикція уступила мѣсто натуральному языку чувствъ; но это была только вспышка; что же касается до г-жи Кусманъ, то это была такая Джульетта, которую мы встрѣчаемъ въ Лондонѣ на каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ. Роль Меркуціо, какъ мы уже сказали, была совершенно убита; въ похвалу можно сказать развѣ только то, что актеры играли трагедію по тексту Шекспира, безъ поправокъ, безъ сокращеній и безъ искаженій. — Небольшая похвала... Я съ удовольствіемъ вспомнилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ эту же самую трагедію на Московской сценѣ и хотя пьеса была исполнена далеко не совершенно; но гораздо удовлетворительнѣе. Комедія Шекспира *Merry wives of Windsor* была счастливѣе: ее исполнили съ большимъ стараніемъ и съ успѣхомъ.

На сценѣ театра Принцессы эта комедія была представлена въ первый разъ, роли были розданы по характеру, всѣ лучшіе актеры труппы принимали участіе, самъ Карлъ Матьюсъ довольствовался небольшою ролюю; всѣ куплеты пьесы были пропѣты хорошо и для нихъ была написана новая музыка; кажется чего бы болѣе желать... но нѣтъ, публика все-таки осталась холодною, и послѣ двухъ трехъ представленій, комедію Шекспира дирекція принуждена была замѣнить фарсами. Роли обѣихъ Виндзорскихъ

проказницъ были исполнены весьма отчетливо. Г-жа Влстрисъ и другая молодая актриса, имя которой я теперь не припомню были прекрасны. Сколько неподдѣльной веселости, сколько жизни! Трудно было повѣрить, что это англійскія актрисы, которыя вообще какъ и актеры, отличаются какою-то вялостію. Воллеки въ роли ревниваго мужа, былъ то же очень хорошъ. Что же касается до роли Фальстафа, то она хотя была исполнена удовлетворительно, но слабѣе другихъ. Въ этотъ же вечеръ я видѣлъ класическій фарсъ (какъ называютъ его Англичане) Шеридона: *The critic, or a tragedy Rehearsed*. Здѣсь прекрасенъ Карлъ Матьюсъ, онъ играетъ двѣ роли, и обѣ съ равнымъ совершенствомъ. Пьеса сама по себѣ ничтожна, она вся зависитъ отъ игры актеровъ, это пародія на репетицію одной изъ кровавыхъ трагедій, гдѣ много дѣйствующихъ лицъ, сраженій, пораженій и проч.... Шериданъ хотѣлъ осмѣять этотъ странный родъ сочиненій и написалъ этотъ фарсъ, который весьма забавенъ и очень любимъ здѣшнею публикою. Карлъ Матьюсъ и Тильбюри—первые комики въ Лондонѣ, игра ихъ благородна—это ихъ отличительная черта, которая ихъ ставитъ выше всѣхъ прочихъ комиковъ. Тильбюри талантливый и образованный актеръ, онъ прекрасно играетъ типическіе характеры; но игра его часто холодна, ему не достаетъ ни жизни, ни веселости, тогда, какъ игра Карла Матьюса всегда оживлена, всегда исполнена веселости. Они оба любимы публикою и пользуются заслуженною извѣстностію. На театрѣ Принцессы, я видѣлъ случайно дебютъ американской актрисы Виргиніи Монье, въ драмѣ Томпсона *the Stranger* (это больше ничего, какъ переводъ драмы Коцебу: Ненависть къ людямъ и раскаяніе). Она занимала главную роль и была публикою принята прекрасно; афиши и журналы называли ее: *most celebrated*, но я съ моей стороны нисколько не раздѣлялъ этого восторга; если монотонная, неестественная дикція, вопли, раздражающіе слухъ и аффектаціи суть признаки таланта, то, пожалуй, можно согласиться, что и Монье талантъ. Лондонская публика имѣетъ странный; вкусъ я очень сожалею, что не видалъ ни Макреда, ни Кина — ужели и они принадлежатъ тоже къ этой школѣ! На театрѣ Принцессы даютъ только трагедіи, комедіи и иногда фарсы, труппа не велика, но лучшая въ Лондонѣ, въ этой же труппѣ и Макреды. На Гаймаркетскомъ театрѣ играютъ всѣ роды пьесъ; здѣсь есть также и опера, составленная на образецъ комической оперы въ Парижѣ. Изъ оперъ я видѣлъ только Черное-домино, опера имѣла большой успѣхъ, благодаря игрѣ Тиллонъ. Тиллонъ, хотя Ан-

глечанка, но жила всегда или въ Италіи или во Франціи; она съ успѣхомъ пѣла въ Комической-оперѣ въ Парижѣ, а теперь заключила контрактъ съ директоромъ Геймаркетскаго театра. Голосъ у ней небольшой, но пріятный и довольно обработанный; игра ея проста и натуральна, чѣмъ она рѣзко отличается отъ многихъ лондонскихъ актрисъ. Геймаркетскій театръ бываетъ открытъ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ и пользуется многими правами, которыхъ не имѣютъ другіе театры. *Surgey's* и *Adelphis* театры исключительно посвящены фарсамъ. Фарсы — здѣсь любимый родъ драматическихъ сочиненій. Фарсы въ Лондонѣ даются часто и на всѣхъ второстепенныхъ театрахъ. Большая часть англійскихъ фарсовъ отличаются грубостію и пошlostію; въ нихъ нѣтъ ни остроты французскихъ фарсовъ, ни жизни веселости итальянскихъ. Часто все комическое и забавное состоитъ въ томъ, что какой нибудь Англичанинъ бьетъ палкою бѣднаго рыжаго Ирландца. Здѣсь есть фарсы и музыкальные, но отличительный характеръ ихъ тотъ же. Мнѣ случилось видѣть два фарса, которые были забавнѣе и приличнѣе другихъ по содержанію — это: *Поль-Прей и Женихъ-мертвецъ*. Въ первомъ представлено лицо человѣка, крайне любопытнаго, который желаетъ все знать, все видѣть, который всегда вмѣшиваясь въ чужія дѣла, подслушиваетъ, подсматриваетъ, и безпрестанно попадаетъ въ бѣду.... Здѣсь много забавныхъ сценъ, *qui pro quo* и пр.; жаль, что фарсъ слишкомъ длиненъ, смотрѣть три акта глупостей утомительно. Въ другомъ фарсѣ *Женихъ-мертвецъ*, представлено, какъ одно семейство богатаго купца принимаетъ одного больнаго Англичанина за привидѣніе, за мертвеца. Сцена въ гостинницѣ ночью особенно смѣшна. Отецъ невѣсты, человѣкъ достаточный, но необразованный, давно уже подозрѣваетъ, что будущій зять его духъ, а не человѣкъ, онъ рѣшается прибѣгнуть къ испытанію и каковъ же его ужасъ, когда нареченный женихъ не только что не хочетъ ужинать, что уже неестественно по мнѣнію старика, любившаго покушать, но еще произнесъ слѣдующую фразу: «я давно уже окончилъ расчетъ съ жизнью, я прервалъ всѣ связи съ свѣтомъ, я не принадлежу уже къ этому міру.» Ужасъ добраго старика доходитъ до высшей степени: онъ сиѣшитъ увезти дочь, а въ это время племянница его, дѣвушка смѣтливая и бѣдная, влюбляетъ въ себя Англичанина, и все кончается свадьбою, къ крайней досадѣ старика, упустившаго богатаго зятя. Кромѣ грубости, недостатокъ англійскихъ фарсовъ еще и тотъ, что дѣйствіе идетъ слишкомъ быстро, одна сцена смѣняетъ другую, одна картина слѣдуетъ за

другою, отъ этого трудно слѣдить за ходомъ пьесы; все это кажется неестественнымъ, все это папоминаетъ камеръ-обскуру, гдѣ одна картина мигомъ пчезаетъ и на мѣсто ея является другая; но какъ публика здѣсь почти никогда не видитъ цѣлой пьесы, потому что или приходитъ поздно, или уходитъ рано, то авторы заботятся болѣе объ отдѣлкѣ отдѣльныхъ сценъ, чѣмъ о ходѣ цѣлой пьесы.

Англійскій циркъ посѣщается болѣе всѣхъ театровъ. Устройство его весьма оригинально, въ одной залѣ соединены и сцена и циркъ. Циркъ занимаетъ мѣсто партера и здѣсь послѣ какойнибудь народной пьесы, съ сраженіями, военными эволюціями и съ пальбой пачиваются конныя скачки, являются канатныя плясуны, акробаты и паясы. Англичане вообще любятъ животныхъ и особенно ученыхъ, поэтому въ половинѣ представленія, когда уже пьеса окончена, является значительное число зрителей любоваться рпсталищемъ и плясками. Впрочемъ циркъ не можетъ похвалиться ни богатствомъ отдѣлки, ни даже хорошими лошадьми, циркъ Франкопи въ Парижѣ превосходитъ его и отдѣлкою и удобствомъ помѣщенія и занимательностію самыхъ представленій.

Въ Англіи равнодушіе къ искусствамъ и къ театру рождается отъ самаго образа жизни. Англійская жизнь неспособна пробудить любви къ прекрасному, однообразная, какъ бой часовъ, размѣрная, какъ разбѣгъ маятника — она способна лишь охладить человѣка, навести тоску, скуку. Въ обществѣ нѣтъ еднородія, (здѣсь говорится не въ смыслѣ политическомъ); оно раздѣлено различными интересами, ничто не связываетъ бѣднаго съ богатымъ; вотъ почему здѣсь вы увидите богатство и нищету, роскошь, блескъ, удобство и рядомъ лохмотья и крайнюю нужду. Знатные люди едва удостоиваютъ кое когда заглянуть въ театръ; притомъ они рѣдко живутъ въ Лондонѣ. Народъ подавленъ работой; чтобы имѣть дневное пропитаніе въ Лондонѣ надо трудиться и много трудиться. Успленные труды, механическая забота, все это сушитъ сердце, кладетъ вериги на умъ и дѣлаетъ человѣка холоднымъ и равнодушнымъ, подобно машинѣ, около которой онъ стается ежедневно. По этому здѣсь нѣтъ постоянной публики, нѣтъ любителей, и зрители больше ничего, какъ дѣло случая. Театръ здѣсь не имѣетъ ни того голоса, ни той силы въ общественномъ мнѣніи, какъ онъ имѣетъ не только во Франціи, но даже и въ Германіи.

Кромѣ упомянутыхъ театровъ и Астлейскаго цирка, въ Лон-

донѣ ссть еще пѣсколько маленькихъ театровъ, въ глухихъ улицахъ и въ окрестностяхъ; но существованіе ихъ совершенно незамѣтно, и удивительно, какъ они еще могутъ существовать. Итакъ театръ въ Лондонѣ далеко дѣло не народное, публика къ нему удивительно равнодушна, драматическихъ писателей мало, особенно оригинальныя пѣсы являются весьма рѣдко, дилетантовъ почти нѣтъ, театры устроены дурно, талантливыхъ актеровъ весьма немного, все тянется какъ то медленно, и вяло — и вотъ положеніе драматическаго искусства въ странѣ Шекспира!

Брюссель, 16 августа 1846.

М. КУВЛИЦКІЙ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГСКІЕ.

I.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

КОРОЛЬ ЛИРЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ РИЧАРДА, ЛЬВИНАГО СЕРДЦА. — ВОЗОБНОВЛЕНІЕ
СТАРЫХЪ ВОДЕВИЙ. — О ТАЛАНТѢ Г-ЖИ САМОЙЛОВОЙ 1-Й. — БЕНЕФИЦЪ Г-ЖИ
ЛЮРЪ. — НОВЫЕ ПОДВИГИ Г-НА КАЖИНСКАГО. — КИВЪ. — БЕНЕФИЦЪ Г-НА САМОЙЛОВА.

Нынешній мѣсяцъ, по видимому, не слишкомъ богатый новыми театральными фантами, чуть ли однако не интереснѣе своихъ предшественниковъ — и во-первыхъ уже потому, что былъ данъ раза три:

Король Лиръ. Странныя иногда вещи приходили въ голову старому чудаку Шекспиру, но едва ли приходило ему что нибудь страннѣе Короля Лира. Взялъ онъ, вѣроятно, въ одно прекрасное утро, старую легенду о королѣ Лирѣ и его дочеряхъ, о герцогѣ Глостерѣ и двухъ его сыновьяхъ, и цѣликомъ перенесъ ее на сцену, во всей ея простодушной наивности и наготѣ! Полусумасшедшій старикъ, дошедшій до состоянія дѣтства, отдаетъ всю власть своимъ дочерямъ; за то, что одна изъ нихъ не умѣетъ красиво говорить, онъ ее поражаетъ всею тяжестью отцовскаго проклятія; и вмѣстѣ съ тѣмъ прогоняетъ самаго вѣрнаго изъ своихъ друзей. Другаго, тоже слабо-умнаго отъ старости человека, обманываетъ его любимый сынъ и заставляетъ проклинать не за что, ни про что своего законнаго брата. Скорѣ одна дочь, изъ хозяйственныхъ разчетовъ, вооружается на многоженность святаго старика-короля. Бѣдный старикъ сначала приходитъ въ

бѣшенство и прокликаетъ ее со всѣмъ неистовствомъ безумнаго; потомъ, когда другая дочь оказывается еще хуже первой, соглашается возвратиться къ старшей, потому что она позволяетъ ему взять съ собой хоть пятьдесятъ рыцарей. Больной и сумасшедшій, онъ унижается до слезъ и колѣнопреклоненій. Но все тщетно. Въ бурную ночь его выгоняютъ изъ дому. Подъ проливнымъ дождемъ онъ призываетъ неистовство стихій на свою сѣдую голову, бѣдный, безумный старпкъ! Съ нимъ только вѣрный его другъ, который служитъ ему неузнаваемый имъ, да его добрый дуракъ, да скиталецъ Томъ, законный и изгнанный сынъ Глостера, притворяющійся сумасшедшимъ.

Странная драма, странное лицо этого безхарактернаго старика, еще болѣе странныя сцены самоубійства Глостера: думалъ ли когда либо старый мастеръ производить смѣхъ хоть этой сценою неудачаго самоубійства? не знаемъ; но тѣмъ не менѣе смѣхъ этотъ мы слышали. Или, въ самомъ дѣлѣ есть присутствіе чего то комическаго въ ужасающемъ трагизмѣ этой легенды — такого комическаго, отъ котораго тоска сдавливаетъ грудь, отъ котораго становится скверно на душѣ и мутно въ головѣ? Или въ самомъ Лирѣ есть дѣйствительно моменты шутовства, страшные, какъ пятна чихотки? Не знаемъ — повторимъ мы опять, но дьявольскій юморъ Шекспира закидалъ же грязью непрстойныхъ пѣсней свѣтлый образъ Офеліи, — отчего жъ ему было не извести до шутовства и Лира? И странно! Лиръ не произвелъ бы никогда такого болѣзненнаго впечатлѣнія, если бы онъ былъ всегда такъ великъ, какъ въ ту минуту, когда онъ говоритъ Корделіи передъ уходомъ въ темницу: *Пойдемъ, дочь моя, сами боги бросаютъ цвѣты на подобныя жертвенники*; вѣтъ, безхарактерный, больной старикъ болѣе поражаетъ васъ и своими страданіями, и *lucida intervalla*, въ которые возвращается ему сознаніе человѣческаго достоинства.

Трудно, почти невозможно передать во всей полнотѣ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ игрою нашего великаго Каратыгина — мы пытались передать это впечатлѣніе всѣмъ предыдущимъ разсужденіемъ. Такъ глубоко и смѣло, до дерзости смѣло, понять роль можетъ только Каратыгинъ, котораго за одну даже эту роль должно признать первымъ изъ европейскихъ современныхъ трагиковъ. Были минуты въ этой ужасающей своей наготѣ и истинной иррѣ, когда опѣмѣвшая публика не знала, что она должна дѣлать: плакать или смѣяться? Такова была въ особенности сцена, когда, говоря съ Реганюю, Лиръ хочетъ предста-

вить, какъ неприлично ему просить милости у Гонериллы, и самъ становясь на колѣна, начинаетъ говорить жалкимъ голосомъ: *Дочь моя, я бѣдный, слабоумный старикъ!*... Никогда старость, такъ напрасно хвалимая Цицерономъ и стопами, не возбуждала въ насъ чувства болѣе болѣзненного: эта минута была невыносимо страшна. Что же сказать о сценахъ бури, о сценѣ полного сумасшествія вѣчнаго старика, сумасшествія тихаго, задумчиваго, старческаго? Что сказать о томъ молчаніи, съ которымъ Лиръ упалъ къ ногамъ Корделии?... Наконецъ, о послѣдней сценѣ съ трупомъ Корделии? Все это было верхъ искусства, а потому верхъ натуры; все созданіе роли Лира, повторимъ мы опять было до дерзости смѣло, было возможно только для Каратыгина.

Но хотя мы видѣли только его въ этой болѣзненной драмѣ, тѣмъ не менѣе не можемъ не отдать полной справедливости созданію роли дурака г. Самойловымъ. Молодой талантливый артистъ съ каждымъ шагомъ совершенствуется все болѣе и болѣе. Дай Богъ, чтобы, не внимая крику или точнѣе писку разныхъ котерій, онъ продолжалъ постоянно также свое истинно-блестящее поприще.

Остальныхъ лучше пройти молчаніемъ — однихъ потому, что мы уважаемъ ихъ таланты, другихъ — каковъ, напримѣръ, г. Александровъ, потому что они неизлѣчимы. Постановка Лира прекрасная, переводъ довольно вѣренъ, даже урѣзки не совсѣмъ безбожны — хотя, напрасно, по крайнему разумію, выпущена сцена между Кентомъ и Джентльменомъ въ началѣ третьяго акта, приготовляющая къ появленію Лира. Мы были огромлены впечатлѣніемъ отъ игры г. Каратыгина 1-го, и если думали о чемъ нибудь, кромѣ характера Лира, такъ это о томъ, какъ мало еще оцѣненъ у насъ по достоинству громадный талантъ артиста, которымъ гордилась бы всякая другая европейская сцена.

БЕНЕФИСЪ Г. ТОЛЧЕНОВА 1-ГО.

2) *Возвращеніе Ричарда Львиного Сердца*. Не знаемъ, почему и для чего «Иваной» Князя Шаховскаго переименовалъ такимъ образомъ, — но мы были очень рады возобновленію этой старой пьесы. Позволяемъ себѣ не согласиться въ этомъ случаѣ съ почтеннымъ рецензентомъ Иллюстраціи; — драма, какъ созданіе самаго Князя Шаховскаго, не имѣетъ никакого достоинства, — но какъ цѣликомъ почти взятая изъ Вальтеръ-Скотова «Айвеноя», имѣетъ весьма много достоинствъ. — Лучше въ тысячу разъ та-

нія простыя передѣлки, нежели многія оригинальныя штуки въ родѣ тѣхъ, которыми угостила насъ въ свой бенефисъ г-жа Дюръ. Мы даже не противъ турнировъ, сраженій и великолѣпныхъ спектаклей, если только они хороши, такъ, какъ въ монтировкѣ этой пьесы. Ей Богу, полезнѣе объятій и признаній могутъ быть для нашей массы эти турниры — и въ тысячу разъ лучше было, оставить характеры Вальтеръ-Скоттовскаго романа въ ихъ эпическомъ спокойствіи, чѣмъ развить ихъ по-нѣмецки драматически. — Пьеса г-жа Бирхъ-Пфейферъ посягнула же на дивную форму Гюго, и для ради драматизма, сдѣлала Фебюса де-Шатонеръ, этого лихаго малаго, сантиментальнымъ и любящимъ юношей. — Самъ же, наконецъ, Князь Шаховской такъ драматически обдѣлалъ Шекспирова Фальстафа, что уничтожилъ совсѣмъ это лицо. Драматическіе эффекты во вредъ типамъ и характерамъ, просто, развратъ, служеніе грубому вкусу массы, а не искусству.

Кто изъ насъ не читалъ «Айвенго», даже въ сѣромъ и неопрятномъ московскомъ переводѣ — кто не помнитъ и этого могучаго, полного жизни и силы, гордаго Храмовника, съ его бѣшеною страстью къ прекрасной Еврейкѣ — и этой Еврейки, съ ея смиренною любовью къ честному и простому Айвенго, и этого чуднаго короля Ричарда, и закоренѣлаго въ саксонскихъ предрасудкахъ благороднаго Тана Седрика, съ его шутовъ Вамбою, съ его домочадцами: а Еврей Исаакъ, а Робинъ-Гудъ, а старшій, величавый магистръ Храмовниковъ съ его мудрыми рѣчами? Въ особенностѣ Храмовники изображены великимъ романистомъ съ непостижимою вѣрностью: таковы были всѣ они, эти величавые рыцари, эти первые протестанты въ католическомъ феодалномъ мірѣ. Таинственное ученіе этого ордена, его трагическая судьба, мудрость его старыхъ представителей и незнающая предъволь жажда жизни и наслажденій въ лицѣ молодыхъ, все это бросаетъ особый интересъ въ романъ и на неукротимаго Бриана, и на осторожнаго Луку Бомануара. — Невольно принимаешь участіе даже въ дикой страсти этого мужественнаго, гордаго, свободнаго командера — невольно досадно, что очаровательная Ребекка любитъ не его, а героя романа, который, какъ всѣ герои романовъ стараго шотландскаго барда — наивно простъ до притворности, вѣсть съ своей возлюбленной Ровеной.

Обратимся теперь къ сценическому выполненію этого романа. Первое мѣсто, по всей справедливости, принадлежитъ здѣсь нашей молодой артисткѣ В. В. Самойловой, въ роли Ребекки. Таковой глубоко обдуманной и отчетливой игры, дай Богъ и самой опы-

ной актрисѣ. — Мы даже не знаемъ, что въ особенности должны мы замѣтить въ ея игрѣ — сцены ли съ Брианомъ, полныя суровой гордости и презрѣнія, нѣжное ли участіе къ Айвеноу, величіе ли благородства и невинности передъ судилищемъ; поражающее ли такую скорбю прощаніе съ тѣмъ, кого она любила такъ глубоко, такъ скрытно... Полагаемъ одно только, что лучше эта превосходная роль сыграна быть не можетъ.

Роль короля Ричарда не велика — по то, что изъ нея сдѣлалъ нашъ великій артистъ, превзошло всё ожиданія. Понеремѣнно и грозный, какъ Божій мечъ, и простодушно беселый, какъ средне-вѣковой менестрель, и человѣчески-нѣжный съ своимъ благороднымъ другомъ — онъ былъ именно этотъ Ричардъ, сильный какъ левъ, великодушный какъ левъ.

Роль шута Вамбы *Самойловъ* умѣлъ выполнить такъ, что въ этомъ шутѣ не было и тѣни сходства съ шутомъ въ «Королѣ Лирѣ». Радуетъ всего болѣе тому такту, съ которымъ этотъ артистъ угадываетъ лицо и посредствомъ котораго, онъ умѣетъ отдѣлять извѣстный характеръ отъ другихъ подобныхъ характеровъ. *Г. Мартыновъ* превосходно понялъ и передалъ Адельетайна.

Г. Григорьевъ 1-й, артистъ вообще замѣчательный; превосходно создалъ роль Тука *Г. Третьяковъ*; по обыкновенію; добросовѣстно и умно сыгралъ роль Робинъ-Гуда. *Г. Славинъ* былъ хорошъ въ маленькой роли Великаго Магистра Храмовниковъ.

Но читатели, вѣроятно, удивятся, что, говоря о второстепенныхъ типахъ романа, мы не говоримъ ни слова ни о командорѣ Брианѣ, ни о Танѣ Седрикѣ, ни о самомъ героѣ пьесы. Увы! всё лучшее типы пропали, — а жаль! Брианъ былъ *хорошъ собою*, и славно дрался!... Леди Ровена... она, можетъ-быть, и заслуживала быть выбранной на турниръ, — но право, мы были вполне согласны съ принцемъ Иоанномъ (кстати, *г. Максимовъ* 1, былъ очень хорошъ и въ этой ничтожной роли), который, въ противность всемъ законамъ католической пристойности, хотѣлъ было выбрать въ царицы любви и красоты жидовку Ребекку. О *г. Бряско* (Исаакъ) мнѣніе наше слишкомъ извѣстно, чтобы безпрестанно повторять его.

3) Въ этомъ мѣсяцѣ было возобновлено нѣсколько новыхъ пьесъ и дано, разумѣется, нѣсколько любимыхъ старыхъ, въ которыхъ такъ неподражаемъ нашъ гениальный *Мартыновъ*; гениальный — это настоящее слово, въ отношеніи къ артисту, хотя, къ счастью, еще молодому, но шагнувшему слишкомъ далеко на своемъ поприщѣ. Но о немъ у всей публики мнѣніе одинаково —

и намъ гораздо интереснѣе поговорить о *Н. В. Самойловой*, которая была очаровательно мила въ одномъ изъ возобновленныхъ водевилей: *Мельничиха въ Марли*. У *Н. В. Самойловой*, кажется, много соперницъ, которымъ такъ же апплодируетъ извѣстная часть публики, и эта извѣстная часть какъ то считаетъ себя въ правѣ не находить въ ней той высокой степени таланта, какую находятъ другая. Слѣдовательно — не талантъ конечно, но степень таланта нашей артистки — пунктъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ спорный, хотя вовсе не для насъ. Для насъ, напротивъ, не подлежатъ сомнѣнію слѣдующіе факты: а) ее одну, и исключительно ее, человекъ съ здоровымъ вкусомъ можетъ видѣть въ роляхъ переодѣванья, занимающихъ такое важное мѣсто въ нашемъ и современномъ французскомъ театральномъ репертуарѣ. Нѣкоторые господа, съ какой то аскетической точки зрѣнія смотрящіе на искусство, сѣтовали, что въ этихъ роляхъ переодѣванья она становится слишкомъ развязна. Странное понятіе объ искусствѣ, вполне достойное вѣка de la renaissance, придумавшего фестончики и цвѣтки для древнихъ цѣломудренно-загихъ изваяній. Только *Н. В. Самойлова* исключительно покажетъ можетъ занимать роли волевиныхъ кокетокъ, молодыхъ женъ и проч. Въ нихъ, она иногда можетъ состязаться даже и съ *В. В. Самойловой*, хотя, повторимъ опять, талантъ ея исключительно водевильный. Напомнимъ для этого водевилей: *Чего на свѣтѣ не бываетъ* и *Въ людяхъ ангелъ не жена*. Въ послѣднемъ въ-особенности, въ трудной роли молодой капризной женщины, въ ея игрѣ столько простоты, неожиданности переходовъ, столько драматическихъ порывовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда столько граціи и благородства. Артистку водевильную, равную г-жѣ Самойловой 1 я, можетъ-быть, даже выше ея, мы видѣли только въ незабвенной *Н. В. Рѣпиной*.

БЕНЕФИСЪ Г-ЖИ ДЮРЪ.

4) *Клятва*, оригинальная драма—водевиль. *Нищій*, оригинальная драма. *Приключенія въ маскарадѣ* (*Un mari, qui se derange*). *Цырюльникъ на Пескахъ* и *парикмахеръ съ Невскаго-Проспекта*, водевиль.

Извѣстно, что такое и какъ въ наше время пишутся разныя оригинальныя драмы и комедіи. Ничего нѣтъ легче въ наше время, какъ быть драматическимъ писателемъ. Ходите часто въ театръ, изучайте всѣ тѣ опошленные отъ повторенія, но тѣмъ

не менѣе дѣйствительные эффекты, которыми исторгаются рукоплесканія и даже, пожалуй, слезы у добрыхъ, сытно покушавшихъ зрителей; еще лучше, изучите таланты актеровъ и пишите на эти таланты, какъ на музыку либретто — и вы драматургъ изъ драматурговъ! Но, бѣда вамъ, если ваше созданіе не провѣяно на сквозь пошлостью этихъ изношенныхъ эффектовъ, если тихое и, часто, грустное, оно было для васъ самихъ разрѣшеніемъ какого нибудь тяжелаго нравственнаго вопроса: вопроса этого не поймутъ, стремленія этаго не оцѣнятъ, образы, вызванные вами, пройдутъ незамѣченные, или будутъ встрѣчены смѣхомъ, какъ слишкомъ новые. Да и къ чему вопросы среди этого общаго самодовольства, къ чему *Grübeleien* (выражась словомъ Искандера) на этой ровной, гладкой поверхности?.. Невольно пришелъ намъ въ голову этотъ вопросъ, отъ двухъ новыхъ оригинальныхъ драмъ, изъ которыхъ одна цѣлкомъ взята изъ драмы (тоже хорошей драмы) *Русскій человекъ добро помнитъ*, а другая обязана бытіемъ своимъ *Театральному музыканту и княгинь*. Эта послѣдняя была трудомъ добросовѣстнымъ, который можно упрекнуть только за слишкомъ сладкое возрѣніе на жизнь — а ея подражаніе — но вообразите себѣ сами, чтò это за штука, въ которой перъ Франціи и графъ приходитъ въ Россію нищимъ, снимаетъ проклятіе съ дочери, бѣжавшей съ русскимъ княземъ, и кромѣ того, на чемъ свѣтъ стоитъ ругаетъ Францію. И между тѣмъ такова сила таланта г. Самойлова, что, не смотря на желчь, разливавшуюся въ насъ отъ этихъ двухъ оригинальныхъ драмъ, мы не могли не удивляться ему въ роли нищаго. И почему бы, ему, талантливому артисту-художнику, съ его невѣроятною способностью создавать типы, не взялся, вмѣсто такой глупо-ничтожной роли, за роль, хоть напримѣръ, Шекспирова Шейлока, за роль Квазимодо, наконецъ, — боимся парадоксальности — за роль *Ричарда III-го*. Грустно видѣть, когда на ничтожный вздоръ, оскорбляющій и здравый смыслъ и эстетическое чувство, тратятся такія силы таланта.... Кто виноватъ, спрашиваемъ мы безпрестанно, въ печальномъ состояніи нашего театра? Ужъ не сцена ли, богатая талантами во всѣхъ родахъ, не дирекція ли, съ добросовѣстнѣйшею заботливостью монтирующая каждую піесу?... Виновата русская драма, виноватъ упадокъ искусства, виновато время, когда *писать* перестало быть синонимомъ съ *думать*, виноватъ вкусъ публики, до крайности развращенный романтиками. Справедливость требуетъ сказать, что бенефициантка была прекрасна въ роли дочери пера Франціи.

Un mari qui se dérange — премиленькая комедія, темного растянутая, правда, но за то слава Богу, не оригинальная. Превосходна была г-жа Самойлова 2, въ роли жены, сыгранной съ дивною простотою; до очарованія была она прекрасна въ маскарадѣ; трудно соединить въ себѣ столько порывовъ и вмѣстѣ столько граціознаго кокетства, какъ соединяетъ она въ этой роли. Это просто *chêf d'oeuvre*, — вы не оторветесь глазами и слухомъ отъ обаянія ея игры. Г. Максимовъ былъ чрезвычайно хорошъ, т. е. не прибѣгалъ ни къ какимъ утрировкамъ, а предавался только внушенію своего таланта. Г. Мартыновъ, какъ всегда, былъ художникомъ въ роли доктора. г. Сосницкій прекрасно выполнилъ роль Состена.

Водевиль *Цирюльникъ на Пескахъ* былъ бы не дурень, если бы не былъ усѣянъ остротами, непонятными никому, кромѣ публики *высшихъ словъ* театра, какова напримѣръ *острота* (!!) о бритѣ пуделя. Разыгранъ онъ былъ чудесно.

5) Въ этотъ мѣсяцъ, кромѣ своихъ собственныхъ блестящихъ композицій, почтенный В. М. Кажинскій подарилъ публику прекраснымъ исполненіемъ Россиніевскаго Вильгельма-Теля. Жаль, что большая часть массы не въ состояніи еще достойно оцѣнить благородныхъ подвиговъ капельмейстера. Мы называемъ это подвигами, ибо какъ же иначе назвать труды человека, страстно любящаго свое дѣло; кто знаетъ блестящія трудности инструментовки этой великолѣпной увертюры, тотъ будетъ пріятно изумленъ отчетливостію выполненія ея оркестромъ Александринскаго театра.

6. *Кинъ*, драма А. Дюма. Недавно еще была возобновлена эта драма на нашей французской сценѣ для перваго дебюта г. Давлуи, и «Репертуаръ» отдалъ въ свое время отчетъ объ этомъ замѣчательномъ артистѣ. Роль Кина одна изъ самыхъ благодарныхъ драматическихъ ролей, — болѣе еще, — одна изъ такихъ ролей, которыя каждый артистъ играетъ съ невольною любовію. Несмотря на всю нелѣпость интриги, на все удивительное коверканье историческихъ данныхъ, которымъ вообще отличаются драмы и романы г. Александра Дюма, нельзя не признать въ нихъ вообще и въ первыхъ его драмахъ въ особенности, высокой степени драматическаго движенія, иногда даже лихорадочнаго движенія. Яркіе, хотя почти всегда форсированные характеры, страстный и вмѣстѣ простой языкъ его піесъ, — вопросы, которые пытается онъ разрѣшать, все это заставляетъ часто забыть запутанность и нелѣпость положеній. Послѣ великаго В.

Гюго, Аюма естественно первый драматургъ нашей эпохи. Но, перейдемъ къ его Кину и въ особенности къ исполненію его на нашей сценѣ. Кина самаго игралъ, разумѣется, нашъ великій трагикъ, и мы считаемъ обязанностью высказать искренно наше мнѣніе объ игрѣ его въ этой роли, уважая или, лучше сказать, благоговѣя передъ его громаднымъ талантомъ. Въ первомъ актѣ мы имѣли причины оставаться имъ недовольнымъ. Каратыгинъ и Мочаловъ—дурны во фракахъ, это вопросъ давно рѣшенный—и не объ этомъ рѣчь. Кромѣ этого, въ игрѣ нашего артиста не доставало того *arabesque*, той гордой самоувѣренности и виѣстѣ той *politesses exquise*, съ которыми Кинъ входитъ въ аристократическій салонъ для того, чтобы спокойно-нагло отдать любовное письмо жещинѣ, которую онъ знаетъ только, какъ обожательницу своего таланта; еще болѣе, зачѣмъ въ минуту, когда Еледа читаетъ его письмо, онъ говоритъ въ-сторонѣ съ графомъ Кефельдомъ и герцогомъ? Давли, по нашему мнѣнію, несравненно лучше велъ всю эту сцену; — изъ нашихъ артистовъ мы видали также очень недурнымъ въ ней г. Славина.... Но зато, второй актъ, сцена съ Анной Демби, исповѣдь души артиста—это была уже не игра: намъ становилось истинно грустно отъ простоты, отъ глубокаго чувства, съ которымъ была говорена эта исповѣдь—безъ криковъ, безъ эффектовъ, съ тихою грустью о самомъ себѣ, съ вѣжливымъ отеческимъ сожалѣніемъ къ Аннѣ.... Страсть артиста прорвалась только въ словахъ: «Мнѣ оставить театр!»—въ этомъ моцологѣ, такъ кетати, оконченомъ рукописканими,—и страсть эта прорвалась истинно возвышеннымъ порывомъ. Въ третьемъ актѣ... но нечего и говорить, какъ хороша Каратыгинъ въ этомъ третьемъ актѣ, хороша вездѣ, и добродушный съ канатными плясунами, и веселый съ констаблемъ, и грозный, величавый съ Мевилемъ. Въ четвертомъ актѣ, на нашего трагика падалъ обыкновенно упрекъ, за жестъ, который онъ дѣлаетъ, говоря эти слова: «пу, вляча, благо тебя взвудали, ступай пахать своего Шекспира» — но этотъ упрекъ лишень здраваго смысла, и тѣ, кто его дѣлали и дѣлають, забываютъ, что Кинъ — актеръ, актеръ вездѣ, даже наединѣ съ самимъ собою, что привычка къ сценѣ, къ театральнымъ подмосткамъ, необходимо, всегда заставляетъ человѣка сопровождать слова соответствующими жестами—потому то Каратыгинъ и выше всѣхъ другихъ господъ игравшихъ Кина, что его глубоко-артистическая натура нигдѣ и никогда не позволяетъ ему забывать о Кинѣ-актерѣ, даже къ минуты, когда актеръ только человѣкъ. *Цѣлители и судьи* никакъ

не хотѣли обратить вниманія на это маленькое обстоятельство, а въ немъ то и вся сила. Сцена представленія и сумасшествія — какъ и всегда, была верхомъ совершенства.

И столько же, сколько нашъ Каратыгинъ выше Давлуи, столько же и наша Анна Демби была выше, трогательнѣе, идеальнѣе, грустнѣе г-жи Луизы Майеръ. Все до послѣдняго движенія было художественно обдуманно и выполнено В. В. Самойловой. Нѣмая сцена, когда она отдаетъ шляпку и вуаль, исторгла общій взрывъ рукоплесканій — да и нельзя иначе.... это глубокое, сосредоточенное страданіе, это оцепѣненіе, эта выразительная мимика лица стѣили цѣлою тирады. Много, слишкомъ много дано нашей молодой артисткѣ, нельзя не пожалѣть, что часто расточается на вздоръ ея превосходное дарованіе.

Г. Сосницкій до того естественно сыгралъ роль Соломона, что въ минуту, когда онъ зоветъ театральнаго доктора, зрители какъ будто повѣрили этому....

Все остальное — у Французовъ было лучше, но за то у нихъ не было такихъ *трехъ* главныхъ лицъ драмы.

БЕНЕФИСЪ Г. САМОЙЛОВА.

7) *Майко*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Н. Беклемешева. Вахтангъ—г. *Каратыгинъ* 1, Майко—г-жа *Самойлови* 2, Гиго—г. *Смирновъ* 1, Леванъ—г. *Славинъ*, Марта—г-жа *Линская*.

Драма *Майко* произведеніе московское, хотя и взята изъ повѣсти г. Каменскаго; она писалась нѣкогда для *Мочалова* и въ особенности для г-жи *Орловой*, восхищавшей тогда московскую публику въ роли Майко. И въ-самомъ-дѣлѣ, не-смотря на слишкомъ вычурный характеръ, на слишкомъ пестрый языкъ, и можетъ-быть даже благодаря этимъ качествамъ, драма *Майко* имѣла успѣхъ огромный: то было цвѣтущее время *Мочалова*, этого человѣка, который заставлялъ ругать себя въ двухъ актахъ *Гамлета*, для того, чтобы въ третьемъ вы вскочили съ мѣста отъ ужаса, этого геніальнаго уродя, глубоко-грустнаго *Мейнау*, обаятельнаго и страстнаго *Фердинанда*. И кто видѣлъ *Мочалова* въ роли Вахтанга, въ роли, писанной чисто для него, тому не забыть ни перваго явленія, когда, почти задохнувшійся отъ огнедышащей азіятской страсти, онъ останавливается въ дверяхъ, не въ силахъ сказать ни слова, ни словъ—«она была моею», ни мрачнаго лица этого человѣка передъ судомъ; о г-жѣ *Орловой* не скажемъ мы ни слова, потому что, признаемся откровенно,

никогда не принадлежали къ числу ея поклонниковъ, особенно же въ ту эпоху, когда на московской сценѣ еще сіяла звѣзда первой величины — несравненная гениальная Н. В. Рѣпина... Рѣпина и Мочаловъ! кто помнитъ ихъ, кто помнитъ Вахтанга и безумную дурочку въ Рославлевѣ, тотъ, вѣрно, никогда не забудетъ такихъ потрясающихъ впечатлѣній.... Но вотъ поднялся зававѣсъ.... передъ нами явилась молодая, простодушная Грузинка, почти ребенокъ, съ любовью къ своему Гиго, съ ужасомъ передъ палящей страстью Вахтанга: первый актъ прошелъ очень хорошо благодаря всегда превосходной игрѣ нашего трагика, благодаря умѣнью г-жи Самойловой 2, создавать роль изъ самыхъ ничтожныхъ данныхъ. Но потрясающаго впечатлѣнія, которое произвела на насъ игра артистки въ 2-мъ актѣ, право, нельзя почти описать словами, тѣмъ болѣе, что это впечатлѣніе было вовсе неожиданно; слезы и мольбы передъ Вахтангомъ, трепеть робкой лани, настигнутой охотникомъ, оскорбленная невинность женщины.... все это передавалось дивно голосомъ и мимикой превосходной артистки, все это не можетъ быть передано бумагѣ. А сцены безумія въ третьемъ, не форсированнаго безумія, но безумія простаго, тихаго, задумчиваго — вопросъ о кушакѣ, и нѣмая игра, исторгнувшая взрывъ рукоплесканій даже у массы, привыкшей хлопать тамъ только, гдѣ люди кричатъ, обнимаются и дерутся.... невольно хотѣлось какъ то повторить извѣстныя слова Лаарта объ Офеліи! Г. Каратыгинъ 1, по самой натурѣ своей, высоко-артистической но антично-артистической не произведетъ никогда того страннаго впечатлѣнія, которое оставляютъ въ душѣ свѣтлыя минуты Мочалова, но онъ, можетъ быть, болѣе удовлетворитъ всякаго, кто смотритъ на искусство серьезно: мы восхищались имъ съ перваго слова до послѣдняго, ибо, какъ всегда, онъ былъ прекрасенъ, страстенъ, великъ. Г. Смирновъ 1 весьма недурно выполнилъ роль Гиго, лучшее доказательство, что этому артисту съ его прекрасною сценическою наружностью, пужно только стараніе и любовь къ искусству, въ особенности послѣднее, ибо безъ этого свѣточа закрыты всѣ достоинства, ибо любовь — огонь Прометея, оживляющій изваянія. Г. Славина мы готовы просить отъ лица публики, вовсе равнодушной къ его таланту, не смотря на увѣренія нѣкоего рецензента—играть всегда такъ хорошо, какъ сыграна имъ роль Левана, небольшая, но получившая характеръ отъ одушевленной игры артиста, отъ вѣрности этой игры обычаямъ страны, въ которой происходитъ дѣйствіе и въ особенности отъ обдуманно-

ети словъ; думать, въ-особенности думать свѣтуемъ мы г. Славину, столько же, сколько г. Смирнову 1 ждемъ полюбить искусство. Нельзя также не поблагодарить г-жу Ливскую за созданіе роли старой колдуньи, именно потому, что въ игрѣ было видно созданіе.

Оберъ-кухмистеръ Фельтенъ, водевиль покойнаго Н. И. Хмельницкаго не понравился александринской публикѣ, хотя былъ разыгранъ прекрасно.

Црть денегъ дайте сдачи, мнѣ не съ чѣмъ ѣхать съ дачи! Творецъ неба и земли, кто бы подъ этимъ глупо-смѣшнымъ, лишеннымъ здраваго человѣческаго смысла заглавіемъ угадалъ премиленькій водевиль *Riche d'amour*, если бы объ этомъ не напомнил — г. Самойловъ и г-жа Самойлова 1 своею умной, благородной игрою и г. Григорьевъ 1 той жизненностью, тѣмъ одушевленіемъ, которыя онъ умѣетъ придавать каждому характеру. Но побойтесь же.... здраваго смысла гг. драматурги; за что вы урокуете порядочныя пьесы нещпыми, балагандными заглавіями въ родѣ настоящаго водевиля или комедіи: *Дома ангелъ съ женой, дома смотритъ сатаной!* Ужъ если вамъ необходимы эффектные названія, то поучитесь имъ хоть у г. Левскаго, у котораго они, по-крайней-мѣрѣ, очень остры.... Г. Самойловъ игралъ прекрасно, но это — роль не его и онъ былъ какъ-то не въ своей тарелкѣ, хотя, повторимъ опять, трудно исполнить эту роль добросовѣстнѣе, умнѣе, благороднѣе г. Самойлова.

Въ дивертисманѣ — слѣдующемъ съ нѣкотораго времени общему принадлежностью бенефисовъ, мы съ истицинымъ наслажденіемъ прослушали прекрасную пѣсню г. Львова изъ *Опѣнда*, спѣтую г-жею Самойловою 1-ю.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

а) Французскіе спектакли.

БЕНЕФИСЪ Г-НА УДИНО (Oudinot).

1) *EDOUARD EN ECOSSE OU LA NUIT D'UN PROSCRIT* (Эдуардъ въ Шотландіи или ночь изгнанника), *drame en trois actes*. 2) *L'OCTOGÉNAIRE*, *vaudeville en un acte*. 3) *LA FEMME ÉLECTRIQUE* (Электрическая женщина), *vaudeville en un acte*.

Драма, не смотря на участіе въ ней г-жи Плесси, не имѣла никакого успѣха. *L'octogénaire* мнелеская пѣска, въ которой бенефициантъ заплмалъ главную роль, очень понравилась публикѣ, благодаря милой игрѣ г-жи *А. Майеръ*. Что касается до г-на *Удино*, то онъ исполнилъ эту роль не лучше и не хуже прочихъ ролей своихъ, т. е. слабо. Дикція г-на Удино утомительна. *La femme électrique*, пошлый фарсъ, наполненный довольно неприличными двусмысленностями и островами, имѣлъ однакоже нѣкоторый успѣхъ.

БЕНЕФИСЪ Г-НА АЛЕКСАНДРА (Alexandre).

1) *M-LLE DE LAFAILLE* (Серафима Лафайль), *drame en cinq actes*. 2) *L'AUBERGE DES ADRETS OU ROBERT MACAIRE* (Адретскій трактиръ или Робертъ-Макарь), *vaudeville en deux actes*. 3) *LA JEUNE FEMME COLÈRE*. (Вспыльчивая женщина) *comédie en un acte*.

О *M-lle Lafaille* говорено уже не разъ въ нашей лѣтописи, и потому мы ограничимся нѣсколькими словами о ходѣ пѣсы.

Г-жа *А. Майеръ* исполнила роль Серафимы очень хорошо. Г-нъ *Бертонъ*, въ роли *Жоржа де-Гаранъ*; былъ недурень и особенно понравился публикѣ, въ 3-мъ актѣ. Г-ну *Александрю* (Кардиналь де-Ришелье) апплодировали по обыкновенію. Г-нъ *Алланъ* былъ особенно хорошъ въ сценѣ трактира. Пѣса вообще шла очень хорошо, т. е. такъ, какъ и всегда.

Robert Macaire ou l'auberge des Adrets. Личность Робертъ-Макаера, имѣющая историческое начало, получила въ послѣднее время, подъ карандашемъ французскихъ каррикатуристовъ, совершенно новый характеръ и сдѣлалась типомъ современныхъ

французскихъ *chevaliers d'industrie*. Пьеса эта, имѣющая огромный успѣхъ въ Парижѣ, не можетъ быть вполне оценена нашею публикою, и потому имѣла у насъ успѣхъ весьма незначительный. Бенефициантъ, въ роли Роберъ-Макера, былъ недуренъ, хотя роль эта не входитъ въ составъ его *амплуа*; мы думаемъ, что г-нъ Верне исполнилъ бы ее гораздо лучше, потому что юморъ и живость составляютъ отличительныя черты ея.

Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе третьей пьесы: *La femme jette colere*:

Двое молодыхъ людей только что вступили въ бракъ. Жена имѣетъ чрезвычайно вспыльчивый характеръ, бьетъ фарфоръ и зеркала, рветъ платья и шляпки; мужъ, какъ подобаешь всякому новообращенному, любитъ жену свою безъ памяти, и будучи характера тихаго и миролюбиваго, съ огорченіемъ узнаетъ недостатокъ жены своей и рѣшается исправить ее, во что бы то ни стало. Вотъ какъ онъ успѣваетъ въ этомъ: онъ притворяется также вспыльчивымъ, бьетъ слугъ, бьетъ посуду, ломаетъ мебель и, наконецъ, вызываетъ на поединокъ брата жены своей; всемъ этимъ ему удается показать супругѣ, какой ужасный порокъ вспыльчивость, и она исправляется!

Г-жа Плесси была чрезвычайно граціозна въ роли вспыльчивой жены; г-на Давлуи былъ недуренъ въ роли мужа.

БЕНЕФИСЪ Г-НА ВЕРТОНЪ (Berton).

1) HENRI III ET SA COUR (Генрихъ III и его дворъ), *drame historique en cinq actes et en prose, par Alex. Dumàs*. 2) LES DEUX CAMUSOT, *vaudeville nouveau en un acte par E. Souvestre*.

Александрю Дюма принадлежитъ одно изъ лучшихъ мѣстъ, въ ряду тѣхъ изъ новѣйшихъ французскихъ писателей, которые наиболѣе содѣйствовали къ процвѣтанію романтической драмы во Франціи. Главное, неотъемлемое достоинство его состоитъ въ томъ, что онъ всегда удовлетворяетъ потребности сильныхъ ощущений и любопытства, мучающей новое поколѣніе, и что вмѣсто лицъ бездушныхъ, такъ часто выводимыхъ на сцену, онъ представляетъ зрителямъ лица, полныя жизни и одушевленія. Александръ Дюма обладаетъ даромъ одушевлять созданія своей фантазіи и окружать ихъ извѣстною страстію, которая кипитъ въ немъ самомъ.

Драма Генрихъ III можетъ засвидѣтельствовать справедливость словъ нашихъ. Вся она проникнута какимъ то электричествомъ,

потрясающимъ каждого зрителя. Среди необычайно быстрого прогресса нашего вѣка, многое еще не установилось, и идея искусства не успѣла еще обопредѣлаться съ точностію, и потому многія изъ современныхъ знаменитостей пишущаго міра, стараясь удовлетворить духу и потребности времени, впадаютъ, можетъ-быть, въ большія погрѣшности; но не мѣсто здѣсь толковать о подобныхъ вещахъ, могущихъ завести насъ очень далеко, и потому возвратимся къ нашей драмѣ, которая также грѣшитъ противъ искусства — но имѣетъ большія достоинства, изъ которыхъ первое то, что она очень правится публикѣ.

Роль *Герцогини де-Гюизъ* (de-Guise) исполнила г-жа *Плесси*. Герцогиня де-Гюизъ принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыя въ одинъ часъ переживаютъ болѣе, нежели другія въ годъ, — она женщина минуты; на минуту у нея есть гигантскія силы, желѣзная воля, геройскій характеръ; но пройдетъ эта минута, и она, изъ страстной и сильной, дѣлается слабою и нерѣшительною. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, поняли мы Герцогиню де-Гюизъ въ драмѣ Александра Дюма, и если не ошибаемся, то и г-жа Плесси смотрятъ на это лицо съ той же точки зрѣнія. Игра г-жи Плесси въ первыхъ четырехъ актахъ была слабѣе обыкновенной игры ея, но пятый актъ, и въ особенности сцена, когда она продѣваетъ руку въ скобки дверей, чтобы дать своему любовнику время убѣжать, были верхомъ искусства и истиннымъ торжествомъ его. Страшно было смотрѣть на прекрасное лицо артистки, такъ живо и естественно выражало оно боль и страданіе.

Насъ упрекаютъ въ безусловныхъ похвалахъ г-жѣ Плесси, мы постараемся отвѣтить на это отдѣльною статьею, написанною не крайнему нашему разумѣнію; теперь же будемъ продолжать рецензіи наши въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до сихъ поръ. Недостатки такой артистки, какова г-жа *Плесси*, поучительны, не менѣе ея достоинствъ и потому мы не хотимъ ограничиться простымъ указаніемъ на нихъ.

Г-нъ *Алланъ* исполнилъ роль Генриха III-го очень хорошо; но превратно передалъ характеръ слабаго короля, мастерски очерченный авторомъ.

Г-нъ *Давлуи*, въ роли герцога Гюиза, былъ недурень, но въ нѣкоторыхъ сценахъ слишкомъ манеренъ. Г-ну Давлуи много вредитъ на сценѣ излишество часто неумѣстной жестикуляціи и провинціальность манеръ. Въ роли герцога де-Гюиза недостатки эти выказались яснѣе нежели въ другихъ роляхъ: прилично ли, напр., герцогу де-Гюизу, суровому и жестокому воину,

принимать позы кордебалетного танцовщика или безпрестанно щелкать шпорами, подобно армейскому франту? Впрочемъ къ г-ну Давлуи начинаютъ привыкать, и еслибъ онъ постарался исправить манеры свои, то нѣтъ сомнѣнiя, что приобрѣлъ бы любви публики.

Бенефициантъ былъ встрѣченъ аплодисментами и въ этотъ разъ вполне заслужилъ ихъ. Г-нъ Бертоиъ очень молодъ, и могъ бы сдѣлаться замѣчательнымъ артистомъ, потому что у него нѣтъ недостатка въ средствахъ; но онъ не старается развивать своего дарованiя и не хочетъ отучить себя отъ нѣкоторыхъ привычекъ, могущихъ вкорениться и съ которыми нелегко будетъ ему послѣ раздѣлаться. Крайне неживописныя позы, неуклюжая походка и неправильная дикция, много вредятъ его таланту.

Г-жа Коррежъ исполнила роль *Екатерины Медици*. Мы должны сознаться, что г-жа Коррежъ употребила для исполненiя этой роли всѣ свои средства.

Роль астролога *Руджигери* исполнилъ г-нъ *Александръ*; эта роль не шла къ нему.

Les deux Camuzots. Генрихъ де-Савиньи, влюбленный въ миссъ Лилю Кильдаръ, пользуется отсутствиемъ учителя каллиграфiи Камюзо, поселяется въ его квартирѣ, пропикаетъ подъ его именемъ въ пансионъ, въ которомъ воспитывается миссъ Лилля и, наконецъ, увозитъ ее, все-таки подъ именемъ Камюзо. Истинный же Камюзо, уѣзжавшiй въ провинцію, для того-чтобы разорвать связь съ одной дѣвушкой, на которой его хотѣли женить, возвращается въ это время въ Парижъ, съ намѣренiемъ вступить въ законный бракъ съ дочерью собрата по наукѣ, г-на Буде. *Лордъ Кильдаръ*, братъ Лилли, принимаетъ его за похитителя сестры, г-нъ Буде называетъ его измѣнникомъ и развратникомъ, и изъ всего этого выходитъ столько забавныхъ quiproquo, что публика смѣется до упада. Пьеска имѣла успѣхъ и обязана имъ г-ну Руже и и г-жѣ Луизѣ Додель. Г-да Пешена и Алермъ занимали незначительныя роли. М-ле Анна, играла Англичанку и говорила по англiйски, вотъ все, что мы можемъ сказать о ней.

В ПЕТРОВЪ.

b) Немецкіе спектакли.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ прибылъ въ Петербургъ первый комикъ одного изъ Вѣнскихъ театровъ г-нъ *Вальнеръ*; ему предшествовала огромная слава, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали его. Видѣвъ г-на Вальнера въ нѣсколькихъ пѣсахъ, мы можемъ высказать наше о немъ мнѣніе.

Мы видѣли г-на Вальнера въ французскихъ водевиляхъ и въ оригинальныхъ немецкихъ комедіяхъ, въ первыхъ онъ былъ не выше посредственности, во вторыхъ онъ былъ очень хорошъ и въполнѣ достоинъ предшествовавшей ему славы. Въ особенности хороши г-нъ Вальнеръ въ мѣстной австрійской комедіи; мастерски поетъ національныя пѣсни и прекрасно читаетъ. Мы чрезвычайно обязаны г-ну Вальнеру за то, что съ прїѣздомъ его рѣже стали являться на нашей немецкой сценѣ французскіе водевилли и пестровы сантиментальныя драмы и трагедіи; признаемся откровенно, что вовсе не раздѣляемъ восторга публики нашей къ современной немецкой драмѣ и трагедіи. Не знаемъ, какъ исполняются эти драмы и трагедіи въ Германіи, но наши артисты все еще строго придерживаются такъ называемой классической игры; къ которой такъ хорошо примѣняется куплетъ одного изъ водевилей *Д. Ленскаго*:

Вотъ я вамъ дамъ сейчасъ урокъ,
Смотрите и перенимайте.
Во-первыхъ, руки въ потолокъ
И шире взоръ раздувайте!
Ужъ тотъ-часъ видно что герой;
Смотрите брови какъ играютъ!...
Въ трагедіяхъ, почтенный мой,
Не то что ходить — выступать!

Д. Ленскій. (П. С. Мочаловъ въ провинціи).

Хотя куплетъ этотъ можетъ показаться читателямъ нашимъ сарказмомъ, слишкомъ преувеличеннымъ, онъ передаетъ однако же довольно вѣрно недостатки исполненія немецкихъ драмъ и трагедій; недостатки смѣшные, но, къ удивленію нашему, нравящіеся публикѣ.

В. ПЕТРОВЪ.

III.

БОЛЬШОЙ-ТЕАТРЪ.

(Сообщено).

БАЛЕТЫ И РУССКАЯ ОПЕРА.

16-го сентября.

Сильфида, балетъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Роль Сильфиды занимала въ первый разъ г-жа Санковская. Роль Джемса, въ первый же разъ, г-нъ Монтасю. — швейцарская хижина, опера въ одномъ дѣйствіи.

Сильфида!... Санковская!... Что подумали мы, увидѣвъ эти имена въ первый разъ на петербургской афишѣ?... Санковская у насъ танцуетъ!... Какъ то ее примутъ?... Какъ то она понравится?... Это интересно. Всѣ знаютъ, что Санковская въ Москвѣ пользуется огромною славою, но вѣдь знаютъ также, какъ иногда и пріобрѣтается эта слава... Повѣрить самому, лично удостовѣриться въ справедливости слуховъ, вотъ что побудило насъ взглянуть на первое представленіе балета. Удостовѣриться лично.... это много значить, а главное безпристрастно, не такъ, какъ Москвичи, которые обожая свое собственное, не всегда отдають справедливость петербургскому. Не такъ это дѣлается у насъ: примѣръ тому Щепкивъ, а теперь еще Санковская. Мы всегда рады хвалить хорошее. Давайте намъ только его, а за нами дѣло не станеть.

Театръ былъ полнехонекъ. Всякій хотѣлъ видѣть талантъ Санковской сравнительно съ Смирновой; но можно ли ихъ сравнивать?... Санковская — намъ кажется, такъ сказать, идея художника, быстрая, жгучая, пламенная.... Смирнова же — это исполненіе этой великой идеи.... это пластика.... античное, изящное исполненіе....

Г-нъ Монтасю, весьма полезное пріобрѣтеніе для московской сцены. Разумѣется, трудно судить о танцорѣ по первому его дебюту, но довольно было видѣть *pas-de-deux* его съ Санковской во 2-мъ актѣ, чтобы имѣть понятіе объ его талантѣ. Мимика, изученіе и трудность его позъ заслуживаютъ особенное вниманіе. Не говорю, разумѣется, о *tours-de-forces*, которые онъ,

выполнялъ съ рѣдкимъ искусствомъ; это можно скорѣе отнести къ ремеслу, чѣмъ къ искусству. Тутъ нужна сила, изученіе, а главное навѣкъ. Хотя болѣе части публики это нравится болѣе самаго художнически-изученнаго па или пируета, но такую публику увѣрять, что она ошибается, значитъ самому дѣлать глупости....

Передъ балетомъ давали оперу: *Швейцарская хижина*. Наши оперные артисты дѣлали, что могли. Конечно, съ прибытіемъ италіанской труппы, могутъ ли они ожидать энтузіазмовъ, но публика не перестала и ихъ любить.... *Артемовскій* и *Лиллева* были вызваны. Также очень недурень былъ здѣсь г-нъ *Стрельскій*.

22-го сентября.

ФРА-ДЬЯВОЛО, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Представленіе это замѣчательно только тѣмъ, что оно было послѣднее, данное русскими оперными артистами въ этотъ сезонъ. Они уѣхали въ Москву, гдѣ, вѣроятно, будутъ привлекать многочисленныхъ посѣтителей. Дай имъ Господь!... Слышно, что къ бенефису г-на *Петрова* возобновляютъ въ Москвѣ съ великолѣпнѣйшей постановкой «*Роберта*». Честь и слава Дирекціи Театровъ.

29-го сентября.

ВОЗСТАНІЕ ВЪ СЕРАЛѢ, балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Балетъ этотъ всегда нравится и привлекаетъ публику. Монтировка и обстановка его, въ-самомъ-дѣлѣ, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Г-жа *Никитина* занимала роль Зюльмы, и выполнила ее хорошо. Солистки исполняютъ свое дѣло добросовѣстно и съ успѣхомъ. Особенно же была хороша г-жа *Яковлева*. Вообще весь кордебалетъ составленъ съ удивительнымъ тщаніемъ.

Превосходно постановленные въ концѣ 3-го акта военныя эволюціи были исполнены, какъ и всегда, воспитанницами Театральнаго Училища съ необыкновеннымъ искусствомъ.

Въ антрактѣ между 2-мъ и 3-мъ актами игралъ г-нъ *Вьѣтанъ* фантазію Беріо на тему изъ Бетховена. Мы еще не слыхивали подобнаго скрипача: варіаціи его истинно изумительны. Съ какой силой и душой выражалъ онъ въ этотъ вечеръ знаменитое твореніе Бетховена, сколько чувства было въ игрѣ его! Ор-

кестръ Большаго-Театра всегда былъ составленъ изъ первоклассныхъ артистовъ, но никогда еще не имѣлъ солиста, подобнаго Вьѣтану.

Октября 6-го.

дая или португальцы въ индiи, балетъ 2-хъ дѣйствiяхъ.—Второй актъ ФЕНЕЛЛЫ.

Мы были очень довольны оперой. Жалѣли, что данъ былъ только второй актъ, а не всѣ. Эта опера, выдержавшая представленiй больше всякой итальянской и русской оперы, не можетъ никогда надобѣсть. Приняли ее и въ этотъ вечеръ превосходно. Любителей нашлось множество. *Голландъ*, хотя уже и потерявшiй голосъ, былъ тутъ очень хорошъ. *Опъ* и *Ферзингъ* были вызваны.

Въ балетѣ, намъ понравилась г-жа *Смирнова*, особенно въ *pas de deux* съ *Югансономъ*, въ первомъ актѣ, и *pas de trois* во второмъ актѣ. Тоже были здѣсь хороши г-жи *Яковлева* и *Приступова*, на долю которой досталось въ этомъ балетѣ довольно хлопотъ. *Югансонъ* былъ удивителенъ. Его пируеты и антрша истинно поразительны. Въ *Кузнецовъ* видно что то въ родѣ дарованiя. Онъ еще молодой артистъ, и отъ него зависитъ воспользоваться и развить то, чѣмъ его наградила природа.

Въ этомъ балетѣ, мы, къ сожалѣнiю нашему, не совсѣмъ то остались довольны г-жею *Никитиной*. Танцую *pas de cinq*, въ концѣ 2 акта, съ г-жами *Смирновой* и *Яковлевой*, она рѣзко отличалась отъ нихъ, и не въ свою пользу. Отъ чего же это происходило? Оттого ли, что этотъ родъ *pas*, какъ бы не характеренъ ей, какъ бы то ни было, а мы тутъ рѣшительно не можемъ объ ней такъ отозваться, какъ въ *Возстанiи въ Серадль*. Даже замѣтно было нѣкоторое напряженiе въ танцахъ, не совсѣмъ правильное округленiе рукъ, и нѣкоторые другiе недостатки, на которые она должна обратить особенное вниманiе.

Балетъ *Дал* замѣчателенъ тѣмъ, что онъ есть послѣднiй, поставленнiй на нашу сцену знаменитымъ балетмейстеромъ и хореографомъ Тальони.

А. АНДРЕЕВЪ.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Свѣтла ночь чудная востока!
Съ роскошныхъ пажитей, у стады,
Три звѣздочета, три пророка
На звѣзды ясны глядятъ.
Надъ ними, данниками тлѣнья,
Въ неизмѣримой вышины,
Горятъ, не тлѣвшия, огнѣ —
Святыя писмена творенья!
Смпреннымъ пастырямъ, въ глуши,
Души необоримымъ силамъ
И созерцаніямъ души —
Завѣщанъ тайный путь къ свѣтлдамъ.
И вотъ, надъ ними, въ высотѣ,
Вънецъ трѣвожныхъ ожиданій,
Звѣзда — въ лучистой красотѣ
Изъ творческой скатплась длани.
По начертанію судьбы
Она пошла своей дорогой —
И повела волхвовъ въ вѣртенъ,
Къ священной колыбели Бога:...
Вдругъ растворился дивный свѣтъ,
Лучи пныхъ міровъ затмившій —
И озарился Назаретъ,
Добро Предвѣчное вмѣстившій!
Передъ волхвами, въ пеленахъ,

Какъ юный агнецъ на закланье...
 Лежить самъ Богъ, и слабъ, и нагъ,
 Лежить властитель мірозданья!
 Предъ ними Тотъ, Кто перста взмахъ
 Простретъ на звѣзды вѣковья —
 И словно искры золотыя
 Онѣ погаснуть въ небесахъ.
 Предъ ними Тстъ, Кто міръ Собою
 Наполнитъ наче всѣхъ царей;
 Кто ступитъ твердою ногою
 На грудь млежную морей;
 Кто горы на горы повержетъ;
 Кто шаръ земной въ десницѣ держитъ!
 Предъ ними Тотъ, чьи слова
 Изъ тмы хаоса довременной —
 Воздвигнъ землю, небеса;
 Кто чловѣка образъ тлѣнный
 Облекъ роскошной красотой, —
 И съ перстыю духъ связалъ Собою.—
 Предъ ними Онъ, свѣтильникъ міра,
 Свѣтъ, освѣщающій вѣка;
 Кого позорною порфирой
 Одѣнетъ грѣшника рука,
 И на главу вѣнокъ терновый —
 За искушеніе грѣховъ,
 Мзда чловѣческихъ сыновъ,
 Съ хулой отверженья суровой —
 Возложить, дико возведетъ
 На крестъ, на казнь, на смерть, на муки...
 И необъятнаго — распнетъ,
 И всеобъемлющія руки
 Къ кресту съ насмѣшкою прибьетъ; —
 И тяжкій грѣхъ, копьемъ отищенья,
 За сотворенное добро —
 Проткнетъ Спасителю ребро,
 Прольетъ кровь чистую спасенья!

Вѣка мелькаютъ передъ Нимъ,
 Какъ бысролетныя мгновенья;
 Съ лица земли, какъ тонкій дымъ,
 Людей проходятъ поколѣнья...

Дряхлѣтъ свѣтъ... Но Божій крестъ
 Несокрушимою твердыней
 Стоитъ въ вѣнцѣ изъ горнихъ звѣздъ.
 Народы съ трепетомъ къ святыни
 Приходятъ плакать, скорби вздохъ
 Излить у пригвожденныхъ ногъ.
 И какъ отецъ, родное чадо,
 Подъ сѣнь безбурную креста —
 Приемлетъ Онъ земное стадо
 Святыхъ поклонниковъ Христа!

ДОЛГАНОВЪ.

1843 г.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

РУССКАЯ ДРАМА и РУССКАЯ СЦЕНА.

ПОСЛЕДНИЙ ФАЗИСЪ ЛЮБВИ — ЛЮБОВЬ ВЪ XIX ВѢКѢ.

Еще недавно, въ одной очеь умной, но, къ сожалѣнію, слишкомъ кабинетной статьѣ, открывшей между прочими певными парадоксами новый родъ поэзіи, поэзію *экономическую*, нещадно былъ ругаемъ романтизмъ, романтики и герои нашего времени, за ихъ особенную любовь къ блѣдымъ лицамъ женщинъ и къ страданіямъ. Бѣдные романтики и бѣдный вѣкъ, котораго развращенный вкусъ совершенно не въ ладу съ плотными, жирными, румяными, однимъ словомъ съ *экономическими* физиономіями! Но шутки въ сторону — романтиковъ точно и можно и должно ругать, но подь словомъ *романтики* не должно разумѣть никого болѣе, какъ вптязей раковаго хода, — католической и средневѣковой реакціи въ Германіи, поборниковъ до-Петровскаго быта у насъ на-примѣръ — однимъ словомъ всѣхъ невышедшихъ изъ подь опеки прошедшаго, подавленныхъ его данными и желающихъ удержать неудержимое. Съ другой стороны, справедливо отчасти и то, что болѣзненность души, блѣдность лица и проч. и проч. вещи не нормальныя; но что же вы прикажете дѣлать съ этимъ страшнымъ чловѣчествомъ, которое додумалось наконецъ

до того въ XIX вѣкѣ, что вмѣсто того, чтобы паравнѣ съ другими тварями пользоваться жизнью, предпочло жить какой-то выстрадавшой, выморенной жизнью, по своей собственной — вопреки теоріямъ Фурье и другихъ господъ. Результатъ этотъ безотраденъ, но не указываетъ ли онъ на иное, высшее и лучшее бытіе?...

А между тѣмъ — фактъ и фактъ неоспоримый, то, что XIX вѣкъ питаетъ любовь къ болѣзненности, что мы всѣ, чада его, всасываемъ съ кровью паклонность и потенцію страданія, что въ каждомъ изъ насъ какой-то голосъ взываетъ, какъ въ нѣкоторыхъ общинахъ — Mitternacht, Erwüdigster — tiefe Mitternacht, ибо Свѣтъ есть ничто иное, какъ сознаніе окружающей насъ тьмы. Знаю очеь хорошо, что, высказывая такое опредѣленіе, я подвергаю себя позорному названію романтика, но тѣмъ не менѣе, даже въ качествѣ романтика, осмѣлюсь смиренно замѣтить, что я не высказываю новыхъ истинъ, а постоянно передаю только старыя сомнѣнія.

Но — дѣло не во мнѣ, дѣло въ XIX вѣкѣ....

Обратитесь къ нему съ слѣдующими вопросами. 1) Почему Печоринъ плакалъ на взрыдѣ, потерявши возможность догнать женщину, которая ему надоѣла? 2) Почему Печорину пріятно было довести Мери до такого состоянія, что ея глаза стали сверкать фосфорическимъ свѣтомъ?

Первый вопросъ, какъ намъ кажется, разрѣшается стихами другаго поэта.

Запретный плодъ намъ подавай

А безъ того намъ рай не въ рай!

На второй отвѣчаютъ вопросами же другое стихотвореніе Лермонтова.

Они любили другъ-друга такъ долго и нѣжно
 Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной,
 Но какъ враги избѣгали призванья и ветрѣчи,
 И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Спрашивается, отъ чего къ враждѣ привела ихъ любовь? Вѣдь съ точки зрѣнія здраваго смысла, это, просто, смѣшно, а съ точки зрѣнія экономической, просто, отвратительно. Люди любящ другъ-друга — и стыдятся что ли любви, боятся что ли того, что эта

любовь уничтожить ихъ обоихъ. Прослѣдимъ даждѣ развитіе отношеній этихъ двухъ существъ:

Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьи,
И милый образъ во снѣ души порою выдали,
И смерть пришла, наступило за гробомъ свиданье,
Но въ мірѣ новомъ, другъ-друга они не узнали.

Разставанье въ безмолвномъ и гордомъ страданьи конечно вещь удивительно смѣшная для всякаго, кто созерцаетъ человѣческія страсти изъ своего кабинета... но тѣмъ не менѣе, оно — вещь обыкновенная въ наше время. Мнѣ кажется, они были врагами и разстались такъ потому, что ни одно изъ этихъ двухъ существъ не хотѣло подчиниться другому. Если бы они были здоровыя чада матери природы, то, можетъ-быть, и не могли бы даже разстаться другъ съ другомъ, и исторія ихъ кончилась бы трагически, какъ исторія Ромео и Юліи; — но они были не дѣти. Напомнимъ еще самый болѣзненный стоупъ, который заимствуемъ у того же великаго поэта, исчерпавшаго глубже всѣхъ возможныя и даже невозможныя страданія личности.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я.
Мой другъ, всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя
Я перебѣсь земныя страсти
Туда съ тобой:
.....
.....
Случится ль мыслить, засыпая
Ты о другомъ,
Твои слова — текутъ пылаю,
По мнѣ огнемъ,
Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Моя душа въ нѣмомъ страданьи
Вся задрожитъ.

Но чтобъ не мпировать вопроса, составляющаго содержаніе этихъ статей, — обратимся къ тому, можетъ ли такая любовь быть драматическимъ элементомъ. Безъ всякаго сомнѣнія — и даже болѣе, чѣмъ кака-либо. Самое отношеніе это — драма, и

драма, основанная не на случайности, не на обстоятельствахъ, а на роковомъ столкновеніи личностей. Потому то намъ и кажутся крайне пошлы всѣ современные драмы; что они основываются на случайныхъ эффектахъ, на *неожиданностяхъ*; когда драма нашего времени, должна быть угадана со всѣмъ своимъ развитіемъ съ первыхъ словъ 1-го акта: прочъ всю эту ложную обстановку, всю эту надобъвшую до смерти всякому безплодную борьбу съ обстоятельствами — давайте намъ личности и вдали — бездну, судьбу, видимую и для нихъ самихъ и для зрителя.

Авторъ этихъ *сомнѣній* о драмѣ и о прочемъ пытался самъ развить въ драму вышеприведенное стихотвореніе. Драма, разумѣется, какъ слишкомъ молодой и незрѣлый опытъ — вышла весьма нелѣпа и главное, не сказала собою то, что бы должна была сказать — если я упоминаю о ней здѣсь, то потому только, что крѣпко держусь за тѣ основныя идеи, которыя присутствовали при ея рожденіи.

Но Лермонтовъ слишкомъ трагически коснулся этого вопроса. Есть поэтъ, или лучше сказать цѣлое направленіе, которое, какъ будто шутя играя съ чувствомъ любви, тѣмъ не менѣе играетъ слишкомъ болѣзненно. Грустью и холодомъ вѣетъ на душу отъ Гейне и отъ нашего лучшаго поэта въ этомъ родѣ, отъ Фета. Гейне самого мы оставимъ въ покоѣ, — но считаемъ приятной обязанностью напомнить нѣкоторыя стихотворенія поэта, которому въ настоящую эпоху нѣтъ равнаго по таланту въ нашей литературѣ, потому что, превосходя иногда даже г. Майкова пластичностью выраженія и выработанностью лирическаго стиха, онъ владѣетъ въ высокой степени ядовитой и грустной ироніей, которой недостатокъ слишкомъ-ощутителенъ во всѣхъ прекрасныхъ, но холодныхъ изваяніяхъ пѣвца *Машеньки*.

Возьмите, на примѣръ, его *Сильга*, эту лирическую поэму, въ которой мы видимъ единство содержанія — не смотря на то, что это серія лирическихъ произведеній, связанныхъ, по-видимому, только названіемъ. Есть чувство, есть голосъ, такъ сказать, который въ разнообразныхъ варіаціяхъ, или прямо высказывается, или тихо, не для многихъ замѣтно поетъ свою ноту — и грустна, какъ жизнь вѣка, эта нота, и невольнымъ холодомъ обдаетъ она душу читателя.

Возьмите на удачу одно изъ этихъ летучихъ впечатлѣній:

Котъ поетъ глаза прищуря,

Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,

На дворѣ играетъ буря,
 Вѣтеръ свищетъ на дворѣ
 Полно тутъ тебѣ валяться
 Спрячь игрушки, да вставай,
 Подойди ко мнѣ проститься
 Да и спать себѣ ступай.
 Мальчикъ всталъ — а котъ глазами,
 Поводилъ и все поетъ
 Въ окна снѣгъ валить клоками
 Вѣтеръ свищетъ у воротъ.

Разстаповлены ли такъ дѣйствующія лица этой маленькой драмы, или точно, въ этихъ немногихъ словахъ:

Полно тутъ тебѣ валяться
 и проч.

яркимъ и вѣрнымъ выраженіемъ схваченъ рѣзко моментъ жизни, но въ слѣдъ за этими словами, каждому невольно предстаетъ печальный образъ современнаго человѣка. Апатическимъ духомъ вѣетъ и отъ этихъ словъ, и отъ этой умышленно тѣсной колеи жизни, и отъ этого зпмняго вечера, который налегъ на душу свинцовой тяжестью. Если вы испытали такіе вечера, то часто не готовы ли вы были сказать со всею злобною, апатическою досадою:

Полно тутъ тебѣ валяться
 и проч.

Самое внутреннее противорѣчіе этой картины, по-видимому тихой и семейной, поразитъ васъ невольною грустью, а послѣдніе четыре стиха.

Мальчикъ всталъ и т. д.

обвѣютъ васъ всею безнадежностью вѣка — вѣдь котъ гораздо счастливѣе этого бѣднаго ребенка.

А вотъ другое, лучшее изъ всѣхъ этихъ стихотвореній.

Знаю я, что ты малютка
 Лунной ночью не робка,
 Я на снѣгъ вижу утромъ

Легкій оттискъ башмачка,
Знаю, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна
Знаю, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна
Бриллианты въ свѣтѣ лунномъ,
Бриллианты въ небесахъ,
Бриллианты на деревьяхъ,
Бриллианты на сѣгахъ;
Но боюсь я, другъ мой милый,
Чтобы въ вихрѣ духъ почной,
Не завѣялъ бы тропивку,
Проложенную тобой.

Причудливый идеалъ поэта непосредственно выливается изъ гордости современнаго человѣка.... Весь созданный изъ блестящей пыли сѣговъ, идеалъ этотъ носитъ самъ въ себѣ начало разрушенія. И въ выборѣ такого, а не другаго какого либо существа—поэтъ, можетъ-быть, поступилъ не произвольно. Современный человѣкъ преклоняется передъ тѣмъ только, что можетъ обратить во прахъ однимъ дыханіемъ.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

РАЗБОЙНИКЪ.

(Баллада Вальтера-Скотта).

Тѣнисть и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душисть вѣтерокъ,
Тамъ берегъ пестрѣтъ, усіянь цвѣтами,
И ходять дѣвицы, какъ рыбы, стадами.

Мой конь разыгрался предъ башнею той,
Гдѣ замокъ Дальтонскій стоптъ за стѣной.
И въ замкѣ, на башнѣ, столла дѣвица,
Души моеѣ радость и сердца царица!

Тѣнисть и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душисть вѣтерокъ:
«Туда, мой Элмондъ!» мнѣ дѣвица сказала:
«Съ тобой: за тебя я бы тронъ промѣняла!»

— Ахъ, солнце мое! я ей молвилъ съ тоской:
— Ты знаешь ли, кто я, твой гость часовой?
То тайна, подумай, но солнце высоко —
Пора мнѣ, дѣвица, мнѣ ѣхать далеко!

«Тѣнисть и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ»,
Тамъ плещется Грета, душисть вѣтерокъ.
Кто бъ ни былъ ты, милый, я съ вѣрой, съ любовью,
Прильну, какъ сестра, къ твоему изголовью!

«Ты ловчій, и вѣрно, любимъ королевъ:
Охотничій рогъ твой порукою въ томъ!»
— Дѣвица! рогъ ловчаго солнце встрѣчаетъ,
Мой въ полночь ловцевъ полуночныхъ сзываетъ!

«Тѣнисть и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душисть вѣтерокъ.
О, милый, не сапомъ надежды чаруя,
Но сердце, горячее сердце ищу я!

«Ты рыцарь, я знаю, о томъ говорятъ,
Твой шлемъ красноперый, твой бранный нарядъ»...
— Дѣвица, дѣвица: мой шлемъ и кольчуга,
Скрываютъ врага, а не добраго друга!

— Тѣнисть и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душисть вѣтерокъ.
Цвѣти, моя радость, какъ роза весною,
О, вѣтъ, я любви не хочу и не стою!

— Мнѣ жизнь опостыла, безславна она,
И смерть ненавистнай мнѣ суждена!
Умру я постыдной добычею битвы,
И прахъ мой засыплютъ землей безъ молитвы! —

Тѣнисть и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душисть вѣтерокъ;
Тамъ берегъ пестрѣетъ, усыянъ цвѣтами,
И ходять дѣвицы, какъ рыбки, стадами!

КРАСНОЯРСКІЙ КУПЕЦЪ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Н. Акселя.

СЮЖЕТЪ ЗАИМСТВОВАНЪ ИЗЪ СЕРИЕА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Кузьмичъ Матерой, Красноярскій купецъ . . .	<i>Г. Мартыновъ.</i>
Николай Степановичъ Спичкинъ, племянникъ его, чиновникъ 12-го класса	<i>Г. Марковецкій.</i>
Графъ Левъ Андреевичъ Светицкій	<i>Г. Смирновъ 1-й.</i>
Алексѣй, лакей его	<i>Г. Семеновъ.</i>
Ольга Павловна Красицкая	<i>Г-жа Гринева.</i>
Акулина Савишна Колпакова	<i>Г-жа Сосницкая.</i>
Лиза, дочь ея, невѣста Спичкина	<i>Г-жа Самойлова 1.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Красицкой, въ С. Петербургѣ.

(Представленъ въ первый разъ на Александринскомъ-Театрѣ, 12-го ноября 1846 г., въ пользу г. *Мартынова*).

=

Рай и панф. 2 хм. 12.

9

82

Театръ представляет мастерскую живописца, убранную впрочем со вкусомъ. Нѣсколько бюстовъ; нѣсколько картинъ, частью въ рамкахъ, на стѣнахъ, частью безъ рамъ, на стульяхъ и на полу у стѣнъ. На правой сторонѣ отъ зрителей два окна; то, которое на первомъ планѣ, завѣшено до половины зеленою тaftою. Возлѣ окна письменный столъ съ разными бѣдѣлками и всѣмъ, что нужно для письма. Подлѣ стола мольбретъ съ начатою картиною. Съ противоположной стороны дверь. Другая дверь въ задней стѣнѣ. Нѣсколько стульевъ и два модныя кресла.

ЯВЛЕНІЕ I.

АКУЛИНА САВИШНА шьетъ бѣлье; Лиза сидитъ посреди авансцены, на модномъ креслѣ, въ граціозной позѣ; ОЛЬГА ПАВЛОВНА сидитъ передъ мольбретомъ и пишетъ портретъ Лизы; СПИЧКИНЪ стоитъ за кресломъ Ольги Павловны, облокотясь на спинку.

СПИЧКИНЪ. Господи ты мой Богъ, сходство какое!... такъ вотъ я кажется, что заговорить сейчасъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Вы находите, Николай Степановичъ?

АКУЛИНА САВИШНА. Что жъ тутъ мудренаго, Ольга Павловна? Вашей работы портреты всѣ какъ живые выходятъ.... Вотъ моему дурочкѣ Богъ такого таланту не далъ!... даромъ что она въ одномъ пансіонѣ съ вами училась.

ЛИЗА. Этому не выучишься, маменька! У Олиньки талантъ врожденный.

АКУЛИНА САВИШНА. Я не къ тому и говорю, чтобы попрекнуть тебя, Лиза, а хорошо бы было, если бы и ты могла такъ по пятидесяти да по сту рублей за портретъ получать.

спичкинъ. Съ другихъ по пятидесяти да по сту, а намъ даромъ. Знаете ли, Ольга Павловна, что мы должны принять этотъ трудъ вашъ съ живѣйшею признательностію, какъ знакъ особенно лестнаго для насъ вниманія со стороны вашей.

ольга павловна. Это мой свадебный подарокъ Лизѣ... Къ тому же мы съ нею вмѣстѣ воспитывались и въ пансіонѣ были друзьями... А потомъ, послѣ смерти матушки, Акулина Савишна такъ много для меня сдѣлала...

акулина савишна. И, мать моя, что про старое говорить? Жили вы у меня за ваши же деньги; за компанку вашу платили вы исправно...

ольга павловна. Не въ деньгахъ дѣло, Акулина Савишна; я платила вамъ изъ того, что зарабатывала... Но то родственное расположеніе, тѣ мелкія угожденія, та внимательность ваша ко всему, что до меня касалось... За это деньгами заплатить нельзя!...

лиза. За это ты мнѣ платила, Оливька, твою дружбою...

акулина савишна. Ну полно, полно, дѣтя, про старое толковать... *(Встаетъ)*. Надобно пойти по хозяйству присмотрѣть... Вы хоть уже не моя жилица, но по собѣдству все еще моя нахлѣбница, Ольга Павловна... Не позабудьте же, что сегодня день неприсутствія и что мы по этому обѣдаемъ ровно въ три. *(Уходя)*. Николай Степановичъ! Вѣдь вы тоже съ нами кушаете?

спичкинъ. Какъ же съ! не премину воспользоваться вашимъ лестнымъ приглашеніемъ *(Акулина Савишна уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛИЗА, ОЛЬГА ПАВЛОВНА И СПИЧКИНЪ.

ольга павловна. Ну, довольно на сегодня... *(Убираетъ работу, Лиза встаетъ)*. Что же, Лиза, рѣшено ли, когда ваша свадьба?

лиза. Какъ только Николай Степановичъ получитъ всѣ бумаги и согласіе своихъ родныхъ.

спичкинъ. Касательно позволенія начальства, доложу вамъ, что я получилъ таковое сегодня; что же до родныхъ, то я имѣлъ уже честь объяснить матушкѣ Акулинѣ Савишнѣ, что съ отцовской стороны у меня нѣтъ никого, и со стороны покойницы

матушки остался одинъ только дядя; да и тотъ гдѣ то въ Сибири, а гдѣ именпо, это мнѣ неизвѣстно.

ольга павловна. И у васъ, какъ у меня, есть дядюшка въ Сибирь?

спичкинъ. Имѣется-съ. Этотъ дядюшка воспиталъ меня, то есть, присылалъ деньги на мое воспитаніе, и когда я вышелъ изъ гимназій, онъ содѣйствіемъ своимъ опредѣлилъ меня на службу и сказалъ.... онъ, изволите видѣть, въ тотъ годъ былъ отпущенъ на волю....

ольга павловна. Отпущенъ на волю!

спичкинъ. Васъ это удивляетъ? Да-съ! онъ былъ крѣпостной человѣкъ графини Днѣпровской и управлялъ всѣмъ ея имѣніемъ.... Онъ и матушку выдалъ замужъ за чиновника, который тамъ въ Земскомъ Судѣ служилъ.... Когда графиня умерла, то его отпустили на волю.... по этому то случаю онъ и пріѣзжалъ сюда.... Такъ, опредѣляя меня на службу, онъ сказалъ: «Я тебѣ открылъ дорогу, Николай: ты получишь по экзаменту чинъ, имѣешь аттестатъ. Служи вѣрой и правдой, за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадутъ...: Служи: я побѣду въ Сибирь, попытаю счастья; можетъ-быть и разживусь. Умру, все твое будетъ.... Но пока я самъ не вернусь или не напишу тебѣ, не жди отъ меня ничего: на Бога надѣйся, а самъ не плешай, говоритъ пословица». Дядюшка ужасный охотникъ до пословиць.

ольга павловна. И вы ничего о немъ не слышали съ того времени?

спичкинъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ, ни слуху ни духу.

М I.

Мнѣ дядя прежде присылалъ

Въ годъ тысячу двѣсти аккуратно:

И я теперь бѣднѣе сталъ,

Что, право, крайне непріятно.

Я жду пять лѣтъ, все нѣтъ какъ нѣтъ!

Ну, чтобъ дать въ годъ хоть строчку вѣсти!

И по примѣру прежнихъ лѣтъ

Прислать съ ней вмѣстѣ тысячу двѣсти!

ольга павловна. И мой дядюшка забылъ меня! Вотъ уже тоже пятый годъ, какъ я не имѣю объ немъ никакого извѣстія.... Я тоже обязана ему всѣмъ....

лиза. Подожди, Олинька. Онъ вернется богатый, устроитъ твое состояніе.

ольга павловна. Нѣтъ, Лиза, я потеряла уже всякую надежду... Вѣроятно, онъ умеръ.... Бѣдный дядюшка! Я его видѣла, бывши ребенкомъ, и черты лица его изгладилсь изъ моей памяти.... Но я никогда не забуду, что безъ его помощи я бы не могла усовершенствовать мой слабый талантъ, и что я обязана ему этииъ единственнымъ средствомъ къ жизни. Богъ съ нимъ, съ его состояніемъ.... Мнѣ бы только хотѣлось, чтобы дядюшка вернулся, чтобы я могла моею привязанностію, моею любовью вознаградить за попеченія его обо мнѣ.

спичкинъ. Вы очень выразительно объяснять изволите! Но касательно этого предмета, я доложу вамъ, что въ случаѣ возвращенія вашего дядюшки, было бы очень недурно и на счетъ состоянія.

лиза. Развѣ въ этомъ счастье? Вотъ мы и не богаты, а счастливѣ меня нѣтъ ни одной женщины въ мірѣ.

спичкинъ. Я полагаю, касательно нашего счастья, что еслибъ у насъ было побольше денегъ, то не меньше бы было счастья.... Вотъ хоть бы, напримѣръ, касательно одежды.... Я бы не былъ поставленъ въ горестную необходимость ходить всегда въ формѣ.... съ стоячимъ воротникомъ.... Съ истиннымъ удовольствіемъ и совершенною гтовностію одѣлся бы по послѣдней модѣ, не хуже графа Льва Андреевича, котораго я имѣлъ иногда удовольствіе встрѣчать у васъ.

лиза. Вѣдь ты будешь у меня на сватьбѣ, Олинька?
спичкинъ. Смѣю ласкать себя пріятною надеждою, что Ольга Павловна удостоитъ насъ таковой чести.

ольга павловна. Разумѣется!... Я такъ рада вашему счастью.

лиза. Скоро ли то мы у тебя на сватьбѣ пировать будемъ?

ольга павловна. У меня? Я думаю, что никогда!... Миѣ ли, бѣдной сиротѣ, мечтать о счастьи!

лиза. Тебѣ стоило бы только захотѣть!... Не правда ли, Николай Степановичъ?

спичкинъ. Да съ, мы имѣли случай сдѣлать касательно сего предмета наши соображенія и въ слѣдствіе оныхъ полное заключеніе.

ольга павловна. Что вы хотите сказать? Я васъ не понимаю?....

лиза. А графъ Свѣтлицкій? Надобно быть смѣлою, чтобы не

забыть, что ты сам обязан въ себя по уму... который портрет ты съ него спиши. — Шестнадцать... Олуга Павловна. Ну, видяшь, что это портрет и вышло не так, как ты хотел.

Олуга Павловна. Другому, право, было бы лучше, если бы ты не делал портретов. Шестнадцать раз писались средь, и у тебя каждый день, и дежурить здесь, как по наряду.

Олуга Павловна. Тому причина есть другая, оттого же. — Сажа ты увидишь, в этомъ... Какъ то, что занять ояъ тобой, пока ты запята портретомъ.

Олуга Павловна. Нетъ, Лиза, я въ этомъ вовсе не убѣждена. спичкинъ. Но представляются доводы, еще убѣдительнѣе, въ следствие которыхъ не имѣется возможности вывести заключенія, болѣе вѣроятнаго.

Лиза. Если бы мы не боялись разсердить тебя... Олуга Павловна. Говори, не мучь меня, Лиза? спичкинъ. Вы изволите обладать талантомъ, безъ сомнѣнн, превосходнымъ; но, не пріобрѣта еще извѣстности... вамъ было бы трудновато получать за ваши портреты по сту, по полтора и даже по двѣсти рублей...

Олуга Павловна (съ нѣкоторою геордостію). Однако мнѣ платятъ за штуку...

Лиза. Платить; по милости графа. Вчера еще ты кончила портретъ одного изъ его знакомыхъ, который служитъ въ одномъ Департаментѣ съ Николаемъ Степановичемъ; онъ самъ слышалъ, что ты разказывала начальнику отдѣленія, какъ графъ просилъ его позволить снять съ него портретъ, на память, изъ дружбы, какъ онъ былъ вовсе ненамѣренъ платить денегъ изъ дружбы, и какъ графъ вывелъ его изъ затрудненія, сказавъ, что принимаетъ издержку на себя.

Олуга Павловна. Можетъ ли это быть? Лиза. А эта квартира, за которую ты по контракту платишь сто восемьдесятъ целковыхъ въ годъ...

Олуга Павловна. Такъ что же, говори!

Лиза. У хозяйна заключенъ другой контрактъ съ графомъ

Львомъ Андреевичемъ, по которому онъ получаетъ съ его сіятельства еще столько же. Графъ никому и ничего не говоритъ объ этомъ; но дворникъ проболтался, что на квартира дворян тысячу двести ходила, и что тебѣ съ графомъ уступили единаго дороже.

Ольга Павловна. Неужели все это правда!... неужели... Господи Боже мой! что могутъ обо мнѣ подумать! Нѣтъ! Я ни дня долѣе не останусь на этой квартирѣ. *(Садится за столу и пишетъ два ярыка)*. Николай Степановичу, пожалуйста сходите къ хозяину, сказать ему, что я хочу, передать квартиру... что я съѣзжаю....

спичкинъ. Помилуйте, Ольга Павловна! Но кто то подѣхалъ.... Карета на лежакахъ рессорахъ, онъ и вѣсть!...

Ольга Павловна. Кто?

спичкинъ. Самъ графъ.

Ольга Павловна. Сходите же къ хозяину, прошу васъ.

спичкинъ. Сейчасъ, сейчасъ. *(Кладетъ шляпу на столъ)*. Вотъ, что ты сдѣлала, Лиза! Мы это такъ и забудемъ, а ты Лиза *(уходитъ за нимъ)*. Мы это такъ и забудемъ, а ты Лиза *(уходитъ за нимъ)*.

ЯВЛЕНИЕ III

Ольга Павловна. *(одна, сѣдая прищипываетъ къ ея шлѣпкамъ)*. Я не могу придти въ себя отъ удивленія!... Подобная любовь съ его стороны... Я сама люблю его... люблю сильно, страстно... но не могу принадлежать ему... Не мнѣ быть женою графа, ни по не мнѣ быть и его.... Вотъ онъ... Твердость моя, не оставилъ меня. Ты мнѣ еще нужнѣе съ той минуты, какъ я узнала, что онъ меня любитъ.

ЯВЛЕНИЕ IV

Графъ. Извините, Ольга Павловна, что я сегодня являюсь вамъ обыкновеннаго. Я все утро буду ѣздить по деламъ, и потому,

не имѣя времени для сеанса, хотѣлъ предупредить васъ, чтобъ не заставить ждать напрасно.

ОЛГА ПАВЛОВНА (холодно). Для чего же было беспокоиться? Ваше сїятельство могли прислать челоуѣка.

ГРАФЪ (въ сторону). Что за холодный приемъ. (Громко, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ). Я забѣхалъ потому, что хотѣлъ вамъ.... что мнѣ нужно было.... сообщить вамъ извѣстіе.... объ вашемъ дядюшкѣ.... Я вчера видѣлъ одного знакомаго, который мѣсяца два тому назадъ вернулся изъ Сибири, и который еще въ прошломъ году имѣлъ въ Красноярскѣ съ Иваномъ Кузьмичемъ дѣла, довольно значительныя. Следовательно, вашъ дядюшка живъ, и, судя по дѣламъ, долженъ быть богатъ.

ОЛГА ПАВЛОВНА. Благодарю васъ, графъ, за ваши хлопоты обо мнѣ.... Но я полагаю, что мы видимся въ послѣдній разъ.

ГРАФЪ. Что вы говорите?...

ОЛГА ПАВЛОВНА. Я сегодня же съѣзжаю съ этой квартиры.

ГРАФЪ. Съѣзжаете? Но что же за причина?

ОЛГА ПАВЛОВНА. Мнѣ ли объяснять эти причины? Онѣ вамъ должны быть лучше извѣстны, нежели мнѣ. Мнѣ кажется только, что я въ правѣ быть не совсемъ довольноно этими тайными вѣдомостями, которыми ваше сїятельство такъ щедро помяете меня.... безъ моего согласія....

ГРАФЪ. Вы все знаете, Ольга Павловна, я это вижу и не стану долѣе скрывать мои чувства! Да! съ перваго взгляда, я полюбилъ васъ всѣми силами души. Я видѣлъ вашу бѣдность и удивлялся той твердости, съ какою вы ее переносили.... Я предложилъ вамъ руку помощи, вы отвергли мои предложенія.... Чтобъ подыгаться съ вами избыткомъ моего состоянія, мнѣ оставалось одно средство: прибѣгнуть къ обману!...

ОЛГА ПАВЛОВНА. Вы хотѣли сдѣлать доброе дѣло, графъ; но вы не подумали о послѣдствіяхъ.... Вы забыли злой языкъ клеветы, который радъ очернить, радъ запятнать на вѣки доброе имя честной дѣвушки.... Доброе имя, графъ, это единственное мое богатство.... Вы его отняли.... Богъ знаетъ, что говорятъ теперь обо мнѣ!

ГРАФЪ. Что говорятъ объ васъ? объ васъ, Ольга Павловна? Кто могутъ, что смѣютъ найти дурнаго въ вашей жизни? И кто посмѣетъ!

О, нѣтъ! Вы чистое, безгрѣшное созданье,
И не коснется васъ языкъ клеветника!...

А еслибъ кто посмѣлъ, того привести къ молчанью

Съумѣлъ бы я, клянусь.... вотъ вамъ моя рука!

Да, если словъ однихъ для свѣта было бы мало.

Я святость чувствъ моихъ на дѣлѣ докажу....

И имя доброе, коль ваше пострадало,

Въ замѣнъ я вамъ мое съ рукою предлагаю....

Да, Ольга Павловна, если я дѣйствительно могъ, не хотя, повредить вамъ, то я предлагаю лучшее средство заставить молчать всѣ злые языки.... Согласитесь быть моею, отдайте мнѣ вашу руку, составьте мое счастье, въ награду за ту искреннюю любовь....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Остановитесь, графъ, довольно! Вы съ вашимъ состояніемъ.... вы рѣшились предложить руку мнѣ, блудной сиротѣ!... Не въ правѣ ли всѣ будутъ говорить, что я вышла за васъ только потому, что вы знатны и богаты? Не станутъ ли прибавлять, что я нарочно стараюсь завлечь васъ, чтобъ сдѣлаться графиней? Не станутъ ли гнушаться мною ваши родные и знатные? Не станутъ ли свѣтъ указывать на васъ пальцемъ, съ насмѣшливой улыбкой, прибавляя: Вотъ тотъ графъ Свѣтлицъ, что женился Богъ знаетъ на комъ?

ГРАФЪ. Но что намъ за дѣло до этихъ сплетней, если мы будемъ счастливы другъ другомъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. А кто вамъ поручится, что вы будете счастливы?

ГРАФЪ. О, если бы вы любили меня.... то....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*перебивая его, съ чувствомъ*). Подождите, что я люблю васъ.... Но когда со всѣхъ сторонъ будутъ вооружать васъ противъ меня, когда любовь ваша остынетъ немного.... развѣ не можетъ наконецъ закрасться и въ вашу голову мысль, что я люблю не васъ, а ваше богатство?...

ГРАФЪ. Никогда!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Ручаться нельзя, графъ; а каково же будетъ тогда мое положеніе?... Нѣтъ, графъ, я не могу согласиться.... Еще разъ благодарю за этотъ знакъ уваженія.... Я не хочу потерять его, и потому прошу васъ навсегда оставить меня.... позабыть блудную сироту!... Какъ только найду квартиру, я съѣду отсюда; и умоляю васъ, не отыскивайте меня.... Прощайте! прощайте навсегда! (*Убѣгаетъ*).

МАТЕРОЙ. Я управлялъ имѣніемъ покойной тетушки вашей графини Авдотьи Николаевны....

ГРАФЪ. Дятловской.... это Кузьмичъ.

МАТЕРОЙ. Онъ и есть, батюшка, ваше сіятельство. Графиня, дай Богъ ей царствіе небесное, общала отпустить меня на волю, да не успѣла выполнить обѣщанія.... Когда бы не вы, батюшка.

ГРАФЪ. Я, какъ наследникъ тетушки, исполнилъ волю покойницы.

МАТЕРОЙ. Другой бы, можетъ быть, и не выполнилъ... На посулъ, какъ на стулъ, посидишь да не поѣшь, говоритъ пословица. Вамъ однимъ, батюшка ваше сіятельство, обязанъ я всѣмъ... и по гробъ не забуду вашихъ милостей.

ГРАФЪ. Гдѣ же ты былъ, Кузьмичъ, все это время?

МАТЕРОЙ. Да, въ Сибири, батюшка ваше сіятельство, въ Красноярскѣ къ гильдіи приписался, лавченку тамъ завелъ, да этакъ около золотыхъ разсыпей промышлялъ....

ГРАФЪ. Такъ ты золотопромышленникъ?

МАТЕРОЙ. Куда намъ, батюшка, съ суконнымъ то рыломъ въ пушной рядъ лезть!... Нѣтъ-съ, я только сперва прикащикомъ былъ у одного изъ этихъ господъ, а потомъ, какъ понаторѣлъ къ дѣлу, то пошелъ въ управляющіе къ одной компаніи. Двѣ тысячи четыреста серебромъ въ годъ получалъ-съ.... Да вотъ — и вышли у насъ недоразумѣнія.... Я просилъ прибавки, а они вмѣсто меня другаго назначили.... Ябеды разныя да паушничества пошли.... Главный то хозяинъ нашъ здѣсь въ Питерѣ живетъ, такъ за глаза мудрено ли очернить? Хорошая слава лежитъ, а дурная бѣжитъ, говоритъ пословица.... Вотъ я самъ и прикатилъ сюда! чтобъ оправдаться передъ нимъ да уладить это дѣло, если можно.... Въ гостиницѣ жить дорого.... искалъ квартиры.... да и забрелъ сюда.

ГРАФЪ. Переберецъ пока жить ко мнѣ; у меня найдется особая комната для тебя....

МАТЕРОЙ. Покорѣннѣе благодарю, батюшка, за ваши милости! Вотъ кабы ваше сіятельство за меня по дѣлу то словечко замолвилъ....

ГРАФЪ. Да я не знаю еще, у кого ты служилъ?

МАТЕРОЙ. Въ компаніи Иванова и Фенхеля.

ГРАФЪ. Фенхеля я знаю.... Онъ изъ Евреевъ. У него въ оборотѣ моихъ денегъ есть тысяча полтора.

МАТЕРОЙ. Отъ него то все и зависить, батюшка, ваше сіятельство.... Будьте такъ добры, заставьте вѣкъ Богу молить!....

графъ. Такъ и быть; съѣзжу, хоть теперь мнѣ вовсе не до того, чтобъ о чужомъ горѣ думать... своего вдоволь...

матерой. У васъ, батюшка? Да что у васъ за горе можетъ быть, ваше сіятельство? Ахъ имѣйце поразстроили? трафъ. Нѣтъ, оно въ самомъ отличномъ положеніи...

матерой. Такъ стало быть у васъ куры денегъ не клюютъ, какъ говоритъ пословица. Разскажите, что у васъ за горе, можетъ быть и придумаемъ, какъ бѣдѣ помочь. Пословица говоритъ: умъ хорошо два лучше...

графъ. Тутъ и десять умовъ ничего не придумаютъ! мнѣ нуженъ дядя, а его нѣтъ.

матерой. Эхъ, батюшка, ваше сіятельство, о какой вы, простѣ Госноди, дрянн хлопчите! Были бы деньги, такъ какъ родни не найти.

Вельможамъ знатымъ да богатымъ

Въ роднѣ не будетъ недочетъ;

Себя ихъ дядей или братомъ

Охотно всякій назоветъ...

Покаместъ человекъ бѣденекъ,

Его родни не хотѣтъ знать...

А наживетъ побольше денегъ,

Такъ въ немъ родни начнетъ искать.

Родни не въ прокъ, какъ раззоришься;

Съ нел пособья не возьмешь...

Съ родней, — безъ денегъ насидишься;

А съ деньгами, — родню найдешь!

Вамъ стоить свиснуть, батюшка! десять дядей явится, любого берите...

графъ. Въ томъ то и дѣло, что дядя нуженъ мнѣ не для меня, а для одной бѣдной сироты...

матерой. Это дѣло другаго рода... Впрочемъ, батюшка, найдутся люди, которые за деньги и къ чорту въ дяди пойдутъ, если ему понадобится, а не только къ сиротѣ какой нибудь.

графъ. Да! у меня совсѣмъ изъ головы вонь... Ты прѣхалъ изъ Сибири, такъ, можетъ-быть, слыхалъ про этого дядошку... Ивашъ Кузьмичъ Шумилинъ...

матерой. Какъ не слыхатъ, батюшка, ваше сіятельство! Отличный партіонетъ былъ мой теска, покойнякъ; многія компани

ему обязаны своимъ богатствомъ. Да вотъ говоритъ пословица, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь: онъ ужъ вѣроятно капиталецъ пажилъ, такъ тысячь сотню съ хвостикомъ. Надо было ему все для другихъ приски открывать: дай, думаетъ, по-пробую на свое счастье... снарились партіи: ходилъ, ходилъ, полъ-капитала прокопалъ: но не отсталъ отъ памфренія. На другую весну пошелъ опять, убилъ послѣднія деньги. Да за то и прискъ открылъ богатѣйшій, въ десять золотниковъ съ долями... Кажись чего бы лучше? кладъ! Оставалось заявить только, да и конать миллионы! Да вотъ говоритъ пословица, повалится кузничъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить... На возвратномъ пути сбился онъ въ тайгѣ съ дороги, а проводникъ Туиндусъ, убожалъ. Ходилъ онъ, ходилъ по дремучимъ лѣсамъ съ своею партіею, да и жизнь тамъ покончилъ, съ голоду ли, съ морозу ли, Господь его знаетъ.

ГРАФЪ. Такъ, такъ, все такъ! и мнѣ тоже писали.... Рѣшительно нѣтъ надежды.

МАТЕРОЙ. Да что же за отношеніе, батюшка, — извините мое любопытство, — между Шумплинымъ и вашимъ горемъ.

ГРАФЪ. А то отношеніе, что у него осталась племянница, которая не хочетъ выйти за меня замужъ, потому только, что она бѣдна.... Если бы этотъ покойный дялюшка оставилъ ей состояніе, она бы, можетъ быть и согласилась....

МАТЕРОЙ. Да зачѣмъ же ей состояніе, когда вы богаты? Вотъ ужъ правду говоритъ пословица: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.... Экого жениха бракуеть!

ГРАФЪ. Я старался дать ей средства нажить состояніе.... Она пишетъ портреты и картины; я разными дутями ей столько работы доставлялъ, что она начала было разживаться.... Но не знаю, какъ она открыла мою хитрость, и теперь все кончено.

МАТЕРОЙ. Да ужъ если вы позволите рѣшиться обогатить ее, чтобы на ней женился, такъ отъ него же бы вамъ, батюшка, ваше сіятельство, не сдѣлать бы такое какое нибудь завѣщаніе, вѣ, что вотъ днскать дядя ея, умная, оставилъ моль ей, этакъ, етолько то тамъ денегъ, ил тамъ какъ ужъ лучше знаете, въ такомъ родѣ.... и любезное дѣло было бы!

ГРАФЪ. Не повѣрять! Особенно теперь.... Теперь она будетъ остерегаться еще прежняго. Но вотъ мысль.... Отличень Кузьмичъ! Прикинься самъ ея дялюшкою, да и выдай ее за меня за мужъ. Она видѣла дялю послѣдній разъ назадъ тому пятнадцать лѣтъ, а ей всего восемнадцать или девятнадцать.

МАТЕРОЙ. Въ такомъ случаѣ узнать ей будетъ мудрено. Извольте, батюшка, ваше сѣятельство. Попытайся. Вотъ и пословица говорить: долгъ платежемъ красенъ: вы изволили объщать мнѣ похлопотать объ мѣстѣ, а я похлопочу вамъ объ невѣстѣ.... Но какъ же зовутъ мою нареченную племянницу? Гдѣ она живетъ? Какъ я отыщу ее?

ГРАФЪ. Слушай и не забывай: ты Иванъ Кузьмичъ Шумилинъ, покойная сестра твоя вдова маорша Анна Кузьминшна Красицкая оставила дочь Ольгу Павловну, которая живетъ здѣсь, въ этой квартирѣ, и занимается портретами. Ты можешь явиться подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ портретъ заказать.

МАТЕРОЙ. Понимаю, батюшка.... Красицкая, мать Анна Кузьминшна, маорша, дочь Ольга Павловна.

ГРАФЪ. О Шумилинъ ты можешь узнать подробнѣе изъ этой переписки.... (Вынимаетъ изъ портфеля нѣсколько бумагъ и отдаетъ ихъ Матерому).... А вотъ два билета Коммерческаго Банка, въ пять тысячъ рублей серебромъ каждый.... Это ты можешь подарить племянницѣ своей такъ на первый случай.

МАТЕРОЙ. Вотъ это вы хорошо выдумали, батюшка Левъ Андреевичъ.... это будетъ лучшимъ доказательствомъ того, что я богатъ.... Не сули журавля въ небо, дай синицу въ руки, говоритъ пословица!... Сулить то могу я имъ золотыя горы.... а какъ десять тысячъ целковыхъ отсчитаю, то не хотя повѣрять и отродства не захотятъ отказаться.

ГРАФЪ. Если ты уладишь это дѣло, Кузьмичъ, то я за эту услугу у тебя въ долгу не останусь.

МАТЕРОЙ. Заранѣе благодарю, ваше сѣятельство.... Это выходитъ доброе дѣло не останется безъ награды, говоритъ пословица, а мы батюшка знаемъ, какъ вы награждать изволяете.

ГРАФЪ. Не забывай же своей роли.

МАТЕРОЙ. Не забуду, батюшка, не забуду.... А еслибы и случился грѣхъ.... вѣдь и на старуху бываетъ проруха, говоритъ пословица.... если и случится грѣхъ, то вы выведете меня изъ бѣды, подскажете....

ГРАФЪ. Я? Нѣтъ, ужъ ты улаживай все самъ, Кузьмичъ; я уйду, чтобъ не возбудить подозрѣнйя.

МАТЕРОЙ. И то правда, батюшка!.

ГРАФЪ. Такъ я уйду и возвращусь черезъ четверть часа. Не забудь же, Кузьмичъ, что на тебя теперь вся моя надежда. Дѣйствуй осторожно, благоразумно....

МАТЕРЕЙ. Ужь будьте покойны, ваше сиятельство! Почтам
 графъ. Прощай же, до свиданія (*уходитъ*).
 МАТЕРЕЙ. Ну, это мнѣ все извѣстно.... Анца Кузьминшна, Ольга не за
 буду.... (*Показывал билеты*). Вотъ эти бумаги лучше всѣхъ дру
 гихъ.... То-то поважничая теперь.... Эка фигура! Золотопромы
 шленникъ прѣхаль.... Милліонеръ! Знай нашихъ!.... Ужь не
 упрекнутъ меня въ скупости!.... Какое приданое дамъ племян
 ницѣ невѣстѣ.... на жениховы деньги.... Идутъ.... Что то шевель
 нудось въ глубинѣ моего сердца.... должно быть голосъ природы,
 влеченіе родства (*Входитъ Лиза*). Это, вѣрно, она! (*Кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАТЕРЕЙ. Ну, это мнѣ все извѣстно.... Анца Кузьминшна, Ольга не за
 буду.... (*Показывал билеты*). Вотъ эти бумаги лучше всѣхъ дру
 гихъ.... То-то поважничая теперь.... Эка фигура! Золотопромы
 шленникъ прѣхаль.... Милліонеръ! Знай нашихъ!.... Ужь не
 упрекнутъ меня въ скупости!.... Какое приданое дамъ племян
 ницѣ невѣстѣ.... на жениховы деньги.... Идутъ.... Что то шевель
 нудось въ глубинѣ моего сердца.... должно быть голосъ природы,
 влеченіе родства (*Входитъ Лиза*). Это, вѣрно, она! (*Кланяется*).

МАТЕРЕЙ. ЛИЗА.

МАТЕРЕЙ. Ну, это мнѣ все извѣстно.... Анца Кузьминшна, Ольга не за
 буду.... (*Показывал билеты*). Вотъ эти бумаги лучше всѣхъ дру
 гихъ.... То-то поважничая теперь.... Эка фигура! Золотопромы
 шленникъ прѣхаль.... Милліонеръ! Знай нашихъ!.... Ужь не
 упрекнутъ меня въ скупости!.... Какое приданое дамъ племян
 ницѣ невѣстѣ.... на жениховы деньги.... Идутъ.... Что то шевель
 нудось въ глубинѣ моего сердца.... должно быть голосъ природы,
 влеченіе родства (*Входитъ Лиза*). Это, вѣрно, она! (*Кланяется*).

МАТЕРЕЙ. Ну, это мнѣ все извѣстно.... Анца Кузьминшна, Ольга не за
 буду.... (*Показывал билеты*). Вотъ эти бумаги лучше всѣхъ дру
 гихъ.... То-то поважничая теперь.... Эка фигура! Золотопромы
 шленникъ прѣхаль.... Милліонеръ! Знай нашихъ!.... Ужь не
 упрекнутъ меня въ скупости!.... Какое приданое дамъ племян
 ницѣ невѣстѣ.... на жениховы деньги.... Идутъ.... Что то шевель
 нудось въ глубинѣ моего сердца.... должно быть голосъ природы,
 влеченіе родства (*Входитъ Лиза*). Это, вѣрно, она! (*Кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАТЕРЕЙ. Ну, это мнѣ все извѣстно.... Анца Кузьминшна, Ольга не за
 буду.... (*Показывал билеты*). Вотъ эти бумаги лучше всѣхъ дру
 гихъ.... То-то поважничая теперь.... Эка фигура! Золотопромы
 шленникъ прѣхаль.... Милліонеръ! Знай нашихъ!.... Ужь не
 упрекнутъ меня въ скупости!.... Какое приданое дамъ племян
 ницѣ невѣстѣ.... на жениховы деньги.... Идутъ.... Что то шевель
 нудось въ глубинѣ моего сердца.... должно быть голосъ природы,
 влеченіе родства (*Входитъ Лиза*). Это, вѣрно, она! (*Кланяется*).

МАТЕРЕЙ. ЛИЗА.

ЛИЗА. Что вамъ угодно, милостивый государь?
 МАТЕРЕЙ. Мнѣ бы хотѣлось заказать портретъ....
 ЛИЗА (*въ сторону*). Слава Богу, еще работа Олинкѣ.... (*Громко*).
 Я сейчас схожу за Ольгой Павловною. (*Убѣгаетъ*).

МАТЕРЕЙ. Стало быть это не она.... Видно природа и голосъ
 сердца обманулись!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАТЕРЕЙ И КОЛПАКОВА
 КОЛПАКОВА (*входя*). Лиза! Лиза! (*Увидя Матерею*). Кланяется.
 Мое вамъ наилучшее!...

МАТЕРЕЙ (*кланяясь въ сторону*). Неужели это моя племянница?
 (*Громко*). Вы пишете портреты, сударыня?

КОЛПАКОВА. Нѣтъ съ, не я; а она почти тоже... ПИИШТЬ МОЯ
НАХЛѢБНИЦА Ольга Павловна...

МАТЕРОЙ (въ сторону. Не приступить ли къ объясненію? (Громко,
какъ бы удивляясь). Ольга Павловна, сказали вы?

КОЛПАКОВА. Да съ, что же васъ удивляетъ?

МАТЕРОЙ. Ничего съ, такъ, сходство именъ... Впрочемъ что
такое сходство значитъ? Я ужъ и думать боюсь!... Я столько
разъ ошибался въ моихъ поискахъ!... Пуганая ворона куста
боятся, говоритъ пословица.

КОЛПАКОВА. А вы кого нибудь отыскиваете?

МАТЕРОЙ. Да съ, одну родественницу... которую...

КОЛПАКОВА. Если только она живетъ въ нашемъ околоткѣ, то
я могу помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ... потому что если съ кѣмъ
и незнакома, все знаете, такъ черезъ людей, черезъ сосѣдей...
Да вотъ и сама Ольга Павловна...

ЯВЛЕНІЕ X.

МАТЕРОЙ, КОЛПАКОВА, ОЛЬГА ПАВЛОВНА И ДѢТЯ.

МАТЕРОЙ (Ольга Павловна). Я пришелъ заказать вамъ мой пор-
третъ... выставленная въ окнахъ вашихъ работа такъ хороша,
что талантъ вашъ ручается за сходство... а ваше имя...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Оно еще такъ мало извѣстно!...

МАТЕРОЙ. Если я не ослышался, васъ зовуть Ольга Павловна...
довольно уже и этого для меня... (Со вздохомъ). И моя бы Олинька
могла быть теперь съ васъ... Ее тоже бы звали Ольгой Павло-
вной... (Какъ-бы стараясь прогнать грустную мысль). Ну, да не
въ этомъ дѣло... не за тѣмъ я пришелъ сюда... Какъ скоро мо-
жете вы написать мой портретъ?

ОЛЬГА. Трудной?

МАТЕРОЙ. Нѣтъ, ужъ коли писать такъ писать... напишите меня
во весь ростъ.

ОЛЬГА. Во весь ростъ? Это займетъ дней пять или шесть...

МАТЕРОЙ. О цѣнѣ я не хлопочу... денегъ у меня вдоволь...
Вы по платю не судите... по платю встрѣчаютъ, а по уму про-
вѣжаютъ, говоритъ пословица... не красна изба углами, а красна
пирогами. (Показываетъ портфель)... Такъ вы напишите во весь
ростъ, а кругомъ поставьте лѣсъ, непроходимый лѣсъ... вокругъ

меня человекъ пятнадцать рабочихъ, а передъ ними двухъ Тунгусовъ....

ЛИЗА. Двухъ Тунгусовъ? Матерой. Да! Мне хочется, чтобы эта картина напомнила мнѣ Сибирь и мои приски....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Вы изъ Сибири? Матерой (въ сторону). Объясненіе приближается! Громко). Да, я Сибирякъ, Красноярскій купецъ.... Я прѣхалъ сюда, чтобы отыскать сестру; но не засталъ уже въ живыхъ мою добрую Аннушку...

ЛИЗА (тихо Ольгѣ Павловнѣ). Оленька! Онъ изъ Сибири и у него была сестра Анна....

МАТЕРОЙ. Да; разбогатѣвъ отъ золотыхъ присковъ, я бѣжалъ сюда съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ сестрою и устроить судьбу ея и ея дочери.... Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, говоритъ пословица.... Анна Кузьминшна моя умерла, а Оленьку я нигдѣ не могъ отыскать.... всѣ мои старанія остались безъ успѣха...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (Лизѣ). Я боюсь вѣрить!... (Беретъ за руку Матераго). Ваше имя! Ради Бога скажите ваше имя!

МАТЕРОЙ. Иванъ Кузьмичъ Шумилинъ.

ЛИЗА И КОЛПАКОВА. Это онъ!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (въ одно время съ Лизою и Колпаковою). Дядюшка!

МАТЕРОЙ. Какъ вы Ольга Павловна... моя Оленька... Оленька моя, это ты, ты!... (Въ сторону) Пора прослезиться (Громко). Дитя мое, сюда! въ мои объятія! (Утираетъ глаза).

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (бросается къ нему на шею). Дядюшка!... добрый дядюшка!

МАТЕРОЙ. Милая племянница! я такъ разстроенъ.... Вотъ ужъ говоритъ пословица: не знаешь, гдѣ найдешь гдѣ потеряешь. Дай на тебя насмотрѣться! Вылитая мать покойница (Въ сторону, утираетъ глаза). Отъ роду не видалъ покойницы, да это все равно!... (Прѣмкомъ Ольгѣ Павловнѣ). Ну, какъ же ты живешь, Оленька? А? чай нужду терпишь? Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ, говоритъ пословица....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Я не могу жаловаться на нужду, дядюшка.... Благодаря воспитанію, которое вы же мнѣ дали, у меня былъ всегда кусокъ хлѣба... Я писалъ портреты, давала уроки...

МАТЕРОЙ. Этого больше не будетъ! Ты у меня заживешь барыней.... Это что за баринъ?

— да отъ въ! *идетъ въ дверь* (въ дверяхъ вбѣгаетъ и останавливается онъ)
! арии (въ) арии! а шод

ЯВЛЕНИЕ XI. *Лиза и Спичкинъ* ПОЧТАМ
... арии (въ) арии! а шод

ТЪ ЖЕ Д. ГРАФЪ.

— лиза (графу). Ахъ, если бы вы знали какое счастливое при-
ключеніе!...

МАТЕРОЙ. Если вы пришли заказать портретъ, милостивый го-
сударь, то, къ сожалѣнію, вы приняли на себя напрасный трудъ....
Ольга Павловна не будетъ болѣе писать портретовъ... она еще
одинъ только напишетъ.... Въдь ты снимешь съ меня портретъ,
Одинька....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Непремѣнно, дялюшка.

ГРАФЪ (съ притворнымъ удивленіемъ). Вашъ дялюшка?

МАТЕРОЙ. Да, милостивый государь, она отыскала дялю, кото-
рый любитъ ее, какъ дочь, и который дѣлаетъ ее единственною
наслѣдницею. (Ольга Павловна). Поди же ко мнѣ, обними меня
еще разъ (Обнимаетъ ее). Теперь ты миллионеркой будешь.... Мы
тебѣ жениха найдемъ....

КОЗНАКОВА (тихо Ольга Павловна). Не сварить ли кофейку,
ради дялюшкинаго прѣзда? Я сейчасъ распоряджусь. (Уходя
встрѣчается въ дверяхъ съ Спичкинымъ). Пропустите, Николай
Степановичъ, некогда. (Уходитъ, Спичкинъ смотритъ ей въ слѣдъ).

ЯВЛЕНИЕ XII.

МАТЕРОЙ, ОЛЬГА ПАВЛОВНА, ГРАФЪ, ЛИЗА И СПИЧКИНЪ.

ЛИЗА (бѣжитъ на встрѣчу Спичкину). Николай Степановичъ

Николай Степановичъ! Счастье какое!...

СПИЧКИНЪ. Это вы, чему такъ обрадовались, Лизавета Ива-
новна? Точно нашъ столоначальникъ Иванъ Яковлевичъ, какъ
отыскалъ указъ сенатскій, который у него шесть дней пропа-
далъ, да безъ исполненія оставался....

ЛИЗА. Да какъ же не радоваться! Ольги Павловны дялюшка
возвратился, миллионеръ....

СПИЧКИНЪ. Чтò въ Сибири было? Вотъ э тотъ-то. (Указывая

на Матераго и пристально взглядываясь). Господи! да это дядюшка Иванъ Кузьмичъ!

МАТЕРОЙ (который въ продолженіе предыдущихъ фразъ тихо говорилъ съ Ольгою Павловною, быстро оборачивается при словѣ Иванъ Кузьмичъ!) Племянникъ!...

СПИЧКИНЪ. Дядюшка, «дражайшій дядюшка! Васъ ли я имѣю счастье видѣть? Позвольте мнѣ имѣть честь обнять васъ и принести вамъ искреннее душевное поздравленіе съ благополучнымъ возвращеніемъ и съ вашими милліонами. (Обнимаетъ Матераго).

ОЛЬГА ПАВЛОВНА и ГРАФЪ (въ-сторону). Это его дядюшка!
ОЛЬГА ПАВЛОВНА (въ-сторону). И мой дядя!... Вольтотпущен-ный!... Я этого не знала!...

ГРАФЪ (въ-сторону). Все погубило! Обманъ откроется!

МАТЕРОЙ (въ-сторону), Нѣтъ чортъ возьми, смѣли! смѣлость горда беретъ (Громко). Да, братъ Николай, я вернулся къ вамъ въ Питербъ, и вернулся милліонеромъ!

СПИЧКИНЪ. Оно и кстати, любезный дядюшка! Вы изволите удостоить своимъ присутствіемъ мое вступленіе въ первый законный бракъ!...

МАТЕРОЙ. Ты женишься?

СПИЧКИНЪ. На Елизаветѣ Ивановнѣ, которую имѣю честь представить на милостивое благорасположеніе и родственное благо-смотрѣніе ваше!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (Матерому). Такъ, Николай Степановичъ вашъ племянникъ, и, следовательно, двоюродный братъ мой!... А я и не знала, что у меня есть родные въ Петербургѣ.

МАТЕРОЙ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго! Я тебѣ все это сейчасъ объясню!... А вотъ, извольте видѣть: у моей матушки было два!... то есть нѣтъ, что я говорю!... у батюшки было двѣ жены!... Отъ первой родилась мать Николая Лизавета Кузьминична, а отъ второй я, Иванъ Кузьмичъ, да матушка твоя Анна Кузьминична!... Такъ оно хоть и родныя сестры онѣ были, да и не совсѣмъ родныя!... Къ тому жъ матушка твоя не слишкомъ любила свою родню!... То есть не то, чтобы не любила!... а какъ вышла замужъ за военнаго!... то стала стыдиться своего происхожденія!... гнушаться нами!... Я готовъ объ закладъ ударишься, что она не говорила тебѣ, кто я былъ прежде!... Вольтотпущенноот!...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (перебивая). Не говорите этого дядюшка!... Я все знала!...

МАТЕРОЙ (въ-сторону). Лжетъ, жалія матеріи!... доброе сердце

дядюшка! (Громко) Забудемъ же прошлое! Я хочу вознаграждать тебя за эти пытки дѣть нужды и горя! Вотъ тебѣ десять тысячъ оленьи серебромъ... два билета; въ пять тысячъ каждый. Это тебѣ за первое обзавѣденіе. (Даетъ ей билеты) Дядя и въ имени Ольга Павловна (взлѣз билеты). Благодарю васъ, дядюшка. спичкинъ (протягивая руку). Вотъ онъ добрый то дядюшка! (Въ-сторону) Да онъ бумажникъ пріятель. (Громко) Дядюшка, а меня то вы забыть изволили! Я равномѣрно вамъ племянникъ.... и мнѣ также, по случаю предстоящаго бракосочетанія, первое обзавѣденіе нужно.... Хотя для сравненія съ сверстниками, произведите и мнѣ отпускъ таковой же суммы.

МАТЕРЬ. Объ тебѣ я послѣ подумаю.... а на чужой каравай рта не развѣивай, говоритъ пословица.... Ты, отъ меня и не надѣйся получить такую сумму.... Тамъ, можетъ-быть, въ послѣдствіи.... что нбудь сдѣлаю.... тамъ увидимъ.... но извини я ее больше люблю.... и не намѣренъ скрывать этого! спичкинъ. За что же дядюшка? Правосудія прошу! Это выходитъ и любви большей ей, и денегъ больше.... Гдѣ же равнолѣбіе, справедливость?

За чѣмъ же, дядюшка, скажите мнѣ, за чѣмъ, племянника вы такъ жестоко оскорбили?

И нѣжностью своей, и деньгами, и всѣмъ Сестру противъ меня щедрѣи вы надѣлили?

Не въ деньгахъ дѣло! Нѣтъ! прошу не денегъ я!

Но родственной любви! Ее мнѣ возвратите!

Но если-жъ сей любви, натуройъ дать нельзя

Тогда, хоть деньгами взаимъ мнѣ отпустите!...

МАТЕРЬ. Я уже сказалъ тебѣ, что тамъ послѣ увидимъ.... А эти деньги я назначилъ Ольгѣ.... (Ольга Павловна). Одной тебѣ, моя Оленька! Ой тебѣ!...

Ольга Павловна. Слѣдовательно, я могу располагать ими.... Николай Степановичъ.... Вы мнѣ братъ; раздѣлимъ же дядюшкинъ подарокъ по-братски! (Отдаетъ Спичкинъ одинъ билетъ).

МАТЕРЬ (въ-сторону). Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ-день! ГРАФЪ (въ-сторону, въ одно время съ Матерью). Это ужъ совершенно лишнее.... Придется всю родню обогащать! вовсе не намѣренъ.

спичкинъ. Хорошо, Ольга Павловна, въ достойны бытъ моей сестрой. Подобный поступокъ я запечатлѣть въ сердцѣ своемъ; и принудить, какъ убедительное доказательство того родственнаго вниманія и благорасположенія, которое... Вы меня понимаете?..

ЯВЛЕНИЕ XIII.

КОЛПАКОВА (ставя кофе на столъ) Кофейку не прикажите ли?... СПИЧКИНЪ (подбѣгая къ ней и показывая билетъ). Пять тысячъ серебромъ! А! какво! Знай нашихъ!...

КОЛПАКОВА. Что это значить такое? (Колпакова, Лиза и Спичкинъ говорятъ тихо. Изъ жестовъ ихъ замѣтно изумленіе и радость Колпаковой.)

МАТЕРЬ (взявъ кофе, и посмотрѣвъ на часы). Господи! половина втораго! Олинька, гдѣ бы мнѣ написать нѣсколько строчекъ.... мнѣ по одному дѣлу необходимо....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Вотъ все, что нужно для письма....

МАТЕРЬ. Нѣтъ, здѣсь меня развлекать будутъ разговоромъ.... Мнѣ бы хотѣлось....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (открывая боковую дверь). Пожалуйте сюда, здѣсь вамъ никто не помѣшаетъ.

МАТЕРЬ. Спасибо, мой дружекъ, спасибо.... Я живо кончу и сейчасъ вернусь. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, ГРАФЪ ШКОЛЖОВЪ, ЛИЗА И СПИЧКИНЪ.

ГРАФЪ. Какъ я радъ за васъ и за себя, Ольга Павловна! Этотъ счастливый случай....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Не спѣшите радоваться, графъ.... Этотъ случай поставилъ между нами новую непреодолимую преграду.

ГРАФЪ. Преграду? Что вы этимъ хотите сказать? Я васъ не понимаю!...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Подождите здѣсь! Когда мы останемся одни, я вамъ все объясню....

спичкинъ. Да! чортъ возьми! Вы увидите, какъ я заживу! Я протру глаза дядюшкиному золоту.... Даже касательно службы, я не знаю еще, буду ли продолжать оную.

колпакова. Какъ? вы хотите и службу оставить?

спичкинъ. Да, что за охота въ какомъ нибудь департаментъ контѣтъ?... Развѣ куда нибудь, хоть губернаторомъ назначеніе получу.... А въ противномъ случаѣ.... ни за что!... А какой экипажъ заведу! Лошадей!... Туалетъ какой!... У Итальянцевъ кресло найму годовое.... въ балеты буду ѣздить.... съ танцовщицами познакомлюсь....

лпза. Съ танцовщицами? Да кто же вамъ это позволитъ? Вы, кажется, ужъ и забыли объ нашей свадьбѣ....

спичкинъ. Одно другому не мѣшаетъ.... Конечно, наша свадьба.... мы все это посмотримъ тамъ, подумаемъ.... Но свадьба сама по себѣ, а танцовщицы сами по себѣ.

колпакова. Господи! развратъ какой! Возможно ли же это, въ одну минуту, какъ его деньги испортили!.... Совсѣмъ перемѣнился!

спичкинъ. Нисколько, Акулина Савишна, ни на волосъ! Я не гордъ, я не забываюсь въ счастіи.... я вамъ сейчасъ докажу. *(Обращаясь къ графу)*. Милостивый государь, графъ Левъ Андреевичъ! замѣчено мною не разъ, что вы изволили постоянно ухаживать за Ольгою Павловною....

графъ *(съ достоинствомъ)*. Николай Степановичъ!...

спичкинъ. Позвольте, не перебивайте! Пока она не была моею сестрою, мнѣ не слѣдовало и вмѣшиваться въ дѣло; до меня не касающееся.... но теперь.... я даю мое согласіе на вашъ бракъ, и постараюсь исходатайствовать вамъ таковое же и со стороны дядюшки. Согласитесь, что въ настоящихъ отношеніяхъ нашихъ.... мое покровительство.... вы понимаете?...

графъ *(иронически)*. Совершенно понимаю.... *(Въ сторону)*. Онъ мнѣ покровительствуетъ!... Это ужъ до того смѣшно, что и сердиться нѣтъ средства....

спичкинъ. Но вы меня извините, если я отложу на нѣсколько времени объясненіе съ дядюшкою, касательно сего предмета.... мнѣ необходимо сходить.... то-есть съѣздить размѣнять билетъ.... и сдѣлать кой-какія закупки и заказы.... Прощайте, сестрица; до свиданія, Левъ Андреевичъ, до свиданія, будущій братецъ....

(Хочетъ идти).

колпакова. Николай Степановичъ! послушайте, не мѣняйте билета.... живите процентами....

спичкинъ. Отстаньте, пожалуйста, Акулина Савишна! Я не ребенокъ.... я знаю, что дѣлаю. (*Идетъ къ дверямъ*).

КОМПАКОВА и ЛИЗА (*идя за нимъ*). Николай Степановичъ.... да послушайте.... одно слово...

СПИЧКИНЪ (*уходя, и говоря въ одно время съ Лизой и Компаковой*). Лизавета Ивановна, Акулина Савишна! помилосердуйте!... (*Всѣ трое, говоря въ одно время, уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XV.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА и ГРАФЪ.

ГРАФЪ. Наконецъ, мы одни.... объясните же, прошу васъ, что вы хотѣли сказать?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. После того, что вы сейчасъ сами видѣли, графъ, кажется, всѣ объясненія будутъ излишними.... Какъ съ вашимъ именемъ войти въ подобное родство? Вы видѣли, что за человекъ Николай Степановичъ?.... А знаете ли вы, какого происхожденія Иванъ Кузьмичъ!... Я сама только сегодня узнала это.... онъ вольноотпущенный....

ГРАФЪ. Что мнѣ за дѣло! хоть бы онъ крѣпостной былъ.... Я васъ люблю, васъ самихъ, а не происхожденіе и не родию вашу.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Я не стыжусь моего происхожденія, графъ.... Господу Богу угодно было поставить меня на эту ступень общества.... и я останусь на ней.... Если вы дѣйствительно.... меня.... любите.... то прошу васъ объ одномъ.... Оставьте меня.... забудьте (*Беретъ со стула шляпу и убѣгаетъ въ среднія двери*).

ГРАФЪ (*въ слѣдъ ей*). Забыть васъ! никогда!

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ГРАФЪ, ПОТОМЪ МАТЕРЬ ОИ.

ГРАФЪ. Ушла!... Чортъ бы побралъ всѣ эти возвышенныя чувства и эту деликатность! Хороша вышла моя хитрость!... Удалась!... А! Кузьмичъ, это ты!... Еслибъ ты зналъ, МАТЕРЬ ОИ. Все знаю, все слышалъ, батюшка, ваше ситѣтельство,

надъ этой комнаты.... Ужъ это не я виновата, батюшка, что у сестры глухой сынъ родился! Въ семьѣ не безъ уroda.... Но князь княземъ выгоняють, говоритъ пословица.... Нажидь я на время племянницу, откажусь на время отъ племянника....

ГРАФЪ. Какъ же ты это судишь....

МАТЕРОЙ. Оно, конечно, трудновато.... но какъ нибудь уладимъ. Главное дѣло въ томъ, что мнѣ теперь время дорого.... въ два часа мнѣ у Моисея Самойловича быть нужно....

ГРАФЪ. Поѣдемъ, я тебя доведу въ моей каретѣ и самъ тоже къ Фенхелю зайду и попрошу его.

МАТЕРОЙ. Много чести, батюшка графъ, ваше сіятельство. Впрочемъ если позволите.... дорогою обдумаемъ, что дѣлать теперь.... Утро вечера мудренѣе, авось и поправимся! *(Хотѣтъ идти)*.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

МАТЕРОЙ, ГРАФЪ и ЛИЗА *входитъ въ слезахъ*.

МАТЕРОЙ! Это что? Николаева невѣста въ слезахъ!

ГРАФЪ. Что съ вами, Лизавета Ивановна?

ЛИЗА. Это дурно! это низко, это ни на что не похоже....

ГРАФЪ. Что съ вами, скажите!

ЛИЗА. Вообразите себѣ, что Николай Степановичъ отказывается отъ моей руки.... Онъ боится неровнаго брака.... И всему этому причиною его богатство!... Очень оно мнѣ нужно, его богатство!....

МАТЕРОЙ. Это доказываетъ, что онъ не стоить быть богатымъ, и что ему надобно дать порядочный урокъ.... Я проучу его!..

ГРАФЪ. Стоить ли плакать о такомъ человѣкѣ, Лизавета Ивановна.... Онъ васъ не стоить....

ЛИЗА. А онъ находитъ, что я его не стою....

ГРАФЪ. Сыщется вамъ женихъ втрое лучше!

ЛИЗА. Я чувствую, что никого не буду любить такъ, какъ я люблю Николая Степановича.... Да и кто захочетъ на мнѣ жениться?....

МАТЕРОЙ. Было бы болото, черти найдутся! говоритъ пословица.... Я вамъ вотъ что скажу, матушка: если завтра же не обвѣнчаю васъ съ Николаемъ, то самъ со всеми моими миллионами женюсь на васъ и не оставлю ему въ наслѣдство ни полушки....

ЛИЗА. Душенька, дялюшка! оларовательный дялюшка! что

МАТЕРОЙ. Вы ему объявить можете, что онъ мнѣ не племянникъ, что я лишилъ его наслѣдства!.. однимъ словомъ, говорите ему все, что хотите! Я вамъ скажу только то, что отъ меня онъ не получитъ ни копейки, если на васъ не женится.

ЛИЗА. Милѣйшій дядюшка, красавчикъ дядюшка!

МАТЕРОЙ (*графу*). Однако, пора, а то не застанешь его, ба-тюшка, ваше сіятельство.

ГРАФЪ. Я готовъ. (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ЛИЗА одна, потомъ спичкинъ.

ЛИЗА. Какъ я рада!.. Ужась какъ рада.... это научитъ васъ, Николай Степановичъ, какъ отъ невѣсты отказываться.... Да еще мадо этого.... я и сама помучаю его.... Его голосъ!.. точно, это онъ... притворюсь, будто его не замѣчаю....

(*Оправляется передъ зеркаломъ*).

СПИЧКИНЪ (*входя въ партикулярномъ платьѣ, съ разными покупками*).

ЛЗ Б.

Если только деньги есть,

Можно разомъ все завести.

Деньги есть (bis)

Такъ по деньгамъ вамъ и честь!

Вотъ какъ денежки нашлись,

Всѣмъ мы вдружь обзавелись:

Модный фракъ, сюртукъ, жилетъ,

Шляпа, трость, часы, лорнетъ,

И перчатки, и бѣлье...

Право въ Питерѣ житье:

Можно разомъ все завести,

Если только деньги есть!

То есть, просто, франтъ, молодець хоть куда.... Одно меня беспокоитъ.... не смотря на мое богатство и полную готовность съ моей стороны, я такъ глупъ, что не могу выбросить изъ головы эту бѣдную Лизу.... Она, вѣрно, плачетъ, сокрушается.... объ чемъ

сама не знаетъ.... А касательно слезъ.... Я не имѣю къ опымъ ни малѣйшаго расположенія: онѣ наводятъ на сердце душевное прискорбіе (*Лиза, поправляя прическу-передъ зеркаломъ, начинаетъ напльвать веселый романъ*). Да она тутъ распѣваетъ.... и такъ весела!... Тото будетъ приведена въ изумленіе моимъ нарядомъ.... въ совершенное изумленіе!... (*Лизъ*). Лиза! Лизавета Ивановна!

ЛИЗА. Ахъ, это вы, Николай Степановичъ (*Продолжаетъ пльть*). спичкинъ (*въ-сторону*). И должнаго вниманія не обращаетъ!... и вы говорить!... сердитесь... (*Громко*). Да-съ, Елизавета Ивановна, это я-съ, возвратясь изъ гостинаго двора-съ и съ разныхъ магазиновъ отличнаго великолѣпія.... Позвольте узнать ваше мнѣніе касательно новаго костюма-съ!

ЛИЗА (*оборачиваясь*). Ахъ, Боже мой! да вы во фракѣ?... (*Въ-сторону*) Онъ очень милъ! (*Громко*) Да какіе же вы смѣшныя!... обернитесь! Ха! ха! ха! да на васъ какъ то это все неловко сидитъ.... Точно будто чужое платье надѣли.

СПИЧКИНЪ. Вѣрьте же послѣ этого магазинщикамъ.... Французъ проклятый увѣрялъ, что на заказъ лучше шить нельзя.... Да ужъ касательно увѣренія они на это мастера.... а я то, дуракъ, въ-слѣдствіе таковаго поручительства уплатилъ ему семьдесятъ рублей серебромъ за пару.

ЛИЗА. Видно, что вы деньгамъ цѣны не знаете!

СПИЧКИНЪ. Лизавета Ивановна! позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

ЛИЗА. Извольте.

СПИЧКИНЪ (*нѣжно*). Мы, кажется, одни Лиза.... отчего же ты говоришь мнѣ вы?

ЛИЗА. Я и васъ попрошу оставить этотъ фамилярный тонъ.... Съ-тѣхъ-поръ, какъ я невѣста другаго, я не...

СПИЧКИНЪ (*перебивая*). Невѣста другаго? Вы невѣста другаго? Но, въ-слѣдствіе какого права?

ЛИЗА. Вы отказались отъ моей руки...

СПИЧКИНЪ. Но ваши клятвы, ваши обѣщанія....

ЛИЗА. Я слѣдую вашему же примѣру, забывая ихъ....

СПИЧКИНЪ. Но кто же вамъ сказалъ, что я забылъ....

ЛИЗА. Вы сами.... Не вы ли говорили, что еще дѣло нерѣшенное, что вы посмотрите, увидите....

СПИЧКИНЪ. Я вижу ясно, что вы искали только предлога, чтобы отъ меня отдѣлаться.... Но кто же этотъ счастливецъ, который... котораго вы... то есть которому... однимъ словомъ, кто онъ?

ЛИЗА. Вашъ дядюшка!

спичкинъ (съ удавленіемъ): Дядюшка! дядюшка, Иванъ Кузьмичъ?

лиза. Да... Онъ увидѣлъ меня въ слезахъ, и узнавъ о чѣмъ я плачу, сказалъ мнѣ, что если племянникъ его забываетъ свой долгъ, то, чтобы поправить ошибку племянника, онъ женится на мнѣ самъ!...

спичкинъ. А вы такъ немедленно и изволили изъявить свое согласіе?

лиза. Въ ту же минуту. Вы такъ расхваливали мнѣ выгоды и удовольствія богатства... что мнѣ захотѣлось самой испробовать ихъ.

спичкинъ. (торжественно). О женщины, женщины! Кому удастся проникнуть въ глубочайшіе изгибы вашего сердца! Вотъ оно, тщесловіе! Изъ за презрѣннаго металла, изъ за золота сгубить всю свою будущность... жертвовать счастіемъ жизни... разстроить священный союзъ любви.

лиза (перебивая). Это изъ какой книги, Николай Степановичъ?

спичкинъ. Изъ печатнаго романа-съ... развѣ не хорошо-съ?

лиза. Не въ этомъ дѣло... Я должна сообщить вамъ еще одно непріятное пзвѣстіе: дядюшка лишаетъ васъ наслѣдства.

спичкинъ. Чтó?... лишаетъ?... какъ?... наслѣдства?... нѣтъ! пустяки ... Да откуда вы это взяли?...

лиза. Онъ мнѣ самъ сказалъ.

спичкинъ. И послѣ подобнаго поступка вы рѣшились выдти за него замужъ?

лиза. Рѣшусь!

спичкинъ. Да вѣдь онъ сѣдой старичишка!

лиза. За то онъ побогаче молодыхъ.

спичкинъ. Онъ золъ!

лиза. Со мной онъ былъ добръ....

спичкинъ. Онъ скупъ!

лиза. Для мота племянника, а не для такой благоразумной жены, какъ я.

спичкинъ. Вы, кажется, надо мною смѣетесь, Лизавета Ивановна! (Жалобно, почти со слезами). Грѣшно вамъ!... Я васъ такъ любилъ, такъ любилъ.... Я никогда и не переставалъ любить васъ.... я и не думалъ и не помышлялъ отказываться отъ васъ.... Я только сказалъ, что подумаю.... посмотрю.... Ну вотъ я и подумалъ, и посмотрѣлъ... и хоть сейчасъ готовъ на васъ жениться!

лиза. Теперь уже поздно!

спичкинъ. Лизавета Ивановна! За что же вы отвергаете меня?
лиза. Я хочу быть богатою.

спичкинъ. Нѣтъ, должно полагать, что я ошибся въ чувствахъ вашихъ!... Если бы вы меня хоть капельку любили.... Вы хотите, чтобы я бросился передъ вами на колѣни?... Извольте, вотъ я у вашихъ ногъ....

лиза. Встаньте, Николай Степановичъ, къ чему это!...

спичкинъ. Не встану.... нѣтъ!... Сжальтесь.... обратите на меня милостивое вниманіе свое!... Согласитесь снова отдать мнѣ вашу руку!

лиза. Встаньте! Я въ свою очередь скажу вамъ, что я посмотрю.... подумаю.... Да, я соглашусь выдти за васъ.... но съ однимъ условіемъ....

спичкинъ (*вставая*). Говорите! Я ожидаю изложенія условий вашихъ и заранѣе изъявляю согласіе на оныя.

лиза. Вы должны сами добровольно отказаться отъ наслѣдства вашего дядюшки....

спичкинъ. Помилуйте, Лизавета Ивановна! Въ слѣдствіе чего же отказываться отъ состоянія?... Не лучше ли намъ пользоваться имъ вмѣстѣ?... (*Нѣжно*). За особенно-пріятное удовольствіе сочту раздѣлить его съ тобою, ангелъ моей жизни.

лиза. Мнѣ состояніе вовсе не нужно.

спичкинъ. Не могу съ вполне сообразить понятія.... Но давно ли вы говорили мнѣ, что хотите быть богатою, а теперь.... Нѣтъ, Лиза, ангельчикъ, позволь сохранить мое будущее богатство! Вѣдь, какъ я тебя наряжать буду! И перья, и серьги, и шали турецкія разныя.... и карету куплю, и муслинъ-сюнсу англійскаго.... и марабу тебѣ, и браслеты, и понугая заведу....

лиза. Ничего мнѣ этого не нужно.... мнѣ нужно только тебя, но такимъ, какъ ты былъ прежде, бѣднымъ, но добрымъ и любезнымъ....

спичкинъ. Хоть десять тысячъ годоваго дохода позволь оставить!

лиза. Ни десяти рублей!... или я, для богатства, за твоего дядюшку выду....

спичкинъ. Хоть пять тысячъ?

лиза. Ни пяти копеекъ.

спичкинъ. Ну, будь по твоему, отказываюсь. (*Въ-сторону*) Выпрошу у дядюшки хоть тысячу серебромъ въ годъ.... такъ, секретное ассигнованіе, на непредвидѣнные обстоятельства....

МѢ. 7.

ЛИЗА.

Мнѣ мой женихъ во всемъ послушенъ,
Теперь довольна я вполне...
Онъ даже такъ великодушень,
Что всемъ пожертвовалъ женѣ.

СПИЧКИНЪ.

Ну не смѣшно ли, какъ послушенъ
Своей я будущей женѣ?
Я глупъ, я просто простодушенъ,
И все смѣяться будутъ мнѣ.

СПИЧКИНЪ (одинъ).

У насъ частехонько бываетъ,
Что мужъ, женѣ чтобъ уголить,
Все состоянье проживаетъ,
Такъ, что потомъ ужъ не чѣмъ жить...
Трудовѣнко было сосчитать бы,
Мужей, прожившихся для женъ!...
Но я, дуракъ! еще до свадьбы
Моей невѣстой разорень.

ЛИЗА.

Мнѣ мой женихъ и пр.

СПИЧКИНЪ.

Ну не смѣшно ли и пр.

ЛИЗА. Въ награду за вашу покорность, Николай Степановичъ,
вотъ вамъ моя рука.

СПИЧКИНЪ (цѣлуя ея руку). О! за подобную награду...

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ЛИЗА, СПИЧКИНЪ И КОЛПАКОВА.

КОЛПАКОВА (*входя*): Помірились, голубчики мои... Вотъ и хорошо!... А то, на что это похоже... Ахъ, ты Господи! да какимъ вы франтомъ, Николай Степановичъ!

СПИЧКИНЪ (*охорашиваясь*): Помілуйте, Акулина Савишна! Если бы только финансовыя средства позволяли... а ужъ касательно вкуса, осмѣлюсь вамъ доложить, что въ одномъ недостатка не будетъ.

КОЛПАКОВА. Конечно, это не мое дѣло, Николай Степановичъ... Всякій въ своемъ добрѣ воленъ; но позвольте спросить, такъ, по родственному... сколько вы уже денегъ ухлопали?...

СПИЧКИНЪ. Не считалъ... но, кажется, что слишкомъ тысячу рублей.

КОЛПАКОВА. Тысячу рублей!.. ассигнаціями?

СПИЧКИНЪ. Нѣтъ, серебромъ! Кто же нынче на ассигнаціи считаетъ... Да вѣдь за то, что закупилъ! Мебель во вкусъ рокока и ренессанъ заказалъ, двѣсти цѣлковыхъ задатку далъ... Заказалъ карету на лежачихъ-сѣ и пролетки тоже, триста задатку отдалъ... Себѣ полный костюмъ купилъ, шляпу соломенную, другую складную на пружинахъ; очки золотые...

ЛИЗА. Да вѣдь вы ни слѣпы, ни близоруки...

СПИЧКИНЪ. Потому то я и приобрѣлъ себѣ по глазамъ, съ простыми стеклами... оно для бѣльшей важности нужно... Три пальто купилъ... особенно одно изъ трика, мариущаваго цвѣта... Это я вамъ доложу какое! Равномѣрно приобрѣлъ покупкою лорнетъ, что въ глазъ вставляютъ... Да никакъ не могу выучиться бровью держать... все выпадаетъ проклятый... А фракъ какіе, сюртучки, жилеты (*показывая панталоны*), вотъ эти вещи... извините! то-есть, просто, восхитительныя... Часы купилъ... съ эшапенамомъ и эгвилами...

КОЛПАКОВА. Ну, а Лизанкѣ, вы, вѣрно, тоже что нибудь купили?

ЛИЗА. Ахъ, маменька!

СПИЧКИНЪ (*въ сторону*). Дуракъ, болванъ, не догадался... (*Громко*). Какъ же съ, купилъ. (*Въ сторону*). Представитъ ей что нибудь

изъ своего. (Громко). Вотъ здѣсь сткляночка духовъ.... самыхъ модныхъ....

КОЛПАКОВА. Только то?... Это изъ трехъ тысячъ пяти сотъ рублей?... Въ два двугривенныхъ подарокъ.... нечего сказать, щедрился, батюшка, для невѣсты!...

СПИЧКИНЪ (отдавая духи Лизѣ). Во-первыхъ, осмѣлюсь вамъ доложить, что не въ два двугривенныхъ, а восемь гривенъ серебромъ.... А во-вторыхъ.... (Въ-сторону). Совру. (Громко). Это я такъ купилъ бездѣлку.... За то заказалъ такую брилліантовую штуку, что, просто, удивленіе.

КОЛПАКОВА. Ну, а меня, я чай, забылъ?

СПИЧКИНЪ. Нѣтъ-съ, прошу извинить! (Въ-сторону). Врать, такъ врать. (Громко). И вамъ заказалъ штучку.... Позвольте оставить въ видѣ сурприза.... а сверхъ-того взялъ на сегодня билетъ въ ложу, въ Александрьевскій, на бенефисъ.

КОЛПАКОВА. Вотъ ужъ это, батюшка, напрасно! Охота за бенефисъ двойную цѣну платить.... можно и повторенья подождать.

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТѢ-ЖЕ И МАТЕРОЙ.

КОЛПАКОВА. А вотъ и дядюшка вашъ!

ЛИЗА (Спичкину). Помните же обѣщаніе!

СПИЧКИНЪ (Матерой). Дядюшка! Имѣя необходимость лично объясниться съ вами касательно одного 'важнаго дѣла....

МАТЕРОЙ. А!... вы здѣсь, Николай Степановичъ.... Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ, мнѣ тоже подобно поговорить съ вами!

СПИЧКИНЪ. Какой вы торжественный тонъ принимаете, любезнѣйшій дядюшка!...

МАТЕРОЙ. Я долженъ вамъ объявить, Николай Степановичъ что вы мнѣ вовсе не племянникъ.

СПИЧКИНЪ, ЛИЗА И КОЛПАКОВА. Какъ? что? что такое?...

МАТЕРОЙ. Что вы не имѣете никакого права на мое наследство и не должны на него рассчитывать.

ЛИЗА (въ-сторону). Какъ я рада!

КОЛПАКОВА (въ-сторону въ тоже время). Это что за новость?

СПИЧКИНЪ (въ-сторону). Прощай и тысяча серебромъ секретнаго

дохода! Ну, да все равно. (Громко Матерому). Что касается до наследства, то я самъ имѣлъ намѣреніе просить васъ лишить меня онаго....

ВМѢСТѢ. } колпакова (въ-сторону). Что онъ съ-ума сошелъ, что ли?
 } матерой (въ-сторону). Это что бы значило?
 } лиза (въ-сторону). Вотъ милашка.

спичкинъ. Но, что я не племянникъ вашъ, это подлежитъ сомнѣнію: матушка моя, Лизавета Кузьминшна, была вамъ родная сестра; въ-слѣдствіе чего и я, сынъ ея....

матерой. Въ томъ то и штука, что вы не сынъ ея, а приемышъ....

колпакова. Какъ? что? приемышъ?...

матерой. Да, приемышъ!... Человѣкъ безъ роду, безъ племени!... Безъ имени овца, говорятъ пословица....

спичкинъ (перевизал). Послушайте, дядюшка... потому что вы мнѣ дядюшка, я буду имѣть честь доказать вамъ это самыми ясными доводами; такъ послушайте, дядюшка, такія оскорбительныя вещи не говорятъ людямъ при ихъ невѣстахъ и будущихъ тѣщахъ!... Черезъ четверть часа я буду имѣть честь опровергнуть ложные навѣты клеветы.... Приготовляя бумаги, которыя мнѣ были нужны для свадьбы, я между прочимъ отыскалъ и метрическое о моемъ рожденіи и крещеніи свидѣтельство, въ 1821 году, отъ 13 мая, за № 7083, отцу моему выданное. Изъ онаго вы ясно усмотрѣтъ позволите то, что я законный сынъ вышеупомянутыхъ родителей моихъ, а не приемышъ или подкидышъ какой... Я сейчасъ за нимъ съѣзжу.... Уйдемте, матушка, уйдемте, Лизавета Ивановна, чтобы вернуться съ доказательствами въ рукахъ! Да, дядюшка, вы изволите на опытѣ убѣдиться, что племянникъ не то, что какой либо чиновникъ въ Департаментѣ. Жалованья вы ему можете не давать, а въ отставку не выгоните и отъ должности не отрѣшите! Племянникъ, все племянникомъ останется!

(Уходитъ, за нимъ Лиза и Колпакова).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

МАТЕРОЙ.

матерой (одинъ). Вотъ те и здравствуй! Заварилъ кашу, а какъ разхлебаю и самъ не знаю.... Въдѣ надобно же было на бѣду,

чтобы у него это свидѣтельство было пѣло!... Я думалъ, что эта выдумка хоть на нѣсколько дней мнѣ удастся, чтобы избавить Ольгу Павловну отъ родни, которая ей не нравится, и тѣмъ отстранить препятствіе къ сватьбѣ... потому что такимъ родомъ племянника изъ родни бы выжилъ, а самъ обѣщалъ бы уѣхать въ Сибирь тотчасъ послѣ сватьбы... Что же будетъ теперь? А?... Когда она узнаетъ объ этой хитрости, то можетъ догадаться и объ остальномъ! Она посмышленнѣе моего племянника... Ее, какъ стараго воробья на мякинѣ не проведешь, какъ говоритъ пословица... Графъ скоро возвратится... А я обѣщалъ ему полный успѣхъ... Не давъ слова крѣпшсь, а давши держись, говоритъ пословица; взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ... Надобно придумать что нибудь другое... взять, какъ говорятъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ... (Думаетъ). А! нашелъ!... Если и это не удастся то ужъ я не знаю, что и придумать.

(Садится за столъ и пишетъ).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

МАТЕРОЙ (пишетъ) и ГРАФЪ.

ГРАФЪ. Ну, что новаго, Кузьмичъ?

МАТЕРОЙ (продолжая писать). Ахъ, это вы, ваше сіятельство... сейчасъ, позвольте дописать....

ГРАФЪ. Пока ты хлопоталъ тутъ обо мнѣ, я, кажется, твое дѣло устроилъ... Моисей Самойловичъ разобралъ со мною все въ совершенной подробности; я рассказалъ ему всѣ твои доводы, и онъ послалъ за маклеромъ, чтобы утвердить и записать въ книгу то форменное условіе, которое ты ему представилъ.

МАТЕРОЙ. (Запечатавъ письмо и надписывая конвертъ). И онъ ничего не перемѣнилъ въ условіи, батюшка?

ГРАФЪ. Онъ сказалъ, что если и сдѣлаешь измѣненія, то въ твою же пользу. Я захалъ домой и послалъ къ нему человекъ съ запискою, въ которой просилъ прислать съ подателемъ условіе, какъ только оно будетъ совершено, чтобы тебѣ не ждать напрасно....

МАТЕРОЙ (вставая). Не знаю, какъ и благодарить васъ, батюшка, ваше сіятельство!... Да вамъ вѣдь изъ благодарности то моей не шубу шить, какъ говоритъ пословица.... постараюсь лучше вамъ за это службу сослужить.

ГРАФЪ. Ну что же наши дѣла? — подвинулись?

МАТЕРОЙ. Подвинулись, ваше сіятельство: шагъ впередъ да два назадъ.... Во первыхъ, я долженъ вамъ доложить, что племянникъ мой останется по прежнему моимъ племянникомъ.

ГРАФЪ. Я это заранѣе зналъ.

МАТЕРОЙ. Съ этимъ дѣлать нечего, батюшка, не удалось. Такия уже обстоятельства вышли.... плетью обуха не перешибешь, говорить пословица.... Но за то я придумалъ новую штуку, за успѣхъ которой готовъ Богъ знаетъ чѣмъ поручиться.... (Показывая письмо). Въ этомъ письмѣ одинъ изъ нашихъ Сибирскихъ золотопромышленниковъ, молодой человекъ съ несмѣтнымъ состояніемъ проситъ у меня руки моей племянницы. Она должна же будетъ наконецъ дать рѣшительный отвѣтъ. Если у васъ тутъ человекъ, батюшка ваше сіятельство!

ГРАФЪ. Есть. (Въ дверь). Алексѣй! (Входитъ человекъ). Но объясни, что ты хочешь дѣлать?

МАТЕРОЙ. Сейчасъ все объясню, батюшка. (Человѣку). Возьми это письмо, и такъ черезъ четверть часа, какъ вернется Ольга Павловна, скажи дворнику, чтобы онъ подаль сюда въ квартиру, ступай!...

АЛЕКСѢЙ. Слушаю-съ! (Уходитъ).

МАТЕРОЙ. Видите, батюшка, вы еще плохо изволите знать женскій обычай: позволъ — не хочу; запрѣти — на стѣну полезеть. подай, да подай; вынь, да положи! Право! Я строжайше запрещаю ей и думать объ васъ, увидите сами, что изъ этого выйдетъ.... Никакъ она вернулась.... Не забывайте, что я вамъ сказалъ, да не пугайтесь моего крику....

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

МАТЕРОЙ, ГРАФЪ И ОЛЬГА ПАВЛОВНА, (входя снимаетъ шляпку).

МАТЕРОЙ. (продолжая разговоръ чрезвычайно громко). Такъ я вамъ говорю, милостивый государь, что я покорнѣйше прошу васъ оставить этотъ домъ и впередъ сюда ни ногой!...

ГРАФЪ (тихо). Что же мнѣ отвѣчать?

МАТЕРОЙ (тихо). Что угодно. (Очень громко). Я имѣю право сказать вамъ это, милостивый государь! Я говорю вамъ это, какъ дядя, да!... Знай сверчекъ свой шестокъ, говоритъ пословица.... Этому никогда не бывать, милостивый государь, никогда!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*подходя*). Что съ вами, дядюшка, вы такъ разстроены.... Вы, кажется, сердитесь!...
 МАТЕРОЙ. Еще бы не сердиться! Вообрази себѣ, что этотъ господинъ ни съ того ни съ сего вздумалъ тебя сватать... Конечно, наследница восьми милліоновъ хоть кого соблазнить... Но я тебѣ запрещаю впередъ, Оленька, принимать этого молодого челоука... я запрещаю; слышишь ли?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Но, дядюшка.... подобный поступокъ.... Я такъ много обязана графу.

МАТЕРОЙ. Что мнѣ за дѣло до его графства! Я его и знать не хочу... вѣтъ, мой другъ: большому кораблю большое и плаванье, говорить пословица.. Я нашелъ тебѣ другаго жениха, одного изъ нашихъ золотопромышленниковъ, у котораго въ оборотѣ до милліона серебромъ.

ГРАФЪ (*съ стороны*). У него милліоны дешевле рублей простыхъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Дядюшка, что вы дѣлаете?... (*Графу*). Я надѣюсь, что вы не вѣрите, чтобы подобная причина...

ГРАФЪ. Я долженъ вѣрить словамъ дядюшки... особенно, когда вы сами....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Левъ Андреечъ, увѣряю васъ, мое... расположеніе къ вамъ.

МАТЕРОЙ (*съ стороны*). Пошла писать!

ГРАФЪ. Къ чему напрасныя увѣренія! Въ теперешнемъ положеніи нашемъ, одно согласіе ваше можетъ убѣдить меня...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*съ стороны*). Боже! На что рѣшился...

ГРАФЪ. Но вы согласны съ мнѣніемъ нашего дядюшки...

МАТЕРОЙ. Разумѣется! У меня молодецъ племянница.... Объяви же ему сама, что ты выходишь за нашего Сибиряка.... Вѣдь полтора милліона серебромъ, не шутка!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Вы сказали прежде милліонъ?

МАТЕРОЙ (*поправляясь*). Милліонъ въ оборотѣ; да, но у него есть еще недвижимое.... до полутора милліона всего наберется....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*графу*). Левъ Андреевичъ! Вы искали руки моей. Вотъ она, возьмите, я согласна.

ГРАФЪ (*цѣлуя ея руку*). Ольга Павловна! Какъ выразить вамъ мое счастье?...

МАТЕРОЙ (*съ стороны*). Пошло дѣло на лады! (*Гремко*). Да я то что же? Печь, что ли, прости Господи!... И вы думаете, что я позволю?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Добрый дядюшка! — Вы тронетесь моими просьбами.... Вы согласитесь на этотъ бракъ.

ГРАФЪ. Да, вы согласитесь....

МАТЕРОЙ (сердито). Никогда, милостивый государь, никогда.

ГРАФЪ (тихо Матерому). Соглашайся, чортъ возьми.... Или я....

МАТЕРОЙ (громко и сердито). Никогда (Тихо графу). Рано еще, погодите!

ЯВЛЕНИЕ XXIV (и послѣднее)

ТѢЖЕ СПИЧКИНЪ, ЛИЗА И КОЛПАКОВЪ.

СПИЧКИНЪ (Матерому). Имѣю честь представить при семь на благоусмотрѣніе ваше, любезнѣйшій дядюшка, документы о моемъ происхожденіи, ясными и неоспоримыми доводами, подтверждающими родство наше; и потому покорнѣйше прошу.... (Подаетъ Матерому бумаги).

МАТЕРОЙ. Отвяжись ты съ твоими документами, мнѣ теперь не до тебя.... Тутъ вотъ племянница блажить вздумама.

СПИЧКИНЪ. Равнобѣрно препровождаю при семь конвертъ отъ дворника мнѣ доставленный и врученный сему послѣднему лакеемъ въ синей ливреѣ.

МАТЕРОЙ. Я знаю, что это за письмо.... Подай его этой упрямыцѣ, которую я за ея непослушаніе лишаю наследства, (Спичкинъ подаетъ письмо Ольгѣ Павловнѣ) въ твою пользу, Николай!.... Прочтите сударыня.... Это письмо моего Сибиряка... надобно же, чтобы вы видѣли, отъ чего вы отказываетесь....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (пробѣжавъ письмо). Что жъ это, значить? (Читаетъ). Милостивый государь Иванъ Кузьмичъ! Разсмотрѣвъ просьбу вашу и приложенное при ней условіе, я убѣдился вполне въ невинности вашей и съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ принять васъ управляющимъ на Шалонскій принскъ; но, чтобъ хотя нѣсколько вознаградить васъ за понесенныя вами отъ нашей несправедливости потери и во вниманіе къ ходатайству графа Льва Андреевича, я назначилъ вамъ, вмѣсто просимыхъ вами трехъ тысячъ, три тысячи шесть сотъ рублей серебромъ въ годъ, надѣясь, что вы службою вашею оправдаете довѣренность нашей компаніи. Подписано «Моисей Фенхель.» Адресъ: Ивану Кузьмичу Матерому.... Что жъ это значить? Я ничего не понимаю!....

МАТЕРОЙ. Это значить, что, благодаря его сѣятельству, я буду управляющимъ па приискѣ, съ отличнымъ содержаніемъ; что вамъ, Ольга Павловна, не нужно мое согласіе, чтобы выйти замужъ, потому что Иванъ Кузьмичъ Матерой вамъ вовсе не дядя, а что ты, Николай, остаешься попрѣжнему моимъ племянникомъ.

КОЛПАКОВА. Слѣдовательно, и наслѣдникомъ.....

МАТЕРОЙ. Только не миллионъ, матушка, объ которыхъ мы помпунтно говорили; потому что у меня, кромѣ содержанія управляющаго, да небольшой лавки въ Красноярскѣ, нѣтъ ровно ничего. Говорить то все можно, языкъ безъ костей, гнется, да не всякому слуху вѣръ, говоритъ пословица.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*Графу*). Такъ вся эта комедія была ничто болѣе, какъ новая хитрость, новый обманъ....

ГСАФЪ. Но этотъ обманъ доставилъ мнѣ ваше согласіе.

МАТЕРОЙ. Теперь мнѣ остается только передъ отъѣздомъ въ Сибирь отпраздновать свадьбу племянника. (*Беретъ Лизу и Спичкина за руку*). Дѣти мои, соединяю и благословляю васъ.... будьте счастливы.

СПИЧКИНЪ. А что же дядюшка, на свадьбу то мнѣ.... что нибудь.... этакъ... соблаговолите!....

МАТЕРОЙ. Ахъ ты Фома, большая крома! Мало тебѣ развѣ пяти тысячъ серебромъ.

СПИЧКИНЪ. Вы спросите прежде дядюшка, много-ли изъ-нихъ осталось.... Въ полной надеждѣ на ваши миллионы, я протеръ глаза этимъ денежкамъ....

МАТЕРОЙ. И выходитъ, что глупому сыну не въ помощь богатство, какъ говоритъ пословица.... Ну, да авось женишься перемѣнишься.... Я и впередъ тебя не забуду.... Моисей Самойловичъ, какъ нарочно, прибавилъ мнѣ содержаніе.... Излишекъ пойдетъ твоей женѣ, и вы будете получать 600 рублей серебромъ въ годъ.

СПИЧКИНЪ. Вотъ онъ, дядюшка то, вотъ онъ! Однако послушайте, какъ же это сестрица то, Ольга Павловна, вамъ больше не племянница?

МАТЕРОЙ. А такъ, что я былъ ей не настоящій дядюшка.... а знаешь, этакъ, пополамъ съ грѣхомъ.... какъ и все на свѣтѣ....

КОЛПАКОВА. Именно, батюшка! все по поламъ съ грѣхомъ.

№ 8. *Водосиль.*

КОЛПАКОВА.

Дѣвщцы часто разбѣгаютъ,
Бракують жейцховъ!

И незамѣтно достигаютъ
 До пожилыхъ годовъ.
 Тогда сговорчивѣе станутъ,
 И рады ужъ потомъ,
 Какъ муженька себѣ достанутъ....

(Говоритъ). Хотя и не отличнаго, а такъ ужъ, хоть какого
 нибудь....

Хоть пополамъ съ грѣшникомъ!

ГРАФЪ.

Какъ рыба объ ледъ прежде бился
 Нашъ важный откупщикъ;
 Теперь, когда обогатился,
 Жить баринномъ привыкъ:
 Бѣтъ на серебряной посудѣ
 Открытый держать домъ....
 Ну, какъ выходить люди въ люди?....

(Говоритъ). Подумаешь, подумаешь.... да не хотя и скажешь:

Какъ пополамъ съ грѣшникомъ!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Хоть нѣтъ на свѣтѣ совершенства,
 Хоть счастья нѣтъ вполнѣ,
 Но намъ любовь даетъ блаженство
 На радость нашихъ дней....
 Что бракъ нашъ счастье ожидаетъ,
 Какъ поручиться въ томъ?
 Любовь намъ много обѣщаетъ....

(Говоритъ) Хорошо, если она сдержитъ свое обѣщаніе.... хоть
 не вполнѣ....

Хоть пополамъ съ грѣшникомъ!

СПИЧКИНЪ.

Плохихъ дѣльцовъ на службѣ много:
 Идутъ въ чины они....

Красноярский купецъ

Начальство ихъ не судить строго,
 Они ему съ родни....
 Но нашъ начальникъ отдѣленья,
 Безъ связей слыль дѣльцомъ....
 А не напишетъ отношенья....

(*Говоритъ*). Просто гиль нагородить.... Кто говоритъ, что у него жена хороша, что тутъ дискать связи другаго рода.... Кто говоритъ, что онъ на тепломъ мѣстечкѣ правила дѣленья не забываетъ.... Какъ бы оно тамъ ни было, а ужъ попалъ на важное мѣсто.

Такъ! пополамъ съ грѣхомъ!

ЛИЗА.

Въ столицѣ встрѣтимъ мы не рѣдко,
 Что выѣзжаетъ въ свѣтъ,
 Красой цвѣтушая котетка,
 Которой сорокъ лѣтъ.
 На взглядъ свѣжа, какъ утро мая
 Стройна, бѣла лицомъ,....
 Зубки жемчугъ, коса густая....

(*Говоритъ*). То есть, просто, красавица.... Заглядѣться можно... А посмотрите хорошенько, свои ли всѣ эти красы?... И выдетъ, на повѣрку.

Нѣтъ! пополамъ съ грѣхомъ!....

МАТЕРОЙ (*къ публикѣ*.)

Въ концѣ пьесы снисхожденья
 У публики просить
 Вошло у всѣхъ въ обыкновенье....
 Съ волками надо выть!
 Такъ не судите жъ слишкомъ строго;
 Мы просимъ объ одномъ:
 Поаплодируйте немного....

(*Говоритъ*). Хоть, можетъ быть, авторъ и не стоить этого....

Простите его великодушно: онъ винится передъ вами, а повинную голову и топоръ не сбъчетъ, говоритъ пословица.... Похлопайте же не много.... а если кто у васъ спроситъ: какова пьеса, какъ она тамъ разыграна, то ужъ отвѣчайте, что дпскатъ

Такъ, пополамъ съ грѣхомъ!

ЭЛЕГИЯ.

Когда я, по полю гуляя
Одинъ — осеннею порой —
Гляжу, какъ птицы, улетая,
Съ родной прощаются страной.
И въ даль несутся: въ страны юга,
Гдѣ вѣчный май, гдѣ все цвѣтеть,
Гдѣ соловей съ своей подругой
Всю ночь безъ умолку поетъ.

И какъ деревья, разставаясь
Съ одеждой блѣдною своею —
Надъ злой зимою насмѣхаясь,
Спокойно ждутъ весеннихъ дней.

Тогда, къ землѣ склоняясь главою,
Я говорю себѣ — съ тоскою:
Зачѣмъ, зачѣмъ лишень судьбою,
Грядущей льстить себя весной?
О! отъ чего безъ уцѣваній
Живу я, бѣдный — рабъ страстей,
И безъ надеждъ, безъ ожиданій
Томлюся жизнью, какъ злодѣй.
Зачѣмъ всегда одной мечтою
Полна бываетъ грудь моя?
Что я разстануся съ тоскою,
Тогда — какъ въ гробъ буду я.
Что только въ той загробной жизни
Душевный миръ я обрѣту,
И что въ родной моей отчизнѣ
Себѣ я счастья не найду.

Тогда, душой больной тоскуя —
 Схожу со скошенных полей,
 И въ домъ страданья мой плу я
 Считать остатокъ грустныхъ дней!

С. М.

И — ОВЪ.

1846, октября 21.

ОПЕРА ТЕАТРЪ

ПРОДАВА КВАРТАЛЪ

КОМПАНИИ ВЪ СЕВЕРЪ

ДЕПАРТАМЕНТА

А. А. А. А. А.

А. А. А. А. А.

Контрактъ на покупку земли
 и прочее
 1. 1846
 2. 1846
 3. 1846
 4. 1846
 5. 1846
 6. 1846
 7. 1846
 8. 1846
 9. 1846
 10. 1846

Принимается въ продажу въ северной части
 1846 г. 10 октября

МАСКАРАДЪ
ВЪ
ОПЕРНОМЪ ТЕАТРѢ

ИЛИ
ПРОКАЗЫ ЖЕНАТАГО,

КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Н. АНДРЕЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Морисъ Дюрозель, ходатай по дѣламъ	Г. Максимовъ 1-й.
Амалия, жена его	Г-жа Самойлова 2-я.
Бартолини, докторъ	Г. Мартыновъ.
Агнеса, жена его	Г-жа Куликова.
Состень	Г. Сосницкій.
Маркизь де-Бошанъ	Г. Смирновъ 1-й.
Маркизь Люсне	Г. Славинъ.
Монжиронъ, виконтъ	Г. Сергеевъ.
Жозефъ, слуга Дюрозея	Г. Семеновъ.
Батистъ, слуга въ кофейной театра	Г. Фальцевъ.
Горничная.	

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

(Представлена въ первый разъ на Александринскомъ-театрѣ, 17-го октября 1846 г., въ бенефисъ г-жи М. Д. Дюргъ).

=

1846
Кн. 12

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

МУЖЪ НАЧИНАЕТЪ ПОШАЛИВАТЬ.

Зала въ домѣ Дюрозеля. Дверь прямо и направо. На лѣво окно. Въ комнатѣ каминъ, фортепіано, кушетка.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЖОЗЕФЪ И СОСТЕНЬ.

СОСТЕНЬ. *(входя)* А!... Жозефъ! Кузина дома?

ЖОЗЕФЪ. У себя-съ. Кушаютъ.

СОСТЕНЬ. А Морисъ обѣдаетъ развѣ въ городѣ?

ЖОЗЕФЪ. Точно такъ-съ. Барыня ихъ дожидали до 7-ми часовъ,

СОСТЕНЬ. А?... *(Въ сторону)*. Онъ ее даже не предупредилъ, что не будетъ дома обѣдать..... Гмъ!.... Поговорю съ этимъ лакеемъ, авось что нибудь да узнаю.... *(Ему)* Послушай!

ЖОЗЕФЪ *(который уже хотѣлъ уйти, останавливается)*. Что прикажете-съ?

СОСТЕНЬ. Я тебѣ, кажется, что-то давно не давалъ ни на чай, ни на водку?... а?

ЖОЗЕФЪ. Да за вами не пропадетъ-съ.

СОСТЕНЬ. Разумѣется, не пропадетъ. Я бы давно.... да все забывалъ.... *(Вынимаетъ кошелекъ и оттуда монету)*. Скажи-ка, пожалуста, Жозефъ, что ты привязанъ къ своимъ господамъ?... а?

ЖОЗЕФЪ. Какъ же-съ! Сколько лѣтъ я уже у нихъ служу.

СОСТЕНЬ. Конечно, прежде.... это было другое дѣло, а теперь... ну да.... ты много получаешь жалованья?

Жозефъ. Да довольно-съ, будетъ съ меня.

Состенъ. Когда такъ, ты долженъ дорожить имъ. Нужно, разумеется, чтобъ и господа были тоже тобой довольны, а для этого, конечно, нужно, чтобъ они сами то между собой дружно жили, хотя иногда кажется.... я, право, боюсь за нихъ.... *(Вынимаетъ другую монету.)*

Жозефъ. Можетъ быть-съ, но я ничего не замѣчалъ.

Состенъ. Ты, конечно, какъ неглупый мальи, понимаешь причину моихъ подозрѣнй... другъ мужа... братъ жены.... А скажи, пожалуста, Жозефъ, что вы такъ, между собой, объ нихъ думаете?

Жозефъ. Что же кромѣ хорошаго? Мы ими очень довольны.

Состенъ. Что?... за столомъ, они этакъ побраниваются?... Я думаю не безъ того?...

Жозефъ. Я не имѣю привычки слушать, что говорятъ господа за столомъ.

Состенъ. Ну а когда, напимѣръ, баринъ прѣзжаетъ поздно, знаешь этакъ... что они?... вѣдь не все же въ ладу жить...

Жозефъ. Не замѣчалъ-съ.

Состенъ. *(Кладя деньги опять въ кошелекъ и пряча его въ карманъ, говоритъ въ-сторону)* Что жъ этотъ болванъ тутъ дѣлаетъ?

Жозефъ. Прикажете объ васъ доложить? *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ II

СОСТЕНЪ *(одинъ)*

Состенъ. Что онъ корчитъ что ли такого огромнаго. Негодяй, должно быть. И я очень хорошо сдѣлалъ, что не далъ ему денегъ. Десять франковъ остались у меня въ карманѣ.... Какъ бы то ни было, пари держу, что у нихъ должно быть, что нибудь да не тихо.... хе, хе.... Это было бъ мнѣ по сердцу. Кузина моя очаровательна.... я, просто, былъ безъ ума отъ нея, и надобно же, чтобъ этотъ негодяй Морисъ на ней женился. Я ему этого никогда не прошу. Я, разумеется, явно не пойду противъ сильнѣйшихъ правъ — мужа, но когда нибудь.... у меня еще есть надежда.

ЯВЛЕНИЕ III.

СОСТЕНЬ АМАЛІЯ И ЖОЗЕФЪ.

АМАЛІЯ. Для чего же вы раньше не пришли, братецъ; вы были очень кстати, я бы не обѣдала сегодня совершенно одна. СОСТЕНЬ. Ну я тогда на мѣстѣ кой-кого сталъ бы ревновать.

АМАЛІЯ. Да куда же въ-самомъ-дѣлѣ онъ дѣвался? (*Жозефу, который поправлялъ цветы на каминѣ*) Жозефъ! Что баринъ, уѣзжая, не говорилъ тебѣ, что не будетъ дома обѣдать?

ЖОЗЕФЪ. Никакъ нѣтъ-съ.

АМАЛІЯ. И не говорилъ, когда вернется?

ЖОЗЕФЪ. Они мнѣ ничего не сказали.

АМАЛІЯ. Странно! (*Смотря на часы, говоритъ въ-сторону.*) Уже восемь часовъ.

СОСТЕНЬ (*въ-сторону*). Что нибудь да есть... (*Ей*). О чемъ вы беспокоитесь! Вѣрно, какія нибудь дѣла задержали Мориса въ городѣ.

АМАЛІЯ. Я сама тоже думаю... не всегда же можно навѣрно предполагать своимъ временемъ; иногда бываютъ такія дѣла, что...

СОСТЕНЬ. Конечно... но все-таки, въ такомъ случаѣ, нужно бы было предупредить.

АМАЛІЯ. Нельзя же вдругъ обо всемъ думать?

СОСТЕНЬ. Но мужья обыкновенно ни объ чемъ не думаютъ.

АМАЛІЯ. А вы, какъ кажется, напротивъ, объ нихъ очень дурно думаете.

СОСТЕНЬ (*улыбался*). Что же дѣлать? Они всѣ такіе негодные.

АМАЛІЯ. Ну нѣтъ, есть же и добрые мужья.

СОСТЕНЬ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

АМАЛІЯ. Напримѣръ, мой!

СОСТЕНЬ. О разумѣется. Браня мужей, я объ немъ даже и не подумалъ. Да у кого же поднимется рука на своего искренняго друга?

АМАЛІЯ. Неужели же сомнѣваться въ счастіи, которымъ я вполнѣ наслаждалась въ продолженіе трехъ лѣтъ нашего супружества, и если теперь и случаются подобныя маленькія отлучки, то я увѣрена, что онъ самъ бѣдняжка первый отъ этого терпитъ.

СОСТЕНЬ (*въ-сторону*). Ну, значитъ я ошибся..... Они живутъ дружно.

АМАЛІЯ. Да я васъ и не приглашаю садиться... Да, вѣдь вамъ не церемониться же со мной.... Прошу покорно. (*Состенъ беретъ стулъ, она прислушивается*) Кажется, подѣхала кярета?... Не опъ ли?..

(*Отворяетъ окно и смотритъ, вывѣсившись на улицу*);
СОСТЕНЪ (*въ-сторону, держа стулъ*). Она что-то беспокоится.... Теперь, кажется, нѣтъ сомнѣнія!.. Она, вѣрно, имѣетъ какое нибудь подозрѣніе.... (*Садится подлѣ*).

АМАЛІЯ (*превозмогая себя*): Чтѣ вы дѣлали на этой недѣлѣ, братецъ? Были на вечерахъ? Въ театрѣ.

СОСТЕНЪ. Вездѣ, гдѣ только можно.

АМАЛІЯ. Я тоже была въ послѣднемъ концертѣ.

СОСТЕНЪ. Съ Морисомъ?

АМАЛІЯ. Нѣтъ... съ Бартолини и его женой.

СОСТЕНЪ. О неразлучные!.... Точно пара голубковъ. Вотъ примѣрное супружество!

АМАЛІЯ. Правда, они всегда вмѣстѣ... Даже до странности... Напримѣръ, прошлаго года докторъ не соглашался быть крестнымъ отцомъ у нашего малютки безъ того, чтобъ Агнеса не была тутъ же крестною матерью.

СОСТЕНЪ. Да это ужъ ни на что не похоже.

АМАЛІЯ. Отъ чего же? Напротивъ.

СОСТЕНЪ. Да, для любовниковъ, я не противъ этого; но для супруговъ...

АМАЛІЯ. Правда, это ихъ можетъ скоро даже поссорить.

ЖОЗЕФЪ (*входя*). Г-жа Бартолини!

СОСТЕНЪ (*вставая*). А! г-жа Бартолини!

АМАЛІЯ. Проси. (*Въ-сторону*) Очень рада; по крайней мѣрѣ, она освободитъ меня отъ этого песноснаго человѣка.

ЯВЛЕНИЕ IV.

АМАЛІЯ, СОСТЕНЪ И АГНЕСА.

АГНЕСА. Здравствуй, душечка... (*Увидя Состена*) А, извини пожалуйста.... я тебѣ помѣшала, у тебя гости.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, только кузенъ, больше никого.

СОСТЕНЪ. Кузенъ, какъ вы знаете, не считается....

АГНЕСА. Супругъ мой только что отправился къ одному больному, и я этимъ воспользовалась, чтобъ забѣжать къ тебѣ съ маленькой просьбой.... такъ, маленькая услуга...

СОСТЕНЬ (*беря шляпу*). Небольшой секретецъ!... Я ихъ уважаю и потому вамъ не мѣшаю....

АМАЛІЯ. Вы уже уѣзжаете?

АГНЕСА. Не я ли уже тому причиною?

СОСТЕНЬ. О нѣтъ, я вспомнилъ объ одномъ важномъ дѣлѣ, нетерпящемъ отлагательствъ... Я еще сюда забѣгу попозже. Не подѣдетъ ли къ тому времени Морисъ?

АМАЛІЯ. Ну, онъ иногда очень поздно возвращается....

СОСТЕНЬ (*въ-сторону*). Ахъ, кабы я могъ пронюхать, гдѣ и съ кѣмъ обѣдалъ сегодня этотъ гуляка! (*Имъ*). До свиданія.... (*Уходитъ*). Надѣюсь скоро всё узнать.

ЯВЛЕНИЕ V.

АМАЛІЯ, АГНЕСА.

АМАЛІЯ. Какой несносный!

АГНЕСА. Несноснѣе его я не видала.

АМАЛІЯ. Онъ надоѣдаетъ намъ своими безпрестанными посѣщеніями, подъ предлогомъ говорить съ Морисомъ о дѣлахъ.... которыхъ у него никогда не бывало.

АГНЕСА. Это точно также, какъ и къ намъ. Каждый день приходитъ совѣтываться съ мужемъ о здоровьѣ... да о какомъ еще цвѣтущемъ здоровьѣ... о здоровьѣ дурака!

АМАЛІЯ. И все съ цѣлю пронюхать, разузнать, что у кого дѣлается....

АГНЕСА. Вѣдь есть же такіе люди!... А что всего хуже, что еще должно принуждать себя быть съ нимъ ласковой, когда и смотрѣть то на него не хотѣла бы....

АМАЛІЯ. Стоитъ ли онъ, чтобы объ немъ говорить?... Да, я и позабыла, какая-же была у тебя до меня просьба?

АГНЕСА. Ахъ да! Видишь ли: я хотѣла просить, чтобы ты мнѣ уступила свое домино.... то есть, къ несчастію, и не мнѣ собственно.... а нашей новой сосѣдкѣ, Жиро.... Она сегодня собралась ѣхать потихоньку въ маскарадъ съ моими пріятельницами Люсне и Фовель... Мужья ихъ тамъ не будутъ.... О если бы мнѣ такое блаженство!... Такъ, вотъ знаешь, и прислала просить твоего старого домино.

АМАЛІЯ. Съ охотою. (*Звонитъ; горничной, которая входитъ*). Гортензія! принеси сюда мое черное домино.

АГНЕСА. Нѣтъ, только вынь его.... я послѣ за нимъ зайду.

(Горничная уходитъ).

АМАЛІЯ (съ горечью). Бѣдутъ въ маскарадъ! веселиться.... Какъ они счастливы, что могутъ этимъ пользоваться.... Я имъ, право, завидую....

АГНЕСА. Э! Да, что это съ тобой? Я и не замѣтила.... Какъ ты разстроена! Ужъ не больна ли ты? Лихорадка? Мигрень? Да скажи же? Какъ жена доктора, я сама могу въ пныхъ случаяхъ пособить.... посоветывать....

АМАЛІЯ. Агнеса! Я хочу просить у тебя совѣта поважнѣе этого.

АГНЕСА. Но я тебя предупреждаю, что мои знанія простирются не дальше горчицы или летучей мази. Что же касается до дальнѣйшаго, то попроси совѣта у мужа. (Смѣется).

АМАЛІЯ. Тебѣ все бы смѣяться, Агнеса.... Я тебѣ говорю, что это не шутка.... Тутъ рѣчь идетъ объ очень серьезной вещи.... о счастіи и спокойствіи всей моей жизни.

АГНЕСА. Я тебя не понимаю....

АМАЛІЯ. О! я не хотѣла бы сама этого говорить.... мой мужъ начинаетъ измѣнять мнѣ....

АГНЕСА (съ испугомъ), Какъ! что ты говоришь? Твой мужъ? Онъ, который въ продолженіе трехъ лѣтъ велъ себя такъ хорошо?...

АМАЛІЯ. Да.... всѣ они начинаютъ хорошо....

АГНЕСА. Боже мой! Кто бы подумалъ?... И ты имѣешь на это доказательства?

АМАЛІЯ. Самыя страшныя, ужасныя....

АГНЕСА. Бѣдняжка!

АМАЛІЯ. Сначала то и онъ былъ олицетворенное вниманіе и предупредительность, а теперь.... О! сказать страшно.... его поступки.... представь себѣ, всегда опаздываетъ домой.... и вотъ уже три раза въ двѣ недѣли.... каково же! три раза не обѣдалъ дома.

АГНЕСА. Неужели? Впрочемъ, говоря откровенно, я вовсе не вижу причины обвиненія твоего мужа. Всякій человѣкъ имѣетъ занятія.... да и не можетъ же онъ быть всегда подлѣ тебя....

АМАЛІЯ. Бартолини можетъ же.

АГНЕСА. Бартолини? Я тебя поздравила бы тогда съ очень счастливой партіей.

АМАЛІЯ. Какъ, развѣ и онъ тоже?

АГНЕСА. О нѣтъ, нѣтъ.... онъ, бѣдняжка, даже объ этомъ и не думаетъ, но увы!

АМАЛІЯ. Какъ?

АГНЕСА. Г-нъ Бартолини самый добродѣтельнѣйшій мужъ... святой жизни.... У него есть только одна особенность, но за то какая!

АМАЛІЯ. Какая же?

АГНЕСА. Такая, что онъ не можетъ жить безъ меня.... Предложить ли ему прогулку за городъ, на вечеръ, въ концертъ?... «Съ удовольствіемъ, но съ моей женой». Захотятъ ли его друзья увлечь его на какое нибудь ученое совѣщаніе.... даже на веселый обѣдъ.... «Прекрасно! Превосходно! Но съ моей женой!» Всегда, всегда «съ моей женой!» О! за то какъ я желала бы даже, чтобъ онъ былъ менѣе вѣренъ и постояненъ, до того что.... желала бы даже ему маленькую интрижку....

АМАЛІЯ. Агнеса!

АГНЕСА. Ну разумѣется, я, можетъ-быть, зашла уже слишкомъ далеко.... но вѣдь, что же можетъ быть несноснѣе, какъ имѣть мужа, который, какъ тѣнь, не на минуту тебя не оставляетъ.... Напримѣръ, сегодня, еслибъ я была свободнѣе, ты думаешь, что я не поѣхала бы съ Жиро въ маскарадъ?... А теперь мнѣ какъ ѣхать? Нужно туда же потащить и г-на Бартолини.... Наконецъ, говоря правду, я только тогда и дышу свободнѣе, когда онъ на службѣ въ своей больницѣ....

АМАЛІЯ. Какая же между нами разница? Я считаю истиннымъ блаженствомъ быть вмѣстѣ съ Морисомъ.

АГНЕСА. О, да; но только нужно умѣть умѣренно пользоваться этимъ блаженствомъ. Это опіумъ!... такъ, онъ пріятенъ, но при большомъ употребленіи—ядъ!

МОРИСЪ (за дверями). Ну такъ что жъ? Снялъ бы давно приборъ.

АМАЛІЯ. Наконецъ то пріѣхалъ!

(Подходитъ съ досадою къ камину).

ЯВЛЕНИЕ VI.

АМАЛІЯ, АГНЕСА И МОРИСЪ.

МОРИСЪ. Здравствуй, Амаля, здравствуй.... а! Г-жа Бартолини... мое почтеніе... вы были вмѣстѣ, тѣмъ лучше.... а я боялся, чтобы Амаля безъ меня не соскучилась.

АГНЕСА. Въ самомъ-дѣлѣ я нашла ее не очень-то веселою, даже огорченною....

МОРИСЬ. (*Амалии*). Но что же, душечка, ты мнѣ ничего не скажешь?... Ты какъ будто сердилась на меня.... но Боже мой, это случилось вовсе противъ моего желанія; я думалъ обѣдать дома, даже уже и ѣхалъ домой, право! еслибы не одна встрѣча....

АМАЛИЯ. А! это была встрѣча.... Гдѣ же ты обѣдалъ?

МОРИСЬ. Гдѣ я обѣдалъ?... я?... да.... въ трактирѣ....

АМАЛИЯ. И даже, какъ мнѣ кажется, довольно хорошо обѣдалъ.

МОРИСЬ. Напротивъ.... самый простой обѣдъ, настоящій анахоретовскій: котлетки, рыба.... и бутылка бонскаго на двоихъ.... одна на двоихъ.... (*Въ-сторону*). Проклятое шампанское.... вездѣ суется.... очень нужно!

АМАЛИЯ. Но съ кѣмъ же ты такъ скромно обѣдалъ?

МОРИСЬ. Съ кѣмъ? Ты его не знаешь...

АМАЛИЯ. Но все-таки мнѣ бы хотѣлось знать.

МОРИСЬ. Съ однимъ негоціантомъ.... съ негоціантомъ изъ Марсели.... съ которымъ мнѣ нужно было переговорить о дѣлахъ.... съ господиномъ.... (*Придумываетъ что сказать*), съ г-мъ Мерлюше.

АМАЛИЯ. О какая странная фамилія.... право, подумаешь, что ты самъ ее выдумалъ.

МОРИСЬ. Прекрасно! Развѣ нельзя называться г-мъ Мерлюше?

АГНЕСА (*смѣясь*). Да это, въ-самомъ-дѣлѣ, очень смѣшная фамилія.

МОРИСЬ (*смѣясь*). И вы тоже находите? Ну да, это фамилія марсельская, карфагенскаго происхожденія.... Мерлюше.

АМАЛИЯ. Что же ты дѣлалъ съ самаго утра?

МОРИСЬ. Опять вопросъ! (*Агнестъ*). Повѣрьте, сударыня, что я не могу ни выйти, ни придти, безъ того, чтобъ не былъ послѣ осажденъ безпрестанными вопросами: «Куда ты?... Откуда ты?... Гдѣ ты?... Что ты?... Что ты дѣлалъ?..» А я.... какъ вы видите.... Эти вопросы меня сводятъ съ ума, раздражаютъ.... причиняютъ несносную головную боль.... (*Амалии*). Ну я былъ сегодня на биржѣ.... тамъ.... довольны ли вы?... На биржѣ!...

(*Идетъ къ камину*).

АГНЕСА. (*Тихо Амалии*). Видишь ли?... Я тебѣ говорила.

АМАЛИЯ (*Морису*). И ты только тамъ былъ?

МОРИСЬ. Разумѣется.

АМАЛИЯ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

МОРИСЬ. Я тамъ пробылъ рѣшительно цѣлый день.... Ну что, неужели ты и теперь еще сердиться?

АМАЛІЯ. Теперь.... вѣтъ.... (*Подходитъ къ нему*).

МОРИСЬ (*цѣлуя ее*). Наконецъ то. Развѣ ты думаешь, что мнѣ ничего не стѣбитъ всякій разъ, когда я съ тобой расстаюсь?

АМАЛІЯ. Какъ? Развѣ ты еще намѣренъ куда нибудь отправиться?

МОРИСЬ. Еще не теперь!... Черезъ 20 минутъ, черезъ четверть часа.... У меня назначено одно свиданіе, дѣловое разумѣется, и я не могу его отложить дальше сегодняшняго вечера.... съ господиномъ....

АМАЛІЯ. Ужъ не съ господиномъ ли Мерлюше?

МОРИСЬ. Именно.

АМАЛІЯ. Такъ я опять должна буду остаться одна? Но я умру со скуки...

МОРИСЬ (*съ нетерпѣніемъ*). Подумають, право, что я выхожу для себя.... такъ.... для собственнаго удовольствія?...

АГНЕСА (*тихо Амаліи*). О какъ бы я хотѣла, чтобъ мой Бартолини имѣлъ тоже какого нибудь Мерлюше.

ЯВЛЕНІЕ VII.

АМАЛІЯ, АГНЕСА, МОРИСЬ И БАРТОЛИНИ, ПОТОМЪ ЖОЗЕФЪ.

БАРТОЛИНИ (*за кулисами*). Ненужно, Жозефъ, зачѣмъ докладывать, я и такъ войду.... (*Входитъ*). Мои друзья!... вашъ почтеннѣйшій слуга....

МОРИСЬ. Здравствуйте докторъ, какъ ваше здоровье?

АГНЕСА. Ужъ возвратился?... Ну не долго же ты былъ подлѣ своихъ больныхъ!

БАРТОЛИНИ. Что же у нихъ было дѣлать?... Всего двое.... Первый вовсе и неболенъ, а что касается до втораго.... онъ умеръ! 95-ти лѣтъ. Ну, эта смерть, конечно, уже не можетъ лежать на моей совѣсти....

МОРИСЬ (*весело*). Ты знаешь, что исключенія всегда доказываютъ правила....

БАРТОЛИНИ. Какъ бы не такъ! (*Агнесъ*). Пріѣзжаю домой, мнѣ говорятъ, что ты здѣсь, вотъ и я здѣсь.

АГНЕСА. Натурально!... какъ всегда.

БАРТОЛИНИ. Вы позволите, чтобъ я при васъ поцѣловалъ мою жену. Я не могу пріѣхать или уѣхать безъ того, чтобъ не выполнить этого священнаго для меня обряда. (Морису). А ты что гуляка? Да тебя, братецъ, нигдѣ нельзя поймать? Откуда ты?... Что ты дѣлалъ? Ты ужъ и на биржѣ то не бываешь.

МОРИСЬ (смутясь). Развѣ ты тамъ былъ сегодня?

БАРТОЛИНИ. Три раза. Мнѣ нужно было поговорить съ тобой объ отдатѣ небольшого капитала,—и рѣшительно нѣтъ возможности тебя гдѣ нибудь застать....

АМАЛІЯ (въ-сторону). Что онъ говоритъ?

МОРИСЬ (быстро вставая съ кресла). Да, видно, ты очень дурно меня искалъ....

АМАЛІЯ. Разумѣется, видно, дурно. Морисъ былъ тамъ цѣлый день.

МОРИСЬ (ударяя на слова). Рѣшительно цѣлый день.

БАРТОЛИНИ. Однакожъ.... я тебя видѣлъ въ два часа въ улицѣ Сень-Жуберъ.

АМАЛІЯ. Въ улицѣ Сень-Жуберъ?

МОРИСЬ. Меня?

БАРТОЛИНИ. Ну да, тебя!... Кой чортъ! Я еще не близорукъ. Я тебя очень хорошо узналъ.... Ты выходилъ изъ 19-го номера.... Я даже было побѣждалъ за тобой.... но куда? Твой кабриолетъ такъ быстро покатился....

МОРИСЬ (въ-сторону). И не раздавилъ тебя, проклятый болтунъ. (Громко). Да, въ-самомъ-дѣлѣ.... я начинаю вспоминать.... Улица Сень-Жуберъ.... въ 2 часа.... Такъ и есть.... Я тамъ былъ у банкира, по дѣлу одного вычета....

БАРТОЛИНИ. У банкира въ 19-мъ номерѣ? Да и тѣни банкира нѣтъ въ этомъ домѣ....

АМАЛІЯ. Какъ?

БАРТОЛИНИ. Я пользую всѣхъ тамошнихъ жильцовъ.

АГНЕСА (въ-сторону). Бѣдный Морисъ!

БАРТОЛИНИ. Въ 1-мъ номерѣ живетъ г-нъ Нуасу, депутатъ.... во 2-мъ Деламертъ.... начальникъ отдѣленія.... въ 3-мъ....

МОРИСЬ (нетерпѣливо). Я былъ у г-на Нуасу.

БАРТОЛИНИ. Да онъ на водахъ. Онъ уѣхалъ.

АМАЛІЯ. На воды!

МОРИСЬ. Онъ пріѣхалъ:

БАРТОЛИНИ. Ба!... когда же?

МОРИСЬ. Сегодня утромъ.

БАРТОЛИНИ. Да онъ уѣхалъ всего третьяго-дня.

МОРИСЬ (*въ сторону*). О какое мученіе! (*Громко*). Но это еще ничего не доказываетъ. Развѣ нельзя перемѣнить намѣренія?

АМАЛІЯ (*съ ироніей*). Разумѣется!.. Докторъ, мой мужъ правъ... бываютъ всякія случаи: сегодня отправляются на воды... ну а послѣ-завтра, возвращаются... тутъ нѣтъ ничего невозможнаго... наконецъ, депутатъ тоже очень можетъ быть и банкиромъ... тутъ нѣтъ никакого препятствія... даже и по конституціонной грамотѣ...

МОРИСЬ (*въ сторону*). Да она, просто, смѣется надо мной...

БАРТОЛИНИ. Баронъ Наусу сдѣлаея банкиромъ, баронъ Наусу... химикъ.... Я бы этого не думалъ....

МОРИСЬ (*тихо*). Но замолчишь ли ты.

БАРТОЛИНИ (*удивленный*). Что ты говоришь?

АГНЕСА (*съ другой стороны ущипнувъ его*). Замолчи же....

БАРТОЛИНИ. Что? (*Въ сторону*). Что съ ними со всѣми сдѣлалось?

АМАЛІЯ (*въ сторону*). Это значитъ все ложь.

АГНЕСА (*въ сторону*). Амалія не вытерпитъ.... быть шуму....

МОРИСЬ (*Жозефу, который входитъ*). Что тебѣ нужно, Жозефъ?

ЖОЗЕФЪ. Горпичная г-жи Бартолини просила напомнить, что давно ихъ дожидается....

АГНЕСА. А! я и забыла.... хорошо, благодарствуй (*Въ сторону*) Еслибъ хоть это могло отвлечь ее....

БАРТОЛИНИ. Что это тамъ, ципочка?...

АГНЕСА. Ничего. Это касается только до меня и Амаліи.... дѣло туалета.... Пойдемъ, душечка....

АМАЛІЯ (*въ волненіи*). Да, да.... пойдемъ.... я не выдержу....

АГНЕСА (*Бартолини*). Я пойду туда, на верхъ....

АМАЛІЯ (*смотря на мужа*). Какъ бы я желала скорѣй остаться съ нимъ на единѣ. (*Уходитъ съ Агнесой*).

МОРИСЬ (*встрѣчая ее взглядъ*). Да, кажется, я отъ нея сегодня, просто, не отдѣлаюсь....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОРИСЬ И БАРТОЛИНИ.

МОРИСЬ (*ходитъ въ волненіи*). А ты?... очень мнѣ... очень хорошъ.... покорно васъ благодарю....

БАРТОЛИНИ. Что съ тобой сдѣлалось?... Ужъ не горячка ли у тебя?

МОРИСЬ. Да развѣ ты ничего не видишь? Развѣ не догадываешься? Развѣ ты не появлялъ тѣ мученія, которыя я претерпѣлъ?...

БАРТОЛИНИ. Пстой, постой... главное потише.... нужно имѣть спокойствіе... Диагностика требуетъ тщательнаго изслѣдованія.... (Шупая пульсъ). Ты... боленъ?

МОРИСЬ (Отдергивая руку). Да кой чортъ, я здоровѣе тебя.... (Бартолини смотритъ на него съ изумленіемъ). А ты что?... Скажи пожалуйста, что тебѣ вздумалось сказать при моей женѣ, что ты меня встрѣтилъ въ улицѣ Сень-Жубера?

БАРТОЛИНИ. Да развѣ это не правда?... Развѣ ты тамъ не былъ?

МОРИСЬ. Ну да былъ, и что жъ изъ этого. Что ты хотѣлъ меня изблечить во лжи, что ли?

БАРТОЛИНИ. Мой другъ... я вѣдь этого не зналъ... я въ отчаяніи.... По чести я такъ мало привыкъ къ скрытности, къ тайнамъ....

МОРИСЬ. Но по крайней мѣрѣ, когда ты увидѣлъ, что я смѣшался, смутился... нужно бы было хоть тогда остановиться.. а ты, знай, продолжасшь, продолжаешь, продолжаешь.

БАРТОЛИНИ. Правда, я все продолжалъ.

МОРИСЬ. И вотъ, по твоей милости, я долженъ буду выдержать самую жестокою брань. А все ты виноватъ! Если бъ ты не загорилъ объ этой проклятой улицѣ Жуберъ...

БАРТОЛИНИ. (убиждаясь) Правда твоя.... да, хорошо, если бы я могъ предвидѣть....

МОРИСЬ. А когда моя жена станетъ требовать объясненія... что непременно будетъ... что ты мнѣ прикажешь на это сказать?

БАРТОЛИНИ (допытливо). Но что же можетъ быть проще этого: скажи всю правду.

МОРИСЬ. Гмъ, правду, правду....да знаешь-ли, что бывають такія обстоятельства, что...

БАРТОЛИНИ. Никогда не могутъ быть такія обстоятельства. Ты ей скажи, цѣлуя ее... потому что поцѣлуй всегда хорошо располагають жену въ пользу мужа.... это средство смягчительное!.... Ты ей скажи: Милый другъ!... я былъ у.... (Подумавъ) Да, кстати, у кого же ты былъ?

МОРИСЬ. О чортъ возьми... да я былъ въ 3-мъ номерѣ.

БАРТОЛИНИ. Въ третьемъ? Но въ 3-мъ номерѣ живеть женщина!

МОРИСЬ. Ну, да женщина, да еще какая?... Очаровательная...

БАРТОЛИНИ. Какъ, несчастный?... Я боюсь догадаться... эта хитрость... эта ложь... этотъ 3-й номеръ! Ужъ не пачало ли невѣрности, взмѣны?

МОРИСЬ. Ты съ ума сошолъ, честное слово!

БАРТОЛИНИ (*строго*). Морись! Какъ объясните вы вашъ визитъ къ этой молодой жейщницѣ?

МОРИСЬ. Но вѣдь ты же бываешь у ней?

БАРТОЛИНИ. Я? это другое дѣло... я бываю какъ медикъ.

МОРИСЬ. А я... какъ ходатай по ея дѣламъ!

БАРТОЛИНИ (*удивленный*). А? въ-самомъ-дѣлѣ?

МОРИСЬ. Это одна изъ моихъ кліентокъ... и когда ты меня встрѣтилъ, я только что получилъ отъ нея довѣренность по ея биржевымъ дѣламъ.

БАРТОЛИНИ (*жмя руку*). Ну, слава Богу, мой добрый другъ... я очень радъ за тебя... Сначала было подумалъ... Извини, пожалуйста извини... Но, любезный другъ, я не вижу причинъ, почему ты не можешь сказать объ этомъ своей женѣ.

МОРИСЬ. Какъ это можно? Да я въ этомъ пошлюсь на самага тебя. Когда тебѣ, напримѣръ, случается навѣстить хорошеенькую пациентку... ну развѣ ты объ этомъ говоришь г жи Бартолини?

БАРТОЛИНИ. Да какъ же... Всегда!

МОРИСЬ. Однакожъ, если тутъ идетъ дѣло о какой нибудь модной жейщницѣ, которая принимаетъ своего доктора въ очаровательномъ будуарѣ, если, пользуясь твоимъ преимуществомъ, ты замѣтишь у ней восхитительную ручку... если ты, наконецъ, пожмешь эту ручку... Ну развѣ, возвратясь домой, ты станешь рассказывать все это твоей женѣ?

БАРТОЛИНИ. Непремѣнно! Но только я смотрю на моихъ кліентокъ съ точки моего искусства...

МОРИСЬ. Ну а я съ точки моихъ биржевыхъ оборотовъ. Но только разница между нами та, что у тебя жепя скромная, довѣрчивая, тогда, какъ моя... г-мъ... ревнивая, да еще какъ...

БАРТОЛИНИ. Потому что ты самъ отъ нее скрываешься. Посмотри на мою Агнесочку.... Она совершенно спокойна, моя кошечка.... Однакожъ она знаетъ, что я ѣзжу къ дамъ въ улицу Сенъ Жуберъ, и даже часто ѣзжу... Вотъ необыкновенная то болѣзнь! Она меня призываетъ иногда раза три, четыре въ день.... то у ней мигрень, то расслабленіе нервъ.... а когда я приѣду, нахожу ее совершенно здоровою.... Она увѣрепа, что одно мое присутствіе ее совершенно исцѣляетъ.... ей-Богу! Но тѣмъ лучше, и она здорова, ну и мнѣ не худо.... Я аккуратно получаю по 5

Франковъ за визитъ. Напримѣръ теперь.... Я только что отъ нея.

Морисъ (*удивленный*). Какъ ты былъ у ней теперь, вечеромъ? Бартолини. Только что прѣхалъ домой обѣдать.... смотрю записка....

Морисъ (*съ притворнымъ равнодушіемъ*). Ну а что сегодня то у ней?...

Бартолини. Утромъ было расслабленіе, а теперь очередь мигрени....

Морисъ. А? Мигрени? Въ-самомъ-дѣлѣ?

Бартолини. Ужаснаго мигрени, по крайней мѣрѣ, по ея словамъ.

Морисъ (*въ-сторону, съ сожалѣніемъ*). Только этого не доставало! Значитъ, она не можетъ меня принять.

Бартолини (*прислушиваясь*). Что это? Стукнул дверь!... Запирають.

Морисъ (*съ безпокойствомъ*). Это, вѣрно, моя жена.

Бартолини (*смотря въ двери*). Нѣтъ.... это моя Агнесочка идетъ домой.... Пойду и я поскорѣй.... Кошечка, она, просто, жить безъ меня не можетъ!... Прощай! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Морисъ (*одинъ*).

Морисъ. А! Она меня не можетъ сегодня принять! У ней мигрень!... Однакожъ, когда я обѣдалъ съ ней за часъ передъ этимъ, она мнѣ очень ясно сказала: «до вечера!» Этотъ добрякъ Бартолини безпрестанно мнѣ рапортуетъ о порядкѣ ея дѣлъ!... Мигрень, значитъ она не свободна.... Расслабленіе нервъ: меня ждуть!... А онъ и не подозрѣваетъ. Эскулапъ превратился въ Меркурія.... (*Перемѣнная тонъ*). Между тѣмъ, сегодня онъ повернулся не во-время.... очень нужно было ему говорить.... Теперь ужъ не поможешь.... подозрѣнія возбуждены, придется выдержать бурю.... Она идетъ.... уберемъ паруса.. приготовимся.... Ну, Морисъ, держись!

ЯВЛЕНІЕ X.

МОРИСЬ И АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ (*подходитъ къ нему съ кротостію*). Морись! (*Тотъ смотритъ на нее съ удивленіемъ*). Дай мнѣ твою руку... и прости меня.

МОРИСЬ. Какъ прости тебя?...

АМАЛІЯ. Недавно, передъ нашими друзьями... я знаю, я была передъ тобой виновата... я тебя осыпала вопросами... и видѣла, что это было тебѣ непріятно; я это сама очень хорошо понимаю... мужчины не любятъ никому отдавать отчета... Морись, съ этой минуты я жду твоей довѣренности... и уже не буду дѣлать тебѣ больше вопросовъ.

МОРИСЬ (*въ-сторону*). Не будетъ дѣлать больше вопросовъ... значитъ не будетъ больше ссоръ... да чего жъ лучше... это ясная выгода...

АМАЛІЯ (*подавая ему шляпу*). Теперь, когда миръ заключенъ... я тебя больше не удерживаю...

МОРИСЬ. Какъ?

АМАЛІЯ. Ты мнѣ говорилъ, что у тебя было назначено сегодня вечеромъ свиданіе... я больше и не спрашиваю... ты совершенно свободенъ дѣлать, что ты хочешь!... Поѣзжай же другъ мой, поѣзжай, ты пріѣдешь когда будетъ можно...

МОРИСЬ (*въ-сторону*). Что, если бъ я теперь похвалился тоже моей уступчивостію... когда уже мнѣ не зачѣмъ ѣхать.

АМАЛІЯ. Что же ты, другъ мой?

МОРИСЬ. Я? Я милочка сегодня не ѣду.

АМАЛІЯ. Какъ? а то дѣло, про которое ты говорилъ?

МОРИСЬ. О! можетъ ли быть дѣло, которое было бы въ состояніи оторвать меня отъ моей жены! Ты сегодня такая добрая, такая милая, очаровательная, что я никакъ не могу противиться желанію провести съ тобою этотъ вечеръ.

АМАЛІЯ (*съ радостію*). Въ самомъ дѣлѣ? Ты мнѣ приносишь эту жертву?

МОРИСЬ. Да, и съ большимъ удовольствіемъ.

АМАЛІЯ. Но тебѣ дома будетъ скучно...

МОРИСЬ. Скучно? дома?... подлѣ тебя? подлѣ моей жены?

АМАЛІЯ. Какъ я счастлива, что ты такъ думаешь. *(Въ-сторону)*. И какъ же я хорошо сдѣлала, что послушалась совѣтовъ Агнесы.... *(Громко)*. Итакъ, Морисъ! Миръ навсегда.... поцѣлуй же теперь меня....

(Они цѣлуются, и въ это время входитъ Состенъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, СОСТЕНЪ ПОТОМЪ ЖОЗЕФЪ.

СОСТЕНЪ *(съ удивленіемъ)*. Что это?... *(Въ-сторону)*. Кой чортъ, я, кажется, попалъ на мировую.

МОРИСЪ *(подходя къ нему)*. А, это ты Состенъ? Какимъ чудомъ?

АМАЛІЯ *(мужу)*. А я тебѣ и забыла сказать, что уже видѣла кухня сегодня вечеромъ.

МОРИСЪ. А? ты былъ уже здѣсь?

СОСТЕНЪ. Да, заходилъ.... мноходомъ.... былъ здѣсь, на верху....

МОРИСЪ. Ты, кажется, сегодня что-то разстроены?

АМАЛІЯ. Не по поводу ли дѣла, по которому вы меня такъ скоро оставили....

СОСТЕНЪ. Дѣла?... да, да.... вы угадали....

АМАЛІЯ. Что же? оно не удалось?

СОСТЕНЪ. Совершенно! Проѣздился въ фіакръ.... и ни на су пользы....

МОРИСЪ. Ну, можетъ-быть, еще не все потеряно, можетъ быть еще можно поправить.... *(Отходитъ къ окну)*.

СОСТЕНЪ. Можетъ быть! Это было бы хорошо! *(Въ-сторону)*.

У какого же чорта онъ сегодня обѣдалъ?

АМАЛІЯ *(въ-сторону)*. Неужели онъ у насъ расположится?

СОСТЕНЪ. Ахъ да? ты сегодня дома проводишь вечеръ?

МОРИСЪ. Да, мой любезный, я его посвящаю моей женѣ.

СОСТЕНЪ *(съ принужденною улыбкою)*. А? Это дѣлаетъ тебѣ честь, прекрасно! *(Въ-сторону)*. А я думалъ, что онъ, по-крайней-мѣрѣ, подерутся.

МОРИСЪ. Пошлю просить доктора съ женой, спуститься къ намъ... составимъ семейный вистъ.... Жозефъ!

СОСТЕНЪ. И дѣло.... если только я вамъ не мѣшаю....

Морисъ. Разумѣется.

Амалия (*тихо Морису*). Такъ и есть. Онъ напрашивается остаться...

Морисъ (*Состену*). А я думалъ, что ты проводишь каждый вечеръ въ клубѣ?

Состенъ. Мы имѣемъ тамъ свиданіе только въ полночь.... Тамъ пасъ много: виконтъ Монжироу, я, маркизъ де-Бошанъ....

Морисъ. А! маркизъ де-Бошанъ.... отставной полковникъ... знаю, знаю.... это тоже одинъ изъ моихъ кліентовъ.

Состенъ. Это такой вологита, что, не смотря уже на его пожилыя лѣта, онъ еще имѣетъ большіе успѣхи въ модномъ свѣтѣ.

(*Тихо*) Говорятъ, что у него даже и теперь есть одна прелестная любовница.... прекрасная Флорентина....

Морисъ (*съ живостію*). Ты ее знаешь?

Состенъ. Ни мало. (*Тихо*): Я знаю только то, что она живетъ въ улицѣ Сенъ-Жуберъ....

Морисъ (*кашляя*). Хм, хм.... (*Къ входящему лакею*). Жозефъ, поди.... достань мороженаго.

Амалия. Какъ?

Морисъ. Я знаю, душевка, что ты его любишь....

Амалия. О! Ты сегодня очарователевъ..

Морисъ (*Жозефу*). Воротясь, ты сходишь къ г-ну Бартолини, попросишь его съ женой зайти послѣ ужина къ намъ на партію въ карты....

Состенъ. Не посылайте Жозефа, я самъ лучше схожу; кетати мнѣ еще нужно посоветоваться съ докторомъ, у меня страшное біеніе сердца. (*Указывая на сердце*). У меня этотъ органъ такъ чувствителевъ....

Морисъ (*смѣясь*). Что даже переходитъ въ безчувствіе, не такъ ли?

Состенъ. Итакъ, я бѣгу увѣдомить ихъ объ этомъ прелестномъ-семейномъ вечерѣ. Я сейчасъ вернусь. (*Въ-сторону*). Здѣсь нечего дѣлать.... Не узнаю ли чего въ 3-мъ этажѣ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

МОРИСЪ И АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ (*весело*). Наконецъ то мы одни.... Ну, Морисъ, присядька теперь подлѣ меня.... (*Подвигаетъ кресла*).

МОРИСЬ. Сядемъ.... (*Садятся подлѣ камина*).

АМАЛІЯ. Ужъ сколько времени, сударь, какъ я васъ не видала съ собой въ-двоемъ....

МОРИСЬ. Это счастливое время скоро возвратится.... Въ-самомъ дѣлѣ.... (*Протягивая ей руку*). Что же можетъ быть лучше, какъ быть у себя, дома, небрежно развалиться на мягкомъ креслѣ....

АМАЛІЯ (*сидясь подлѣ него*). Подлѣ своей жены....

МОРИСЬ. И подлѣ камна.

АМАЛІЯ. Когда есть столько вещей, о чемъ бы нужно поговорить....

МОРИСЬ (*нѣжно*). О, да.... когда есть столько вещей (*Перемѣнивъ тонъ*). Не находишь ли ты, что этотъ каминъ дымить?

АМАЛІЯ. Нѣтъ, нисколько....

МОРИСЬ. Можетъ-быть, мнѣ только такъ показалось.

АМАЛІЯ (*нѣжно*). Морись!

МОРИСЬ (*взявъ съ камина газету*). Позволь, душечка, дай только пробѣжать одну палатную статью....

АМАЛІЯ. Ну вотъ объ чемъ ты думаешь....

МОРИСЬ. Я сегодня ее еще не читалъ.... она такъ занимательна.... Послушай ка, напримѣръ.... предположеніе налога на собакъ....

АМАЛІЯ (*нѣжно*). Другъ мой, вѣдь ты знаешь, что я такъ мало знаю толку въ политикѣ.... да и ты могъ бы для этого выбрать другое время.

МОРИСЬ. А! предложеніе отвергнуто!... Вотъ все, что я хотѣлъ только знать. (*Кладетъ газету*).

АМАЛІЯ (*съ радостію*). О, такъ, наконецъ, мы будемъ говорить о себѣ, объ нашемъ прошедшемъ, о...

МОРИСЬ. О нашей любви....

АМАЛІЯ. Я не смѣла произнести этого слова.

МОРИСЬ. Отъ чего же?

АМАЛІЯ. Есть минуты, когда я начинаю думать, что ты уже не любишь меня....

МОРИСЬ. Э! какъ можешь ты это говорить? Особенно теперь, когда я съ тобою, здѣсь, подлѣ тебя.... когда, вотъ видишь ли, я и могъ бы уѣхать.... разсѣяться гдѣ нибудь, а все-таки дома.

АМАЛІЯ. Правда, правда, я была виновата, что такъ думала... (*Со вздохомъ*). Станемъ же говорить о нашей любви....

МОРИСЬ. Рѣшительно каминъ дымить.

АМАЛІЯ (*вставая съ неудовольстеіемъ*). Опять таки!
 МОРИСЬ (*поправляя огонь*). Однакожь, вотъ ужъ 20-й разъ, что я посылаю къ хозяину дома...

АМАЛІЯ (*идя къ окну*). Если хочешь, я открою окно?
 МОРИСЬ. Покорно благодарю! Чтобы замерзнуть! Я рѣшительно объявляю, что не заплачу за квартиру, пока онъ не исправитъ каминъ.... А у тебя въ спальнѣ дымитъ?...

АМАЛІЯ (*съ сердцемъ*). Нисколько....
 МОРИСЬ. Вотъ что значитъ нанимать по контракту.... Теперь ужъ поневолѣ живи.... А все ты хотѣла годовую квартиру? Проклятый каминъ! Мы такъ было хорошо расположились поболтать.... О чемъ же, душечка, мы говорили?

АМАЛІЯ. О! я также, какъ и ты, позабыла.... Хочешь я тебѣ немного сыграю на фортепіано?

МОРИСЬ (*развалился въ креслахъ*). Вотъ хорошо бы, сдѣлай милость.... да ужъ и спой пожадуйста... я тебѣ буду аплодировать....

АМАЛІЯ (*сидясь*). Кстати у меня есть прекрасный романсъ: «Твое сердце мнѣ закрыто» — знаешь?

МОРИСЬ. О нѣтъ, нѣтъ.... это скучно! Я люблю веселую музыку, шумную, одушевленную.... (*Въ-сторону*). Это, по крайней мѣрѣ, не дастъ мнѣ заснуть....

АМАЛІЯ. Посмотримъ.... попшу.... (*Ищетъ въ нотахъ*).
 МОРИСЬ (*поворачиваясь въ креслахъ, говоритъ въ-сторону*). Странно право! Такъ отвыкъ оставаться дома, что я думаю самъ чортъ опять не приучить. (*Засыпаетъ*).

АМАЛІЯ (*отходя отъ фортепіано*). А вотъ, наконецъ и весела.... болеро.... Это, вѣрно, тебѣ понравится? Морись, Морись!...

МОРИСЬ (*бредя во-снѣ*). Пошелъ въ Оперный-театръ!...
 АМАЛІЯ (*удивленная, прислушивается*). Что онъ говоритъ?
 МОРИСЬ. На балъ, въ оперу, въ маскарадъ!...

АМАЛІЯ. Боже мой! Онъ спитъ!... Теперь вижу, что онъ меня точно уже не любитъ!...

СОСТЕНЬ (*за кулисами*). Поскорѣе, сударыня, поскорѣе.... Хозяева васъ давно ждуть....

АМАЛІЯ (*бросается къ Морису, дергаетъ его за руку*). Морись! Морись! идутъ!...

МОРИСЬ (*вскакивая, въ-сторону*). Никакъ я заснулъ?
 (*Агнеса и Состенъ входятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

АМАЛІЯ, МОРИСЬ, АГНЕСА, СОСТЕНЬ, БАРТОЛИНИ, ПОТОМЪ
ЖОЗЕФЪ.

СОСТЕНЬ (*отворяя Агнесъ дверь, и входя съ ней*). Вотъ и г-жа Бартолини.

АГНЕСА (*входя*). Какъ? Неожиданный вечеръ! Да это прелестная выдумка.... и, вѣрно, ваша, г. Морись.... это дѣлаетъ вамъ честь.... (*Амаліи*). Что? Мой совѣтъ, кажется, хорошъ?

(*Морись приготовляетъ карточный столъ*).

АМАЛІЯ. Прелестенъ.... Благодарю тебя!

СОСТЕНЬ (*въ-сторону*). И въ третьемъ этажѣ также, какъ здѣсь.... воды не замутиятъ.... Ну, я сегодня, кажется, не совѣмъ буду въ барышахъ....

МОРИСЬ. Состенъ, помоги мнѣ приготовить.... А докторъ развѣ не будетъ?

АГНЕСА. О, какъ же!

БАРТОЛИНИ (*за кулисами*). Моя жена? Гдѣ моя жена?

АГНЕСА. А, вотъ и онъ! Видите ли.... безъ него не обойдется.... Вѣдь ни разу не оставитъ въ покоѣ....

БАРТОЛИНИ (*входя съ письмомъ въ рукахъ*). Вотъ и я, вотъ и я.... Вистъ, мороженное.... и я.... и съ моей женой....

АГНЕСА. Какъ всегда! (*Амалія отходитъ къ столу*).

БАРТОЛИНИ. Моя душечка, я въ отчаяніи.... я долженъ сказать тебѣ одну страшно-непріятную повесть.... Въ полночь я долженъ оставить тебя....

АГНЕСА. Право? А за чѣмъ?

БАРТОЛИНИ (*показывая открытое письмо*). Мой товарищъ Дегранжъ заболѣлъ, и я долженъ замѣнить его сегодня въ больницѣ.

АГНЕСА. Что же дѣлать, другъ мой.... служба....

(*Отходитъ къ столу*).

БАРТОЛИНИ. Да, ты такъ несчастлива, когда....

СОСТЕНЬ (*въ-сторону*). Да я, просто, попалъ въ голубятникъ!

(*Отходитъ къ дамалѣ*).

БАРТОЛИНИ (*тихо Морису*). Представь себѣ, я вѣдь опять былъ тамъ.... у ней.... въ улицѣ С-тъ Жуберъ....

МОРИСЬ. Какъ?... опять?... теперь?...

БАРТОЛИНИ. Сейчас! Я прямо оттуда. Давеча, выходя отсюда нахожу дома записку: «Пріѣзжайте, поспѣшите, я при смерти». Я бросаюсь туда.

МОРИСЬ. Ну....

БАРТОЛИНИ (*весело*). Мягрень исчезъ, и вотъ теперь очередь разслабленія нервъ....

МОРИСЬ (*смутясь*). Въ самомъ-дѣлѣ? Разслабленіе нервъ?

БАРТОЛИНИ. Я прописалъ ей сахарной водицы.... и выигралъ лишній платежъ за взнѣтъ....

МОРИСЬ (*въ-сторону*). Она меня ждетъ!... А я обѣщался остаться дома....

АМАЛІЯ (*садясь съ Агнесою и Бартолини за столъ*). Мой другъ, ты будешь четвертымъ?

МОРИСЬ (*идя садиться*). Какъ же.... разумѣется! (*Въ сторону*). Какъ будто нарочно! Вотъ наказаніе-то! (*Жозефъ входитъ*). Что Жозефъ, скоро будетъ мороженое?

ЖОЗЕФЪ. Никакъ невозможно достать, сударь, столько заказовъ, что нѣтъ ни одной порціи....

МОРИСЬ (*въ-сторону*). О! какая мысль!

ЖОЗЕФЪ. Слишкомъ поздно изволили послать.

МОРИСЬ. Да ты, просто, братецъ, не съумѣлъ найти.

АМАЛІЯ. Ну, что жъ? небольшое несчастіе.

АГНЕСА. Разумѣется; и безъ него очень хорошо обойдемся....

ЖОЗЕФЪ. Теперь, сударь, рѣшительно нигдѣ нельзя достать-съ.

МОРИСЬ (*вставая*). А вотъ увидимъ.... Паря держу, что я достану....

АМАЛІЯ. Какъ? развѣ ты хочешь самъ ѣхать?

БАРТОЛИНИ. И по такому холоду.

МОРИСЬ. Только на четверть часа ... не больше.... сейчасъ вернусь....

АМАЛІЯ. Но стѣитъ ли безпокоиться самому изъ мороженаго.

МОРИСЬ. Позволь мнѣ дѣлать, что я хочу.... Я сказалъ, что достану мороженаго, и непременно достану. (*Амаліи, которая хочетъ встать*). Ну, не дѣлай же гримасы.... вѣдь это для тебя же я ѣду....

АМАЛІЯ. Да твой отъѣздъ все разстроитъ.

МОРИСЬ. Состенъ меня замѣнитъ.... (*Состену*). Сядьте ка пока на мое мѣсто.

СОСТЕНЪ. Съ удовольствіемъ. (*Въ-сторону*). Bravo! это мнѣ на руку, постараемся употребить въ пользу его отсутствіе.

(*Садится на мѣсто Мориса*).

ВАРТОЛИИ (Морису). Поторопѣе же!...

МАМАЛІЯ. Помни, что тебя дожидаются...

МОРИСЬ. Черезъ четверть часа — я опять вашъ!

(Уходитъ).

ВАРТОЛИНИ (Агнесъ). Снимай, душенька!

(Начинаютъ играть. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ВСѢ ВЪ ТИСКАХЪ!!!

Богатая зала въ Оперномъ-театрѣ. Три двери въ особенныя комнаты.
Богатая мебель.

ЯВЛЕНІЕ I.

При поднятіи занавѣса МАРКИЗЪ, ЛЮСНЕ, МОНЖИРОНЪ И СОСТЕНЬ, *сидятъ вокругъ стола, стоящаго посредишь, и пьютъ пуншъ.*

МАРКИЗЪ. Ну, любезный г. Состень, прошу васъ продолжать вашъ рассказъ....

СОСТЕНЬ. Съ удовольствіемъ, если только опъ вамъ не наскучилъ, господа....

МАРКИЗЪ. Напротивъ, это насъ очень забавляетъ.

(Состень кланяется и пьетъ).

ЛЮСНЕ *(куря)*. Къ тому жъ ничто не заставляетъ насъ идти на балъ, и наконецъ, въ качествѣ женатаго человѣка, я очень интересуюсь вашимъ анекдотомъ.

МАРКИЗЪ. Такъ вы сказали, что мужъ уѣхалъ подь предлогомъ достать мороженаго....

СОСТЕНЬ. Прося меня занять его мѣсто.

МАРКИЗЪ. Итакъ....

ЛЮСНЕ. А послѣ....

СОСТЕНЬ. Проходитъ полчаса, часъ.... Мальбругъ не возвращается.

всѣ. Мальбургъ?

сосень. То-есть мужъ.... Это псевдонимъ, который я употребляю по скромности.

маркизь. На которую вы такъ щедры.... Хорошо, хорошо, продолжайте....

сосень. Вы понимаете, господа, что это продолжительное отсутствіе начинало уже, наконецъ, дѣлаться довольно двусмысленнымъ.... Всѣ стали какъ-то безпокойны, игра не клеилась, хозяйка дома значительно посматривала на часы.... а я же, смѣясь себѣ подъ носъ, думаю: ладно.... идти хорошо.... это намъ на руку!

люсье. Наконецъ.... мужъ, вѣроятно, кончилъ все-таки тѣмъ, что прѣхалъ?

сосень. Въ полночь, когда уже все общество разошлось.... его еще не было.

всѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

сосень. И вся эта отлучка подъ предлогомъ мороженого.

маркизь. Да у какого же чорта онъ его искалъ?

люсье. Вотъ проворный! то челоуѣкъ на комиссіи....

сосень. Но, господа, послѣ такого поведенія, не очевидно-ль, что этотъ мужъ начинаеть, просто, пошаливать?

люсье (*смѣясь*). И даже довольно неосторожно.

сосень. Какъ бы то не было, я вамъ передалъ происшествіе во всей его достовѣрности. И я надѣюсь извлечь изъ этого свою пользу: я, просто, поселюсь въ этомъ домѣ.... и даю вамъ слово, что безъ большаго труда найду тутъ всѣ тѣ удовольствія, за которыми бѣдный мужъ гоняется такъ далеко.

люсье. Да какой же вы опасный челоуѣкъ!

маркизь. Любезный господинъ Сосень, еслибъ я былъ на мѣстѣ мужа, про котораго вы рассказывали.... вы бы имѣли у меня время только доѣхать до Венсенскаго-лѣса или С-тъ Мартинскихъ-воротъ... Я бы предложилъ вамъ мою карету, и это было бы дѣломъ на двадцать минутъ.

сосень (*смутясь*). Чортъ возьми! Г-нъ маркизь, какъ вы это понимаете къ сердцу....

маркизь (*выбирая изъ футляра сигару*). На примѣръ, всѣ знаютъ, что у меня есть любовницы, я ихъ бросаю, переменяю, какъ мнѣ вздумается, но не позволю, чтобъ кто смѣлъ ихъ обидѣть.... Не дальше, какъ въ прошлую зиму, я встрѣтилъ одного волокиту, которому вздумалось меня считатьъ за Бартоло.... Я рѣшился только подождать случая, когда могъ наиболѣе удивить

его своимъ посѣщеніемъ. Въ одно прекрасное утро, когда прелестный Липдоръ наименѣе меня ждалъ, я являюсь передъ его дверями, стучу.... опъ самъ мнѣ открываетъ....

СОСТЕНЬ. За этимъ, вѣроятно, послѣдовала ужасная гроза?

МАРКИЗЪ. Нисколько! Я ему только и сказалъ: Государь мой! карета моя къ вашимъ услугамъ! Черезъ полчаса мы были уже въ пятнадцать шагахъ другъ отъ друга.... и я вамъ ручаюсь, что впередъ ему этого не случится. (*Вставая и предлагая Состену сигарницу*). Вы курите?

СОСТЕНЬ. Нѣтъ, благодарю васъ, я не курю.... (*Въ сторону*). Ну ужъ, если бъ я имѣлъ дѣло съ этимъ господиномъ.... я прибѣгнулъ бы къ полиціи!

ЛЮСНЕ. Да, господа, мы вмѣстѣ будемъ ужинать?

МОНЖИРОВЪ. Охотно!

ЛЮСНЕ (*Маркизу*). А вы, полковникъ, свободны?

МАРКИЗЪ. Совершенно! (*Наливая пуншу*). Я заѣзжалъ сегодня вечеромъ въ улицу С-тъ Жуберъ, чтобъ предложить мою руку.... но у ней сегодня какое то нервическое расслабленіе! И представьте себѣ, мнѣ еще случилось быть свидѣтелемъ одной ужасной сцены: горничная, кажется, разсердила хозяйку.... хотѣла что ли поставить на балконъ горшокъ съ цвѣтами, запахъ которыхъ ее беспокоилъ; та бѣжитъ за ней, вырываетъ горшокъ, и вдругъ пафъ!... Пощечина!... А черезъ это слезы, вой!... одна кричитъ: «Я тебя прогоню!...» Другая: «Я отомщу!» Что мнѣ оставалось дѣлать? Я взялъ шляпу, да и уѣхалъ.

ЛЮСНЕ. Значитъ вы будете одни на балѣ.

СОСТЕНЬ (*наливая*). О! нужно быть очень недогадливымъ, чтобы не найти средства утишить бурю.... а это бъ было кстати.... Ужинъ нашъ бы очень оживился....

МАРКИЗЪ. Что же, любезный мой, что же вамъ мѣшаетъ предложить примѣръ? Вы всегда такъ много рассказываете о своихъ побѣдахъ.... и я васъ вижу всегда одного.... Вы гуляете одни.... ужинаете одни.... Ужъ не по объѣду ль это?

СОСТЕНЬ (*съ запальчивостью*). Я пренебрегаю легкими побѣдами.

МАРКИЗЪ (*подходя къ нему*). И вы правы. Чтобы имѣть какой нибудь успѣхъ, даже въ маскарадѣ, надо обладать, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ трехъ слѣдующихъ качествъ: нужно быть красивымъ, богатымъ, или умнымъ.... а на этотъ счетъ....

СОСТЕНЬ. Что, что такое?... Я васъ не понимаю....

ЛЮСНЕ. Красивымъ.

МАРКИЗЪ. Богатымъ.

ЛЮСНЕ. Или умнымъ.

СОСТЕНЬ (раздосадованный). А?

МАРКИЗЪ. Вы, конечно, понимаете?

СОСТЕНЬ. Я-то?... Хорошо же, господа насмѣшники.... увидимъ.... Я предлагаю вамъ закладъ.

МАРКИЗЪ. Какой?

СОСТЕНЬ. Держу пари объ ужинѣ, что прежде часу ночи.... я одержу побѣду.

МАРКИЗЪ. Какую? (Всѣ смѣются).

ЛЮСНЕ. Какая увѣренность!

МАРКИЗЪ. Какъ бы то не было.... Идетъ! Я держу пари съ господиномъ Состеномъ, и прибавляю къ нему еще 50 лундоровъ.

СОСТЕНЬ. Пятьдесятъ лундоровъ? Я.... я несогласенъ. Но, впрочемъ, если эти господа хотятъ держать за меня....

ЛЮСНЕ и МОНЖИРОНЪ. Спасибо!... Очень благодаренъ!...

СОСТЕНЬ. Такъ или не такъ, а я поддержу себя! Даю слово, что въ часъ ужина я возвращаюсь сюда съ какимъ бы то ни было домино.

МАРКИЗЪ. Позвольте! Бываютъ всякія домино, и нужно бы было...

СОСТЕНЬ. Чортъ возьми! Ясно, что старыя домино не считаются.... Я въ эту игру не играю.

МАРКИЗЪ (входящему Батисту). Человѣкъ! Особенную комнату и шампанскаго!

(Слуги отставляютъ столъ въ сторону).

СОСТЕНЬ. Шампанскаго то побольше, и я увѣренъ, что не я буду платить за него, (Въ сторону). Ужъ это будетъ чисто несчастіе, если въ цѣломъ балу не найдется ни одной злополучной!

МАРКИЗЪ. Ну господа! въ залу! (Когда они уходятъ, входитъ Морисъ и увидя Состеня, схватываетъ газету и закрывается ею, дѣлая видъ, что читаетъ. Батистъ убираетъ посуду).

ЯВЛЕНІЕ II.

МОРИСЪ и БАТИСТЪ.

МОРИСЪ. Проклятый Состень! Вѣдь нужно же было мнѣ на него наткнуться.... Хорошо еще, что не узналъ.... Мнѣ показа-

лось, чего Боже сохрани, что и маркизь и де-Бошанъ бывае съ пимъ.... Я даже, кажется, видѣлъ съ вами и Мосне, моего товарища по адвокатству! Но теперь я отъ нихъ отдѣлялся... мнѣ нечего больше бояться. Но какъ бы то ни было, вѣдь судьба же мнѣ сегодня встрѣтиться съ знакомыми! Зала, кажется, только ими и набита!... Человѣкъ!

БАТИСТЪ. Что прикажете-съ?

МОРИСЪ. Особую комнату и два прибора.

БАТИСТЪ. О! это само собой разумѣется-съ.

МОРИСЪ. Что?

БАТИСТЪ. Я говорю, что кавалеру одному тутъ и дѣлать-то нечего-съ.

МОРИСЪ. Я не нуждаюсь въ твоихъ объясненіяхъ. *(Тихо)*. Естьли у васъ комната съ особымъ выходомъ на черную лестницу?

БАТИСТЪ *(показывая на-дверь на-право)*. У насъ есть двѣ такия: «десятый и восьмой номеръ. Особенно знаменитая восьмой..»

МОРИСЪ. Знаменитый или нѣтъ... я его беру.

БАТИСТЪ. Слушаю-съ. *(Хочетъ уйти)*.

МОРИСЪ. Когда въ три часа я приду черезъ эту дверь, одна дама придетъ по...!

БАТИСТЪ. По черной-съ. Понимаю!

МОРИСЪ. Ты се тогда отогрѣешь.

БАТИСТЪ. Секретно-съ. Это само собой... *(Въ-сторону)*: Это женатый.

МОРИСЪ. Покажи списокъ кушаньямъ и... подай рюмку ликеру.

БАТИСТЪ. Сей-часъ.

МОРИСЪ. Я право не знаю, что можетъ быть хуже моего положенія? Я не могу отвязаться отъ мысли, что подумаетъ жена объ моемъ отсутствіи, какую ей выдумать отговорку, что сказать.... О! если-бъ въ эту почку могъ случиться какойнибудь этакъ пожаръ, даже землетресеніе! Но я не буду столько счастливъ!...

БАТИСТЪ *(возвращается съ картою и рюмкою)*. Вотъ карта и ликеръ, сударь, что вы требовали.

МОРИСЪ. Хорошо.

БАТИСТЪ. Въ восьмомъ номерѣ все готово сударь. *(Уходитъ)*.

МОРИСЪ *(одинъ)*. Наконецъ, когда же я возвращусь домой? Но чертъ возьми часомъ раньше, часомъ позже — все равно, вѣдь ужъ не отдѣляюсь отъ упрековъ... Прочь эти мысли, теперь надо веселиться; на всё свое время. *(Входитъ въ комнату на*

право, въ это время женщина въ черномъ домино и въ маскѣ входитъ и дѣлаетъ знакъ кому-то за ней слѣдовать).

ЯВЛЕНІЕ III.

АМАЛІЯ И БАРТОЛИНИ.

БАРТОЛИНИ *входитъ; на немъ зеленые очки. Онъ съ поднятымъ воротникомъ, чтобъ скрыть свое лицо.*

АМАЛІЯ (*снимая маску*). Поскорѣй, докторъ, поскорѣй я его замѣтила, онъ здѣсь.... онъ вошелъ въ эту дверь.

БАРТОЛИНИ (*снимаетъ очки*). Но увѣрены ли вы хоть въ этотъ разъ?

АМАЛІЯ. Разумѣется, я очень хорошо знаю, что это его замѣтили мы въ корридорѣ, что онъ пошелъ въ эту половину....

БАРТОЛИНИ. Такъ значитъ, вы теперь довольны... вернемтесь....

АМАЛІЯ. О, нѣтъ еще, докторъ.... погодите.

БАРТОЛИНИ. Но помилуйте, вѣдь вы такъ никогда не кончите.

АМАЛІЯ. Морисъ въ этой комнатѣ, это вѣрно; но одинъ ли онъ тамъ? или ожидаетъ кого?... вотъ что мнѣ необходимо нужно знать.... и если я этого не узнаю.... я буду несчастливѣйшая на свѣтѣ....

БАРТОЛИНИ (*вынимаетъ часы*). Уже два часа, а я съ двѣнадцати имѣю честь безпрестанно за вами слѣдовать, гоняться за вашимъ милымъ супругомъ.... Черезъ это, посудите сами, я измѣняю моимъ двойнымъ обязанностямъ: мужа и врача.

АМАЛІЯ. Докторъ! вы попрекаете услугою, которую вы мнѣ оказали....

БАРТОЛИНИ. О, разумѣется, нѣтъ, но....

АМАЛІЯ. И къ кому же я лучше всего могла обратиться съ просьбою, какъ не къ вамъ? На кого же я скорѣй всего могла положиться?

БАРТОЛИНИ. И мнѣ конечно, очень лестно это, но посудите сами....

АМАЛІЯ. Подумайте сами, докторъ, могла ли я что ипаче сдѣлать?... Въ полночь, когда я увидѣла, что Морисъ еще не возвращается.... я не знаю, что со мной было.... сперва слезы, потомъ страхъ, негодованіе, злость.... смѣнялись одинъ другимъ.

Вдругъ я вспомнила нѣкоторыя слова, вырвавшіяся у Мориса во время его сна...

БАРТОЛИНИ. Онъ лупатикъ?

АМАЛИЯ. И тогда я рѣшилась на все. Надѣваю домино, и спѣшу изъ дому.... ѣхать одной въ маскарадъ было не возможно.... Въ эту минуту слышу я кто то запираетъ двери и сходитъ съ лѣстницы.....

БАРТОЛИНИ. И это былъ я. Я только что отдалъ вечерній поцѣлуй моей Агнесочкѣ, и пока этотъ ангелъ надѣвалъ кофточку, я преспокойно думалъ отправиться въ свою больницу....

АМАЛИЯ. Само небо послало тогда мнѣ васъ.... Что мнѣ оставалось больше дѣлать? Я рѣшилась прибѣгнуть къ вашей услужливости, къ вашей дружбѣ; взяла васъ за руку....

БАРТОЛИНИ. Я не устоялъ — вы меня увлекли въ засаду....

АМАЛИЯ. О! Если бъ вы знали, что такое ревность?

БАРТОЛИНИ. Это одинъ изъ самыхъ сильныхъ припадковъ, — мы, доктора, это знаемъ,.... но паука тутъ несильна.... и я, сударыня

АМАЛИЯ (*прислушиваясь*). Тсъ.... онъ съ кѣмъ то говоритъ, онъ не одинъ.

БАРТОЛИНИ (*въ сторону, съ отчаяніемъ*). Да онъ оттуда никогда не выдетъ! (*Идетъ къ комнать*).

АМАЛИЯ. Съ нимъ говорятъ.

БАРТОЛИНИ (*слушая*). Это мужской голосъ.

АМАЛИЯ. Вы думаете?

БАРТОЛИНИ. Тамъ нѣтъ ни одной женской души.... Онъ заказываетъ слугѣ ужинъ на 24 прибора. (*Подходитъ къ ней*). Ну, я надѣюсь, вы будете такъ благоразумны, что не станете его ревновать къ мужчине.

АМАЛИЯ. О! эти душевныя волненія ужасны.

БАРТОЛИНИ. И какъ теперь все объяснилось.... будемте же разсудительны — уѣдемъ отсюда. Морисъ, вѣроятно, пріѣхалъ сюда на балъ отужинать съ своими друзьями, которыхъ онъ ожидаетъ, вотъ и все. Вѣдь это въ-самомъ-дѣлѣ странно, какъ будто уже мужъ и не смѣетъ ужинать безъ своей жены, безъ ея спроса?.... Ну не правда ли, это въ порядкѣ вещей... И такъ какъ обстоятельство это не представляетъ намъ болѣе ничего важнаго — уѣдемъ.

АМАЛИЯ. Еще одну минуточку, не больше одной минуты, докторъ; я непременно хочу видѣть друзей Мориса.

БАРТОЛИНИ (*въ сторону*). О, Боже мой! (*Смотря на часы*) Два съ четвертью! (*Громко*). Но послушайте, если мужъ вашъ

узнаеть, что вы за нимъ подсматриваете.... его преслѣдуете — что и я тоже замѣшанъ въ это дѣло....

АМАЛІЯ. О! онъ этого никогда не узнаеть! — Никогда! Я не хочу, чтобъ онъ это зналъ, и благодаря маскѣ....

БАРТОЛИНИ. Но я то, сударыня? Вѣдь у меня нѣтъ маски....

АМАЛІЯ. Въ очкахъ и съ поднятымъ воротникомъ васъ тоже рѣшительно пельзя узнать.

БАРТОЛИНИ. Рѣшительно, сударыня, я не могу дольше оставаться. Я уѣду и оставляю васъ здѣсь.... У меня вѣдь есть большыя Наконецъ жена! ангелъ! И еслибъ она бѣдняжка узнала, что я ступилъ въ этотъ вертепъ — даже хоть для того, чтобъ васъ обязать, она бъ умерла съ горя!

АМАЛІЯ. Идутъ!... Замолчите!...

(Надѣваетъ маску. Бартолини тоже надѣваетъ очки и поднимаетъ воротникъ, дѣлая видъ, что говоритъ съ Амаліей).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ, МОРИСЪ И БАТИСТЪ.

МОРИСЪ (входя, говоритъ Батисту, который за нимъ слѣдуетъ). Понимаешь?... ровно въ три часа.... О! я не одинъ.

(Также, какъ Бартолини, поднимаетъ воротникъ своего пальто, чтобъ его не узнали).

БАТИСТЪ (тихо Морису). Въ три часа она будетъ отворена!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

АМАЛІЯ, БАРТОЛИНИ И МОРИСЪ.

МОРИСЪ (въ-сторону). Мнѣ все кажется.... что я вездѣ вижу только знакомыхъ.... вотъ что значитъ страхъ-то быть узнаваемымъ.... (Доходитъ до половины залы, оборотаясь спиною къ Бартолини и Амаліи, потомъ останавливается и смотритъ искоса). Ну, кажется, этотъ господинъ тоже не слишкомъ то хочетъ быть узнаваемымъ!... Еще подобный мнѣ.... Моей масти.... Несчастный!
БАРТОЛИНИ (тихо Амаліи, переходя сцену): Онъ уходитъ!

АМАЛІЯ (*тонже тихо*). Мы за нимъ послѣдуемъ,....
 БАРТОЛИНИ (*возвышая голосъ*). Опять?... Да долго ли наконецъ?...

АМАЛІЯ (*тихо*). Да говорите же тише.

МОРИСЬ (*останавливаясь*). Что это? Знакомый голосъ!

(*Смотритъ искоса на Бартолини. Тотъ тонже. Глаза ихъ встрѣчаются. Бартолини поднимаетъ выше свой воротникъ*).

БАРТОЛИНИ (*тихо*). Онъ насъ замѣтилъ.

МОРИСЬ (*приближаясь, самъ себя*). Что за странность? Этотъ ростъ, голосъ.... это пальто.... ну да.... это онъ!... (*Громко*) Бартолини?

БАРТОЛИНИ (*оборачиваясь*). А.

МОРИСЬ. А, шутъ! попался....

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Я узналъ!

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Я вся дрожу.

МОРИСЬ. А, а.... скромница.... это такъ-то мы ъздимъ въ нашу больницу.

БАРТОЛИНИ. Морись, что ты.... увѣряю тебя....

МОРИСЬ. Довольно, Гартюфъ, довольно.... (*Хохочетъ*). И ты, который такъ искусно притворялся.... ха, ха.... корчилъ такую олицетворенную добродѣтель.... ха, ха!

БАРТОЛИНИ. О! ужъ это слишкомъ.

АМАЛІЯ (*тихо Бартолини, жмя сильно руку*). Именемъ всего священнаго!... Ни слова!... Умоляю васъ. Я хочу все знать!

МОРИСЬ. Но, несчастный, у тебя будутъ выпарапаны глаза, если узнаетъ твоя жена....

БАРТОЛИНИ. Моя жена!... (*Хочетъ уйти, Амалія его удерживаетъ*).

МОРИСЬ. Боже мой, что я сказалъ!... А! другъ мой.... ради Бога прости меня.... и вы тоже сударыня.... это, право, совершенно печально вырвалось у меня съ языка.... но вы, вѣроятно, извините мою неловкость, когда узнаете, что и я также, какъ мой бѣдный другъ.... увы... женатъ!

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Что онъ станетъ ей говорить!

МОРИСЬ. Да, сударыня.... женатъ!... и вдругу не желаю ничего подобнаго,

БАРТОЛИНИ. Морись! (*Хочетъ подойти къ нему, Амалія его удерживаетъ*).

МОРИСЬ (*Бартолини*). Будь покоенъ! Я заглажу мой промахъ.

(Амалия). И еслибъ вы знали, до какой степени супружеская жизнь скучна и однообразна....

БАРТОЛИНИ (въ-сторону). Ну, пошелъ, пошелъ....

МОРИСЬ. Право не стали бѣ завидовать тѣмъ немногимъ минутамъ, которыя мы имъ посвящаемъ.

БАРТОЛИНИ (въ-сторону). Самъ себя запутываетъ.

МОРИСЬ. Но за то, какъ скоро мы отъ нее ускользаемъ, о! тогда, мы уже на себя непохожи.... мы веселы.... шалимъ.... насъ нельзя упнать.

БАРТОЛИНИ (въ-сторону). Затягивай, затягивай петлю-то....

МОРИСЬ. Напримѣръ, посмотрите сударыня.... мой другъ докторъ.... внѣ дома.... предается самымъ неистовымъ наележденіямъ.

БАРТОЛИНИ. Гмъ!

МОРИСЬ (ударяя его по плечу). Браво, кутила, вивѣръ! Онъ такъ мало похожъ на мужа, который уважаетъ права своего супружества.... Нужно его видѣть, гордо попирающаго суровыя узы рабства и приличій.

БАРТОЛИНИ (подходитъ къ нему). Это что, напримѣръ, значить?

МОРИСЬ (тихо Бартолини). Ты теперь, я думаю, долженъ быть доволенъ. Честь тебѣ возвращена.

БАРТОЛИНИ (не выдержавъ). Да это уже слишкомъ! А мое достоинство!...

(Амалия удерживаетъ Бартолини; онъ показываетъ знаки самаго сильнаго нетерпѣнія).

МОРИСЬ (подходя). Но, какъ мнѣ кажется, мое присутствіе тебя стѣсняетъ.... не мѣшаю, не мѣшаю.... смѣю ли я разстроить такое очаровательное свиданіе.... У меня тоже есть вѣчто подобное.... тамъ.... въ три часа....

АМАЛИЯ (тихо). О Боже!...

БАРТОЛИНИ (тихо). Несчастный!... Онъ все самъ расскажетъ....

МОРИСЬ. И если бѣ было можно намъ соединиться.... это было бѣ превосходно.... ужипъ въ четверомъ....

АМАЛИЯ (облакачиваясь на руку Бартолини). Ахъ!

БАРТОЛИНИ (Морису, смотря на Амалию). Да замолчишь ли ты?... Это скверно, это тебѣ не дѣлаетъ чести.... еслибъ ты зналъ передъ кѣмъ ты говоришь.... (Амалия его удерживаетъ).

МОРИСЬ. Я не смѣю настаивать. .. Иноквигито предестныхъ дамъ для меня священо.

АМАЛИЯ (въ-сторону). Онъ къ ней пойдетъ....

МОРИСЬ (непринужденно кланяясь): Прощайте, сударыня!...

АМАЛІЯ (*въ сторону*). О я хочу его поймать, пристыдить....
 МОРИСЬ. Прощай, пріятель.... (*Громко*). Прощай, повѣса!... (*Уходит*).
 О! какая встрѣча! Ха, ха, ха.... Кто бы подумалъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

АМАЛІЯ, БАРТОЛИНИ, ПОТОМЪ БАТИСТЪ.

АМАЛІЯ (*живо*). Пойдемте, докторъ, пойдемте.... за нимъ.... (*Дѣлаетъ шагъ и облакачивается на стулъ*). О! я не могу больше... силы меня оставляютъ....

БАРТОЛИНИ (*подходя къ ней*). Что съ вами?

АМАЛІЯ (*снимая маску*). Ахъ, я не могу дышать... я чувствую, что этого не вытерплю....

БАРТОЛИНИ (*усаживая ее*). Только этого не доставало! (*Звонитъ*). Ей! Человѣкъ!... (*Ищетъ въ карманъ докторскій приборъ*). Бѣда да и только.... могутъ придти сюда, застать.... узнаютъ ее... меня....

БАТИСТЪ (*входя*). Что прикажете?

БАРТОЛИНИ. Поскорѣй, особую комнату.... живо! (*Подала Амаліи флаконъ*). Вотъ спиртъ!

БАТИСТЪ А! Дама захворала.

БАРТОЛИНИ. Хорошо, хорошо.... (*Батистъ открываетъ дверь въ комнату на-льво*). Побольше храбрости... такъ можно испортить все дѣло....

АМАЛІЯ (*вставая*). Это пройдетъ, пройдетъ....

БАРТОЛИНИ (*ведя ее въ комнату*). Я вадѣюсь, что это пройдетъ.... Тутъ можно совсѣмъ съ ума сойти....

БАТИСТЪ. Вотъ ваша комната-съ!

АМАЛІЯ. Ахъ докторъ!... зачѣмъ я сюда пріѣхала?

БАРТОЛИНИ. Да, зачѣмъ мы оба сюда пріѣхали?... (*Смотря на часы*). Безъ двадцати минутокъ три! (*Амалія входитъ въ комнату*).

БАТИСТЪ. Что прикажите подать, сударь?

БАРТОЛИНИ. Живо.... ликеру! (*Уходитъ въ ту же комнату*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

БАТИСТЪ И АГНЕСА.

БАТИСТЪ. Опять такъ ликеръ. Какова торговля!

(*Въ это время Агнеса въ маскѣ и голубомъ дамино входитъ, оглядываясь на всѣ стороны*).

БАТИСТЪ (*про себя*). Какое красивое домино. (*Ей*). Сударыня, вѣрно, вы ищете кого нибудь?

АГНЕСА. О да, трехъ дамъ.

БАТИСТЪ. Трехъ дамъ? Пойдите....

АГНЕСА (*живо*). Ты ихъ развѣ видѣлъ?

БАТИСТЪ. Три дамы съ пятью кавалерами?

АГНЕСА (*испугавшись*). Нѣтъ, нѣтъ, это не онѣ... три дамы....
однѣ....

БАТИСТЪ. Однѣ?... Это не по нашей части, сударыня.... Мы та-
кихъ не видали....

АГНЕСА (*въ-сторону*). Боже мой, что дѣлать?

БАТИСТЪ. Но еще рано, успеете найти.

АГНЕСА. Вѣдь я могу-здѣсь подождать? не правда ли?

БАТИСТЪ (*подавая стулъ*). Разумѣется? Не желаете ли чего ни-
будь прохладительнаго?

АГНЕСА (*садясь*). О да... сдѣлай одолженіе....

БАТИСТЪ. Угодно, сударыня, пуншу?

АГНЕСА. Нѣтъ, нѣтъ, какъ пуншу? Дай мнѣ сахарной воды....

БАТИСТЪ (*въ-сторону*). Сахарной воды.... и ликеру! (*Голосъ
за кулисами*). Человѣкъ! бутылку шампанскаго!

БАТИСТЪ. Сейчасъ-съ! Это хоть что нибудь!... (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АГНЕСА (*одна*).

АГНЕСА (*снимая маску и вставая*). Можно ль понять эту г-жу
Жиро? Оставить меня одну на балѣ, покинуть посреди толпы?
О! я никогда не забуду ей этой штуки! Мой бѣдный мужъ ня-
чнется теперь съ своими больными.... и вѣрно, бѣдняжка думаетъ,
что его милая Агнесочка теперь дома, спитъ.... (*Отворяютъ дверь
изъ комнаты на-льво*). Кто то идетъ!

(*Отвѣщается и проворно надѣваетъ маску*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

АГНЕСА И БАРТОЛИНИ.

БАРТОЛИНИ (*входитъ, говоря Амаѳи, которая остается въ ко-
мнатѣ*). Подождите меня здѣсь.... я сейчасъ вернусь, найму
фіакръ....

АГНЕСА (*замытл его*). О, Боже! что я вижу?...

БАРТОЛИНИ. Что-съ? Извините.... я не дослышалъ.... Вы говорите.... (*Входитъ опять въ комнату*).

АГНЕСА (*одна*). Да, это онъ.... это мой Бартолинцъ!... Онъ, вѣрно, тоже прѣхалъ сюда ужинать съ товарищамъ.... Хе, хе, хе.... Наконецъ то и онъ пустился во все.... Какъ это весело.... теперь я уже болѣе не въ затрудненіи!... Я ему скажу все, и мы вернемся вмѣстѣ.... но не домой, а на балъ.... гдѣ мнѣ такъ было весело.... (*Бартолинцъ выходитъ*). Вотъ и онъ.... поинтригую его сперва.... (*Надъвываетъ слова маску*).

БАРТОЛИНИ (*самъ-себѣ*). Наконецъ то послушалась меня; она согласилась ѣхать! (*Хочетъ уйти, Агнеса беретъ его за руку и удерживаетъ*). Это что еще?... Извините, сударыня.... вы, вѣрно, ошиблись....

АГНЕСА (*перемывивъ голосъ*). О, пѣтъ!

БАРТОЛИНИ (*хочетъ отнять руку*). Какъ пѣтъ? Вы меня знаете?

АГНЕСА. О, да!

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). А! догадываюсь.... это моя пациентка! (*Громко*). Я не думаю, сударыня, чтобъ въ эту минуту вы могли нуждаться въ моихъ услугахъ...!

АГНЕСА. Ну, не говорите....

БАРТОЛИНИ. Вы больны?... Такъ побѣжайте скорѣе домой, лягте въ постель.... и ужъ тогда призовите меня.... я здѣсь никого не пользую.... (*Освобождаетъ руку*). Если насъ тутъ увидятъ вмѣстѣ, это можетъ компрометировать меня, какъ женатаго человека.... (*Хочетъ уйти*).

АГНЕСА (*въ-сторону, идя за нимъ*). Спасибо, дружокъ.... я всегда, по прежнему, занимаю его мысли.

БАРТОЛИНИ. Сударыня.... до пріятнаго удовольствія васъ видѣть....

АГНЕСА (*удерживая его за руку*). Позвольте!...

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Еще такъ!... (*Ей*) Сударыня, я занятъ, спѣшу.... что вамъ отъ меня угодно?

АГНЕСА. Услуги....

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). И ей тоже! (*Ей*). Что, сударыня... развѣ вы замужемъ?

АГНЕСА. Да!

БАРТОЛИНИ. Такъ я держу пари, что вашъ мужъ пошалываетъ....

АГНЕСА. Увы!

БАРТОЛИНИ. И вы преслѣдуете его?

АГНЕСА. Справедливо.

БАРТОЛИНИ. И надѣетесь на меня, чтобъ я васъ сопровождалъ во-время вашихъ поисковъ....

АГНЕСА. Такъ.

БАРТОЛИНИ (въ-сторону). Честное слово.... мудрецъ съ ума сой-детъ.... (Ей). Увольте меня отъ этого, прелестная незнакомка, я ужъ и безъ того потерялъ слишкомъ много времени въ эту ночь. Да пустите же.... Ай.... вы шиплите.

(Вырываетъ руку и отходитъ въ-сторону).

АГНЕСА. Сударь.... сдѣлайте милость....

БАРТОЛИНИ (подходя къ Агнесѣ, громко). Если же непременно вы хотите знать, почему я не могу исполнить вашей просьбы.... такъ знайте жъ, я самъ здѣсь не одинъ!

АГНЕСА (весело). Въ-самомъ-дѣлѣ? А!

БАРТОЛИНИ. То есть, мнѣ здѣсь тепло и безъ васъ.

АГНЕСА (смущаясь). Что вы говорите?

БАРТОЛИНИ. Я здѣсь съ женщиной, съ очаровательной....

АГНЕСА (въ-сторону). Съ женщиной?

БАРТОЛИНИ. Я вамъ скажу больше.... которая ревнива, какъ вампиръ.

АГНЕСА (въ-сторону). Боже мой!

БАРТОЛИНИ. И я иду вапимать фiakръ, чтобъ отвезти ее домой, ко мнѣ.... При всемъ томъ мнѣ очень жаль, что я долженъ васъ такъ невѣжливо оставить.

АГНЕСА (тихо, опираясь на стулъ). О! мнѣ дурно! дурно!

БАРТОЛИНИ. Знаемъ эти штуки! (Идя). Слава Богу, по-крайней-мѣрѣ, что отвязалась.... Эта ночь что нибудь мнѣ стоить... (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

АГНЕСА, ПОТОМЪ АМАЛІЯ.

АГНЕСА (снимаетъ маску и падаетъ въ кресло). Онъ здѣсь съ женщиной! Я чувствую, что упаду въ обморокъ.... (Съ энергіей) Но вѣтъ, я еще буду имѣть столько характера.... (Встаетъ, идетъ быстро къ двери, изъ которой вышелъ Бартолини и отворачиваетъ се). Выходите, сударыня.... выходите.... вамъ нечего скрыватьсѣ, я знаю все.... (Узнавъ Амалию). Что это?

АМАЛІЯ. Агнеса!

АГНЕСА (подозрѣвая). Одна съ моимъ мужемъ!

АМАЛІЯ. О утѣшься!... твой мужъ совершенно вѣренъ тебѣ; это я принудила его почти силою ѣхать сюда, чтобъ отыскать, чтобъ поймать моего жалкаго мужа, который меня обманываетъ, измѣняетъ мнѣ....

АГНЕСА (*отдыхая*). Твоего мужа?.... О, душа моя, какъ же я теперь довольна....

АМАЛІЯ. Что ты говоришь?

АГНЕСА. Да правда, правда; извини меня... ты, вѣрно, подумала, что я радуюсь твоему несчастію.... напротивъ, душа моя!... по какому же было мнѣ? вѣдь я думала, что и мой-то вздумалъ мнѣ измѣнять.... каково же мнѣ это было?

АМАЛІЯ. Тебѣ? тебѣ, которая еще недалеже, какъ сегодня вечеромъ, жаловалась на примѣрное постоянство своего мужа.... желала даже ему интригу....

АГНЕСА. О да.... это, разумѣется, только такъ говорится, и особенно тогда, когда еще увѣрены въ ихъ вѣрности.... но послѣ.... при малѣйшемъ подозрѣніи.... на примѣръ сейчасъ.... я чуть не упала въ обморокъ.... (*Съ участіемъ беретъ руку Амаліи*) Но я только и говорю, что о себѣ.... Какъ твой дѣла, моя милочка.... расскажи пожалуста... что ты узнала?.... что открыла?

АМАЛІЯ. Морись здѣсь, на балу, съ женщиной.... и онъ придетъ ее скоро сюда ужинать....

АГНЕСА. О какой ужась! Но ты, разумѣется, не допустишь до этого.... Нужно надѣлать шуму.... нужно заставить его образумиться.... мы вѣдь тоже имѣемъ свои права.... и нужно ихъ поддерживать! Теперь я не хочу, чтобъ мой мужъ хоть на минуту меня оставлялъ, чтобъ онъ шагъ безъ меня не дѣлалъ.

АМАЛІЯ. Но развѣ ты-то передъ нимъ ни въ чемъ виновата.

АГНЕСА. Я-то? это другая статья.... А? ты думаешь, какъ я попала въ маскарадъ? Меня завлекла сюда г-жа Жиро.

АМАЛІЯ. А я сомнѣваюсь.... Не ты ли это выдумала?

АГНЕСА. Но вѣдь я не одна.... насъ четверо.... Жиро, я, Люсне и Фовель.

АМАЛІЯ. И Люсне тоже? жена адвоката, товарища Морпца?

АГНЕСА. Именно! Мы надѣлалъ надѣлать много шуму нашими одинаковыми голубыми домино, и потому съ самаго пріѣзда согласились не оставлять другъ друга во всю ночь.

АМАЛІЯ. Но какъ же это случилось, что ты одна?

АГНЕСА. А вотъ слушай. Только что мы пріѣзжаемъ на балъ, какъ вдругъ, смотримъ, къ намъ подходитъ....

АМАЛІЯ. Кто?

АГНЕСА. Прекрасный молодой человекъ. Фракъ черный, жилетъ черный... все черное. Онъ предлагаетъ свою руку г-жѣ Жиро, которая ее и принимаетъ, говоря намъ: «Я скоро приду, я пла танцовать»... Нельзя же было...

АМАЛІЯ. Ну такъ вы оставались все-таки втроемъ...

АГНЕСА. Позволь. Мы продолжаемъ гулять.... какъ вдругъ въ другомъ концѣ залы встрѣчаемъ...

АМАЛІЯ. Кого же?

АГНЕСА. Фракъ черный, жилетъ черный... все черное.

АМАЛІЯ. Еще кавалеръ?

АГНЕСА. Два! Они ходили нѣсколько времени подлѣ насъ; вдругъ Фовель сказала: «Я схожу сей часъ за мороженымъ», и исчезла...

АМАЛІЯ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

АГНЕСА. Изумленная этимъ, я оборачиваюсь, смотрю, и вообра- зи мой ужасъ... Люсье тоже нѣтъ.

АМАЛІЯ. Такъ ты осталась одна?

АГНЕСА. Совершенно одна; вообрази, посреди этого оксапа-гу- дящихъ. И сколько я послушалась дерзостей, даже отъ г-на Состена, который силою хотѣлъ меня увести ужинать.

АМАЛІЯ. Опъ тебя узналъ?...

АГНЕСА. По счастью, кажется, нѣтъ! Да, Боже сохрани! опъ та- кой болтунъ, такой злой... что это было бы величайшее несча- стіе. Ты мнѣ, вѣрно, дашь совѣтъ, что теперь дѣлать. Вѣдь, если мужъ мой узнаетъ, я пропала.

АМАЛІЯ. Я могу спасти тебя.

АГНЕСА. Какъ?

АМАЛІЯ. Ты хочешь уѣхать?

АГНЕСА. О да, да, непременно.

АМАЛІЯ. А я хочу остаться.

АГНЕСА. Ну?

АМАЛІЯ. Твой мужъ сейчасъ возвратится съ фіакромъ. Пере- мѣнимъ костюмы, и дѣло кончено. Ты поѣдешь съ нимъ. Не снимай маски, молчи, плачь всю дорогу, или, по крайней-мѣрѣ, по- казывай видъ, что плачешь.... У воротъ Бартолини тебя оста- вить, чтобы ѣхать въ свою больницу.

АГНЕСА. О! я увѣрепа, что онъ и не догадается! Да это пре- лестно...

АМАЛІЯ. Идутъ! Поспѣшимъ!

(Уходятъ въ комнату на-лѣво, Агнеса послѣдняя. Входятъ Маркизъ, Люсье, Монжиронъ и Состенъ, ко- торый замѣчаетъ голубое домино Агнесы).

ЯВЛЕНИЕ XI.

МОНЖИРОНЪ, МАРКИЗЪ, ЛЮСНЕ И СОСТЕНЪ.

СОСТЕНЪ. А! мое голубое домино.

(Бѣжитъ за Агнесой; но дверь запирается).

МАРКИЗЪ. Ну, любезный мой Состенъ, черезъ 10 минутъ вашъ закладъ проиграпъ.

СОСТЕНЪ. Я выиграю.

ЛЮСНЕ. Да какъ же это? Вы пока одни!

СОСТЕНЪ. Имѣйте немного терпѣнія!

ЛЮСНЕ. Развѣ ужъ заманили кого-нибудь?

СОСТЕНЪ. Ангела!—Талія, ручки, глазки, небесныя... домино... голубое...

ЛЮСНЕ *(смѣясь)*. Небесное?

МАРКИЗЪ. Да я видѣлъ васъ въ залѣ подлѣ чего-то въ этомъ родѣ... но какъ мнѣ кажется, эти прелести вамъ не совсѣмъ-то поддавались...

СОСТЕНЪ *(показывая на льво)*. Опѣ тамъ, въ этой комнатѣ.

ЛЮСНЕ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

СОСТЕНЪ. И послѣ того, до чего я уже успѣлъ довести разговоръ, мнѣ остается сказать не болѣе десяти словъ.

ЛЮСНЕ. Чортъ возьми, г-нъ Состенъ... мы посмотримъ вашу побѣду...

СОСТЕНЪ. Господа мнѣ не нужно посредничества.

МАРКИЗЪ. Правда, правда... Оставимъ его одного.

(Всѣ отходятъ въ противный уголъ. Состенъ подходитъ къ двери и останавливается).

СОСТЕНЪ. Смотрите, смотрите... вотъ и она идетъ ко мнѣ!

(Онъ показываетъ торжествующій видъ. Дверь тихо открывается и выходитъ замаскированная Амалія въ голубомъ доминѣ Агнесы).

ЯВЛЕНИЕ XII.

АМАЛІЯ, ЛЮСНЕ, СОСТЕНЪ И МАРКИЗЪ.

АМАЛІЯ *(думая, что она одна, запираетъ дверь)*. Я слышала шумъ... не Морисъ ли это?...

ЛЮСНЕ *(въ сторону)*. Какъ странно. Вотъ домино, которое какъ

двѣ капли походить на домино моей жены.... Ужъ не госпожа ли это Люсне?...

АМАЛІЯ (въ-сторону). Нужно мнѣ увѣриться.... (Увидя Состена, стоящаго впереди). Боже мой!

СОСТЕНЬ. А! наконецъ-то, я васъ нахожу снова, моя шалунья, купидонъ.... сльфида....

АМАЛІЯ (съ ужасомъ). Господи! Что со мной будетъ?

СОСТЕНЬ. Вы таки довольно долго заставили меня бѣгать за вами... Но на этотъ разъ я уже васъ не выпущу... вы моя пѣвица....

ЛЮСНЕ (самъ-себѣ). Я долженъ вступить за это.... Этотъ ростъ.... манеры....

МАРКИЗЪ (Люсне). Что съ вами, виконтъ?

ЛЮСНЕ. Ничего, ничего... такъ. (Въ-сторону). Еслибъ я не былъ увѣренъ, что жена моя меня обожаетъ....

АМАЛІЯ (въ-сторону, пока Состенъ мѣняется знаками съ своими друзьями). Я пропала, если онъ меня узнаетъ, если узнаетъ, что я тутъ одна, безъ мужа....

СОСТЕНЬ (перѣбывая ея). Итакъ, моя богиня.... извините, что безъ околичностей я приступаю къ вамъ съ просьбою.... отужинаемъ вмѣстѣ!

АМАЛІЯ (испугавшись). Милостивый государь!

СОСТЕНЬ. Ну полноте?... Сейчасъ, въ танцахъ, вы были снисходительнѣе.... Отужинаемте же!

АМАЛІЯ. Оставьте меня, сударь, говорю вамъ, оставьте....

(Хочетъ уйти, Состенъ ее удерживаетъ).

СОСТЕНЬ (въ-сторону). Не проиграть же мнѣ ужинъ? Я долженъ настоять, чтобъ она непременно осталась.

АМАЛІЯ (въ-сторону). Боже мой, какой ужасъ! Я не знаю, какъ противиться такой наглости... Ахъ, какъ, я могла уйти отсюда....

МАРКИЗЪ (друзьямъ). Какъ онъ не настанываетъ, а она таки не поддается.... Ну, Состену не выиграть ужина....

СОСТЕНЬ (Амаліи). Да бросьте же это ребячество.

АМАЛІЯ (въ-сторону, вырывая у него руку). Какое ужасное положеніе! Ну Морисъ, твой поступокъ отъ этихъ слѣдствій дѣлается еще чувствительнѣе.

СОСТЕНЬ. Да чего вы бонетесь? Вѣдь на этихъ ужинахъ только княнутся въ любви.... это переходитъ отъ одного бала до другаго.... (Беретъ ее насильно за руку).

АМАЛІЯ (защищаясь). Оставьте меня, сударь, я вамъ приказываю.... (Морисъ показывается въ дверяхъ). Ахъ!!...

(Она вырывается, бьѣжитъ къ Морису и беретъ его за руку. Тотъ смотритъ на нее съ удивленіемъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII:

ТѢ ЖЕ И МОРИСЪ.

МОРИСЪ (удивленный). Что такое? Что это значить?

СОСТЕНЬ (въ-сторону). Морисъ? О, какое открытіе!

МОРИСЪ (увидя Состена, въ-сторону). Состень? Опять онъ!

СОСТЕНЬ (въ-сторону). Такъ это было свиданіе... и здѣсь.... А голубчикъ попался.... теперь то ты въ моихъ рукахъ.

МОРИСЪ (Амалии, которая его держитъ за руку). Но, сударыня....

АМАЛІЯ (тихо перебививъ голосъ). Морисъ!... спаси меня....

МОРИСЪ (въ-сторону). Мое имя?... Это она!... это Флорентина!

МАРКИЗЪ (подходя). А, это г-нъ Дюрозель?

МОРИСЪ (въ-сторону, смутясь). Маркизъ!

МАРКИЗЪ. А! Г-нъ ходатай по дѣламъ.... вы здѣсь, промѣняй вашъ дѣла на удовольствія.... даже дѣлаете неожиданныя встрѣчи.

МОРИСЪ (въ-сторону). Какъ бы мнѣ отсюда выпутаться....

СОСТЕНЬ (тихо маркизу). Это мужъ съ мороженымъ.

МАРКИЗЪ (ему). Неужели? (Тихо). Ну такъ я не удивляюсь его замѣшательству.

СОСТЕНЬ (переходя къ Люсне и Монжирону). Мужъ съ мороженымъ, мужъ съ мороженымъ.... завтра его жена все узнаетъ....

ЛЮСНЕ. А?... Какъ же я былъ глупъ, что могъ подозрѣвать....

МАРКИЗЪ (Морису). Извините, г-нъ Дюрозель; какъ замѣтно, наше присутствіе васъ связываетъ, женируетъ....

МОРИСЪ (съ замѣшательствомъ). О нѣтъ, нѣтъ.... напротивъ.... (Въ-сторону). Если онъ станетъ подозрѣвать.... бѣда!

МАРКИЗЪ (на ухо Морису). Я это понимаю; женатый не всегда радъ встрѣчѣ.... (Отходитъ).

МОРИСЪ (въ-сторону). А, какая мысль! (Тихо Амаліи). Будь покойна милая Флорентина....

АМАЛІЯ (въ-сторону). Флорентина!

МОРИСЪ (усаживая Амалію). Эта ложъ спасетъ васъ обонхъ.... (Громко). Итакъ господа.... да, я пріѣхалъ сюда разсѣяться....

провести ночь въ маскарадѣ; не думаю, чтобы вы нашли тутъ чтонибудь предосудительное, если я проводилъ сюда свою жену?

всѣ (*съ удивленіемъ*). Свою жену?

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Что онъ говоритъ?

МОРИСЬ. Да, свою жену, которую здѣсь оставилъ на минуточку, и которую не думалъ застать цѣлю вашихъ преслѣдованій.

МАРКИЗЪ (*живо*). Чего однакожъ мы на себя не принимаемъ.

СОСТЕНЬ (*съ ироніей*). Разумѣется. Я такъ былъ далекъ отъ мысли, что моя кузина.... (*Тихо Маркизу*). Это не она, даю голову на отсѣченіе....

МАРКИЗЪ (*тихо*). Чортъ возьми, мы это увидимъ.

МОРИСЬ (*тихо*). Разумѣется, они насъ теперь оставлятъ.

МАРКИЗЪ (*тихо*). Г-нъ Дюрозель, такъ какъ случай доставляетъ намъ эту пріятную встрѣчу, то я надѣюсь, что вы и ваша супруга не откажетесь сдѣлать намъ честь отужипать теперь съ нами.

СОСТЕНЬ (*въ-сторону, съ радостію*). Bravo, bravo! вотъ попался то!

МОРИСЬ (*съ-сторону*). Только этого не доставало! (*Маркизу*). Конечно, г-нъ Маркизъ, я очень благодаренъ вамъ за это лестное предложеніе... но... не скрываюсь отъ васъ... другая цѣль...

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Да.... да.... любовное свиданіе....

МАРКИЗЪ (*наклоняясь къ Амаліи*). Смѣю вѣрить, что сударыня будетъ болѣе снисходительна?

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Что теперь дѣлать?

МАРКИЗЪ. Что же?

АМАЛІЯ (*вставая*). Нечего дѣлать, мы принимаемъ ваше приглашеніе.

МОРИСЬ (*изумленный*). Что?...

всѣ (*удивленные*). Она принимаетъ.

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Какъ быть! Я ужъ согласилась.

МОРИСЬ (*тихо Амаліи*). Но о чемъ вы думаете, сударыня?...

Вы губите меня и себя....

СОСТЕНЬ (*тихо Маркизу*). Посмотрите на его мину. Онъ какъ на иголкахъ.

МАРКИЗЪ (*въ-сторону*). Въ-самомъ-дѣлѣ, странно, надобно, чтобы я удостоверился....

БАТИСТЪ (*входя съ двумя бокалами*). Ваша дама въ 8-мъ-съ, сударь.

МОРИСЬ (*удивленный*). Что такое? Что? Какая дама?

БАТИСТЪ (*тихо*). Да та-съ, которую вы ожидали.... Она тамъ-съ... ожидаетъ.... (*Уходитъ*).

МОРИСЪ (*смотря съ изумленіемъ на Амалію, говоритъ въ сторону*). Какъ?... Такъ эта кто же? Кто жъ она?

СОСТЕНЬ (*услыхавъ слова Батиста, въ сторону*). А? ожидаетъ... другая!... Это значитъ двѣ соперницы.... Чтѣ, еслибъ я этимъ воспользовался....

МАРКИЗЪ. Г-нъ Дюрозель, вы идете съ нами?

МОРИСЪ (*въ большомъ затрудненіи*). Да, да.... сейчасъ.... я.... я вашъ.... только сперва я бы хотѣлъ.... мнѣ бы хотѣлось.... сказать два слова этой да.... моей женѣ....

МАРКИЗЪ (*Морису*). Итакъ мы васъ ждемъ. Пойдемте господа! (*Уходя въ дверь прямо, но Состенъ проскользаетъ въ дверь на-право, въ 8-й нумеръ*).

СОСТЕНЬ (*въ сторону*). Закладъ выигралъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МОРИСЪ И АМАЛІЯ.

МОРИСЪ (*запирая на ключъ заднюю дверь, не видѣвъ, куда вошелъ Состенъ*). Наконѣцъ, они ушли.... 'уфъ!!! Слава Богу! (*Увидѣвъ Амалію сидящую и смѣющуюся*). Сударыня! Это ужасно! Это непростительно, такъ не ведутъ себя....

АМАЛІЯ (*перемѣнивъ голосъ*). Чтѣ вы хотите этимъ сказать? За чтѣ этотъ гнѣвъ?

МОРИСЪ. Какъ? Вы развѣ этого не знаете?.... Вы овладѣваете моею рукою, вы принимаете Богъ знаетъ какое приглашеніе.... вы меня ставите въ самое ужасное положеніе, въ ту самую минуту, когда я же еще стараюсь вамъ покровительствовать!... Съ какою же все это цѣлію? Съ какимъ намѣреніемъ? Даже и теперь, когда мы совершенно одни, зачѣмъ вы скрываетесь, зачѣмъ измѣняете вашъ голосъ? Да, скажите, зачѣмъ все это?

АМАЛІЯ. Чтѣбъ не быть узнанной вами.

МОРИСЪ. А я, напротивъ, сударыня, очень жслаю узнать, кто вы.... потому что накопецъ....

АМАЛІЯ. Кто я? Хорошо сударь.... если вы этого требуете, я могу вамъ это сказать.... я жена одного изъ вашихъ товарищей....

МОРИСЬ. Адвоката?

АМАЛИЯ. Который здѣсь даже теперь, въ эту минуту.

МОРИСЬ (*въ-сторону*). Это Люсне!

АМАЛИЯ. Мужа, который всегда мнѣ измѣняетъ, обманываетъ.

МОРИСЬ (*въ-сторону*). А я еще сомнѣвался....

АМАЛИЯ. Для женщины, которая сама ему невѣрна.... сама его безпрестанно обманываетъ, и для нее то онъ вноситъ раздоръ въ свое семейство, заставляетъ меня, просто, умирать съ горя...

МОРИСЬ (*съ убѣжденіемъ*). На васъ ссылаюсь, что это подло!

АМАЛИЯ. И совѣтъ тѣмъ, должна я вамъ сказать, что эта женщина и старше, и некрасивѣе меня.

МОРИСЬ (*въ-сторону*). Я такъ и думаю.... Г-жа Люсне, просто, очаровательна.

АМАЛИЯ. И потому въ моемъ горѣ, мной овладѣло одно желаніе: наказать невѣрнаго.

МОРИСЬ. И вы совершенно правы.

АМАЛИЯ. Да, я хочу отмстить ему.... отмстить ему цѣною, чего бы то ни было.... (*Вставая*). И это на васъ, сударь, на васъ одного я хотѣла бы возложить заботу о моемъ мщеніи.

МОРИСЬ (*съ радостію*). На меня?

АМАЛИЯ. Но я легко отступлюсь отъ этого.... если другія заботы, какъ мнѣ теперь кажется.... остановятъ васъ здѣсь....

МОРИСЬ. Меня? Можете ли вы думать, чтобы я колебался хоть одну минуту, сударыня? Располагайте мною совершенно, я вашъ защитникъ, вашъ кавалеръ, вашъ мститель....

АМАЛИЯ (*въ-сторону, съ гнѣвомъ*). Измѣнникъ!

МОРИСЬ (*взявъ шляпу*). Куда прикажите васъ провести?

АМАЛИЯ. Куда вамъ угодно.... къ вамъ!

МОРИСЬ (*съ удивленіемъ*). Какъ, ко мнѣ?... (*Въ-сторону*) А жена то?....

АМАЛИЯ. Такъ ѣдемъ же, ѣдемъ поскорѣй....

(*Она его увлекаетъ, въ это время входитъ маркизъ съ письмомъ въ рукахъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТЪ-ЖЕ И МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ (*холодно*). Позвольте, сударь.

МОРИСЬ (*въ-сторону*). Ахъ, дьяволь! (*Ему*). Извините меня,

маркизь, мы сейчас должны ъхать домой; мнѣ очень жаль, что не могу исполнить мое обѣщаніе, но жена моя...

маркизь (*холодно*). А! ваша жена! Прочитайте, сударь, это письмо, которое я сейчас получилъ... (*Подаетъ письмо*):

морисъ. Что это?... Безъимянное письмо... мое имя... (*Въ сторону*). Онъ все знаетъ!

маркизь. Подлость, отъ кого бы она не была, отъ низкаго лакаея, или... отъ дерзкаго любовника, мнѣ все-равно... Она требуетъ наказанія.

морисъ. Государь мой!

маркизь. У васъ было назначено здѣсь свиданіе, въ эту ночь... съ дамой... съ дамой, которая сейчасъ передъ нами трепетала, трусила... она передо мной!

морисъ. Милостивый государь! васъ обманули, повѣрьте мнѣ, эта дама вовсе не та, про которую вамъ сказали.

маркизь. Эта дама... моя любовница!

амалія (*въ сторону*). О, Небо!

маркизь. И доказательствомъ этого служить то, что она досихъ-поръ въ маскѣ; но она ее сниметъ, непременно сниметъ... я этого требую!

морисъ (*живо*). А я ей это запрещаю!

маркизь. Такъ это значить, съ вами я буду теперь имѣть дѣло.

морисъ. Я къ вашимъ услугамъ, милостивый государь.

маркизь. Хорошо же. Быть такъ! (*Люсне входитъ*). А вотъ кстати и Люсне, онъ будетъ нашимъ секундантомъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТЪ ЖЕ И ЛЮСНЕ.

люсне (*удивленный, слыша послѣднія слова маркиза*). Я? Секундантомъ?... Нѣтъ, маркизь, я не охотникъ играть эту роль въ дѣлахъ, лично до меня касающихся. Я теперь, кажется, навѣрно узналъ, что это за дама, которую гнѣ Дюрозель изволилъ намъ выдавать за свою жену.

морисъ (*въ сторону*). Вотъ бѣда-то.

маркизь. Кто же она повашему?

люсне. Это... моя жена!

МАРКИЗЪ. Не правда.... это Флорентина!

ЛЮСНЕ. Это моя жена, говорю я вамъ, это г-жа Люсне, которой теперь нѣтъ дома, я въ томъ увѣренъ.... я сейчасъ оттуда.... мнѣ сказали, что она уѣхала въ маскарадъ, и это ея домнино; можно ли тутъ еще сомнѣваться?

МАРКИЗЪ. Я знаю тоже навѣрное.

МОРИСЪ. Господа, я вамъ повторяю, что сказалъ прежде; я говорю, что....

МАРКИЗЪ

ЛЮСНЕ

(съ ироніею). Что это ваша жена?

МОРИСЪ. Да, что это моя жена! И когда я свидѣтельствую, мнѣ должно вѣрить....

МАРКИЗЪ. Хорошо же.... какъ вы настаиваете въ подобномъ обманѣ....

МОРИСЪ. Въ обманѣ?

МАРКИЗЪ. Я отъ этого не отойду!

ЛЮСНЕ. И я тоже!

МАРКИЗЪ. Я не беру назадъ своего слова, и эта дама непременно сниметъ свою маску, или.... мы возобновляемъ разговоръ, прерванный приходомъ виконта.

ЛЮСНЕ. За тѣмъ только исключеніемъ, что этотъ разговоръ я беру себѣ.... на мой счетъ.

МАРКИЗЪ. Нѣтъ, нѣтъ.... Я тоже не отступлюсь отъ своихъ правъ.... и г-нъ Дюрозель долженъ выбрать себѣ противника... одного изъ двухъ.... выбирайте же сударь!... Котораго?

МОРИСЪ (потерявъ терпѣніе). Обонхъ!... если вамъ угодно.

ЛЮСНЕ (отводя маркиза къ окошку). Хорошо же... Теперь скоро разсвѣтетъ, и по выходѣ отсюда....

(Продолжаютъ тихо разговаривать).

МОРИСЪ (въ сторону). Боже мой! Двѣ дуели... и за интригу женщины, женщины, которую я почти не знаю, жены товарища.... Завтра это узнаютъ на биржѣ, весь Парижъ.... и Амалия.... Воображаю ея горе.... Узнаетъ королевскій прокуроръ....

МАРКИЗЪ. Ужъ не струсилъ ли г-нъ ходатай по дѣламъ?

МОРИСЪ. Я? струсилъ? Гмъ! (Въ сторону). Будетъ что будетъ! (Громко) Господа! я совершенно къ вашимъ услугамъ. (Переходитъ на-право и говоритъ въ-сторону, съ бѣшенствомъ) Во что я запутался, а!.... О еслибъ я цѣною всей моея крови могъ выйти безъ шума изъ этого омота.... я бы могъ поручиться, что уже впередъ въ него бы не попался!

(Въ это время Амалия проходитъ между Люсне и Маркизомъ).

ЛЮСНЕ. (Амалии). Это еще такъ не кончится, сударыня!.... (Амалия, снимая на минуту маску, смотритъ на него). Что я вижу?

МАРКИЗЪ (Амалии). Нѣтъ, нѣтъ, вѣроломная, нѣтъ! (Амалия оборачивается къ нему). Боже!

ЛЮСНЕ (смягчивъ тонъ). Но, сударыня....

АМАЛИЯ (надѣвъ свою маску). Такъ молчите же, и прошу васъ покорнѣйше уѣхать.

(Она уходитъ на-лѣво, Маркизъ и Люсне ей кланяются и оборачиваются къ Морису, который подходитъ къ нимъ).

МОРИСЪ. Господа! я готовъ; когда же вамъ будетъ угодно?

МАРКИЗЪ. Государь мой, я, право....

ЛЮСНЕ. Мы еще не такъ виноваты....

МАРКИЗЪ. Когда ошиблись....

ЛЮСНЕ. И признаться....

МАРКИЗЪ. Обязанность учтиваго человѣка ...

ЛЮСНЕ. Я вашъ прошу, сударь, принять мои извиненія....

МАРКИЗЪ. И мои тоже....

МОРИСЪ (удивленный). Возможно ли?

ЛЮСНЕ. Мы надѣемся, что это дѣло останется между нами....

МАРКИЗЪ. Мы просимъ васъ предать все забвенію....

МОРИСЪ. Но господа.... благоволите же мнѣ сказать, кто обратилъ васъ къ разуму.... и главное къ истинѣ?...

МАРКИЗЪ

ЛЮСНЕ

} (показывая на Амалию). Вотъ кто!

МОРИСЪ (въ-сторону). Что все это значить? Я ровно ничего не понимаю.

(Люсне и Маркизъ хотятъ уйти, раскланиваясь съ Амалиею. Входитъ Состень изъ 8-го нумера, съ салфеткою въ рукахъ. Маркизъ его замѣчаетъ и возвращается).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ СОСТЕНЬ.

СОСТЕНЬ (тихо Морису). Я все устроилъ.... Я ужъ тамъ....

МОРИСЪ. Тамъ?

СОСТЕНЬ. Она восхитительна! Я ее провожу до дому, послѣ ужина.

МАРКИЗЪ (*подходя къ Состену*). Вы ужинаете?

СОСТЕНЬ. Вы проиграли почтеннѣйшій!

(*Состень входитъ въ 8-й номеръ. Пока онъ отворяетъ и затворяетъ дверь. Маркизъ успѣваетъ туда заглянуть и дѣлаетъ знаки сильнаго удивленія*).

МАРКИЗЪ. (*Въ-сторону*). Флорентина!... А! мы еще увидимся....
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

МОРИСЬ И АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ. Они ушли.... Итакъ, сударь, какъ вы видите я только одна избавила васъ отъ вашего, кажется, слишкомъ непріятнаго положенія.... Теперь вы спокойны.... неправда ли? Такъ ѣдемъ же, ѣдемъ поскорѣй....

МОРИСЬ. Какъ? Уѣхать? намъ вмѣстѣ?... Нѣтъ, нѣтъ, сударыня.... И теперь, въ эту минуту, когда само небо какимъ то чудомъ спасаетъ меня отъ опасностей.... я даю слово, что больше имъ не подвергнусь. Я объявляю теперь однажды навсегда вамъ, кто бъ вы ни были.... что я....

АМАЛІЯ (*съ радостнымъ жестомъ*). Какъ? Вы бы могли....

МОРИСЬ. Да, сударыня. Не обращая вниманія на мнѣніе, которое бы вы могли имѣть теперь обо мнѣ.... объ моей невѣжливости.... я ѣду какъ можно скорѣе домой....

АМАЛІЯ. Нѣтъ, сударь, нѣтъ, я васъ не оставлю....

МОРИСЬ. Но я вамъ повторяю, сударыня, что я хочу вернуться домой....

АМАЛІЯ. Что жъ изъ этого?... Мы вернемся вмѣстѣ....

МОРИСЬ. Но подумайте, сударыня, что вѣдь я челоуѣкъ жена-тый.... я, конечно, не похожъ на мужа.... я съ этимъ согласенъ.. но тѣмъ не менѣе, это истина.... у меня есть жена, жена очаровательная....

АМАЛІЯ (*съ ироніей*). Быть не можетъ? Что вы?

МОРИСЬ. Жена, которую я люблю.... обожаю....

АМАЛІЯ. Вы?

МОРИСЬ. Конечно, я былъ виноватъ передъ ней.... но мое дѣло все замянуть.... О! еслибъ она узнала всю правду....

АМАЛІЯ. Она её узнаетъ, потому что я ей это скажу....

МОРИСЬ. Но вѣдь вы не злой гений, сударыня.... Именемъ неба умоляю васъ.... чтобъ она ничего не знала.

АМАЛІЯ. Она будетъ все знать.

МОРИСЬ. Но я васъ заклинаю.... ради Бога.... заклинаю на колыньяхъ.... (Стаивается на колѣни).

АМАЛІЯ. Она будетъ все знать, говорю я вамъ, и.... она все уже знаетъ. (Снимая маску).

МОРИСЬ (въ смущеніи). Амалія!... ты.... моя жена....

(Хочетъ встать).

АМАЛІЯ (удерживая его). Оставайтесь, сударь, оставайтесь!... здѣсь ваше мѣсто!... Да! вы виноваты.... очень виноваты.

МОРИСЬ (нѣжно). Да, мой другъ.... да, мой другъ.... виноватъ много, мой другъ....

АМАЛІЯ. (Смотря на него съ улыбкою). Я, конечно, знаю, что бываютъ обстоятельства.... но все на свѣтѣ къ лучшему.... вы теперь сами мнѣ сказали и доказали на дѣлѣ, что.... меня любите.... это васъ извиняетъ....

МОРИСЬ (живо). Во всемъ?

АМАЛІЯ. Много кое въ чемъ....

МОРИСЬ (вставая). Да, мой другъ.... моя милая жена....

АМАЛІЯ. Да, да.... твоя жена, которая спасла твое доброе имя... спасла тебя самаго отъ стыда, позора, можетъ-быть, даже отъ смерти.... Я даже теперь невольно дрожу отъ всѣхъ непріятныхъ послѣдствій, которыя могли бы случиться.

МОРИСЬ. И я теперь умоляю тебя о прощеніи; не наказываютъ же тѣхъ, которыхъ только что спасли. Съ своей же стороны, я клянусь тебѣ, что съ этой минуты ни одна мысль объ измѣнѣ не нарушитъ твоего спокойствія. О! я чувствую, что эта мучительная ночь ручается намъ за блаженство слѣдующихъ дней!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

МОРИСЬ, АМАЛІЯ И БАРТОЛИНИ.

БАРТОЛИНИ (выходя изъ лѣвой комнаты и не видя Агнесы). Морись! ты пропалъ!

МОРИСЬ. Я!... Какъ это?

БАРТОЛИНИ. Я нашелъ фіакръ уже у Св. Магдалины и только что туда посадилъ твою жену....

МОРИСЬ (удивленный). Мою жену?...

БАРТОЛИНИ. Которая была въ этой комнатѣ.... Я нарочно заѣхалъ... предупредить тебя.... она все знаетъ.

АМАЛІЯ (подходитъ). И она все прощаетъ.

БАРТОЛИНИ (пораженный). Вы здѣсь?... значитъ, какъ я входилъ съ одной стороны фіакръ, вы выходили изъ него съ другой....

АМАЛІЯ (въ сторону). Опъ не узналъ своей жены!

БАРТОЛИНИ. И это голубое домино.... Ваше было черное.... Такъ кого же я отвезу въ фіакръ?

АМАЛІЯ (живо). Одну мою подругу.... которую я не могу теперь назвать.... съ которой я помѣнялась костюмами....

МОРИСЬ. Одну подругу?

БАРТОЛИНИ. Вѣрно замужнюю жепщину, которая хотѣла тайкомъ позабавиться....

АМАЛІЯ. И которая за то очень наказана.

БАРТОЛИНИ. Несчастливая! Ну ужъ еслибъ я былъ ее мужемъ.... я умеръ бы съ горя.. (Отходитъ).

МОРИСЬ. (Амалии). Эта женщина..... Ктобъ она могла быть?....

АМАЛІЯ (тихо ему). Это Агнеса! Она спасена!

БАРТОЛИНИ. Итакъ, друзья мои! мы все довольны.... Отправимся же по своимъ мѣстамъ. Я васъ провожу до кареты и поспѣшу въ свою больницу.

МОРИСЬ (беря нѣжно Амалию за руку). А я никогда не разстанусь съ моей женой.

БАРТОЛИНИ. Идутъ.... подними поскорѣй воротникъ и побѣдемъ...

МОРИСЬ. Теперь не зачѣмъ!...

АМАЛІЯ (Морису). Я тебѣ говорила, что ты меня проводишь!...

(Она надѣваетъ маску, и съ Морисомъ и Бартолини уходитъ. Маркизъ и Монжсеронъ, входя иль кланяются.

Маркизъ стучитъ въ дверь. Но 8-й, оттуда показывается Состень съ бокаломъ шампанскаго).

МАРКИЗЪ. Милостивый государь! карета моя къ вашимъ услугамъ!

СОСТЕНЬ (отскакивая въ испугъ). Ахъ!!!..

(Занавѣсъ опускается).

Была пора, друзья коварные,
Я вамъ обѣтъя раскрывалъ;
И васъ, друзья неблагодарные —
Къ груди съ слезами прижималъ.
Но васъ узналъ теперь я, бѣдныя,
Открылъ всѣ ваши тайники,
И ваши души, души блѣдныя,
И чувствъ безцвѣтныхъ родники.
Прочтя причины, побужденія,
Всѣхъ вашихъ глосельныхъ страстей,
Умѣю дать вамъ наслажденія
И возбудить въ васъ злобу змѣй.
Умѣю вамъ, пигмея, нравиться,
Приобрѣсти отъ васъ любовь,
Предъ вами знаю чѣмъ прославиться,
Или купить всю вашу кровь.
Но этой тайны не повѣдаю
Я вамъ, притворные друзья,
Она умретъ. Я только вѣдаю,
Какъ долженъ жить межъ вами я.
Теперь я душу уже твердую,
Стѣной гранитной огражу,
Участье, дружбу непритворную
Насмѣшкой злобной отражу.
Лицо мое отъ выраженія
Душевныхъ чувствъ я отлучу
Изображать лишь къ вамъ презрѣнне,
Друзья былые, научу.
А вамъ на зло, я въ души блѣдныя
Всегда, всегда буду взирать,
Чтобъ подстеречь въ васъ чувства бѣдныя,
И ихъ предъ вами жъ осмѣять.

П. К.

ЧЕРКЕШЕНКА.

(Окончаніе).

I.

ТРАКТИРЬ.

Въ половинѣ сентября 1719 года, т. е., три года спустя послѣ описанныхъ нами въ первой части нашего разсказа происшествій, въ красивой деревнѣ *Сенъ-Жанъ дю-Дуа*, расположенной на морскомъ берегу, въ нѣсколькихъ льѣ отъ городка *Морле*, было замѣтно необыкновенное движеніе. Стеченіе народа, привлекаемое цѣлительностію водъ, было на этотъ разъ многочисленнѣе обыкновеннаго, по случаю одной изъ четырехъ годовыхъ ярмарокъ въ *Ланмеръ*, многолюдномъ мѣстечкѣ, сдѣлавшемся главнымъ мѣстомъ околотка.

Упомянутый нами цѣлительный источникъ почитается подъ покровительствомъ святаго, именемъ котораго называется деревня, и бретонскіе крестьяне, суевѣрные и корыстолюбивые, только тогда стекаются къ нему для излеченія болѣзней своихъ, когда, съ желаніемъ излечиться, можетъ соединиться надежда на барышъ. Впрочемъ, не одну только чернь привлекалъ въ *Сенъ-Жанъ дю-Дуа* минеральный источникъ, славный своими цѣлебными свойствами; тамъ, рядомъ съ курткой изъ грубаго сукна, принадлежащаго туземному крестьянину, блистала испещренный золотомъ кафтанъ дворянина; рядомъ съ бѣлою, короткою юбкою и распашнымъ корсетомъ крестьянки, виднѣлись темные плащи богатыхъ богомолокъ, скрывавшихъ подъ ними шелковыя платья и кружева свои.

Г. Плоэноанъ, владѣлецъ единственнаго въ цѣломъ околоткѣ трактира, не могъ нарадоваться многолюдству стеченія. Всѣ комнаты трактира были заняты, многіе изъ путешественниковъ принуждены были расположиться на чистомъ воздухѣ; впрочемъ положеніе послѣднихъ было выгоднѣйшее, ибо, кромѣ того, что они были избавлены отъ духоты низенькихъ и тѣсныхъ комнатъ, живописныя виды открывались глазамъ ихъ. Передъ ними разстилались виноградники, окруженные сплошными стѣнами цвѣтущихъ кустарниковъ; видѣлось море, волны котораго, стѣсненныя двумя горами, съ тихимъ ропотомъ плескались о берега; далѣе церковь, легкой и смѣлой архитектуры, воздымала къ небу крытую свинцемъ колокольню свою, и блистали на солнцѣ окны длиннаго красиваго зданія, построеннаго по повелѣнію королевы Анны, для богомольцевъ — путешественниковъ.

Тѣ изъ гостей г. Плоэноана, которые расположились на чистомъ воздухѣ, были Бретонцы; но принадлежали къ разнымъ типамъ общества. Ламерскій земледѣлецъ въ зеленомъ костюмѣ своемъ, обшитомъ красною тесьмою, сидѣлъ за однимъ столомъ съ торговцемъ холстами изъ Морле и часовщикомъ изъ Пемполя; немного далѣе сидѣло нѣсколько солдатъ въ красивыхъ мундирахъ, и за столомъ ихъ видно было пустое мѣсто, которое они, повидимому, предназначали почетному гостю.

— Опять война съ Испаніей! сказалъ торговецъ холстами. — Да, смерть воинственнаго и честолюбиваго короля нашего Людовика немного принесла намъ пользы; на мѣстѣ его сидитъ теперь сороколѣтній безумецъ, который во всемъ старается подражать ему. — Только государство-то бѣднѣе, нежели въ предыдущее царствованіе, и не въ состояніи уже поддерживать роскошь двора; да и наврядъ ли удастся Регенту сыскать другаго маршала Виллара, который могъ бы спасти Францію отъ грозящей ей гибели.

— Его высочество Регентъ правъ, прервалъ часовщикъ изъ Пемполя: Испанія измѣнила намъ. Я читалъ въ одной изъ прошлгоднихъ газетъ, привезенной на-дняхъ къ намъ въ Пемполь, что князь Селламарѣ, посланникъ испанскій, составилъ противу государства нашего заговоръ.

— Не противу государства, кумъ, а противъ Регента, а Регентъ-то нашъ вѣдь самъ, по собственному произволу, овладѣлъ правительственною властію; извѣстно всѣмъ, что въ завѣщаніи покойнаго Людовика XIV ничего объ этомъ не сказано.

— Чтѣ-жъ? по вашему надо было оставить власть побочнымъ

дѣтямъ или королю испанскому, который бьетъ теперь войска наши, желая доказать, что онъ былъ бы лучшимъ правителемъ, нежели нашъ Регентъ?

— Но король испанскій, дядя нашего короля, имѣетъ такія же права, какъ и Филиппъ Орлеанскій.

— Но вѣдь король испанскій сталъ намъ теперь чужимъ.... понимаете ли вы это, кумъ?... Если вы дѣлаете часы также искусно, какъ толкуете о политикѣ, то часы ваши ни къ чорту не годятся.

— Если полотно ваши выдѣлываются также, какъ и сужденія, то я жалѣю о вашихъ покупателяхъ, любезный Кервекъ.

— Та... та... та... прервалъ ланмерскій земледѣлецъ, который до сихъ поръ флегматически прихлебывалъ изъ своего стакана... ты, кумъ, не сердись на кума Кервека; съ тѣхъ поръ, какъ началась война съ Испаніей, его полотно не идутъ съ рукъ, и потому да проститъ ему Господь досаду на Регента.

— Такъ вотъ на какихъ основаніяхъ судятъ въ Морле о правительствѣ! сказалъ, смѣясь, часовщикъ: пѣтъ; у насъ въ Пемполь не такъ злопамятны.

— Конечно, перебилъ съ хитрымъ видомъ земледѣлецъ : отъ того то у васъ такъ здраво и судятъ обо всемъ. Вотъ вы, напримеръ, любезный Жанъ, я самъ видѣлъ, проѣзжая чрезъ Пемполь, какъ дѣлая толпа матросовъ покупала въ лавкѣ вашей часы, на деньги, вырученныя за часть добычи, отнятой у Испанцевъ. Я согласенъ, любезный Жанъ, что дѣло это должно представляться вамъ совершенно въ другомъ свѣтѣ.

На этотъ разъ торговецъ полотнами началъ, въ свою очередь, подсмѣиваться надъ кумомъ, и не желая уступить, заговорилъ было снова о Филиппѣ Орлеанскомъ, но при имени Регента вмѣшалось въ разговоръ новое лицо, прервавшее краснорѣчивую филиппику фабриканта.

Это новое лицо былъ молодой, статный унтеръ-офицеръ, гордо закручивавшій усы свои.

— Кто смѣетъ говорить здѣсь противъ Регента? сказалъ онъ. Регентъ спасъ Францію, онъ мудро управляетъ государствомъ, и тотъ, кто осмѣлится сказать противное, будетъ имѣть дѣло со мной, котораго сегодня еще произвели въ сержанты пограничной стражи.

И проговоривъ эти слова, онъ съ самодовольнымъ видомъ поглаживалъ свои новые серебряные галуны, одушевлявшіе его преданностію къ Регенту.

— А! это вы, Ивонъ, сказалъ ланмерскій земледѣлецъ.

— Я теперь сержантъ, замѣтилъ Ивонъ

— Я давно уже не встрѣчалъ васъ въ Ланмеръ, сержантъ, продолжалъ земледѣлецъ: а прежде я васъ частенько видывалъ, когда вы хаживали къ рыбаку Пьерру, поселившемуся у насъ съ дочкой своей Мартой, которую вы, кажется, не ненавидите.

При имени Марты, легкая краска пробѣжала по лицу молодаго сержанта, доказывая, что его затронули за чувствительную струну.

— Я не хожу болѣе къ Пьерру... что касается его дочери... то я согласенъ, что она прекрасна... но она такая скучная, все плачетъ!... Это мнѣ не нравится.

— Странно! продолжалъ неумолчный земледѣлецъ: а мнѣ говорили, что вы безъ памяти влюблены въ Марту, что вы даже хотѣли на ней жениться, но что отецъ ея отказалъ вамъ.

— Нѣтъ, онъ мнѣ не отказалъ, этого нельзя сказать, отвѣчалъ смущенный Ивонъ: впрочемъ, я побываю еще у Пьерра, но на этотъ разъ явлюсь къ нему уже не одинъ, а съ моими подчиненными, потому что я теперь сержантъ, и притомъ явлюсь во имя закона. Онъ говоритъ, что прибылъ изъ Марсели, гдѣ много рыбаковъ и потому этотъ промыселъ невыгоденъ, а у насъ поселился въ двухъ льѣ отъ морскаго берега. Мнѣ кажется, что онъ самъ покупаетъ рыбу, которую продаетъ жителямъ, и все это очень подозрительно, тѣмъ болѣе, что мнѣ показалось однажды, будто бы изъ рукава куртки его выбивались кружевные маншеты.

— Кружевные маншеты? Въ самомъ дѣлѣ это странно, и подобное украшеніе не идетъ къ рыбацкой курткѣ.

— Кромѣ того, я часто встрѣчалъ въ избѣ его дворянъ, и никто не разувѣритъ меня въ томъ, что онъ не занимается контрабандой, подобно г-ну Дюге де-Понкале, котораго я у него очень часто видывалъ.

— Тише, прервалъ крестьянинъ, дергая Ивона за шитый рукавъ: развѣ вы не видите, что тотъ, о которомъ вы говорите, сидитъ рядомъ съ нами?

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ разговаривающихъ, сѣлъ за столомъ человекъ довольно странной наружности. По гигантскому сложенію, по мохнатымъ и жилистымъ рукамъ, по глиняной трубкѣ, торчавшей въ зубахъ, по грубой безпечности, съ которою онъ развалился на лавкѣ, довольно трудно было бы повѣрить его дворянскому происхожденію, еслибы неизвѣстно

было вѣсѣмъ, что въ описываемое нами время, потомки Дюгесклена и Криссона отличались отъ смердовъ однимъ только правомъ кричать и буйствовать въ провинціальныхъ собраніяхъ. Праздные, почти нищіе, чуждые всякаго образованія, бретонскіе дворяне замѣнили феодальныя войны раздорами съ фискомъ. Чтобы еще болѣе походить на грубыхъ вассаловъ своихъ, Дюгеле-Понкале надѣлъ въ этотъ день простую куртку и соломенную шляпу, на которой навязана была черная лента.

— Неужели вы забыли, прибавилъ шопотомъ крестьянинъ, что недалеко отъ его замка нашли тѣло зарѣзаннаго солянаго пристава?

— Помню, отвѣчалъ Ивонъ; но къ несчастію, по недостатку уликъ, не удалось остановить этого господчика.... Впрочемъ, я надѣюсь, что мнѣ удастся еще проучить его.

Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ въ полголоса, потому что страшный видъ дворянина невольно пугалъ его, Ивонъ ударилъ кулакомъ по столу и кликнулъ трактирщика.

— Я хочу позабыть всѣ печали свои, сказалъ онъ со вздохомъ, обличавшимъ въ немъ остатки не совсѣмъ еще подавленнаго чувства: я хочу вспрыснуть сержантскіе галуны мои, и угощу всѣхъ васъ хорошимъ виномъ, если только въ этой деревушкѣ водится что-нибудь, кромѣ ея цѣлебной воды.

Это предположеніе, относившееся болѣе къ солдатамъ, вызвало громкія восклицанія радости. Скоро явился хозяинъ трактира, Плоэноанъ, и всѣ съ удивленіемъ замѣтили, что его одежда была совершенно одинакова съ одеждою Понкале.

— Что это значитъ Плоэноанъ? спросилъ Ивонъ, смѣясь и указывая на Понкале. Ужъ не записались ли вы въ дворяне, или не записался ли г-нъ Понкале въ сословіе трактирщиковъ.

— Это лѣтняя одежда, пробормоталъ Плоэноанъ.

— Лѣтняя одежда? Но мнѣ кажется, что теперь совсѣмъ не такъ жарко. Впрочемъ, мнѣ до этого нѣтъ дѣла; подайте-ка люда вина, офицерскаго вина, прибавилъ Ивонъ поглаживая свои галуны.

Плоэноанъ ушелъ, и черезъ нѣсколько времени возвратился, неся нѣсколько бутылокъ, которыя онъ поставилъ на столъ. Ивонъ налилъ стаканъ, попробовалъ вино, и потомъ выплеснулъ его съ отвращеніемъ.

— Что же это, чортъ возьми, за вино, любезный Плоэноанъ? Мнѣ кажется, что, по недостатку ключевой воды, вы развлекаете

вино морскою; вѣдь я не капраль, чтобы мнѣ подавать такой дрянн.

— У меня нѣтъ лучшаго, возразилъ Плезноанъ: сегодня набралось сюда столько порядочныхъ людей, что въ погребѣ моемъ не осталось ни одной бутылки.

— Такъ стало-быть, вы желаете, чтобы у насъ пересохли глотки?

— Плезноанъ обманываетъ насъ, вскричалъ одинъ изъ солдатъ: я ночевалъ въ трактирѣ, и сегодня утромъ видѣлъ въ окно, какъ большая лодка пристала къ берегу, и какъ изъ нея вынули огромную корзину вина, которое, вѣрно, не успѣли еще распить; и, такъ какъ Плезноанъ не упоминаетъ намъ объ этомъ винѣ, то это подтверждаетъ меня въ мнѣнii, что вино это котробанда.

— Котробанда, котробанда! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Плезноанъ, сказалъ Ивапъ: я бы долженъ былъ остановить васъ, но на этотъ разъ я оставляю вамъ свободу и конфискую вино. Принесите же его сюда, чортъ возьми, да чуръ не мѣшкать!...

— Да вѣдь вино это не принадлежитъ мнѣ, отвѣчалъ, дрожа отъ страха, Плезноанъ.... оно принадлежитъ тому итальянскому дворянину, который двѣ недѣли тому назадъ поселился въ моей гостинницѣ и уѣхалъ вчера въ замокъ Роганъ-Полдюкъ.

— Итальянецъ! да вѣдь Италия не далеко отъ Испанii, и это очень подозрительно, вскричалъ Ивонъ.... Впрочемъ такъ, какъ этого итальянскаго дворянина теперь нѣтъ здѣсь....

— Но, такъ какъ человекъ, привесшii это вино, былъ очень недоволенъ, что не засталъ здѣсь Итальянца, то велѣлъ отнести корзинку къ рыбаку Пьерру въ Лаймеръ. Онъ самъ было хотѣлъ отнести вино, но проливной дождь, шедшii утромъ, помѣшалъ ему.

— Къ рыбаку Пьерру, это еще лучше, вскричалъ съ торжествующимъ видомъ Ивонъ.... Теперь у меня есть средство уличить этого стараго плута. Такъ, какъ Пьерръ замѣшанъ въ это дѣло, то нѣтъ сомнѣнii, что это котробанда; остается только только узнать изъ какой она страны. Мы обязаны разсмотрѣть уличающii предметъ, присовокупилъ Ивонъ еудейскимъ тономъ, которому онъ успѣлъ научиться въ мѣстномъ судѣ, сопровождая туда подсудимыхъ.

— Но вѣдь.... изволите ли видѣть.... возразилъ трактирщикъ, болѣе и болѣе приходя въ затрудненiе.... Я уже отправилъ вино

къ Пьерру.... да, только что пересталъ дождь, слуга мой Матвѣй понесъ его въ Ланмеръ.

— Да поможетъ ему Св. Мелентій, сказалъ крестьянинъ: потому что дороги должны быть теперь непроходимы.

— Матвѣй, вѣрно, знаетъ, замѣтилъ солдатъ, обличившій хитрость Плезноана: да, онъ зналъ это, и потому не пошелъ въ Ланмеръ: посмотрите, вонъ онъ, прислуживаетъ за тѣмъ столомъ...

Крики негодованія со всѣхъ сторонъ посыпались на трактирщика.

Нѣтъ, Плезноану нельзя вѣрить на слово, вскричалъ Ивонъ: онъ лжетъ столько же, сколько крадетъ. Кернокъ, сказалъ онъ, обращаясь къ солдату обвинителю: ты видѣлъ корзину съ виномъ, ступай отыщи ее во что бы то ни стало.

Ивонъ быстро и ловко оторвалъ связку ключей, висѣвшую на поясѣ трактирщика, и передалъ ее Керноку, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, отправился въ трактиръ. Трактирщикъ, полумертвый отъ страха, не могъ двинуться съ мѣста и тѣтно посматривалъ на Дюге де-Понкале, ожидая отъ него помощи.

Скоро Кернокъ возвратился, неся торжественно роковую корзину. Замысловатая форма бутылокъ обѣщала невѣдомыя наслажденія, глоткамъ бретовской милиціи, и потому всѣ руки, какъ бы по командѣ, протянулись съ стаканами къ сержанту.

— Не торопитесь, это дѣло важное, сказалъ Ивонъ: мы будемъ пить за здравіе короля и за законъ. Я сержантъ, и потому пью первый. Это вино знакомо мнѣ, сказалъ онъ, прихлебнувъ нѣсколько разъ съ видомъ знатока изъ своего стакана: я пилъ это вино, два года тому назадъ, у Маршала де-Монтескью, когда отвозилъ ему депеші отъ генерала: это испанское вино.

При этихъ словахъ, Понкале, замѣтившій наконецъ знаки, подаваемые ему Плезноаномъ и приблизившійся къ мѣсту дѣйствія, вздрогнулъ.

Испанское вино! сказалъ онъ: такъ я его беру себѣ, потому что смѣшно, чтобы Дюге де-Понкале пилъ простой сидръ, тогда, какъ солдаты увлажняютъ глотки своимъ испанскимъ виномъ.

И, схвативши корзину, онъ готовился унести ее: но Ивонъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, вступилъ за нее.

— Гнѣ де-Понкале! пробормоталъ онъ, съ видимымъ волненіемъ: я оставляю вамъ де-сикъ-поръ въ покоѣ, хотя имѣю полное право

посѣтить васъ во имя закона, такъ оставьте же намъ это вино, происхожденіе котораго мы должны изслѣдовать, а не то я принужденъ буду арестовать васъ.

— Арестовать Понкале! вскричалъ колоссъ, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства.... нѣтъ, я скорѣе розобью всѣ эти бутылки о головы вашихъ солдатъ, нежели позволю арестовать себя.

И вслѣдъ за этимъ, Понкале принялся исполнять свою угрозу, махая большою корзиною, какъ легкой щепкою. Солдаты отвѣчали на угрозу криками ярости, и готовились уже броситься на дерзкаго противника, когда на сцену дѣйствія появилось новое лицо. Новопришедшій былъ мужчина высокаго роста, худобы гиперболической, одѣтый въ черное, довольно-изношенное платье и, чтобы выразиться употреблявшимся тогда выраженіемъ, похожій на *сорвавшагося съ вистълицы*. Это новое лицо пробилось сквозь толпу, сбѣжавшую посмотрѣть на ссору, и обратилось къ Понкале на довольно ломаномъ французскомъ языкѣ, съ полуитальянскимъ, полуиспанскимъ произношеніемъ.

— Остановитесь! сіятельнѣйшій господинъ: вино это принадлежитъ мнѣ.

— Но, однакожь....

— *Per dió!* не мѣшайте мнѣ, прибавилъ онъ въ полголоса: *я тоже захожу въ лѣсъ.*

— Вы!... Отъ чѣго же на васъ нѣтъ ни полотняной куртки, ни черной ленты?

— Это хорошо другимъ, а я не желаю такъ скоро попасть въ Бастилю. Что касается до васъ, храбрецы мои, сказалъ онъ, обращаясь къ таможеннымъ солдатамъ: то объявляю вамъ, что я Марино-Марини, графъ Святой Римской Имперіи, и вы не можете оспаривать правъ моихъ.

— Но какимъ же образомъ могли вы получить вино изъ Испаніи? сказалъ Ивонъ: мы въ войнѣ съ этимъ государствомъ, и слѣдовательно, вино это контрабанда.

— Э! нѣтъ; вино это давно уже стояло въ погребахъ одного изъ друзей моихъ, богатаго Сенъ-Брїекскаго негодянта, который вздумалъ теперь переслать мнѣ его, не оскорбляя ни въ чемъ таможенныхъ законовъ, уважаемыхъ мною тоже наравнѣ съ таможенною стражею.

И при этомъ римскій графъ учтиво поклонился.

— Но все это не ясно, тѣмъ болѣе, что вы приказали отнести корзину къ рыбаку Пьерру, если васъ не застанутъ здѣсь.

— А! это произошло отъ того, что тотъ, которому поручено

было это вино, зналъ о памѣреніи моемъ отдать его на сохраненіе Пьеру до времени обѣда, который я желалъ дать ланмерскимъ властямъ и офицерамъ таможенной стражи, прибавилъ онъ, поклонившись съ улыбкою Ивону, который все еще недоуверчиво и мрачно на него посматривалъ. Но рег Вассо, такъ какъ храбрые защитники Франціи хотять сдѣлать честь моему вину, то позвольте мнѣ самому наполнить ваши стаканы.

При такомъ миломъ предложеніи, подозрѣнія Ивона исчезли и онъ мысленно заключилъ перемиріе съ Испаніей и Италіей.

Стаканы опорожнивались съ быстротою, по Итальянецъ не уставалъ подливать; однако же, не смотря на это осталась одна бутылка, которою завладѣлъ Ивонъ.

— Но чѣмъ же отличается эта бутылка отъ прочихъ? сказалъ онъ, посматривая на крестъ, которымъ она была отмѣчена? Надо ее откупорить, и мы узнаемъ....

— Остановитесь! вскричалъ, блѣднѣя Итальянецъ, по опомнившись, онъ принялъ опять свой безпечный видъ, говоря, что это очень старая малага, которую надо оставить *на закуску*. Неприлично, прибавилъ онъ, такъ церемонно обходиться съ этою почтенною флягою, это было бы почти тоже, что дать преимущество солдату передъ сержантомъ.

Этотъ аргументъ ad hominem совершенно убѣдилъ Ивона, и рѣшено было немедленно допить остальное вино, чтобы поскорѣе добраться до маститой фляги.

Но Итальянецъ не напрасно надѣялся на дѣйствіе *промежуточныхъ* бутылокъ; непривыкшіе къ Испанскому вину солдаты скоро опьянѣли; многіе изъ нихъ свалились подъ столъ, и даже Ивонъ, перепившій всѣхъ прочихъ, не могъ замѣтить, что вмѣсто старой малаги, римскій графъ подливалъ въ стаканъ его самое кислое изъ винъ Пюэвоана.

— Ай да винце! бормоталъ онъ: это царь вино.... это.... это....

И покуда Ивонъ старался докончить свою фразу, Итальянецъ обратился къ Понкале, съ любопытствомъ слѣдившему за всею этою сценою.

— Diavolo! сказалъ онъ тихо бретонскому дворянину: мы бы погубил, еслибы онъ успѣлъ откупорить эту бутылку, потому что, если не ошибаюсь, она заключаетъ письмо Карла V къ.... рыбаку Пьерру.

— Я собираюсь идти къ нему, отвѣчалъ Понкале, съ выразительнымъ взглядомъ.

— И я также, потому что у него назначена общая сходка. Те-

перь ужъ темно и дороги слишкомъ дурны; мы отправимся завтра, съ разсвѣтомъ, прежде нежели эти пьяницы успѣютъ проснуться.

Графъ и бретонскій дворянинъ скрылись. На дворѣ стало темно, и путешественникъ, проваживше на чистомъ воздухѣ, вошли въ трактиръ. Скоро все успокоилось и тишина почти прерывалась однимъ отдаленнымъ ропотомъ волянь, да тяжелымъ храпѣниемъ пьяныхъ.

II.

РОМАНЪ ПЬЕРРО,

Перенесемъ теперь въ Ланмеръ, большое мѣстечко, которое жители съ гордостію вѣщаютъ городомъ. Тамъ-то, подобно Лесажеву бѣсу, мы снимемъ крышу съ одного дома, лежавшаго на концѣ мѣстечка, если можно назвать домомъ, полуразвалившуюся хищину, въ которую мы хотимъ ввести нашихъ читателей. Избушка эта, служившая некогда стойломъ для домашнихъ животныхъ жильцовъ, была въ плачевномъ состояніи; полъ ея былъ неровенъ и грязенъ; окно замѣнялось какой-то неуклюжей дырой въ стѣнѣ; а мебель состояла изъ скамьи и двухъ старыхъ, дубовыхъ стульевъ. Въ этой то избушкѣ сидѣли два человека: мужчина лѣтъ пятьдесятъ и молодая дѣвушка; первый курилъ трубку, вторая чинила рыбачью сѣть. Оба они были одѣты въ платьѣ Бретонскихъ поселянъ, но не трудно было бы замѣтить, что одежда эта была припята, однимъ для исполненія какого нибудь преднамѣреннаго плана, другою съ страдательною покорностію и только нелюбопытельные и ненаблюдательные Бретонцы, не замѣчали этого.

— Анша, сказалъ графъ Ферриоль (потому что бесполезно сохранять долѣе некогда двухъ главныхъ лицъ нашей повѣсти) Анша, не хочешь-ли немного покушать этого супа?

— Благодарю, отвѣчала дѣвушка: мнѣ ничего не хочется.

— Я понимаю, что тебѣ не хочется этого супа, но сегодня воскресенье, и у насъ осталось отъ субботы нѣсколько блиновъ; это единственная роскошь, которую мы можемъ позволять себѣ, не возбуждая подозрѣнія.

— Нѣтъ, я ничего не хочу; увѣряю васъ, что я совсѣмъ голодна.

— Да, надо сознаться, что въ Испаніи намъ было лучше, бла-

годаря милостямъ Филиппа V-го и заступничеству хитреца Марино Марини. Во Франціи, другое дѣло; я былъ изгнанъ изъ нея, и долженъ быть осторожнымъ, чтобы не попасться въ лапы Регентовыхъ сыщиковъ. Кто бы могъ узнать въ рыбака Пьерръ бывшего посланника Его Величества при Константинопольскомъ дворѣ, а въ тебѣ прекрасную Черкешенку Апшу, бывшую нѣкогда любимцею Регента?

— Я не жалуясь на судьбу свою, сказала дѣвушка, и отерла украдкою слезу, невольно навернувшуюся на глазахъ.

Графъ Ферриоль внимательно посмотрѣлъ на нее и потомъ снова принялся курить свою трубку.

Въ это время кто-то дважды ударилъ въ стѣпу, противоположную дверямъ. Ферриоль, молча показалъ дѣвущкѣ на другую дверь, она вышла и по ветхой лѣстницѣ взобралась на чердакъ, назначенный ей на жильѣ мнимымъ отцомъ ея. На этомъ чердакѣ не слыхать было того, что говорилось внизу.

Ферриоль отвѣчалъ на поданный знакъ такимъ же знакомъ, и вслѣдъ за этимъ, вошли въ комнату двое бретонскихъ дворянъ.

— Привѣтствую рыцаря здраваго смысла и его товарища! сказалъ Ферриоль, протягивая руку новопришедшимъ, которыхъ настоящія имена были: Дюгрозкаръ и Коэтви.

Вслѣдъ за двумя этими, явилось еще нѣсколько новыхъ посетителей, Ламбилли, совѣтникъ Реннского парламента; Дю Ко Эдикъ, драгунскій капитанъ и Тальгуэтъ-Лемуанъ, принадлежавшій къ фамиліи, неразъ уже мѣшавшейся въ междоусобныя войны.

Нѣсколько минутъ спустя вошли еще двое. Это были: Понкале и Марино Марини.

— *Sangue di Cristo!* какія скверныя дороги, сказалъ Итальянецъ: онѣ такъ отдѣлали насъ, что намъ невозможно было бы быть допущенными ко двору е. в. Филиппа V-го, отъ котораго я принесъ вамъ письмо.

Осушивъ бутылку, спасенную имъ отъ таможенныхъ солдатъ, онъ вытряхнулъ изъ нея небольшой клеенчатый свертокъ, и, почтительно, поцѣловавши его, подалъ графу Ферриолю.

Ферриоль распечаталъ его и проесть слѣдующее:

М. Г.

«Сіеръ, де Мелакъ Гервиѣ отвѣтитъ за меня благородному бретонскому дворянству на тѣ предложенія, которыя оно мнѣ сдѣлало. Я благодарю бретонскихъ дворянъ за приверженность къ королю, моему племяннику, и обещаюсь не оставить ихъ своей помощію въ дѣлѣ, предпринятомъ имъ.

«Въ лагерѣ подь Сенъ-Эстебаномъ, 22-ю Іюня 1719 г.

«Къ этому письму была приложена записка поручика Мелако де-Тервиѣ, въ которой онъ возвѣщалъ о своемъ прибытіи; о томъ, что онъ везетъ съ собой 30,000 ливровъ и что испанскій флотъ, на которомъ онъ находится, готовъ приблизиться къ берегу и ждетъ сигнала для высадки.

— Вы видите, господа, сказалъ Ферриоль: что я васъ не обманывалъ, и что намъ всѣмъ удастся отплатить Регенту, въ особенности же мнѣ за мое двукратное изгнаніе, за оскорбленіе чести моей и правъ моихъ.

— Вы забываете права, важнѣйшія вашихъ правъ, права всего бретонскаго дворянства, поправныя клеветомъ Регента, маршаломъ Монтескью.

— Вы забываете также, прибавилъ Тальгуэтъ: тотъ деспотизмъ, который тяготѣетъ на насъ.

— Э! signori, cari signori, вы должны были ожидать этого, перебилъ Марини.

— Теперь къ дѣлу, вскричалъ Ферриоль: намъ остается извѣстить Мелако и начальника испанскаго флота; маяки, зажженные на высотахъ Гюймазекской и Люкарскской будутъ служить имъ путеводаителямъ; а наше дѣло состоитъ въ томъ, чтобы удалить отсюда таможенныхъ солдатъ. Наконецъ, продолжалъ Ферриоль: какъ скоро Испанцы высадятся на берегъ, мы соединимся съ ними и идемъ въ Морле, который открываетъ портъ свой испанскому флоту, и тогда Ренно и вся Бретань въ нашихъ рукахъ.

— Рогань-Польдюкъ возмущаетъ свой кантонъ; сказалъ Ламбилль.

— Я отвѣчаю вамъ за свой, прибавилъ Понкале.

— А! вотъ Ларошъ, перебилъ Ферриоль: я узнаю поступъ его лошади.

— Плохія новости; сказалъ входя Ларошъ: генераль-капитана отозвали или, лучше сказать, увезли насильно, а вмѣсто его Регентъ назначилъ другаго, уполномочивъ его чрезвычайною властію. Еще никто не успѣлъ опомниться отъ этого извѣстія, когда послышалось бречаніе оружія, и послѣ сильнаго удара въ дверь, раздался громкій гонось:

— Именемъ короля, отогните!

При этихъ словахъ всѣ какъ бы окаменѣли; одинъ только Понкале схватился за свои пистолеты, но Ферриоль, молча показавъ своимъ собесѣдникамъ на другую комнату, въ которую они тихо удалились, поставилъ стулья по мѣстамъ, спрятавъ полученное

нимъ письмо и наконецъ отворилъ дверь.... Сержантъ Ивонъ, съ нѣсколькими солдатами, величественно вступилъ въ комнату.

— А! наконецъ то вы пришли, Ивонъ, сказалъ Ферриоль, со всевозможнымъ хладнокровіемъ: какой вѣтеръ занесъ васъ сюда?

— Уже давно поведение ваше кажется мнѣ подозрительнымъ; тѣмъ болѣе, что я встрѣчалъ у васъ г. Понкале, который, какъ извѣстно, занимается контрабандною торговлею табакомъ.... Ваши таинственныя свиданія съ нимъ пѣютъ, можетъ, еще другую причину, по все это было бы не важно еслибы не ходилъ къ вамъ одинъ итальянскій графъ.... Э! чортъ возьми, да вотъ онъ самъ здѣсь.....

Ивонъ въ-самомъ-дѣлѣ увидѣлъ Итальянца, который остался въ комнатѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, подать помощь Ферриолю, и котораго сержантъ не могъ разглядѣть, по причинѣ темноты.

— Да, это я, *каспадинъ* сержантъ, сказалъ Марини самымъ сладкимъ голосомъ, что такое случилось?...

— Вы воспользовались вчера нашимъ опьяненіемъ и укрыли замѣченную мною бутылку, и такъ какъ мнѣ сказали, что вы вмѣстѣ съ г. Понкале отправились сюда, то я пошелъ со всѣмъ своимъ отрядомъ вслѣдъ за вами, чтобы осмотрѣть этотъ домъ и схватить всѣхъ тѣхъ, которыхъ я здѣсь найду.

И, не слушая какой-то сладкой апологіи, начатой Итальянцемъ, сержантъ намѣревался уже проникнуть въ слѣдующую комнату.

— Остановитесь! сказалъ Ферриоль: вы забываете, что это комната Марты.

Сержантъ невольно остановился при этомъ имени, но, вспомнивъ свою неудачу, онъ хотѣлъ уже продолжать свои поиски, когда дверь отворилась и Анша сама появилась на порогѣ.

При видѣ Анши сержантъ смутился.

— Не противорѣчьте мнѣ, и мы спасены, сказалъ Марини, замѣтившій смущеніе сержанта, Ферриолю.

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ Ферриоль.

— Вы видите, продолжалъ Марини: что вамъ, *каспадинъ* сержантъ, нельзя проникнуть въ комнату дѣвушки противъ ея воли; арестовать же насъ вамъ не за что; я пришелъ къ Цьерру, чтобы купить рыбы для обѣда, который я намѣреваюсь дать; но онъ объявилъ мнѣ, что рыба нужна ему самому для обѣда, потому что свадьба не бываетъ безъ обѣда..

— Какая свадьба? Что это значить?...

— Ваша, *каспадинъ* сержантъ.

— Вы смѣтаете надо мною....

— О! нѣтъ. Вотъ видите ли: Пьерръ не хотѣлъ выдавать своей дочери за простаго капрала, вѣдь онъ также самолюбивъ, хотя и рыбакъ; теперь же вы сержантъ, вамъ открытъ широкій путь къ славѣ, не сегодня, такъ завтра, вы будете генераломъ, и онъ не смѣетъ болѣе причинить вамъ отказывать.

— Неужели это правда? спросилъ ошеломленный Ивонъ.

— Совершенно правда, отвѣчалъ Ферриоль.

— Но Марта?

— Марта не будетъ прекословить мнѣ, сказалъ Ферриоль, бросая на нее многозначительный взглядъ.

— Когда же свадьба? спросилъ Марвини.

— Я долженъ достать мои документы, а такъ какъ я не могу этого сдѣлать ранѣе недѣли, то придется подождать недѣлю, сказалъ Ивонъ.

— Подождемъ недѣлю, отвѣчалъ Ферриоль.

Послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ поздравленій и изъявленій дружбы, сержантъ удалился съ своею командой.

— Что хотите вы со мною дѣлать? спросила Анша, когда сержантъ и гости Ферриоля ушли.

— Я сдержу свое слово.

— Но развѣ вы забываете, что я выросла въ благородномъ семействѣ Ферриолей, что ни воспитаніе мое, ни привычки не допускаютъ меня согласиться на этотъ бракъ. Но еслибы я и могла забыть все это, то и тогда не вышла бы за этого солдата, потому, что онъ ищетъ во мнѣ бѣдной, но невинной дочери рыбака Пьерра, а не слуги и рабыни графа Ферриоля!... Я пожертвовала для васъ всѣмъ, но никогда и ни для кого не рѣшусь быть подлой.

— Глупенькая, сказалъ графъ: но вѣдь этотъ бракъ будетъ недѣйствителенъ.

— Развѣ этотъ бѣднякъ будетъ счастливѣе отъ того?

— Тебѣ что до этого за дѣло? Ты должна быть его женою, я этого хочу, прибавилъ графъ и вышелъ изъ комнаты.

Долго Анша плакала, наконецъ, выбѣжала также изъ комнаты, осталась на дорогѣ, ведущей къ морю, у подножія креста, и, простершись во прахъ, долго молилась; потомъ тихими шагами вошла на утесъ, нависшій надъ моремъ и бросилась въ волны.

III.

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Сильный вѣтеръ вздымасть песокъ на берегу морскомъ и нагоняетъ сѣрыя тучи на солнце. Наступила осень, а осень въ Бретани хуже зимы въ южной Франціи: море волнуется и съ ропотомъ разбивается о пустынный берегъ; время не удобно для рыбной ловли, и потому на берегахъ Арморики не видно ни одного животнаго существа; гулять въ такое время на морскомъ берегу не совсѣмъ пріятно. Тоже, вѣроятно, думаютъ двое честныхъ поселянъ бретонскихъ, сидящихъ другъ противъ друга въ рыбацѣй хижинѣ на Люкирокскомъ мысѣ, защищенномъ отъ западнаго вѣтра. Оба они, облокотившись на столъ, на которомъ стоятъ кружки съ пивомъ, сидятъ передъ огромнымъ очагомъ, въ которомъ, впрочемъ, очень мало жара. Одинъ изъ нихъ высокъ и худъ, другой малъ, но, какъ говорится, коренастъ. Если угодно знать, кто эти незнакомцы, то прислушайтесь къ ихъ разговору, и любопытство ваше удовлетворится.

— Клянусь святой Кунегундой! восклицаетъ худощавый: мы чудесно спаслись, *каспадинъ* де-Понкале.

— О! я не такъ легко пугаюсь, возразилъ другой, низкимъ и звучнымъ голосомъ: можетъ-быть, насъ бы и схватили, но ужъ, навѣрно, мнѣ удалось бы положить на мѣстѣ хоть двухъ или трехъ изъ этихъ проклятыхъ таможенныхъ, на которыхъ я давно уже острую зубы.

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше превосходительство, возразилъ Марини, нѣсколько смущенный словами Бретонца.

— Къ черту титулы, зовите меня, какъ хотите, но только не превосходительствомъ.

— Слушаюсь, но впрочемъ, что ни говорите, а я увѣренъ, что самый искусный изъ сыщиковъ *монсиньёра* Дюбуа не узнаетъ подъ этимъ одѣяніемъ графа римской имперіи.

— Оставимъ эти пустяки и поговоримъ о дѣлѣ; Г. де-Мелако Гервиё на испанскомъ флотѣ и ждетъ нашего сигнала; надо подать его сегодня же. Избушка эта принадлежитъ одному изъ моихъ вассаловъ, я поселилъ его здѣсь для сношеній съ прибрежными купцами.

— Съ купцами?

— Ну да, съ купцами или контробандистами, не все ли это

равно? Надо написать г. Мелако о томъ, что рѣшено было на прошлой дворянской сходкѣ и объявить ему, что испанскій флотъ долженъ высадиться на берегъ тогда, когда зажженъ будетъ маякъ на высотахъ Локернскихъ.

— Кто жъ доставитъ ему это письмо?

— Хозяинъ этой избы; онъ неустрашимый мореходъ, какъ всякій Бретонецъ.

— Вепе, signor, benissimo; но кто же напишетъ это письмо?

— Кто? Вы!

— Отчего же не вы?

— Отъ того, что я дворянинъ.

— Да вѣдь и я не аббатъ.

— Все равно, вы каммергеръ его святѣйшества папы. Ну, скорѣй, за дѣло.

— Я готовъ, чтобы угодить вамъ, но вы подпишете, по-крайней-мѣрѣ, письмо?

— Постараюсь.

Марино принялся было писать, какъ вдругъ дверь хижины съ шумомъ растворилась, и вбѣжалъ безобразный бретонскій крестьянинъ.

— Чтò такое?.. чтò такое?... пробормоталъ поблѣднѣвъ храбрый Итальянецъ.

— Не бойтесь, это Йоландъ, хозяинъ этой лачужки, котораго я поставилъ сторожомъ; онъ говоритъ, что видѣлъ вдали какую то женщину. Пошелъ вонъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Бретонцу: и не тревожь насъ по пустякамъ.

Бретонецъ вышелъ. Марини написалъ письмо и подалъ его Понкале; въ это время вбѣжалъ снова Бретонецъ и возвѣстилъ, что вдали показалось нѣсколько всадниковъ, ѣдущихъ прямо къ хижинѣ.

Конскій топотъ въ-самомъ-дѣлѣ приближался, и черезъ нѣсколько времени остановился у дверей. Нѣсколько людей въ плащахъ вошло въ избушку. По одеждѣ ихъ, виднѣвшейся изъ-подъ плащей, можно было догадаться, что они принадлежатъ къ одной изъ красныхъ ротъ, т. е. къ жандармамъ, мушкетерамъ или конной королевской гвардіи.

— Прежде всего надо быть учтивымъ, сказалъ молодой человекъ, съ прекраснымъ, но задумчивымъ лицомъ, казавшійся начальникомъ, и, обратившись къ Йоланду, сталъ просить у него гостепрѣимства.

Но Йоландъ говорилъ только по-бретонски, ни слова не пони-

малъ по-французски, и потому молчалъ. Офицеръ подошелъ къ Марини, но Итальянецъ также не отвѣчалъ, притворившись Бретонцемъ.

— Нѣтъ, командиръ, кажется вамъ не добиться отъ нихъ ни одного слова, сказалъ одинъ изъ воиновъ: я представляю себѣ, какъ весело здѣсь будетъ Регенту.

— Вы забываете, сказалъ офицеръ, что прїездъ Регента долженъ оставаться тайною.

— Но вѣдь эти животные не понимаютъ ни слова.

Въ это время между солдатами, оставшимися за дверью, послышался шумъ; всѣ бросились вонъ изъ избы и, разумѣется, что оба заговорщика воспользовались этимъ случаемъ, чтобы скрыться.

На вопросъ начальника о причинѣ шума, солдаты отвѣчали, что молодая дѣвушка, въ глазахъ ихъ, бросилась съ утеса въ море.

— Надо спасти ее, друзья, сказалъ молодой начальникъ.

— Но никто изъ насъ не умѣетъ плавать, возразилъ одинъ изъ окружавшихъ.

— Въ такомъ случаѣ я спасу ее, и, не слушая товарищей и подчиненныхъ своихъ, молодой человекъ бросился въ море.

Онъ уже схватилъ утопавшую за длинныя волосы и плылъ къ берегу; крики товарищей и солдатъ ободряли его, но новая, огромная волна набѣжала съ тылу и выбросила на берегъ два бездыханныя тѣла.

Оба утопшіе были перенесены въ избу, и офицеръ скоро оправился. Удостоверившись, что и дѣвушка скоро очнется, онъ велѣлъ готовиться къ отъѣзду и, не взглянувши даже на спасенную имъ, готовился выйти, не смотря на увѣщанія товарищей.

Онъ уже стоялъ на порогѣ, когда новый пукъ соломы, брошенный въ кампъ, освѣтилъ лицо утопленницы. Офицеръ вздрогнулъ, взглянувъ на нее.

— Я еще немного слабъ, друзья мои, сказалъ онъ: и думаю, что мнѣ полезно будетъ немного отдохнуть здѣсь. Ступайте безъ меня и оставьте одного солдата стеречь мою лошадь.

Когда всѣ вышли, молодой человекъ заперъ дверь на крючокъ и бросился къ больной, осыпая поцѣлуями руки ея.

Этотъ офицеръ былъ кавалеръ д'Эди, а въ дѣвушкѣ вы, вѣроятно, давно уже узнали Черкешенку Аишу.

IV.

ЛЮБОВЬ МОЛОДОСТИ И ЛЮБОВЬ СТАРОСТИ.

Когда Аиша открыла глаза, она увидѣла у ногъ своихъ того, кто любилъ ее такъ постоянно и глубоко.

— Вы здѣсь, сказала Аиша кавалеру д'Эди: вы! О! когда я открыла сейчасъ глаза и увидѣла васъ, я была слишкомъ счастлива; я думала, что я умерла и встрѣчаю васъ уже не въ этомъ мѣрѣ. Но увы, я еще на землѣ... скажите мнѣ какой страннѣйшій случай столкнулъ васъ снова со мною?

— Вамъ я скажу все Аиша... я опередилъ только Регента, который ѣдетъ сюда. Не вы сами, Аиша, въ Бретаннѣ и въ этомъ платьѣ... но я не хочу спрашивать, я вижу снова мою Аишу, и въ этотъ разъ не даромъ... вы должны за мною слѣдовать, быть моей подругой, сестрой, женою... Я рѣшился было посвятить себя Богу, — черезъ нѣсколько дней я долженъ былъ вступить въ орденъ Мальтійскихъ рыцарей... но теперь я нашелъ тебя, — благодаря небу, я еще могу отказаться отъ своего намѣренія. Аиша, Аиша, ты не уйдешь отъ меня!

— Оставьте меня, оставьте меня, говорила Аиша, вырывая свою руку изъ рукъ кавалера... Мы не должны болѣе видѣться.

— Нѣтъ, ты мнѣ откроешь свое жилище.

— Никогда — это тайна! Если вы такъ меня любите, дайте слово никогда не проникать ей.

— Да, но съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Мы увидимся.

И сказавши эти слова, кавалеръ съ усиліемъ надъ самимъ собою, вырвался изъ хижины мэтра Йоланда и, сѣвши на коня, поспекалъ въ галопъ.

• А между тѣмъ, мэтръ Пьерръ или графъ Ферриоль, въ свою очередь вошелъ въ хижину въ сопровожденіи Йоланда, который несъ въ рукахъ фонарь.

Итакъ, меня не обманули, вскричалъ старый дворянинъ, черты котораго были видимо неложны! ты могла покуситься на свою жизнь, на жизнь, которая принадлежитъ не тебѣ.... ты могла забыть это, Аиша!

Говоря это, онъ схватилъ руку Аиши, на которой еще не высохли поцѣлуй кавалера д'Эди. Аиша затрепетала, какъ будто отъ

прикосновения горячаго желѣза, и, съ живостью вырвавши свою руку, сказала мрачно.

— Это правда, я совершенно забылась!

Ферриоль упалъ на скамью и нѣсколько минутъ молчалъ.

— Аиша, началъ графъ съ долгимъ вздохомъ: могу ли я знать, что заставило тебя рѣшиться на такой отчаянный поступокъ. Я тебѣ слишкомъ ненавистенъ, продолжалъ онъ: не правда ли? слишкомъ?

И онъ горько улыбнулся.

О! мнѣ жаль васъ, мнѣ жаль васъ, сказала Аиша, въ первый разъ слышавшая отъ него такія слова.

— Ты меня прощаешь, не правда ли? сказалъ графъ, схватывая ея руку — ты прощаешь, что я былъ къ тебѣ строгъ, жестокъ, быть можетъ?... Я такъ много перетерпѣлъ — и бываютъ лѣта, когда любовь дѣлаетъ человѣка безжалостнымъ.

— Я вамъ вѣрю, я хочу вамъ вѣрить, отвѣчала робко Аиша: но если это такъ, то какъ же вы могли обѣщать другому мою руку?

— Успокойся, дитя, этого не будетъ?

— Зачѣмъ же обманывать этого несчастнаго?

— Нужно.

— Что же за необходимость?

— Это тайна, которую ты послѣ узнаешь.

— Почему не теперь же.

— Потому, что тайна эта принадлежитъ не одному мнѣ, потому, что я поклялся честию дворянина не открывать ее никому, потому, что здѣсь дѣло идетъ о моей головѣ.

Сказавши это, графъ схватилъ Аишу въ объятія и вынесъ изъ жилья.

Ночь была темна, но вѣтеръ пересталъ свистѣть, и скоро слышался шумъ чьихъ то шаговъ.

— Кто идетъ? вскричалъ Ферриоль, заряжая пистолеть.

— Клянусь св. Кундонгой, моею заступницей, это мѣтръ Пьерръ, отвѣчалъ знакомый голосъ — я — кавалеръ здраваго смысла, а со мной баронъ доброй помощи.

— Тс! сказалъ баронъ доброй помощи, который былъ никто иной, какъ страшный Дюге де-Понкале: я слышу шумъ веселья. Отведите эту дѣвушку.

— Зачѣмъ?

— Я знаю, что говорю — пришла минута побѣдить или умереть.

Ферриоль вздрогнулъ, а Анша упала на колѣна и простонала:
— Боже, Боже! сжался надо мною!

V.

ГРАВИТЕЛИ ПО БОЛЬШИМЪ ДОРОГАМЪ.

Близъ живописной отлогости, на которой расположено селеніе С. Мишель, лежащее на половинѣ дороги между Ланмеромъ и Морле, простиралось отъ берега и почти до самой дороги болото, примыкавшее къ небольшому перелѣску; деревья въ немъ, вѣроятно, изъ состраданія были пощажены осеннимъ вѣтромъ, и листья еще держались на вѣтвяхъ. Въ этомъ то перелѣскѣ расположились теперь: Ферриоль, Понкале, Марини и другіе бретонскіе дворяне, которыхъ мы уже встрѣтили однажды въ Ланмерской хижинѣ.

Когда всѣ они собрались, то Марини первый прервавъ молчаніе, сказалъ, обратившись къ Ферриолю.

— Вотъ теперь, г-нъ графъ, провозгласилъ онъ: вы можете объяснить всей честной компаніи, для чего именно обязаны мы были собраться здѣсь, запасшись предварительно достаточнымъ количествомъ всякаго оружія. Но постарайтесь по возможности сократить вашъ разговоръ, потому что скоро совершенно стемнѣетъ, между прочимъ будь сказано, темнота не мало повредитъ успѣху нашего предпріятія. — Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Ферриоль, и, обратившись къ прочимъ собесѣдникамъ, продолжалъ: я долженъ объяснить вамъ, господа, почему мы съ г. Понкале назначили всѣмъ вамъ сойтись здѣсь, не сказавъ, для чего присутствіе ваше было необходимо. Теперь я скажу вамъ, что цѣль собранія нашего есть тайна, важная до такой степени, что мы рѣшились сообщить ее вамъ только за нѣсколько минутъ до исполненія: старайтесь всѣми силами, чтобы дѣло наше увѣнчалось успѣхомъ и тогда... знайте-же, что если только вы захотите, не позже, какъ черезъ полчаса, Репентъ будетъ въ нашихъ рукахъ.

Это извѣстіе возбудило живѣйшій восторгъ между собесѣдниками.

— Клянусь св. Кунингудою, моей блаженной родственницею, вскричалъ Марини, что г-нъ графъ, сказалъ правду и я торжественно подтверждаю его слова.

— И я, сказалъ Понкале.

— Но какимъ образомъ могли вы узнать?

— Объ этомъ я расскажу вамъ когда нибудь, послѣ; но между тѣмъ, надобно вамъ знать, что Регентъ тайно отправился въ путь, съ намѣреніемъ объѣхать Бретань. Я имѣю много причинъ думать, что онъ ѣдетъ теперь въ Плоага-Гверодъ, или въ Морле, и стало быть, во всякомъ случаѣ никакъ не минаетъ с. Мишеля, въ Гревѣ. Ларошъ, отправленный мною для наблюденій, немедленно извѣститъ насъ, какъ только экипажъ Регента покажется, и тогда, легко справившись съ конвоемъ, если только онъ будетъ, мы приберемъ почтеннаго Регента къ рукамъ.

— Вѣрнѣ смерти, сказалъ Понкале.

— Вотъ будетъ чудесный заложникъ, прибавилъ Марпини.

— Заложникъ или жертва, это еще не рѣшено. Но что всего важнѣе для насъ, такъ это найти средство передать это извѣстіе испанскому флоту.

Ночь уже совершенно наступила. Вскорѣ раздался въ отдаленіи лошадиный топотъ, и вѣлѣдъ за тѣмъ прискакалъ Ларошъ съ извѣстіемъ, что на дорогѣ показалась почтовая карета. Дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя, въ темнотѣ показался экипажъ въ сопровожденіи четырехъ лакеевъ, освѣщавшихъ фонарями дорогу.

— Какая неботорожность! сказалъ Марпини: я узнаю Регента по этому поступку; какъ, пускаться въ вояжъ безъ надежнаго конвоя и съ четверью только глупыми лакеями.

— Едва только карета миновала лѣсокъ, гдѣ скрывались заговорщики, какъ грянулъ выстрѣлъ и почтальонъ упалъ на землю. Это было сигналомъ къ нападенію. Завязался бой, продолжавшійся съ нѣсколькими минутъ; наконецъ мужество лакеевъ мало по малу начало уступать многочисленности нападавшихъ и вскорѣ они были перебиты и частію обращены въ бѣгство. — Понкале, Ферриоль и Марпини, завладѣвъ экипажемъ, успѣли отворить дѣрзцы, крайне удивленные хладнокровіемъ высокаго путешественника, который во все продолженіе битвы ничѣмъ не обнаружилъ своего присутствія въ каретѣ.... Трудно вообразить себѣ, а передать чуть ли не втрое труднѣе, изумленіе графа Ферриоля, когда онъ, войдя въ карету, узналъ, при свѣтѣ фонаря, вмѣсто мужественнаго лица Регента обворожительныя черты г-жи Параберь.

— Это вы, сударыня, и одиъ? сказалъ Ферриоль, стараясь сколько возможно измѣнить голосъ.

— Со мною только одна горничная, отвѣчала дрожащая отъ страха путешественница, и указала на какую-то массу, лежавшую въ глубинѣ кареты, и похожую болѣе на узелъ съ чѣмъ-нибудь, чѣмъ на человѣческую фигуру. — Но кто же вы, господа, чего вы отъ меня хотите, прибавила де-Параберъ прерывающимся отъ страха и волненія голосомъ.

Мы разбойники и при томъ чужеземцы, живо сказалъ Морини, не давъ такимъ образомъ отвѣчать Ферриюлю.

— При этихъ словахъ, сказанныхъ съ итальянскимъ акцентомъ, г-жа де-Параберъ достала изъ одной сумки кареты большой и туго-набитый кошелекъ и подавая его Ферриюлю, сказала: Вотъ, возьмите, но ради Бога сжальтесь надъ нами, не умерщвляйте насъ.

Ферриюль съ негодованіемъ оттолкнулъ кошелекъ, но Морини поспѣшно схватилъ его и положилъ въ карманъ.

— Не забудьте, что вѣдь мы разбойники, шепнулъ онъ Ферриюлю. Чортъ возьми! не отказываться же разбойнику отъ кошелька!

Полумертвая отъ страха Параберъ съ трепетомъ ожидала своей участи. Мнимые разбойники отошли къ сторонѣ и долго разсуждали какъ поступить въ такомъ непріятномъ для нихъ случаѣ; наконецъ рѣшили дозволить путешественницѣ продолжать свой путь. По счастью одинъ изъ сопровождавшихъ г-жу Параберъ слуга не былъ раненъ и не успѣлъ убѣжать; его посадили на мѣсто кучера и прекрасная путешественница отправилась въ Плегать-Герандъ.

VI.

КЛЯТВА.

Страданія бѣдной Анни были невообразимы. Воспомнанія о послѣднемъ свиданіи съ д'Эди еще болѣе увеличивали ея мученія вечеромъ. На третій день, послѣ описаннаго происшествія, она рѣшилась идти опять на морской берегъ, сама не отдавая себѣ отчета зачѣмъ. Едва дыша и трепеща всѣмъ тѣломъ сошла она съ своего гадкаго чердака и подошла уже къ двери, ведущей изъ хижины, какъ вдругъ услышала голосъ Ферриюля, который всѣ эти дни почти вовсе не былъ дома, но въ этотъ разъ возвра-

шался гораздо ранѣе. Опасаясь, чтобы ему не показался подозрительнымъ выводъ ея изъ хижины, въ такое позднее время, Аиша бросилась назадъ и по какой-то странной идеѣ, вмѣсто того, чтобы воротиться къ себѣ на верхъ, спряталась, дрожа отъ страха, за огромный сундукъ, стоявшій въ углу первой комнаты, и составлявшей единственную мебель ея. Аиша полагала, что Ферриоль по обыкновенію пройдетъ свою комнату и она тогда покинетъ свое убѣжище. Но Ферриоль былъ не одинъ; съ нимъ вошли Понкале и Рюкохдинъ и вскорѣ потомъ явились еще Ломбили и кривой Козтиви, и тогда между этими лицами началась бесѣда о такихъ дѣлахъ, въ перспективѣ которыхъ были съ одной стороны богатства и почести, а съ другой лимфеть.

— Никто не подслушаетъ насъ? спросилъ Ламбили.

— Кому подслушать, отвѣчалъ Ферриоль, заглянувъ сперва въ другую комнату: вы знаете, что дочь моя не можетъ насъ слышать изъ своей комнаты, да теперь ее и дома нѣтъ.

— Ну, продолжалъ Ламбили: все ли готово къ завтраму?

— Надѣюсь, отвѣчалъ Ферриоль: завтра или никогда. Не забудьте, что завтра Ивонъ приведетъ съ собою на сговоръ всѣхъ солдатъ своихъ и покуда они будутъ здѣсь пьянствовать, мы захватимъ Морле именемъ Филиппа V. Короля испанскаго и регента Франціи. Увѣрены ли вы въ своихъ людяхъ, Понкале?

— Ручаюсь.

— Прекрасно, сказалъ Ферриоль. И такъ завтра къ ночи мы отправимся въ дорогу Мелакъ-Гервье, которому я далъ знать, долженъ уведомить адмирала его католическаго величества. Вы Козтиви должны разложить огонь на полѣ Лакере — это будетъ сигналомъ для высадки испанскому флоту.

— Хорошо, отвѣчалъ Козтиви.

Два удара въ дверь, возвѣстили прибытіе новаго лица.

— Это былъ Марини.

Между тѣмъ, бѣдная Аиша терпѣла неописанныя мученія. Она хорошо понимала весь ужасъ своего положенія, потому что кто-бы повѣрилъ, что она безъ умысла подслушала заговорщиковъ. Бѣдная, при каждомъ движеніи кого-нибудь изъ собесѣдниковъ, трепетала и едва не лишалась чувствъ, почитая себя открытою и погибшею.

Марини, видя, что исполненіе дѣла, отъ котораго зависѣлъ окончательно успѣхъ его плана, превзошло его ожиданія, вскричалъ:

— Bravo! bravissimo! Ну, господа, я вижу, вы теперь совершенно убѣждены, что новости, которыя я только что сообщилъ вамъ,

измѣняютъ наши предположенія и стало быть намъ остается одно....

— Что? что такое? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Постараться сбить съ рукъ прекрасную посланницу регента.

Отсюда и до Плегать-Герандскаго замка едвали будетъ полная мгла. Завтра ночью, прежде усипеннаго нападенія на Мерде, намъ нужно сойтись всѣмъ въ замкъ....

— Только, я прошу тебя не будь слишкомъ жалостливъ къ этому офицеру, сказалъ Понкале: ты знаешь, вѣдь онъ любимецъ Регента.

— Разумѣется, прибавилъ Ферриоль: такъ и слѣдуетъ. Ему, какъ офицеру гвардіи Регента, должно было до послѣдней капли защищать ввѣренную ему даму, но онъ сдался, и завтра мы казнимъ его въ замкѣ, который будетъ первою, военной добычей нашей.

— Смерть! смерть! слышалось въ толпѣ.

Восклиданія эти достигли слуха Аиши, совершенно побѣжденной отчаяніемъ, которое она старалась всѣми силами подавить въ себѣ. Въ это время раздался сильный стукъ въ двери, и скоро въ комнату вошли остальные товарищи Ферриоля. Желая распространить свой таинственный кругъ, Ферриоль грубо толкнулъ сундукъ къ стѣнѣ. Несчастная Аиша, ударившись, вѣроятно, о стѣнку сундука, громко вскрикнула отъ боли. — Всѣ вздрогнули.

— Здѣсь кто нибудь спрятанъ, сказалъ Ферриоль, открывъ сундукъ, грубо вытащилъ Аишу изъ ея убѣжища.

— Кто бы онъ ни былъ, смерть ему! сказалъ Понкале.

— Аиша! повторилъ Ферриоль. Несчастная дѣвушка, закрывъ лицо руками, молчала. —

— Синьора! вскричалъ Марини: ну, такъ, эти женщины прячутся вездѣ.

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что они никогда не бываютъ въ церкви, пробормоталъ Гостанъ замка.

— Она слышала всѣ наши планы и тайны, и, слѣдовательно, должна умереть, повторилъ неумолимый, какъ судьба, Понкале.

— Позвольте мнѣ прежде всего допросить ее, сказалъ Ферриоль, блѣдный и трепещущій. Аиша! отвѣчайте мнѣ, зачѣмъ вы были спрятаны?

Аиша, помертвѣвъ отъ страха, не могла произнести ни одного слова.

— Вы видите, закричал Понкале: она ничего не может представить въ оправданіе! итакъ смерть ей!

— Но вѣдь она женщина, прервалъ Ферриоль голосомъ, выражавшимъ сильное душевное волненіе.

— Чтѣ жъ такое? Неужели намъ можно оставить ее въ живыхъ. Теперь не такое время, чтобы входить въ ваши отношенія съ нею; она подслушивала насъ и собственная безопасность ваша равно какъ и безопасность товарищей нашихъ, совершенно вѣрившихся намъ, требуетъ этой жертвы.

— Графъ не возражалъ на это логическое представленіе но мысленно поклялся защищать каждой волосъ головы Аиши, хотя бы для этого нужно было пожертвовать жизнью; но сообразивъ внимательно всѣ обстоятельства своего положенія, онъ рѣшился употребить всевозможныя средства къ спасенію Аиши. Видя, что рѣшительныя мѣры ни къ чему не поведутъ, онъ, подавивъ въ себѣ душевное волненіе, и стараясь казаться совершенно спокойнымъ — началъ:

— Я защищаю эту дѣвушку, вовсе не потому, что между мной и ею существуютъ какія-то отношенія, вовсе нѣтъ! Напротивъ, мы должны отпустить ее потому, что она вовсе безъ всякаго умысла и совершенно противъ воли узнала всѣ подробности нашего заговора.

— Только она одна можетъ погубить насъ, и вѣроятно, слѣдуетъ это, если мы отпустимъ ее, возразилъ Понкале.

— Но, согласитесь однако же, что присутствіе сибьоры въ этомъ сундукѣ крайне подозрительно, замѣтилъ Марини.

— Но мы не тогдашъ отпустимъ ее, сказалъ Ферриоль: и къ тому же значительный залогъ послужитъ намъ вѣрнымъ ручательствомъ въ ея молчаніи. Вотъ видите ли: она христіанка, и въ добавокъ самая ревностная католичка, я вамъ въ этомъ ручаюсь; такъ пусть же она поклянется передъ этимъ распятіемъ, что никогда и никому, ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ не скажетъ ни слова о томъ, что она видѣла и слышала. Пусть она поклянется. Если же она не захочетъ произнести этой клятвы, то я отрекусь отъ нее и предоставлю хоть сейчасъ же умертвить ее.

Сказавъ это, онъ взявъ распятіе грубой работы, висѣвшее на стѣнѣ, подаль его. Аише и заставилъ ее произнести слѣдующія слова:

«Клянусь вѣчнымъ блаженствомъ души моею, что я никому, никогда, ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ, ни добровольно, ни по

принужденію, не скажу и не обнаружу ничѣмъ ничего, что сегодня здѣсь видѣла и слышала!»

— Клятва эта, хотя съ трудомъ, однако же вполнѣ успокоила Поикале; Ферриоль представилъ ему, что нужно заставить Аншу быть скромною только до исполненія ихъ заговора, что будетъ совѣмъ нетрудно; а послѣ этого она сдѣлается для нихъ уже неопасною.

За тѣмъ послѣдовали взаимныя клятвы и обѣщанія, какъ можно внимательнѣе наблюдать за Аншею, и хранить заговоръ ихъ въ тайнѣ, потому что малѣйшая нескромность съ чьей либо стороны могла разрушить всѣ ихъ намѣренія. Наконецъ, общество разошлось, давъ слово опять собраться на слѣдующій день.

VII.

СВАДЕБНЫЙ ОБЪѢДЪ.

Старожилы давно не запомнятъ такого роскошнаго угощенія, какое задалъ старикъ Пьеръ на сговорѣ своей дочери Марты съ сержантомъ Ивономъ. Чердаки, погреба, пристройки, все было обращено въ залу празднества, и чтобъ помѣстилось возможно наибольшее количество крестьянъ и солдатъ, на дворѣ еще была раскинута палатка. Ферриоль понялъ, что только роскошь и блескъ угощенія могли усыпить всѣ подозрѣнія въ эту рѣшительную минуту.

Ивонъ видѣлъ свою невѣсту только всего одинъ разъ, и то вечеромъ того дня, въ который она была ему такъ грубо обѣщана; конечно, онъ не могъ замѣтить въ физиономіи Анши всего сочувствія, котораго онъ надѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ вѣрить, чтобъ молодая дѣвочка осталась совершенно-безчувственною къ его любви, украшенной двойнымъ галуномъ.

Анша была одѣта великолѣпно; заботами Ферриоля, который всѣми средствами искалъ случая подбѣгнуть къ ней. Одна сосѣдка, по обычаю страны, присутствовала при туалетѣ новобрачной. Ивонъ тоже поручилъ одному другу отнести его поклонъ Аншѣ утромъ въ день свадьбы, который блѣдная дѣвочка должна была выслушать, какъ смертный свой приговоръ. Приведенная Ферриолемъ на этотъ, праздникъ, который ей казался наказаніемъ, Анша сѣла за столъ гдѣ бретонскіе крестьяне и солдаты удовлетворяли свое нечеловѣческое обжорство. Синее вино лилось рѣкомъ въ брачный стаканъ и оттуда наводняло подносы и столъ.

Скоро были зажжены трубки и засыдатели этой оргии исчезли въ облакахъ дыма.

Аиша не усидѣла бы на своемъ мѣстѣ, еслибы не знала навѣрно, что желѣзныя руки присутствующихъ готовы усадить ее на мѣсто при малѣйшемъ ее покушеніи, и наконецъ, потому что Марини, сидя противъ нее, не сводилъ съ ея лица своего змѣйнаго взгляда. Принесли новобрачнымъ хлѣбъ, разрѣзанный на части, по древнему обычаю, и напизанный на нитку въ знакъ ихъ брачнаго соединенія. Аиша уже не могла противиться принятію этого приношенія, которое освящало, вмѣсто священнаго союза, жестокою ея будущностью, какъ вдругъ неожиданное пропшество отвлекло вниманіе присутствующихъ: примчался во весь опоръ всадникъ, спросилъ сержанта Ивона и отдалъ ему отъ имени капитана запечатанный пакетъ.

— Друзья мои! вскричалъ Ивонъ, пробѣгая бумагу: торопитесь пить и веселиться, потому что завтра уже будетъ поздно; приказано готовиться къ смотру, который будетъ дѣлать новый начальникъ нашъ генераль-капитанъ д'Эди, по повелѣнію Регента. Завтра въ полдень мы уже должны будемъ быть въ замкѣ Плегать-Герандъ, гдѣ онъ теперь живетъ, готовясь отправиться въ Морлахъ. Въ качествѣ сержанта, я долженъ принять его приказанія, касающіяся до безопасности края и страны.

При этой официальной прокламаціи, солдаты, подстрекаемы энтузіазмомъ, еще болѣе усипенными отъ вина, закричали: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Регентъ! Къ нимъ присоединились и крестьяне, готовые пошумѣть при всякомъ удобномъ случаѣ. Ферриоль и Марини значительно обмѣнялись взглядами, чтобы взаимно подтвердить необходимость поспѣшной мѣры, для предупрежденія завтрашнихъ происшествій смертью этого поваго ихъ непріятели. Когда старикъ услышалъ имя своего соперника, которое онъ уже почти забылъ, онъ былъ пораженъ какъ громомъ. Глаза его, устремленные на сообщника, судорожно отскочили отъ него, и устремились на блѣдную и трепещущую Аишу. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она еще боролась противъ всѣхъ овладѣвшихъ ею чувствъ, но вскорѣ, побѣжденная самыми страшными мыслями, опустила голову и совершенно потерялась.

Тутъ блѣдная дѣвушка вспомнила, что наканунѣ того дня сговаривались умертвить офицера регента, только что присланнаго въ Плегать-Герандъ. То, что было прежде для нея подозрѣніемъ, обратилось теперь въ ужасную дѣйствительность. Хотятъ умер-

твить Эди, умертвить въ эту же ночь, черезъ нѣсколько часовъ.... И нѣтъ никакого средства его извѣстить! Ужасный обрядъ и еще ужаснѣйшій безжалостный надсмотръ привязывали ее совершенно къ мѣсту, въ то время, какъ Эди, одинъ, доврчивый, ждалъ, вовсе того не подозревая, смертельнаго удара! О! этого было слишкомъ достаточно, чтобы силы совершенно оставили бѣдную жертву!

Всѣ стояли подле нея; но по судорожнымъ движеніямъ, которыя прерывали ея обморокъ, поняли, что причина его заключается не въ одной усталости и потому отнесли ее на постель, приготовленную изъ соломы въ домъ Пьера.

Долго она лежала безъ памяти, и уже свѣтало, когда она была въ состояніи различить буйные крики оргіи, которая снова вступила въ свои права. Ферриоль стоялъ надъ нею, опустивъ голову на грудь; глаза его горѣли мрачнымъ пламенемъ, грудь волновалась.

— Ты все таки его любишь, вскричалъ онъ, какъ только она открыла глаза.

Вмѣсто отвѣта, Аиша залилась слезами.

— А! воскликнулъ графъ съ остервененіемъ: чтоже тебѣ сдѣлалъ этотъ человекъ, чтобы заслужить такъ твою любовь, этотъ человекъ, котораго я ненавижу, презираю? Неблагодарная, развѣ ты забыла, что не дальше, какъ вчера, я спасъ тебѣ жизнь?

О! Я ничего не забыла, отвѣчала Аиша, прерывающимся голосомъ, и я это вамъ докажу. Да, спасите только его отъ смерти, и я проведу остатокъ моей жизни, любя васъ, служа вамъ, какъ ваша усерднѣйшая раба; я вамъ обещаю еще больше: я употреблю всѣ силы, чтобы не думать объ немъ. Но я васъ умоляю, графъ, умоляю на колѣняхъ! (и при этихъ словахъ она упала передъ Ферриолемъ на колѣни). Вы имѣете власть надъ этими людьми. Скажите только мнѣ, что вы употребите ее на спасеніе Эди. А! изъ жалости, графъ, если это правда, что вы меня любите, какъ вы мнѣ это говорили, изъ уваженія къ моей первой просьбѣ, первой, графъ, если вы припомните. О! именемъ Всемогущаго Бога, если вы вѣрите въ Бога, именемъ всего, что только было священнаго у васъ въ жизни, общайте мнѣ его помилованіе! его помплованіе!

О замолчи, замолчи... прервалъ Ферриоль, съ сверкающими глазами. Руки его судорожно сжимались, волосы на головѣ встали дыбомъ. Каждое твое слово — змѣя, которая грызетъ мое сердце. Помплованіе ему, ему, котораго ты такъ любишь! Нѣтъ

никогда, никогда! Между нами тутъ одинъ лишній, и это онъ, долженъ умереть! слышишь ли, Аиша, онъ! Ты сама сейчасъ произнесла безвозвратно-его приговоръ. д'Эди умретъ сегодня ночью отъ моей руки.

— О безжалостный! безжалостный.... Но вы вѣдь не сдержите этого слова, неправда ли? Вѣдь это только, чтобъ напугать меня? Нетакъ ли? Я не отстану отъ васъ, или лучше сказать, я пойду съ вами въ замокъ Плегать-Герандъ. Если вы его убьете, то умертвите же его вмѣстѣ со мной, въ моихъ объятіяхъ.

Пока не потухнетъ послѣдняя искра жизни Эди, ты не выйдешь отсюда Аиша. Здѣсь будетъ твоѣ тюрьма! Что я задумалъ, то должно быть!.... Раба! оставь меня!.... Я долженъ отомстить!

При этихъ словахъ Ферриоль грубо вырвался изъ рукъ Черкешенки, которая безъ чувствъ упала посреди комнаты. Онъ заперъ единственную дверь этой новой тюрьмы, и ушелъ, унеся съ собою ключъ.

Пришедши въ память, Аиша увидѣла себя одну, въ темнотѣ. Приведа себѣ на память прошедшее, она съ ужасомъ поняла, что Эди погибъ, погибъ безвозвратно. При этой мысли страшный крикъ изторгся изъ груди ея. На этотъ крикъ отозвались извнѣ дикіе крики пирующихъ, потому что пьюшіе достигли въ это время именно того періода, когда языкъ развязывается, голова склоняется на плеча, и вообще проявляются признаки, такъ рѣзко характеризующіе послѣднюю степень опьянѣнія.

Убѣжать изъ тюрьмы, бѣжать въ замокъ Плегать-Герандъ, было единственною мыслію Черкешенки; но какъ исполнить эту мысль? Дверь была крѣпко заперта, а окна состояли въ узкихъ продушинахъ, помѣщенныхъ подъ самымъ потолкомъ. Къ тому же домикъ этотъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ пирующими. Въ этомъ безнадежномъ положеніи дѣвушка вспомнила, что нѣчто въ родѣ отверстія было продѣлано на чердакѣ для втаскиванія туда сѣна, и это отверстие выходило на небольшой дворъ, совершенно пустой и огороженный простымъ заборомъ. Задыхающаяся, она бросается на вершину чердака, но увы! Лазейка, до которой она достигла, была футовъ на 15 выше земли, а принять какія нибудь мѣры, сойти внизъ заняло бы много времени, тогда, какъ при малѣйшемъ замедленіи гибель ея возлюбленнаго была неизбѣжна.

Аиша, въ родѣ какого то нервнаго помѣшательства, въ которое ее повергла вмѣстѣ и болѣзнь и ужасъ, не рассчитала разстоя-

нія и бросилась!.... Голова ея попала на уголъ камня, колѣна ея коснулись земли; но она, сильнѣе, чѣмъ самая боль, поднялась съ мѣста, доползла до ограды, которая должна была скрывать ее бѣгство, перелезла черезъ нее, и побѣжала, не оглядываясь и не разбирая дороги.

Когда она потеряла изъ виду домъ и опасную дорогу, на которой могли ее поймать, она остановилась съ тщетнымъ желаніемъ продолжать свое бѣгство. Пульсъ ея бился не ровно и сильно. Ей казалось, что огромная глыба свинца лежитъ въ ея головѣ, и катается въ сторону, куда усталость принудитъ ее склониться. Она искала около себя какихъ нибудь слѣдовъ или признаковъ, которые бы могли провести ее къ замку, гдѣ она прежде никогда не бывала; но благодѣтельный и вмѣстѣ съ тѣмъ и гибельный для Анши мракъ почти не позволялъ ей различать окружающихъ ее предметовъ.

Анша ничего не видала передъ собой, кромѣ нѣсколькихъ огней, горѣвшихъ далеко на горизонтѣ отдѣльно одинъ отъ другаго, да слышала протяжный лай сторожевыхъ собакъ фермы. Въ это время большія капли дождя, предвѣстники грозы, упали на ея пламенную голову. Анша едва могла дотащиться до дерева, которое вскорѣ было орошено цѣлою рѣкою, льющуеся съ неба. Несчастная, распростертая на мокрой землѣ, оставалась тамъ еще долго по прошествіи грозы, ибо боль и усталость приковывали ее невольно къ мѣсту. Но вѣтръ примчалъ ей звуки послѣдовательныхъ 12-ти ударовъ, пробитыхъ на колокольнѣ Сецъ-Мелась... заговорщики можетъ быть, уже въ дорогѣ!.... Эта мысль придала ей силы. Она побѣжала, опираясь на толстый сукъ дерева, который судорожно отломила, и моля Бога, не допустить ее умереть прежде совершеннаго достиженія цѣли.

VIII.

ЗАМОКЪ ПЛЕГАТЬ-ГЕРАНДЪ.

Плегатъ-Герандъ феодальный замокъ, лежащій недалеко отъ Морла. Онъ построенъ во вкусъ Людовика XIII. Прежніе владѣльцы окружили его великолѣпнымъ паркомъ, знаменитымъ въ цѣломъ кантонѣ. Во время описываемаго нами дѣйствія, замокъ, какъ принадлежалъ королю, старому его управителю, при-

верженцу прежнихъ владѣльцевъ, было поручено смотрѣніе за нимъ.

Въ богатѣйшей комнатѣ замка полулежала на роскошномъ диванѣ съ деревянными арматурами молодая женщина въ дорожномъ костюмѣ, и черты коей еще показывали сильное волненіе. Подлѣ нея стоялъ д'Эди и слушалъ со вниманіемъ разсказъ бѣдствій прекрасной путешественницы, которую онъ принялъ съ почестью въ замкѣ. Съ своей стороны, новопріѣзжая не совсѣмъ безъ сочувствія смотрѣла на прекрасное лицо офицера, украшенное великолѣпною простотою военного мундира.

— Какъ, сударыня, сказалъ д'Эди: эти бандиты осмѣлились остановить вашу карету?

— Да, да! Боже мой!.. Я еще считаю себя счастливою, что отдѣлалась страхомъ, нѣсколькими сотнями лундоровъ и двумя убитыми слугами.

— Увѣряю васъ, сударыня, что завтрашній же день вся мѣстная стража, всѣ войска, вся частная милиція будетъ на ногахъ и пустится преслѣдовать этихъ разбойниковъ, которые могутъ еще разъ покуситься на жизнь, столь же драгоценную, какъ ваша.

— Какое счастье, что Регентъ не поѣхалъ со мной, а вѣдь онъ собирался.

— Да, я долженъ былъ приготовить покой для его высочества; я получилъ инструкцію.

— Боже мой! Все ужъ было готово къ отъѣзду, какъ вдругъ докладываютъ его высочеству, что герцогиня Берійская, которая и безъ того была больна, теѣерьъ при смерти. Вы понимаете, что послѣ этого такому нѣжному отцу, какъ Регентъ, нельзя же было думать о политической поѣздкѣ въ Бретань, гдѣ я имѣла подлѣ него мѣсто его тайнаго секретаря. Я выпросилась ѣхать одна, сказавъ его высочеству, что по случаю болѣзни хотѣла посѣтить знаменитыя Сентъ-Дукскія воды, и я не лгала, г-нъ д'Эди, потому что посмотрите сами, я чрезвычайно похудѣла.

И съ этими словами, кокетка, поднявъ рукавъ, показала д'Эди руку бѣлую и такой красоты, что только каменный или деревянный любовникъ могъ бы устоять противъ обольщенія. Но д'Эди былъ наиболѣе занятъ, чѣмъ когда-либо. Наканувъ онъ напрасно ожидалъ Айшу въ Локренѣ. д'Эди ничего не зная о причипахъ, удержавшихъ ее, и эта искра счастья, которую онъ думалъ видѣть въ любви Айши, казалось, уже для него потухала. Но онъ и не замѣчалъ ничего особеннаго въ обращеніи обворо-

жительницы лежащей передъ нимъ, которой дѣль поѣздки была, вѣроятно, не воды, на которыя она такъ нахально ссылалась.

Итакъ, продолжала она, съ злостью, замѣтивъ малое дѣйствіе, произведенное ея маневромъ на офицера, и такъ я должна была отправиться въ каретъ, приготовленной для Регента. Я вамъ рассказала уже конецъ моего путешествія. Ужасная дорога, мощенная бандитами и окруженная разбойниками. Только что я ускользнула отъ однихъ, ограбившихъ меня, какъ другіе отняли и послѣднее и вмѣстѣ съ тѣмъ карегу, заставивъ меня такимъ образомъ дойти до замка около полмили пѣшкомъ. Это путешествіе, кромѣ страшной усталости, имѣетъ такое ужасное дѣйствіе, что теперь я думаю никто, посмотрѣвъ на мои цоги, не узнаеть въ нихъ тѣ очаровательныя ножки, которыя такъ восхищали его высочество.

— И Параберь представила глазамъ д'Эди ножку, которая малостію могла бы выдержать всевозможное соперничество.

— Ну, я не думаю, чтобы она могла быть когда-нибудь еще меньше, возразилъ съ разсѣянною любезностію д'Эди, понявъ въ этотъ разъ прямое направленіе кокетки.

— И наконецъ, я себѣ сказала, продолжала Параберь, ободренная отвѣтомъ, я себѣ сказала, что это загладится тѣмъ, что я васъ увижу, мой милый рыцарь, буду искать средство извлечь васъ изъ этой тоски, которая уже давно преслѣдуетъ васъ, какъ будто несчастнаго любовника. Ужъ не назначеніе ли ваше васъ печалить! Ну, расскажите же мнѣ, повѣрьте мнѣ ваши тайныя горести, мы здѣсь въ провинціи, гдѣ можно безъ послѣдствій довѣрять свои маленькія странности.

— Тысячу разъ прошу извиненія, сударыня, но тайна моего сердца не изъ таковыхъ, которыя бы можно было довѣрить кому-нибудь. Благоволите согласиться, чтобы здѣсь я былъ вашимъ гостемъ, вашимъ защитникомъ, и не заставилъ васъ купить это убѣжище страшною цѣною раздѣленія моего горя, которое при томъ же только касается до одного меня.

Параберъ едва могла удержать жестъ негодованія.

— Я напрасно пробовала, думала она, употребить въ дѣло кокетство и хитрость, чтобы приковать къ моему колесницѣ этого Гипполита въ мундирѣ. Попробуемъ теперь дѣйствіе благодарности на его сердце, и если это не будетъ имѣть успѣха, тогда онъ рѣшительно дикарь, и дикарь неисправимый.

— Милый мой рыцарь, сказала она ему съ миловиднѣйшей улыбкой, бывшей у нея въ запасѣ, все эти безпокойства и впе-

чутливѣя дороги сдѣлали то, что я совѣмъ и позабыла, что имѣла къ вамъ порученіе...

— Ко мнѣ, сударыня?

— Да, порученіе правительства... Я говорила часто объ васъ съ его высочествомъ Регентомъ. Я ему выставяла вашу храбрость, вашу вѣрность къ его особѣ (которая, какъ теперь видно, оказалась и не къ нему одному) и я ему объявила, что желала бы быть для васъ какою нибудь пріятною вѣстницею, ибо надѣялась васъ видѣть; тогда онъ взялъ съ бюро конвертъ, адресованный на ваше имя, и сказалъ мнѣ: «Очаровательная, свезите ему это, это отвѣтъ на его донесенія, которыя я такъ уважаю; тутъ есть его новое назначеніе, и я радуюсь, что вѣстникомъ этого будетъ не простой курьеръ, котораго я хотѣлъ послать, а вы». Повѣрьте, рыцарь, что я не знаю, въ чемъ заключается эта новая милость Регента, и хочу услышать это отъ васъ самихъ. Вотъ письмо его высочества.

— Благодарю васъ, сударыня, и тоже его высочество Герцога Орлеанскаго, сказалъ молодой офицеръ, прочитавъ бумагу. Эта бумага заключаетъ въ себѣ единственное право, которое только оставалось для меня драгоценнымъ. Его высочество соглашается на мою просьбу сдѣлаться Мальтійскимъ кавалеромъ.

— Вы?

Я, сударыня.

Я вѣдь вамъ предсказывала, мой милый капитанъ, что вы будете рыцаремъ, но если я не ошибаюсь; этотъ рыцарскій орденъ предписываетъ слишкомъ строгія правила.

— Сударыня, онъ предписываетъ только три обѣта: бѣдность, повиновеніе и безбрачность.

— А! Вы произнесете этотъ тройной обѣтъ бѣдности, повиновенія, и... и это я привезла вамъ это позволеніе! Вѣдь до чего доводитъ незнаніе!... Но когда же вы думаете привести въ исполненіе этотъ прекрасный плащъ?...

Но д'Эди уже не слыхалъ болѣе; что-то особенное владѣкъ, казалось, привлекало его взоръ, ибо онъ высунулся изъ окна, обращеннаго поморю.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ: огонь на берегу! Безъ важныхъ причинъ этого не можетъ быть!... Ибо, чтобы его видѣть на такомъ разстояніи, нужно, чтобы онъ былъ на мѣстѣ очень-возвышенномъ надъ вашими бастіонами. Сударыня, сказалъ онъ, обращаясь къ своей собесѣдницѣ: я долженъ отдать

приказанія касательно этого страннаго происшествія; позвольте ли вы мнѣ васъ оставить, ибо это по долгу службы.

И онъ вышелъ послѣ этого извиненія передъ Параберъ, которая съ досадою пожала плечами.

Въ это время постучали въ дверь, противную той, изъ которой д'Эди вышелъ и показался управляющій замка.

— Г-нъ генераль-капитанъ! сказалъ онъ, входя.

— Его здѣсь нѣтъ.. Чтѣ тебѣ надо?

— Молодая дѣвушка у воротъ замка, и хочетъ съ нимъ говорить.

— Молодая дѣвушка, здѣсь.... уже...! Какъ, только что вчера онъ самъ успѣлъ пріѣхать сюда.... и уже имѣлъ время... Да чтѣ ей надо? Важное что-нибудь, что ли?... онъ очень занятъ, какъ онъ мнѣ самъ сейчасъ сказалъ.

— Она отвѣчала, что не можетъ сказать причину ея прихода, но должно быть что-нибудь важное... она, бѣдняжка, въ такомъ положеніи....

— По-крайней-мѣрѣ, сказала ли она свое имя?

— О чтѣ касается до этого ... ее зовутъ Ан.... Ау.... Аиша кажется.

— Аиша!... сказала про себя Параберъ.... можетъ ли быть!... Вотъ странность-то! Три года тому назадъ, она отняла отъ меня сердце Регента, и вотъ теперь, нарочно возвращается въ Бретань, чтобы отбить у меня единственнаго обожателя, на котораго я теперь рассчитываю и за которымъ отправилась въ такую даль. О! это уже слишкомъ.... Я тотъ разъ поступила слишкомъ милостиво, но пужно же наконецъ, чтобъ я кончила тѣмъ, чѣмъ обыкновенно начинаютъ всѣ женщины.... местию!

Мой другъ, сказала она управляющему: не нужно пускать эту незнакомку къ д'Эди, это его разсѣтетъ въ его важныхъ занятіяхъ и будетъ противно предписанію его высочества Регента, который, по добротѣ своей, черезъ меня велѣлъ отдать эти 10 ливдоровъ управляющему своему въ замкѣ Плегать-Регандъ.

— Сударыня, все будетъ исполнено какъ вамъ угодно, отвѣчалъ управляющій, принимая за настоящую монету слова и монеты ревнивицы.... эта незнакомка не будетъ допущена.

— А! г въ рыцарь, вскричала радостно Параберъ, когда осталась одна. Такъ то вы готовитесь къ обѣтамъ Мальтійскаго рыцарства. Еще счастливо, что я тутъ случилась.

Черезъ нѣсколько минутъ д'Эди вошелъ, но только чтобъ пожелать фавориткѣ пріятной ночи, ибо, безъ-сомнѣнія, усталость и

происшествія, дороги дѣлали ей сонъ необходимымъ. Послѣ онъ ушелъ, не замѣтивъ даже злую улыбку на губахъ его, вѣроломной и вмѣстѣ прелестной непріятельницы.

IX.

РОСКОВЬ.

Росковъ маленькій очаровательный городокъ, выдавшійся въ морѣ, подобно кораблю на якорѣ. Въ окрестностяхъ его зелѣнѣютъ луга и тучныя пастбища, которыхъ великое и исключительное плодородіе поддерживаетъ, кажется, море своимъ подземнымъ разливомъ. Тамъ и сямъ виднѣются мызы, сельскія убожища, пазначенныя скорѣй для отдыха влюбленной четѣ, нежели для чего-либо болѣе положительнаго. Маленькая дорожка, усаженная акаціями, ведетъ къ одной изъ этихъ мызъ, самой чистенькой и изящной изъ всѣхъ, скрытой вдолговину за огромными деревьями, которыхъ листья начинаютъ уже краснѣть отъ вліянія осенняго воздуха.

Передъ входомъ, на скамьѣ, сидитъ женщина съ прялкой. Красота этой женщины ангельская; тонкая блѣдность ея еще раздѣльнѣе выказываетъ блескъ большихъ черныхъ глазъ ея. У ногъ ея лежитъ большая деревенская собака, неусыпный сторожъ, нарочно, кажется, поставленный, оберегать такое сокровище. День клонится къ вечеру. Молодая женщина, обращенная къ морю, бросаетъ, по временамъ, на солнце, готовое исчезнуть въ волнахъ океана, среди ореолы толстыхъ черныхъ тучъ, взглядъ, исполненный глубокой меланхоліи.

Эта молодая женщина Черкешенка Аиша, избѣгшая, какъ бы чудомъ, всѣхъ опасностей, которыя угрожали ея свободѣ и самому ея существованію послѣ угощенія, сдѣланнаго ея господиномъ, лучше сказать, ея преслѣдователемъ, сержанту Ивону и береговымъ стражамъ. Но съ того времени обстоятельства перемѣнились. Въ этомъ отношеніи необходимы нѣкоторыя поясненія. Читатель узнаетъ ихъ изъ слѣдующаго разсказа: дѣди и Ивонъ, которыхъ оставили мы въ то время, какъ они, вооруженною рукою располагались войти въ замокъ Плегать-Герандъ, не нашли въ немъ бунтовщиковъ. Тщетно проискавъ офицера, отъ котораго они хотѣли избавиться, они оставили замокъ, что-

бы отправиться въ Морле. Но вскорѣ они были извѣщены, что плаваніе ихъ было узнано.

Приняты были все мѣры предосторожности; они остановились и ими овладѣлъ панический страхъ. Мы займемъ у исторіи нѣсколько подробностей о томъ, чѣмъ кончилось это дѣло.

«Разсѣянными заговорщикамъ оставалось послѣднее средство— назначить на слѣдующее 7-го октября большое собраніе въ Лѣсу-«Ноз. Пятьдесятъ дворянъ, каждый съ вооруженнымъ слугою, должны были находиться тамъ; составленъ былъ планъ перенестись на Ренвъ и похитить оттуда маршала Монтекиу. Безумная надежда! На мѣстѣ собралось только одиннадцать человекъ. Нѣсколько отрядовъ войскъ выходятъ въ тоже время изъ засадъ; всякое сопротивленіе исчезло; и не раздастся ни одного ружейнаго выстрѣла... Эти дворяне, столь гордые наканунѣ, не погибаютъ въ мужественной борьбѣ, но убѣгаютъ, какъ добыча, ушедшая отъ королевской палаты, которая осудила ихъ въ Нантѣ.»

Испанскій флотъ, не видя маяка, погашеннаго д'Эди, поздно показался у береговъ и укрылъ только немногихъ бѣглецовъ. Ферриоль былъ изъ числа тѣхъ, которые не могли достигнуть кораблей Филиппа; но, счастливѣе многихъ своихъ сообщниковъ, онъ избѣгъ преслѣдованія, несмотря на всю неутомимую дѣятельность Ивона.

Параберъ, напуганная встрѣтившимися ей опасностями и щепетливая, впрочемъ, отъ легкаго принадка кокетства, который былъ, можетъ быть, тайною причиною ея бѣдственнаго наѣзда, возвратилась въ Парижъ. Садясь въ карету (окруженную, въ этотъ разъ, конвоемъ), въ которой она должна была проѣхать Бретань въ послѣдній разъ, она поклялась въ вѣчной дружбѣ д'Эди и своей соперницѣ, которой несчаствіе и преданность глубоко тронули ее.

Что же касается до Аиши, которую бѣгство Ферриоля освобождало наконецъ отъ долгаго рабства, то д'Эди выбралъ ей убѣжище въ Росковѣ, между тѣмъ какъ обязанности призывали его въ Нантъ, гдѣ велъ онъ сраженіе надъ мятежниками. Тамъ-то, на маленькой мызѣ, обрабатываемой фермеромъ д'Эди, предавалась Аиша той сладкой задумчивости, которая часто дороже самаго счастья. Тамъ то оживала она въ мирѣ и свободѣ. Неумолимый образъ Ферриоля не преслѣдовалъ ея въ сновидѣніяхъ и тѣнь его не ложилась на этотъ добрый солнечный лучикъ.

Д'Эди хотѣлъ перевести Аишу съ собой въ Парижъ, но окон-

чанин своего порученія въ Бретани; но она воспротивилась ему и упросила его позволить ей навсегда остаться въ мирномъ своемъ убѣжищѣ.

Однако, надежда побѣдила ея рѣшимость и бросила новые живые корни въ двадцатилѣтнемъ ея сердцѣ. Нечувствительно она привыкала къ мысли любить вѣчно, какъ брата того, котораго женою она отказалась быть. Въ отсутствіи обожаемаго предмета любви ея сдѣлалась еще сильнѣе. — Бѣдная Аиша! Въ своихъ мечтахъ о будущемъ, она забывала свое прошедшее; столь горькое, столь оскорбительное, въ особенности. Она видѣла себя юною, невинною дѣвушкою, сидящею подъ вѣковымъ деревомъ сада, обрисованнаго Ленотромъ, въ старомъ отелѣ улицы Кюльтюръ Сентъ-Катеринь, еще до того времени, когда развратный вельможа осквернилъ ея невинность; когда слухъ ея не поражали вольныя слова Регента.

Предаваясь этимъ мыслямъ, она не замѣчала, что солнце уже сѣло, и что къ чернымъ тучамъ, за которыя оно закатилось, прибавились новыя, которыя покрыли окрестность погребальнымъ саваномъ. Уже крупныя капли воды начинали падать на лицо и волосы Черкешенки; уже огромная собака, лежавшая у ея ногъ, стала потряхивать ушами и вертѣть хвостомъ, бросая безпокойные взгляды на свою молодую госпожу, которая, погружившись въ сладкую мечту и безчувственная къ вѣшнему міру, продолжала прятъ. Она долго бы осталась въ такомъ положеніи, еслибъ мызникъ съ своей женой, старинные слуги кавалера д'Эди и его семейства, не показали вдругъ на порогъ жилища и не обратились бы къ ней съ вопросомъ на бретонскомъ нарѣчій, которое Аиша начинала немного понимать.

— Ну, о чемъ же вы думаете, прелестная сударыня? Ужинъ уже давно готовъ; все люди собрались и дожидаются васъ. Идите скорѣй, пожалуйста, потому что Богъ посылаетъ славную погоду. Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту буря разразилась, и молодая дѣвушка поспѣшно укрылась въ ферму съ своими хозяевами.

Въ фермѣ накрытъ былъ столъ въ низенькой комнатѣ, которой стѣны закопчены были дымомъ и испачканы мухами. Эта комната, судя по мебели, которая была разставлена въ ней, служила спальнею, столовою и кухнею. Мебель въ ней состояла изъ большой кровати съ выточенными столбами и съ балдахинномъ изъ зеленой саржи, изъ квашни, въ довольно плохомъ состояніи, и изъ ассортимента кружекъ, кюветъ, сковородъ и хватовъ. Стѣны не были оклеены обоями, но были увѣшаны грубыми, раскрашен-

ными эстампами, изображающими благочестивые предметы съ необходимыми надписями въ прозѣ или въ стихахъ. Грязная лампа, поставленная на столъ, не могла бы освѣщать хорошо этого жилья, еслибъ огонь, сверкавшій весело на очагѣ, подъ огромнымъ навѣсомъ, не придавалъ сценѣ, которую мы хотимъ описывать, болѣе яркаго блеска.

Просушивъ предъ очагомъ въ нѣсколько минутъ свое платье, непощаженное дождемъ, Черкешенка сѣла за столъ, на почетное мѣсто, которое уступлено было ей, по приказанію кавалера д'Эди, окруженная вниманіемъ собесѣдниковъ.

Всѣ эти добряки, начиная съ перваго работника на фермѣ, старшаго сына мызника, до послѣдней служанки, учтиво встали съ своихъ мѣстъ, при входѣ Аиши, и заняли свои мѣста только, когда она сѣла за столъ. Каждый пробормоталъ про себя молитву, и ужинъ начался. Сначала всѣ молчали. Въ Бретани не любятъ впрямь дѣлать разомъ два дѣла; а однимъ изъ нихъ всѣ собесѣдники, за исключеніемъ Аиши, занимались, какъ нельзя лучше. Буря между тѣмъ ревѣла съ яростію. Вѣтеръ дулъ въ трубу и сыпалъ изъ нея золу на столъ. Дождь ударялъ въ листья деревъ и въ окна мызы. Для людей, привыкшихъ къ однообразной сельской жизни, волненіе стихій всегда причиняетъ болѣе беспокойства и иногда даже страха, нежели для городскихъ жителей, потому что тамъ впечатлѣніе гораздо рѣже, чѣмъ въ городѣ. Поэтому-то ужинъ въ маленькой фермѣ кавалера д'Эди, близъ Роскова, имѣлъ въ этотъ разъ торжественный и почти печальный характеръ.

Аиша прервала молчаніе.

— Вы возвратились, Жанникъ, сказала она старшему сыну мызника, который цѣлый день провелъ въ отсутствіи, покупая на ярмаркѣ, въ шестидесяти миляхъ отъ Роскова, скотъ и другіе припасы; хорошо ли вы обдѣляли свои дѣла и не слышали ли тамъ чего нибудь?

Дѣла, кажется, обдѣлалъ не дурно; прелестная сударыня, по милости моего святаго патрона, которому я усердно помолился, но вѣсти не добрыя для нашего бѣднаго бретанскаго дворянства. Всѣ бунтовщики теперь задержаны, за заключеніемъ двухъ или трехъ, за которыми послана догоня, и буда имъ, если они попадутся, потому что дѣло идетъ о ихъ головахъ.

— А говорятъ ли, возразила Аиша, что эти двое или трое?

— Я слышала ихъ имена, да забыла, потому что они не наши земляки.

— О, Боже, проговорила въ полголоса Черкешенка, Боже! не?...

Она не кончила, потому что въ эту минуту залаяли на дворѣ собаки и среди рева вѣтра и шума дождя послышался сильный стукъ въ ворота.

— Кого это несетъ въ такой часъ и въ такую пору, вскричалъ фермеръ.

— Мнѣ кажется, возразилъ Жанникъ; что это кто-нибудь изъ заговорщиковъ, котораго ищетъ королевская Палата по всей Бретани. Никто не хочетъ принять ихъ, потому что судьи объявили, что всякій, кто дастъ имъ убѣжище, будетъ взятъ съ нимъ и осужденъ, какъ ихъ сообщникъ.

— Что же дѣлать, Боже мой? вскричала фермерша.

— Не станемъ двигаться съ мѣста, возразилъ Жанникъ: кто бы тамъ ни былъ; видя, что никто не отираетъ, устанутъ стучать и отправятся дальше.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ отчаянія ихъ, или отъ другой какой причины, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ перестали стучать въ ворота; но когда вѣтеръ и дождь удвоили свою ярость, стукъ начался снова.

— Можетъ быть, проговорила Черкешенка, это какой-нибудь бѣдный, беззащитный путникъ; котораго захватила на дорогѣ буря. Безчеловѣчно было бы оставить его умирать такимъ образомъ отъ голода и стужи на порогѣ жилища. Если вы вѣрите мнѣ, Жанникъ, то возьмите фонарь и посмотрите сами, кто тамъ такой.

Хозяева мызы, покорные наставленіямъ кавалера д'Эди, привыкли повиноваться желаніямъ молодой дѣвушки, какъ оракулу. Жанникъ поспѣшно всталъ изъ-за стола, и, черезъ минуту, вошелъ въ залу, съ двумя незнакомцами, высокаго роста, которыхъ грубыя одежды были испачканы грязью и промочены дождемъ.

Незнакомцы, которыхъ черты лица скрыты были широкими полями соломенныхъ шляпъ, надетыхъ на брови, и густыми бородами, молча сѣли у очага. Тогда они сняли свои шляпы и, при свѣтѣ огня, упавшаго на блѣдное лицо одного изъ нихъ, Аиша съ судорожнымъ трепетомъ узнала въ немъ графа де Ферріоля. Другойъ былъ Марино Марини.

— Теперь, сказалъ Жанникъ, обращаясь къ новопривывшимъ: вы покажете намъ ваши бумаги. Безъ этого, мы не можемъ оказать вамъ гостепримства.

Графъ и его товарищъ обмѣнялись взглядомъ, въ которомъ отъ

ражалось отчаяніе. Но вдругъ Марини затрепеталъ и быстро указалъ Ферріюлю на Черкешенку, которая, блѣднѣе смерти, смутнымъ взоромъ озирала того и другаго. Изумленіе и радость просіяли на лицѣ графа.

— У насъ нѣтъ бумагъ, сказалъ, онъ глухимъ голосомъ, но здѣсь есть нѣкто, который насъ знаетъ, и который не откажется, безъ сомнѣнія, отвѣтить за насъ.

Въ это время онъ поднялся, и, приблизился къ молодой дѣвушкѣ.

— Аиша, сказалъ онъ тихо: насъ должно спасти. За нами гонятся съ утра, какъ за хищными звѣрями. Ночью, потерявъ нашъ слѣдъ, но насъ ищутъ; отряды солдатъ въ эту минуту рыскаютъ по окрестностямъ, и если намъ откажутъ здѣсь въ гостепріимствѣ, мы погибли. Аиша! Я спасъ тебя нѣкогда изъ рукъ палачей, хочешь-ли ты теперь заплатить свой долгъ?

Молодая дѣвушка нѣсколько минутъ не отвѣчала ни слова. Сердце болѣзненно сжалось въ ея груди; ее снова связывала цѣпь; но таково было видимое и неумолимое опредѣленіе судьбы. Нужно было покориться.

— Богу угодно, проговорила она: Богу угодно. Да будетъ Его святая воля! Я слѣдовала за вами, изгнанникомъ, прибавила она, обращаясь къ Ферріюлю: я не измѣню вамъ. Друзья мои, я знаю этихъ людей и прошу васъ оказать имъ гостепріимство. Если что случится, я одна отвѣчаю за все.

Едва Аиша окончила эти слова, какъ новоприбывшіе окружены были уже всѣми людьми, находившимися на фермѣ. Одни разводили огонь и сушили платье Ферріюля и Марини; другіе принесли пищу, на которую два заговорщика бросились съ жадностью, потому что цѣлый день ничего не ѣли. Отогрѣвшись и насытившись, они, по приглашенію мызника, встали, вмѣстѣ со всѣми присутствующими, на колѣни, чтобы возблагодарить Бога за все ниспосланное; и Ферріюль, въ первый разъ въ своей жизни, не могъ не обратить взора своего къ небу, которое послало ему встрѣтить въ бѣдной бретанской мызѣ бѣдную дѣвушку, съ которой онъ такъ жестоко обходился, и которая отмщала ему спасеніемъ его отъ смерти.

По окончаніи молитвы, каждый удалился, и какъ на бѣдной фермѣ кавалера д'Эди не было постелей, то путешественникамъ отведенъ былъ для ночлега сарай, набитый превосходнымъ сѣномъ. Въ эту минуту, Марини, непророчившій во все время ни одного слова, открылъ наконецъ свой ротъ.

— Ну, графъ, сказалъ онъ, съ удовольствіемъ потягиваясь на роскошной соломѣ: по милости великодушной нашей заступницы, Святой Кунигунды, мы славно попили, славно поѣли и покуда въ безопасности отъ гопителей, которыхъ чортъ бы побралъ съ ихъ Регентомъ и аббатомъ Дюбуа! Но я сомнѣваюсь, чтобы насъ оставили здѣсь въ покоѣ. Дождь пересталъ и луна тотчасъ же взойдетъ. Не стапемъ дожидаться здѣсь дня; а отдохнувъ немного, отправимся-ка скорѣй въ путь. Мы не въ безопасности, чортъ возьми и я боюсь обыска.

— Чтò касается до меня, возразилъ Ферриоль, съ философскою безпечностью, которая скрывала въ эту минуту, быть-можетъ, совершенно другое чувство, возбужденное при видѣ прелестной его питомцы, то мнѣ здѣсь прекрасно, и я остаюсь. Эта бродяжническая жизнь, которую влачимъ мы цѣлый мѣсяцъ, начинается утомлять меня. Чтò же дѣлать, любезный Марини? Мы захотѣли слишкомъ многого и проиграли партію. Теперь намъ приходится платить. Никто не можетъ спасти насъ. И когда придетъ часъ платежа, то есть, смерти, то утѣшительно будетъ, по крайней мѣрѣ, платить вмѣстѣ.

— Чтò вы говорите, графъ? Заплатить! заплатить! Клянусь Святой Кунегундой, я хочу играть; но я не плачѹ.

— Однако жъ, это необходимо. Если вы и уйдете отсюда, то чтò же изъ этого выйдетъ? Кругомъ солдаты, а на границахъ полиція. Чтò и дѣлайте, а вы не избѣгнете ихъ.

— Э, да перестаньте, любезнѣйшій говорить объ этомъ. У меня волосы поднимаются дыбомъ отъ этого.

— Полно, любезнѣйшій Марини, вы участникъ въ седьмомъ заговорѣ? Если бъ кто слышалъ васъ, то, навѣрное, принялъ бы васъ за новичка.

— Послушайте, графъ, мнѣ пришла идея, славная идея.

— Говорите.

— Если бъ одинъ изъ насъ могъ избѣжать участи, которая ожидаетъ его, то не славно ли было бы это для его семейства, его друзей?...

— Семейство!... Друзья!... У меня ихъ нѣтъ уже.

— А, это другое дѣло. Вы однако жъ забываете эту очаровательную малютку, которую мы встрѣтили; все равно! Хотите ли бросить жребій, кому не быть убитымъ?

— Я не могу понять.

— На-тѣ двѣ соломенки.... тяните.

— Но, для чего?

— Для чего? Для чего?... Да развѣ вы не понимаете, что если одинъ изъ насъ пойдетъ донести на другаго въ Росковъ, то онъ будетъ непременно помпловапъ. Тяните-ка съ Богомъ.

— Я, никогда! Ваше предложеніе безчестно, синьоръ Марини.

— Графъ!

— И я былъ глупъ, что ожидалъ отъ васъ чего-нибудь другаго.

— Оставимъ это, графъ, если вамъ не нравится. Но вы въ самомъ дѣлѣ, не правы; тѣмъ болѣе, прибавилъ онъ въ умѣ, что я принялъ свои мѣры для выигрыша.

Послѣдовало молчаніе. Потомъ Марини возразилъ:

— Говорятъ, что утро вечера мудренѣе. Такъ заснемъ же. Прощайте, графъ. Да сохранить насъ Святая Кунигунда!

Затѣмъ Марини растянулся на солому и черезъ минуту захрапѣлъ на весь сарай. Графъ долго не могъ заснуть, наконецъ, усталость одолѣла его и лучъ мѣсяца, пробившійся въ сарай черезъ отверстіе, сдѣланное вмѣсто окна, ударилъ прямо въ лицо спящему. Въ эту минуту Марини тихонько приподнялся и, медленно придвинувшись къ нему, съ глубокимъ вниманіемъ посмотрѣлъ въ лицо своему товарищу, которое представляло какое-то смутное сходство съ профилемъ покоящагося льва. Удовольствившись хорошенько въ томъ, что де-Ферриоль погруженъ въ глубокой сонъ, Марини всталъ, вынулъ изъ своего кармана клочекъ бумаги, который рассмотрѣлъ онъ, при свѣтѣ луны, съ дьявольскою улыбкою и проворчалъ сквозь зубы.

— А! вы хотите донести на меня, графъ! Спасибо! Спите до тѣхъ-поръ, пока не услышите чего-нибудь отъ меня, а я утекаю.

Сказавъ это, онъ съ удивительною легкостью, влезъ въ отверстіе, о которомъ мы говорили и которое выходило въ поле, и быстро пошелъ по направленію въ городъ Росковъ.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ послѣ этого, графъ де-Ферриоль, пробудившись внезапно въ сараѣ, гдѣ онъ нашелъ убѣжище, при свѣтѣ многихъ фонарей, увидѣлъ себя окруженнымъ солдатами, вооруженными съ ногъ до головы, и какъ бы въ ужасномъ кошмарѣ слышалъ эту страшную обычную фразу, произнесенную гнусливымъ голосомъ:

«Именемъ короля, арестую васъ, графъ де-Ферриоль, какъ преступника противъ особы его величества».

X.

МИНИСТРЪ И ФАВОРИТКА.

Если мы перенесемъ мыслию въ Парижъ, въ Пале-Ройяль, мы найдемъ монсеньера Регента въ его кабинетѣ, бесѣдующаго съ его преосвященствомъ, архіепископомъ Камбрэскимъ, или его превосходительствомъ министромъ, государственнымъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, потому что таковъ былъ, съ недавняго времени, двойной титулъ аббата Дюбуа. Филиппъ Орлеанскій сидитъ у стола, на которомъ, на кучѣ бумагъ, лежатъ послѣднія депеши изъ Бретани. Первый его министръ стоитъ подлѣ него, облокотившись фамильярно на ручку его кресель, и смотритъ на него съ недовольнымъ видомъ.

— И такъ, ваше высочество, сказалъ архіепископъ: ваша милость припесла свои плоды. Заговоръ Селлямарскій, отпущенный вами, породилъ возмущеніе Бретани; я вамъ говорилъ это. Этотъ дряблѣй заговоръ, какъ гнилое дерево, имѣлъ множество развѣтвленій. Вы хотѣли посѣять милость и собираете безпорядокъ, Прекрасно.

— Ба! есть отчего приходиться въ гнѣвъ за невинную прогулку нѣсколькихъ дворянчиковъ, показавшихся съ оружіемъ въ рукахъ и которые, какъ воробьи, разсѣялись безъ ружейнаго выстрѣла?

— Тѣмъ не менѣе хотѣли они отдать берега Бретани Испанцамъ и поднести ваше регентствовашему благородному двоюродному братцу Филиппу V, который лучше бы испровергъ регентство Алберони.

— Увѣренъ ли ты въ этомъ преступномъ планѣ?

— Увѣренъ ли я, ваше высочество? Вотъ, прочтите это письмо, адресованное испанскимъ королемъ къ одному изъ заговорщиковъ. Оно написано собственною рукою Филиппа V.

Въ то же время Дюбуа поднесъ Регенту тайственную записку, привезенную во Францію такимъ страннымъ образомъ, въ бутылкѣ малагекскаго вина, записку, которой содержаніе не бесполезно, можетъ быть, повторить здѣсь:

«Сіеръ де-Мелакъ Гервѣ привезъ мнѣ предложеніе отъ бретанскаго дворянства, относящіяся до двухъ державъ. Я полагаюсь на то, что сказанный сьеръ отвѣтитъ имъ отъ моего име-

«ни. Но я самъ увѣряю ихъ здѣсь, что мнѣ пріятно видѣть ихъ готовыми на славное дѣло и что я подкрѣплю ихъ, какъ могу, радуясь тому, что имѣю случай оказать имъ уваженіе, которое питаю къ такимъ вѣрнымъ подданнымъ короля, моего племянника, которому желаю только добра и славы.

«Въ лагерь Сень-Естевана, 22 іюня, 17»9.

«Филиппъ».

— Ну, что вы скажете на это, ваше высочество?

— Я скажу, что братецъ мой, испанскій король страстно, кажется, завидуетъ моему мѣстечку и что это меня удивляетъ

— Почему же?

— Потому что я вовсе не завидую его.

— Тѣмъ болѣе причины для него, ваше высочество.

— Знаютъ ли, по крайней мѣрѣ, кому адресована эта записка?

— Нѣтъ, ваше высочество. Кавалеръ д'Эди, приславшій мнѣ ее, упустилъ единственнаго человѣка, который бы могъ бы навести насъ на толкъ.

— Кого же?

— Нѣкоего Марино Марини, Италіянца на испанской подкладкѣ, присвоившаго себѣ титулъ графа святой римской имперіи, одного изъ тѣхъ питригантовъ, которыхъ имя замѣшено во всѣхъ болѣе или менѣе преступныхъ козняхъ, волновавшихъ Европу въ послѣдніе годы.

— Марини! Дѣйствительно, я припоминаю это имя; но, удивляюсь, что д'Эди, благородный и вѣрный подданный выпустилъ этого человѣка.

— Этотъ человѣкъ открылъ убѣжище одного изъ самыхъ отчаянныхъ враговъ вашего высочества, графа де-Ферриоля и невозможно было иначе одобрить измѣну.

— Ну, такъ; я это знаю, одно изъ твоихъ любимыхъ правилъ, но д'Эди....

— Сверхъ того, папскій нунцій вмѣшался въ это дѣло. Его святѣйшество, кажется, интересуется немного этимъ Марини.

— А ты хочешь быть кардиналомъ! Теперь я начинаю понимать; но не слѣдовало обвинять д'Эди, когда, безъ-сомнѣнія, это ты его уполномочилъ....

Доставить тайно Марини средство къ побѣгу. Правда, ваше высочество; но есть случай, когда подчиненный долженъ имѣть довольно ума, чтобы не повиноваться приказанію. Этотъ д'Эди храбръ и преданъ, но не смыслить ничего въ политикѣ.

— Къ счастью, что ты смыслишь въ ней за себя и за многихъ другихъ.

— Ваше высочество, вы слишкомъ милостивы.

— Ты заносчивъ Дюбуа.

— Я желаю быть тѣмъ, чѣмъ угодно быть вашему высочеству, даже кардиналомъ и папою, если нужно. Между-тѣмъ, я требую отъ васъ, на этотъ разъ, честнаго слова, что вы предоставите мнѣ дѣйствовать по моему произволу, въ вашу пользу и въ пользу государства въ этомъ глупомъ британскомъ заговорѣ. Радъ Бога, только не мѣшайте мнѣ. Я не хотѣлъ отправить этихъ неучей въ реннскій парламентъ, который подаль имъ примѣръ возмущенія. Я предпочиталъ добрую, безпристрастную и составленную мною самимъ комиссію. Вы подпишите мнѣ полномочіе и приговоры ея будутъ исполнены немедленно, безъ апелляціи.

— Въ умѣ ли ты? Употреблять жестокія мѣры противъ этихъ дикихъ звѣрей, которые осрамили бы поселянъ, на которыхъ они походятъ, если бъ они не были дворянами! Пусть они живутъ, они такъ не искусны!

— Когда дѣло не чисто, тутъ-то и не надо никогда падать на искусныхъ, ваше высочество. Эти-то и начинаютъ опять!

— Но они на вѣкъ будутъ напуганы, если представлены были однажды въ судъ.

— Нисколько, ваше высочество. Въ этой полудикой странѣ милость ваша не будетъ имѣть ровно никакой пользы, и если не отрѣжутъ имъ головы, они ничего не поймутъ въ вашей цивилизованной логикѣ. Предоставьте мнѣ дѣйствовать, и если въ этотъ разъ возмущеніе не будетъ совершенно искоренено, я оставляю вамъ поле дѣйствія при третьей попыткѣ. Подумайте объ этомъ, ваше высочество. Здѣсь дѣло шло болѣе чѣмъ о возмущеніи, о измѣнѣ: хотѣли ввести иностранца во Францію.

— Ты хочешь этого?... ну, пусть такъ. Я согласенъ на это, сказалъ регентъ, которому слово измѣна внушало ужасное негодованіе. Что же нужно подписать тебѣ?

Въ то же время, Регентъ разсѣянно взялъ со стола перо и уже приготовлялся подписать, не читая бумаги, которыя представлялъ ему его министръ, какъ дверь кабинета, въ которой происходила эта сцена, съ шумомъ отворилась, и швейцаръ скороговоркою доложилъ о пріѣздѣ г-жи де-Параберъ. Регентъ и Дюбуа задрожали; но, разумѣется, отъ совершенно различныхъ

впечатлѣній, Министръ не могъ удержать проклятiя, сорвавшiяся съ его языка:

— Чортъ побори женщинъ, которыя мѣшаютъ дѣламъ!

Но Регентъ улыбающагося и тихо отвѣчалъ:

— Ты ошибаешься, другъ мой, посылая женщинъ къ дьяволу; это онѣ посылаютъ насъ къ нему.

Въ эту минуту фаворитка вошла въ кабинетъ. Нездоровье задержало ее на нѣсколько дней въ Реннѣ, гдѣ присоединилась къ ней курьеръ кавалера д'Эди. Она въ первый разъ являлась въ Палеройялѣ послѣ своего путешествiя. Филиппъ Орлеанскiй съ удовольствiемъ услышалъ ея имя, тѣмъ болѣе, что онъ уже усталъ отъ политическаго разговора и вовсе не ожидалъ такого прiятнаго разсѣянiя.

— Мнѣ необходимо было снова увидѣть друга, сказалъ онъ прелестной путешественницѣ, послѣ семейнаго несчастiя, которое постигло меня (*). Скажите мнѣ, моя прекрасная, въ какой степени долженъ я сдѣлаться пароднымъ въ Бретани, такъ какъ вы тамъ представляли меня.

— Ну, поздравляю васъ, ваше высочество, съ вашею прекрасною Бретанью. Разбойники, заговорщики, нападенiя на дорогѣ, настоящая осада въ вашемъ замкѣ Плегать-Герандъ... вотъ результатъ моего путешествiя для удовольствiя.

— Въ самомъ дѣлѣ, я припоминаю, что вы мнѣ написали объ этомъ очаровательное письмо....

— За отвѣтомъ, на которое я пришла сама.

— Вотъ онъ, сказалъ Регентъ, нѣжно цѣлуя руку фаворитки. Потомъ, обращаясь къ Дюбуа:

— По истинѣ, проговорилъ онъ, она еще болѣе разсвѣбла. Не правда ли?

Министръ отвѣтилъ только гримасою, которою онъ хотѣлъ выразить свое удивленiе къ прелестямъ г-жи де-Параберъ, которая, наклонившись къ принцу, въ свою очередь, сказала ему на ухо.

— Чтѣ это дѣлается съ г-мъ Дюбуа? Онъ еще болѣе подурнѣлъ.

— Это съ того времени, какъ онъ сдѣлался архіепископомъ.

— Въ такомъ случаѣ, ваше высочество, я не желаю быть ему кардиналомъ, точно также, какъ и никогда не въ состоянiи буду привыкнуть величать его вашимъ преосвященствомъ. Посмотрите на него, пожалуйста.

(*) Смерть герцогини Беррійской, его дочери.

Говоря это, молодая женщина захохотала такъ наивно, что Регентъ не могъ не послѣдовать ея примѣру. Дюбуа кусаль себѣ губы, потому что хотя разговоръ и былъ веденъ на ухо, онъ легко догадался, что дѣло шло о немъ. Впрочемъ, не показываясь разсерженнымъ, онъ возразилъ холодно-проницательнымъ тономъ:

— Во всякомъ другомъ случаѣ я не преминулъ бы раздѣлить веселость, которая позволяетъ вамъ, сударыня, выказать намъ самые очаровательные ваши зубки; но послѣ такого, по крайней мѣрѣ, печальнаго разговора, который имѣлъ я съ его высочествомъ, признаюсь, я тщетно силюсь вызвать на уста улыбку.

— Что же такое, спросила Параберъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Регентъ: Дюбуа правъ, а я виноватъ; въ ту минуту, какъ вы вошли, онъ говорилъ мнѣ о строгостяхъ.... необходимыхъ....

— Между-тѣмъ какъ его высочество ожидаетъ отъ васъ только милостей.... Но можно ли ожидать инаго отъ васъ, сударыня? А я знаю, что играю не слишкомъ прекрасную роль.

— И, любезнѣйшій Дюбуа, да развѣ вы играли когда-нибудь лучшую?

— Дерзкая! Сударыня, я не менѣе его высочества восхищенъ, увидѣвъ васъ, послѣ столь долгаго отсутствія; но не можете ли вы отложить ваше посѣщеніе до другаго времени? Государственные дѣла требуютъ.... Я просилъ его высочество подписать.... Кромѣ того, еще свѣтло, и вы понимаете....

— Если свѣтло, то вы должны мнѣ уступить мѣсто, потому что если кто изъ насъ двухъ похожъ на почную птицу, то не думаю, чтобы это была я.

Регентъ снова принялся хохотать — трудъ, который исполнял онъ отъ чистаго сердца. Впрочемъ, онъ довольно имѣлъ власти надъ собой и побѣдилъ свой смѣхъ.

— Но это никогда не кончится, вскричалъ онъ: если я не прерву вашей болтовни. Дюбуа, ты долженъ уступить мѣсто. Оставь насъ.

— Я ничего болѣе и не требую, ваше высочество, лишь бы только сначала вы подписали мнѣ эти бумаги.

— Что это за бумаги?

— Ваше высочество изволите знать. Это указъ королевской палаты, собранной въ настоящую минуту въ Нантъ, чтобы приступить къ суду надъ мятежниками. Судъ этотъ долженъ

произнести приговоръ и исполнить его немедленно, безъ аппелляціи.

— Ты этого непременно хочешь?

— Не я, ваше высочество, а государственная польза требуетъ того.

— Ну, такъ дай мнѣ перо и кончимъ.

— Остановитесь, ваше высочество, съ живостью вскричала Параберь: не можете ли отложить до завтра эту строгую мѣру, которая должна погубить нѣсколько головъ?

— Все равно, сударыня, возразилъ Дюбуа, торжественнымъ тономъ, если эти головы принадлежать преступникамъ противъ особы его величества?

— Для меня вовсе не все равно, если день моего приѣзда не будетъ отмѣченъ смертными приговорами, и его высочество, безъ сомнѣнія, не откажетъ мнѣ отложить это дѣло, хоть до завтра.

— Сударыня, курьеръ внизу и уже давно дожидаетъ.

— Ну, что жъ! Нужно отпустить его и дать ему отъ меня нѣсколько пистолей на водку, которую бы выпилъ онъ за здоровье Регента. Не такъ ли, ваше высочество?

— Этого не будетъ, сударыня, потому что его высочество вполне убѣжденный въ необходимости окончить съ заговорщиками, далъ мнѣ въ томъ слово и располагался подписывать, когда вы вошли.

— Его высочество удостоитъ, по моей просьбѣ, перемѣнить мнѣніе.

Безстрастный и нѣмый, въ продолженіе этого послѣдняго спора, Филиппъ Орлеанскій заботливо избѣгалъ взглядовъ очаровательницы, которыхъ власть была ему слишкомъ знакома. Раздраженный такимъ поступками своего господина, Дюбуа возразилъ холоднымъ, но твердымъ голосомъ.

— Его высочество свободенъ измѣнить своему слову; а я, съ своей стороны, свободенъ просить его, въ такомъ случаѣ, принять мою отставку и сложить съ меня званіе министра государственнаго секретаря.

Регентъ затрепеталъ; но г-жа де-Параберъ, отъ которой не скрылось его смущеніе отъ подобной выходки Дюбуа, тотчасъ же отвѣчала:

— А я, если его высочество подпишетъ, я оставляю тотчасъ же Пале-Рояль и клянусь не вступать въ него болѣе ни ногой.

Ну, ваше высочество, Дюбуа правъ; время идетъ; выбирайте изъ насъ двухъ.

— А! какое тиранство! проговорилъ Регентъ, бросая попеременно перъшительные взоры на двухъ совѣтниковъ во фракъ и юбокъ. Чтò дѣлать? На чтò рѣшиться?

Произошло молчаніе; потомъ, фаворитка какъ бы вдругъ рѣшилась на чтò-то.

— Послушайте, ваше высочество, сказала она: по крайней мѣрѣ, до подписанія бумагъ, вы не откажете мнѣ побесѣдовать со мною хоть четверть часа.

— Дюбуа, возразилъ немного смущенный принцъ: по совѣсти, я не могу отказать ей.

— Извольте, ваше высочество, отвѣчалъ Дюбуа, холодный и строгій. Черезъ четверть часа я приду за отвѣтомъ.

Сказавъ это, прелатъ улялился и регентъ остался наединѣ съ фавориткой.

— Ну, скажите ли вы мнѣ наконецъ теперь, вскричалъ онъ: что за интересъ вамъ мѣшаться въ это дѣло? Развѣ въ числѣ заговорщиковъ есть кто-нибудь изъ вашихъ друзей?

— Кажется, никого, и однакожь я обѣщала спасти одного,

— Кого?

— Я не знаю еще его имени.

— Вотъ славно! А кому вы дали такое обѣщаніе?

— Это моя тайна.

— Отъ часу не легче. Ужь не парл ли это?

— Никакъ.

— Я лучше бы хотѣлъ этого, потому что то, чтò вы требуете отъ меня, невозможно.

— Вы возьмете свое слово назадъ.

— Ни за что; ибо я положительно обѣщала Дюбуа отказаться на этотъ разъ отъ своего права помилванія, и не могу противорѣчить себѣ.

— Государственный мужъ!... Позвольте мнѣ, впрочемъ, припомнить вамъ, ваше высочество, что вы никогда не ограничивались однимъ рѣшеніемъ, когда оно было строго.

— Прежде, такъ; но теперь....

— Теперь же ваше высочество, вы не откажете мнѣ въ первой милости, которой требую я отъ васъ по возвращеніи, хотъ въ вознагражденіе бѣдственнаго моего странствія. Ну, хотите ли сдѣлать условіе? Я вижу, что нужно быть благоразумнымъ.

Вы подпишите то, чего требуетъ отъ васъ аббатъ Дюбуа, и, въ тоже время дадите мнѣ бланкъ, для освобожденія одного изъ обвиненныхъ.

— Но если этотъ обвиненный виновнѣе всѣхъ.

— Право, я вовсе ничего о томъ не знаю. Да и что же за милость была бы ваша, еслибъ это былъ невинный!

— Повѣрьте, что мнѣ очень трудно не уступить вашей просьбѣ, но я, въ свою очередь, умоляю васъ отказаться отъ вашего плана совершенно противоположнаго выгодамъ государства. Требуйте отъ меня все, чего захотите, псключая этого; я готовъ жертвовать вамъ всѣмъ. Можетъ-быть, вамъ не нравится вашъ отель? Я вамъ дамъ другой. Хотите вы замокъ, герцогскій титулъ? говорите.

— Повторяю вамъ, ваше высочество, что я хочу только одного бланкета, о которомъ я говорила.

— А я повторяю, что это невозможно.

— Такъ потрудитесь позвать швейцара, чтобы онъ кликнулъ моихъ людей. Карета моя стоитъ у маленькихъ воротъ Пале-рояля.

— Какъ, вы еще не отослали еѣ? Развѣ вы не хотите отужинать со мной сегодня?

— У меня было смутное предчувствіе, ваше высочество, что это свиданіе будетъ послѣднее между нами. Въ этомъ случаѣ, оно должно быть какъ можно короче. И такъ, простите.

— О, вы не покинете меня такимъ образомъ, послѣ столь долгаго отсутствія, когда я вижу васъ снова, очаровательнѣе прежняго. Изъ сожалѣнія хоть, останьтесь здѣсь.

Вы сами знаете, что я всегда расположенъ къ снисхожденію; если я отказываюсь отъ него теперь, то вѣрьте, что того требуетъ необходимость. Къ тому жъ, что за нужда вамъ спасать человѣка, котораго вы не знаете. Если онъ осужденъ, ну что жъ можно доставить ему средство къ побѣгу. Болѣе, я ничего не могу сдѣлать.

Говоря это, Регентъ завладѣлъ миленькой ручкой, которую покрывалъ поцѣлуями; но г-жа де-Параберъ отдернула ее и встала.

— Ваше высочество, сказала она: четверть часа прошло, и я уступаю мѣсто аббату Дюбуа.

Въ эту минуту дверь отворилась и министръ вошелъ.

— Ну, что жъ, ваше высочество, вскричалъ онъ.

— Есть средство, любезнѣйшій Дюбуа, устроить это дѣло. Она согласна на то, чтобъ я подписалъ повелѣніе, которое ты тре-

буешь. Она требует только бланкета для одного обвиненнаго, котораго не называетъ. Чтò скажешь на это?

Дюбуа помолчавъ нѣсколько минутъ и отвѣтилъ:

— Я согласенъ съ своей стороны, на одномъ только условіи. Этотъ бланкетъ не будетъ имѣть дѣйствія, если дѣло идетъ о томъ изъ мятежниковъ, которому адресовано было письмо испанскаго короля. Напишите это собственноручно, ваше высочество.

— Ну, довольны ли вы, моя красавица, сказалъ въ полголоса Регентъ, наклонясь къ фавориткѣ. Дюбуа, я увѣренъ, будетъ дуться на меня, по-крайней-мѣрѣ, цѣлую нелѣю.

— А, весело возразила молодая женщина: еслибъ я не имѣла болѣе кредита, нежели министръ, и болѣе власти, нежели архіепископъ, не стоило бы труда быть прелестной подругой регента, какъ вы меня называете.

Сказавъ это, она схватила перо, вложила его въ руку Регента и начала водить пальцами его по бумагѣ, тихонько пожимая ихъ. Потомъ, сложивъ бланкетъ, она запечатала его и украдкой написала на оберткѣ: «Кавалеру д'Эди, въ Нантѣ».

Черезъ нѣсколько минутъ, курьеръ, дожидавшійся на дворѣ Пале-Рояля, отправился во весь карьеръ, въ Нантъ, съ безжалостными повелѣніями, подготовленными министромъ и милостивымъ посланіемъ, выманеннымъ фавориткою.

Вечеромъ того же дня, большой ужинъ въ Пале-Роялѣ былъ отложенъ и его высочество регентъ ужиналъ одинъ въ своихъ маленькихъ покояхъ съ г-жою де-Параберъ.

XI.

ПЛОЩАДЬ БУФФЫ.

На востокъ отъ Нанта находится мрачный замокъ Буффы; въ которомъ былъ заключенъ Ферриоль. Здѣсь ждалъ онъ рѣшенія своей участи.

Рано утромъ вошелъ къ нему привратникъ и пригласилъ его въ залу трибунала, въ который уже былъ д'Эди.

— Я долженъ объявить вамъ, сказалъ онъ: рѣшеніе вашей участи. Васъ отошлютъ на судъ въ Парижъ.

Ферриоль старался скрыть свою радость.

— Я надѣюсь, продолжалъ д'Эди, что графъ Ферриоль избѣгнетъ

того наказанія, которое помрачило бы его имя. Кромѣ этого, я имѣю списокъ, въ которомъ помѣщенные мною особы воспользуются полною свободою. На немъ я основываю одну надежду.

— Я бы желалъ знать, чѣмъ могу заслужить ваше благородство? спросилъ Ферриоль.

— Вы должны это знать. Я полагаю, что, можетъ быть, вы сжалитесь надъ страданіями и безчестіемъ той дѣвушки, судьба которой была въ вашихъ рукахъ.

— Понимаю. Вы хотите, чтобъ я отказался отъ правъ своихъ на Аншу?

— Вы ошибаетесь. Только давши ей имя графини Ферриоль можно загладить предъ ней свою вину.

— О нѣтъ! Подобный бракъ также запятнасть благородное имя, какъ и судъ трибунала.

— Въ послѣдній разъ спрашиваю васъ, принимаете ли вы это условіе.

— Въ послѣдній разъ повторяю вамъ, что Ферриоль никогда не женится на своей невольницѣ. Трибуналъ не будетъ разбирать личныхъ отношеній, онъ будетъ судить виновнаго въ возмущеніи.

— Трибуналъ осудитъ на смерть измѣнника. Вамъ, графу Ферриоль, главѣ постыднаго заговора, принадлежитъ письмо на имя Филиппа V. Оно мнѣ доставлено Итальянцемъ Марини, который открылъ ваше убѣжище. Теперь въ моихъ рукахъ ваше спасеніе и ваша гибель.

“Ферриоль былъ неподвиженъ. Холоднымъ потомъ покрылось лицо его.

— Графъ Ферриоль слишкомъ презираетъ рабство и не согласится на ваше предложеніе, хотябъ угрожалъ ему эшафотъ.

— Смотрите же! сказалъ д’Эди, подведя Ферриоля къ окну. На площади стоялъ черный эшафотъ, окруженный рядомъ солдатъ. Вскорѣ показался конвой, сопровождавшій четырехъ человекъ съ скованными руками. Ферриоль ихъ узналъ: это были Коедикъ, Талье, Монлуи и Дюге де-Понкале.

Коедикъ вошелъ первый на эшафотъ, сохраняя все присутствіе духа и мужество, которымъ отличился въ битвахъ. Отсѣченная однимъ ударомъ голова его покатила по полу и окровавила эшафотъ.

Монлуи не могъ войти по лѣстницѣ, солдаты внесли его. Талье былъ третій. Онъ умеръ не съ храбростью солдата, но съ

спокойствіемъ христіанина. Обнявъ священника, онъ положилъ на плаху свою голову. Понкале былъ послѣдній.

Блѣдность Ферріоля удвоилась, губы его судорожно сжались. Невольно закрылъ онъ глаза, какъ бы предъ страшнымъ видѣніемъ.

Сжалтесь! вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ,—и гордый дворянинъ упалъ на колѣни.

Присутствіе духа его оставило, въ эту минуту онъ забылъ оскорбленную свою гордость, и ненависть уступила мѣсто ужасу.

— Сжалтесь! повторилъ онъ.

— Итакъ, сказалъ съ торжествомъ д'Эди: вы клянетесь дать Аишѣ имя графини Ферріоль.

— Все, что хотите!

— Поклянитесь мнѣ вашей честію.

Послѣдовала минута молчанія. Ферріоль, казалось, колебался, но ужасная картина была свѣжа въ его памяти.

— Клянусь! сказалъ онъ.

— Завтра вы будете свободны. Въ день вашей свадьбы я вручу вамъ письмо ваше.

д'Эди вышелъ. Нѣсколько минутъ Ферріоль стоялъ неподвижно.

XII.

ГРАФИНЯ ФЕРРИОЛЬ.

Въ отелп Золотаго Льва Аиша перечитывала письмо д'Эди, который писалъ ей, что по разнымъ обстоятельствамъ онъ долженъ отправиться въ Мальту. Удаляясь отъ нее, и быть можетъ, безъ надежды когда либо увидѣться, онъ заклиналъ ее принять то, что готовилось для нее. Въ эту минуту вошелъ человѣкъ и доложилъ о пріѣздѣ графа Ферріоля.

Аиша затрепетала при этомъ имени, связанномъ съ ея судьбою.

— Вы, конечно, меня не ожидали, сказалъ вошедшій Ферріоль, бросивъ на кресло свой плащъ.

— Нѣтъ. Но какія бы не были послѣдствія вашего освобожденія, я радуюсь за васъ.

— Не радуйтесь. Графъ Ферріоль избѣгнулъ постыдной смерти для безчестной жизни. Да! есть человѣкъ, который видѣлъ какъ блѣднѣлъ графъ Ферріоль и просилъ милости у ногъ его.

Эту милость оказалъ мнѣ вашъ покровитель, но съ условіями, которыя обязался я выполнить.

— Какія условія? спросила Анша.

— Предложить вамъ свою руку и имя графини Ферріоль.

— Мнѣ!?

— Вы отъ этого не откажетесь. Д'Эди этого хочетъ. Но вы знаете, что я раззорился. Совершивъ нашъ бракъ безъ торжества, безъ блеска, въ одной изъ церквей предмѣстья, мы тотчасъ же отправимся за границу подъ чужимъ именемъ. И такъ я нду распорядиться приготовленіями къ нашему браку и въ тоже время къ отъѣзду.

— Это напрасно, графъ! сказала третье лицо, появившееся въ дверяхъ. Это былъ д'Эди.

— Я предвидѣлъ, продолжалъ онъ, что вы, не отказываясь отъ исполненія нашего условія, постараетесь покрыть этотъ бракъ тайною. О вашемъ богатствѣ не заботьтесь. Анша получитъ его отъ друга, отъ котораго имѣетъ полное право принять его не красѣвши. Вы должны представить графиню Ферріоль всему французскому дворянству, которое соберется въ вашей отелн.

— Но....

— Я хочу этого, сказалъ д'Эди понизивъ голосъ: вспомните безславный эшафотъ и четырехъ Британцевъ, друзей вашихъ.

— О! это оскорбленіе.... но оно будетъ послѣднимъ, проговорилъ Ферріоль. Я согласенъ. Графиня Ферріоль будетъ представлена. Довольны ли вы? д'Эди кивнулъ головою въ знакъ согласія. Нотариусу поручено было написать актъ, въ которомъ Ферріоль между прочимъ помѣстилъ слѣдующее: что онъ, желая обогатить Аншу, оставляетъ ей въ даръ брилліанты, доставшіеся ему отъ покойной сестры его, на сумму въ 30 тысячъ ливровъ, съ тѣмъ, чтобы она сохраняла ихъ во всю жизнь. По смерти же ея они должны быть проданы и деньги отданы Ла-Рошу, камердинеру Ферріоля.

Черезъ нѣсколько дней, въ церкви Св. Павла, въ присутствіи избраннаго общества Франціи совершались два обряда. У главнаго алтаря съ торжествомъ совершалось бракосочетаніе 60 лѣтняго старца съ молодою 20 лѣтнею красавицей.

На правой же сторонѣ отъ главнаго алтаря, въ предѣлѣ, стоялъ на колѣняхъ молодой человекъ, съ смертною блѣдностью на лицѣ, произносившій обѣтъ рыцарства. Это былъ д'Эди.

По окончаніи этихъ обрядовъ д'Эди подошелъ къ графу Ферріолю и, сжимая ему руку, скрытно передалъ письмо, доставленное

ему Марини. Потомъ, обратясь къ Аишѣ, съ улыбкою, исполненною глубокой меланхоліи, сказалъ:

— Графиня! вы позволите мнѣ первому поздравить васъ, на это дасть мнѣ право союзъ мой съ Церковью. Графъ, теперь мы оба соединены узами.

Ни Аиша, ни Ферриоль не имѣли силы отвѣчать ему. Въ эту минуту подошла къ Аишѣ Параберьъ, желая поддержать и ободрить молодую женщину, сильно взволнованную прощаніемъ д'Эди.

Въ этотъ день вечеромъ отель Ферриоля блестяла тысячами свѣчей. Всѣ прилегающія улицы застановлены были разными экипажами. Казалось, весь дворъ собрался праздновать эту свадьбу и конечно любопытство публики возбуждено было въ высшей степени обстоятельствами, сопровождавшими этотъ странный бракъ.

Залы были наполнены. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ увидѣть молодыхъ.

Наконецъ въ 9 часовъ дверь отворилась и вошла Аиша, но она была одна.

Ларошъ, отворяя дверь, предупредилъ ее появленіе словами:

— Г-жа графиня вдова де-Ферриоль!

Холодный потъ выступилъ на лицѣ Аиши. Загадка была разрѣшена. Графъ Ферриоль сдержалъ свое обѣщаніе: онъ не захотѣлъ пережить поступка, на который смотрѣлъ онъ, какъ на опозорившій имя его.

За часъ до этого Ферриоль призывалъ въ свой кабинетъ Лароша, вручилъ ему запечатанный пакетъ, приказывая открыть, но только тогда, когда Аиша вздумаетъ вступить въ новый бракъ.

XIII.

НОВАЯ ЭЛОИЗА.

Послѣ смерти Ферриоля, нашли въ бумагахъ его письмо, на имя Аиши, которое начиналось такъ: Когда я васъ покупалъ, я назначалъ васъ быть моею дочерью и любовницею; вы были тѣмъ и другимъ.... Отсутствие вѣры и цинизмъ были соединены въ старомъ графѣ. Не смотря на блестящее вознагражденіе, сдѣланное имъ Аиши, безславіе, павшее на нее, не могло быть совершенно упитчожено. Но добрая и нѣжная душа Аиши заставила ее пролить искреннія слезы о Ферриолѣ. По смерти его, она надѣла

трауръ, и удалившись отъ общества, жила въ своей отели, въ совершенномъ уединеніи, выходя только въ церковь Св. Павла, гдѣ видѣла она въ послѣдній разъ д'Эди.

Прошелъ годъ со смерти Ферріоля. Аиша сидѣла въ своемъ будуарѣ. Подлѣ нея стояла Софья, убрывая ея голову; и наконецъ, кончивъ занятія, съ наивною радостію вскричала:

— Ахъ! какъ вы прекрасны, сударыня! Посмотрите въ зеркало! Мнѣ никогда не удавалось такъ хорошо убрать вашу голову, какъ теперь!

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала Аиша: я отдаю справедливость твоему искусству, но жалѣю что нѣкому полюбоваться твоей уборкой.

— Увы! сударыня, я это знаю, но вѣдь это ваша вина. Вотъ ужъ годъ прошелъ, а вы еще не скинули вашего траура.

— О! проговорила Аиша: я его никогда не скину.

— Никогда! вотъ хорошо! извините, сударыня, я мѣшаюсь не въ свое дѣло, но вы были всегда такъ добры, что позвольте и теперь сказать мнѣ, что я думаю.

— Хорошо! ну, что жъ ты думаешь?

— Я думаю, что вы дѣлаете слишкомъ много чести графу Ферріолю! я бы на вашемъ мѣстѣ....

— И ты бы на моемъ мѣстѣ сдѣлала бы тоже. Не по Ферріолѣ ношу я трауръ, но по другомъ, о которомъ я буду плакать всю свою жизнь.

— Но маркиза Параберьъ сказывала, что при дворѣ есть много знатныхъ особъ, и что она знала бы на вашемъ мѣстѣ, что надо дѣлать!

— Ахъ, Софія! если ты мнѣ искренно предана, то впередъ не говори этого. У меня же есть другое намѣреніе.

— Какое же, сударыня?

— Удалиться въ монастырь, гдѣ я могу свободно о немъ плакать. Ты помнишь объ Элоизѣ и Абельярѣ, двухъ влюбленныхъ, которыя, разлученныя въ жизни, соединились въ могилѣ. Ты понимаешь, что мы можемъ быть соединены, какъ Элоиза и Абельяръ.

Софія молчала и плакала.

— О, сударыня! умоляю васъ, не дѣлайте этого.

Въ эту минуту послышался шумъ за дверью. Софья вышла, чтобъ узнать его причину, и въ ту же минуту воротилась съ корзинкой въ рукахъ, наполненной разными письмами и листками газетъ. Аиша съ трепетомъ протянула руку, и взявъ корзинку

ку, быстро осмотрѣла надписи и съ неудовольствіемъ отбросила её въ сторону.

— Такъ вы не хотите читать, сударыня?

— Нѣтъ, отвѣчала Анша. Письма отъ д'Эди не было.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжала Софія; странно, что вы такъ долго не получаете письма отъ д'Эди. Вѣрно его отослали на войну съ варварами.

— Должно быть такъ. Молчаніе его беспокоитъ меня. Боже мой! не случилось ли съ нимъ несчастія!

— Я стану читать вамъ журналъ?

— Дѣлай что хочешь.

— Ахъ! вотъ письмо съ Мальты. О комъ-то говорятъ здѣсь?

— Читай, все-равно.

Софія прочла слѣдующее:

«Ередиземное море сдѣлалось театромъ кровавой бѣтвы. Наше судно, крейсировавшее у острова Магопа, встрѣтилось съ однимъ вооруженнымъ кораблемъ подъ неаполитанскимъ флагомъ. Графъ Діеннъ, командовавшій тартиною, ничего не подозрѣвая, хотѣлъ сблизиться. И когда уже былъ довольно близко, какъ вдругъ съ неаполитанскаго борта раздался выстрѣлъ изъ 20 орудій. Измѣна, вскричалъ графъ, и въ то же время увидѣлъ поднятый турецкій флагъ. Битва была ужасна. Но побѣда осталась за французскимъ флагомъ. Только, къ несчастію, битва эта стоила намъ смерти многихъ изъ хорошихъ нашихъ офицеровъ и въ томъ числѣ».....

Смертельная блѣдность покрыла лице Анши, она вырвала листокъ изъ рукъ Софіи, и быстро взглянувъ, прочла имя д'Эди.

Глухой стонъ вырвался изъ груди ея. Она упала безъ чувствъ.

Въ эту минуту вошла Параберъ, свѣжая, румяная, веселая, болѣе чѣмъ когда-либо!

— Что съ вами, моя милая? что съ вами? Пожалуйста, пойдите, посмотрите на мой новый экипажъ, проѣдентесь виждѣте. Экипажъ безподобный.

Черкешенка судорожно протянула руку къ листку газеты.

— Ахъ! понимаю, сказала Параберъ: извините моей веселости. Я не могла этого предвидѣть.... такъ вы его еще любите?

— Болѣе, чѣмъ когда-либо.

— Бѣдное дитя! а я только что хотѣла предложить вамъ вступить въ бракъ. Очень же жетати.

— Никогда!

— О! какъ же вы просты! Дитя, не говорите ни никогда, ни всегда.

XIV.

КАРДИНАЛЬСКАЯ ШАПКА.

Г. Дюбуа, камбрэскій архіепископъ, сидѣлъ у стола и писалъ письмо, которое, казалось, сильно занимало его. Самый страстный любовникъ не могъ бы изложить въ немъ такого удивительнаго краснорѣчія, съ какимъ писалъ Дюбуа. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, сохраненнаго безпристрастной исторіей. Оно адресовано систеронскому епископу, высокопреподобному отцу Лафито, изъ ордена іезуитовъ, молодому гасконскому авантюристу, замѣчательному по красотѣ своего лица и тонкости ума, и котораго, по этому именно, первый министръ счелъ приличнымъ послать въ Римъ къ папѣ Клименту XI, чтобы выхлопотать ему, вмѣстѣ съ кардиналами Тремульскимъ и Роганомъ, кардинальскую шапку.

«Не повторяю вамъ того, что поставлю я за славу и удовольствіе сдѣлать не только для его святѣйшества, но и для г. кардинала Албани (его племянника): заботы, службы, награды, «эстампы, книги, драгоценности, подарки, разнаго рода галантерейныя вещи; каждый день будетъ что-нибудь новое и неожиданное. Это главная черта моего характера. Я велъ себя такимъ образомъ цѣлую свою жизнь. Это знаютъ всѣ великія европейскія державы. Если благоугодно будетъ его святѣйшеству, то не пройдетъ ни одного дня въ его жизни безъ того, чтобы онъ не получилъ отъ меня какого-либо утѣшенія или заботы. Желанія его будутъ всѣ предупреждены. Я знаю, что не прилично въ извѣстныя лѣта порхать бабочкой, и я откажусь скорѣй отъ милости, которую приходилось бы долго ожидать. Гонимыя не выѣзжаютъ изъ Парижа въ Римъ съ пустыми руками, подобно гонцамъ изъ Рима. Я полагаю, что я сдѣлаю много для вѣры и доказываю свои чувства къ святительскому престолу. Его королевское высочество Регентъ проситъ этой милости, какъ единственной, которою онъ желаетъ навсегда ознаменовать свое регентство.»

Дюбуа еще не кончилъ, какъ дверь отворилась и явился Редгентъ. Его королевское высочество казался усталымъ и въ довольно худомъ расположеніи духа.

— Что ты тамъ дѣлаешь? сказалъ принцъ.

— Я готовлю въ Римъ нѣсколько писемъ, ваше высочество. Вамъ извѣстно, что аббатъ Тенсенъ отправляется сегодня вечеромъ въ столицу христіанскаго міра. Дѣло довольно важное. Святой отецъ очень старъ, очень боленъ, и тиара каждую минуту можетъ сдѣлаться упраздненною,—не нужно допускать къ открытію конклава до тѣхъ поръ, покуда мы не будемъ имѣть тамъ вѣрныхъ и испытанныхъ агентовъ, которые будутъ стараться о выгодахъ королевства.

— Скажи лучше, о твоихъ собственныхъ. Тебя беспокоитъ прежде всего не болѣзнь святаго отца, не результатъ совѣщаній конклава. Ты все мечтаешь о твоей шапкѣ, которую ты никогда не получишь, это я такъ говорю.

— Почему-жъ такъ, ваше высочество?

— Почему, почему.... Ты знаешь также хорошо, какъ и я, какъ ты мало этого достоинъ.

— Мнѣ кажется, ваше высочество, что кардинальская шапка будетъ сидѣть на моей головѣ не хуже, какъ на головѣ кардинала Албани, который расточаетъ сокровища своего дяди на синьору Мариначію, синьору Сильвию и на другихъ женщинъ.

— О, я въ томъ согласенъ совершенно! Въ этомъ отношеніи ты можешь идти рядомъ съ кардиналомъ Албани.

— А де-Роганъ разрѣ достоинѣе былъ меня?

— Де-Роганъ самый красивѣйшій изъ пастырей французской церкви, а ты самый безобразнѣйшій. — Сверхъ-того, это Роганъ, и я не думаю....

— Э, Боже мой! я знаю, что я самаго низкаго происхожденія; но, вручивъ мнѣ такой важный постъ, ваше высочество сравнили меня съ самыми великими вельможами королевства. Вамъ предстоитъ теперь довершить свое дѣло. Я думалъ, что по этому случаю вы не откажетесь снабдить аббата Тенсена особеннымъ посланіемъ къ его святѣйшеству.

— Ты худо выдумалъ.

— Какъ, ваше высочество, вы мнѣ отказываете?

— Конечно. Я уже, Богъ знаетъ сколько, написалъ собственноручныхъ посланій къ папѣ и всѣмъ верховнымъ властямъ христіанства по этому глупому дѣлу и болѣе писать не стану. Это

стоить государственной казны около восьми миллионъ, не считая безчестныхъ уступокъ, сдѣланныхъ Англіи, Австріи, Испаніи.

— Ахъ, ваше высочество, еще послѣднее усиліе, чтобы жертвы эти не остались бесполезными; самое крошечное писъмецо.

— Нѣтъ, говорю тебѣ, я твердо обдумалъ все. Тенсенъ отправится въ Римъ безъ моего посланія, и хорошо сдѣластъ, если останется тамъ.

— Отчего, ваше высочество?

— Отчего, отчего.... отъ того, что онъ обезчещенъ парламентскимъ приговоромъ *); отъ того, что сестра его интригантка, которая, не могла ничего получить отъ меня, когда была моею любовницей и съ досады бросилась на тебя и смѣется вдоволь надъ тобою; отъ того, что вы всѣ трое какъ пивки государства, которое вздохнетъ свободно только тогда, когда вы всѣ отправитесь къ чертямъ.

Сказавъ это, Регентъ бросился изъ кабинета и сильно захлопулъ за собою дверь.

Дюбуа нѣсколько минутъ стоялъ въ оцѣпѣненіи, съ безпокойствомъ задавая себѣ вопросы, неужели то неограниченное довѣріе, которымъ онъ пользовался до сихъ поръ, приближалось къ своему концу, и, не по примѣру-ли Алберони, придется ему лишиться вдругъ всѣхъ почестей? Онъ былъ погруженъ въ плачевныя размышленія, когда вошелъ швейцаръ и доложилъ о пріѣздѣ г-жи де-Параберъ. Министръ задрожалъ, услышавъ такую неожиданную новость. Ему показалось, что фаворитка, которой нерасположеніе къ нему было весьма очевидно, пришла объявить ему страшный приговоръ. Противъ обыкновенія, г-жа де-Параберъ вошла съ торжественнымъ видомъ.

— Господинъ Дюбуа, сказала она послѣ перваго привѣтствія: посѣщеніе мое должно изумлять васъ; но я узнала, что аббатъ Тенсенъ отправляется сегодня вечеромъ въ Римъ, и я думала, что вы не откажетесь, по моей просьбѣ, поручить ему особенную сдѣлку съ нашимъ святымъ отцомъ.

— Чтò это значить, проговорилъ сквозь зубы Дюбуа: о чемъ идетъ дѣло?

— Вы необходимо должны помочь мнѣ, господинъ Дюбуа; но

*) Парламентъ сдѣлалъ приговоръ въ знаменитомъ процессѣ аббата Тенсена съ аббатомъ де-Лавессьеромъ. Этотъ процессъ раздѣлилъ весь парламентъ на двѣ партіи.

сначала отвѣтите мнѣ на мой вопросъ: Если кто вступаетъ въ какой либо священный орденъ, то можетъ ли выйти изъ него?

— Вы видите, что нѣтъ, потому что я.....

— Вы, другое дѣло. Вы не молоды и не честолюбивы; но имѣй вы лѣтъ двадцать пять или тридцать, вы иначе бы говорили.

— А! въ такомъ случаѣ, я не говорю..... Однакожь, хорошо занимать первыя степени въ духовной іерархіи.

— Да, когда кто епископъ, или архіепископъ.

— Кардиналъ, въ особенности.

— Я только что хотѣла это сказать. Но, наконецъ, еслибъ вы были влюблены въ прекрасную молодую женщину, которая могла бы принадлежать вамъ только въ законномъ бракѣ?

— Я повиннаю: вы прельстились какимъ-нибудь миленькимъ аббатомъ и хотите.....

— Э, дѣло идетъ совсѣмъ не обо мнѣ, господинъ Дюбуа.

— Чортъ возьми, трудно понять!

— Чтобы избѣжать лишнихъ фразъ, скажу вамъ, что я говорю о кавалерѣ д'Эди, который имѣлъ глупость вступитъ въ орденъ мальтійскихъ кавалеровъ, между-тѣмъ, какъ графиня де-Ферриоль чахнетъ отъ любви къ нему.

— Что же мнѣ нужно дѣлать?

— Славный вопросъ! Вы архіепископъ, первый министръ. Папа желаетъ вамъ добра, какъ говорятъ.

— Онъ этого не доказываетъ.

— Нужно, чтобы архіепископъ Тенсенъ получилъ отъ его святѣйшества разрѣшеніе кавалера д'Эди отъ его обѣтовъ.

— Но вѣдь говорили, что онъ умеръ, или погибъ въ морскомъ сраженіи?

— Неправда. Влюбленные никогда не умираютъ, когда они разлучены съ предметомъ своего обожанія.

— Вы думаете?

— Я въ этомъ увѣрена. Д'Эди переживетъ свои раны.

— Сомнѣваюсь.

— Но кончимъ же скорѣй. Хотите ли сдѣлать то, чего я требую отъ васъ? Въ такомъ случаѣ, я перестану быть вашимъ врагомъ и дѣлаюсь вашимъ помощникомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Требуйте клятвы.

— Прелестная женщина! Берегитесь, я вамъ не вѣрю.

— Итакъ, вы согласны?

— Послушайте! въ этомъ мѣрѣ ничто не дѣлается за ничто. Я готовъ самъ написать папѣ за кавалера д'Эди въ тотъ день, когда вы упросите его высочество написать его святѣйшеству, чтобы онъ сдѣлалъ меня кардиналомъ. Согласны ли вы?

— Прекрасно. Только я должна предупредить васъ, что я двадцать разъ говорила его высочеству, что онъ очень дурно сдѣлаетъ, если выхлопочетъ вамъ шапку. Впрочемъ, я постараюсь. Не думаю объ успѣхѣ.

— Вы не совѣтывались съ вашимъ зеркаломъ.

— Лъстецъ!.... И такъ, я тотчасъ же бѣгу къ его высочеству.

Черезъ четверть часа, Филиппъ Орлеанскій былъ уже съ своей прелестной любовницей.

— Вы пришли кетати, моя несравненная, сказалъ принцъ. Я ѣду на охоту въ Фонтенебло. Не угодно ли вамъ ѣхать со мной?

— Но что жъ я буду тамъ дѣлать?

— Я, однако, рассчитывалъ на васъ, злая женщина. Впрочемъ, я знаю, что это значить: вы боитесь встрѣтиться съ Дюбуа. Успокойтесь, его не будетъ.

— Почему жъ такъ, ваше высочество? Дюбуа уменъ. Бесѣда его пріятна.

— Вы хотите шутить. Не церемоньтесь, пожалуйста. Я готовъ сегодня вторить вамъ.

— Будто бы?

— Этотъ Дюбуа ужасно надоѣдаетъ мнѣ. Я знаю, что всеъ противъ него. Онъ безчеститъ Церковь, и я чувствую, что если вы будете сильно приставать ко мнѣ, то я кончу тѣмъ, что развяжусь съ такимъ министромъ.

— Ну, вотъ еще! Не все ли равно. Послушайте, ваше высочество, я имѣла несправедливыя предубѣжденія противъ г. Дюбуа, и думаю, что и ваши не слишкомъ вѣрны. Никогда не поздно узнавать свои ошибки. Я исповѣдую свои и, желая доказать это на дѣлѣ, прошу васъ доставить мнѣ средства къ тому.

— Что съ вами, красавица! Теперь вы стоите за него? О, женщины, женщины! Ужъ не хотите ли вы предложить мнѣ уплатить долги г-жи де-Тенсенъ, чтобы помирить васъ съ Дюбуа.

— Тѣ, что я предложу вамъ, ничего не будетъ стоить.

— А, другое дѣло! Но не думаю, чтобы въ такомъ случаѣ это средство могло помирить васъ съ Дюбуа. Онъ крѣпко любить деньги.

— Кто вамъ говорить, ваше высочество, что онъ не любитъ почестей?

— Почести безъ денегъ, не думаю.

— Однако, я знаю одно, что онъ ставитъ выше всѣхъ сокровищъ міра.

— Да, да, забавникъ хочетъ быть кардиналомъ. Но, этому не бывать. Я поклялся.

— А я поклялась, что онъ будетъ кардиналомъ. Кто изъ насъ измѣнитъ своему слову?

— Ужъ, конечно, не я.

— И не я.

— Кто же нибудь изъ насъ долженъ измѣнить своему слову.

— Слѣдуетъ вамъ, какъ женщинѣ, и притомъ прелестной.

— Ошибаетесь, ваше высочество. Скорѣй вамъ, какъ Регенту прекраснаго французскаго королевства.

— Чтò это значить, сударыня?

— Да, потому что вы увѣрены, что можете сдѣлать чловѣка счастливымъ, между тѣмъ, какъ хорошенькая женщина, измѣняющая своему слову, всегда дѣлаетъ чловѣка несчастнымъ.

— Я не хочу сдѣлать его счастливымъ.

— О, умоляю васъ, ваше высочество. Подумайте, какъ онъ будетъ смѣшенъ въ кардинальскомъ костюмѣ. Я отдала бы десять лѣтъ моей старости, чтобы видѣть Дюбуа въ красной шапкѣ. Бьюсь объ закладъ, что можно будетъ умереть со смѣху, глядя на него. Это будетъ кардиналь-обезьяна.

— Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что онъ будетъ страшно безобразенъ.

— А, я смѣюсь заранѣе. Мнѣ кажется, что я уже вижу его... Ха, ха! хи, хи!.... Не могу удержаться.

— Да, вѣдь онъ способенъ послѣ претендовать на папское кресло. Вотъ-то штука!

— Почему жъ и нѣтъ? Это было бы восхитительно. Подумайте только: папа, котораго вы будете называть ты! Папа, который не будетъ вамъ отказывать ни въ чемъ! Запасѣмся же мы индульгенціями! О, если бъ я знала, что Дюбуа будетъ когда нибудь папою!

— Вы бы прысканули до потолка, не правда ли?

— Нѣтъ, я боюсь этого.

— А я вамъ не позволю.

— Ну, такъ сдѣлаемъ его только кардиналомъ.

— Такъ. Онъ долженъ остаться кардиналомъ. Тѣмъ хуже для него.

— Кардиналъ на-вѣчно!

— Онъ достоинъ этого, чортъ возьми!

— Гдѣ же письмо ваше къ святому отцу? Я хочу собственно ручно написать его. Вы подпишите его.

— Что за сумасшествіе!

— Славная мысль! Ну, ваше высочество, я готова. Диктуйте вашему секретарю.

— А, плутовка! Вы забываете, что одна изъ обязанностей секретаря слѣдовать повсюду за его господиномъ; а я отправляюсь скоро въ Фонтенебло.

— Только то? Я ѣду на охоту съ вами.

— Вы очаровательны.

— Теперь, диктуйте.

— Конечно: «Наисвятѣйшій отецъ!»

— Готово. «Наисвятѣйшій отецъ.....» Далѣе?

— «Я имѣю при себѣ издавна.....» Вы написали?

— Да, ваше высочество.

— «Мошенника аббата, котораго скандальное поведеніе извѣстно вамъ, потому что объ немъ знаетъ вся Европа. Забавникъ «вбилъ себѣ въ голову быть кардиналомъ. Ему приличнѣе было «бы работать на галерахъ вашего святѣйшества.

«Я обращаюсь къ вашему святѣйшеству съ всенижайшею просьбою, не благоугодно ли будетъ вамъ, по своей высокой мудрости, приказать повѣсить этого мошенника, не смотря на его духовное званіе, на какой-нибудь висѣлищъ; каковое приказаніе я «не премину привести въ исполненіе.»

— Написали ли?

— Написала.

— Прекрасно! Теперь, обыкновенное заключеніе: Примите увѣренія, и проч.... Довольны ли вы, моя прекрасная?

— Совершенно. Подпишите, ваше высочество.

— Сейчасъ же; но мнѣ должно еще прочесть. Дайте-ка мнѣ письмо.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что я вамъ не совѣмъ довѣряю. Гмъ, гмъ! Но что я вижу? Я вовсе не то диктовалъ вамъ!

— Нѣтъ, ваше высочество, мнѣ такъ послышалось, и вы, вѣроятно забыли уже.....

— Вотъ еще! Я никогда не могъ продиктовать такого письма:

«Я имѣю при себѣ издавна достойнаго уваженія архіепископа, котораго заслуги извѣстны вамъ потому, что объ нихъ знаетъ вся Европа. Этотъ достойный прелатъ сильно желаетъ, какъ вамъ извѣстно, быть принятымъ въ свѣщенную коллегию, куда принесетъ онъ свои обширныя званія. Я обращаюсь къ вашему святѣйшеству съ всеижайшею просьбою, не благоугодно ли будетъ вамъ уступить этому желанію, за которое я снова предстательствую предъ вами, въ совершенной увѣренности въ вашей благодати.»

— Вѣдь это шутка, мой прекрасный секретарь?

— Нисколько, ваше высочество. Это переводъ.

— Переводъ, такъ; но, переводъ вольный.....

— Да, невозможно.

— Слишкомъ вольный, и я не хочу.....

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ придворный.

— Ваше высочество, сказалъ онъ все готово къ отъѣзду. Архіепископъ Камбрскій дожидаетъ вашего высочества съ аббатомъ де-Тенсенемъ; который спрашиваетъ, не угодно ли будетъ вамъ принять сго до отъѣзда его въ Римъ.

Регентъ ничего не отвѣтилъ; но, наклонившись къ г-жѣ де-Параберъ:

— Ну, что жъ, моя милая, проговорилъ онъ въ полголоса, вы поѣдете со мной въ Фонтенебло?

— Да, отвѣчала она, если вы подпишете это письмо.

— Видно всегда приходится дѣлать то, чего вы хотите, возразилъ принцъ, обвороженный очаровательной улыбкой фаворитки; но, предупреждаю васъ, это въ послѣдній разъ.

— Конечно, ваше высочество, теперь моя очередь дѣлать все, что вы захотите.

— Смотрите, я вѣрю вамъ.

Потомъ, обращаясь къ придворному:

— Введите сюда, прибавилъ принцъ, архіепископа и аббата де-Тенсена.

Въ то же время онъ подписалъ письмо и отдалъ его г-жѣ де-Параберъ, вздохнувъ при этомъ о своемъ безсиліи. Она замѣтила это.

— Утѣштесь, ваше высочество, сказала она: развѣ вы не знаете, что чего хочетъ женщина, того хочетъ судьба?

Дюбуа вошелъ съ аббатомъ де-Тенсенемъ и, бросивъ хитрый взглядъ на Регента и его очаровательную любовницу, сказалъ обычнымъ своимъ голосомъ:

— Г. аббать де-Тенсенъ, передъ отъѣздомъ въ Римъ, приходитъ откланяться вашему высочеству. Не нужно ли будетъ вашему высочеству вручить ему какой-нибудь особенной депеши?

— Да, съ живостью возразила г-жа де-Параберъ; вотъ она, господинъ Дюбуа, прочтите и запечатайте ее.

— А, сударыня, вскричалъ честолюбивый архіепископъ, цѣлуя руку фаворитки, какъ я обязанъ вамъ!

Потомъ, вынувъ изъ кармапа сложенную бумагу, онъ прибавилъ въ полголоса, въ то время, какъ Регентъ разговаривалъ съ аббатомъ:

— Прочтите, въ свою очередь. Хорошо ли?

— Прекрасно! Вы предвидѣли успѣхъ?

— Можно ли проиграть дѣло съ такимъ адвокатомъ?

— Ну, ну, я вамъ вѣрю, господинъ Дюбуа. Все-равно. Будемъ друзьями, Цинна! я призываю тебя.

— Ахъ, сударыня, теперь мы съ вами на жизнь и смерть!

— Ограничимся жизнью, господинъ Дюбуа.

— Развѣ мы не должны встрѣтиться въ раю?

— Я боюсь сойтись съ вами въ аду.

— Прощайте, господа; громко сказалъ Регентъ. Уже поздно и я отправляюсь въ Фонтенебло. Поцѣлуйте за меня г. де-Тенсенъ и за г. Дюбуа туфлю Климента XI.

— Уфъ, сказала про себя фаворитка, какъ трудно восторжествовать добродѣтели!.... даже съ помощью порока!

XV.

МАРСЕЛЬ.

Это было въ воскресенье утромъ. Въ Лавкѣ хозяина Жасмена, одного изъ первыхъ марсельскихъ цирюльниковъ, толпился народъ. Одни сидѣли; другіе, стоя, ожидали своей очереди, между-тѣмъ, какъ неутомимый Жасмень, помахивая широкой бритвой и мыльной кисточкой, прогуливался по подбородкамъ своихъ пациентовъ. Не смотря на эти занятія, Жасмень успѣвалъ поддерживать разговоръ съ полдюжиною посѣтителей, не считая своей непорочной супруги и многочисленнаго своего потомства, которыя, своими крикливыми и пискливыми голосами, вторили, изъ задней лавки, мужескимъ голосамъ собесѣдниковъ.

— Потерпите, сударь, говорилъ Жасмень толстому господину,

въ одеждѣ моряка: сейчасъ ваша очередь. Это дѣло минутное. — Э, Ивонъ! ты говоришь, что милашка идетъ на удочку, поздравляю тебя другъ: славная побѣда. — Ну, кумъ Рьюссель, каково идутъ дѣла? Хорошо, я думаю. — Замолчите ли вы тамъ, чертенята? Ничего не слышно. Дай мнѣ поѣсть, матушка! — Потрудитесь, пожалуйста, наклонить голову на право. — Теплой воды, скорѣй. — Конечно, сударь.

Такимъ-то образомъ Жасменъ распорядился въ своемъ владѣннн, какъ дверь отворилась и во святилище вошло новое лице. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти или пятидесяти-пяти, средняго роста, съ загорѣлымъ лицомъ, съ маленькими глазами, которые блистали надъ широкими сѣдыми бровями. Человекъ этотъ, хотя довольно плохо одѣтый, смѣло подошелъ къ Жасмену и грубо прервалъ его:

— Ну, господинъ бритва, сказалъ онъ, что еще не пришла моя очередь?

— Конечно, отвѣчалъ, не смущаясь, цирюльничкъ; ваша очередь пришла заплатить мнѣ за бритве въ продолженіе шести мѣсяцовъ. Я буду васъ бритъ потомъ.

Всѣ присутствовавшіе разсмѣялись, за исключеніемъ, разумѣется того, къ кому относились эти слова и который грубо возразилъ:

— Вы сами знаете, что отъ васъ зависитъ получить деньги, если вы только захотите сыгратъся со мной на долгъ.

— Развѣ человекъ, занятый какъ я, имѣетъ время играть, отвѣчалъ Жасменъ съ гордостью? Это хорошо вамъ, лѣнтяю.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось эта ссора, еслибъ пациентъ Жасмена, длинный, сухой дѣтина, не высвободилъ своего носа изъ пальцевъ брадобрѣя и, устремивъ свои глаза на зачинщика вражды, не вскричалъ:

— Клянусь святой Кунигондой! Я не ошибаюсь, это монсью де ла-Рошъ, камердинеръ графа де-Ферриоля! Какъ поживаетъ любезный графъ?

— Ничего, хорошо, сухо отвѣчалъ вопрошенный, который былъ дѣйствительно не кто иной, какъ ла-Рошъ: хорошо, потому что онъ умеръ.

— Э, бѣдьяга, бѣдьяга! Какъ грустно мнѣ услышать такую новость! Самый лучший мой другъ!

Это восклицаніе сопровождалось гримасой, которую синьоръ Марино Марини тщетно старался выразить свою печаль. Потомъ онъ прибавилъ:

— Ну, а что стало съ прелестной Черкешенкой?

— Она стала графиней де-Ферриоль.

— Вотъ такъ штука! Расскажи мнѣ это скорѣй.

Здѣсь присутствовавшіе, начинавшіе уже изъяслять свое удовольствіе, потому что должны были ожидать своей очереди дальше потерял наконецъ терпѣніе и громко сталъ изъяслять свои требованія. Спираторъ Марини, съ недобритой бородой, принужденъ былъ удалиться съ ла-Рошемъ. Оба они пошли къ гавани. Дорогою Марини разсказалъ старому камердинеру графа, что онъ прибылъ въ Марсель на купеческомъ кораблѣ, за нѣсколько предъ симъ дней изъ Итали. Противными вѣтрами, корабль этотъ былъ занесенъ во Францію. Графъ святой римской имперіи, какъ припомнить можно, былъ извѣстенъ многими. По этому не удивительно, что онъ забрался съ ла-Рошемъ въ уголь, въ ближайшемъ кабацѣ, и поставилъ предъ собою флягу вина. Не приводя всего разговора, который завязался между нашими знакомцами, мы выпшемъ изъ него только конецъ:

— А что, другъ, я вижу, что ты не привыкъ въ Марсели бѣть каждый день? Это должно беспокоить тебя.

— Ко всему привыкнешь. Было-бъ только съ кѣмъ поиграть въ кости или карты; вотъ что мнѣ нужно.

— Ну, а что, еслибъ хозяинъ твой отказался давать тебѣ въ долгъ и выгналъ бы на улицу? Что бы ты сталъ дѣлать, мойсю ла-Рошъ?

— А я сдѣлалъ бы тоже, что и графъ де-Ферриоль.

— Самоубійство! Клянусь святой Кунигондой, это великій грѣхъ и я помѣшаю тебѣ.

— Однако, я держу сто противъ одного, что я кончу твою, мойсю Марини.

— Послушай, возразилъ Итальянецъ, помолчавъ немного и вперя въ ла-Роша пронзительный взглядъ: есть средство выйти тебѣ изъ этого несчастнаго положенія, и еслибъ я былъ увѣренъ въ тебѣ....

— Не опять ли идетъ дѣло о какомъ-нибудь заговорѣ противъ Регента?

— Тсъ!.... Въ этотъ разъ, я хочу испробовать свое искусство не во Франціи. Французы ничего не понимаютъ въ заговорахъ. У меня есть славный проэктъ, за исполненіе котораго намъ достанутся добрыя два мѣстечка въ раю.

— Нельзя ли, покуда найти одно изъ нихъ въ другомъ мѣстѣ.

— Ты такой же нечестивецъ, какъ и господинъ твой. Нужно испровергнуть въ Англии власть похитителя престола Геор-

га I-го ересіарха и возвести на тронъ Іакова Стюарта, славнаго католика. Корабль, доставившій меня въ Марсель, нагруженъ оружіемъ и провизіей, которыя я долженъ привести въ Шотландію, гдѣ у Стюартовъ много партизановъ. Во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, мы отправимся сначала въ Гибралтаръ, переѣдемъ проливъ, а по океану скоро доберемся до Шотландіи. Если ты хочешь сопутствовать мнѣ, я обещаю тебѣ славное мѣстечко управителя какимъ-нибудь мнѣніемъ лорда, отъ котораго мы сумѣемъ избавиться. Согласенъ-ли?

— Мнѣ нечего выбирать въ моемъ положеніи. Я готовъ слѣдовать за вами.

— Прекрасно! Корабль нашъ дожидается только попутнаго вѣтра. Приготовься скорѣй и приходи сегодня вечеромъ въ гостиницу Гранъ-Сенъ-Мартена, чтобы отправиться со мной, по первому сигналу.

— Понимаю. И такъ, до вечера, мосье Марини. Два собесѣдника разошлись по сторонамъ, опорожнивъ до капли вино въ честь Стюартовъ и за ниспроверженіе ГанOVERскаго дома.

Вотъ что произошло вечеромъ въ гостиницѣ Гранъ-Сенъ-Мартена, въ Марсели.

Когда ла-Рошъ вошелъ въ гостиницу, неся подъ мышкою небольшой ящичекъ, заключавшій остатки его гардероба, онъ увидѣлъ въ кухнѣ, въ углу, двухъ лакеевъ, игравшихъ въ карты. При видѣ этого, онъ задрожалъ и невольно прїдвинулся къ игрокамъ. Ему сказали, что снѣворъ Марини еще не возвращался. Одинъ изъ лакеевъ проигралъ и отказался продолжать партію; ла-Рошъ не преминулъ предложить свои услуги, чтобы замѣнить проигравшаго. Предложеніе было принято съ удовольствіемъ и ла-Рошъ ухватился за карты. Партія оживлялась, какъ вдругъ раздался слѣдующія слова:

— Кавалеръ д'Эди спрашиваетъ своего слугу. Тотчасъ-же, противникъ ла-Роша всталъ, объявивъ, что онъ не замедлитъ приди и окончить партію.

При имени кавалера д'Эди, ла-Рошъ оцѣпѣлъ отъ изумленія. Кавалеръ въ Марсели! За чѣмъ онъ здѣсь, когда говорили, что онъ навсегда оставилъ Францію? Распрашивая трактирныхъ слугъ ла-Рошъ узналъ, что кавалеръ д'Эди оставилъ Мальту, что онъ еще страдалъ отъ рапъ, полученныхъ имъ въ морскомъ сраженіи, и что доктора прпсовѣтывали ему отдохнуть на нѣсколько дней въ Марсели, прежде нежели долженъ онъ быть

отправиться въ Парижъ, куда призывали его дѣла. Во всемъ этомъ была задача, которую ла-Рошъ взялся разгадать.

Когда слуга кавалера возвратился въ кухню, ла-Рошъ принялся спрашивать его.

— Э, Боже мой! отвѣчалъ тотъ: тутъ ровно нѣтъ никакой тайны. Кавалеръ, по милости кардинала Любуа, получилъ разрѣшеніе отъ папы и сложилъ съ себя обѣты Мальтійскаго кавалерства. Онъ отправляется въ Парижъ, гдѣ жениться на прекрасной молодой женщинѣ, въ которую онъ давно влюбленъ.

— На молодой женщинѣ! Неуже ли?...

— Ее называютъ графинею де-Ферриоль.

— Онъ женится на ней, проговорилъ ла-Рошъ. Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Очень увѣренъ. Но къ чему вы меня спрашиваете?

— Такъ.

— Дѣло другое. Окончимъ-ка партію.

— Нѣтъ, мнѣ некогда. Я забылъ объ одномъ весьма важномъ порученіи.

Въ тоже время онъ вынулъ изъ кармана ключъ отъ своего ящика, открылъ его и началъ поспѣшно рыться въ немъ.

— Чего вы ищете? спросилъ его трактирный слуга.

— Письма.

— Да не оно-ли подъ вашими ногами?

— Въ самомъ дѣлѣ, это оно. Я уронилъ его печально.

Ла-Рошъ распечаталъ записку, которую де-Ферриоль вручилъ ему въ день своей смерти, съ приказаніемъ открыть ее въ одномъ только случаѣ, когда Анша выйдетъ снова за мужъ. Сначала, онъ бѣгло пробѣгалъ эту записку; но вдругъ, не смотря на всѣ усилія его казаться спокойнымъ, онъ поблѣднѣлъ и холодный потъ покрылъ его лобъ. Въ эту минуту вошелъ Марини.

— А, это ты, любезнѣйшій, вскричалъ онъ, увидѣвъ ла-Роша. Ты аккуратенъ, прекрасно. Поди-ка сюда на два слова.

Потомъ, наклонившись къ нему на ухо:

— Вѣтеръ переѣхался, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ, и мы поѣдемъ завтра, чуть свѣтъ.

— Извините, я не могу сопутствовать вамъ, спокойно возразилъ ла-Рошъ: я обдумалъ ваше предложеніе и не могу принять его.

— Но что же ты будешь дѣлать, бѣдняга? Ты умрешь съ голода.

— По этому-то я и не остаюсь въ Марсели, мосьё Марини. Я возвращаюсь въ Парижъ.

— Клянусь святой Куингондой! Это меня изумляетъ, любезнѣйшій. Да кто-жъ заплатитъ за твой проѣздъ?

— Кто? Графиня де-Ферриоль.

XVI.

ЗАВѢЩАНІЕ ДЕ-ФЕРРИОЛЯ.

Возвратимся теперь въ Парижъ, въ отель де-Ферриоля, въ улицѣ Кюльтюръ-Сентъ-Катеринъ, въ которомъ произошла страшная перемена. Въмѣсто лакея, одѣтаго въ черное, съ пасмурнымъ видомъ, въ отелѣ толпятся слуги, въ пышныхъ ливреяхъ, съ веселыми лицами. Торжественную тишину, которую смущала иногда однообразный звукъ колокола сосѣдняго монастыря; замѣнили пѣсни и крики конюховъ и слугъ; ржаніе лошадей, стукъ колесъ. Самый старинный домъ, съ высокими стеклами, съ почернѣвшими стѣнами и черепичной кровлей, въ видѣ катафалки, при лучахъ прекраснаго осенняго дня, казалось, облекся въ новую, праздничную форму. Съ самаго ранняго утра осаждали его модистки, швеи, купцы, не считая мириадъ посѣтителей изъ всѣхъ классовъ общества, начиная съ герцога и пера, въ каретѣ съ гербами до нотариуса или прокурора въ скромномъ черномъ фракѣ изъ толстаго сукна, пробирающагося пѣшкомъ; потому-что, въ то время нотариусы и прокуроры не думали еще забрызгивать грязью герцоговъ и перовъ.

Весь этотъ шумъ, все это движеніе въ улицѣ Кюльтюръ-Сентъ-Катеринъ явно доказывали, что великое событіе приготавливаютъ въ море, и это событіе было бракосочетаніе молодой, прелестной вдовы графа де-Ферриоля съ ея любезнымъ и вѣрнымъ кавалеромъ д'Эди.

Проберемся теперь въ комнату, въ которую мы уже вводили прежде нашихъ читателей, и которую украшаютъ шесть портретовъ, изображающихъ женщинъ удивительной красоты.

Смеркается. Софи подлѣ своей госпожи, которой только-что принесли вѣнчальное ея платье. Камеристка въ восхищеніи, потому что платье моаре, вѣжно-сѣраго цвѣта, украшенное дорогимъ жемчугомъ, удивительно идетъ Аннѣ. Оно сдѣлано было по заказу д'Эди.

— Ахъ, сударыня, вскричала Софи: кавалеръ прекрасно сдѣлалъ, что самъ заказалъ вашъ нарядъ. Вы восхитительны сегодня, и держу пари, что онъ будетъ счастливъ, увидѣвъ, что сдѣлалъ удачный выборъ.

— Добрая Софи, ты говоришь это изъ любви ко мнѣ. Тотъ, для котораго я хочу быть прекрасною, скоро явится. Вотъ уже четыре дня, какъ онъ въ дорогѣ и если ничто его не задержало, онъ будетъ сюда завтра утромъ.

— Завтра утромъ! Какое счастье!

— Да, это неожиданное счастье, до того неожиданное, что я до-сихъ-поръ не вѣрю ему.

— А я могу увѣрить васъ, сударыня, что я сама, своими ушами слышала, какъ читали въ церкви папское разрѣшеніе д'Эди отъ обѣтовъ кавалерства.

— Вѣрю; Софи, вѣрю.

— Слава Богу! Я объ одномъ только сожалею, что вы приняли здѣсь этого негоднаго ла-Роша. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда? Развѣ онъ не могъ оставаться въ Марсели?

— Онъ былъ очень несчастенъ, Софи. Онъ исповѣдалъ мнѣ свою вину и просилъ принять его въ число моей дворни. Могла ли я отказать ему?

— Какъ вамъ угодно, сударыня; но я не довѣряю этому человѣку. Во первыхъ, онъ желтый и худой...

— Ты все на него, потому что онъ не хорошъ. Онъ такъ услужливъ, такъ заботится обо мнѣ, что, кажется, хочетъ заставить меня позабыть все то, что вѣкогда пріятнѣе мнѣ.

— Можетъ быть; но что касается до меня, я никогда не прощу ему и думаю, что отъ него можно ожидать только измѣны и мошенничества.

— Еще!... Ахъ, Софи, неужели ты хочешь разсердить меня?

— Ахъ, сударыня, простите, простите!...

Въ эту минуту отворились большія ворота отеля и вѣхала карета.

— Кто пріѣхалъ въ такую пору, сказала Анша?

Камеристка вышла. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ въ комнату вѣхала быстро молодая женщина, одѣтая, какъ всегда, по послѣдней модѣ, и бросилась на шею Черкешенки.

— Извините меня, моя красавица, вскричала гостья; извините что я вхожу къ вамъ, вопреки вашему приказанію не впускать.

никого. Вотъ уже три дня, какъ я васъ не видѣла, а я имѣю многое сообщить вамъ.

— А, возразила краткимъ голосомъ Аиша: можетъ ли быть заперта дверь моя для той, которой я обязана всемъ своимъ счастьемъ; для твоей де-Параберъ?

— Не говорите обо мнѣ! все это сдѣлалъ кардиналъ Дюбуа.

— Да, по вашей просьбѣ.

— Ну, что-жь! Мы, каждый, сдѣлали свой долгъ; потому что были много виноваты передъ вами, въ особенности же я.

— Вы!

— Да, прежде нежели я узнала васъ, ваши прелести и добродѣтели, не была ли я вашимъ врагомъ, да, врагомъ отчаяннымъ? Теперь я могу рассказать все: не была ли я долго двойнѣ вашей соперницей? Признаюсь, я была равнодушна къ кавалеру, и ему стоило только... но, баста! Вы слишкомъ обворожили его, чародѣйка. Я была наказана за свое кокетство.

— Ахъ, сударыня!

— Итакъ, онъ непременно прѣдетъ завтра?

— Онъ, по крайней мѣрѣ, такъ писалъ мнѣ.

— Онъ не измѣнитъ своему слову. Порукою въ томъ ваши прекрасные глаза.

— Онъ страдалъ еще отъ ранъ, полученныхъ имъ въ послѣднемъ сраженіи. Это задержало его на два дня въ Марсели. Теперь онъ совершенно здоровъ.

— О, счастливая любовь лучший докторъ въ мірѣ. Но я еще не рассмотрѣла вашего наряда, который неподражаемо идетъ къ вамъ. Вы несравнены въ немъ.

— Этотъ нарядъ заказалъ мнѣ кавалеръ д'Эди для нашей свадьбы.

— Кавалеръ! Говорите графъ.

— Какъ?

— Я и забыла объявить вамъ новость: Молодой нашъ король даритъ г. д'Эди графское достоинство, по случаю его бракосочетанія. Итакъ, вы остаетесь графиней.

— Не все ли равно, лишь бы я была женой д'Эди.

— Это еще не все. Его высочество, Регентъ, съ своей стороны, хочетъ сдѣлать вашего мужа капитаномъ своей гвардіи. Я нарочно прѣехала объявить все это, потому что не могу долго оставаться. Я обѣщаю его высочеству прѣхать въ оперу. Ну, что вы думаете объ этихъ милостяхъ, моя красавица.

— Я думаю, что д'Эди съ восторгомъ приметъ милость его величества. Что же касается до предложенія его высочества Регента, то мнѣ мой откажется отъ новыхъ обязанностей. Намѣреніе его удалиться отъ двора и проводить большую часть года въ своихъ помѣстьяхъ.

— Куда онъ будетъ отправляться прятать свое счастье.

И мое.

О, гадкій ревнивецъ! Надѣюсь, что мы отклонимъ его отъ подобнаго намѣренія, и прошу васъ сказать ему, что я употреблю для этого всѣ усилія. Онъ обязанъ мнѣ и я имѣю надъ нимъ право, понимаете ли вы? Но мнѣ пора! Простите, моя прекрасная. Спице хорошенько эту ночь. До завтра! Я буду изъ первыхъ при вашемъ пробужденіи, моя дарица.

Параберъ въжю обняла свою молодую подругу и вышла. Колеса загремѣли на дворъ, ворота затворились, и торжественное молчаніе, въ которое погружены бывають только весьма немного улицъ Марс, водворилось въ отелѣ де-Ферриоль.

Оставшись одна, Аиша прошлась по комнатамъ и, машинально подойдя къ фортепiano, разсѣянно провела пальцами по клавишамъ. Есть минуты въ жизни, когда умъ такъ погруженъ въ мысли, что всякое созерцаніе вѣшнихъ предметовъ исчезаетъ и движенія тѣла дѣлаются автоматическими. Неудивительно, что Черкешенка, видя исполненіе своихъ задушевныхъ надеждъ, въ которыхъ она такъ долго отчаявалась и которыя привыкала считать неудобоосуществимыми, находилась въ такомъ положеніи. Смѣшанныя ноты, неопредѣленные, прерывистыя мелодіи выходили изъ подъ ея пальцевъ. Молодая женщина вдругъ задрожала. Отрывокъ ари изъ оперы *Армиды* поразилъ ея слухъ. О

Армида! Сколько воспоминаній для нея при одномъ этомъ имени? Не въ этой-ли оперѣ явился ей въ первый разъ кавалеръ д'Эди. Одинъ взглядъ, брошенный на блѣдное и кроткое лицо этого молодаго человека, рѣшилъ ея участь. Позже, когда графъ де-Ферриоль, по возвращеніи изъ ссылки, пріѣхалъ въ Парижъ, въ свой отель въ Марс, не эта-ли самая мелодія, пропѣтая Аишею, обратила вниманіе ея господина на талантъ своей невольницы и заглушилъ въ немъ страсти? О, подобно, какъ прежде, Черкешенка съ блаженствомъ углубилась во все прошедшее любви, которое воскресило нѣсколько бѣглыхъ нотъ! Пальцы ея вызывали изъ клавишъ самыя нѣжныя каватинны изъ *Армиды*, а воображеніе переносило ее то въ Пале-Рояль, то въ лѣсъ въ

Марли, то на Бретанскіе берега, въ сопровожденіи любезнаго ея кавалера д'Эди.

Но вдругъ унылый звонъ колокола монастыря Аннонціадокъ смѣшалъ свои меланхолическіе звуки съ пѣжными звуками фортепiano. Небо было покрыто тучами и вѣтеръ тихо колыхалъ обнаженные вѣтви деревъ, завывая печальную пѣсню. Проникнутая инстинктивнымъ страхомъ, Аиша встала и позвала Софи, свою вѣрную камеристку.

— Боже мой, сказала она, что дѣлается въ монастырѣ Аннонціадокъ? Почему это звонятъ такъ поздно въ колокола?

— По особенному случаю. Въ монастырѣ умираетъ одна изъ бѣдныхъ монашенокъ и община читаетъ отходную. Сударыня, я нужна вамъ?

— Останься, Софи. Я не знаю ни одной изъ этихъ монашенокъ и однакожь это наводитъ на меня грусть. Кто знаетъ, можетъ быть, умираетъ молодая дѣвушка, которую принудили вступить въ монастырь, и которая изсыхала отъ любви и отчаянія?

— Увы! это часто случается, сударыня; но, всего вѣрнѣе, что читають отходную старушки, которая свято кончаетъ свою многотрудную жизнь.

— Дай-то Богъ! Спасибо тебѣ, Софи, что ты говоришь такъ; потому что, не знаю почему, я стала чего-то бояться, и все представляется мнѣ въ мрачномъ видѣ. Послушай, кажется, идетъ дождь?

— Да, сударыня; но очень сильный.

— О, Боже! И онъ въ дорогѣ! Лишь бы не случилось съ нимъ несчастія!

— Чего вамъ бояться за кавалера, сударыня. Дороги теперь прекрасныя и кавалеръ преспокойно катится въ полевой каретѣ.

— Дай-то Богъ, Софи! Я не знаю, что со мной дѣлается. Какое-то тайное предчувствіе сжимаетъ мое сердце и приводитъ меня въ невольный трепетъ. Но колоколъ опять звонитъ. Неужели это никогда не кончится?

— Что вы видѣли во снѣ прошедшую ночь, сударыня?

— Цѣлую ночь, я видѣла во снѣ мою мать. Мнѣ казалось, что я была еще дитятей и покоилась на ея колѣняхъ. Она осыпала меня ласками. Потомъ, вдругъ вошли въ нашу комнату вооруженные люди, схватили насъ обѣихъ; матушкѣ связали руки, покрыли ее огромнымъ покрываломъ, и отвели насъ на морской берегъ. Все происходило совершенно такъ, какъ было въ ту

страшную ночь, о которой я тебѣ такъ часто говорила. Я видѣла погребальный саванъ, въ которой хотѣли завернуть насъ и бросить въ море. Внизу кляли тяжесть, которая должна была тянуть насъ ко дну. Я рыдала; мать покрывала меня поцѣлуйми! Тогда-то увидѣла я г. де-Ферриоля и, по его заступничеству, спасена была отъ ужасной смерти. Потомъ, я услышала послѣднія слова матушки, которыя раздаются еще въ моихъ ушахъ: «Да будетъ она проклята, если хоть одна изъ ея мыслей не будетъ о ея-спасителѣ; если хоть на минуту забудетъ она, что принадлежитъ ему навсегда и что для него, для него одного, она должна жить и умереть!» Ахъ, Софи! Скажи мнѣ, Софи, не преступница-ли я? Скажи, что мать моя не проклинаетъ меня изъ глубины Средиземнаго моря....

— Сударыня, умоляю васъ, отгоните отъ себя подобныя мысли.

— Не могу, Софи. Мнѣ все слышится голосъ матери... Гроза усиливается.... Какъ вѣтеръ реветъ въ трубѣ! Кажется, что душа де-Ферриоля приходитъ требовать у меня отчета въ измѣнѣ. Посмотри.... видишь ли эти сверкающіе въ окнѣ глаза. Это онъ смотритъ на меня.

— О, сударыня, успокойтесь; это кто-нибудь изъ вашихъ людей отправляется спать.

— Ты думаешь?

— Я въ этомъ увѣрена.

— Я постараюсь забыться. Мнѣ будетъ легче, когда я засну. Позвои, пожалуйста. Я хочу пить; мнѣ душно.

Софи позвонила и вошелъ ла-Рошъ. Онъ былъ худощавѣе и желтѣе прежняго, и на дивреѣ его не высохли еще капли дождя.

— Графиня проситъ пить, сказала камеристка, не видя, кто вошелъ.

Потомъ, увидѣвъ стараго камердинера де-Ферриоля, она не могла удержаться отъ невольнаго трепета и прибавила:

— Я сама все приготавливаю.

— Нѣтъ, останься со мной, сказала Аиша.

Ла-Рошъ вышелъ и, чрезъ нѣсколько минутъ, возвратился съ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ съ прохладительнымъ напиткомъ, который молодая женщина съ жадностью схватила и выпила; почти не переводя духа.

— Каково здоровье графини, проговорилъ сладенькимъ голосомъ ла-Рошъ. Вы, кажется, больны, сударыня?

— Да, но это ничего. Я чувствую себя лучше послѣ питья...

— Прекрасно! Не нужно ли стеречь у вашей комнаты.

— Нѣтъ, не нужно. Кстати, я не слышу болѣе колокола, который звонилъ въ монастырь Анноциадокъ.

— Можете спокойно почивать, графиня, возразилъ ла-Рошъ. Колоколъ станетъ звонить теперь только при погребеніи.

Сказавъ это, онъ поклонился и вышелъ. Софи долго слѣдила его глазами, съ выраженіемъ недовѣрчивости и почти страха.

— О чемъ ты думаешь? сказала Анша. Ну, раздѣсь меня скорѣй, потому что меня клонитъ ко сну... Странно, я чувствую, что едва ли успѣю окончить свою молитву.

Молодая женщина преклонила колѣна предъ образомъ и стала молиться за кавалера д'Эди, за свою мать, и за графа де-Ферриоля, за живыхъ и умершихъ; но языкъ ея тяжело ворочался и слова зампраны на устахъ. Только, когда клочекъ бумаги выпалъ изъ-за ея корсета, она вышла изъ оцѣпленія и съ живостью поднявъ его, судорожно сжала между своими пальцами: это было последнее письмо кавалера д'Эди.

Софи принуждена была позвать другую горничную, чтобы уложить на постель свою молодую госпожу, погруженную въ глубокой сонъ. Нѣсколько минутъ съ безпокойнымъ изумленіемъ смотрѣла она на нее; но слыша ея тихое и спокойное дыханіе, заперла ставни и вышла изъ комнаты.

На другой день кавалеръ д'Эди вѣхалъ въ отель де-Ферриоля, исполненный любви и надежды. Прелестная невеста его еще спала. Въ ожиданіи пробужденія ея, д'Эди въ радости, высыпалъ свой кошелекъ въ руки служъ и; узнавъ Софи, которая принесла ему первое письмо отъ Анши, снялъ съ своей руки брилліантовое кольцо и надѣлъ его на палецъ вѣрной камерлетки, потомъ, въ сопровожденіи ея, онъ пошелъ по комнатамъ и въ садъ отеля, гдѣ все напоминало ему присутствіе его возлюбленной. Онъ садился тамъ, гдѣ она любила садиться; съ жадностью цѣловалъ платокъ ея, забытый на каминѣ. Онъ не забылъ той садовой калитки, которая выходила на улицу Пайеннь, и у которой онъ такъ долго дождался нѣкогда той, которая, увы!... не должна была болѣе явиться ему.

Но, часы проходили и Анша не давала никакого знака своего существованія. Д'Эди дѣлался безпокойнымъ и упрости наконецъ Софи войти въ комнату ея госпожи и разбудить ее. Камерлетка тихими шагами прокралась въ спальню, отперла ставни; потомъ, приблизилась къ постели, тихо отдернула занавѣски и, упавъ навзничъ, испустила страшный вопль.

При этомъ крикъ, д'Эди, блѣднѣе смерти, бросился въ комнату, въ которой ожидало егѣ ужасное зрѣлище: блѣдная и холодная, какъ мраморная статуя, лежала на постели, съ открытыми, но безжизненными глазами. Одна ея рука повисла, другая съ усиленіемъ была подведена къ груди, и между сжатыми ея пальцами можно было различить скомканную бумагу. Это опять было послѣднее писемочкавалера д'Эди.

Несчастный нѣсколько времени молча и неподвижно стоялъ у ложа своей невѣсты. Глаза его были сухи; дыханіе остановилось. Казалось, жизнь вмгъ оставила его. Онъ преклонилъ колѣна предъ трупомъ своей возлюбленной и созерцалъ ея въ вѣдомъ молчаніи. Одни мольбы и слезы г-жи де-Параберъ, прибывшей чрезъ нѣсколько времени въ отель де-Ферриоля, рѣшили его разлучить съ драгоценнымъ прахомъ!...

Итакъ, мщеніе графа де-Ферриоля пережило его; женщина, принадлежавшая ему во время его жизни, не должна была принадлежать другому даже по его смерти. Полагать-ли, что столь различные и страшныя тревоженія, которыя перенесла несчастная Аиша, засушили источники ея жизни, или видѣть въ этой внезапной и неожиданной смерти исполненіе завѣщаніе неумолимаго дворянина, который завѣщалъ своему камердинеру ла-Рошу совершить его послѣднюю волю — предположенія, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, нужно остановиться на послѣднемъ, если припомнимъ, съ одной стороны, крайне странное распоряженіе графа въ пользу своего слуги; а съ другой, таинственную записку, которую онъ вручилъ ему въ ночь своей смерти, съ приказаніемъ прочесть ее въ одномъ только случаѣ; и, наконецъ, этотъ напитокъ, поднесенный молодой женщиной наканунѣ ея смерти и повергшій ее въ глубокой сонъ. Впрочемъ, по неимѣнію явныхъ доказательствъ преступленія, ла-Рошъ, взятый, по показанію Софи, — подъ стражу, отпущенъ былъ послѣ перваго вопроса. Но, избѣгши людскаго суда, онъ не избѣгъ суда Божьяго. Спустя нѣсколько послѣ того времени, онъ умеръ въ больницѣ отъ увѣчья, причиненнаго ему въ дракѣ, въ кабакѣ.

Неутѣшная въ потерѣ своей госпожи, вѣрная Софи вступила въ монастырь Аннонціадокъ, на другой день похоронъ, и уже не выходила изъ него.

Кавалеръ д'Эди провелъ свои дни въ уединеніи, въ одномъ изъ отдаленныхъ своихъ помѣстьевъ, одинъ, съ портретомъ той,

которой лишился навсегда. Безъ сомнѣнія, можно полагать, что послѣ его смерти желаніе его возлюбленной исполнилось, и что одна гробница вмѣщаетъ въ себѣ ихъ прахъ.

Несчастные любовники! Встрѣчая среди сатурналій регентства ихъ непорочныя лица; читая повѣствованіе ихъ любви, еще болѣе непорочной, не представляются ли вамъ прелестный тюльпанъ и свѣжая фіалка, разцвѣтшіе на тинистомъ берегу потока?

ЮМОРИСТИКА.

ТОРЖЕСТВО СУПРУЖЕСКОЙ ВѢРНОСТИ

или

МЕКСИКАНЦЫ ВЪ ЛАПЛАНДИИ.

Оперное либретто, составленное по новѣйшимъ образцамъ и въ самомъ модномъ вкусѣ.

Большая героическая опера, съ хорами, гавцами, фейерверками, коннымъ и пѣшимъ сраженіями, борьбою, кулачнымъ боемъ, катаньемъ на конькахъ, ристаніемъ въ колесницахъ, турниромъ, метаніемъ диска, воловьей травлей, пожаромъ, разрушеніемъ цѣлой области, и вообще украшенная великолѣпнымъ спектаклемъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Шагабагамъ Балбалыкумъ, владѣтель необитаемаго острова.

Принцесса Брамбилла, его супруга.

Кавалеръ Бонаventura.

Минерва (Паллада то жъ).

> Вѣстникъ.

Войны.

Народъ.

Тѣлохранители.

Игры

Смѣхи

{ спутники Минервы (Паллада то жъ).

Жители обоаго пола.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность царскихъ чертоговъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШАГАБАГАМЪ, БРАМБИЛЛА, ЖРЕЦЫ, ВОИНЫ И НАРОДЪ.

Дуэтъ.

ШАГАБАГАМЪ И БРАМБИЛЛА.

О, восгорѣ, о, восхитице!!!

Наконецъ соединенья

Наступилъ желанный часъ,

О, Зевесъ, храни ты насъ.

Храни, храни, храни ты насъ. (bis).

Храни ты насъ, храни ты насъ!

Храни, храни, храни, храни,

Храни, храни, храни, храни,

Храни, храни ты наши дни!

Храни ты насъ!

Хра-хра-хра-хра-ни ты насъ!

НАРОДЪ, ВОИНЫ, ОРУЖЕНОСЦЫ И ПРОЧ.

Властелинъ

Нашъ одинъ,

Какъ гранить,

Насъ хранить.

Увы и ахъ!

Во всѣхъ сердцахъ,

Увы и ахъ,

Увы и ахъ,

Увы и ахъ,

Во всѣхъ сердцахъ,

Днесъ отдается.

И клякъ несется :
 Игры и смѣхи,
 Всяки утѣхи....
 Всяки-утѣхи,
 Сюда слетайтесь!

Речитативъ.

ШАГАБАГАМЪ (къ народу, воинамъ, оруженосцамъ и проч.)

Друзья, веселитесь, пируйте,
 Пляшите,
 Танцуйте,
 Скачите,
 Ликуйте,
 Воспѣвайте!
 Воспѣвайте, воспѣвайте, воспѣвайте,
 Прославляйте,
 И бракъ нашъ шумно торжествуйте,
 Торжествуйте, торжествуйте, торжествуйте!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Возскачемъ мы бодро ногами,
 И всѣ мы восплещемъ руками,
 Возскачемъ, воспляшемъ, возскачемъ.

ХОРЪ (народъ, воины оруженосцы и проч.)

Такъ станемте, друзья, пировать,
 И плясать,
 Танцовать,
 И скакать,
 Ликовать,
 Воспѣвать,
 Прославлять

И бракъ его торжествовать!
 Торжествовать, торжествовать, торжествовать,
 Торже.... торже.... торжествовать!
 И бракъ его торжествовать!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Другой чертогъ еще роскошнѣе перваго.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШАГАБАГАМЪ И БРАМБИЛЛА.

Каватина.

БРАМБИЛЛА.

Ужель, ужель.

ШАГАБАГАМЪ.

Увы! увы!

БРАМБИЛЛА.

Скажи скорѣй.

ШАГАБАГАМЪ.

Пусть сто смертей!

БРАМБИЛЛА.

Ахъ, ахъ, ахъ!

Ахъ, отвѣчай!

ШАГАБАГАМЪ.

Узнай, узнай!

БРАМБИЛЛА.

Скажи скорѣй!

ШАГАБАГАМЪ.

Будь проклять я!

Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ,

Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ!

БРАМБИЛЛА.

Увы, увy!

Увы, увy!

В м ѣ с т ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Часть сада. На авав-сценѣ дворцовая терраса.

ЯВЛЕНІЕ I.**КАВАЛЕРЪ БОНАВЕНТУРА**, (*въ плащѣ и со шпагою, играетъ на лютнѣ*).

Долго я, долго, ахъ долго, и долго, и долго,
 Долго во мракѣ ночномъ я блуждаю подъ окнами милой,
 Боги, ахъ боги, меня приковали какой-то волшебною силой.
 Вотъ ужъ три ночи, три тяжкія ночи, три ночи,
 Сномъ не смежались мои утомленные бдѣніемъ очи.

Ахъ, проснись!

Ахъ; тронись,

Ты мольбой.

ЯВЛЕНІЕ II.**ТѢ-ЖЕ И ВОИНЫ** (*показываются изъ-за угла и потомъ, крича во все горло*).

Тише, тише, не шумите,
 Осторожнѣй подходите.

(Считая паузы).

Разъ, два, три, четыре,

Разъ, два, три, четыре!

Не зѣвайте,

Нападайте,

Ну, дружищи!

Ну, смѣлѣй!

Разъ, два, три, четыре.

Безполезно промедленье,

Въ бѣгствѣ онъ найдетъ спасенье.

(Не трогаясь съ мѣста, и какъ можно хладнокровнѣе).

Схватите,

Вяжите,

Влеките,

Ташите!

Мы побѣдили

И удивили!

Весь миръ храбростью своей!

(Во всю глотку).

Тише, тише, не шумите;

Осторожнѣй подходите, и т. д.

(Между-тѣмъ кавалеръ, Бонавентура, замѣтя эту толпу ротозѣевъ, съ постыдный обратился бѣгъ).

Хоръ.

О, ярость, онъ скрылся отъ насъ!

Пойдемъ, пойдемъ за нимъ сейчасъ!

(Не трогаясь съ мѣста).

Бѣгите, бѣгите, бѣгите!

Схватите, схватите, вяжите;

Вяжите, вяжите, держите!

Безполезно промедленье,

Въ бѣгствѣ онъ найдетъ спасенье!

Пойдемъ за нимъ, пойдемъ сейчасъ,

Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ сейчасъ.

Пойдемъ сейчасъ,

Пойдемъ сейчасъ —

Вотъ мы ушли!

Ушли отсель!

(Во все горло). Здѣсь тихо все!

Нѣтъ никого!

Рѣшительно.

(Медленно уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь передъ дворцомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

БРАМЕЙЛА И НАРОДЪ.

БРАМЕЙЛА.

Ахъ, тщетно, напрасно, ахъ тщетно моленье
Я шлю къ раздраженнымъ богамъ....
Супругъ мой, супругъ, бьется съ ожесточеньемъ.

Чу! въ отдаленнѣхъ

Трубы звучать!

Ахъ, враждебныя чюлости страшно окрыцять;
Ужели тѣ звуки позоръ мнѣ сулятъ!

Речитативъ.

Но, что я зрю?

*(Толпа воиновъ несетъ на щитахъ смер-
тельно-раненнаго героя.)*

ХОРЪ.

О, горе! горе!

БРАМЕЙЛА.

Какое зрѣлище!

ШАБАГАМЪ.

Увы!

БРАМБИЛЛА.

Ты раненъ?

ШАГАБАГАМЪ.

Ахъ!!

БРАМБИЛЛА.

Ну, что жъ!

ШАГАБАГАМЪ.

Увы!

БРАМБИЛЛА.

Откройся мнѣ!

Скажи скорѣй,

Скажи мнѣ....

ШАГАБАГАМЪ.

Ахъ!

Ахъ, и увы!

Лигуешь врагъ,

А я, я плаваю въ крови!...

БРАМБИЛЛА.

Свершилось все!

ШАГАБАГАМЪ.

Прости, прости, я умираю,

Я страдаю,

И стенаю,

Ожидая,

И желаю.

О горе мнѣ, о горе вамъ!

О горе мнѣ, и горе вамъ —

Моимъ врагамъ!

Прости!

НАРОДЪ.

День ужасный!

День несчастный!

Увы! увy!
 Свершилось, все!
 Увы! увy!
 О, горе намъ!
 Увы! увy!
 Погибли мы!
 Увы! увy!
 Спасенья нѣтъ!

(Раздаются звуки волшебной гармоніи; на сцену опускается облако и въ немъ показывается Минерва (Паллада и Афина то же).

МИНЕРВА (Паллада то же):

Пробудись! Шагабагамъ, тебя я оживляю,
 Возьми свой одръ, ступай, я такъ повелѣваю!
 Ступай себѣ!...

БРАМБИЛЛА:

Но кто же ты?

МИНЕРВА (Паллада то же):

Минерва я,

Паллада то же!

БРАМБИЛЛА.

Увы! увy! ахъ! спазмы! первы!

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ И ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Спокойся, о княжна! побѣда совершенна!
 Разбитый ханъ бѣжитъ, Москва освобождена!

ШАГАБАГАМЪ (обсидаетъ):

О радость!

БРАМБИЛЛА (сдавивъ его въ объятія).

О сладость!

МИНЕРВА (махнувъ на нихъ рукою, и значительно покачавъ головой).

О младость! (Исчезаетъ).

ХОРЪ.

Финаль.

Властелинъ
 Нашъ одинъ,
 Какъ гранитъ
 Насъ хранить.
 Увы и ахъ!
 Во всѣхъ сердцахъ.
 Увы и ахъ!
 Увы и ахъ!
 Увы и ахъ!
 Во всѣхъ сердцахъ
 Днесъ отдается,
 И кликъ несется:
 Игры и смѣхи,
 Всяки утѣхи —
 Сюда слетайтесь!
 И восхищайтесь!

Дуетъ.

БРАМБИЛЛА И ШАГАБАГАМЪ.

Вотъ блаженства
 Совершенство!

Совершенство Вотъ блаженства!

Вотъ блаженства Совершенство!

И согласья вотъ примѣръ!

общій хоръ.

Слава! слава! слава!

Да процвѣтетъ твоя держава!

Хвала, хвала, хвала! хвала!

Хвала! хвала тебѣ герой,

Хвала! хвала! хвала! хвала!

Вивать! вивать!

Уррра!...

(Великопльный билетъ).

ЖУЛЕВИСТОВЪ.

СМѢСЬ.

=

ФЁЛЬЕТОНЪ.

ССОРА М-ЛЕ РАШЕЛЬ СЪ Г. БОВАЛЕ. — ПРЕВРАЩЕНІЕ КОНТРЪ-АЛТА ВЪ ТЕНОРЪ. — ФАКТЫ, ДОКАЗЫВАЮЩІЕ ВЛИВІЕ МУЗЫКИ. — АКТЕРЪ ОФМАНЪ И АНГЛІЙСКІЙ МОШЕННИКЪ. — СВОРЪ ФРАНЦУЗСКІХЪ ТЕАТРОВЪ. — КРЕДИТОРЫ И ПУБЛИКА. — ФАНИИ-ЭЛЬСЛЕРЪ ВЪ РИМѢ. — БОЛѢЗНЬ ПОЗАКАЗУ. — ПОЖАРЪ ГАРРПКОВА ТЕАТРА ВЪ ЛОНДОНѢ. — ВЕНГЕРСКАЯ ПУБЛИКА. — МУЖЪ ВОЗМУТИТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО СПОКОЙСТВІЯ. — БАЛАГАННАЯ ВЫВѢСКА

ССОРА М-ЛЕ РАШЕЛЬ СЪ Г. БОВАЛЕ.

Вотъ что сказано въ одномъ парижскомъ журналѣ о сценѣ происшедшей во Французскомъ-театрѣ при одномъ изъ послѣднихъ представленій м-ле Рашель. Молодая артистка, кончивъ свою роль, вышла за кулисы и съ большимъ негодованіемъ жаловалась на неприличное поведеніе г-на Бовале. По словамъ ея г-нъ Бовале до того забылся на сценѣ, что почти въ-слухъ говорилъ разныя пошлыя остроты на счетъ м-ле Рашели. Другіе увѣряютъ, что виновата сама м-ле Рашель, что она, будто-бы такъ близко подошла къ аванъ-сценѣ, что г. Бовале, оставаясь шагахъ въ десяти позади ея не зналъ къ кому долженъ былъ обращаться съ словами своей роли, что въ-слѣдствіе этого онъ высказалъ м-ле Рашель нѣсколько горькихъ упрековъ, и что м-ле Рашель взбѣсилась за это и начала клеветать на него. Какъ бы то ни было, вотъ причина ссоры, вотъ причина неудовольствія м-ле Рашели, которая рѣшительно объявила, что она идетъ въ отставку.

Все это кажется намъ весьма-непростительнымъ, и кто бы

туть ни былъ виновнымъ, мы находимъ, что подобныя ссоры не достойны Французскаго театра, не достойны артистовъ, любящихъ и уважающихъ свое искусство. Что скажетъ обо всемъ этомъ публика? Благоразумно ли открывать ей всѣ эти закулисныя интриги и сплетни! Въ то время, когда она смотритъ на васъ, когда она слушаетъ васъ, когда она, увлекаясь, прекрасными стихами великихъ поэтовъ, вся предается драмѣ, воспроизводимой вами предъ ея глазами, вы вдругъ начинаете перебраниваться. Публика хочетъ видѣть Андромаху и Пирра и видить г. Бовале и м-ле Рашель, которые говорятъ другъ-другу обидныя колкости.—При каждомъ стихѣ, произносимомъ однимъ изъ актеровъ, другой въ полголоса говоритъ остроты и колкости, со всѣмъ не въ стилѣ Расина. Андромаха кончила свою тираду, и Пирръ говоритъ ей: Поди, ты мнѣ надоѣла, и избѣшенная Андромаха бѣжитъ за кулисы измѣнить гнѣвъ свой. И все это дѣлается извѣстно публикѣ.— Но какого же мнѣнія должна быть послѣ этого объ васъ публика.

Мы не стали бы и говорить объ этомъ неприятномъ случаѣ, еслибъ онъ не угрожалъ чрезвычайно важными послѣдствіями.— М-ле Рашель требуетъ увольненія. Для Французскаго театра ничего не можетъ быть неприятнѣе потерѣ м-ле Рашель. Чтобы сохранивъ м-ле Рашель, Французскій театръ согласится на всѣ условія; страхъ потерять ее заставилъ его даже требовать директора, — потому что м-ле Рашель расположена сдѣлать для директора то, чего она ни за какую цѣну не хочетъ сдѣлать для общинниковъ: говорятъ она была уже у министра и объявила ему, что не хочетъ болѣе быть общинницею Французскаго театра.

Понятно, какое сильное волненіе произведетъ рѣшеніе м-ле Рашель въ улицѣ Ришелье. Но теперь еще не время говорить объ этомъ; мы возвратимся къ этому предмету черезъ нѣсколько дней.

Между-тѣмъ выскажемъ откровенно г-пу Бовале, талантъ котораго мы вполне уважаемъ, сожалѣнія наши, что онъ былъ причиною этого неприятнаго случая. Мы любимъ видѣть въ артистѣ уваженія къ саму себѣ, безъ котораго не можетъ и быть истиннаго артиста; и то, что мы скажемъ о господинѣ Бовале, могутъ примѣнять къ себѣ и многіе другіе артисты. Есть, по несчастію, артисты, которые считаютъ не достойнымъ себя заниматься на сценѣ своею ролью. Для этихъ господъ талантъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать на сценѣ совсѣмъ не то, зачѣмъ они вышли на нее, шутить во время патетической тирады; отпускать шуточки и остроты, когда первая любовница плачетъ, и преспокойно понюхивать табачокъ, когда она отравляетъ себя.

Эти фантазіи не могутъ быть дозволены никому кромѣ славнаго Бокажа, который однажды едва не уморилъ со смѣху бѣдную г-жу Дорваль; въ ту минуту, когда она закальвалась книжалою. М-ме Дорваль тоже разгнѣвалась, какъ и м-ле Рашель,

и м-ше Дорваль была не права, потому что Бокажъ совѣтъ не тѣмъ, что другіе артисты. Для него театръ средство, а не цѣль. Бокажъ Трибуна, и когда-нибудь онъ воспользуется этимъ правомъ Трибуна, чтобы сказать рѣчь толпѣ среди своей роли. Бокажъ считаетъ унизительнымъ прятать голову свою въ огромный парикъ, подкрашивать свою прекрасную физиономію и облекаться въ странной формы костюмы. Бокажъ счастливъ будетъ въ тотъ день, когда ему можно будетъ играть трагедію въ обыкновенномъ фракѣ и трехцвѣтномъ шарфѣ. Не всякому можно добиваться этой честолюбивой цѣли. Пусть же Бовале предоставитъ Бокажу исполнять свое назначеніе, а самъ пусть остается простымъ актеромъ, любящимъ свое искусство и полнымъ уваженіемъ къ великимъ поэтамъ, которыхъ онъ служитъ истолкователемъ, и къ публикѣ, которую онъ хочетъ трогать и воодушевлять.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОНТРЕ-АЛЬТА ВЪ ТЕНОРЪ.

Во французскихъ газетахъ рассказываютъ за истину слѣдующій анекдотъ: Дня за два до открытія настоящаго сезона парижской Комической оперы, къ директору ея, г. Вателю, въ то самое время, какъ онъ занимался у себя въ кабинетѣ дѣлами, входитъ вдругъ молодой человекъ, довольно скромной наружности и чрезвычайно робкій.

— Я изъ вашей труппы, сударь.

— Ваше имя.

— М-лле Жуана.

— Какъ м-лле! Что это значить!

— О, сударь это немножко забавно, съ видимымъ замѣшательствомъ отвѣчаетъ молодой человекъ: я не знаю, какъ вамъ объяснить....

— Прощу васъ пожаловать ко мнѣ въ болѣе приличномъ для васъ костюмѣ, сказалъ г. Ватель.

— Но, сударь.... напротивъ....

— Мнѣ кажется, сударыня, что теперь не святки.

— Но, сударь, потому то я и....

— Сударыня, оставьте эту мистификацію, или я вынужденъ буду прибѣгнуть къ штрафу.

— Но, сударь, возразилъ почти со слезами молодой человекъ: увѣряю васъ, что я нисколько не виноватъ въ этомъ.... Это такой случай, который.... словомъ, сударь, увѣряю васъ, что я въ надлежащемъ костюмѣ.... и объ этомъ то я пришелъ предупредить васъ.

Это еще болѣе разгнѣвало г-на Вателя; онъ позвонилъ и велѣлъ позвать г. Таріо, главнаго начальника хористовъ и хористокъ. Г. Таріо явился.

— Любезный Таріо, сказалъ ему директоръ: знаете вы этого наглеца!

— Какъ же, помилуйте, это мое первое сопрано.

— Въ такомъ случаѣ кончимте эту пошлую комедію, вскричалъ г. Ватель: извольте выйти, сударыня!

— Умоляю васъ, сударь, возразилъ молодой человѣкъ, падая на колѣни: умоляю васъ, не губите моей будущности.... Клянусь вамъ, сударь, что я болѣе не сопрано.... я сдѣлался теноромъ.... Ради Бога не выгоняйте меня изъ вашей труппы.

Ватель и Таріо съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга; но такъ, какъ m-lle Жуана плакала горькими слезами, и такъ-какъ, не смотря на ея костюмъ, ее все-таки можно было скорѣе принять за хорошенькую дѣвушку, чѣмъ за мужчину, то растроганный г. Ватель благосклонно поднялъ ее и сказалъ:

— Ну такъ объяснитесь жѣ.

Тогда m-lle Жуана начала объясняться скромно и деликатно; она рассказала, какъ мать ея, которая годъ тому назадъ привезла ее въ Парижъ изъ Пармы, твердила ей безпрестанно, что она сопрано; какъ ее всегда называли m-lle Жуаною; какъ помѣстили ее въ ряды хористокъ, гдѣ она всегда съ такимъ усердіемъ исполняла свое дѣло, какъ въ послѣднія вокаціи съ нею случилось приключеніе.... и какъ, наконецъ, явно стало, какая жестокая ошибка сдѣлана на счетъ ея въ метрическихъ книгахъ—потому что она вдругъ сдѣлалась теноромъ, полнымъ будущности.

— А! вскричалъ удивленный директоръ: но увѣрены ли вы въ этомъ.

— Помилуйте, сударь, спросите хоть у моего семейства.

— Ну въ такомъ случаѣ я очень радъ, отвѣчалъ директоръ.

И послѣ того, получивъ новыя неоспоримыя доказательства истины этого происшествія Ватель охотно согласился удержать, въ труппѣ своего молодаго тенора, котораго онъ принялъ къ себѣ какъ сопрано. Только m-lle Жуана, со всѣмъ багажомъ и оружіемъ перешла, подъ граціознымъ именемъ Жеронимо, въ ряды хористовъ мужескаго пола.

ФАКТЫ, ДОКАЗЫВАЮЩІЕ ВЛІЯНІЕ МУЗЫКИ.

Вліяніе музыки на душу и тѣло вмѣстѣ, то есть на одушевленные тѣла, неоспоримо; множество животныхъ доказываютъ это. Оно видно изъ явнаго удовольствія, съ которыми птицы

слушаютъ и выучиваютъ нѣкоторыя аріи, и изъ криковъ, которые нѣкоторые звуки возбуждаютъ въ собакахъ. Опытами дознано, что звуки флейты привлекаютъ оленей; что ярость льва утихаетъ при барабанномъ боѣ, и что онъ пугается пѣнія пѣтуха; что трубный звукъ ободряетъ лошадей и проч. Что касается до человѣка, то могущество музыки надъ нимъ давно доказано. Въ самой отдаленной древности Спартанцы, Мидійцы и Критяне, не иначе ходили на битву, какъ при ободрительномъ звукѣ флейтъ. Тимотей, играя на лирѣ арію, называемую: «Ортіасъ», приводилъ въ бѣшенство Александра Македонскаго, заставляя его хвататься за оружіе, и потомъ укрощалъ его такъ же легко. Тервандръ укротилъ возмущеніе въ Лакедемонѣ посредствомъ слѣдственнаго пѣнія своего. Киръ ободрялъ свои войска, заставляя ихъ пѣть гимнъ въ честь Кастора и Поллукса. Клитемнестра не прежде уступила преслѣдованіямъ Эгиста, какъ когда онъ убилъ музыканта Демадонуса, которому Агамемновъ поручилъ жену свою, и котораго пѣніе пробуждало въ ней чувство и поддерживало обязанности. Улиссъ, болѣе счастливый, приставилъ съ тѣмъ же намѣреніемъ музыканта Феміуса къ жепѣ своей Пенелопѣ, которая до возвращенія сохранила къ нему вѣрность. Даже бездушные предметы подвергаются могущественному вліянію звуковъ. Плиній упоминаетъ объ одной пещерѣ на Далматскомъ берегу, изъ которой исходилъ шумъ, подобный тому, который производитъ буря, когда въ нее бросали камень. Стекланный стаканъ, повѣшенный на ниткѣ, падаетъ разбитый на нѣсколько кусковъ при звукѣ голоса, когда звукъ сего послѣдняго похожъ на звукъ стекла стакана. Нынѣ физика открыла еще болѣе фактовъ.

АКТЕРЬ ОФМАНЪ И АНГЛІЙСКІЙ МОШЕННИКЪ.

Андре Офманъ (Hoffman), знаменитый комическій актеръ парижскаго театра Variétés, даетъ теперь въ Гаврѣ представленія, на которыя стекается многочисленная публка. Веселый комикъ въ особенности играетъ удачно въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ онъ карикатурно подражаетъ странностямъ Англичанъ. Въ послѣдній разъ Офманъ игралъ въ піесѣ: *Les trois dimanches* роль Англичанина, въ которой такъ превосходенъ бываетъ Левассоръ на Пале-Рояльскомъ театрѣ. Эта роль есть одна изъ самыхъ блестящихъ ролей Офмана, а потому онъ и имѣлъ въ Гаврѣ чрезвычайный успѣхъ. Но въ особенности игра его, повиднмому, производила сильное дѣйствіе на одного Англичанина, стоявшаго въ

оркестръ. При каждомъ словѣ, произносимомъ парижскимъ актеромъ, онъ приходилъ въ восторгъ и испускалъ восклицанія: Но! и Very well! Артистъ еще болѣе обрадовался, когда послѣ окончанія пьесы, милордъ попросилъ у него позволенія войти въ его ложу, для того, чтобы поздравить его. Легко понять, что онъ очень скоро согласился на это.

Послѣ первыхъ поклоновъ и комплиментовъ, милордъ осмѣлился однакожь сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія Офману. Потомъ онъ началъ учить его произносить нѣкоторыя англійскія слова и даже дѣлать нѣкоторыя тѣлодвиженія. Офманъ простился съ Англичаниномъ, осыпая его увѣреніями искренней благодарности, потомъ отправился на сцену играть послѣднюю пьесу. Только послѣ спектакля, одѣваясь, чтобы выйти изъ театра, онъ замѣтилъ, что у него украли золотыя часы и кошелекъ съ пятидесятью франками. Никто кромѣ Англичанина не входилъ въ его ложу. Онъ поспѣшилъ въ тотъ домъ, въ которомъ англійскій милордъ квартировалъ, по его словамъ. Но тамъ никто и не слышалъ объ такомъ человѣкѣ. Былъ ли учитель англійскаго языка настоящимъ британскій мошенникъ, или это былъ искусный парижскій воръ, объѣзжавшій департаменты? этого еще никто не могъ объяснить.

СБОРЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

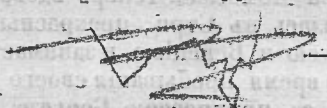
Въ одной французской газетѣ напечатано слѣдующее любопытное исчисленіе суммъ, собранныхъ парижскими театрами въ 1811 году, съ замѣчаніемъ, что сборъ этого года превосходилъ почти на миліонъ франковъ сборы годовъ 1809 и 1810, причину этого приписываютъ большому стеченію въ Парижъ иностранцевъ по случаю праздниковъ, происходившихъ по поводу бракосочетанія Императора Наполеона.

Королевская Академія Музыки собрала	643,503 фр.
Французскій-Театръ	867,394 —
Комическая-Опера	950,172 —
Театръ Императрицы	292,536 —
Театръ Водевилья	349,408 —
Varietés	613,673 —
Ambigu-Comique	445,933 —
Gaité	476,483 —
Porte-Saint-Martin	303,137 —
Франкоин	281,863 —

Итого . . . 5,224,102 фр.

КРЕДИТОРЫ И ПУБЛИКА.

Пятое представлѣніе въ Вѣнѣ оперы *Les Mousquetaires de la Reine* было замедлено слѣдующимъ непредвидѣннымъ и довольно забавнымъ обстоятельствомъ. Въ самый день этого представлѣнія первый басъ М. Б., исполняющій въ этой оперѣ роль капитана Роанда, былъ арестованъ въ слѣдствіе предъявленныхъ на него просроченныхъ векселей. Кредиторы придумали а тотъ арестъ въ такое время, въ надеждѣ, что антрепренеръ Балахино заплатитъ имъ немедленно хоть часть долговъ своего артиста; но Балахино рѣшительно отказался отъ всякой сдѣлки. Вечеромъ публика начала събѣжаться и сходиться въ театръ и, къ изумленію своему нашла его запертымъ. Вокругъ театра собралась толпа, и полиція принуждена была вступиться въ дѣло и объяснитъ собравшимся зрителямъ причину отмены спектакля. Однако жъ г. Балахино приговоренъ къ штрафу въ 500 флор. за то, что не приготовилъ и не далъ другой пьесы. Съ публикою шутить нельзя!

 ФАНИИ ЭЛЬСЛЕРЪ ВЪ РИМѢ.

Фанни Эльслеръ, паходящаяся теперь въ Римъ, удостоилась почести быть допущенною къ цѣлованію туфли папы Пія IX-го. Театральная царица явилась къ святому отцу великолѣпно разодѣтая, такъ-сказать осыпанная брилліантами. Конечно въ этомъ не было ничего дурнаго; но многіе присутствовавшіе при этой церемоніи невольно замѣтили, что не далѣе какъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, королева настоящая, королева голландская, явилась съ подобною же цѣмію къ святому отцу одѣтою гораздо проще. Впрочемъ почеть, заслуженная т.е. Фанни Эльслеръ, хотя довольно рѣдкая, но отнюдь не безпримѣрная. Сценическіе артисты, отличающіеся талантомъ и доброю нравственностью, пользуются уваженіемъ въ Римѣ болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Вотъ замѣчательный примѣръ тому: синьора Этеръ Момбелли, о которой мы уже говорили выше, пользовалась такимъ отеческимъ расположеніемъ папы Пія VII, что не смотря на сопротивленія губернатора римскаго и другихъ членовъ святой коллегіи, получила отъ него позволеніе дать въ пятницу Великаго-Носта концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ одного скоропостижно-умершаго двѣца. Пѣвица эта находилась въ сношеніяхъ и съ другими кардиналами, а въ Парижѣ чрезвычайно дружна была съ Пунциемъ Маххи. Въ спальнѣ ея стоялъ образъ Мадонны; подаренный ей Піемъ VII и передъ этимъ образомъ постоянно теплилась лампада.

БОЛЕЗНЬ ПО ЗАКАЗУ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія была въ парижской Италіанской-оперѣ пѣвица, замѣчательная своимъ талантомъ, но еще болѣе замѣчательная по необыкновенной твердости воли, выказанной ею въ слѣдующемъ случаѣ.

Въ 1825 году снѣвора Эстеръ Момбелли—такъ звали эту пѣвицу, уѣхала на время изъ Парижа въ Италію. Возвратясь, въ слѣдующемъ году въ Парижъ она рѣшительно отказалась являться болѣе на сценѣ, и чтобы имѣть право уничтожить неокончившійся еще контрактъ съ Италіанскою оперою, она прикинулась больною, и цѣлые два мѣсяца пролежала въ постель, будучи здорова, какъ нельзя лучше. Едва ли кто другой рѣшится на подобную пытку; тутъ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаешься боленъ. Но снѣвора Момбелли ничуть не разстроилась отъ этого, и на другой же день по уничтоженіи контракта, весело уѣхала въ Геную, гдѣ и вышла за мужъ за графа Гритти. Этого-то брака и былъ причиною сыгранной ею маленькой комедіи для того, чтобы покинуть сцену. Снѣвора Момбелли, теперь вдова графиня Гритти, по смерти мужа удалилась въ Стри, прекрасный замокъ на берегу Brenty, между Падуею и Венеціею, и занимается тамъ воспитаніемъ своей дочери. Во время пребыванія своего въ Римѣ, она жила въ короткой дружбѣ съ принцессою Боргезе, сестрою Наполеона.

ПОЖАРЪ ГАРРИКОВА ТЕАТРА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Въ Лондонѣ сгорѣлъ въ прошломъ мѣсяцѣ театръ, называвшійся театромъ Гаррика. Вотъ подробности этого пожара: часу въ пятомъ утра полицейскіе замѣтили дымъ, выходявшій изъ подъ крыши театра. Тотчасъ же ударили тревогу, но почти въ ту же минуту показалось сквозь крышу и пламя, и не болѣе какъ черезъ десять минутъ, театръ стоялъ уже весь въ огнѣ. Немедленно явилась пожарная команда, но огонь уже истребилъ почти всю внутренность зданія, и только съ трудомъ успѣли остановить распространеніе пламени, когда оно уже сообщалось прилежащимъ къ театру дому призрѣнія еврейскихъ сиротъ и ружейной фабрикѣ г. Скотта, съ одной стороны, и извѣстной тавернѣ Гаррика съ другой. Однакожь эти три зданія все-таки потерпѣли значительныя поврежденія. Къ девяти часамъ пожаръ совершенно прекращенъ. Театръ сгорѣлъ до основанія, со всѣми декораціями, костюмами и проч. Причина пожара неизвѣстна, но вообще полагають, что онъ произошелъ отъ пыжа.

ВЕНГЕРСКАЯ ПУБЛИКА.

Венгерцы, какъ видно, совѣмъ иначе поступаютъ съ своими драматическими артистами, чѣмъ въ другихъ земляхъ, и не очень то любятъ лстить имъ. Вотъ, напримѣръ, какъ поступила недавно со своимъ публикой города Песта. Давали *Les Mysteres de Paris*, подражаніе новой *Tabbeau de paris* Эженя Сю. Лишь только директоръ театра, г. Форстъ, тоже занимавшій роль въ этой пьесѣ появился на сценѣ, со всѣхъ сторонъ послышались свистки и крики. Вонъ, вонъ! намъ не нужно вашего нѣмецкаго театра! Г. Форстъ, артистъ чрезвычайно талантливый, и до-сихъ-поръ, постоянно пользовавшійся благосклонностію этой же самой публики, особенно въ этой роли, подошелъ къ авансценѣ и хотѣлъ объясниться съ публикою. Но свистки и крики усилились. Г. Форстъ настаивалъ, чтобъ его выслушали, но видя, что шумъ не прекращается, сталъ неподвижно у рампы и подавалъ жестами знаки, что дождется окончанія этой бури. Тогда около сотни молодыхъ людей бросились изъ партера на сцену съ криками: Проклятіе нѣмецкому театру! схватили г-на Форста и вытолкали со сцены, а потомъ и изъ театра, и провожали до самой его квартиры ругательствами и палочными ударами, бросая сверхъ того въ него картофелемъ и яйцами. Полиція успѣла арестовать многихъ изъ этихъ негодяевъ. Г-нъ Форстъ опасно заболѣлъ, вслѣдствіе сильнаго потрясенія и побоевъ.

МУЖЪ ВОЗМУТИТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СПОКОЙСТВІЯ.

Сколько разъ мы слышали и читали жалобы на то, будто бы въ нашихъ театрахъ, такъ называемая у насъ *райская* публика, нарушаетъ наслажденіе истинныхъ дилетантовъ своими неумѣстными и неистовыми изъясненіями восторга въ патетическихъ мѣстахъ пьесы. Но что же бы заговорили наши дилетанты, если бы у насъ происходили беспорядки, подобныя хотя вотъ слѣдующему: въ одномъ изъ городовъ Департамента Нижней-Сены во Франціи открытъ былъ недавно театръ. Разумѣется, въ первое представленіе зала была набита биткомъ. Вдругъ въ самой патетической сценѣ играемой пьесы, раздаются въ одномъ углу партера плачевные крики женщины. Публика взволновалась. Ничего, говорятъ одни: это мужъ колотитъ жену. Чортъ его побери! пусть идетъ колотить на улицу, отвѣчаютъ другіе. Наконецъ является полиція и учтиво выводитъ деспотическаго супруга изъ залы.

БАЛАГАННАЯ ВЫВѢСКА.

Вывѣска одного изъ балагановъ на какой-то провинціальной ярмаркѣ во Франціи гласила слѣдующее. Здѣсь показывается рыба, называющаяся: большой морской тигръ. Рыба эта поймана съ великими трудностями и при помощи многихъ бедуновъ, близъ береговъ Африки, знаменитымъ натуралистомъ Цезаремъ Массерини. Это животное дикое и огромное вѣса, чешуи его снабжены двумя рядами острыхъ зубовъ, тѣло его покрыто шерстью, мягкою подобно бархату, а плавательныя перья похожи на руки. Постоянными усилиями владѣльцу этого животного удалось до такой степени сдѣлать его ручнымъ, что по первому знаку пристаивка, это морское чудовище, столь странное по природѣ, поднимается и лижетъ ему руки и лицо, и что еще удивительнѣе, что оно, по приказу этого же пристаивка, довольно ясно произноситъ слова папа и мама. На афишахъ, разосланныхъ по городу прибавлено. Г-нъ Массерини, ожидаемый съ нетерпѣніемъ въ Парижъ, останется въ здѣшнемъ городѣ только самое короткое время, и потому должно спѣшить видѣть это необыкновенное животное, которое питается только одною рыбою и съѣдаетъ ее въ день по 20 килограммовъ. Показывается ежедневно съ 10 часовъ утра до часу по полудни и съ 5 час. до 10 вечера Цѣна: за входъ 25 сант., исключая того времени, когда его кормятъ, а именно съ 7 до 8 час. вечера, тогда платятъ 50 сантим. Это будетъ почище сирены, нѣкогда удивлявшей любознательную петербургскую публику.

ОГЛАВЛЕНИЕ XVI ТОМА.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

	стр.
I. Прости. Стихотвореніе <i>А. А. Фета</i>	7
II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА. Русская драма и русская сцена. Статья <i>А. Григорьева</i> . — Замѣчательный благородный спектакль въ Москвѣ. Статья <i>М. Н. Макарова</i>	8
III. Къ***. Стихотвореніе <i>А. Григорьева</i>	17
IV. Одинъ изъ многихъ. Созданіе женщины. Эпизодъ третьей <i>А. Григорьева</i>	18
V. Вѣрный конь. Стихотвореніе <i>А. М.</i>	42
VI. Местъ. Повѣсть <i>А. Сазонова</i>	45
VII. Гроза. Стихотвореніе <i>А. М.</i>	68
VIII. Графиня Клара д'Обервиль. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго.	69
IX. Дума. Стихотвореніе <i>А. Славина</i>	143
X. Английскій пистолетъ. Разсказъ.	145
XI. Улетѣвшей. Стихотвореніе <i>А. С.</i>	169
XII. Елена, или она замужемъ. Комедія-водевилъ въ одномъ	

	стр.
дѣйствіи. Передѣланная съ французскаго П. С. <i>Федоровыхъ</i>	171
XIII. Юмористика. Сцены изъ жизни доморощеннаго генія. Статья Н. <i>Прот—ова</i>	209
XIV. Смѣсь. Двѣ примадонны.—Приключеніе съ г-жею Дорваль.—Слухи о Россіи.—Бѣда отъ люстры.—Мужество одной актрисы.—Рашель въ Лондонѣ.—Ссора Гризи съ оркестромъ лондонскаго театра.—Слухи о Женни-Линдъ.—Театръ Одеона.—Новый способъ театральныхъ поощреній.—Анекдоты и мелочи. . .	218

КНИЖКА ОДИНАДЦАТАЯ.

I. Мой челнокъ (<i>пльня изъ Беранже</i>). А. Григорьева . . .	233
II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА. Русская драма и русская сцена, А. Григорьева	236
III. АРТИСТЪ. Стихотвореніе А. Григорьева	242
IV. ЧЕРКЕШЕНКА. Повѣсть	343
V. ЕСТЬ У ДУШИ ВЫСОКІЯ МГНОВЕНІЯ. Стихотвореніе А. С. . .	293
VI. КОМЕДИЯ СЪ ДЯДУШКОЙ. Оригинальная шуточная оперетка-водевиль въ одномъ дѣйствіи П. И. Григорьева 1-го. . .	294
VII. СТРАСТЬ И ПОЭЗИЯ. Стихотвореніе А. С.	324
VIII. ВОРОНА ВЪ ПАВЛИНЫХЪ ПЕРЬЯХЪ, ИЛИ СЛУГА-ГРАФЪ, ГРАФЪ-СЛУГА. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.	326
IX. ПОКОЙНАЯ НОЧЬ, ИЛИ СУМАТОХА ВЪ ШЕРВАКОВОМЪ ПЕРЕУЛКѢ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго.	351
X. Юмористика. Отрывокъ изъ дневника молодаго писателя. Ник. <i>Прот—ова</i>	370
XI. Смѣсь. <i>Фельетонъ</i> . Современныя петербургскіе интересы вообще. Натуральная и ненатуральная школа.—Сюжетъ для будущаго Аристофана.—Итальянская	IX

опера и сочувствіе къ музыкѣ. — Циркъ Лежара и Гверы. — Жалобы иностранцевъ на Россію. — Театральные слухи и бенефисныя новости. — Исторія ссоры г-жи Рашель съ Французскимъ-театромъ. — Пуфъ объ Александрѣ Дюма. — Колдуны въ Парижѣ. — Біографія пѣвца Колетти. — Анекдотъ о настоящемъ Штраусѣ. — Охотникъ за львами. — Воздухоплаватель. — Анекдотъ объ актерѣ Манжо. — Разныя извѣстія . . . 374

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.	Рождество христово. Стихотвореніе Долганова.	401
II.	МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА. Русская драма и русская сцена, <i>А. Григорьева</i>	404
III.	РАЗБОЙНИКЪ. (<i>Баллада Вальтера-Скотта</i>).	410
IV.	КРАСНОЯРСКІЙ КУПЕЦЪ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, <i>Н. Акселя</i>	412
V.	ЭЛЕГІЯ. Стихотвореніе <i>П. К.</i>	452
VI.	МАСКАРАДЪ ВЪ ОПЕРНОМЪ-ТЕАТРѢ ИЛИ ПРОГАЗЫ ЖЕНАТАГО. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго <i>А. Н. Андреева</i>	454
VII.	БЫЛА ПОРА, ДРУЗЬЯ КОВАРНЫЕ. Стихотвореніе <i>П. К.</i>	505
VIII.	ЧЕРКЕШЕНКА. Повѣсть. (<i>Окончаніе</i>).	506
IX.	ЮМОРИСТИКА. Торжество супружеской вѣрности или Мексиканцы въ Лапландіи, оперное либретто. <i>Жулевистова</i>	585
X.	СМѢСЬ. <i>Фельетонъ</i> . Ссора m-ле Рашель съ г-мъ Бовале. — Превращеніе контръ-альта въ теноръ. — Факты, доказывающіе вліяніе музыки. — Актеръ Офманъ и англійскій мошенникъ. — Сборъ французскихъ-театровъ. — Кредиторы и публика. — Фанни-Эльслеръ въ Римѣ. — Болѣзнь по заказу. — Пожаръ Гаррикова театра въ Лондонѣ. — Венгерская публика. — Мужъ возмутитель общественнаго спокойствія. — Балаганная вывѣска	605

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОНИСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

стр.

I.	Иностранныя театры. — Парижскіе.	1
II.	Русскіе театры.	
1)	С. Петербургскіе.	
	Александринскій театръ. <i>А. Григорьева</i>	5
	Каменно-островскій театръ. <i>В. Петрова</i>	13
	Михайловскій театръ.	
	а) Французскіе спектакли <i>В. Петрова</i>	15
	б) Нѣмецкіе спектакли <i>В. Петрова</i>	19
2)	Провинціальныя театры.	
	Ярославскій театръ	20
	Театръ въ Ростовѣ	31

ОКТЯБРЬ.

I.	Иностранныя театры. — Парижскіе. — Лондонскіе	37
II.	Русскіе театры.	
	С. Петербургскіе.	
	Александринскій театръ. <i>А. Григорьева</i>	67
	Михайловскій театръ.	
	а) Французскіе спектакли. <i>В. Петрова</i>	79
	б) Нѣмецкіе спектакли. <i>В. Петрова</i>	83
	в) Большой театръ. <i>А. А.</i>	84

НОЯБРЬ.

I.	Иностранныя театры. — Парижскіе.	87
II.	Русскіе театры.	
	С. Петербургскіе.	
	Александринскій театръ. <i>А. Григорьева</i>	98
	Михайловскій театръ.	
	а) Французскіе спектакли. <i>В. Петрова</i>	112
	б) Русскіе спектакли <i>А. Андреева</i>	118

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НОЯБРЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

1. *Le noeud gordien* (Гордіевъ узелъ), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ.

Зала.—Молодой и богатый дипломатъ, графъ де-Молеонъ попробовалъ бросить свой обворожительный взглядъ на Эмерансу, жену г. Клавье. На дошедшіе до нея вздохи и жалобы, не благоразумная отвѣчала письмомъ, исполненнымъ словъ надежды и покорности, такъ, что это письмо становится какъ бы тайнымъ договоромъ между ёю и графомъ. Молеонъ долженъ скоро жениться на племянницѣ г. Клавье, за которою волочится его кузень де-Сень-Понъ. Этотъ союзъ послужитъ Молеону средствомъ сблизиться съ Эмерансою.

Дѣйствіе 2-е. Г. Клавье назначенъ посланникомъ въ Италію. Графъ Молеонъ, сдѣлавшійся домашнимъ другомъ въ семействѣ Клавье, успѣлъ своимъ льстивымъ языкомъ и прекрасными манерами приобрѣсть благосклонность матери г-на Клавье. Маркиза сбилась съ толку и обвиняетъ Сень-Пона въ намѣ-

реши нарушить домашнее счастье ея сына. Когда министр привозитъ назначеніе г-на Клавье, Эмеранса съ огорченіемъ видить, что мѣсто секретаря посольства, на которомъ ей хотѣлось видѣть Сень-Пона, отдано графу. Сень-Понъ дѣлаетъ возраженія, но тщетно: маркиза, благодаря своему вліянію на министра, успѣваетъ отправить его къ миссіи въ Багдадъ.

Дѣйствіе 3-е. Кабинетъ. — Клавье отправился въ палату. Министерство въ опасности. Молеонъ опасующійся, чтобы не разрушилось подготовляемое имъ зданіе будущаго счастья, упрасиваетъ Эмерансу вызвать письмомъ депутата домой, потому что если онъ будетъ говорить въ палатѣ, то все погибло, и графу придется отказаться отъ своего мѣста секретаря посольства. Эмеранса долго противится; она старается вырваться изъ цѣпей оковавшаго ее чудовища, и падаетъ въ обморокъ. Молеонъ заставляетъ писать къ г. Клавье племяннику его м-лле Генриетту. — Поздно! Г. Клавье уже говоритъ. Эмеранса не избѣжала опасности. Тогда г. де-Клавье объявляетъ, что онъ выдаетъ Генриетту за Сень-Пона. Молеонъ конфузится и требуетъ объясненія отъ г. де-Клавье, но Эмеранса бросается между ними.

Дѣйствіе 4-е. Залъ. — Сень-Понъ постигъ мученія Эмерансы. Во чтѣ бы то ни стало, надобно избавить ее отъ графа. Съ такимъ врагомъ Эмеранса никогда не будетъ счастлива и спокойна. Сень-Понъ вызываетъ графа. Молеонъ рѣшился побѣдить всѣ окружающія его препятствія. Въ письмѣ, полученномъ имъ нѣкогда отъ Эмерансы, ему назначено было свиданіе въ кіоскъ, въ полночь. Какое то особенное обстоятельство помѣшало этому свиданію. Теперь Молеонъ предлагаетъ Эмерансѣ обмѣнять это письмо на ключъ отъ кіоска. Эмеранса въ отчаяніи отдаетъ ключъ.

Дѣйствіе 5-е. Кіоскъ. — Эмеранса хочетъ удалиться въ монастырь, и поручаетъ Сень-Пону вручить гибельное письмо ея мужу. Маркиза застаётъ ихъ въ этомъ совѣщаніи. Тогда Эмеранса призываетъ мужа и вручаетъ ему это свидѣтельство своей прошедшей слабости. Но голосъ ея достигъ до сердца г. де-Клавье и убѣдилъ его въ ея невинности. Между тѣмъ Молеонъ и Сень-Понъ собираются рѣзаться. Приходитъ графъ, Клавье даетъ ему понять смѣшную сторону ея положенія; заставляетъ ѣхать вмѣсто Италіи, къ посольству въ Англію, отдаетъ ему письмо Эмерансы и получаетъ ключъ отъ кіоска. Сень-Понъ жепится на Генриеттѣ. — Чтѣ вы сдѣлали? спрашиваетъ маркиза. — Другой разрубилъ бы узелъ, а я развязываю его.

Во-первыхъ, это драма, не смотря на то, что афиша даетъ ей имя комедій, во-вторыхъ, драма прекрасно веденная, полная интереса и разумности до 4-го акта. Она имѣетъ большой успѣхъ. Авторъ ея г-жа Каза-Майоръ. (Casa-Mayor).

—
—

TEATRE PORTE-SAINT-MARTIN.

LA JUIFE DE CONSTANTINE, драма-анекдотъ въ 5 дѣйствіяхъ и 6-ти частяхъ.

Площадь въ Константинополѣ.—Рынокъ. Пестрая толпа шумно волнуется на площади. Всѣ лавки отперты, исключая одной, лавки Еврея Натана, одного изъ богатѣйшихъ торговцевъ въ Константиноплѣ. Два челоуѣка съ равнымъ безпокойствомъ наблюдаютъ за этою лавкою. Одинъ африканскій охотникъ, деньщикъ лейтенанта Мориса д'Арвье, который приказалъ ему извѣстить себя, какъ скоро Натанъ появится на площади. Другой — начальникъ племени Кабилловъ, Бенъ-Аиса, страстно влюбленный въ дочь Натана Лею и надбюшійся хотѣ издали поглядѣть на нее, когда она придетъ съ отцомъ въ лавку. Наконецъ, Натанъ появляется, но противъ обыкновенія своего безъ дочери, а съ одною старою служанкою. Доминикъ, деньщикъ лейтенанта д'Арвы бѣжитъ извѣстить его объ этомъ, а Бенъ-Аисса удаляется опечаленный. Натанъ, видя, что красота его дочери навлечетъ ей много опасностей, рѣшается выдать ее за одного изъ собратьевъ. Но уже поздно. Лея влюблена въ лейтенанта д'Арвье, и Натанъ самъ продаетъ ему портфель, въ которомъ вложена записка Леи, назначающей въ тотъ же вечеръ свиданіе Морису. Кадиджа, молодая Кабилка, тайно влюбленная въ лейтенанта, узнаетъ про интригу его съ Леею и клянется отмстить. Завтра отправляется транспортъ военныхъ снярядовъ въ Филипевилль, и Морису поручено конвоировать его. Второй шефъ племени Кабилловъ, Алибуталебъ, извѣщаетъ Бенъ-Аиссу, что возмущеніе готово вспыхнуть, и мятежники ожидаютъ только его. Бенъ-Аисса, весь занятый своею любовью, сначала отказывается принять въ этомъ участіе, но узнавъ, что транспортъ будетъ сопровождать лейтенантъ д'Арвье, соглашается.

Дѣйствіе 2-е. Внутренность дома Еврея Натана. — Послѣ свиданія Лея съ Морисомъ, Кадиджа объявляетъ Натану, что дочь его любовница лейтенанта, и доставляетъ ему доказательства этого. Старый Еврей въ отчаяніи. Онъ призываетъ дочь и изъ отца дѣлается судьей. Лея признается въ любви своей къ Морису, и клянется, что она невинна. Въ сердцѣ Натана возраждается надежда; онъ требуетъ, чтобы Лея вышла за назначеннаго ей жениха. Это невозможно, говоритъ дочь. Натанъ беретъ книгу закона и читаетъ бѣдной дочери текстъ, которымъ она осуждается на постыдное изгнаніе изъ племени, и по которому имя ея заживо будетъ высѣчено на надгробномъ камнѣ. Но Лея возражаетъ, что она не подлежитъ болѣе этому закону, потому что она—христіанка. Бѣшенство Натана выходитъ изъ границъ. Онъ увлекаетъ дочь и хочетъ убить ее. Весь домъ сбѣгается на крикъ Лея. Но въ ту же самую минуту Натанъ появляется на порогѣ ея комнаты, блѣдный и разстроенный.... Лея мертва!

Картина 2-я. Комната Лея. — Раввины собрались для погребальной церемоніи по ихъ закону. Но Натанъ удаляетъ ихъ, говоря, что онъ одинъ займется этимъ. Оставшись одинъ, онъ пробуждаетъ Лею: рука его дрогнула, когда онъ хотѣлъ поразить дочь свою. Натанъ хочетъ усладить дочь свою далеко отъ Константины. Разсвѣтаетъ. Являются слуги проститься въ послѣдній разъ съ покойницею. Натанъ усыпляетъ ее наркотическимъ средствомъ. Погребальная церемонія прервана появленіемъ Мориса д'Арвье, обезпкоеннаго услышаннымъ имъ печальнымъ пѣніемъ въ домѣ своей возлюбленной. Морисъ заклинаетъ Натана сказать ему, гдѣ дочь его. Старый Еврей открываетъ занавѣсъ постели и показываетъ Морису бездыханный трупъ Лея. Морисъ въ ужасѣ отступаетъ. Натанъ и самъ полагаетъ, что умертвилъ дочь свою. Взбѣшенный онъ гонитъ Мориса; но Морисъ непремѣнно хочетъ дать послѣдній поцѣлуй своей возлюбленной. Натанъ грозитъ ему книжаломъ. Рази меня, если смѣешь, говоритъ Морисъ: я умру отъ руки, которая, можетъ быть, поразила и Лею. Натанъ бросается на Мориса; ихъ разводятъ. Лейтенантъ клянется, что заставитъ отца Лея отвѣчать за убійство дочери передъ правосудіемъ человѣческимъ.

Дѣйствіе 3-е. Лагерь Кабиловъ. — Морисъ съ двумя товарищами попалъ въ плѣнъ къ Кабиламъ. Ему предлагаютъ свободу, но на постыдныхъ условіяхъ, и онъ отказывается. Кадиджа предлагаетъ ему доставить средство къ бѣгству, но Морисъ не хочетъ предать мщенію Кабиловъ двухъ своихъ товарищей. Казнь

плѣнниковъ назначена тотчасъ по окончаніи торжества, которыми Арабы празднуютъ свою побѣду. Буталебъ, второй шефъ Кабиловъ, замѣчаетъ крадущуюся въ темнотѣ женщину — это Кадиджа. Буталебъ останавливаетъ ее, говоритъ ей о своей любви и предлагаетъ взять ее въ жены, если она согласится пойти съ нимъ въ его палатку. Кадиджа соглашается и выпытываетъ у него пароль этой ночи. Чтобы уговорить Буталеба, который все еще не рѣшается произнести смертный приговоръ Французамъ, она объявляетъ ему, что лейтенантъ любитъ сестру его. Буталебъ соглашается на все. Но плѣнные уже убѣжали; стража ихъ найдена связанною. Бенъ-Аисса требуетъ выдачи плѣнника. Это я! говоритъ Кадиджа. Бенъ-Аисса упрекаетъ ее, что она спасла его соперника. Успокойся, говоритъ Кадиджа, той, кого онъ любитъ, нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ. Бенъ-Аисса хочетъ видѣть Лею живую или мертвую все-равно. Кабилы пускаются преслѣдовать бѣглецовъ.

Дѣйствіе 4-е. Еврейское кладбище. — Натанъ ждетъ пробужденіе дочери, ему слышится вздохъ и онъ сходитъ въ подземелье. Бенъ-Аисса подстерегъ его. Онъ знаетъ, что Лея не умерла. Онъ окружить кладбище своими воинами, и тогда Еврей съ дочерью будутъ въ его власти. Натанъ выходитъ изъ могильнаго склепа, ведя съ собою и дочь свою. Лея отправится въ Филиппивиль, въ монастырь Сестеръ Милосердія. Натанъ скоро покинетъ ее, и дочь тщетно умоляетъ его о прощеніи. Оставшись одна, Лея срываетъ нѣсколько цвѣтковъ и бросаетъ ихъ на могилу матери своей. Морисъ, преслѣдуемый Кабилами, вбѣгаетъ на кладбище и видитъ Лею. Они скоро узнаютъ другъ друга. Бенъ-Аисса возвращается и застаётъ ихъ вмѣстѣ. Онъ прячется за кустъ. Лея примѣчаетъ его и вскрикиваетъ отъ ужаса. Лейтенантъ идетъ въ кустарникъ. Бенъ-Аисса выбѣгаетъ, накидываетъ на Лею свой бурнусъ и хочетъ задушить ее вопли. Является Натанъ, закалываетъ его кинжаломъ и уходитъ. Морисъ и Лея хотятъ удалиться изъ этого печальнаго мѣста, но Бенъ-Аисса, еще не совсемъ умершій, кричитъ: На помощь! Является патруль спаговъ. Бенъ-Аисса называетъ Мориса своимъ убійцею. Лея хочетъ оправдать его. — Молчи! говоритъ Морисъ: ты не можешь обвинять отца своего.

Дѣйствіе 5-е. Пропасть Константинская. — Натанъ оставилъ Константинову. Но возвратится ли онъ, чтобы спасти Мориса! Одно средство спасти Мориса представляется теперь Леѣ — средство это предлагаетъ ей Кадиджа. Надобно согласится принад-

лежать Бенъ-Аиссу. Лея съ негодованіемъ отвергаетъ это предложеніе. Что теперь дѣлать? Оставить ли погибнуть Мориса! Предать ли отца? Но вотъ сердце заговорило въ старомъ Евреѣ; онъ возвращается, чтобы спасти Мориса отъ казни. Бенъ-Аисса останавливаетъ его, говоря, что Лея въ его власти. Съ другой стороны равнины предадутъ его проклятію человѣческому, если онъ солжетъ. Натанъ рѣшается сказать истину. Бенъ-Аисса подаетъ знакъ. Женщина падаетъ въ пропасть. Отчаяніе овладѣваетъ Натаномъ, который не боится болѣе сознаться, что это дочь его. Бенъ-Аисса радуется погибели Лей, но Лея съ Морисомъ бросаются въ объятія Натана. Кадиджа, лишившаяся всякой надежды на любовь Мориса, рѣшилась пожертвовать собою и заняла мѣсто Лей.

Авторы этой пьесы, Теофиль Готье и Ноэль Парфе, строго держались условій мѣстности, и въ этомъ отношеніи пьеса ихъ имѣла большой успѣхъ, чему особенно способствовала также и превосходно согласованная съ этими условіями обстановка пьесы.

THEATRE DE LA GAITE.

3) L'ANGELUS, драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ.
Дѣйствіе I. — Хижина. — Графъ Торіани, измѣнникъ и бѣглець, приходитъ искать убѣжища отъ преслѣдованія великаго герцога, въ хижину Браччи. Браччи часто ссорится съ женою своею Лунджиною, которая не хочетъ открыть ему секретъ, хранимый ею дѣвѣ двадцать лѣтъ. Слѣдуетъ бурная сцена. Дженнаро, сынъ ихъ, вступаетъ въ нее. Лунджина удаляетъ всѣхъ присутствующихъ и объявляетъ Дженнаро, что братъ властвующаго герцога оставилъ сына, что сынъ этотъ живъ, и что онъ, Дженнаро, можетъ овладѣть важнымъ доказательствомъ этого, поднявъ камень подъ четвертымъ изъ семи стоящихъ рядомъ въ лѣсу дубовъ. Торіани и Браччи, спрятавшись, слышали весь этотъ разговоръ, и рѣшились прежде Дженнаро овладѣть сокровищемъ.

Дѣйствіе II. — Картина 1-я. — Монастырь. — Великій герцогъ хочетъ запереть въ него герцогиню. Молодая дѣвушка, любимая Дженнаро, помогаетъ бѣгству герцогини, ссужая ей военный костюмъ Дженнаро.

Картина 2 я. — Лѣсъ. — Дженнаро увозитъ въ своей лодкѣ герцогиню, которая должна явиться въ часовню Палавичини, какъ скоро прозвонятъ *Angelus*. Въ эту минуту совершится ровно двадцать лѣтъ ея вдовству, и два лица, назначившія ей свиданіе, будутъ ожидать ее тамъ. Первое изъ этихъ лицъ хранитель завѣщанія покойнаго ея мужа, а второе — сынъ ея. Торіани и Браччи вѣтрѣчаются подъ дубомъ, куда оба явились за бумагами. Торіани измѣнническимъ образомъ умерщвляетъ Браччи и овладѣваетъ сокровищемъ.

Дѣйствіе III — Комната. — Слухъ объ убійствѣ распространяется. По нѣкоторымъ неяснымъ догадкамъ обвиняютъ въ немъ Дженнаро; ружье его, найденное и принесенное однимъ изъ пріятелей его, Флавиеномъ, еще болѣе усиливаетъ подозрѣніе. Дженнаро могъ бы оправдаться однимъ словомъ, но онъ поклялся герцогинѣ не измѣнять ей.

Дѣйствіе IV. — На берегу озера. — Торіани, опасаясь, чтобъ герцогъ не задержалъ его, ввѣряетъ украденное имъ завѣщаніе одному офицеру, а самъ является къ своему врагу. Судьба графа измѣнилась: герцогъ, опасавшійся теперь его, возвращаетъ ему всю свою милость. Является дама въ костюмѣ сестеръ Св. Розаліи. Герцогъ, думая, что это герцогиня, хочетъ сдернуть съ нея покрывало. Флавиенъ не допускаетъ его до этой грубости. Луиджина является просить герцогиню, чтобы она оправдала ея сына; но герцогиня не можетъ явиться въ судъ, она должна быть въ часовнѣ Палавичини. Звонятъ *Angelus*. Флавиенъ хочетъ идти. Онъ говоритъ, что ему тоже надобно быть на свиданіи. Сынъ Андреа, обвините вашу мать! Герцогиня, это сынъ вашъ! говоритъ имъ Луиджина. Черезъ часъ я доставлю вамъ завѣщаніе.

Дѣйствіе V. — Зала. — Дженнаро приговоренъ къ смерти. Но Луиджина обвиняетъ въ убійствѣ графа Торіани. Герцогъ приказываетъ арестовать графа. Флавиенъ и герцогиня доказываютъ невинность Дженнаро, но не могутъ доказать законности сына покойнаго герцога. Какъ вдругъ офицеръ вручаетъ главному сенатору бумаги, украденныя графомъ Торіани въ лѣсу, и народъ кричитъ: да здравствуетъ Андреа, да здравствуетъ новый великій герцогъ!

Успѣхъ. — Авторы: гг. Деввери и Лафиттъ.

THEATRE DU VAUDEVILLE.

4) Le vonnomme Job, комедія-водевилль въ трехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствіе I. — Мельница. — М-ме Люксейль условливается съ сыномъ своимъ Артуромъ, молодымъ львомъ, финансовыя обязательства котораго въ весьма плохомъ положеніи, на счетъ брака, который долженъ привести ихъ опять въ положеніе самое цвѣтущее. Особа, назначаемая съ этою прекрасною цѣлью въ супруги г-ну Артуру, никто иная, какъ милая, прелестная Онопина де-Сануа, воспитанница г-жи Люксейль. Незнакомецъ, съ изящными манерами, съ бѣлыми вѣжными руками, явился въ жилищу мельника. Мельникъ Ювъ, добрякъ, любимый всеми, узнаетъ тайну этого незнакомца: незнакомецъ никто иной, какъ графъ Рестуль, и забрался къ мельнику за тѣмъ, чтобы найти случай увидѣться съ Онопиною. Мельникъ зоветъ его съ собою въ замокъ г-жи Люксейль.

Дѣйствіе II. — Галерея. — Артуръ, встрѣтившись съ графомъ де-Рестуль во-время бури, предложилъ ему укрыться въ замкѣ своей матери. Г-жа де-Люксейль принимаетъ гостя въ портретной галереѣ своихъ предковъ. Начинаются танцы. Между тѣмъ, какъ гости веселятся, г-жа де-Люксейль объявляетъ Онопинѣ о предложенномъ ей бракѣ. Онопина отказывается. Възбѣшенная старуха клянется принудить ее силою. Оставшись одна, Онопина преклоняетъ колѣни передъ портретомъ своей матери, закрытымъ другою картиною. Мельникъ Ювъ, вошедшій въ эту минуту, вскрикиваетъ, увидавъ этотъ портретъ. Волненіе его измѣнило бы ему, если бы не явилась г-жа де-Люксейль. Г-жа де-Люксейль осыпаетъ Онопину упреками и объявляетъ ей между прочимъ, что мать ея, г-жа де-Сануа, умерла обезчещенною и что доказательства этого въ рукахъ у нея, г-жи де-Люксейль. Итакъ Онопина не родственница ея, и если Онопина не согласится на бракъ съ ея сыномъ, то она, г-жа де-Люксейль, объявитъ публикѣ о безчестіи ея матери. Бѣдная Онопина, желая спасти честь матери, соглашается выйти за Артура. Графъ де-Рестуль въ отчаяніи и хочетъ удалиться изъ замка. Мельникъ Ювъ велитъ ему надѣяться, и назначаетъ свиданіе на утро въ овчарнѣ.

Дѣйствіе III. — Овчарня. — Ювъ устроилъ свиданіе графа де-Рестуль съ Онопиною. Появленіе старой маркизы де-Люксейль заставляеть воспитанницу ея спастись бѣгствомъ. Артуръ узнаетъ

объ этомъ свиданіи и вызываетъ графа де-Рестуль на поединокъ. Поединокъ назначенъ черезъ часъ. Но Іовъ, все видѣвшій и все слышавшій, не допуститъ этого. Онъ посылаетъ Опоринѣ кольцо и проситъ ее придти опять въ овчарню. Наконецъ, онъ открываетъ свой секретъ. Опорина дочь его, а онъ никто иной, какъ бывшій лѣспичій Ришаръ, которому г-жа де-Сануа отдала свою руку въ благодарность за его безграничную къ ней преданность и любовь. Іовъ однакоже не скажетъ объ этомъ ни полслова, если Опорина сдѣлается графинею де-Рестуль. Г-жа де-Люксейль соглашается на эти условія, видя, что старпкъ готовъ измѣнить себя, когда дочь его спросила у него, откуда ему досталось это кольцо. Отецъ вашъ умеръ, сударыня, отвѣчаетъ ей Іовъ: а я прошу только какого нибудь мѣстечка при васъ. Арттру пришлось платить долги и искать другой партіи.

Заслуженный успѣхъ. — Авторъ Эмилъ Сувестръ.

ТЕАТРЪ ПАЛЕ-РОЯЛЯ.

5) компата съ двумя кроватями; шутка съ куплетами.

Дѣйствіе происходитъ въ гостинницѣ Стъ-Манде. Эперланъ приходитъ въ номеръ, усталый и полусонный, ложится и вдругъ слышитъ, что кто-то нестерпимо храпитъ. Оказывается, что Эперлану отвели номеръ съ двумя кроватями, и на одной изъ нихъ расположился уже другой путешественникъ и храпитъ во всю мочь. Эперланъ будитъ его холодной водою. Храпуна этого зовутъ Пинсъ-Менъ. Поссорившись немного, новые знакомцы дружатся, и Эперланъ рассказываетъ свою исторію: по словамъ его онъ ни холостъ, ни женатъ, ни вдовъ, а вотъ почему именно: пожилая дама, по имени Вероника, купивъ за него рекрута, съ условіемъ, чтобы онъ женился на ней за это. Эперланъ едва могъ ужиться съ полгода съ этою брюзгливою и злою старухою, и бѣжалъ отъ нее, оставивъ письмо, въ которомъ написалъ, что намеренъ лишить себя жизни. Разсказъ этотъ чрезвычайно заинтересовалъ Пинсъ-Мена, потому что онъ именно женился на самой этой Вероникѣ; которая, считая себя вдовою, поспѣшила выйти опять замужъ и соорудила монументъ мнимому покойнику.

знавши секретъ Эперлана и тоже будучи не совсѣмъ доволенъ своею супругою, Пинсъ-Менъ хочетъ возвратить ее первому мужу. Начинается ссора, доходитъ до драки; одинъ хватаетъ пистолетъ, другой вертелъ; наконецъ, рѣшаются лучше рѣшить дѣло картами. Садятся играть; одинъ думаетъ, что, проигравши партію, онъ проигрываетъ и жену, а другой, что выиграшь на вѣки избавить его отъ любезной Вероники. Опять ссора. Вдругъ является кондукторъ дилижанса, въ которомъ должна была приѣхать эта почтенная двумужница, и объявляетъ, что она померла отъ припадки злости. Судите о радости вдовцовъ. Но вотъ опять ссора: покойница назначила своего супруга полнымъ наследникомъ своего имущества, и вотъ оба начинаютъ расхваливать ее и каждый претендуетъ на оставшееся наследство. Наконецъ, чтобы не затѣвать процесса, рѣшаются по-братски разделить это наследство.

Успѣхъ. — Авторы гг. Варенъ и Левевръ.

ТЕАТРЪ ОДЕОНА.

6) *L'UNIVERS ET LA MAISON*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Рабочій кабинетъ. Доріа, богатый спекулянтъ, считаетъ свои миліоны сотнями и раскинулъ сѣть своихъ спекуляцій даже на берегахъ Ганга. Молодой сынъ его, Людовикъ, которому онъ поручилъ сдѣлать какую-то значительную покупку въ Пиемонтѣ, познакомился тамъ съ одною примадонною. Со-временемъ Доріа намѣренъ сдать сыну всѣ дѣла свои, а покауда вводитъ къ себѣ въ домъ г. Божона, интриганта и игрока, съ которыми хочетъ заводить колоніи въ Алжирѣ. Доріа отправляется въ Медонъ, по-видаться съ женою и дочерью.

Актъ второй. Садъ. М-те Доріа и Марія бесѣдуютъ съ Эдгаромъ и графомъ Доривъ и между прочимъ изъявляютъ намѣреніе съѣздить на будущей же недѣлѣ въ Итальянскую-Оперу. Графъ предлагаетъ свою ложу. За завтракомъ спекулянтъ объявляетъ, что намѣренъ отдать руку своей дочери Божону, и Божонъ съ радостію предвидитъ осуществленіе своихъ честолюбивыхъ за-

мысловъ. Чтò касается до Людовика — онъ виѣ себя отъ восторга, потому что встрѣтился въ Парижѣ съ своею примадонною.

Актъ третій. Ложа въ оперѣ. Графъ Доривъ объясняется въ любви m-me Доріи, мужъ которой между-тѣмъ разсуждаетъ о свободѣ торговли. Людовикъ, уходившій изъ ложи, возвращается въ бѣшенствѣ: примадонна, восхитительно пѣвшая свою партію, жестоко мистифировала его. Людовикъ непременно дерется съ своимъ соперникомъ. Доріа объявляетъ, что онъ завтра даетъ великолѣпный балъ, для того, чтобы представить многочисленнымъ друзьямъ своимъ будущаго зятя своего.

Актъ четвертый. Залъ. Во время бала m-me Доріа тщетно старается отворотить несчастье своей дочери. Она не хочетъ имѣть другаго зятя, кромѣ Эдгара, но Доріа крѣпко стоитъ на своемъ. Вдругъ залы пустѣютъ. Божонъ, выгнанный г-жою Доріа, говорить спекулянту: «У вашей жены есть любовникъ; она уѣхала изъ вашего дома и съ дочерью». Честный слуга наноситъ послѣдній ударъ родительской любви Доріи, объявляя, что сынъ его дерется на дуэли. Доріа въ отчаяніи, онъ хочетъ видѣть, и непременно увидитъ дѣтей своихъ.

Актъ пятый. Садъ. Людовикъ раненъ. Является Доріа и упрекаетъ жену свою за ея поведеніе. Та безъ труда оправдывается. Старый прикащикъ приноситъ журналъ, открывающій обманъ Божона. Журналъ не щадитъ этого ловкаго плута, въ ожиданіи покуда за него примется правосудіе. Графу Дориву отказываютъ отъ дома, и Эдгаръ сдѣлается ечастливимъ супругомъ сестры юнаго храбреца Людовика. Доріа навсегда отказывается отъ спекуляцій и со слезами на глазахъ произноситъ:

Je quitte l'univers et garde la maison.

Плохой успѣхъ! Авторъ — г-нъ Мери.

Кромѣ этихъ пиесъ или совершенно упали или имѣли плохой успѣхъ слѣдующія пиесы:

- 1) *Un souvenir*, комедія; на театрѣ Varietés.
- 2) *Nicolas Poulet*, водевиль; на театрѣ Varietés.
- 3) *Les demoiselles de nocés*, гг. Баяра и Майя; на театрѣ Gymnase.
- 4) *Georges d'Alton*, драма; на театрѣ Одеонъ.

О которыхъ мы доводимъ только до свѣдѣнія читателей,

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГСКІЕ.

I.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

СМЕРТЬ ИЛИ ЧЕСТЬ. — КРЕМНЕВЪ. — ДЕБЮТЫ Г-ЖИ ЛАВРОВОЙ. — БЕНЕФИСУ Г. МАРТЫНОВА — Г. КАРАТЫГИНЪ ВЪ ИГОЛКИНЪ. — БЕНЕФИСУ Г-ЖИ ВАЛБЕРХОВОЙ И УЛЬТИМАТУМЪ О Г. СЛАВИНЪ. — Д-ЦЫ ЖУЛЕВА И РОЗАНОВА. — СЦЕНА И РЕЦЕНЗЕНТЫ. — УГОЛНО.

1) Ноября 1-го.—СМЕРТЬ ИЛИ ЧЕСТЬ, драма *Н. А. Полеваго*. *Смерть или честь*, безусловно, лучшая пьеса покойнаго Николая Алексѣевича — и хотя канва ея взята изъ *Contes de l'atelier*, но вся обдѣлка принадлежитъ Полевому; кромѣ чрезвычайнаго интереса положеній, драма эта отличается особеннымъ благородствомъ возрѣнія и грустною горечью намековъ: даже самыя романтическія восклицанія, которыми изобилуютъ драмы Полеваго, здѣсь совершенно умѣстны, и многія изъ нихъ почти обратились въ половицы, — мерзость *дѣлъ и рѣчей человеческихъ*, на которую такъ горько жалуются всѣ романтики, слишкомъ хорошо выставлена въ дѣйстви, для того, чтобы не простить благородному драматургу многихъ эксцентрическихъ восклицаній — ибо они, эти немного фразистыя, восклицанія, вырвались изъ души, страдавшей, облитой желчью негодованія. И — Боже правый, какъ ядовиты были эти восклицанія въ устахъ Мочалова, который отъ перваго до послѣдняго слова былъ великъ въ этой драмѣ, не смотря на то, что не понималъ, можетъ быть, характера Гюга такъ глубоко, какъ понималъ и обдумалъ его В. А. Каратыгинъ. Мы не хотимъ и не умѣемъ сравнивать этихъ двухъ равно

великихъ артистовъ — и если приводимъ здѣсь на память игру Мочалова, то потому только, что воспоминаніе дѣйствуетъ на насъ самихъ слишкомъ сильно, что въ нашихъ ушахъ еще раздаются какъ будто эти горькія восклицанія, что передъ нашими глазами еще стоитъ какъ будто гениальный уродъ, съ молвіей во взглядѣ, съ его до безконечности подвижнымъ лицомъ, съ его мелодическимъ голосомъ, съ его шепотомъ, разрывающимъ душу.... Но все-таки, не смотря на силу этихъ воспоминаній — искренняя дань удивленія В. А. Каратыгину — честь и слава великому художнику, который никогда столько, можетъ быть, какъ теперь, не стоялъ высоко надъ толпою, никогда менѣе не жертвовалъ ей — В. А. Каратыгинъ нынѣшній годъ пересоздалъ всѣ свои роли, и только нынѣшній годъ явился истиннымъ жрецомъ искусства, величайшимъ изъ современныхъ трагиковъ, и теперь онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать себѣ:

Ты самъ свой высшій судъ:

Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ:

Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ — такъ пускай толпа его бранитъ,

И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,

И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ!...

Въ прошлый мѣсяцъ мы говорили о той могучей, почти дерзкой смѣлости концепціи, съ которою передана была имъ роль Короля Лира. Не всѣ понимаютъ, что такими созданіями ролей Каратыгинъ дѣлаетъ реформу въ искусствѣ; примирить до такой степени высочайшій трагизмъ съ простотою, доходящею иногда до комизма, могли слишкомъ немногіе артисты — Гарриксъ да Кинъ развѣ, игравшіе вмѣстѣ Гамлета и Фальстафа — и если бы теперь Каратыгинъ сыгралъ Фальстафа, мы пошли бы въ театръ, увѣренные заранѣе, что великій трагикъ можетъ быть и величайшимъ комикомъ. В. А. Каратыгинъ дошелъ до крайнихъ трагическихъ граней; — единственный смѣлый шагъ, который ему возможенъ — это — роль Фальстафа.

Взгляните на него въ *Гюль Бидерманъ*. Можно ли быть проще, даже веселѣе его въ обыкновенныхъ сценахъ этой пьесы — самые драматическіе порывы такъ естественны, что вы и сколько не удивляетесь, когда передъ вами простой, честный ремесленникъ, съ его простодушіемъ, съ его неловкими поклонами, встаетъ великимъ человекомъ; по словамъ графа Оттона, — вы поймете

только, что все великое просто, что на свѣтѣ нѣтъ героевъ съ трагической выступкой, что самыя сильныя движенія души обусловлены все-таки личностью человека.

И фактъ, грустный фактъ, что толпа не поняла возвышенности этой простоты, т. е. еще не привыкла къ ней. Но—теперь Каратыгинъ играетъ не для нея, а для себя, и повторяемъ опять, только теперь долженъ быть ему не страшень лай посредственности; и еще не давно исповѣдь Кина прочтена была имъ не съ ожесточенною досадою, а съ величіемъ достоинства, хотя съ глубокою грустью художника. Пересозданіе роли Гюга Бидермана должно исполнить уваженіемъ къ великому артисту всякаго, кто ищетъ въ искусствѣ не однихъ увлеченій и криковъ, а строгой истины и патуры. Одна уже эта роль есть подвигъ, а нынѣшній годъ В. А. подарилъ намъ *Велизаріемъ*, *Лиромъ*, *Заревскимъ* и проч. Есть одна только роль, которую онъ не пересоздалъ — это Гамлетъ. Да проститъ намъ артистъ, если мы упорно держимся своихъ старыхъ мнѣній. *Гамлетъ* въ его средствъ, въ Гамлетъ равно дурны и онъ и Мочаловъ, не смотря на восторги Москвы и на статьи «Наблюдателя» — къ идеалу Гамлета подходилъ немного только Эмиль Девриэнтъ, да и то — съ грѣхомъ пополамъ.

Теперь мы въ правѣ ждать отъ нашего великаго трагика — Кориолана—совершенно прежняго, и Отелло, пересозданнаго. Не мѣшало бы только въ отношеніи къ Кориолану, не поступать такъ безбожно съ остальными лицами этой великой драмы, а прозаическій переводъ Отелло замѣнить хоть переводомъ г. Лазаревскаго, весьма вѣрнымъ и духу и буквѣ подлинника.... Скажемъ еще болѣе: теперь отъ Каратыгина, созрѣвшаго до апогея своей славы, мы въ правѣ ждать новыхъ и все новыхъ типовъ стараго Шекспира: мы еще не видѣли его ни *Антоніемъ* (Антоній и Клеопатра), ни *Анджело* (*Measure of measure*), ни Тимономъ (Тимонъ Афинянинъ), ни *Просперо* (Буря). Это — все его область, равно какъ *Филиппъ II* въ Донъ-Карлосѣ Шиллера, или Маркизь Поза — ибо онъ будетъ равно великъ въ обоихъ лицахъ, равно какъ... но развѣ можно исчислить роли, въ которыхъ былъ или будетъ или можетъ быть превосходенъ нашъ великій трагикъ?

2) кремневъ, русскій солдатъ (по возобновленіи въ 1-й разъ). Мы не любимъ псевдопатріотическихъ драмъ съ апотеозою кислыхъ щей, горьки и русскаго кулака, не любимъ аллегорій со стономъ о жирныхъ цирахъ добраго стараго времени — но всегда рады отъ всей русской души появленію такихъ цестъ, какъ

Кремневъ. Такихъ пьесъ, къ сожалѣнію, весьма немного: *Смерть Айнунова*, *Кремневъ*, *Рука Всевышняго отечество спасла*. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій — и только: все остальное — клевететь на русскую пародность, оскорбляеть чувство благороднаго патриотизма, гуманныяго патриотизма. Но Кремневъ, кромѣ высокаго народнаго значенія, имѣеть значеніе и художественное: это типъ, созданный солдатскимъ сердцемъ, приправленный бойкимъ русскимъ юморомъ, типъ могучій и здоровый, какъ сама Россія. Въ драмѣ *Кремневъ* двѣ стороны, — одна чисто виѣшняя, драматическая — и она очень слаба, другая типическая, и она — превосходна. Характеръ Кремнева, сцены въ лагерь — начертаны перомъ мастера: русская рѣчь, русский юморъ бьютъ живымъ ключомъ въ этихъ сценахъ, — вы невольно сочувствуете и этимъ бойкимъ шуткамъ, и этому спокойствію русскихъ людей, идущихъ умирать за родину; вы понимаете этихъ героевъ, которые съ пѣснями штурмовали Варшаву, вы понимаете солдатскую гордость Кремнева, вы трогаетесь его слезами — ибо въ самой односторонности видите вы невольно русскую силу, русскую волю. Но вся остальная, вся сентиментальная часть драмы, какъ-то не клеится съ этимъ русскимъ молодечествомъ. *Владимиръ Русовъ* — славный мальш, но въ немъ мало мужеской силы; идея государственная ясно побуждаетъ въ его лицѣ идею семейственную — но есть мѣсто въ драмѣ, гдѣ матушка его грозитъ его наказать: вы такъ и ждете, что онъ разразится громовымъ, полнымъ сознанія мужескаго отвѣтомъ — *Я принадлежу Богу и Государю!* Не тутъ то было! А жаль, истинно жаль, что идея семейственная не совсѣмъ принесена въ жертву государственной! Говорить объ исполненіи Кремнева — значитъ говорить объ игрѣ г. Григорьева 1. Что игра этого артиста умна вездѣ, даже въ роляхъ, которыя къ нему не идутъ, объ этомъ и говорить нечего; — но въ *Кремневѣ* г. Григорьевъ 1-й не только заставляетъ восхищаться своей облуманной, типической игрою, но исторгаетъ даже невольныя слезы. Съ начала до конца — онъ превосходенъ въ этой драмѣ. Послѣ него, всѣхъ лучше были г-жа *Самойлова* 1-я, не смотря на незначительность и неестественность своей роли, и г. *Марковецкій*, въ роли лихаго русскаго солдата. Г-жа Дюръ и г. Максимовъ были очень хороши.

3) *Дебюты г-жи Лавровой.* — Для г-жи Лавровой — хотя и воспитанницы — сцена и театральныя подмостки вещи не новыя. Она дебютировала еще въ Москвѣ, гдѣ была принята блистательно, благодаря всего болѣе памяти ея незабвеннаго отца,

такъ рано окончившаго свое земное поприще, къ сожалѣнію всѣхъ друзей искусства... Блистательный приемъ ея публикой московской — вещь въ высшей степени понятная; но приемъ, сдѣланный ей публикой петербургской, явленіе необыкновенное, ибо, признаемся откровенно, мы не вѣримъ какъ-то въ единство жизни Петербурга и Москвы. Всѣмъ, чѣмъ восхищается Петербургъ, восхищается также и Москва, но Петербургъ, кромѣ того, имѣетъ претензіи не восхищаться тѣмъ, чѣмъ восхищаются коренные Москвичи. Лучшій примѣръ Мочаловъ, котораго Петербургъ не оцѣнилъ и не понялъ, тогда, какъ Москва и поняла и оцѣнила В. А. Каратыгина. Но не въ этомъ дѣло: маленькій *l'ivoire*, сдѣланный г-жой Лавровой, основанъ на ея прекрасной наружности, ловкости и извѣстной степени таланта. *Извѣстной степени* — говоримъ мы, ибо, къ величайшему нашему сожалѣнію, истиннаго таланта мы въ ней не видали, хотя слишкомъ внимательно слѣдили ея игру и въ *Мирандолинь* и въ *Полюбовной сдѣлкѣ*. Въ той и другой пьесѣ она, во-первыхъ, прекрасно знала роль и придавала каждому слову надлежащую интонацію; во-вторыхъ, чрезвычайно ловко держалась на сценѣ, и въ третьихъ (это относится къ *Полюбовной сдѣлкѣ*) очень мило пѣла. Кажется, все это похвалы — но странное дѣло, что эта интонація звучала намъ чѣмъ-то заученнымъ, напоминала довольно неприятно что-то давно слышанное, — что мы желали бы менѣе ловкости съ перваго появленія на сцену: причины этихъ двухъ странныхъ желаній мы объяснили себѣ вотъ какимъ образомъ: — въ заученныхъ интонаціяхъ отозвалась несчастная школа московской артистки г-жи Орловой, школа холодной, искусственной и манерной граціозности; — а желаніе видѣть въ молодой артисткѣ менѣе ловкости происходило отъ очень понятнаго желанія прогресса во всемъ: намъ кажется почему-то, что г-жа Лаврова такъ и застынетъ въ этихъ условно-граціозныхъ формахъ, что въ игрѣ ея не будетъ никогда индивидуальности — той индивидуальности, которой живые примѣры — для Москвичей — Н. В. Рѣпина, для Петербуржцевъ покойная Асенкова и Н. В. Самойлова 1-я. Г-жа Лаврова, впрочемъ, не ограничилась методомъ г-жи Орловой, — она подражаетъ и Плесси; но, къ сожалѣнію, не имѣетъ страстной природы послѣдней.

Что сказать о самыхъ комедіяхъ, въ которыхъ дебютировала молодая артистка? *Мирандолина* — вещь сильно старая и писанная, кажется, человѣкомъ, не совсемъ благопріятно смотрѣвшимъ на такъ называемый прекрасный полъ, человѣкомъ съ Мольеров-

скимъ воззрѣніемъ на женщину, воззрѣніемъ, которое ничего не видитъ въ женщинѣ, кромѣ кокетства и хитрости — этихъ лучшихъ орудій слабости. Воззрѣніе это, пожалуй, и справедливо съ одной стороны, да спрашивается, кто же виноватъ въ томъ, что женщина, благодаря пустымъ и ложнымъ понятіямъ общества, принуждена прибѣгать къ подобнымъ орудіямъ — не сами ли мужчины виноваты, и виноваты именно всеумѣстными требованіями, въ томъ, что женщина любить, такъ сказать, хоть чѣмъ ни будь, да показать свое вліяніе. Нашъ вѣкъ дошелъ до лучшаго понятія о женщинѣ. — Посмотрите, чѣмъ является женщина, хоть въ незатѣливой, но миленькой пьесѣ *La belle et la bete*, которую читатели, вѣроятно, видали на Михайловской сценѣ. Женщина должна быть спасающимъ, умягчающимъ элементомъ — тѣмъ, чѣмъ воображала ее себѣ благородная, дѣвственная душа Шиллера и не менѣе чистая душа величайшаго изъ современныхъ поэтовъ — г-жи Людеванъ. Что это за женщины — эта слабая Индіана, эта любящая Жюльета, эта благородная Діана, эта нѣжная Валентина!... Справедливость требуетъ однако сказать, что старая комедія Мирандолина — очень умна; мы были рады ея появленію, въ особенности потому, что видѣли въ ней г. Со- сницкаго превосходнымъ такъ, какъ давно его не видали.

4) *Бенефисъ г. Мартынова*. — кошей или пропавшій перстень, драма въ двухъ дѣйствіяхъ. — красноперекий купецъ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи. — угрожалъ сосѣдъ сосѣду.

Новая драма талантливаго автора *Музыканта и княгини* не понравилась публикѣ, и въ этомъ случаѣ мы совершенно съ нею согласны; только совѣмъ не потому, чтобы намъ не нравился сюжетъ драмы. Нѣтъ — зло физическое и зло нравственное могутъ и должны быть предметомъ анализа; но скальпель должно опускать поглубже, дорываясь до причинъ этого зла. Скупость съ своей смѣшной стороны превосходно выставлена Плавтомъ въ его *Aulularius* и Мольеромъ въ его *Скупомъ*; но ни Плавтъ, ни Мольеръ не имѣли въ виду искать корней этого зла, которое можно назвать и нравственнымъ и физическимъ вмѣстѣ; — нравственнымъ потому, что его причины бываютъ всегда тонко-духовныя, часто неумовимо-тонкія; физическимъ, потому что привязанность къ отвлеченной идеѣ цѣнности переходитъ наконецъ въ привязанность къ кружкамъ золота и проч. Причинъ этого страшнаго зла коснулись только два поэта, сколько мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ — *Пушкинъ* и *Гоголь*, тотъ и другой, различно по различію своихъ воззрѣній на жизнь. Орлиное око рано по-

гибшаго поэта прозрѣло процессъ огрубѣнія, такъ сказать, самой благородной изъ потребностей—жажды власти, и помните ли, какъ страшно и величаво вмѣстѣ звучатъ слова скупаго рыцаря — Скальпель Гоголя коснулся одного изъ повседневныхъ характеровъ, и въ образѣ Плюшкина представилъ страшное паденіе человѣка.... Отъ всякаго новаго аналитика этой болѣзни мы, слѣдовательно, въ-правѣ требовать новыхъ открытій. Чтò же новаго сказалъ намъ авторъ *Кащей*? Кащей его, какъ Плюшкинъ, подбираетъ иглоки, какъ скупой баронъ, сознаетъ свою власть надъ людьми посредствомъ золота, какъ Гарпагонъ, чуждъ всякой любви и привязанности — но вѣдь и только. Мы не знаемъ, какъ дошелъ этотъ человѣкъ до состоянія чисто-животнаго съ одной стороны, ибо онъ живетъ инстинктуальной привязанностью къ деньгамъ; и до состоянія мертвеннаго съ другой — мы только видимъ передъ собою отвратительный трупъ, даже неразъятый анатомическимъ ножомъ. Есть правда попытка на одну новую мысль, есть намекъ на новый феноменъ болѣзни: это — вопросъ Кащей своей племянницѣ — *почему ей не все равно онъ или ея отецъ*; по мысль эта, мысль о забвеніи всего человѣческаго, о непонятіи даже всего человѣческаго, высказана какъ-то не смѣло и не рѣзко. Многіе жаловались на отвратительность картины, представленной авторомъ, мы же, напротивъ, жалѣемъ, что онъ не повелъ своей мысли до самыхъ крайнихъ граней, ибо только на крайнихъ граняхъ, всегда расширяющихся вмѣстѣ съ вѣкомъ, не сойдешься съ другими.

Г. Мартыновъ явился истинно-великимъ трагическимъ артистомъ въ этой роли: ни одного жеста, ни одной интонаціи, которыя бы измѣнили образу, имъ созданному; и потому замѣчательно, что въ продолженіе перваго дѣйствія не было ни одного аплодисмана: такъ изумило всѣхъ подобное выполненіе роли. Все — отъ принятаго и постоянно-хранимаго тона, до жеста поднятія платка въ сценѣ съ племянницей, было обдуманно истинно-художнически,—по впечатлѣнію послѣдней сцены нельзя даже передать словами: волосы встанутъ дыбомъ отъ страшной истины игры артиста. Больше, право, мы не умѣемъ ничего сказать въ похвалу ему — въ продолженіе всей драмы, отъ этой игры становится гадко на душѣ. Всѣ остальные лица драмы, по безцвѣтности ли ролей, по другому ли чему либо, были не хороши, безъ исключенія даже г-жи Самойловой 2-й; они впрочемъ не виноваты: всѣ роли принесены авторомъ въ жертву одной, и кромѣ того, по извѣстной методѣ романтиковъ, нашпигованы самою не натураль-

ною добродѣтелью. Мы смѣемъ думать, что такая добродѣтель и повредила въ особенностяхъ пьесъ. — Окружите этого страшнаго живаго мертвеца не лицами безъ образовъ, но живыми личностями, въ драмѣ будетъ примиреніе, т. е. гармонія: дайте имъ хоть мелкія страстишки, вы поймете тогда, что всякая страсть можетъ въ душѣ человѣка дойти до того, чтобы опутать сѣтями всю ее, а то вѣдь этотъ ходячій трупъ непонятное явленіе среди людей абстрактно-добрыхъ и абстрактно-честныхъ.

Водевиль — *Красноярскій купецъ* — французскій вздоръ, переложенный нелѣпо на русскіе нравы. Все дѣло въ томъ, что одна молодая дѣвушка, достающая себѣ пропитаніе живописью, (какъ это по-русски!) ждетъ изъ Сибири дядю, который пропалъ безъ вѣсти и не хочетъ отдать руки и сердца, богатому барину, именно за то, что онъ богатъ. Сей послѣдній подговариваетъ Красноярскаго прикащика назваться ея дядей и выдать себя за миллионщика и т. д. Мартыновъ игралъ роль прикащика и былъ, разумѣется, очень хорошъ, только самая роль, къ несчастію, не въ его родѣ и потому какъ то не шла къ нему. Г. Марковецкій былъ удивительно наивенъ и смѣшенъ въ этой пьесѣ.

Удружили сосѣдъ сосѣду — пустѣйшій фарсъ, въ которомъ есть однако типическое лицо хохла-половаго, художнически вѣрно представленное г. Григорьевымъ 2-мъ. Игра Мартынова была превосходна и въ этой пьесѣ; мы дивились разнообразію таланта гениальнаго артиста и душевно радовались тому, что онъ, не уставая, идетъ все впередъ и впередъ.

5) Г. Каратыгинъ 1-й въ роли Иголкина. Превосходный характеръ Иголкина, къ сожалѣнію, окруженный самыми пошлыми лицами по методу романтиковъ, какъ будто нарочно написанъ для Каратыгина. Съ перваго до послѣдняго слова мы были въ благоговѣйномъ изумленіи отъ нашего трагика; въ особенности же игра его поражала насъ съ той сцены, когда онъ садится читать библію; видъ, посадка, поправление очковъ — все это было верхъ совершенства. — А сеча съ солдатами? а торжество челоуѣка, исполнившаго свой долгъ? а приготовленіе къ смерти, и замрающія тихомъ шепотомъ слова: *готово сердце мое, готово, Боже?* а чтеніе письма отъ родныхъ и, наконецъ, простота тона въ отвѣтъ Карлу XII: *Русская, Ваше Величество....* Все исполненіе было вполне достойно нашего великаго В. А.

6) *Бенефисъ* г-жи Валберховой. МАТЕРИНСКОЕ ВЛАГОСЛОВЕНІЕ. драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. La Nouvelle Fanchon дѣлала фуроръ и въ Парижѣ и въ Петербургѣ, при игрѣ г-жи Альберъ

и въ Москвѣ даже, при игрѣ г-жи Шамберн. Автору этой статьи удалось видѣть только М-ше Шамберн въ этой драмѣ, и хотя она произвела на него очень сильное впечатлѣніе, но онъ ожидалъ однако, что г-жа Самойлова 1-я сгладитъ это впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, этого не случилось; роль не шла нашей даровитой артисткѣ, — она была очень мила въ первомъ актѣ, но въ сценѣ съ Андре, во второмъ, была она холодна; — самая молитва выдалась какъ то слишкомъ эффектно. Савойскія пѣсни, въ третьемъ отдѣленіи, не произвели даже впечатлѣнія, именно отъ того, что въ нихъ не было ничего Савойскаго. Сцены безумія, въ четвертомъ, тоже были слишкомъ переиграны: превосходная баллада Варламова — *безумная*, разумеется, произвела фуроре, но она какъ-то не клеилась къ положенію, и, да проститъ намъ — милая артистка — была свѣта свѣтъ черезъ-чуръ эффектно.... Г. Григорьевъ 1-й былъ очень дурень въ роли отца, г. Марковецкій еще хуже въ роли Пьерро, изъ котораго онъ сдѣлалъ чуть не идиота.

Сынъ Венеціанскаго разбойника — исполнѣннѣйшій изъ водевилей, который по всякому здравому смыслу долженъ бы кончиться смертною казнью одного изъ лицъ — ибо авторъ не умѣлъ выпутать этого лица изъ его довольно труднаго положенія. Мартышовъ, разумеется, смѣшилъ до упаду; гг. Григорьевъ 1-й и Смирновъ 1-й; были очень хороши.

Сейчасъ Старичковыхъ, старая возобновленная драма, прошла очень тихо, не смотря на высокохудожественную игру г. Каратыгина 1-го. О прочихъ лицахъ право сказать нечего. Замѣтимъ только, что въ этой старой ~~слезной~~ ~~штукѣ~~ участвовалъ также и г. *Славинъ*; о которомъ мы въ послѣдній разъ хотимъ поговорить съ публикою. Вѣроятно, никто еще не забылъ первыхъ блистательныхъ дебютовъ этого артиста, восторженныхъ статей «Сѣверной Пчелы» и слишкомъ благосклоннаго приема, сдѣланнаго ему петербургскою публикою. Не странно ли послѣ этого, что артистъ, имѣвшій огромный успѣхъ въ Гамлетѣ и Финѣ, играетъ роли резонеровъ и благородныхъ людей, не многимъ право отличающіяся отъ такъ называемыхъ ролей на *выходѣ*; не вдвое ли страннѣе то, что та же самая Сѣверная Пчела, восторгавшаяся г. Славинымъ, нынѣ упрекаетъ насъ за какое-то пристрастіе къ артисту, подававшему такіа блистательныя надежды, взводитъ на насъ уже что-то въ родѣ кумовства — ибо кумовство, по понятіямъ этой газеты, заходитъ даже и въ литературу. Напоминаемъ ей ея собственныя рецензіи. — Мы

никогда не находили г. Славина выше г. Каратыгина, мы видѣли въ немъ всегда и постоянно только талантливаго артиста, владеющаго прекрасными средствами успѣха, и намъ было всегда искренно жаль, что мы не можемъ отъ него даже требовать прогресса, ибо видимъ его въ роляхъ, недостойныхъ его таланта. Сыграй онъ теперь Гамлета или Кина, мы бы первые требовали отъ него больше, несравненно больше того, что нравилось Сѣверной Пчелѣ, отъ чего приходила въ восторгъ провинція. — но все-таки скажемъ искренно и прямо, что признаемъ въ г. Славинѣ большой и даже очень большой талантъ.

7) Въ возобновленномъ водевилѣ: влюбленный рекрутъ или поддѣрная швейцарія, являлись двѣ милыя надежды нашего театра г-жа Жулева (въ роли Рутли) и г-жа Розанова (въ роли Гринлиц). Всего труднѣе произносить мнѣніе о талантахъ, не только еще несозрѣвшихъ но даже нераспустившихся, — но между тѣмъ, какъ ни ошибочно, можетъ быть, первое впечатлѣніе, мы поневолѣ должны къ нему прибѣгнуть и на основаніи его сказать вотъ что: — г-жѣ Розановой мы осмѣливаемся пророчить слишкомъ блестящую будущиость, которой порукою служитъ даже ея граціозная застѣнчивость, за г-жу Жулеву — мы боимся... впрочемъ разумѣется, это — только наше мнѣніе.

8) Въ числѣ событій, относящихся къ театральной области, мы должны отмѣтить появленіе съ нѣкотораго времени въ *Иллюстраціи* рецензій о театрѣ, рецензій слишкомъ замѣчательныхъ, чтобы можно было умолчать о нихъ. Съ перваго взгляда видно, что статьи эти пишутся не однимъ изъ литературныхъ гайдамаковъ и паѣздниковъ, которые быются изо всѣхъ силъ для того только, чтобы, ради казацкой удали, сказать чтонибудь новое, хотя бы новое это было страшнымъ абсурдомъ, которые лаютъ на всякій авторитетъ, и такъ же скоро разрушаютъ, какъ и создаютъ новые авторитеты. Статьи *Иллюстраціи* не таковы; они не щеголяютъ брабью на г. Каратыгина, не испещряются площадными и направленными на личность калямбурами, — видно, напротивъ, что онѣ пишутся съ чистой любовью къ дѣлу, и больше еще — съ знаніемъ дѣла, слишкомъ фундаментальнымъ, хотя и одностороннимъ. — Односторонность увлекаетъ часто рецензента *Иллюстраціи* къ парадоксамъ, но съ этими парадоксами стоитъ, по крайней мѣрѣ, спорить, — хотя иногда онѣ слишкомъ рѣзки. Въ числѣ этихъ парадоксовъ замѣчательны въ особенности: 1) мнѣніе рецензента о г-жѣ Плессв; — 2) взглядъ его на Шекспировскаго Гамлета, и 3) желаніе, чтобы г. Самой-

ловъ игралъ Хлестакова и Фамусова. Соглашаясь съ почтеннымъ рецензентомъ очень во многомъ, мы считаемъ обязанностью устроить себя передъ публикою отъ всякаго сходства въ его литературныхъ и сценическихъ ересьяхъ. О г жѣ Плесси мы не скажемъ ни слова — талантъ артистки этой такъ громадець, что не требуетъ защиты, впечатлѣніе, производимое ея игрою, почти равно съ впечатлѣніемъ отъ пѣнія Рубинн. Г. Самойлова мы цѣнимъ слишкомъ высоко сами, но тѣмъ не менѣе, даже прося его играть *Ричарда III*-го скажемъ, что ампула его — роли поддѣлки, типы *исключительные*, а не общіе, каковъ Хлестаковъ, котораго частица найдется, можетъ быть, въ каждомъ изъ насъ грѣшныхъ, каковъ Фамусовъ — представитель идеи московскаго барства. Г. Самойловъ въ высшей степени способенъ воспроизвести *историческій образъ*, образъ, напримѣръ, Ришелье, Ричарда III-го, юродиваго (въ Ляпуновѣ), но въ самомъ историческомъ этомъ образѣ — онъ не выставитъ общечеловѣческой идеи, онъ будетъ *копией*, но не *созпроизведениемъ*. Сравните только игру его и игру г. Мартынова въ роляхъ, почти одинаковыхъ — въ роляхъ стариковъ напримѣръ: старикъ, создаваемый г. Самойловымъ *могли существовать*, даже, можетъ быть, вы когда нибудь ихъ и *видѣли*, — стариковъ, воспроизводимыхъ геніальнымъ Мартыновымъ *вы видали*, они существуютъ — вотъ и вся разница игры обонхъ артистовъ, разница, какъ вы видите, не большая во времени глагола, — но въ слѣдствіе этой то разницы, вы холодно удивляетесь рыданіямъ стараго музыканта (въ драмѣ *Музыкантъ и Княгиня*) и плачете съ гадкимъ, разрюмившимся старикомъ въ водевилѣ: *Что импелъ не хранимъ*; — вы будете въ восторгѣ отъ вѣрности историческаго образа Сенъ-Вальс, — но вы вздрогнете, если только не вскопите съ мѣста отъ послѣдней сцены *Кащей*.... Теперь обратимся къ третьей ереси рецензента Иллюстраціи, къ его взгляду на Гамлета, въ которомъ особенно ярко выдвигаются слѣдующія два предположенія: 1) что Шекспиръ имѣлъ въ виду сдѣлать Гамлета дѣйствительно-сумасшедшимъ, и что въ противномъ случаѣ, драма была бы недостойна Шекспира, — 2) что Офелія гибнетъ жертвою собственнаго проступка.... Въ отношеніи къ первому предположенію, замѣтимъ мы только то, что сумасшедшіе — суть лица *невмѣлемыя* по выраженію криминалистики, — а что у Шекспира люди всегда гибнутъ сами отъ себя, а не отъ судьбы: Безвольный, умбующій только притвориться сумасшедшимъ, да и то не всегда, — Гамлетъ,

гораздо болѣе носить въ себѣ зачатковъ собственной гибели, нежели Гамлетъ сумасшедшій; совершенное безспіе воли и составляетъ причину того, что Гамлетъ по преимуществу драма XIX вѣка. — Чтобы понять Гамлета Шекспировскаго, надобно только прочесть Гамлета XIX вѣка — Сенанкурова *Оберманна*. Что касается до Офеліи, то рѣшительно нигдѣ не видать, чтобы она страдала за проступокъ, т. е. за чувственную связь съ Гамлетомъ, — напротивъ, въ ней видна вездѣ и повсюду чистота и невинность такія, что вы невольно удивляетесь вѣрности заключенія Жоржа Санды — *que l'extreme innocence ressemble à une extreme depravation*. Лаэртъ ей говоритъ, что говорится на пряжки, объ опасностяхъ любви Гамлета, а она ему отвѣчаетъ милою шуткою:

Совѣтъ хорошъ — я вѣрю, но любезный братъ

и т. д.

Гамлетъ обращается къ ней съ просьбою прикоснуться къ ея колѣнамъ (выраженіе подлинника гораздо погрубѣе), а она ему отвѣчаетъ: «*Можно, Принцъ!*» Согласитесь, что такъ отвѣчать можетъ только или самая дѣвственная чистота, или самый опытный развратъ; но Шекспиръ, по-крайней мѣрѣ не снабдилъ мѣднымъ лбомъ своей слабой, зѣирной Офеліи, Почтеннѣйшій г. рецензентъ возразить намъ на это непристойными пѣснями, которыя поетъ безумная Офелія въ оригиналѣ. А знаете ли, какъ достались ей эти пѣсни? Когда то она ихъ слышала на улицѣ, можетъ быть, не понимая ихъ значенія, онѣ ударяли, такъ сказать, въ ея слухъ и отдались во время безумія. Эти пѣсни — ореола вокругъ ея молодого, дѣвственнаго чела, — еслибы онѣ выходили изъ устъ ея съ сознаниемъ, то были ли бы въ ней безуміе и страсть такъ очаровательны, какъ говоритъ Лаэртъ?... На основаніи такихъ понятій о женщинѣ, вѣдь точно также можно заключить, пожалуй, что Дездемона кокетка, потому что со всею чистотой души безъ упрека, души, полной любви къ суровому Отелло, пристааетъ къ нему съ просьбами за Кассіо; — но заключать можно все, что угодно, а Шекспировскія женщины все-таки останутся тѣмъ, что онѣ у Шекспира, что онѣ у матери природы, т. е. или чудовищами, болѣе мужчицъ не знающими предѣловъ, или легкими, воздушными, чистыми тѣнями, образами, слегка начертанными въ воздухъ, окруженными ореолою свѣта и благоуханія. Dixi. Мнѣніе автора этой

статьи о характерѣ самаго Гамлета, хотя вовсе не новое, извѣстно (онъ осмѣливается льстить себя этой надеждою) читателямъ «Репертуара» по небольшой этюдѣ — *Гамлетъ на одномъ провинціальномъ театрѣ*; здѣсь онъ счелъ своей обязанностью высказать то только, на что намекнулъ довольно неясно въ своей прежней статьѣ.

9) уголюю. Тяжкая и непріятная для насъ всегда обязанность, говорить о большей части вѣсь покойнаго Н. А. Полѣваго, котораго заслуги и талантъ цѣнимъ мы слишкомъ высоко, котораго «Телеграфъ» толкалъ впередъ все молодое, благородное, чело-вѣческое — обязанность эта въ настоящую минуту вдвое тяжелѣе, потому что мы недовольны были В. А. Каратыгиннымъ. Избавляемъ себя отъ этой обязанности, замѣтивши только, что г-жа Самойлова 2-я была дивно-хороша въ Вероникѣ.

10) *Бенефисъ* г-жи Самойловой 1-й. дочь втораго полка, оперетка, музыка Дондзетти. Марія—г-жа Самойлова 1-я, Трульонъ—г. Григорьевъ 1-й, — Антуанъ — г. Самойловъ, — Управитель г. Мартыновъ.—Опера Дондзетти, обращенная въ маленькую оперетку и естественно приепопобленная къ условіямъ Александринской сцены, вовсе ничего не потеряла отъ этого. Еще наканунѣ этого спектакля, мы видѣли *Figlia del regimento* у Итальянцевъ, и признаемъ откровенно, за исключеніемъ Тамбурина, остались весьма недовольны ея исполненіемъ. Г-жа Самойлова 1-я, не только игрой, но даже и пѣніемъ своимъ, произвела на насъ больше впечатлѣнія, чѣмъ г-жа Марра; отъ начала до конца, она была истинно-прекрасна: рѣзкій топъ, грубая, но нелишенная граціозности ухватки, наивность дѣвочки—все это было передано такъ, какъ только одна г-жа Самойлова 1-я можетъ это передать. Особенное впечатлѣніе произвели на публику—дуэтъ съ Антуанемъ и полковая пѣсня въ 1-мъ актѣ, — и романсъ, переходящій въ тужу полковую пѣсню, во 2-мъ.... Движеніе г-жи Самойловой 1-й при звукахъ военнаго марша ея полка — было *plus ultra* естественности. Гг. Григорьевъ, Самойловъ и неподражаемый Мартыновъ были чрезвычайно хороши; благодаря игрѣ г-жи Самойловой 1-й и участію этихъ трехъ артистовъ, миленькая оперетка удержится, кажется, на нашей сценѣ.

Передъ опереткою шелъ нелѣпый фарсъ *Притягательная сила* (*La femme électrique*), почти ошпанннй публикою, не смотря на то, что гг. Мартыновъ и Марковецкій были въ немъ превосходны. — Послѣ же оперетки тянулась комедія: «20-лѣтній опе-кунъ», въ которомъ г-жа Самойлова 1-я явилась совершенно въ

другой роли и была граціозна, наивна, блабородна.... Къ-сожалѣнію, всѣ другія роли, за исключеніемъ роли Мартынова, разыгрывались какъ-то вяло, и образцовая игра двухъ лицъ не спасла хорошенькой, но дурно обставленной комедіи.

11) *Велизарій*. Упоминаемъ объ этомъ представленіи не для того, чтобы восхищаться снова нашимъ великимъ трагикомъ, которымъ роль Велизарія исполняется всегда съ изумительнымъ совершенствомъ, — но для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о г. *Славинъ*, тѣмъ съ большимъ правомъ, что единодушныя рукоплесканія всей публики и двукратный вызовъ его могутъ служить лучшимъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія объ этомъ даровитомъ артистѣ. И дѣйствительно, въ роли *Аламира*, въ которой умѣлъ быть нестерпимо-дурнымъ г. *Александровъ*, въ этой роли, выступающей изъ ряда обыкновенныхъ *благородныхъ* ролей выпадающихъ почему-то, къ-сожалѣнію, на долю талантливаго артиста Славина, онъ выказалъ тѣже самыя, смѣло скажемъ, блестящія средства; которыя въ прошломъ году возбудили такъ сильно общее участіе и завидное расположеніе къ нему петербургской публики. *Средства*, говоримъ мы, ибо что же инаго можетъ выказать артистъ въ роли, которая ниже его таланта.... Только игра его и г-жи Дюръ и соответствовала игрѣ г. Каратыгина.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

II.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

а) Французскіе спектакли.

1) LE DÉPIT AMOUREUX (Любовная досада); L'ÉCOLE DES FEMMES (школа женщин); LES PRÉCIEUSES RIDICULES, comedies de *Moliere*.

Собирать разсѣянные по міру мысли и давать имъ форму—есть назначеніе гениевъ. Что Гомеръ сдѣлалъ для героическихъ пѣсенъ Греціи, а Данте для католическихъ преданій среднихъ вѣковъ, то сдѣлалъ Мольеръ для для всемірнаго разума: онъ собралъ все, что могло составить полную картину жизни человѣческой. Не одинъ законодатель не очерчивалъ съ такою психологическою вѣрностію обязанности супруговъ, отцовъ семейства и дѣтей; никогда, ни однимъ словомъ, не противорѣчилъ онъ тѣмъ законамъ, на которыхъ должны основываться общественный порядокъ и общественное счастье. Заслуги Мольера, какъ моралиста, достойны Пантеона. Не мѣсто здѣсь говорить объ заслугахъ этихъ, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сказать о немъ хотя нѣсколько словъ. Да простятъ намъ читатели слишкомъ частое возвращеніе къ Мольеру, но мы такъ истомлены эфемерными водевилями, эффектными мелодрамами, что ради встрѣчи съ комедіей великаго мастера, какъ путникъ, свѣтлому оазису.

Три поименованныя пьесы даны были не вмѣстѣ, но мы соединили ихъ подъ одну рубрику, потому что прочія, дававшіяся съ ними, были уже разбираемы въ нашемъ журналѣ.

Въ *Dépit amoureux* Мольеръ въ первый разъ попробовалъ коснуться сердца человѣческаго, и эта попытка вполне удалась ему. Любовь не имѣла тайнъ для Мольера; онъ прочелъ всѣ страницы этой книги. *Le Dépit amoureux* представляетъ намъ любовь со всѣми ея причудами и странностями, сладкими несчастіями и милыми ссорами, главнымъ же основаніемъ комедіи служитъ ревность. Комедія эта состоитъ изъ пяти актовъ и игралась въ первый разъ въ 1654 году, въ Безьерѣ, у князя Конти, друга и

школьнаго товарища Мольера; теперь рѣдко даютъ ее вполнѣ. На Французскомъ-Театрѣ (Comedie Francaise) въ Парижѣ играютъ только два акта, а у насъ одинъ. Говорятъ, что Мольеръ заимствовалъ содержаніе ея у Итальянцевъ, и даже цитируютъ сочиненія, служившія ему образцами: *La creduto maschio* (Подложная дѣвушка) и *Gli segni amorosi* (Любовныя досады).

Les précieuses ridicules есть первый шагъ Мольера на блестящемъ поприщѣ, усыпайномъ, такъ сказать, образцовыми произведеніями, въ которыхъ онъ достигъ, если не до предѣловъ искусства, потому что искусство безконечно, то, по крайней мѣрѣ, до возможныхъ грапей его. Комедія эта осмѣиваетъ странности и претензіи современныхъ Мольеру женщинъ; она возстановила противъ своего автора многихъ современниковъ, между которыми были литераторы. — У насъ *Les Précieuses ridicules* давались въ бенефисъ Г-на Варле, и бенефициантъ выполненіемъ своей роли заслужилъ всеобщее одобреніе.

L'école des femmes недавно переведена на русскій языкъ и, вѣроятно, будетъ даваться на нашей русской сценѣ. Въ этой комедіи моралистъ хотѣлъ доказать, что для того, чтобы сохранить любовь женщины, не только умной и опытной, но даже простоватой и невинной, не надо держать ее въ заперти, ибо рано или поздно любовь отопретъ замки, отодвинетъ засовы,

«Et donneras de l'esprit à la plus innocente.»

Мы должны отдать справедливость нашей французской труппѣ; Мольеровскія комедіи выполняются ею прекрасно. Не говоря уже о г-жѣ *Плесси*, для которой доступны всѣ самыя сокровенныя тайны искусства, мы должны упомянуть о г-нѣ Варле и особенно о г-жѣ *Варле*.

Г-жа *Варле* до сихъ поръ еще не оцѣнена нашею публикою, а между тѣмъ она владѣетъ весьма замѣчательнымъ дарованіемъ. Лучшимъ доказательствомъ ея дарованія можетъ служить то, что она была *Sociétaire du 1-er Theatre Français* въ Парижѣ. Чтобы достигнуть этой чести, надо выйти изъ ряда обыкновенныхъ сценическихъ дарованій, создать нѣсколько ролей, заслужить любовь публики и одобреніе журналовъ; согласитесь, что это не легко. Г-жа *Варле* особенно хороша въ роляхъ субретокъ старинныхъ французскихъ комедій. Можетъ быть, типъ этотъ не совсемъ понятенъ нашей публикѣ, но кто же виновать въ этомъ?... Есть даже такіе люди, которые не понимаютъ, что находятъ въ Мольерѣ... такого особеннаго? (!)... Неудивительно послѣ этого, что для нихъ непонятенъ типъ Мольеровской субретки.

БЕНФИКСЪ Г-НА А. РУЖЕ

и первый дебютъ дль. Ирма Обри: (Mlle Irma Aubry); бывшей артистки Парижскаго Театра: *Gymnase-Dramatique*.

LE VICOMTE DE LETORIERE (Виконтъ де Латорьеръ), vaudeville en 3 actes. — CLEMENCE OU LA FILLE DE L'AVOCAT (Дочь адвоката), comédie en 2 actes.

«Виконтъ де-Латорьеръ» очень веселый и забавный водевилъ; вотъ вамъ его содержаніе:

Виконтъ де-Латорьеръ хорошъ, какъ пажъ Херубинъ, умецъ, какъ Пико де-ла-Мирандола, и благородецъ, какъ Монморанси, но не смотря на столько преимуществъ, онъ бѣденъ, какъ Лазарь, и принужденъ жить на чердакѣ, вмѣстѣ съ старикомъ учителемъ своимъ, который любитъ его безъ памяти и продаетъ свой праздничный кафтанъ, чтобы купить завтракъ своему воспитаннику. У Виконта есть тяжба съ однимъ изъ его кузеновъ, глупымъ и самодовольнымъ человѣкомъ, который не только что хочетъ отнять у героя нашего наслѣдство въ два милліона, но старается отбить у него и невѣсту. Чтобы одержать верхъ надъ соперникомъ своимъ, Виконту надо преодолѣть много трудностей: во 1-хъ добыть себѣ новое платье, безъ котораго ему нельзя явиться въ парламентъ; во 2-хъ склонить на свою сторону того изъ совѣтниковъ парламента, которому поручена тяжба; въ 3-хъ понравится маршалу Субизу, дядѣ своей возлюбленной. Первый подвигъ герой нашъ совершилъ безъ труда; вмѣсто того, чтобы обратиться къ портному, онъ обратился къ хорошенькой жепѣ его, и добылъ себѣ великолѣпнѣйшій костюмъ. Совершить второй подвигъ былъ не такъ легко, потому что совѣтникъ парламента былъ преданъ его сопернику и слылъ неподкупнымъ и правдивымъ человѣкомъ.

Къ счастью Виконта, у парламентакаго совѣтника есть горбатая племянница и библіотека древнихъ классиковъ; герой нашъ употребляетъ оба обстоятельства въ свою пользу. Это можетъ показаться вамъ удивительнымъ, но слушайте далѣе, и вы увидите, что ничего нѣтъ проще. Мать горбатой племянницы совѣтника, т. е. сестра его, по врожденной всемъ матерямъ страсти выдавать за мужъ уродливыхъ дочерей, беретъ подъ свое покровительство молодого Виконта, какъ единственнаго человѣка, восхищающагося красотою ея дочери. Благодаря этому покровительству, Виконту удается добраться и до библіотеки и открыть,

что въ переплетахъ ея, вмѣсто глубокомысленныхъ изреченій старыхъ мудрецовъ, заключены флаги со старымъ виномъ и что имена Цицеронсъ, Требовіановъ, Плиніевъ и Платоновъ прикрываютъ собою мадеру, ромъ, кипрское и французскую водку. Узнавъ, что совѣтникъ по почамъ занимается въ своей библиотекѣ, Виконтъ является туда въ полночь, и застаётъ его за четвертой главой Требовіана, т. е. за четвертою чаркою рома. Застигнутый въ расплахъ, совѣтникъ поповолѣ признается во всемъ молодому Виконту, который съ помощію жены портнаго, имѣющей, по неизвѣстнымъ причинамъ, большую власть надъ совѣтникомъ, до того наполняетъ его всякою мудростію, что онъ совершенно пьянѣетъ отъ нея и соглашается рѣшить тяжбу въ его пользу. Итѣкъ, остается склонить на свою сторону маршала Субиза, и торжество Виконта будетъ полное. Для этого онъ вызываетъ на дуэль своего кузена и позволяетъ равнѣ себя. Супруга маршала проѣзжаетъ мимо мѣста битвы и находитъ героя нашего плавающимъ въ крови. Тронутая несчастіемъ и красотою Виконта, она привозитъ его въ свою отель и рачастъ ему ласки и попеченія; герой нашъ приходитъ въ себя, но явившійся отецъ цекстата кузень, рассказываетъ о дуэли, и ихъ обоихъ требуютъ на судъ маршаловъ. Чтобы выпутаться изъ этого новаго затрудненія, Виконтъ льститъ маршалу, говоря съ нимъ о его военныхъ подвигахъ. Судъ кончается арестованіемъ кузена, который проигрываетъ сверхъ того тяжбу и невѣсту.

Піеса была разыграна прекрасно; особенно хороши были: г-нъ Доделъ, въ роли совѣтника и г-жа Алланъ, въ роли жены портнаго. Въ первый разъ случилось намъ видѣть г-жу Алланъ въ такой роли, и признаемся, мы не ожидали, чтобы герцогиня Мальборо могла такъ удачно травестироваться. Дебютанка исполнила роль Виконта, которую она играла уже въ Парижѣ; мы не рѣшаемся высказать мнѣніе наше о ней теперь и подождемъ слѣдующихъ дебютовъ. Бенефициантъ занималъ довольно незначительную роль, но не смотря, на это былъ прекрасно принятъ публикою.

Дочь Адвоката давно уже извѣстна публикѣ. Піеса эта принадлежитъ перу г-жи Ансло (Anselot) и по нашему мнѣнію, это одна изъ неудачнѣйшихъ ея піесъ. Лице адвоката очерчено мастерски, но за то всѣ прочія лица пожертвованы главному, піеса растянута, наполнена неизмѣримо-длинными монологами, что дѣлаетъ ее утомительною, не смотря на интересъ интриги.

Г-нъ Алланъ въ роли адвоката былъ очень хорошъ. Г-жа Плесси занимала благодарную роль.

БЕНЕФИЦЪ Г-НА Г. ВАРЛЕ.

LE NAUFRAGE DE LA MÉDUSE (Кораблекрушеніе фрегата Медузы), melodrame en cinq actes. — LES PRÉCIEUSES RIDICULES, comédie de Molière.

Вѣроятно всѣ читатели наши знаютъ страшную исторію гибели французскаго фрегата Медузы, которую обезсмертила кисть одного изъ лучшихъ французскихъ живописцевъ и о которой говорили всѣ современные газеты и журналы. Изъ этой то исторіи вздумалось двумъ драматургамъ сдѣлать мелодраму, и мелодрама вышла вполне эффектная; въ ней есть и abordage, и brand-scugeli, и бури, и даже кораблекрушеніе! Драма поставлена прекрасно, а сцена кораблекрушенія, снятая съ упомянутой уже нами картины, такъ близка къ природѣ, какъ только можетъ быть близка къ ней подобная сцена.

О литературныхъ достоинствахъ этой пьесы мы умолчимъ, et pour cause, что же касается исполненія, то мы особенно должны благодарить Гг. Руже и Готи, за вѣрное и отчетливое выполненіе занимаемыхъ ими ролей.

О комедіи Мольера *les Précieuses ridicules* мы говорили выше.

БЕНЕФИЦЪ ГЛАВНАГО РЕЖИССЕРА ФРАНЦУЗСКОЙ ТРУППЫ, Г-НА ПЕЙСАРА.

1) L'HONNEUR CASTILLAN (Кастильская честь), drame. 2) L'ENFANT DU CARNAVAL (Дитя масленицы), vaudeville en deux actes avec un prologue. 3) LES TROIS SULTANES (Три султанши), comédie en trois actes, entremêlé de danses.

L'honneur Castillan, есть ничто иное, какъ пятый актъ знаменитой драмы Виктора Гюго. — *Hernani*. Драма эта изобилуетъ горячими возвышенными лирическими чувствами, но, къ несчастію, зиждится на чисто-фантастическомъ данномъ, и потому походить скорѣе на балладу, нежели на драму. Фанатически-религіозное вѣрованіе въ клятву, заставляющее Гернани отравиться въ самую счастливую минуту его жизни, конечно, очень странно; но какъ бы то ни было, однако же пьеса имѣетъ много достоинствъ; характеры обаятельны даже въ самой ихъ идеализаціи. Драма Виктора Гюго есть драма воображенія; онъ занялъ ее у испан-

скихъ романсеросовъ, точно также, какъ нѣкогда отецъ новой драмы, Шекспиръ, занявъ у итальянскихъ хроникъ трогательную исторію Веронскихъ любовниковъ.

Образъ донья Соль, нѣжнаго, любящаго и преданнаго созданія, дышитъ непреодолимою прелестью.... будить первые сны нашего сердца. Эта роль, лучше другихъ выдержанная, отдѣляетъ всю піесу г-на Гюго, какъ бѣлая гирлянда, лежащая на черной зелени кипорисовъ. Геряни и довь-Рюи де-Сильва, олицетвореніе юношеской страсти и страсти шестидесятилѣтняго старика, соединяютъ въ себѣ всѣ желанія и сожалѣнія, всѣ радости и печали, всѣ порывы гнѣва и бѣшенства, этихъ двухъ противоположныхъ возрастовъ. Характеръ Карла V довольно вѣренъ, въ немъ легко узнать юношу, промѣнявшаго свою молодую, полную любви и предпріятій жизнь, на честолюбіе и корру, сердце на холодный гербъ, любимыхъ женщинъ на Германію, Францію и Испанію.

Роль Геряни занималъ г. Бертонъ, роль донъ Рюи Гомеза г. Удино, роль доньи Соль г-жа Плесси. Г-нъ Бертонъ былъ недурень, г. Удино слабъ, г-жа Плесси прекрасна по обыкновенію. Сцена отравленія, трудная по длиннотѣ своей, была исполнена г-жою Плесси съ возможнымъ совершенствомъ; наше удивленіе къ этой артисткѣ возрастаетъ съ каждой новою ея ролью. Упомянутая нами сцена была сыграна съ увлеченіемъ и притомъ съ полнымъ сознаніемъ роли — вещь для насъ необъяснимая!

L'enfant du carnaval чрезвычайно-забавный фарсъ, въ которомъ Гг. Додель и Верне смѣшати до слезъ; мы увѣрены, что эта піеса сдѣлается одной изъ любимѣйшихъ піесъ нашей публики.

Les trois Sultanes старая піеса, писанная, вѣроятно, для какой нибудь актрисы. Г-жа Плесси въ роли Француженки была настоящей Француженкой, г-жа Алланъ въ роли Испанки сдѣлала для нея все, что могла; г-жа Пажъ занимала незначительную роль и довольно неудачно спѣла какую то итальянскую арію Каррафы.

Театръ былъ полнехонекъ!

В. ПЕТРОВЪ.

в) Русские спектакли.

(Сообщено).

22-го ноября.

Дѣвица Отшельница (роль Габриели занимала г-жа *Лаврова*);
Влюбленный рекрутъ (роль Рутли занимала воеп. *Жулева*, роль
Кетли г-жа *Розанова*).

Мы видѣли г-жу *Лаврову* въ первыхъ двухъ ея дебютахъ, въ роляхъ Мирандолины (Мирандоллина) и Александры Егоровны (Рускіе въ Баденѣ). Небольшая еще непривычка къ сценѣ, какъ бы нѣкоторая пеловкость, мѣшали ей нѣсколько; въ игрѣ ея видна была заученность и аффектація, было мало простоты, вообще замѣтна было натянутость разговора и жестовъ. Но все это истребилось при третьемъ ея дебютѣ. Роль Дѣвицы Отшельницы сыграла она *прекрасно*, такъ что даже опасное соперничество въ этой роли съ неравненной *Н. В. Самойловой* не только ни мало ей не повредило, но даже смѣлая и обдуманная игра ея послѣ такой даровитой артистки, много говорила въ ея пользу. Куплеты были спѣты очень мило, и многіе изъ нихъ были даже повторены единодушнымъ требованіемъ публики. Вообще теперь о г-жѣ *Лавровой* можно произнести рѣшительное и точное сужденіе: талантъ въ ней несомпѣнно есть, отъ нея зависитъ быть украшеніемъ нашей сцены и не переставать ревностно идти тѣмъ же путемъ, который несомпѣнно приведетъ ее въ храмъ извѣстности и — славы.

Влюбленный рекрутъ. То же, что сказали о г-жѣ *Лавровой*, можно повторить и о *Жулевой*, игравшей тутъ мужскую роль рекрута Рутли, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что у г-жи *Лавровой* уже виднѣнъ талантъ и дарованіе, а отъ г-жи *Жулевой* еще зависитъ пріобрѣсти ихъ. Она имѣетъ все средства, чтобы быть хорошей актрисой. Главное только, ей не нужно имѣть высокое понятіе о своемъ талантѣ, а напротивъ, должно постояннымъ изученіемъ и вниманіемъ стараться пріобрѣсти и развитъ его. Въ игрѣ ея замѣтна уже теперь какая-то небрежность и невниманіе; что же можетъ быть послѣ, если она будетъ продолжать слушать увѣренія о ея дарованіи. Мы постоянно слѣдили за ея

игрой во время прежнихъ ея дебютовъ, и вездѣ должны отдать передъ нею преимущество г-жѣ Розановой, съ которой она почти всегда играетъ. Такъ, на-примѣръ, въ «Новичкахъ любви» (роли Полянки и Варипьки), въ «Вѣчномъ Жидѣ» (роли Розы и Бланки), и теперь въ «Влюбленномъ рекрутѣ» (роли Рутли и Кетли). Г-жа Розанова, при очень миленькомъ голоскѣ, обладаетъ еще порядочнымъ дарованіемъ. Въ ней видно стараніе и, главное, усовершенствованіе. Еслибъ не нѣкоторая робость на сценѣ, которая, безъ сомнѣнія, скоро пройдетъ, г-жа Розанова и теперь могла бы часто являться съ большимъ успѣхомъ въ роляхъ молоденькихъ дѣвушекъ, институтокъ и проч.; по нашему мнѣнію, ей бы слѣдовало испытать себя въ роляхъ сиротокъ; мы думаемъ, что она прекрасно передала бы типъ молоденькой вѣтренной служанки-плутовки, въ родѣ Лизы (Горе отъ ума). Я не говорю объ Мольеровскихъ, тамъ требуется бойкости, даже нѣкотораго нахальства; типъ ихъ съ успѣхомъ выполняетъ г-жа Варле на нашей французской сценѣ; но не такихъ бы совѣтывали мы играть г-жѣ Розановой. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующихъ ея ролей, и заранѣе увѣрены, что откроется въ ней новый оттѣнокъ ея изученія и старанія. Что же касается до г-жи Жулевой, то ей совѣтуемъ отъ всей души прилежиѣ заниматься своимъ искусствомъ, и не цѣнить свое дарованіе по нѣкоторымъ хлопаньямъ и вызывамъ партера, который радъ всегда стараться, увидѣвъ на сценѣ новое и хорошенькое личико.

А. АНДРЕЕВЪ.

